

PK
66.1(2)
K83
117673

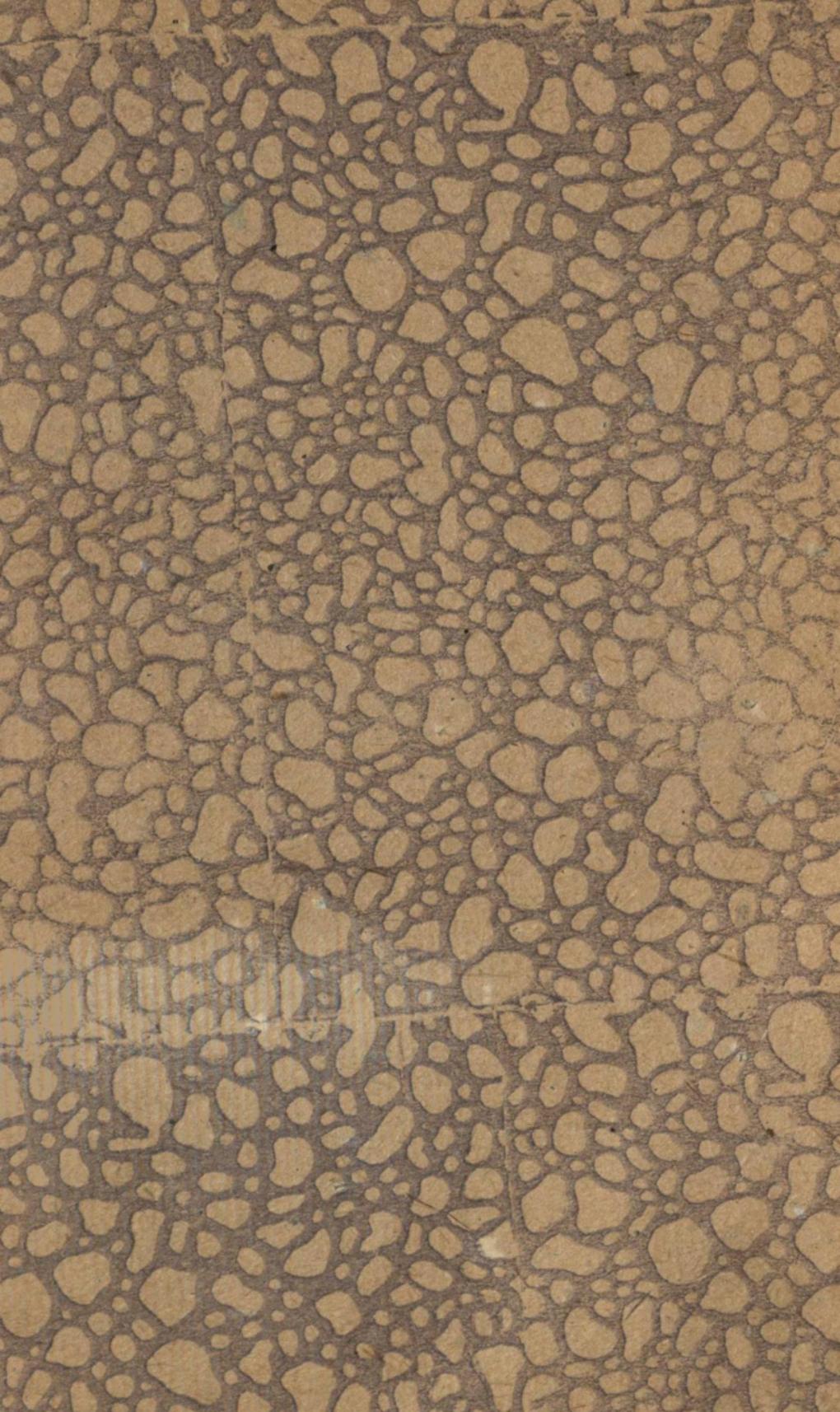

947 | 25440
К83 | ~~24300~~
Записки революционера

на 95-е письмо. Спасибо
за письмо, Марк
"Лев",
"Лев",

25440

~~24300~~
24300

66.1(2)53-195 ТУРГЕНЕВ 66.1
К8

П. КРОПОТКИНЪ.

30.1
К8

ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦІОНЕРА.

ПРОВЕРКА 1928 г.

Переводъ Діонео, съ англійскаго подъ
редакціей автора и съ предисловіемъ
Георга Брандеса.

Стереотипное изданіе.

Книгоиздательство „ГОЛОС ТРУДА“.
ПЕТЕРБУРГЪ. ————— МОСКВА.

1920.

ЧИТАЛЬНА
Библиотека
Г. А. ТУРИЧИНА

25440
~~24300~~

Библиотека

1972 г.

1868 г.

1862 г.

ПРОВЕРКА № 2014

117673

Библиотека-
читальная
им. И.С. Тургенева

ПРЕДИСЛОВИЕ

къ первому русскому изданію.

Многое изъ того, что разсказано въ этой книгѣ, не ново для русскаго читателя; а многое изъ того, что особенно могло бы заинтересовать русскаго, разсказано, можетъ-быть, слишкомъ кратко. Но послѣдніе годы вымиранія крѣпостного права, никогда не казавшагося такъ прочнымъ, какъ въ тѣ годы, затѣмъ эпоха возрожденія Россіи въ шестидесятыхъ годахъ и, наконецъ, послѣдовавшіе затѣмъ «семидесятые годы», годы пробужденія общественной совѣсти среди молодёжи по отношенію къ забытому и обманутому русскому народу,—эти три десятилѣтія такъ знаменательны въ русской жизни и такъ сильно наложили свой отпечатокъ на дальнѣйшую исторію нашей родины, что иногда и мелкая подробность личной жизни или общественнаго настроенія имѣетъ свое значеніе. Въ некоторыхъ случаяхъ она лучше освѣщаетъ эпоху, чѣмъ цѣлые страницы разсужденій.

Притомъ же Россія живеть быстро за послѣднее полстолѣтія. Крѣпостное право и крѣпостные нравы—съ тѣхъ поръ, какъ пронеслись надъ нами шестидесятые годы и прошла полосою очистительная, беспощадная критика нигилизма — какъ будто отошли куда-то очень далеко, въ блѣдную, туманную перспективу временъ. Даже великое движение въ народѣ—забыто и представляется современной молодёжи какимъ-то сказочнымъ, героическимъ періодомъ, который можно толковать такъ же своевольно, какъ и дѣла давно минувшихъ лѣтъ: относясь къ нему то съ чутью не религіознымъ уваженіемъ, то съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ «охранителей порядка».

А между тѣмъ, какъ ни далеко отошло отъ нась, въ исторической перспективѣ, крѣпостное право и его обычаи, какъ ни кажутся намъ забыты крѣпостнически-государственные идеалы, вызвавшіе кровавое усмиреніе возставшей Польши,—наслѣдіе тѣхъ и другихъ еще живо среди нась. Оно не умерло ни въ актахъ правительства, ни даже въ складѣ мысли передовыхъ людей, до сихъ поръ несущей на себѣ слѣды тисковъ крѣпостного государства. Задачи, поставленныя Россіи освобожденіемъ крестьянъ, но брошенныя неразрѣшенными надвинувшеюся реакциєю, стоять и понынѣ, непочатыя, передъ русскою жизнью; а идеалы Николаевщины по сю пору еще стремятся съзнова водвориться въ Россіи.

Громадный шагъ, сдѣланный въ началѣ шестидесятыхъ годовъ уничтоженіемъ личнаго рабства крестьянъ и физического истязанія «непривилегированныхъ» на лобномъ мѣстѣ,—этотъ шагъ, котораго все значеніе могутъ оцѣнить только люди нашего поколѣнія, забывается понемногу. Крѣпостной строй, разбитый въ 1861 году, вернулся снова въ русскую жизнь подъ покровомъ новыхъ мундировъ, но съ тѣми же пріёмами, цѣлями и задачами порабощенія массы въ пользу привилегированныхъ и правящихъ. Идеаль жандармскаго сосредоточеннаго сильнаго государства, который въ 1863 году сплотилъ вокругъ престола, противъ Польши, даже недовольные элементы русского общества — идеаль централистовъ — опять ожила среди нась. Опять онъ увлекаетъ тѣхъ, кто считаетъ себя призваннымъ руководить судьбами Россіи; опять стоитъ онъ на пути развитія мѣстной жизни и мѣстной самостоятельности. И, наконецъ, рабство мысли и работѣ — въ наукѣ передъ авторитетомъ, а въ жизни передъ мундиromъ, которое такъ возмущало лучшихъ людей въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и вызвало рѣзкій протестъ Базарова — вновь оживаетъ среди нась.

И теперь, какъ и тогда, несмотря на несомнѣнное пробужденіе самосознанія среди крестьянъ и городскихъ рабочихъ—даже именно вслѣдствіе того, что вѣками угнетенный крестьянинъ поднимаетъ голову и самъ начинаетъ утверждать свои, доселѣ попранныя права на волю,—снова является тотъ же самый вопросъ передъ всякимъ думающимъ молодымъ человѣкомъ изъ привилегированныхъ классовъ, который мы себѣ ставили тридцать лѣтъ тому назадъ:—«Стану ли я пользоваться своимъ привилегирован-

нымъ положенемъ и, разсматривая дѣло освобожденія крестьянъ и рабочихъ, какъ дѣло ихъ класса, а не моего,— отнесусь ли я равнодушно къ ихъ усиліямъ? Или же, понимая, что прогрессъ въ человѣчествѣ нераздѣленъ, что онъ возможенъ только тогда, когда онъ охватываетъ всѣхъ, и что нищета и угнетенность однихъ ведутъ за собой нищету духа и рабство всѣхъ,—сочту ли я себя простой частицей большого цѣлага и не понесу ли я въ среду народа тѣ знанія, тотъ свѣтъ, ту вѣру въ свободу и освобожденіе, которые позволили мнѣ стать свободнымъ и побудили стражнуть съ себя ярмо предразсудковъ и отказаться отъ наслѣдій рабскаго прошлаго?»

Если эта книга поможетъ кому-нибудь разрѣшить этотъ вопросъ, она достигнетъ своей цѣли.

Еще два слова. Почему такъ случилось, что записки русскаго, преимущественно обѣ русской жизни, пришлось переводить другому съ англійскаго языка, — требуетъ нѣ сколькихъ словъ объясненія.

Началь я писать эти записки, конечно, по-русски. Первая часть—«Дѣтство»—была уже написана, когда я попалъ, осенью 1897 года, въ Америку. Въ Америкѣ я встрѣтился съ очень симпатичнымъ человѣкомъ—Вальтеромъ Пэджемъ, который былъ тогда издателемъ ежемѣсячнаго журнала «Atlantic Monthly». Онъ уговорилъ меня засѣсть сейчасъ же за мои мемуары, кончить ихъ и начать печатать ихъ въ его журналѣ. Я такъ и сдѣлалъ, т.-е. написалъ, опять-таки по-русски, но подробнѣе, чѣмъ здѣсь, мою юность. Затѣмъ для «Atlantic Monthly» я написалъ все это вновь, въ сокращенной формѣ, по-англійски; а потомъ, когда началось печатаніе, я успѣвалъ писать по-русски только часть того, что должно было войти въ каждую книжку, и переходилъ къ англійскому тексту.

Когда зашла рѣчь о напечатаніи группою русскихъ товарищей за границею русскаго изданія «Записокъ Революціонера», то возникъ вопросъ—что печатать: русскій ли текстъ, болѣе подробный, особенно по russкимъ дѣламъ, чѣмъ англійскій, или переводъ съ англійскаго? Первое представляло, однако, значительныя неудобства, такъ какъ, за отсутствиемъ полнаго русскаго текста, пришлось бы заполнять значительные промежутки переводами съ англійскаго, что, конечно, нарушило бы цѣльность книги. А такъ какъ за русскій переводъ предложило мнѣ взяться

вполнѣ компетентное лицо, то мы остановились на переводаѣ съ англійскаго. Мы остаются только душевно поблагодарить переводчика за его прекрасный переводъ, сдѣланній имъ съ такою любовью, что онъ вполнѣ замѣняетъ оригиналъ.

Лондонъ.
Іюль, 1902.

Предисловіе къ настоящему изданію.

Настоящее изданіе сдѣлано съ первого русскаго, лондонскаго изданія 1902 года. Въ немъ заполнены тѣ немногіе пропуски, которые были неизбѣжны по цензурнымъ соображеніямъ въ изданіи «Знанія» 1906 года.

За исключеніемъ этихъ вставокъ и одного или двухъ подстрочныхъ примѣчаній, а также нѣкоторыхъ легкихъ поправокъ слога, теперешнее изданіе не содержитъ перемѣнъ противъ первого лондонскаго изданія.

Москва.
Апрѣль, 1918.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Георга Брандеса.

Автобіографії когда-то можно было отнести къ одному изъ слѣдующихъ трехъ типовъ: «Вотъ какъ я уклонялся отъ пути праведнаго, и вотъ какъ я возвратился къ нему» (святой Августинъ); или: «Посмотрите, какъ я былъ пороченъ; но кто же дерзнетъ считать себя лучшимъ?» (Руссо) или же: «Вотъ какъ развивался гений—органически, при благопріятныхъ условіяхъ» (Гётэ). Во всѣхъ этихъ видахъ самоизображенія авторъ, главнымъ образомъ, занять самимъ собою.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ автобіографії очень часто составлены по одному изъ слѣдующихъ образцовъ: «Вотъ какъ талантлива я была и привлекательна; вотъ какъ мною восхищались и какъ меня цѣнили (Іоанна-Луиза Гейбергъ, *Жизнь, перезитая въ воспоминаніяхъ*); или: «Я былъ талантливъ и достоинъ любви; но между тѣмъ меня не оцѣнили; вотъ тѣ тяжелыя испытанія, что я перенесъ, прежде чѣмъ добился вѣнца славы» (Гансъ-Христіанъ Андерсенъ, *Исторія моей жизни*). Въ этихъ двухъ типахъ жизнеописаній авторъ, стало-быть, занятъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что современники думали и говорили объ немъ.

Авторъ автобіографії, лежащей теперь передъ нами, не занятъ мыслью о своихъ талантахъ и поэтому не говорить о борьбѣ, которую ему пришлось бы выдержать, прежде чѣмъ оцѣнили его заслуги. Еще меньше интересуется онъ мнѣніями о немъ его современниковъ. Какъ другіе думали о немъ, онъ не упоминаетъ даже ни единымъ словомъ.

Въ этой книжѣ авторъ не любуется собственнымъ изображеніемъ. Онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые охотно говорять о себѣ; когда онъ дѣлаетъ это, то неохотно и съ нѣкоторой робостью. Читатель не найдетъ здѣсь ни интимныхъ признаній, ни сантиментальности, ни грубой откровенности. Кропоткинъ не говоритъ ни о своихъ недостаткахъ, ни о своихъ добродѣтеляхъ; онъ не вступаетъ съ читателемъ ни въ какую вульгарную интимность. Онъ совсѣмъ не рѣчитъ, какъ влюблялся

и такъ мало сообщаетъ о своихъ знакомствахъ съ прекраснымъ поломъ, что умалчиваетъ даже о своей женитьбѣ, и только мимоходомъ мы узнаемъ, что онъ женатъ. Онъ — отецъ, и отецъ очень нѣжный; но считаетъ умѣстнымъ упомянуть объ этомъ только разъ, когда быстро резюмируетъ послѣднія шестнадцать лѣтъ своей жизни.

Его больше интересуетъ психологія его современниковъ, чѣмъ его собственная. И въ его книгѣ мы находимъ психологію Россіи: Россіи офиціальной и ея пародныхъ массъ; Россіи, борящейся за прогрессъ и Россіи реакціонной. Авторъ охотнѣе разсказываетъ о своихъ современникахъ, чѣмъ о самомъ себѣ. И поэтому разсказать о его жизни заключаетъ исторію Россіи его эпохи, а также и исторію рабочаго движенія за послѣднее полстолѣтіе. Когда онъ погружается въ свой внутренній міръ, мы видимъ, какъ весь внѣшній міръ отражается въ немъ.

Все-таки въ этой книгѣ есть нѣчто подобное тому, къ чemu Гётэ стремился въ «Dichtung und Wahrheit». Въ ней видно, какъ сформировался замѣчательный умъ. Можно сравнить ее также съ «Исповѣдью» святого Августина, потому что книга является также исторіей душевнаго кризиса, соотвѣтствующаго тому, что нѣкогда называлось «обращеніемъ». Дѣйствительно, этотъ кризисъ является поворотнымъ пунктомъ и сущностью всей книги.

Въ настоящее время есть только два великихъ русскихъ, которые думаютъ для русскаго народа, и которыхъ мысль принадлежитъ человѣчеству: Левъ Толстой и Петръ Кропоткинъ. Толстой часто намъ рассказывалъ въ художественной формѣ различные эпизоды своей жизни. Кропоткинъ даетъ намъ здѣсь, въ первый разъ, не прѣбываю къ художественной переработкѣ беллетристического произведенія, бѣглый обзоръ всей своей дѣятельности.

Хотя эти два человѣка радикально отличаются другъ отъ друга, но можно намѣтить параллель въ ихъ жизни и въ ихъ пониманіи жизни. Толстой — художникъ, Кропоткинъ — ученый. Но въ жизни того и другого былъ моментъ, когда они не могли больше найти успокоенія въ работѣ, въ которую и тотъ и другой внесли большія природныя дарованія. Толстого заставили свернуть съ пути, по которому онъ слѣдовалъ, религіозныя размышленія, а Кропоткина — размышленія соціальныя.

Оба любить человѣчество, и оба сурово осуждаютъ индиферентизмъ, недостатокъ мысли, грубость и жесто-

кость высшихъ классовъ; обоихъ одинаково тянетъ къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Оба видять въ мірѣ больше трусости, чѣмъ глупости. Оба—идеалисты, и оба имѣютъ темпераментъ реформаторовъ. Оба по натурѣ миролюбивы люди, и Кропоткинъ наиболѣе миролюбивый изъ двухъ, хотя Толстой проповѣдуетъ постоянно миръ и осуждаетъ прибегающихъ къ силѣ для защиты своихъ правъ, тогда какъ Кропоткинъ оправдываетъ ихъ и поддерживаетъ дружескія сношенія съ террористами. Больше всего расходятся они въ одномъ пункте—въ отношеніяхъ къ интеллигентному образованному человѣку и къ наукѣ вообще. Толстой, въ своемъ религіозномъ пылѣ, презираетъ и обезцѣниваетъ и ученаго и науку; тогда какъ Кропоткинъ относится къ нимъ съ уваженіемъ, хотя онъ въ то же время осуждаетъ учёныхъ, забывающихъ про народъ и про страданія массъ.

Многіе совершили великое дѣло, хотя и не жили великой жизнью. Многіе люди интересны, хотя жизнь ихъ, можетъ-быть, ничтожна и бапальна. Жизнь Кропоткина въ одно и то же время и велика и интересна.

Въ этой книгѣ читатель найдеть сочетаніе всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается богатая событиями жизнь: тутъ есть и идиллія и трагедія, драма и романъ.

Дѣтство автора, проведенное въ Москвѣ и въ деревнѣ, портреты матери, сестрѣ, учителей, старыхъ, вѣрныхъ слугъ, многочисленныя картины патріархальной жизни,—все это такъ хорошо описано, что тронетъ сердце всѣхъ. Картины природы, разсказъ о необычайно сильной любви между двумя братьями,—все это чистѣйшая идиллія.

Но рядомъ съ этимъ, къ сожалѣнію, много слѣзъ и страданій: грубость семейной жизни, свирѣпое обращеніе съ крѣпостными, узость ума и жестокость сердца тѣхъ, кто править судьбами людей.

Есть также разнообразіе и есть драматическая катастрофы: жизнь придворная и жизнь въ тюрьмѣ; жизнь въ высшихъ кругахъ общества, близъ императора и великихъ князей, и жизнь въ бѣдности, среди пролетаріата, въ Лондонѣ и въ Швейцаріи. Тутъ встрѣчается преодѣваніе, какъ въ драмѣ: главное дѣйствующее лицо является въ изящной одеждѣ въ Зимній дворецѣ, а вечеромъ, въ крестьянскомъ полушубкѣ, отправляется въ предмѣстья, чтобы тамъ проповѣдывать среди крестьянъ революцію. Есть также сенсаціонный элементъ, принадлежащий ро-

ману. Хотя трудно представить себѣ что-нибудь болѣе простое, чѣмъ тонъ и стиль Кропоткина, въ разсказѣ есть, однако, мѣста, которыя по самой природѣ излагаемыхъ событій, гораздо больше захватываются, чѣмъ всѣ, что мы находимъ въ романахъ, написанныхъ единственно съ сенсационной цѣлью. Есть ли что-нибудь болѣе захватывающее, чѣмъ разсказъ о приготовленіяхъ къ побѣгу изъ госпиталя и смѣлое выполненіе плана?

Немногіе знали, какъ Кропоткинъ, всѣ слои общества, потому что жили въ нихъ. Какія картины! Вотъ Кропоткинъ въ дѣтствѣ: завитой, въ маскарадномъ костюмѣ, онъ стоитъ возлѣ Николая I; вотъ онъ пажъ, бѣгущій за Александромъ II, чтобы защитить его отъ опасности; вотъ онъ въ страшной тюрьмѣ, гдѣ спровоживаетъ величайшаго князя Николая Николаевича, и гдѣ слышать изо дня въ день все болѣе безумныя слова крестьянина, сидящеаго въ камерѣ подъ нимъ и мало-по-малу сходящаго съ ума.

Онъ велъ жизнь аристократа и работника; онъ былъ камерпажемъ императора и очень бѣднымъ писателемъ. Онъ былъ студентомъ, офицеромъ, учёнымъ, изслѣдователемъ неизвѣстныхъ странъ, администраторомъ и революціонеромъ. Въ изгнаніи ему приходилось жить, какъ крестьянину, чаеъмъ и хлѣбомъ; за нимъ шпионили, и его пытались убить, какъ русскаго императора.

Немногіе пережили такъ много. Точно такъ, какъ Кропоткинъ-геологъ, можетъ обнять доисторическую эволюцію въ теченіе тысячи вѣковъ, онъ можетъ также дать себѣ отчѣтъ въ исторической эволюціи его собственной эпохи.

Какъ долженъ быть страдать этотъ дѣятельный умъ въ вынужденномъ бездѣйствіи, въ тюрьмѣ!..

Кризисъ въ жизни Кропоткина заключаетъ два момента, которые слѣдуетъ отмѣтить.

Онъ приближается къ тридцати годамъ, къ рѣшающему возрасту въ жизни человѣка. Душой и сердцемъ онъ человѣкъ науки; онъ сдѣлалъ цѣнное открытие. Онъ нашелъ, что карты сѣверной Азіи не вѣрны; что не только прежнія представленія о географії Азіи, но и теоріи Гумбольдта расходятся съ фактами. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ погружается въ тщательныя изысканія. Разъ, какъ молния, сверкнуло передъ нимъ истинное значеніе фактовъ. Онъ понялъ, что главныя линіи строенія Азіи идутъ не съ сѣвера на югъ, не съ запада на востокъ, а съ юга-запада на сѣверо-востокъ. Онъ провѣряетъ свое открытие, при-

лагаетъ ко множеству отдельныхъ фактовъ, и всѣми оно подтверждается. Такимъ образомъ онъ познаѣтъ, въ наиболѣе благородной и чистой формѣ, радость научнаго открытия и постигаетъ, какъ оно возвышаетъ душу.

Тогда наступаетъ кризисъ. Мысль о томъ, что эту радость могутъ испытывать лишь очень немногіе, мучить его. Онъ задаѣтъ себѣ вопросъ, имѣеть ли онъ право самъ одинъ наслаждаться знаніемъ? Онъ чувствуетъ, что есть высшій долгъ; что скорѣе нужно понести массамъ пріобрѣтенные уже знанія, чѣмъ работать надъ новыми открытиями.

Съ моей стороны, я не думаю, чтобы авторъ былъ правъ. Исходя изъ такихъ мыслей, Пастёръ не могъ бы стать тѣмъ благодѣтелемъ человѣчества, какимъ сдѣлался. Въ концѣ-концовъ, съ теченiemъ времени, всѣ превращаются въ благо для массъ. Я убѣжденъ, что человѣкъ дѣлаетъ всѣ, что въ его силахъ, для благосостоянія всѣхъ, когда онъ съ наибольшей настойчивостью выполняетъ то, что можетъ произвести. Но эта основная идея характеризуетъ Кропоткина. Въ ней онъ высказывается весь.

И этотъ складъ ума увлекаетъ его дальше. Въ Финляндіи, гдѣ онъ стоитъ на порогѣ нового научнаго открытия,—гдѣ у него развивается мысль, тогда еще еретическая, что въ до-историческія времена вся сѣверная Европа находилась подъ ледянымъ покровомъ,—онъ такъ живо тронутъ состраданіемъ къ бѣднымъ, къ страдающимъ, часто вѣдающимъ голодъ, и жизнь которыхъ настоящая борьба за существованіе, что онъ считаетъ своимъ великимъ долгомъ, долгомъ абсолютнымъ, стать для громадной, трудающейся и обездоленной массы учителемъ и опорой.

Вскрѣп передъ нимъ открывается новый міръ—жизнь рабочихъ классовъ, и онъ учится у тѣхъ, кого хотѣлъ учить.

Пять или шесть лѣтъ спустя происходитъ второй фазисъ кризиса. Еще во время своей первой поѣздки въ Швейцарію, Кропоткинъ оставилъ группу соціалистовъ-государственниковъ, изъ опасенія экономического деспотизма, изъ ненависти къ централизаціи, изъ любви къ свободѣ личности и къ мірскому строю. Но только послѣ продолжительного заключенія въ Россіи и во время вторичнаго пребыванія среди развитыхъ рабочихъ французской Швейцаріи неясное еще представление нового соціального строя приняло у него болѣе опредѣленную форму—федерациіи общинъ, дѣйствующихъ сообща, подобно тому, какъ дѣйствуютъ теперь желѣзодорожныя компа-

нії, или почтовыя учрежденія различныхъ странъ. Съ тѣхъ поръ окончательно сложилось его міросозерцаніе. Онъ знаетъ, что не можетъ указать обязательного пути для будущаго; онъ убѣжденъ, что все должно произойти отъ сознательной дѣятельности массъ; но онъ сравниваетъ, для наглядности, будущій общественный строй съ корпораціями и взаимными отношеніями, существовавшими въ средніе вѣка и являвшимися какъ результатъ дѣятельности массъ. Онъ не вѣритъ въ различие между правящими и управляемыми; но я долженъ сознаться, что я—настолько старозавѣтный, что обрадовался, когда онъ, съ легкой непослѣдовательностью, въ одномъ мѣстѣ восхваляетъ своего пріятеля, говоря о немъ, какъ о «прирожденномъ вождѣ людей».

Кропоткинъ называетъ себя революціонеромъ, и совершенно справедливо. Но рѣдко бываютъ такие гуманные и мягкие революціонеры. Читатель изумлевъ, когда по случаю едва не состоявшейся вооруженной схватки съ швейцарской полиціей —у автора проявляется воинственный инстинктъ, существующій въ каждомъ изъ насъ. Кропоткинъ говоритъ, что онъ не могъ бы тогда сказать съ увѣренностью, радовался ли онъ съ друзьями, или огорчался, что стычка не состоялась. Но это выраженіе чувства стоитъ совсѣмъ особнякомъ. Авторъ никогда не былъ мстителемъ, но всегда мученикомъ.

Всю жизнь онъ поступалъ такимъ образомъ. Но онъ такъ мало говорить объ этомъ, какъ будто жертвы ему ничего не стоили. И несмотря на всю его энергию, духъ мишенія такъ слабъ въ немъ, что упоминая объ одномъ негодяѣ, тюремномъ врачу, Кропоткинъ ограничивается замѣчаніемъ: «Чѣмъ менѣше скажемъ о немъ, тѣмъ лучше».

Это—революціонеръ безъ напыщенности и безъ громкихъ словъ. Онъ смигается надъ клятвами и церемоніями, которыми заговорщики связываютъ себя въ драмахъ и операхъ. Человѣкъ этотъ —лицетвореніе простоты. По характеру онъ можетъ выдержать сравненіе съ любымъ борцомъ за свободу любой страны. Никто не былъ болѣе безкорыстенъ, и больше его никто не любилъ человѣчество.

Но онъ не позволить мнѣ сказать въ предисловіи къ его книгѣ все то хорошее, что я думаю о немъ. И если бы я сдѣлалъ это, то далеко вышелъ бы изъ обыкновенныхъ размѣровъ предисловія.

Георгъ Брандесъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе автора къ первому русскому изданію	III
Предисловіе къ настоящему изданію	VI
Предисловіе Георга Брандеса	VII
Оглавленіе	XIII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дѣтство.

Глава I.—Старая Конюшенная	1
Глава II.—Смерть матери	4
Глава III.—Родъ Кропоткиныхъ.—Отець.—Мать	5
Глава IV.—Мадамъ Бурманъ.—Ульяна.— <i>M. Poulain</i> .—Изученіе французского языка и древней исторіи.—Воскресная развлеченія.—Страсть къ театру	10
Глава V.—Балъ въ честь Николая I.—Назначеніе въ пажи	16
Глава VI.—Нравы старого барства.—Крѣпостные слуги.—Типы Старой Конюшеннай.	20
Глава VII.—Наказы бурмистрамъ.—Доставка живности.—Отъѣздъ въ Никольское.—Долгіе сборы.— <i>M. Poulain</i> объясняетъ подвиги великой арміи.—Военные упражненія.—Пробужденіе демократического духа	26
Глава VIII.—Крѣпостное право.—Макаръ.—Браки по приказу.—Андрей портной.—Сдачи въ солдаты.—Горничная Поля.—Саша-докторъ.—Герасимъ Кругловъ.—Какъ Маша получила вольную	35
Глава IX.—Крымская война.—Смерть Николая I.	47
Глава X.—Благотворное вліяніе студентовъ - учителей.—Н. П. Смирновъ.—Проявленіе литературныхъ наклонностей.—Первые опыты.—„Временникъ“	49

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Пажескій корпусъ.

Глава I.—Поступленіе въ корпусъ.—Экзамены.—Полковникъ Жирардотъ.—Порядки и нравы корпуса	53
Глава II.—Отраженіе въ пажескомъ корпусѣ пробужденія Россіи. — Преподаватели: капитанъ Сухонинъ, профессоръ Классовскій, Беккеръ, Эбертъ, Ганцъ.—„Бенефисъ“	62
Глава III.—Переписка съ Сашей.—Его увлеченія философіей и политической экономіей.—Великое разочарованіе.—Тайны свиданія съ братомъ.	71

XIV

Глава IV.—Ярмарка въ Никольскомъ.—Первая статистическая работа.—Поѣздка „съ Козломъ“.—Бѣлая харчевня	78
Глава V.—Бурное время въ корпусѣ.—Похороны императрицы Александры Феодоровны	82
Глава VI.—Занятія въ пажескомъ корпусѣ.—Изученіе физики, химіи, математики.—Часы досуга.—Итальянская опера въ Петербургѣ	85
Глава VII.—Лагерь въ Петергофѣ.—Практическія занятія въ полѣ.—Совѣтъ воспитателямъ	92
Глава VIII.—Распространеніе революціонныхъ идей.—Отмена крѣпостного права.—Важныя послѣдствія освобожденія крестьянъ	96
Глава IX.—Жизнь при дворѣ.—Система шпіонства во дворцѣ.—Александръ II.—Марія Александровна.—Александръ Александровичъ	106

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Сибирь.

Глава I.—Выборъ полка.—Пожаръ въ Апраксиномъ дворѣ.—Начало реакціи.—Производство въ офицеры.—Отъѣздъ въ Сибирь	118
Глава II.—Иркутскъ.—Генералъ Кукель.—Реформаціонная дѣятельность.—Волна реакціи	129
Глава III.—Польское воссташіе.—Гибельная послѣдствія для поляковъ и для русскихъ.—Реакція въ Сибири.—Конецъ реформамъ	133
Глава IV.—Присоединеніе Амурскаго края.—Поѣздка по Амуру.—Первые попытки на сплавѣ.—Тайфунъ.—Командировка въ Петербургѣ	141
Глава V.—Возвращеніе въ Иркутскъ.—Путешествіе по Маньчжурии.—Перевалъ черезъ Хинганъ.—Открытие вулканической области Уюнъ-Холдондзи.—Китайскія власти	153
Глава VI.—Вверхъ по Сунгари.—Гиринъ.—Пріятели-китайцы	160
Глава VII.—Изслѣдованіе Западныхъ Саяновъ.—Изслѣдованіе новаго, прямого пути съ Ленскихъ пріисковъ въ Читу.—Уроки, вынесенные изъ Сибири	164
Глава VIII.—Возстаніе ссыльныхъ поляковъ на Кругобайкальской дорогѣ.—Усмирение.—Выходъ въ отставку	168

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Петербургъ.—Первая поѣздка за границу.

Глава I.—Поступленіе въ университетъ.—Поправки къ орографіи и картографіи сѣверной Азіи.	173
Глава II.—Географическое общество.—Русские путешественники того времени: Сѣверцовъ, Миклухо-Маклай, Федченко, Пржевальский.—Проектъ полярной экспедиціи.—Геологическое изслѣдованіе въ Финляндіи	176
Глава III.—Цѣль жизни.—Отказъ отъ предложенія занять мѣсто секретаря Географического общества	183

Глава IV.—Положение дѣлъ въ Петербургѣ.—Двойственность на- туры Александра II.—Продажность администраціи.—Пре- пятствія распространенію народнаго образованія	187
Глава V.—Перемѣны къ худшему въ петербургскомъ обще- ствѣ.—Результаты реакціи.—Покушеніе Каракозова.—Пы- тали ли Каракозова?—Трагическая борьба молодежи	192
Глава VI.—Высшее женское образованіе.—Стремленіе женской молодежи на курсы.—Причины успѣха	199
Глава VII.—Смерть отца.—Новыя течения въ Старой Конюшенной	204
Глава VIII.—Первая поѣзда за границу.—Пребываніе въ Цю- рихѣ.—Интернаціональ.—Соціалистическая литература.— Женевскіе вожди и политиканы	206
Глава IX.—У юрскихъ рабочихъ часового дѣла.—Начало анар- хизма.—Невшательскіе друзья.—Коммунары-эмигранты	217
Глава X.—Вліяніе Бакунина.—Соціалистическая программа	223
Глава XI.—Краковъ.—Переговоры съ контрабандистами.—Пере- возка книгъ черезъ границу	227
Глава XII.—Нигилизмъ.—Его презрѣніе къ условному, его прав- дивость.—Движеніе „въ народъ!“	229
Глава XIII.—Кружокъ Чайковцевъ: Дмитрій, Сергій, Софья Пе- ровская, Чайковскій	235
Глава XIV.—Политическая и соціалистическая течения.—Але- ксандъ II и революціонеры	238
Глава XV.—Видные дѣятели кружка Чайковскаго.—Дружба съ Кравчинскимъ.—Его хожденіе въ народъ.—Успѣшная пропаганда среди рабочихъ.—Мужество ихъ	245
Глава XVI.—Аресты.—Клеменцъ въ положеніи „нелегального“.— Арестъ.—Допросъ.—Прокуроръ-лгунъ.—Заключеніе въ Петропавловской крѣпости	255

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Крѣпость.—Побѣгъ.

Глава I.—Петропавловская крѣпость.—Мой казематъ.—Страданія отъ вынужденной бездѣятельности.—Пріѣздъ брата.—Раз- рѣшеніе продолжать научныя занятія	267
Глава II.—Научныя работы.—Изученіе исторіи Россіи	272
Глава III.—Прогулки во дворѣ.—Арестъ брата.—Месть третьяго отдѣленія	274
Глава IV.—Перестукиваніе заключенныхъ.—Неожиданный ви- зитъ Николая Николаевича	278
Глава V.—Результаты заключенія.—Переводъ въ военный госпи- таль.—Побѣгъ.—Укрываніе отъ жандармовъ.—На англій- скомъ пароходѣ	282

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Западная Европа.

Глава I.—Въ Эдинбургѣ и въ Лондонѣ.—Сотрудничество въ <i>Nature</i> и въ <i>Times</i> .—Отѣзду въ Швейцарію	295
--	-----

Глава II.—Интернаціональ и нѣмецкая соціалъ-демократія.—Развитіе Интернаціонала во Франціи, въ Испаніи и въ Италиі	299
Глава III.—Юрская федерациі и видные ея дѣятели: Гильомъ, Швишебель, Шлихигерь, Элизэ Реклю, Лефрансэ и другіе.	305
Глава IV.—Пребываніе въ Шо-де-Фонѣ.—Воспрещеніе краснаго знамени въ Швейцаріи.—Новый общественный строй	310
Глава V.—Борьба между анархизмомъ и соціалъ-демократіей.—Изгнаніе изъ Бельгіи.—Пребываніе въ Швейцаріи.—Возрожденіе соціализма во Франціи	317
Глава VI.—Знакомство съ Тургеневымъ.—Его вліяніе на русскую молодежь.—Тургеневъ и нигилизмъ.—Базаровъ	320
Глава VII.—Рость недовольства въ Россіи послѣ русско-турецкой войны.—Процессъ ста-девяносто-трехъ.—Покушеніе на Трепова.—Четыре покушенія на коронованныхъ лицъ.—Преслѣдованія противъ Юрской федерациі.—Мы основываемъ <i>Le Révolté</i> .—Чѣмъ долженъ быть соціалистический журналъ.—Денежная и техническая затрудненія	324
Глава VIII.—Революціонное движеніе въ Россіи принимаетъ болѣе серьезный характеръ.—Покушенія на Александра II, устроенные Исполнительнымъ Комитетомъ.—Смерть Александра II	334
Глава IX.—Возникновеніе лиги для борьбы съ революціонерами и для защиты императора.—Предполагавшіяся убийства революціонеровъ.—Изгнаніе изъ Швейцаріи.	341
Глава X.—Годъ въ Лондонѣ.—Застой въ Англіи.	346
Глава XI.—Отѣѣздъ въ Тононъ.—Шпіоны.—Договоръ Игнатьева съ Исполнительнымъ Комитетомъ.	348
Глава XII.—Франція въ 1881—1882 годахъ.—Страданія рабочихъ въ Ліонѣ.—Взрывъ въ кафэ.—Арестъ и осужденіе.	351
Глава XIII.—Ліонская тюрьма.—Пагубное вліяніе тюремъ съ общественной точки зрѣнія.—Въ центральной тюрьмѣ въ Клервб.—Занятія заключенныхъ.—Печальное положеніе старыхъ арестантовъ.—Дѣятельное спошеніе заключенныхъ между собою.—Деморализующее вліяніе тюрьмы	358
Глава XIV.—Мои столкновенія съ тайной полиціей.—Забавное донесеніе тайного агента.—Разоблаченные шпіоны.—Мнимый баронъ.—Послѣдствія шпіонства	371
Глава XV.—„Грабежъ“ Луизы Мишель.—Эли Реклю.—Переселеніе въ Харрб.—Научные труды моего брата Александра.—Смерть его	382
Глава XVI.—Соціалистическое движеніе въ Англіи въ 1886 г. .	389
Глава XVII.—Участіе въ движеніи.—Формула „Борьба за существованіе“, дополненная естественнымъ закономъ „Взаимной помощи“.—Великое распространеніе соціалистическихъ идей	393

ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДѢТСТВО.

I.

Москва—городъ медленнаго, исторического роста. Оттого различная ея части такъ хорошо сохранили до сихъ поръ черты, наложенные на нихъ ходомъ исторіи. Замоскворѣчье, съ его широкими, сонными улицами и однообразными, сѣрыми, невысокими домами, ворота которыхъ накрѣпко заперты и днемъ и ночью, осталось понынѣ излюбленнымъ мѣстомъ купечества и твердыней супровыхъ, деспотическихъ, преданныхъ формъ старообрядцевъ. Кремль и теперь еще является твердыней государства и церкви. Громадная площадь передъ нимъ, застроенная тысячами лавокъ и лабазовъ, съ незапамятныхъ временъ представляла настоящую торговую толчею и до сихъ поръ является сердцемъ внутренней торговли обширной имперіи. На Тверской и Кузнецкомъ Мосту издавна сосредоточены главные модные магазины; тогда какъ заселенная мастеровымъ людомъ Плющиха и Дорогомиловка сохранили тѣ самыя черты, которыми отличалось ихъ буйное населеніе во времена московскихъ царей. Каждая часть составляетъ сама по себѣ отдельный мірокъ, со своей собственной физіономіей, и живеть своей особой жизнью. Даже склады и мастерскія, тяжело нагруженные вагоны и паровозы желѣзныхъ дорогъ, когда послѣдніе вторглись въ древнюю столицу, и тѣ сосредоточились отдельно, въ особыхъ центрахъ, на окраинахъ старого города.

И изъ всѣхъ московскихъ частей, быть-можетъ, ни одна такъ не типична, какъ лабиринтъ чистыхъ, спокойныхъ и извилистыхъ улицъ и переулковъ, раскинувшійся за Кремлемъ, между Арбатомъ и Пречистенкой, и известный подъ названіемъ Старой Конюшенной.

Около пятидесяти лѣтъ тому назадъ тутъ жило и медленно вымирало старое московское дворянство, имена ко тораго часто упоминаются въ русской исторіи до Петра I. Эти имена исчезли мало-по-малу, уступивъ мѣсто именамъ новыхъ людей, «разnochинцевъ», призванныхъ на службу основателемъ русской имперіи. Чувствуя, что его отъѣнили при Петербурскомъ дворѣ, родовитое дворянство удалилось на покой, либо въ Старую Конюшеннную, либо въ свои живописныя подмосковныя. Оттуда оно глядѣло съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и съ тайной завистью на пеструю толпу, занявшую высшія правительственные должности въ новой столицѣ на берегахъ Невы.

Въ молодые годы большинство изъ нихъ тоже пытало счастье на государственной, большою частью, военной службѣ; по въ силу тѣхъ или другихъ причинъ вскорѣ оставляло ее, не добравшись до высокихъ чиновъ. Наиболѣе счастливые (мой отецъ былъ въ числѣ ихъ) получали какую-нибудь покойную, почетную службу въ родномъ городѣ; большинство же просто выходило въ отставку. Но въ какой бы дальний уголъ Россіи ихъ ни забрасывала служба, родовитые дворяне всѣ какъ-то ухитрялись доживать старые годы въ собственномъ домѣ въ Старой Конюшеннной, вблизи той самой церкви, гдѣ ихъ когда-то крестили и гдѣ отпѣвали ихъ родителей.

Старые корни пускали новые побѣги. Нѣкоторые изъ нихъ болѣе или менѣе отличались въ различныхъ концахъ Россіи; иные приобрѣтали болѣе роскошные, въ новомъ стилѣ, дома въ другихъ частяхъ Москвы или въ Петербургѣ; но истинной представительницей рода считалась все же та вѣтвь, какое бы ни было ея положеніе въ родословномъ древѣ, которая жила возлѣ зеленої, желтой, розовой или коричневой церкви, ставшей дорогой по семейнымъ событиямъ. Къ старомодному представителю рода относились съ большимъ уваженіемъ, хотя, долженъ сознаться, не безъ нѣкоторой примѣси легкой ироніи, даже тѣ молодые представители рода, которые покинули свой городъ и сдѣлали блестящую карьеру въ гвардіи или же при дворѣ: старики являлся для молодыхъ олицетвореніемъ древности рода и его традицій.

Въ этихъ тихихъ улицахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ шума и суеты торговой Москвы, всѣ дома были очень похожи другъ на друга. Большею частью, они были деревянные, съ ярко-зелеными желѣзными крышами; у всѣхъ фасадъ съ

колоннами, всѣ выкрашены по штукатуркѣ въ веселые цвѣта. Почти всѣ дома строились въ одинъ этажъ, съ выходящими на улицу семью или девятью большими свѣтлыми окнами. Второй этажъ допускался лишь въ мезонинѣ, выходившемъ на просторный дворъ, обстроенный многочисленными службами: кухнями, конюшнями, сарайми, погребами и людскими. Во дворъ вели широкія ворота, и на мѣдной доскѣ надъ калиткой значилось обыкновенно: «Домъ поручика или штабсъ-ротмистра и кавалера такого-то». Рѣдко можно было встрѣтить «генераль-майора», или соотвѣтственный гражданскій чинъ. Но если на этихъ улицахъ стоялъ болѣе нарядный домъ, обнесенный золоченой рѣшеткой съ желѣзными воротами, то на доскѣ навѣрное уже значился «коммерціи совѣтникъ», или «почетный гражданинъ» такой-то. То былъ народъ непрошенній, втѣршійся въ кварталъ и поэтому не признаваемый сосѣдями.

Лавки въ эти улицы не допускались, за исключениемъ развѣ мелочной или овощной лавочки, которая ютилась въ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ приходской церкви. Зато на углу уже навѣрное стояла полицейская будка, у дверей которой днемъ показывался самъ будочникъ, съ алебардой въ рукахъ, чтобы этимъ безвреднымъ оружиемъ отдавать честь проходящимъ офицерамъ. Съ наступленіемъ же сумерекъ онъ вновь забирался въ свою темную будку, гдѣ занимался или починкой сапогъ, или же изготавленіемъ какого-нибудь особенно забористаго нюхательного табака, на который предъявлялся большой спросъ со стороны пожилыхъ слугъ изъсосѣднихъ домовъ.

Жизнь текла тихо и спокойно, по крайней мѣрѣ, на посторонній взглядъ, въ этомъ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи Москвы. Утромъ никого нельзя было встрѣтить на улицахъ. Въ полдень появлялись дѣти, отправлявшіяся подъ надзоромъ гувернеровъ-французовъ или нянекъ-нѣмокъ на прогулку по занесеннымъ снѣгомъ бульварамъ. Попозже можно было видѣть барынь въ парныхъ саняхъ съ лакеемъ на запяткахъ, а то въ старомодныхъ—громадныхъ и просторныхъ, на высокихъ, висящихъ рессорахъ, каретахъ, запряженныхъ четверкой, съ форейторомъ впереди и двумя лакеями на запяткахъ. Вечеромъ большинство домовъ было ярко освѣщено; а такъ какъ ставни не запирались, то прохожіе могли любоваться играющими въ карты или же танцующими. Въ тѣ дни «идеи» еще не были въ ходу; еще не пришла та пора, когда въ каждомъ изъ этихъ домовъ нача-

лась борьба между «отцами и детьми», борьба, которая заканчивалась или семейной драмой или же ночным посещением жандармовъ. Пятьдесят лѣт тому назадъ никто не думалъ ни о чёмъ подобномъ. Все было тихо и спокойно, по крайней мѣрѣ на поверхности.

Въ этой Старой Конюшенней родился я въ 1842 году; здѣсь прошли первыя пятнадцать лѣтъ моей жизни. Отецъ продалъ домъ, въ которомъ умерла наша мать, и купилъ другой; потомъ продалъ и этотъ, и мы нѣсколько зимъ прожили въ наемныхъ домахъ, покуда отецъ не нашелъ третій, по своему вкусу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той самой церкви, въ которой его крестили и отпѣвали его мать. И все это было въ Старой Конюшенней. Мы оставляли ее только, чтобы проводить лѣто въ нашей деревнѣ.

II.

Высокая, просторная угловая комната въ нашемъ домѣ. Въ ней—бѣлая постель, на которой лежитъ мать. Наши дѣтския креслица и столики пододвинуты близко къ кровати. Красиво накрытые столики установлены конфетами и хорошенькими стеклянными баночками съ желе; и въ эту комнату насы, дѣтей, ввели въ необычное время—таковы мои первыя, смутныя воспоминанія. Наша мать умирала отъ чахотки. Ей было всего тридцать пять лѣтъ. Прежде чѣмъ покинуть насъ навсегда, она пожелала видѣть насъ возлѣ себя, ласкать насъ, быть на мгновеніе счастливой нашими радостями; она придумала это маленькое угощеніе у своей постели, съ которой уже не могла болѣе подняться. Я припоминаю ея блѣдное, исхудалое лицо, ея большие, темно-каріе глаза. Она глядѣть на насъ и ласково, любовно, приглашаетъ насъ ъсть, предлагаетъ взобраться на постель; затѣмъ вдругъ заливается слезами и начинаетъ кашлять... Насъ уводятъ.

Немногого времени спустя насы, дѣтей, т.-е. меня и брата Александра, перевели изъ большого дома въ маленькой флигель во дворѣ. Апрѣльское солнце заливаетъ своими лучами комнатку, но нѣмка-бонна, мадамъ Бурманъ, и няня Ульяна велятъ намъ ложиться спать. Лица ихъ мокры отъ слезъ. Онѣ шыютъ намъ черные рубашечки съ широкими бѣлыми оторочками. Намъ не спится. Неизвѣстность пугаетъ насъ; мы прислушиваемся къ сдержанному разговору пянекъ. Онѣ говорятъ что-то такое о нашей матери, чего

мы понять не можемъ. Мы вскачиваемъ, наконецъ, и спрашиваемъ: «Гдѣ мама? гдѣ мама?» Обѣ женщины начинаютъ плакать навзрыдъ, гладятъ наши кудрявые головки, зовутъ насъ «бѣдными сиротами». Ульяна не можетъ скрывать больше и говорить: «Ваша мама улетѣла туда, на небо, къ ангеламъ».

— Какъ на небо? Почему?— Наше дѣтское воображеніе напрасно, старается отвѣтить на эти вопросы.

Это было въ апрѣлѣ 1846 года. Мнѣ было всего три съ половиной года, а брату Сашѣ еще не минуло пяти. Я не знаю, гдѣ были тогда старшій братъ Николай и сестра, Елена; по всей вѣроятности, уже уѣхали учиться. Николаю шесть дѣнадцатый годъ, а Ленѣ—одиннадцатый. Они всегда держались вмѣстѣ, и мы очень мало знали ихъ. Такимъ образомъ, мы съ Александромъ остались во флигелѣ на попеченіи мадамъ Бурманъ и Ульяны. Добрая старая нѣмка, не имѣвшая ни своего угла, ни души родныхъ, замѣнила намъ мать. Она воспитала насъ, какъ могла; отъ времени до времени она покупала намъ простыя игрушки, закармливала коврижками, которыми торговалъ заходившій иногда старый нѣмецъ, по всей вѣроятности, такой же одинокій бобыль, какъ и она сама. Мы рѣдко видали отца. Два слѣдующихъ года прошли, не оставивъ никакого впечатлѣнія въ моей памяти.

III.

Отецъ мой очень гордился своимъ родомъ и съ необыкновенной торжественностью указывалъ на пергаментъ, висѣвшій на стѣнѣ въ кабинетѣ. Въ пергаментѣ, украшенномъ нашимъ гербомъ (гербомъ Смоленского княжества), покрытомъ горностаевойmantiey,увѣнчаннойшапкой Мономаха, свидѣтельствовалось и скрѣплялось департаментомъ Герольдіи, что родъ нашъ ведетъ начало отъ внука Ростислава Мстиславича Удалаго, и что наши предки были великими князьями смоленскими.

— Я за этотъ пергаментъ заплатилъ триста рублей,— говорилъ намъ отецъ.

Какъ большинство людей его поколѣнія, онъ не былъ особенно силенъ въ русской исторіи и цѣнилъ пергаментъ, главнымъ образомъ, по стоимости его, а не по историческимъ воспоминаніямъ.

Нашъ родъ, дѣйствительно, очень древній, но, подобно большинству родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Рюрика, онъ былъ оттѣсненъ, когда кончился удѣльный періодъ и вступили на престолъ Романовы, начавшіе объединять Россію. Въ послѣднее время никто изъ Кропоткиныхъ, повидимому, не питалъ особенной склонности къ государственной службѣ. Мой прадѣдъ и дѣдъ сперва были военными, но вышли въ отставку совсѣмъ молодыми и поспѣшили удалиться въ свои родовыя помѣстья. Нужно сказать, впрочемъ, что одно изъ этихъ помѣстій, Урусово, находящееся въ Рязанской губерніи и расположеннное на холмѣ, среди роскошныхъ полей, прельстило бы хоть кого красотой тѣнистыхъ лѣсовъ, безконечными лугами и извилистой рѣчкой. Мой дѣдъ вышелъ въ отставку поручикомъ, удалился въ Урусово, гдѣ занялся хозяйствомъ и сталъ прикупать имѣнья въ сосѣднихъ губерніяхъ.

По всей вѣроятности, и наше поколѣніе сдѣлало бы то же самое, но нашъ дѣдъ женился на княжнѣ Гагариной, принадлежавшей совсѣмъ къ другому роду. Ея братъ былъ извѣстенъ какъ страстный любитель сцены. Онъ завелъ свой собственный театръ и, къ ужасу всей родни, женился даже на крѣпостной, на великой артисткѣ Семеновой, рождающей реальной драматической школы въ Россіи. Безъ сомнѣнія, и по характеру Семенова была одна изъ наиболѣе привлекательныхъ личностей театрального міра. Къ ужасу «всей Москвы», Семенова и послѣ замужества продолжала появляться на сценѣ.

Я не знаю, обладала ли моя бабушка тѣми же артистическими и литературными вкусами, какъ ея братъ. Я помню её, когда она уже была разбита параличомъ и могла говорить только шепотомъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что слѣдующее поколѣніе нашей семьи проявило склонность къ литературѣ. Одинъ изъ сыновей княгини Гагариной писалъ стихи и издалъ даже цѣлую книжку,—фактъ, о которомъ мой отецъ всегда стыдился даже упомянуть. Мои двоюродные братья, мой братъ и я самъ, въ большей или меньшей степени, принимали участіе въ литературѣ нашего времени.

Отецъ мой былъ типичный николаевскій офицеръ. Не то, чтобы онъ былъ надѣленъ особыннымъ боевымъ духомъ или особенно любилъ походную жизнь: я сомнѣваюсь даже, чтобы онъ провелъ хотя бы одну ночь у бивачнаго огня или же участвовалъ хотя бы въ одномъ сраженіи; но при

Николаѣ это имѣло второстепенное значеніе. *Настоящимъ* военнымъ въ то время былъ тотъ, кто обожалъ мундиръ и презиралъ штатское платье; чи солдаты бывали вымуштрованы такъ, что могли выдѣльвать почти невѣроятные штуки ногами и ружьями (одна изъ знаменитыхъ штукъ того времени была, напримѣръ, разломать прикладъ, беря на караулъ); кто на парадѣ могъ показать такой же правильный и неподвижный рядъ солдатъ, какъ будто то были не живые, а игрушечные солдатики.

— Очень хорошо,—сказалъ разъ великий князь Михаилъ послѣ того, какъ полчаса заставилъ простоять полкъ съ ружьемъ на караулѣ,—только дышутъ!

Идеаломъ моего отца, конечно, было, возможно больше походить на воинного того времени.

Дѣйствительно, онъ принималъ участье, въ 1828 году, въ войнѣ съ Турцией; но устроился такъ, что все время пробылъ въ штабахъ. И если мы, дѣти, воспользовавшись моментомъ, когда отецъ былъ въ особенно хорошемъ расположениіи духа, просили его разсказать намъ про войну—онъ могъ сообщить намъ лишь то, какъ на него, и на его вѣрнаго слугу Фрола, въ то время, когда они проѣзжали одну деревню, напали десятки разъяренныхъ собакъ. Отцу и Фролу пришлось пустить въ ходъ сабли, чтобы отбиться отъ голодныхъ животныхъ. Безъ сомнѣнія, намъ больше бы хотѣлось, чтобы то былъ отрядъ турокъ, но мы мирились и съ собаками; но когда послѣ долгихъ приставаний, намъ удавалось заставить отца разсказать, за что онъ получилъ Аниу съ мечами и золотую саблю, тутъ ужъ мы были совсѣмъ разочарованы. Исторія была до крайности прозаична. Штабные офицеры квартировали въ турецкой деревнѣ, когда въ ней вспыхнулъ пожаръ. Въ одно мгновеніе огонь охватилъ домы, и въ одномъ изъ нихъ оставался ребенокъ. Мать рыдала въ отчаяніи. Фроль, сопровождавшій всегда отца, бросился въ огонь и спасъ ребенка. Главнокомандующій тутъ же наградилъ отца крестомъ за храбрость.

— Но, папаша,—воскликнули мы,—вѣдь это Фроль спасъ ребенка!

— Такъ что жъ такое,—отвѣчалъ отецъ напившись образомъ.—Развѣ онъ не мой крѣпостной? Вѣдь это все равно.

Нашъ отецъ принималъ также участье въ войнѣ противъ поляковъ во время революціи 1831 г. Въ Варшавѣ онъ по

знакомился съ младшою дочерью корпуснаго командира, генерала Сулимы, влюбился въ неё. Свадьбу отпраздновали очень торжественно въ лазенковскомъ дворцѣ. Посаженнымъ отцомъ со стороны невѣсты былъ Паскевичъ.

— Но ваша мать,—прибавлялъ всегда отецъ,—не принесла мнѣ никакого приданаго.

То была чистая праздна. Отецъ ея, Николай Семеновичъ Сулима, совсѣмъ не умѣлъ себѣ сдѣлать карьеру и нажить состояніе. Должно-быть, въ его жилахъ было слишкомъ много крови запорожцевъ, которые умѣли сражаться съ отлично вооруженными, храбрыми поляками и съ втрое болѣе сильными турецкими полчищами, но не умѣли убѣречься отъ тенетъ московской дипломатіи. Извѣстно, что послѣ страшнаго возстанія 1648 года, которое было началомъ конца польской республики и кровавой войны съ поляками, казаки подпали подъ иго русскихъ царей и потеряли всѣ свои вольности. Одинъ изъ Сулима былъ захваченъ тогда поляками и замученъ до смерти въ Варшавѣ; но остальные полковники такого же закала дрались еще болѣе упорно, и Польша потеряла Малороссию.

Что касается моего дѣда, то въ двѣнадцатомъ году онъ во главѣ кирасирскаго полка умѣлъ врубиться въ карэ французовъ, несмотря на щитину штыковъ и, оставленный, какъ убитый, на полѣ сраженія, сумѣлъ оправиться, отѣлавшись глубокимъ шрамомъ на головѣ; но стать лакеемъ у всемогущаго Аракчеева онъ не захотѣлъ, и его отправили въ своего рода почетную ссылку, вначалѣ генераль-губернаторомъ въ Западную, а потомъ въ Восточную Сибирь. Въ то время такой постъ считался болѣе прибыльнымъ, чѣмъ золотой пріискъ; но мой дѣдъ возвратился изъ Сибири такимъ же небогатымъ человѣкомъ, какимъ отправился туда. Онъ оставилъ своимъ тремъ сыновьямъ и тремъ дочерямъ лишь маленькое наслѣдство. Когда я, въ 1862 году, поѣхалъ въ Сибирь, то часто слышалъ его имя, произносившееся съ большимъ уваженіемъ. Чудовищное воровство, царившее тогда въ Сибири, съ которымъ мой дѣдъ былъ не въ силахъ бороться, приводило его въ отчаяніе.

Мать моя, безъ сомнѣнія, для своего времени была замѣчательная женщина. Много лѣтъ спустя послѣ ея смерти, я въ углу, въ кладовой, въ нашемъ деревенскомъ домѣ нашелъ много бумагъ, исписанныхъ ея твердымъ и красивымъ почеркомъ. То были дневники, въ которыхъ она описывала

красоту природы въ Германіи, на водахъ, и говорила о своихъ печалахъ и о жаждѣ счастья. Тутъ были также тетради запрещенныхъ русскихъ стихотвореній, между прочимъ, думы Рылѣва. Въ другихъ тетрадяхъ были ноты, французскія драмы, стихи Ламартина, поэмы Байрона. Нашель я также много акварелей, рисованныхъ мою матерью.

Высокая, стройная, съ массой каштановыхъ волосъ, съ темно-карими глазами, съ маленьkimъ ртомъ, она, какъ живая, глядить съ портрета, написанного съ любовью масляными красками хорошимъ художникомъ. Она была всегда весела, подчасъ беззаботна и очень любила танцы. Никольскія крестьянки часто рассказывали намъ, какъ, бывало, любовалась она съ балкона на ихъ хороводы, а потомъ не утерпѣть, и сама присоединится къ нимъ. Она была артистическая натура. На балу моя мать схватила простуду, которая кончилась воспаленiemъ легкихъ, и довела её до могилы.

Всѣ, знаяшie её, любили её. Слуги боготворили ея память. Ради ея мадамъ Бурманъ взялась заботиться о насъ. Въ память ея Ульяна такъ любила насъ. Когда она чесала насъ или крестила предъ сномъ, она часто говорила: «Бѣдныя сиротки! Теперь ваша мамаша смотрѣть на васъ съ неба и плачетъ по васъ».

Все мое дѣтство перевито воспоминаніями о ней. Какъ часто гдѣ-нибудь въ темномъ коридорѣ рука дворового ласково касалась меня или брата Александра. Какъ часто крестьянка, встрѣтивъ насъ въ полѣ, спрашивала: «Выросли ли вы такими добрыми, какой была ваша мать? Она насъ жалѣла, а вы будете жалѣть?»

«Насъ» означало, конечно, крѣпостныхъ. Не знаю, что стало бы съ нами, если бы мы не нашли въ нашемъ домѣ среди дворовыхъ ту атмосферу любви, которой должны быть окружены дѣти. Мы были дѣти нашей матери; мы были похожи на нее; и въ силу этого, крѣпостные осыпали насъ заботами, подчасъ, какъ видно будеть дальше, въ крайне трогательной формѣ.

Люди жаждутъ безсмертія; но они часто упускаютъ изъ виду тотъ фактъ, что память о дѣйствительно добрыхъ людяхъ живеть вѣчно. Она запечатлѣвается на слѣдующемъ поколѣніи и передается снова дѣтямъ. Неужели имъ мало такого безсмертія?

IV.

Два года послѣ смерти матери отецъ мой женился во второй разъ. Онъ уже было высмотрѣлъ красивую невѣсту изъ богатой семьи, когда судьба его рѣшилась иначе. Разъ утромъ, когда отецъ сидѣлъ еще въ халатѣ, вбѣжали перепуганные слуги и возвѣстили о прибытіи генерала Тимофеева, начальника шестого армейскаго корпуса, въ которомъ служилъ отецъ. Любимецъ Николая I былъ ужасный человѣкъ. За ошибку на парадѣ онъ могъ отдать приказъ запороть солдата до полусмерти. Онъ могъ разжаловать офицера и сослать въ Сибирь, если бы встрѣтилъ его на улицѣ съ разстегнутыми крючками высокаго, тугого воротника. У Николая слово генерала Тимофеева значило все. Въ это утро генераль, который до тѣхъ поръ никогда не бывалъ у насъ, явился самолично, чтобы посватать отцу племянницу жены, дѣвицу Елизавету Марковну Карандину, одну изъ дочерей адмирала черноморскаго флота,—говорить очень красивую тогда дѣвицу, съ правильнымъ греческимъ профилемъ. Отецъ согласился, и вторая свадьба, какъ и первая, была отпразднована съ большою торжественностью.

— Вы, молодые, ничего не понимаете въ этихъ дѣлахъ,—заканчивалъ всегда отецъ, когда онъ впослѣдствіи, съ не-передаваемымъ тонкимъ юморомъ рассказывалъ мнѣ эту исторію.—Знаешь ли ты, что въ то время значило «корпусный»? А вдругъ самъ онъ, одноглазый чортъ, пріѣхалъ сватомъ. Конечно, приданаго было всего большой сундукъ, набитый бабыми тряпками, да еще сидѣть на немъ крѣпостная дѣвка Мареа, черная, какъ цыганка.

Я рѣшительно ничего не помню объ этомъ событии. Припоминается лишь большая гостиная въ богато убранномъ домѣ, а въ этой гостиной молодая привлекательная дама съ слишкомъ острыми южными глазами, заигрываетъ съ нами, повторяя: «Видите, какая веселая мамаша будетъ у васъ!»

На что Саша и я, насущившись, отвѣчали: «Наша мама улетѣла на небо!» Мы съ недовѣрчивостью относились къ такой, слишкомъ большой живости.

Пришла зима, и для насъ началась новая жизнь. Домъ продали и купили другой, который обмѣнировали совершенно заново. Исчезло все, что могло бы напоминать мать: портреты, рисунки, вышиванье. Напрасно молила мадамъ Бурманъ оставить ей въ домѣ и обѣщала посвятить

себя всецѣло ребенку, котораго ожидала мачиха,—её раз считали.

— Не хочу имѣть у себя никого изъ дома Сулимы!— говорила мачиха. Она порвала всѣ связи съ нашими дядьками, тетками и бабушкой. Ульяну назначили ключницей и выдали за Фрола, котораго сдѣлали дворецкимъ. Чтобы учить насть, приставили дорогого француза-губернера, мосьё Пулэна, и нанили за-дешево русскаго студента, Н. П. Смирнова. Во многихъ домахъ въ Москвѣ были тогда французы - губернера, обломки наполеоновской великой арміи. Пулэнъ тоже принадлежалъ къ ней и только что закончилъ воспитаніе младшаго сына романиста Загоскина. Въ Старой Конюшенной Сережа Загоскинъ считался такимъ благовоспитаннымъ молодымъ человѣкомъ, что отецъ мой, не колеблясь, пригласилъ Пулэна за высокую по тому времени плату въ 600 руб. въ годъ.

Пулэнъ явился со своей охотничьей собакой, Трезоромъ, наполеоновскимъ кофейникомъ, французскими учебниками и сталъ править нами и крѣпостнымъ Матвѣемъ, котораго приставили намъ въ прислуги. Его планъ воспитанія былъ очень простъ. Разбудивъ насть, онъ вариль себѣ кофе, который пиль въ своей комнатѣ. Въ то время, какъ мы приготовляли уроки, онъ очень тщательно занимался своимъ туалетомъ: зачесывалъ свои сѣдыя волосы такъ, чтобы скрыть располневшуюся плѣшь, надѣвалъ фракъ, прыскаль себя и вытираль одеколономъ, а затѣмъ вель насть внизъ по здороваться съ родителями. Отца и мачиху мы обыкновенно заставали за утреннимъ кофе. Подойдя къ нимъ, мы повторяли официальнымъ тономъ: «Bonjour, mon ch r papa», «Bonjour, ma ch re m aman», и затѣмъ цѣловали руки. Мосьё Пулэнъ выдѣльвалъ очень сложный и элегантный пируэтъ, произнося: «Bonjour», monsieur le prince», «Bonjour, ma dame la princesse». Выполнивъ все это, мы немедленно уходили къ себѣ на верхъ. Эта церемонія повторялась каждое утро.

Затѣмъ начиналось наше ученіе. Мосьё Пулэнъ, вмѣсто фрака, облачался въ халатъ, надѣвалъ на голову кожаную шапочку, погружался въ кресло и говорилъ: «Скажите урокъ».

Мы сказывали «наизусть» отъ одного мѣста, отмѣченаго намъ ногтемъ, до другого. Мосьё Пулэнъ принесъ съ собою памятную не одному поколѣнію русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ грамматику Ноэля и Шапсоля, книжку

французскихъ вокабуль, всемирную исторію въ одномъ томикѣ и всеобщую географію, тоже въ одной книжкѣ. Мы должны были вырубить грамматику, вокабулы, исторію и географію. Съ грамматикой, начинавшейся знаменитой фразой: «Что такое грамматика? — Искусство правильно читать и писать», съ грамматикой, говорю, дѣло обходилось благополучно. Но, къ несчастью, исторія начиналась съ предисловія, въ которомъ перечислялись всѣ выгоды, проис текающія изъ знанія этой науки. Съ первыми предложеніями дѣло шло довольно гладко. Мы твердили: «Государь находитъ въ исторіи примѣры великодушія, чтобы слѣдовать имъ при управлении своимъ народомъ; полководецъ изучаетъ по ней благородное искусство ратнаго дѣла...» Но какъ только дѣло доходило до юриспруденціи, все портилось. «Юрисконсультъ находитъ въ исторіи...»; но что именно находитъ онъ, мы такъ и не могли узнать. Трудное слово «юрисконсультъ» портило все. Какъ только мы добирались до него, мы останавливались.

— На колѣни, gros pouff (это ко мнѣ), — восклицалъ Пулэнъ. — На колѣни, grand dada (это по адресу брата). И мы становились на колѣни и обливались слезами, тщетно стараясь выучить, чтѣ находитъ юрисконсультъ въ исторіи.

Это предисловіе дорого намъ обошлось! Мы уже выучили про римлянъ. Мы бросали, «какъ Бренъ» палки, на чашки вѣсовъ, когда Ульяна отвѣчивала рисъ. Подражая Курцю, мы, для спасенія отчизны, прыгали въ бездну со стола; но мосьѣ Пулэнъ все еще, время отъ времени, возвращалъ насъ къ предисловію и ставилъ на колѣни все изъ-за того же юрисконсulta. Нужно ли удивляться послѣ этого, что и я, и мой братъ возымѣли непреодолимое отвращеніе къ юриспруденціи!

Не знаю, что стало бы съ географіей, если бы въ книжкѣ мосьѣ Пулэна тоже было предисловіе. Къ счастью, первыя двадцать страницъ были вырваны (я думаю, эту великую услугу окказалъ намъ Серёжа Загоскинъ). Въ силу этого, наши уроки начались прямо съ двадцать первой страницы, со словъ: «изъ рѣкъ, орошающихъ Францію».

Долженъ сознаться, что дѣло не всегда кончалось наказаніемъ на колѣни. Въ классной имѣлась также розга, къ которой и прибѣгалъ мосьѣ Пулэнъ, когда на прогрессъ въ предисловіи или же въ діалогахъ о добродѣтели и благопристойности не было больше надежды. Но однажды сестра Лена, которая только что возвратилась изъ Екатер-

рининского института и занимала комнату подъ нашей классной, услыхавъ нашъ плачъ, стремительно вбѣжала въ слезахъ въ кабинетъ къ отцу. Она горько стала упрекатъ его за то, что онъ отдалъ насъ мачихѣ, которая сдала насть на произволъ «отставному французскому барабанщику».

— Конечно,—она кричала въ слезахъ,—здѣсь некому заступиться за нихъ; но я не могу видѣть, какъ барабанщикъ обращается съ моими братьями.

Отецъ былъ захваченъ врасплохъ и смѣшался. Онъ сначала стать бранить Лену, но кончилъ тѣмъ, что похвалилъ за любовь къ братьямъ. Съ тѣхъ поръ розга сохранилась лишь для того, чтобы внушать Трезоркѣ правила благопристойности.

Покончивъ съ тяжелыми учительскими обязанностями, мосьѣ Пулэнъ мгновенно преобразжался; передъ нами былъ уже не свирѣпый педагогъ, а веселый товарищъ. Послѣ завтрака онъ водилъ насъ на прогулку, и здѣсь не было конца его рассказамъ. Мы болтали, какъ птички. Хотя мы не забирались съ Пулэномъ дальше первыхъ страницъ синтаксиса, но мы скоро научились «правильно говорить». Мы стали думать по-французски. Когда же онъ продиктовалъ намъ поль-книги о миѳологии (онъ исправлялъ ошибки по книгѣ, никогда не пытаясь даже объяснить, почему слово должно быть писано такъ, а не иначе), то мы постигли также, какъ «правильно писать».

Послѣ обѣда мы занимались съ учителемъ русского языка, студентомъ юридического факультета Московскаго университета. Онъ обучалъ всѣмъ «русскимъ» предметамъ: грамматикѣ, ариѳметикѣ и т. п. Въ тѣ годы серьёзное учение еще не начиналось. Одновременно съ диктовалъ намъ ежедневно по страницѣ изъ исторіи, и такимъ образомъ мы на практикѣ быстро научились совершенно правиль но писать по-русски.

Наше лучшее время бывало по воскресеньямъ, когда всѣ наши, кроме дѣтей, отправлялись на обѣдъ къ генеральшѣ Тимофеевой. Порой случалось также, что отпускъ получали въ этотъ день Пулэнъ и Николай Павловичъ Смирновъ. Въ такомъ случаѣ мы оставались на попеченіи Ульяны. Наскоро пообѣдавъ, мы отправлялись въ парадный залъ, куда скоро являлась и молодежь изъ горничныхъ. Затѣвались всевозможныя игры: въ жмурки, въ коршуна и т. д. Затѣмъ мастеръ на всѣ руки Тихонъ являлся со скрипкой. Начиналась пляска: не скучные, мѣрные танцы подъ упра-

вленіемъ таинмейстера Француза «на резиновыхъ пожкахъ» (танцы, конечно, входили въ программу нашего воспитанія), а живой танецъ—не урокъ. Пары двадцать кружились въ разныя стороны, но это было лишь вступленіемъ къ еще болѣе оживленному казачку. Тихонъ тогда вручалъ скрипку одному изъ стариковъ и начиналъ вывертывать ногами такія мудреныя фигуры, что въ дверяхъ показывались повора и даже кучера, желавшіе поглядѣть на любезный ихъ сердцу танецъ.

Въ девять часовъ за нашими посыпалась большая карета. Тихонъ, вооружившись щеткой, ползаль по паркету, чтобы возстановить опять его дѣствственный блескъ. Въ домѣ воцарялся образцовыи порядокъ. И если бы насть съ братомъ на другой день подвергли самому строгому допросу, мы не обмолвились бы ни словомъ о развлеченіяхъ предыдущаго вечера. Мы ни за что не выдали бы никого изъ слугъ,—точно такъ же, какъ никто изъ нихъ не выдалъ бы насть.

Разъ, въ воскресенье, мы съ братомъ играли одни въ большой залѣ и набѣжали на подставку, поддерживавшую дорогую лампу. Лампа разбилась вдребезги. Немедленно же «дворовые» собрали совѣтъ. Никто не упрекалъ насть. Рѣшено было, что на другой день, рано утромъ, Тихонъ, на свой страхъ и отвѣтственность, выберется потихоньку, побѣжитъ на Кузнецкій Мостъ и тамъ купить такую же лампу. Она стоила пятнадцать рублей,—для дворовыхъ громадная сумма. Но лампу купили, а насть никто никогда не попрекнулъ даже словомъ.

Когда я думаю теперь о прошломъ, и въ моей памяти возстаютъ всѣ эти сцены, я припоминаю также, что во время игръ мы никогда не слыхали грубыхъ словъ; не видали мы также въ танцахъ ничего такого, чѣмъ теперь угощаются даже дѣтей въ театрѣ. Въ людской, промежъ себя, дворовые, конечно, употребляли неприличныя выраженія. Но мы были дѣти, ея дѣти, и это охраняло насть отъ всего худого.

Въ тѣ времена дѣтей не заваливали такой массой игрушекъ, какъ теперь. Собственно говоря, ихъ у насть почти вовсе не имѣлось, и мы вынуждены были прибѣгать къ нашей собственной изобрѣтательности. Съ другой стороны, мы съ братомъ рано пріобрѣли вкусъ къ театру. Впечатлѣніе, произведенное масленичными балаганами, съ ихъ представленіями сраженій и разбойниковъ, продолжалось недолго: мы сами предостаточно играли въ казаковъ

и разбойниковъ. Но въ Москву прибыла балетная звѣзда первой величины, Фанни Эльслеръ, и мы увидали ее. Когда отецъ покупалъ билетъ въ театръ, то бралъ всегда лучшую ложу, не жалѣя денегъ; но зато онъ хотѣлъ, чтобы за эти деньги наслаждалась вся семья. Взяли и меня, несмотря на то, что я былъ тогда очень малъ. Фанни Эльслеръ произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе граціозностью, воздушностью и изяществомъ всякаго движенія, что съ тѣхъ поръ танцы, относящіеся скорѣе къ области гимнастическихъ упражненій, чѣмъ искусства, никогда меня не интересовали.

Нечего и говорить, что «Гитану, Испанскую цыганку», балетъ, въ которомъ Эльслеръ участвовала, мы рѣшили поставить дома, т.-е. содержаніе балета, а не танцы. У насъ была готовая сцена: дверь изъ спальни въ классную закрывалась занавѣсью. Нѣсколько стульевъ полукругомъ и кресло для москѣ Пулэнна составили зрительный залъ и царскую ложу. Публику мы легко собрали: тутъ были Ульяна, русскій учитель и двѣ-три горничныя. Мы рѣшили во что бы то ни стало поставить двѣ сцены: ту, въ которой цыгане привозятъ въ таборъ маленькую Гитану въ тачкѣ, и ту, гдѣ Гитана въ первый разъ появляется на сценѣ, спускается съ пригорка и переходитъ по мосту черезъ ручей, въ которомъ отражается ея образъ. Зрители тогда стали бѣшено аплодировать, и мы рѣшили, что рукоплесканія были вызваны отраженіемъ въ ручѣ.

Для роли Гитаны мы выбрали одну изъ самыхъ маленькихъ дѣвочекъ въ дѣвичей. Ея оборванное пестрядевое платье не составляло препятствія. Перевернутый стуль вполнѣ замѣнилъ тачку. Но ручей! Изъ двухъ креселъ и гладильной доски портного Андрея мы соорудили мостъ, а изъ куска синей китайки — ручей. Для полученія отраженія мы пустили въ ходъ маленькое круглое зеркало, предъ которымъ брілся М. Пулэнъ; но сколько мы ни старались, отраженіе во весь ростъ не получалось. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, мы должны были отказаться отъ опыта съ зеркаломъ. Но мы упросили Ульяну, чтобы она поступила такъ, какъ будто бы видѣла отраженіе въ ручѣ и аплодировала бы громко. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, мы сами начали вѣрить, что, быть-можеть, что-нибудь и видно въ самомъ дѣлѣ.

Расиновская «Phèdre» или, по крайней мѣрѣ, послѣдній актъ трагедіи, сходила тоже очень не дурно, а именно, Саша прекрасно декламировалъ звучные стихи:

«A peine nous sortions des portes de Trezène»,

а я сидѣлъ совершенно неподвижно, во все время трагического монолога, возвѣщавшаго мнѣ о смерти сына, до тѣхъ поръ, покуда, согласно книжкѣ, я долженъ быть подать реплику: «Oh, dieux!»

Но что бы мы ни играли, всѣ наши представленія неизмѣнно заканчивались адомъ. Мы тушили всѣ свѣчи, кроме одной, которую ставили за прозрачный экранъ, намазанный сурокомъ, что должно было изображать пламя. Мы съ братомъ затѣмъ прятались и принимались отчаянно выть, какъ осужденные грѣшники. Ульяна не любила поминать черта къ ночи и пугалась; но я задаю себѣ вопросъ, не содѣйствовало ли это слишкомъ конкретное представление ада, при помощи сильной свѣчки и листа бумаги тому, что мы съ братомъ въ раннемъ возрастѣ освободились отъ страха геенны огненной. Наше представленіе было слишкомъ реально, чтобы не пробудить скептицизма.

Вѣроятно, я былъ еще очень малъ, когда увидалъ знаменитыхъ московскихъ актеровъ: Щепкина, Садовскаго и Шумскаго въ «Ревизорѣ» и въ «Свадьбѣ Кречинскаго». Тѣмъ не менѣе, я живо помню, не только всѣ выдающіяся сцены въ обѣихъ комедіяхъ, но даже интонацію нашихъ великихъ актеровъ реалистической школы: ихъ игра такъ сильно запечатлѣлась во мнѣ, что когда я впослѣдствіи видѣлъ тѣ же пьесы въ Петербургѣ, въ исполненіи актеровъ французской декламаторской школы, я не могъ выносить ихъ. Я сравнивалъ этихъ актеровъ съ Щепкинымъ и Садовскимъ, установившимъ мой вкусъ въ драматическомъ искусстве. Это наводить меня, кстати, на мысль, что родители, желающіе воспитать въ дѣтяхъ художественный вкусъ, должны ихъ брать изрѣдка въ театръ, смотрѣть хорошихъ актеровъ въ хорошихъ пьесахъ, а не такъ называемыя «дѣтскія пантомимы».

V.

На восьмомъ году въ моей жизни произошло событие, опредѣлившее, какъ пойдетъ мое дальнѣйшее воспитаніе. Я не знаю въ точности по какому случаю, но полагаю, что по поводу двадцатипятилѣтія со дня вступленія на пре-

столъ Николая I, въ Москвѣ подготавлялся грандіозный балъ. Дворъ долженъ быть прибыть въ старую столицу, и московское дворянство рѣшило ознаменовать событіе костюмированнымъ баломъ, въ которомъ дѣтямъ предстояло принять видное участіе. Рѣшено было, что привѣтствовать императора должны всѣ различныя народности, входящія въ составъ имперіи. Какъ у насъ, такъ и у со-сѣдей шли большія приготовленія. Для нашей мачихи былъ приготовленъ замѣчательный русскій костюмъ. Такъ какъ отецъ былъ военный, то, разумѣется, онъ долженъ быть явиться въ мундирѣ; но тѣ изъ нашихъ родственниковъ, которые не служили, не менѣе дамъ были заняты приготовленіемъ русскихъ, греческихъ, кавказскихъ, монгольскихъ и другихъ костюмовъ. Когда московское дворянство даетъ балъ государю, балъ долженъ отличаться необыкновенной пышностью. Насъ съ братомъ считали слишкомъ молодыми, чтобы принять участіе въ торжествѣ.

Но, въ концѣ-концовъ, я попалъ таки на балъ. Наша мать была очень дружна съ Назимовой, женой генерала, который былъ впослѣдствіи виленскимъ губернаторомъ, когда шла рѣчь объ освобожденіи крѣпостныхъ. Назимовой, очень красивой женщинѣ, предстояло явиться въ сопровожденіи восьми лѣтняго сына, въ великолѣпномъ костюмѣ персидской царицы. Соответственно и сынъ долженъ быть быть въ очень богатомъ костюмѣ, перехваченномъ поясомъ, украшеннымъ драгоцѣнными каменьями. Но мальчикъ заболѣлъ, какъ разъ передъ баломъ, и Назимова рѣшила, что одинъ изъ сыновей ея лучшаго друга лучше всего замѣнить больного. Насъ съ Сашей повезли къ Назимовой, чтобы примѣрить костюмъ. Онъ оказался коротокъ для Александра, который былъ выше меня ростомъ; но мнѣ костюмъ пришелся какъ разъ впору. Рѣшено было, что изображать персидскаго царевича буду я.

Громадный залъ московского дворянскаго собранія былъ наполненъ гостями. Каждому изъ дѣтей вручили жезлъ съ гербомъ одной изъ шестидесяти губерній Россійской имперіи. На моемъ жезлѣ значился орель, парящій надъ голубымъ моремъ, что, какъ я узналъ впослѣдствіи, изображало гербъ Астраханской губерніи. Насъ выстроили въ концѣ громаднаго зала; затѣмъ мы попарно направились къ возвышенню, на которомъ находились императоръ и его семья. Когда мы подходили, то расходились направо и налево и выстроились такимъ образомъ въ одинъ рядъ предъ воз-

вышеніемъ. Тогда, по данному намъ приказанію, мы склонили всѣ жезлы съ гербами передъ Николаемъ.... Апоѳеозъ самодержавія вышелъ очень эффектный. Николай былъ въ восторгѣ. Всѣ провинціи преклонялись предъ верховнымъ правителемъ. Затѣмъ мы, дѣти, стали медленно уходить въ глубь залы.

Но тутъ произошло нѣкоторое замѣшательство; засутились камергеры въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, и меня вывели изъ рядовъ. Мой дядя, князь Гагаринъ, одѣтый тунгусомъ (я не могъ наглядѣться на его кафтанъ изъ тонкой замши, на его лукъ и на колчанъ, наполненный стрѣлами) поднялъ меня на руки и поставилъ на платформу предъ царемъ.

Не знаю, потому ли, что я былъ самый маленький въ процессіи, или потому, что мое круглое лицо съ кудрями казалось особенно потѣшно подъ высокой смушковой шапкой, но Николай пожелалъ видѣть меня на платформѣ. Мнѣ потомъ сказали, что Николай, любившій всегда казарменныя остроты, взялъ меня за руку, подвель къ Маріи Александровнѣ (женѣ наслѣдника), которая тогда ждала третьяго ребенка и, по-солдатски, сказалъ ей: «Вотъ какихъ молодцовъ мнѣ нужно!» Эта острота, конечно, заставила Марію Александровну покраснѣть. Во всякомъ случаѣ, я очень хорошо помню, какъ Николай спросилъ: хочу ли я конфетъ? на что я отвѣтилъ, что хотѣль бы имѣть крендельковъ, которые намъ подавали къ чаю въ торжественныхъ случаяхъ. Николай подозвалъ лакея и высыпалъ полный подносъ въ мою высокую шапку.

«Я отвезу ихъ Сапѣ», сказалъ я Николаю.

Въ концѣ концовъ, фельдфебеле-образный братъ Николая, Михаилъ, имѣвшій репутацію остряка, ухитрился-таки заставить меня заплакать.

— Когда ты пай-дитя, тебя гладять вотъ такъ,—сказалъ онъ и провелъ своею большою рукою по моему лицу сверху внизъ.

— Когда же ты шалишь, тебя гладять вотъ эдакъ,—и онъ провелъ рукой вверхъ, сильно нажимая носъ, который и безъ того проявлялъ уже наклонность расти кверху. На моихъ глазахъ показались слезы, которыхъ я напрасно старался удержать. Дамы, впрочемъ, заступились за меня. Добрая Марія Александровна взяла меня подъ свое покровительство. Она усадила меня рядомъ съ собою на высокій съ золоченой спинкой бархатный стулъ. Мнѣ гово-

рили впослѣдствии, что я скоро заснуль, положивъ голову ей на колѣни, а она не вставала съ мѣста во все время бала. Помню я также, что родные, когда мы дожидались кареты, гладили меня по головѣ, цѣловали и говорили: «Петя, ты назначенъ пажемъ!» на что я отвѣчалъ: «Я не пажъ, я домой хочу», и очепь быть озабоченъ моей шапкой, въ которой лежали предназначенные для Саши крендельки.

Не знаю, много ли ихъ досталось Сашѣ; но помню, что крѣпко обнялъ онъ меня, когда ему сказали, какъ я беспокоился о шапкѣ.

Быть записаннымъ въ кандидаты въ пажескій корпусъ считалось тогда большою милостью. Николай рѣдко ее оказывалъ московскому дворянству. Отецъ мой былъ въ восторгѣ и мечталъ уже о той блестящей карьерѣ, которую сдѣлаетъ при дворѣ сынъ; а мачиха, когда она потомъ рассказывала про это событие, никогда не забывала прибавить: «А все это потому, что я его благословила предъ баломъ!»

Назимова была въ восторгѣ и заказала акварельный портретъ, на которомъ она изображена въ персидскомъ костюмѣ, и я—рядомъ съ ней.

Черезъ годъ рѣшилась также судьба Александра. Въ Петербургѣ праздновался юбилей Измайловскаго полка, въ которомъ отецъ служилъ въ молодости. Разъ ночью, когда въ домѣ всѣ спали глубокимъ сномъ, у воротъ остановилась, гремя колокольчиками, тройка. Выскочилъ изъ кибитки фельдѣгеръ и громко крикнулъ: «Отпирайте! Приказъ отъ государя императора!..»

Можно легко себѣ представить, какой ужасъ наигнало на весь домъ это ночное посѣщеніе. Отецъ, дрожа, накинулся халать и спустился въ кабинетъ.—«Военный судъ, разжалованье въ солдаты» мерещилось тогда каждому офицеру. То было ужасное время. Оказалось, однако, что Николай просто пожелалъ имѣть имена всѣхъ сыновей офицеровъ, когда-либо служившихъ въ Измайловскомъ полку, чтобы распределить мальчиковъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, если это еще не было сдѣлано. Съ этой цѣлью и послали изъ Петербурга въ Москву курьера, который днемъ и ночью стучался въ дома всѣхъ бывшихъ офицеровъ Измайловскаго полка.

Дрожащей рукой отецъ записалъ, что его старшій сынъ Николай уже учится въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, что младшій сынъ Петръ—кандидатъ въ паже-

скій корпусъ, и что остается лишь средній сынъ Александръ, который еще не поступилъ въ военно-учебное заведеніе. Черезъ нѣсколько недѣль пришла бумага, извѣшавшая отца о «монаршѣ милости». Александра повелѣвалось опредѣлить въ орловскій кадетскій корпусъ. Отцу стоило немало хлопотъ и денегъ, чтобы добиться позволенія определить Александра въ московскій кадетскій корпусъ. Новая «милость» была оказана только въ виду того, что старшій сынъ уже учился въ этомъ корпусѣ.

Такимъ образомъ, по волѣ Николая I, намъ обоимъ предстояло получить военное воспитаніе, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ мы возненавидѣли военную службу по причинѣ ея нелѣпости. Но Николай бдительно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ сыновья дворянъ, кроме хворыхъ, избирали военную карьеру. Такимъ образомъ, къ великому утѣшению отца, мы всѣ трое должны были стать офицерами.

VI

Въ то время богатство измѣрялось числомъ «душъ», которыми владѣлъ помѣщикъ. «Души» означали крѣпостныхъ мужскаго пола; женщины въ счетъ не шли. Мой отецъ считался богатымъ человѣкомъ. У него было около 1200 душъ въ трехъ различныхъ губерніяхъ и еще большія земли, и онъ жилъ соотвѣтственно своему положенію. Это значило, что его домъ былъ открытъ для гостей, и что отецъ держалъ многочисленную дворню. Въ семье нась было восемь человѣкъ, иногда десять или двѣнадцать; между тѣмъ, пятьдесятъ человѣкъ прислуги въ Москвѣ, и около шестидесяти въ деревнѣ не считалось слишкомъ большими штатомъ. Тогда казалось бы непонятнымъ, какъ можно обойтись безъ четырехъ кучеровъ, смотрѣвшихъ за двѣнадцатью лошадьми, безъ трехъ поваровъ для господъ, и кухарокъ для «людей», безъ двѣнадцати лакеевъ, прислуживавшихъ за столомъ во время обѣда (за каждымъ обѣдающимъ стоялъ лакей съ тарелкой) и безъ безчисленныхъ горничныхъ въ дѣвичьей.

Въ то время завѣтнымъ желаніемъ каждого помѣщика было, чтобы все необходимое въ хозяйствѣ изготавлялось собственными крѣпостными людьми. Все это вотъ для чего. Если кто-нибудь изъ гостей замѣтитъ:

«Какъ хорошо настроенъ вашъ рояль. Вашъ настройщикъ, вѣроятно Шиммель?»

То истинный баринъ отвѣчалъ:

— У меня собственный настройщикъ.

— Что за прекрасное широжное!—бывало, воскликнетъ кто-нибудь изъ гостей, когда къ концу обѣда появлялось гвоего рода художественное произведение изъ мороженаго и печений.—Признайтесь, князь, это отъ Tremblé (модный кондитеръ того времени)?

— Нѣть, это дѣлалъ мой собственный кондитеръ, ученикъ Tremblé. Я позволилъ ему сегодня показать свое искусство.

Завѣтнымъ желаніемъ каждого богатаго и знатнаго помѣщика было имѣть мебель, сбрую, вышивки,—словомъ все, отъ собственныхъ мастеровъ. Когда дѣтямъ дворовыхъ исполнялось десять лѣтъ, ихъ отдавали на выучку въ модныя мастерскія. Пять или семь лѣтъ они подметали лавку, получали безчисленныя колотушки и состояли, главнымъ образомъ, на побѣгушкахъ. Я долженъ сказать, что немногіе выучивались въ совершенствѣ ремеслу. Портные и сапожники могли шить платье и сапоги только не прислугу; когда же нужно было дѣйствительно хорошее широжное, его заказывали у Трамблѣ, а нашъ кондитеръ въ это время игралъ на барабанѣ въ крѣпостномъ оркестрѣ. Этотъ оркестрѣ былъ другимъ пунктомъ тщеславія моего отца; почти каждый дворовый, помимо своего ремесла, состоялъ еще басомъ, тромбономъ или кларнетомъ въ оркестрѣ. Настройщикъ Макаръ, онъ же помощникъ дворецкаго, игралъ также на флейтѣ. Портной Андрей игралъ на валторнѣ. Обязанностью же кондитера было вначалѣ бить въ барабанъ; но онъ такъ усердствовалъ, что оглушалъ всѣхъ. Тогда ему купили чудовищную трубу, въ надеждѣ, что, быть-можетъ, легкими онъ не будетъ въ состояніи производить такой шумъ, какъ руками. Но когда и эта надежда не оправдалась, его сдали въ солдаты. Что же касается рабочаго Тихона, то помимо безчисленныхъ обязанностей въ домѣ, въ роли ламповщика, полотёра или выѣздного лакея, онъ еще не безъ пользы помогалъ въ оркестрѣ, сегодня на тромбонѣ, завтра на контрабасѣ, а не то и какъ вторая скрипка.

Две первыя скрипки составляли единственное исключение изъ правила. Онъ были только скрипками. Отецъ купилъ ихъ за большія деньги, съ семьями, у сестеръ (онъ никогда не покупалъ крѣпостныхъ у постороннихъ и не продавалъ людей чужимъ). И вотъ по вечерамъ, когда отецъ

не убѣжалъ въ клубъ или когда у насъ бывали гости, и ралъ оркестръ изъ двѣнадцати или пятнадцати музыкантовъ и игралъ очень недурно. На нашъ оркестръ былъ большой спросъ, когда сосѣди, въ особенности въ деревнѣ, устраивали вечера съ танцами. Каждый разъ, конечно, въ подобныхъ случаяхъ нужно было спросить разрѣшеніе отца.

Ничто не доставляло отцу такое удовольствіе, какъ когда къ нему обращались съ просьбой по поводу оркестра или чего-либо другого: напримѣръ, опредѣлить мальчика на казенный счетъ въ школу или освободить кого-нибудь отъ наказанія, наложенного судомъ. Хотя отецъ способенъ былъ на взрывы бѣшенства, но по натурѣ, безъ сомнѣнія, онъ былъ довольно мягкой человѣкъ. И когда къ нему обращались за протекціей, онъ писалъ десятки писемъ во всѣ стороны ко всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ, которыхъ могли быть полезны его *protégé*. Въ такихъ случаяхъ, его и безъ того не малая переписка увеличивалась еще полдюжины специальныхъ писемъ, написанныхъ въ крайне характерномъ, полуофициальномъ, полу-шуточномъ тонѣ. Каждое письмо, конечно, запечатывалось гербовой печатью отца. Большой квадратный конвертъ шумѣлъ тогда, какъ дѣтская погремушка, по причинѣ песка, которымъ густо посыпалось письмо: промокательную бумагу въ то время еще не знали. Чѣмъ труднѣе была просьба, тѣмъ большую энергию проявлялъ отецъ, покуда не добивался просимаго для *protégé*, котораго во многихъ случаяхъ никогда даже въ глаза не видаль.

Отецъ мой любилъ, чтобы у него были гости. Обѣдали мы въ четыре часа, а въ семь вся семья собиралась вокругъ самовара. Въ это время могъ приходить всякий, принадлежавший къ нашему кругу. Въ особенности, не было недостатка въ гостяхъ, когда Лена возвратилась изъ института. Если въ окнахъ, выходившихъ на улицу, было свѣтъ, знакомые знали, что наши дома и что гостямъ будутъ рады.

Гости собирались почти каждый вечеръ. Въ залѣ раскрывались ломберные столы. Молодежь же и дамы оставались въ гостиной или же собирались возлѣ Ленинаго рояля. Послѣ ухода дамъ картижная игра продолжалась до разсвѣта, и значительныя суммы переходили тогда изъ рукъ въ руки. Отецъ мой постоянно проигрывалъ. Опасной для него, однако, являлась игра не дома, а въ англійскомъ клубѣ, гдѣ ставки были выше. Въ особенности опасно было,

когда отца звали на партю «съ очень почтенными господами» въ одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ домовъ въ Старой Конюшнной, гдѣ большая игра шла всю ночь.. Въ подобныхъ случаяхъ отецъ проигрывалъ очень много.

Нерѣдко устраивались танцевальные вечера, не говоря уже о двухъ обязательныхъ балахъ каждую зиму. Въ подобныхъ случаяхъ отецъ не смотрѣлъ на издержки, а устраивалъ все, какъ можно лучше. Въ то же время, въ будничной нашей жизни проявлялась такая скверность, что если бы я сталъ рассказывать подробности, ихъ сочли бы за преувеличеніе. Объ одномъ претендентѣ на французскій престолъ, который прославился великолѣпными охотничими партіями, говорять, что въ его домѣ даже сальные огарки были на счету. Такая же мелочная экономія во всемъ практиковалась и въ нашемъ домѣ, и скучность доходила до того, что мы, дѣти, когда выросли, возненавидѣли бережливость и расчетъ. Впрочемъ, въ Старой Конюшнной такая манера жить заставляла лишь всѣхъ относиться еще съ болѣшимъ уваженіемъ къ отцу.

— Старый князь,—говорили всѣ,—скуповать на домашніе расходы, зато ужъ знаетъ, какъ слѣдуетъ жить дворянину.

Въ нашихъ тихихъ и чистенькихъ уличкахъ именно такая жизнь уважалась въ особенности. Одинъ изъ нашихъ сосѣдей, генералъ Д., вель домъ на широкую ногу; а между тѣмъ ежедневно между бариномъ и поваромъ происходили самыя комическія сцены. Послѣ утренняго чая, старый генералъ, посасывая трубку, самъ заказывалъ обѣдъ.

— Ну, братецъ,—говорилъ онъ повару, являвшемуся въ малую столовую въ бѣлоснѣжной курткѣ и колпакѣ,— сегодня насъ будетъ немнога, не болѣе двухъ-трехъ гостей. Ты соорудишь супъ, знаешь, съ какой-нибудь первинкой: съ зеленымъ горошкомъ, фасолью....

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

— Затѣмъ, что тамъ хочешь на второе.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

— Конечно, спаржа еще дороговата, хотя я видѣлъ вчера въ лавкѣ такие славные пучки...

— Точно такъ, ваше превосходительство, по четыре цѣлковыхъ за пучекъ.

— Совершенно вѣрно. Ну, твои жареные цыплята и индѣйки намъ надоѣли до смерти. Ты приготовь намъ что-нибудь новое.

— Не прикажете ли дичи, ваше превосходительство?

— Да, да, братець, что-нибудь такое.

Когда все шесть блюдъ бывали обсуждены, старый генераль спрашивалъ:

— Ну, а сколько тебѣ на расходы? я думаю, три рубля хватить.

— Десять цѣлковыхъ, ваше превосходительство.

— Не говори глупостей, любезный. Вотъ тебѣ три рубля? Я знаю, что ихъ за глаза достаточно.

— Какъ же такъ? Четыре цѣлковыхъ за спаржу, да два съ полтиной за зелень..

— Ну, слушай, любезный, посовѣстись. Такъ и быть, прибавлю еще три четвертака, а ты экономничай.

Торгъ такимъ образомъ продолжался около получаса. Наконецъ, сходились на семи рубляхъ съ четвертакомъ, съ условиемъ, чтобы обѣдъ на другой день стоилъ бы не больше полутора рублей. Генераль, счастливый тѣмъ, что устроилъ все такъ выгодно, приказывалъ закладывать сани и отправлялся въ модныя лавки, откуда возвращался, сіяющій, и привозилъ женѣ фланкъ тонкихъ духовъ, за который заплатилъ бѣшеную цѣну во французскомъ магазинѣ, а единственной своей дочери онъ сообщалъ, что пришла отъ мадамъ такой-то, для примѣрки, «очень простенькую» и очень дорогую бархатную мантилью.

Вся наша безчисленная родня со стороны отца жила точно такимъ же образомъ. Если порой проявлялись какія-нибудь новыя стремленія, они, обыкновенно, принимали религіозную форму. Такъ, напримѣръ, къ великому смущенію «всей Москвы», одинъ князь Гагаринъ поступилъ въ орденъ іезуитовъ; другой молодой князь пошелъ въ монастырь, а нѣсколько старыхъ дамъ стали отчаянными святошами.

Бывали и исключенія. Одинъ изъ нашихъ ближайшихъ родственниковъ, назову его Мирскимъ, провелъ молодость въ Петербургѣ, гдѣ служилъ въ гвардіи. Имѣть крѣпостного портного или мебельщика его не занимало. Домъ его былъ великолѣпно убранъ, а платье онъ носилъ отъ лучшаго петербургскаго портного. Онъ не любилъ картъ и игралъ лишь съ дамами; зато его слабостью была ъда, на которую онъ тратилъ невѣроятныя деньги.

Въ особенности развертывался онъ во время поста и Пасхи. Постомъ онъ погружался всецѣло въ изобрѣтеніе тонкихъ рыбныхъ блюдъ. Съ этой цѣлью онъ перерывалъ лавки

въ обѣихъ столицахъ; а изъ вотчинъ командировались специальные гонцы къ устьямъ Волги, чтобы доставить оттуда на почтовыхъ (желѣзныхъ) дорогъ тогда еще не было) громаднаго осетра или какой-нибудь необыкновенный балыкъ. Когда же наступала Пасха, его изобрѣтательности не было конца.

Пасха — наиболѣе чтимый и наиболѣе веселый праздникъ въ Россіи,—праздникъ весны. Таютъ громадные сугробы, лежащіе всю зиму, и бурные ручьи бѣгутъ по улицамъ. Весна приходить не какъ тать, крадучись, незамѣтно, но открыто. Каждый день замѣчается перемѣна, какъ въ снѣжныхъ сугробахъ, такъ и въ наливающихся почкахъ. Ночные морозы лишь слегка замедляютъ оттепель. Въ мое время Страстная недѣля встрѣчалась въ Москвѣ необыкновенно торжественно. Толпы народа ходили въ церкви, особенно въ четвергъ, послушать тѣ трогательныя мѣста Евангелія, въ которыхъ говорится о страданіяхъ Христа. На Страстной не ъли даже рыбы, а наиболѣе благочестивые вовсе не касались ъды въ Страстную пятницу. Тѣмъ болѣе разителенъ былъ переходъ къ Пасхѣ.

Въ субботу всѣ отправлялись ко всенощной. Начало ея, какъ извѣстно, очень печально. Но въ полночь возвѣщается о воскресеніи Христовомъ. Всѣ церкви разомъ освѣщаются. Съ сотенъ колоколенъ раздается радостный трезвонъ колоколовъ. Начинается всеобщее веселье... Церкви, залитыя свѣтомъ, пестрѣютъ нарядными туалетами дамъ. Даже самая бѣдная женщина постарается на Пасху надѣть обновку, и если она шьеть себѣ новое платье только разъ въ годъ, то сошьетъ его, конечно, къ этому дню.

Какъ и тогда, такъ и теперь Пасха является также временемъ крайней невоздержности въ пищѣ. Въ богатыхъ домахъ готовятся къ этому времени самые вычурные пасхи и куличи, и какъ бы бѣденъ кто ни былъ, онъ долженъ имѣть хотя бъ одну пасху и маленький куличъ и хотя бы одно красное яйцо, чтобы освятить ихъ въ церкви и разговѣться.

Большинство начинало ъсть ночью, послѣ заутрени, непосредственно послѣ того, какъ освященные куличи приносились изъ церкви. Въ богатыхъ же барскихъ домахъ разговѣніе откладывалось до Воскресенія. Къ утру накрывался громадный столъ и устанавливались всякаго рода яствами, и когда господа выходили въ столовую, вся мно-

гочисленная дворяя, вплоть до послѣдней судомойки, приходили христосоваться.

Всю пасхальную недѣлю въ залѣ стоялъ накрытый столъ, и гости приглашались закусить. И въ этомъ случаѣ князь Мирскій, бывало, развернется! Даже когда онъ встрѣчалъ Пасху въ Петербургѣ, гонцы одинаково привозили ему изъ деревни нарочито приготовленный творогъ для пасокъ, изъ котораго поваръ мастерили своего рода художественные произведенія; а другой нарочный скакаль въ новгородскую деревню за медвѣжьимъ окорокомъ, который специально коптился для княжескаго пасхальнаго стола.

Княгиня бывала всю Страстную недѣлю въ очень удрученномъ настроеніи, посѣщая съ двумя дочерьми самые суровые монастыри, гдѣ каждая всенощная длилась по три и по четыре часа, и съѣдая только кусокъ черстваго хлѣба въ промежуткахъ между службами и посѣщеніемъ православныхъ, католическихъ и протестантскихъ проповѣдниковъ. А мужъ ея, въ это время, каждое утро объѣзжалъ знаменитыя Милотины лавки, гдѣ гастрономы находять деликатесы со всѣхъ концовъ земли. Здѣсь князь выбиралъ для пасхальнаго стола все самое дорогое и тонкое. Зато во время Пасхальной недѣли сотни гостей являлись къ нему, и ихъ просили «только отвѣдаться» ту или другую диковину.

Кончилось тѣмъ, что князь ухитрился буквально проѣсть свое значительное состояніе. Его роскошно омеблированный домъ и прекрасное имѣніе продали, и на старости лѣть у князя и княгини ничего не осталось: не было даже своего угла. Они должны были жить у дѣтей.

Такъ шла жизнь въ нашихъ краяхъ, и нечего удивляться, поэтому, что послѣ освобожденія крестьянъ почти вся Старая Конюшенная разорилась. Но я забѣгаю впередъ.

VII.

Содержать такую многочисленную дворню, какъ у насъ, было бы накладно, если бы приходилось всю пропизію покупать въ Москвѣ. Но во время крѣпостного права все устраивалось очень просто. Когда наступала зима, отецъ садился за столъ и писалъ:

«Бурмистру моему, села Никольскаго, Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, что на рекѣ Сиренѣ, отъ князя Алексея Петровича Кропоткина, полковника и кавалера—приказъ:

«По полученіи сего, какъ только установится санный путь, предписывается тебѣ отправить въ мой домъ, въ городъ Москву, двадцать-пять крестьянскихъ парныхъ подводъ, по лошади отъ двора, да по человѣку и по дровнямъ отъ другого; нагрузить столько-то четвертей овса, столько-то пшеницы, столько-то ржи, а также курь, гусей и утокъ, которые должны быть убиты въ эту зиму, хорошо заморожены, хорошо упакованы и препровождены при описи съ вѣрными людьми»—въ томъ же духѣ шли двѣ страницы, до первой точки. Далѣешло перечисленіе наказаній, которыя постигнутъ виновниковъ, если провизія не прибудетъ во время и въ хорошемъ состояніи въ домъ номеръ такой-то, на такой-то улицѣ.

Незадолго до Рождества двадцать пять крестьянскихъ саней дѣйствительно вѣзжали въ ворота и заполнили весь громадный дворъ.

Какъ только докладывалось отцу объ этомъ важномъ событии, онъ начиналъ звать громко:

— Фроль! Кирюшка! Егорка! Гдѣ вы тамъ! Всё раскрадутъ! Фроль! ступай принимать овесь. Ульяна! ступай принимать птицу. Кирюшка! зови княгиню!

Во всемъ домѣ начиналось смятеніе. Слуги метались, какъ угорѣлые, во всѣ стороны, изъ передней во дворъ, а изъ двора опять въ переднюю, но, главнымъ образомъ, въ дѣвичью, чтобы сообщить никольскія новости: «Паша выходитъ замужъ послѣ Рождества. Тетка Анна отдала Богу душу», и т. п. Прибывали также и письма изъ деревни. Вскорѣ которая-нибудь изъ горничныхъ уже пробиралась наверхъ въ мою комнату.

— Петенька, вы одни? Учителя нѣть?

— Нѣть, онъ въ университетѣ.

— Такъ ты, пожалуйста, прочитай письмо отъ матери.

И я принимался читать наивное письмо, которое неизмѣнно начиналось словами: «Родители шлютъ тебѣ свое благословленіе навѣки нерушимое». Затѣмъ слѣдовали уже новости. «Тетка Афросинья больна, поють у ней всѣ кости. Братанъ еще не женился, но уповаешь, женится на красную горку. Тетки Степаниды корова пала на Всѣхъ Святыхъ». За новостями шли двѣ страницы поклоновъ: «Братецъ Павелъ посыаетъ поклонъ, и сестрицы Марья да Дарья шлютъ поклонъ и еще низкій поклонъ отъ дяди Митрія», и т. д. Несмотря на монотонность перечисленія, каждое имя вызывало какое-нибудь замѣчаніе. «Знѣнть,

еще жива, бѣдная! Вотъ уже девять лѣтъ, какъ она лежитъ пластомъ». Или «Ишь, не забыть меня. Значитъ, вернулся къ Рождеству. Такой славный парень. Вы напишете мнѣ письмечко? Тогда и его не забыть бы». Я обѣщалъ, конечно, и въ должное время писалъ письмо точно въ такомъ же родѣ.

Когда сани бывали разгружены, передняя наполнялась крестьянами. Они стояли въ армякахъ поверхъ полушибуковъ и дожидались, покуда отецъ позоветъ ихъ въ кабинетъ, чтобы разспросить о томъ, каковъ снѣгъ выпалъ и каковы виды на урожай. Они робѣли ступать по навощенному паркету, и немногіе рѣшались присѣсть на краешекъ дубовой скамьи. Отъ стульевъ они наотрѣзъ отказывались. Такъ они дожидались цѣлыми часами, глядя съ тоской на каждого входившаго или же выходившаго изъ кабинета.

Нѣсколько попозже, обыкновенно на другой день, кто-нибудь изъ слугъ украдкой пробирался въ нашу классную комнату.

— Князинька, вы одни?

— Да.

— Такъ бѣгите скорѣе въ переднюю. Мужики хотятъ вѣсъ видѣть. Гостицы привезли отъ кормилицы.

Когда я спускался въ переднюю, кто-нибудь изъ крестьянъ вручалъ мнѣ узелокъ съ гостинцемъ: нѣсколько ржаныхъ лепешекъ, полдюжины крутыхъ яицъ и нѣсколько яблокъ. Все это бывало завязано въ пестрый ситцевый платокъ.

— Вотъ это тебѣ гостицы отъ кормилицы Василисы. Ужъ не замѣрзли ли яблоки? Авось, нѣтъ. Я ихъ всю дорогу держалъ за пазухой. Да уже не дай Богъ, какой морозъ!— И широкое, бородатое лицо сіяло отъ улыбки, а изъ-подъ густой стрѣхи усовъ сверкали два ряда ослѣпительныхъ зубовъ.

— А это для братца, отъ его кормилицы Анны,—прибавлялъ другой, вручая мнѣ такой же узелокъ:— Бѣдный,—сказывала она,—поди, никогда не доѣсть-то тамъ въ корпусъ.

Я краснѣлъ и не зналъ, что отвѣтить. Наконецъ я бормоталъ: «Скажи Василисѣ, что я цѣлую ее; то же самое скажи Аннѣ отъ брата». При этомъ лица у крестьянъ еще болѣе расцвѣтали.

— Да, ужо передамъ, само собою.

Кирила, который караулилъ у дверей отцовскаго кабинета, начиналъ шептать: «Бѣгите скорѣе наверхъ, папаша сейчасъ выйдутъ. — Не забудьте платокъ; они хотятъ его взять обратно», шепталъ онъ, догоняя меня на лѣстницѣ;

и когда я тщательно складывалъ поношенный платокъ мнѣ сильно хотѣлось послать Василисъ что-нибудь. Но у меня ничего не было, не было даже игрушекъ. Никогда намъ не давали карманныхъ денегъ.

Лучшее наше время было, конечно, въ деревнѣ. Какъ только проходила Пасха и Троица, всѣ наши мысли бывали сосредоточены на Никольскомъ. Но время шло. По нашимъ соображеніямъ, сирень должна была уже отцвѣсти въ деревнѣ, а между тѣмъ, тысяча дѣлъ все еще задерживала отца въ городѣ. Наконецъ во дворъ вѣзжало пять или шесть крестьянскихъ телѣгъ, чтобы забрать все необходимое для деревни. Выкатывались и еще разъ осматривались старинная карета и другіе экипажи, въ которыхъ мы должны были ѿхать. Начинали укладывать сундуки. Ученѣе наше подвигалось медленно. Ежеминутно мы прерывали учителей вопросами, слѣдуетъ ли съ собой взять ту или другую книгу? Гораздо раньше остальныхъ, мы начинали укладывать наши книги, аспидныя доски и самодѣльные игрушки.

Наконецъ все готово: возы нагружены необходимой для деревни мебелью, ящиками съ кухонной посудой и безчисленными пустыми банками для варенья и соленья. Мужики Ѣѣлыми часами ждутъ ежедневно въ передней. Но приказъ тронуться въ путь еще не отдавался. Отецъ все писалъ по утрамъ въ кабинетъ, а вечеромъ уѣзжалъ въ клубъ. Наконецъ вмѣшивалась мачиха, такъ какъ ея горничная рѣшалась доложить, что мужикамъ давно пора домой: близится сѣнокосъ.

На слѣдующее утро звали въ кабинетъ дворецкаго Фrolа и первую скрипку, Михайлу Алѣева. Дворецкому вручался мѣшокъ съ кормовыми деньгами для 40—50 человѣкъ, которые должны были сопровождать насъ въ Никольское, и «реестръ». Въ нѣмъ перечислялись всѣ: оркестръ въ полномъ составѣ, затѣмъ повара и поваренки, прачки и подъ-прачка, надѣленная шестью ребятишками, Полька Косая, Домна Большая, Домна Малая... Никто не былъ забытъ.

Первой скрипкѣ вручался маршрутъ. Я помню его хорошо, потому что отецъ, видя, что самъ никогда не управится, всегда бывало велитъ мнѣ переписать маршрутъ въ книгу для «исходящихъ бумагъ».

«Моему дворовому Михайлу Алѣеву, отъ князя Алексѣя Петровича Кропоткина, полковника и кавалера — приказъ:

«Предписывается тебѣ тронуться съ моимъ обозомъ 29 мая, въ шесть часовъ утра, изъ города Москвы въ деревню мою

Никольское, Калужской губерніи, Мещовского уѣзда, что на рѣкѣ Сиренѣ, въ 230 верстахъ отъ сего дома; смотрѣть за хорошимъ поведеніемъ людей, порученныхъ тебѣ, а если кто-либо изъ нихъ провинится въ пьянствѣ или непоправленіи, то ты долженъ доставить виновнаго къ начальнику гарнизонной службы, вмѣстѣ съ приложеннымъ циркулярнымъ письмомъ, и просить о наказаніи онаго (первая скрипка понималъ уже кого) въ примѣръ другимъ.

«Приказывается тебѣ въ особенности смотрѣть за цѣлостью вещей, довѣренныхъ тебѣ, и хранить согласно маршруту: первый день—остановиться въ такой-то деревнѣ покормить лошадей; второй день—ночевать въ городѣ Подольскѣ». И такъ далѣе; точно было указано, какъ привести всѣ семь или восемь дней въ пути.

На слѣдующій день, въ десять, вмѣсто шести—точность не въ числѣ русскихъ добродѣтелей («Слава Богу, мы не нѣмцы»)—обозъ трогался въ путь. «Дворовымъ» предстояло итти пѣшкомъ. Лишь ребятишкамъ уступалось мѣсто гдѣ-нибудь въ ванѣ или же въ ящики на самомъ верху нагруженаго воза да женщины иногда могли присѣсть на край телѣги. Остальные шли пѣшкомъ всѣ двѣсти тридцать верстъ. Покуда шли Москвой, соблюдалась дисциплина: безусловно было запрещено запрягать панталоны въ сапоги и опоясываться поясомъ. Но когда, дни черезъ два, мы нагоняли обозъ, въ особенности, если было известно, что отецъ останется въ Москвѣ, мы находили нѣсколько иную картину. Мужчины и женщины, въ какихъ-то нѣвероятныхъ армякахъ, подпоясанныхъ платками, шагали, подпираясь палками, вырѣзанными въ лѣсу по дорогѣ. Загорѣлые отъ солнца или же промоченные дождемъ, они походили скорѣе на кочующій цыганскій тaborъ, чѣмъ на дворовые богатаго помѣщика. Такъ странствовали въ то время дворовые всѣхъ барскихъ домовъ. Когда мы видѣли толпу слугъ, проходившихъ по одной изъ нашихъ улицъ, мы знали уже, что Апухтины или Прянишниковы перебираются.

Обозъ выѣзжалъ, а семья наша все еще не трогалась. Намъ всѣмъ страшно надоѣдало ожиданіе. Но отецъ все писалъ бурмистрамъ приказы, а я тщательно переписывалъ ихъ въ книгу «исходящихъ бумагъ». Наконецъ отдавалось приказаніе тронуться въ путь. Насъ всѣхъ ссыпали внизъ. Отецъ громко прочитывалъ маршрутъ «княгинѣ Кропоткиной, женѣ князя Алексѣя Петровича Кропоткина, полков-

ника и кавалера». Въ бумагѣ подробно перечислялось, гдѣ слѣдуетъ останавливаться въ продолженіе пятидневнаго путешествія. Нужно сказатьъ, что приказъ былъ на 30-е мая, и отъѣздъ назначался въ шесть часовъ утра. Между тѣмъ, май прошелъ, и выѣзжали мы въ полдень, что разстраивало всѣ вычисленія. Но, какъ всегда бываетъ въ военныхъ приказахъ о походѣ, это обстоятельство было предусмотрѣно и оговорено въ слѣдующемъ параграфѣ: «Если же, паче чаянія, отъѣздъ вашего сіятельства не состоится въ назначенный день и часъ, вы уполномочиваетесь поступать согласно собственному усмотрѣнію, дабы привести оное путешествіе къ благополучному окончанію».

Затѣмъ вся семья и прислуга садились на минуту, крестились и прощались съ отцомъ.—«Умоляю тебя, Алексисъ, не ходи въ клубъ», шептала мачиха. Большая карета, запряженная четверкой, съ форейторомъ впереди, дожидалась у подъѣзда. Подножка лѣсенкой откидывалась. Мѣста наши въ каретѣ были точно указаны рѣ маршрутѣ, но такъ какъ всѣ не умѣщались, то мачихѣ тутъ же приходилось распорядиться «согласно собственному усмотрѣнію». Наконецъ, къ всеобщему удовольствію, мы трогались.

Дорога являлась неистощимымъ источникомъ удовольствія для насъ, дѣтей. Переѣзды были короткіе, и мы останавливались дважды въ день, чтобы покормить лошадей. Такъ какъ дамы кричали при малѣйшей неровности дороги, то на всѣхъ спускахъ и подъѣмахъ, т.-е. почти безпрестанно, приходилось вылезать изъ экипажей. Мы пользовались этимъ, чтобы заглянуть въ лѣсь при дорогѣ или побѣгать по берегамъ прозрачнаго ручья. Къ тому же, на прекрасномъ московско - варшавскомъ шоссе, которымъ мыѣхали до Малоярославца, мы встрѣчали много занимательнаго: обозы, партии богомольцевъ и много разнаго народа. Дважды въ день мы останавливались въ большихъ бойкихъ сelaхъ, и, поторговавшись всласть по поводу цѣнъ на сѣно, овѣсъ и самоваръ, вѣзжали въ ворота постоянаго двора. Поваръ Андрей покупалъ курицу и варила супъ, а мы тѣмъ временемъ убѣгали въ лѣсъ или же осматривали дворъ. Мы обыкновенно ночевали въ Малоярославцѣ, гдѣ въ 1812 году русскіе старались остановить Наполеона во время его отступленія изъ Москвы. Мосьѣ Пулэнъ, который былъ раненъ во время испанской кампаніи, конечно, зналъ, или, во всякомъ случаѣ,увѣрялъ, что знаетъ все относительно боя при Малоярославцѣ. Онъ водилъ насъ на поле сраженія

и объясняль намъ, какъ русскіе пытались задержать Наполеона, и какъ великая армія опрокинула ихъ и прорвалась сквозь наши линіи. Онъ разсказывалъ все такъ подробно; какъ будто самъ участвовалъ въ битвѣ. Здѣсь казаки пробовали обойти французовъ, но Даву или другой какой-нибудь маршалъ разбилъ ихъ и преслѣдовалъ вонъ до того холма, что направо. Вонъ тамъ лѣвое крыло наполеоновской арміи опрокинуло русскую пѣхоту, а вотъ здѣсь самъ Наполеонъ повелъ старую гвардію противъ центра кутузовской арміи и покрылъ и себя, и гвардію неувядаемой славой.

Разъ мы поѣхали по старой калужской дорогѣ и остановились въ Тарутинѣ. Тутъ мосьѣ Пулэнъ бытъ не такъ краснорѣчивъ, потому что здѣсь, послѣ кровавой битвы Наполеонъ, разсчитывавшій пойти на югъ, вынужденъ бытъ вновь слѣдоватъ дорогой на Смоленскъ, черезъ мѣста, разоренные во время наступленія на Москву. Но (такъ выходило по рассказамъ Пулэна) все это произошло единственно оттого, что Наполеонъ бытъ обманутъ маршалами. Иначе онъ пошелъ бы на Кіевъ и Одессу, и его знамена развѣвались бы на берегу Чернаго моря.

За Калугой дорога шла верстъ семь чуднымъ сосновымъ боромъ, и этотъ боръ соединенъ у меня съ самыми счастливыми воспоминаніями дѣтства. Песокъ въ лѣсу бытъ такъ глубокъ, какъ въ африканской пустынѣ. Все время мы шли пѣшкомъ; лошади медленно волокли карету и останавливались поминутно. Тогда,—конечно, послѣ того, какъ мосьѣ Пулэнъ покинулъ насть—я уходилъ впередъ отъ всѣхъ и шелъ все время одинъ. По обѣимъ сторонамъ дороги росли громадныя, вѣковыя красныя сосны. Ухо улавливало лишь шелестъ высокихъ деревьевъ. Въ маленькомъ оврагѣ журчалъ прозрачный ручей, гдѣ кто-то оставилъ для прохожихъ берестяный ковшикъ, прикрѣпленный къ расщепленной палкѣ. Гдѣ-то въ вышинѣ неслышно пробиралась бѣлка. Внизу все было такъ же таинственно, какъ и въ кронахъ деревьевъ... Въ этомъ лѣсу зародилась моя любовь къ природѣ и смутное представление о безконечной ея жизни.

За лѣсомъ, переправившись на поромѣ черезъ Угру, мы сворачивали съ большой дороги на проселочную. Зеленые колосья ржи заглядывали въ окна кареты; лошади щипали на ходу траву на обочинахъ дороги, узкой, какъ траншея. Наконецъ показывались три одинокія ивы возлѣ дороги, означавшія, что наша деревня близка, а потомъ,

какъ вѣдешь на пригорокъ, сразу выплывала стройная, свѣтло-желтая колокольня никольской церкви.

Никольское какъ нельзя лучше соответствовало тихой жизни тогдашнихъ помѣщиковъ. Тамъ не было великолѣпія, которое встрѣчалось въ болѣе богатыхъ помѣстьяхъ. Но художественный вкусъ сказывался въ планировкѣ построекъ сада и вообще во всемъ. Кроме главнаго, недавно выстроенаго отцомъ дома, на большомъ дворѣ было еще нѣсколько флигелей. Они давали большую независимость жившимъ въ нихъ и въ то же время не разрушали тѣсныхъ сношеній, устанавливаемыхъ семейной жизнью. Большой фруктовый «верхній садъ» тянулся до церкви; на южномъ скатѣ, который вель къ рѣкѣ, былъ разбитъ садъ для гулянья. Здѣсь цвѣточные клумбы чередовались съ аллеями, обсаженными липами, сиренью и акаціями. Съ балкона главнаго дома открывался великолѣпный видъ на рѣку и на остатки земляной Серенской «крѣпости», въ которой русскіе когда-то упорно отсиживались отъ татаръ. Далѣе разстипалось громадное желтѣющее море колосьевъ, окаймленное на горизонте лѣсами.

Въ ранніе дни дѣтства мы двое и мосьѣ Пулэнъ занимали одинъ изъ флигелей. Послѣ того, какъ методы преподаванія нашего гувернера смягчились вслѣдствіе вмѣшательства Лены,—мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Отца никогда не было лѣтомъ; онъ все время проводилъ въ смотрахъ. Мачиха не обращала на насъ много вниманія, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ у ней родилась дочь Полина. Такимъ образомъ, мы все время были съ мосьѣ Пулэномъ, который наслаждался пребываніемъ въ деревнѣ и давалъ возможность наслаждаться и намъ. Не было конца пріятнымъ впечатлѣніямъ: лѣса, прогулки вдоль рѣки, карабканье на холмы старой крѣпости, гдѣ Poulain объяснялъ намъ, какъ русскіе защищали её, и какъ татары взяли её, иногда—случайныи встрѣчи съ волками.

Бывали и приключенія. Во время одного изъ нихъ мосьѣ Пулэнъ сталъ героемъ въ нашихъ глазахъ: онъ вытащилъ изъ рѣки тонувшаго Александра. Иногда отправлялись на прогулку большой партіей, всей семьей, съ горничными, по грибы. Тогда пили чай въ лѣсу, на пчельникѣ, гдѣ жилъ стольній пасѣчникъ съ маленькимъ внукомъ. Или же мы отправлялись въ одну изъ нашихъ деревень, гдѣ быть вырыть глубокій прудъ, въ которомъ лавдивали тысячи зе-

лотистыхъ карасей. Часть улова шла помѣщчу, остальное распредѣлялось между крестьянами. Моя кормилица жила въ этой деревнѣ. Ея семья была изъ бѣднѣйшихъ. Кромѣ мужа, въ семье были маленький мальчикъ, уже помощникъ, да дѣвочка, моя молочная сестра, ставшая впослѣдствіи проповѣдницей и «богородицей» въ раскольнической сектѣ, къ которой принадлежала. Кормилица бывала страшно рада, когда я приходилъ повидать её. Угостить меня она могла лишь сливками, яйцами, яблоками и медомъ. Но глубокое впечатлѣніе производили на меня ея любовь и ласки. Она накрывала столъ бѣлосѣжной скатертью (чистота—религіозный культъ у раскольниковъ), подавала угощеніе въ сверкающихъ деревянныхъ тарелкахъ, ласково говорила со мной, какъ съ роднымъ сыномъ. Я долженъ сказать то же самое о кормилицахъ двухъ старшихъ братьевъ моихъ—Николая и Александра. Онѣ тоже принадлежали къ семье, принимавшимъ видное участіе въ двухъ раскольническихъ толкахъ въ Никольскомъ. Немногіе знаютъ, какъ много доброты таится въ сердцѣ русского крестьянина, несмотря на то, что вѣка сурогаго гнѣта, повидимому должны были бы озлобить его.

Въ нечастные дни у мосьё Пулэпа былъ болѣшой запасъ исторій для нась, въ особенности про войну въ Испанії. Мы постоянно просили разсказать намъ опять, какъ онъ былъ раненъ въ сраженіи, и каждый разъ, какъ онъ доходилъ до того мѣста, что почувствовалъ, какъ теплая кровь льется въ сапогъ, мы бросались цѣловать его и давали ему всевозможныя иѣжныя имена.

Все, повидимому, подготовляло нась къ военному поприщу: пристрастіе отца (единственная игрушка, которую онъ, какъ припоминаю, купилъ намъ—было ружье и настоящая будка), военные разсказы Пулэна, болѣе того, даже библіотека принадлежала когда-то дѣду нашей матери, генералу Рѣпинскому, видному военному дѣятелю XVIII вѣка, и состояла изъ сочиненій, большую частью, французскихъ, по исторіи войнъ, тактикѣ и стратегии, прекрасно переплетенныхъ въ кожу и украшенныхъ многочисленными гравюрами. Нашимъ величайшимъ удовольствіемъ въ нечастные дни было просматривать эти картины, изображавшія различное оружіе со временемъ еврееи, и планы всѣхъ битвъ со временемъ Александра Македонского. Увѣсистые томы были также великолѣпнымъ строительнымъ материаломъ для

сооруженія сильныхъ крѣпостей, которыя нѣкоторое время выдерживали удары тарана и метательные снаряды Архимедовой катапульты (она, впрочемъ, скоро была запрещена, такъ какъ камни неизбѣжно попадали въ окна.) Тѣмъ не менѣе ни я, ни Александръ, не стали военными. Литература шестидесятыхъ годовъ вытравила все, чemu настъ учли въ дѣствїй.

Monsieur Poulain держался того же мнѣнія о революціяхъ, какъ и орлеанистскій журналъ Illustration Francaise, старые нумера котораго онъ получалъ отъ пріятеля француза, красильщика на Арбатѣ, и всѣ рисунки котораго были намъ отлично знакомы. Долгое время революція представлялась мнѣ не иначе, какъ смертью, скачущей на конѣ, съ краснымъ флагомъ въ одной рукѣ, съ косой въ другой, чтобы косить людей. Такъ было нарисовано въ Illustration. Теперь я думаю, однако, что нелюбовь Пулэна ограничивалась лишь восстаніемъ 1848 года, такъ какъ одинъ изъ его разсказовъ о революціи 1789 года произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе.

Княжескій титулъ употреблялся въ нашемъ домѣ впопадъ и не впопадъ, при всякомъ удобномъ случаѣ. По всей вѣроятности, это раздражало Пулэна, потому что разъ онъ принялъ разсказывать намъ то, что зналъ, о великой революціи. Я не могу теперь вспомнить всего, что онъ говорилъ; припоминаю только, что Пулэнъ рассказалъ намъ, какъ «графъ Мирабо» и другіе отказались отъ своихъ титуловъ, и какъ Мирабо, чтобы выразить свое презрѣніе къ аристократическимъ претензіямъ, открылъ мастерскую въ выѣской «Портной Мирабо» (передаю исторію, какъ слышалъ ее отъ Пулэна). Долгое время послѣ того я все думалъ, какое бы занятіе я бы избралъ, чтобы изобразить на выѣской: «Такихъ-то дѣлъ мастеръ Кропоткинъ». Впослѣдствіи мой русскій учитель Н. П. Смирновъ и общій демократическій духъ русской литературы побудили меня къ тому же, и когда я началъ писать повѣсти,—что было на двѣнадцатомъ году,—я стала подписываться просто «П. Кропоткинъ». То же дѣлалъ я и впослѣдствіи, когда былъ въ военной службѣ, несмотря на замѣчанія моихъ начальниковъ.

VIII.

Осеню 1852 года Александръ поступилъ въ кадетскій корпусъ, и съ тѣхъ поръ мы видались лишь на праздникахъ, да иногда по воскресеньямъ. До кадетскаго корпуса

отъ нашего дома было верстъ семь, и хотя у насъ держали десятокъ лошадей, но всегда какъ-то выходило, что когда слѣдовало послать сани въ корпусъ за братомъ,—всѣ лошади были въ разгонѣ. Николай пріѣзжалъ домой очень рѣдко. Относительная свобода, которую Александръ нашелъ въ военномъ училищѣ, а въ особенности вліяніе двухъ преподавателей литературы быстро содѣйствовали его развитію. Дальше мнѣ придется еще сказать о томъ благотворномъ вліяніи, которое имѣль онъ на мое развитіе. Мнѣ выпало на долю большое счастье, имѣть любящаго, развитаго старшаго брата.

Я, тѣмъ временемъ, оставался дома. Приходилось дожидаться, покуда пріѣдетъ мой чередъ поступить въ пажескій корпусъ, а онъ пришелъ, когда мнѣ было почти пятнадцать лѣтъ. Пулэнъ уже въ 1853 г. получилъ отставку, и вместо него пригласили учителя-нѣмца, оказавшагося однимъ изъ тѣхъ идеалистовъ, которые нерѣдко встрѣчаются среди нѣмцевъ. Въ особенности помню я, какъ онъ читалъ Шиллера: наивная его декламація приводила меня въ восторгъ. Прожилъ онъ у насъ только одну зиму. Въ слѣдующую зиму меня отдали въ московскую гимназію, и я былъ окончательно сданъ на попеченіе Н. П. Смирнова. Мы вскорѣ стали друзьями, въ особенности, когда отецъ взялъ насъ обоихъ въ рязанскую деревню. Во время дороги мы придумывали всевозможныя шалости и изобрѣтали всякия забавныя исторіи, въ которыхъ дѣйствующими лицами были встрѣчающиеся намъ люди. Впечатлѣніе, произведенное на меня дорогой, пересѣкавшей гористую мѣстность въ Алексинскомъ уѣздѣ, когда мы изъ Рязани проѣхали въ Тулу,—еще болѣе усилило развивавшуюся любовь къ природѣ. Подъ вліяніемъ Смирнова сталъ развиваться также мой литературный вкусъ, и въ промежутокъ между 1854 и 1857 годами онъ вполнѣ опредѣлился. Мой учитель, къ тому времени, кончилъ университетъ и получилъ небольшое мѣсто въ гражданской палатѣ, гдѣ проводилъ все утро; я же оставался одинъ до обѣда. Послѣ приготовленія уроковъ и прогулки, у меня оставалось еще много времени, чтобы читать, а въ особенности, чтобы писать. Осеню же, когда учитель возвращался въ Москву въ свою палату, а мы все еще жили въ деревнѣ, я опять оставался одинъ. Уроковъ никакихъ не было и, поболтавши въ семье и поигравши съ маленькой сестрой Полинькой, я могъ вволю отдаваться чтенію и письму.

Крѣпостное право доживало тогда послѣдніе годы. Все это было еще такъ недавно,—точно вчера,—а между тѣмъ, немногіе въ Россіи ясно сознаютъ, чѣмъ было крѣпостное право. Большинство, конечно, знаетъ, что тогдашнія условія были плохи; но какъ сказывались эти условія, физически и нравственно, на живыхъ существахъ, едва ли многіе понимаютъ. Просто поразительно видѣть, какъ быстро было забыто учрежденіе и общественныя условія, порожденныя имъ, едва только учрежденіе перестало существовать. Такъ быстро мѣняются обстоятельства и люди! Постараюсь, поэтому, разсказать, какъ жили при крѣпостномъ правѣ. Буду передавать не то, что слышалъ, а то что самъ видѣлъ.

Ключница Ульяна стоитъ въ коридорѣ, ведущемъ въ кабинетъ отца, и крестится. Она не смѣеть ни войти, ни повернуть назадъ. Наконецъ она прочитываетъ молитву, входитъ въ кабинетъ и едва слышнымъ голосомъ докладываетъ, что запасъ чая почти на исходѣ, что сахара осталось всего лишь фунтовъ двадцать, и что остальная провизія также скоро вся выйдетъ.

— Воры! Грабители!—кричить отецъ.—А ты заодно съ ними!

Голосъ его гремитъ на весь домъ. Мачиха послала Ульяну, чтобы на ней разразилась гроза.

— Фроль! позови княгиню!—кричить стецъ.—Гдѣ она? И когда мачиха входитъ, онъ встрѣчаетъ ее такимъ же образомъ.

— И ты за одно съ хамовыми отродьемъ! Ты за лупаешься за нихъ,—и такъ далѣе въ продолженіе цѣлаго получаса, а иногда и больше.

Затѣмъ отецъ принимается пропырять счеты. При этомъ онъ вспоминаетъ о сѣнѣ. Посыпается Фроль перевѣсить, сколько осталось его; мачихѣ приказывается присутствовать при взвѣшиваніи, а отецъ вычислять, сколько должно быть сѣна на сѣновалѣ. Выходить, повидимому, что исчезло много пудовъ, а Ульяна не можетъ сказать, какъ израсходовано нѣсколько фунтовъ такой-то провизіи. Голосъ отца становится все болѣе и болѣе грознымъ. Ульяна трепещетъ. Теперь зовутъ къ допросу кучера. На немъ разражается гроза. Отецъ бросается на него и принимается бить. Кучеръ твердить одно: «Ваше сіятельство, изволили ошибиться».

Отецъ снова принимается считать. На этотъ разъ выходитъ, что на сѣновалѣ больше сѣна, чѣмъ слѣдовало. Крики

продолжаются. Теперь отец ругает кучера за то, что онъ задает лошадямъ меньше корма, чѣмъ надлежить; но кучерь призываетъ въ свидѣтели всѣхъ святыхъ, что лошади получаютъ корма, сколько слѣдуетъ. Фроль призываетъ въ свидѣтельницы Богородицу, что кучерь говоритъ правду.

Но отецъ не желаетъ угомониться. Онъ призываетъ настройщика и подъ-дворецкаго Макара и высчитываетъ ему всѣ недавніе проступки и прегрѣшенія. Макаръ на прошлой недѣлѣ напился и павѣрное былъ пьянь также вчера, потому что разбилъ нѣсколько тарелокъ. Въ сущности, разбитыя тарелки и были перво-причиной всей тревоги. Мачиха сообщила объ этомъ отцу утромъ; въ силу этого Ульяна была встрѣчена большою бранью, чѣмъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ; въ силу этого состоялась провѣрка сѣна. Отецъ продолжаетъ кричать, что хамово отродье заслуживаетъ всяческаго наказанія.

Внезапно наступаетъ затишье. Отецъ садится за столъ и пишетъ записку. «Послать Макара съ этой запиской на сѣзжую. Тамъ ему закатять сто розогъ».

Въ домѣ ужасъ и опѣпеніе.

Бывать четыре. Мы всѣ спускаемся къ обѣду, но ни у кого нѣтъ охоты есть. Никто не дотрагивается до супа. Насъ за столомъ десять человѣкъ. За каждымъ стоять скрипка или тромбонъ, съ чистой тарелкой въ лѣвой рукѣ, но Макара нѣтъ.

— Гдѣ Макаръ? — спрашиваетъ мачиха. — Позвать его.

Макаръ не является, и приказъ отдается снова. Входитъ Макаръ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, пристыженый, съ опущенными глазами. Отецъ глядитъ въ тарелку. Мачиха, видя, что никто изъ насъ не дотронулся до супа, пробуетъ оживить насъ.

— Не находите ли вы, дѣти, — говоритъ она по-французски, — что супъ сегодня превосходный?

Слезы душатъ меня. Послѣ обѣда я выбѣгаю, нагоняю Макара въ темномъ коридорѣ и хочу поцѣловать его руку; но онъ вырывается ее и говорить, не то съ упрекомъ, не то вопросительно: «Оставь меня; небось, когда вырастешь, и ты такой же будешь?»

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

А между тѣмъ отецъ мой былъ не изъ жестокихъ помѣщиковъ. Наоборотъ, слуги даже и мужики считали его хорошимъ бариномъ. Но то, что я только что описалъ, происхо-

дило всюду, часто въ гораздо болѣе жестокой формѣ Съченіе крѣпостныхъ входило въ кругъ обязанностей полиціи и пожарныхъ.

Одинъ помѣщикъ разъ спросилъ другого: «Почему это въ вашемъ имѣніи число душъ такъ медленно прибываетъ? Вы, по всей вѣроятности, мало слѣдите за тѣмъ, чтобы люди женились».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого генералъ возвратился въ свою деревню. Онъ велѣлъ принести себѣ списокъ всѣхъ крестьянъ, отмѣтилъ имена всѣхъ парней, достигшихъ восемнадцати лѣтъ, и дѣвушекъ, которымъ исполнилось шестнадцать, т. - е. всѣхъ тѣхъ, которыхъ по закону уже можно вѣнчать. Затѣмъ генералъ отдалъ приказъ: «Ивану жениться на Аннѣ, Павлу на Парашкѣ, Федору на Прасковѣй» и т. д. Такъ онъ намѣтилъ пять паръ. «Пять свадѣбъ,—гласилъ приказъ,—должны состояться въ воскресенье, черезъ десять дней».

Всѣ поднялся по всей деревнѣ. Въ каждой изъ волости женщины, молодыя и старыя. Анна надѣялась выйти за Григорія, Павловы старики уже сговорились съ Федотовыми на счетъ ихъ дочери, которая скоро входила въ возрастъ. На придачу, время было пахать, а не свадѣбы играть! Да и какъ можно приготовиться къ свадѣбѣ въ десять дней. Десятки крестьянъ приходили, чтобы повидать барина. Группы бабъ, съ кусками тонкаго полотна въ рукахъ, дожидались у чернаго входа барыни, чтобы заручиться ея заступничествомъ. Но все было напрасно. Помѣщикъ заявилъ, что свадѣбы должны быть черезъ десять дней; такъ оно и быть должно.

Въ назначенный день свадебная процессія, скорѣе напоминавшія похороны, направились въ церковь. Женщины волости и причитывали, какъ по покойникамъ. Одного изъ лакеевъ командировали въ церковь, чтобы доложить, когда обрядъ совершился. Скоро, однако, лакей прибѣжалъ, блѣдный и разстроенный, съ шапкой въ рукахъ.

— Парашка упрямится,—доложилъ онъ.—Она не хочетъ выходить за Павла. Когда батюшка спросилъ: «Согласна ты?» она громко крикнула: «Нѣтъ, не согласна!»

Помѣщикъ разсвирѣпѣлъ. «Ступай и скажи ему, долгогривому, что если онъ не обвѣнчаетъ Парашку, я донесу на него архиерею, онъ—пьяница. Какъ смѣеть онъ, мер-

завець, не слушаться меня! Скажи, что я его сгною въ монастырь. Парашкиныхъ же родителей соплю въ степную деревню.

Лакей передалъ приказъ. Парашку обстушили попъ и родные. Мать на колънахъ молила дочь не губить всѣхъ. Дѣвушка твердила: «Не хочу», но все болѣе и болѣе слабымъ голосомъ; потомъ шепотомъ; наконецъ совсѣмъ замолчала. Ей возложили вѣнецъ... Она не сопротивлялась. Лакей помчался въ барскій домъ съ докладомъ: «Повѣнчали!»

Полчаса спустя, у воротъ помѣщичьяго дома забряцали бубенчики свадебныхъ поѣздовъ. Пять паръ слѣзли съ телѣгъ, перешли дворъ и вошли въ переднюю. Помѣщикъ принялъ ихъ и велѣлъ поднести по рюмкѣ водки. Родители, стоявшіе позади плакавшихъ дочерей, велѣли имъ кланяться въ ноги барину.

Свадьбы по приказу составляли такое обычное явленіе, что среди нашихъ дворовыхъ, молодые люди, не любившіе другъ друга, но предвидѣвшіе, что ихъ велятъ обвѣнчать, обыкновенно кумились. По закону, вѣнчаніе становилось невозможнымъ. Хитрость обыкновенно удавалась; но разъ она-таки закончилась трагедіей. Портной Андрей полюбилъ дѣвушку, принадлежавшую сосѣднему помѣщику. Онъ надѣялся, что отецъ отпустить его на оброкъ, и что, работая усердно, онъ сможетъ скопить денегъ на вольную для дѣвушки. Иначе, выйдя замужъ за отцовскаго крѣпостного, она тоже стала бы крѣпостной отца. А такъ какъ Андрей предвидѣлъ, что ему могутъ приказать обвѣнчаться съ одной изъ нашихъ горничныхъ, онъ рѣшилъ заранѣе покумиться съ ней.

Случилось именно то, чего они опасались. Разъ ихъ позвали въ кабинетъ къ отцу и отдали приказъ повѣнчаться.

— Мы всегда рады выполнить вашу волю,—отвѣтили они, да нѣсколько недѣль тому назадъ мы вмѣстѣ крестили. Андрей также сообщилъ о своемъ намѣреніи... Кончилось тѣмъ, что его сдали въ солдаты.

При Николаѣ I не было всеобщей воинской повинности, какъ теперь. Дворяне и купцы не были обязаны служить. Когда объявляли новый наборъ, помѣщики должны были доставить известное число рекрутъ. Обыкновенно, въ каждой деревнѣ крестьяне сами вырабатывали чередъ; но дворовые зависѣли всецѣло отъ произвола помѣщика. Если баринъ былъ недоволенъ дворовымъ, онъ отправлялъ его въ воинское

присутствіе и получалъ рекрутскую квитанцію, которая представляла значительную денежную стоимость, такъ какъ ее можно было продать одному изъ тѣхъ, кому предстояло итти въ солдаты.

Солдатская служба въ то время была ужасна: она продолжалась двадцать-пять лѣть. Стать солдатомъ значило на всегда оторваться отъ родной деревни и отъ родныхъ, и находиться въ полной власти у такого командира, какъ, напримѣръ, Тимофеевъ, о которомъ я уже говорилъ. Побои, розги, палки, сыпались каждый день. Жестокость, при этомъ, превосходила все, что можно себѣ представить. Даже въ кадетскихъ корпусахъ, въ которыхъ воспитывались дѣти дворянъ, присуждалась иногда тысяча розогъ, въ присутствіи всего корпуса, за папиросу. Докторъ стоялъ возлѣ истязаемаго мальчика и останавливалъ наказаніе только тогда, когда пульсъ почти переставалъ биться. Окровавленную жертву, въ обморокѣ, уносили въ госпиталь. Великій князь Михаилъ, начальникъ военныхъ училищъ, быстро удалилъ бы директора, у которого не было бы хоть одного или двухъ подобныхъ случаевъ въ теченіе года. «Дисциплины нѣть!» сказалъ бы онъ.

Съ простыми солдатами поступали, конечно, еще хуже. Если кто попадалъ подъ военный судъ, приговоръ былъ почти всегда—прогнать сквозь строй. Тогда выстраивали въ два ряда тысячу солдатъ, вооруженныхъ палками, толщиною въ мизинецъ (онъ сохранили свое нѣмецкое название, *шицирутены*). Осужденного проволакивали сквозь строй три, четыре, пять и семь разъ, при чемъ каждый солдатъ отпускалъ каждый разъ по удару. Унтеръ-офицеры слѣдили за тѣмъ, чтобы солдаты били изо всѣхъ силъ. Послѣ одной или двухъ тысячъ палокъ харкающую кровью жертву уносили въ госпиталь, гдѣ ее лѣчили только для того, чтобы наказаніе могло быть доведено до конца, какъ только солдатъ немного оправится. Если онъ умиралъ подъ палками, окончаніе приговора производилось надъ трупомъ, привязаннымъ въ тачкѣ. Николай и братъ его Михаилъ были безжалостны. Никакое смягченіе наказанія не было даже возможно.

«Я тебя прогоню сквозь строй. Я тебѣ шкуру спущу подъ палками!» такова была обычная угроза въ то время.

Мрачный ужасъ охватывалъ весь нашъ домъ, когда становилось известно, что кого-нибудь изъ прислузы отправляютъ въ военное присутствіе. Его заковывали и сажали въ

контору подъ карауломъ, чтобы помѣшать ему наложить на себя руки. Затѣмъ къ дверямъ конторы подъѣзжала телѣга, и сдаваемаго выводили въ сопровождениі двухъ караульныхъ. Всѣ дворовые окружали его. Опь кланялся всѣмъ низко и просилъ каждого простить ему вольныя и невольныя прегрѣшенія. Если родители сдаваемаго жили въ деревнѣ, они приходили также, чтобы проводить. Тогда онъ клалъ родителямъ земной поклонъ, причемъ мать и родственницы начинали причитывать, какъ по покойнику: «На кого ты насъ покинулъ? Кто порадѣеть о насъ на чужой сторонѣ? Кто насъ, сиротушекъ, отъ людей злыхъ да укроетъ?..»

Такимъ образомъ Андрею предстояло двадцать-пять лѣтъ тянуть солдатскую лямку. Всѣ его мечты о счастьѣ рухнули сразу.

Свадьба одной изъ горничныхъ, Пелагеи, или Поли, какъ ее звали, была еще болѣе трагична. Въ дѣтствѣ ее сдали въ магазинъ, гдѣ она въ совершенствѣ изучила тонкое вышиванье. Въ Никольскомъ ея пяльцы стояли въ комнатѣ сестры Лены. Она обыкновенно принимала участіе въ разговорахъ между Леной и жившой въ той же комнатѣ сестрой мачихи. Какъ по разговору, такъ и по манерамъ Поля скрѣбь была похожа на барышню, чѣмъ на горничную.

Съ ней случилось несчастье: она убѣдилась, что должна скоро стать матерью. Тогда она рассказала все мачихѣ, которая разразилась упреками: «Не хочу больше имѣть въ домѣ эту тварь! Не допущу подобнаго стыда въ моемъ домѣ. Безстыдница, дрянь!» и т. д. На слезы Лены не обратили вниманія. Полѣ отрѣзали косу и сослали на скотный дворъ. Но такъ какъ она, какъ разъ въ то время, вышивала удивительную юбку, то работу приказано было кончать на скотномъ, въ грязной избѣ, у крошечнаго оконца. Поля закончила работу и сдѣлала еще много другихъ тонкихъ вышивокъ, въ надеждѣ получить прощеніе. Но оно не приходило. Отецъ ребенка, дворовый нашего сосѣда, молилъ о разрѣшеніи жениться. Но такъ какъ у него не было денегъ, чтобы выкупить Поля, то разрѣшенія не дали. «Дворянскія манеры» Поли приняли, какъ отягчающія вину обстоятельства, и ей приготовили горькую долю. Среди нашихъ дворовыхъ быть одинъ, который, за малый ростъ,ѣздилъ форейторомъ. Звали его Филька Косолапый. Въ дѣтствѣ его жестоко запнибла лошадь, и онъ не ростъ больше; ноги у него были колесомъ, ступни выворочены во внутрь, носъ сломанъ и согнутъ въ сторону, а челость обезображенъ. За этого-то

урода рѣшили отдать Полю, и отдали. Выдали ее силой. Новобрачныхъ послали на крестьянскую работу въ рязанскую деревню.

Человѣческія чувства не признавались, даже не подозревались въ крѣпостныхъ. Когда Тургеневъ написалъ «Муму», а Григоровичъ свои романы, въ которыхъ заставлялъ публику плакать надъ несчастьемъ крѣпостныхъ, для многихъ читателей то было настоящимъ откровеніемъ. «Возможно ли это? неужели крѣпостные любятъ, совсѣмъ, какъ мы!» восклицали сентиментальная дамы, которая, при чтеніи французскихъ романовъ горько оплакивали злосчастія благородныхъ героеvъ и героинь.

Образованіе, которое давали иногда помѣщики своимъ крѣпостнымъ, являлось для нихъ новымъ источникомъ несчастій. Отецъ мой разъ выбралъ въ крестьянской избѣ одного способнаго мальчика и отдалъ его въ фельдшерскую школу. Мальчикъ былъ прилежный и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалъ значительные успѣхи. Когда онъ вернулся изъ ученья, отецъ купилъ все необходимое для хорошей аптеки, и ее устроили очень удобно въ одномъ изъ флигелей, въ Никольскомъ. Лѣтомъ «Саша-докторъ», какъ звали въ домѣ молодого человѣка, усердно собиралъ и сушилъ различные цѣлебныя травы. Въ короткое время онъ сталъ очень любимъ въ Никольскомъ и во всей окружѣ: больные крестьяне приходили изъ сосѣднихъ деревень, и отецъ очень гордился успѣхомъ своей аптеки. Но это продолжалось не долго. Разъ зимой отецъ пріѣхалъ въ Никольское, прожилъ здѣсь нѣсколько дней и уѣхалъ. Въ ту же ночь Саша-докторъ застрѣлился,—нечаянно, какъ говорили. Но причиной была любовная исторія. Онъ любилъ дѣвушку, на которой не могъ жениться, такъ какъ она была крѣпостная другого помѣщика.

Судьба другого молодого человѣка, Герасима Круглова, котораго отецъ отдалъ въ московское землемѣльческое училище, была почти такъ же печальна. Онъ блестяще окончилъ—съ золотой медалью. Директоръ училища употребилъ всѣ усилия, чтобы убѣдить отца дать Круглову вольную и открыть ему доступъ въ университетъ, куда крѣпостныхъ не принимали. «Кругловъ, навѣрное, будетъ замѣчательнымъ человѣкомъ,—говорилъ директоръ,— быть-можетъ, гордостью Россіи. Вамъ будетъ принадлежать честь, что вы опѣнили его способности и дали такого человѣка русской наукѣ».

— Онъ мѣй надобенъ въ моей деревнѣ,—отвѣчалъ отецъ на пастойчивыя ходатайства за молодого человѣка. Въ дѣйствительности, при первобытномъ способѣ веденія хозяйства, отъ котораго отецъ ни за что не отступилъ бы, Герасимъ Кругловъ былъ совершенно бесполезенъ. Онъ снялъ планъ имѣнія, а затѣмъ ему приказали сидѣть въ лакейской и стоять съ тарелкой въ рукахъ за обѣдомъ. Конечно, на Герасима это должно было сильно подействовать. Онъ мечталъ объ университетѣ, объ ученой дѣятельности. Его взглядъ выражалъ страданіе; мачиха же находила особое удовольствіе оскорблять Герасима при всякомъ удобномъ случаѣ. Разъ осенью порывъ вѣтра открылъ ворота. Она крикнула проходившему Круглову: «Гараська, ступай за при ворота!»

То была послѣдняя капля. Герасимъ рѣзко отвѣтилъ: «На то у васъ есть дворникъ», и пошелъ своей дорожкой.

Мачиха вѣжала съ плачемъ въ кабинетъ къ отцу и принялась ему выговаривать: «Ваші люди оскорбляютъ меня въ вашемъ домѣ!..»

Герасима немедленно заковали и посадили подъ караулъ, чтобы сдать въ солдаты. Прощанье съ нимъ стариковъ-родителей было одною изъ самыхъ тяжелыхъ сценъ, которыхъ я когда-либо видѣлъ...

На этотъ разъ судьба, однако, отомстила. Николай I умеръ, и военная служба стала менѣе тяжелой. Замѣчательныя способности Герасима были скоро замѣчены, и черезъ пѣсколько лѣтъ онъ сталъ однимъ изъ главныхъ письмоводителей и, въ сущности, душой одного изъ департаментовъ военнаго министерства. Случилось такъ, что мой отецъ, человѣкъ абсолютно честный, никогда не бравшій взятокъ—и это въ такое время, когда взятками всѣ наживали состоянія,—нарушилъ, однако, правила службы и разъ допустилъ неправильность, чтобы угодить своему корпусному командиру генералу Гартунгу: онъ записалъ въ разрядъ «песспособныхъ» одного изъ солдатъ, служившаго у корпуснаго за управляющаго. Отцу это едва не стоило генеральского чина, который должны были дать ему при выходѣ въ отставку. Главная, единственная прѣль его тридцатипятилѣтней службы была въ опасности. Мачиха помчалась въ Петербургъ, чтобы уладить исторію. Послѣ долгихъ хлопотъ, ей сказали, наконецъ, что единствено, что остается, это обратиться къ одному изъ письмоводителей такого-то департамента.—«Хотя онъ лишь простой главный писарь,—

сказали ей, — но въ дѣйствительности онъ руководитъ всѣмъ и можетъ сдѣлать, что захочетъ». Зовутъ его — Герасимъ Ивановичъ Кругловъ.

— Представь себѣ,—рассказывала мнѣ потомъ мачиха,— нашъ Гарасыка! Я всегда знала, что у него большія способности. Пошла я къ нему и сказала о дѣлѣ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Я ничего не имѣю противъ старого князя и сдѣлаю все, что могу, для него».

Герасимъ сдержалъ слово: онъ сдѣлалъ благопріятный докладъ, и отца произвели. Наконецъ-то онъ могъ надѣть такъ давно желанные красные штаны, шинель на красной подкладкѣ и каску съ плюмажемъ.

Таковы были дѣла, которыя я самъ видѣлъ въ дѣтствѣ. Картина получилась бы гораздо болѣе мрачная, если бы я стала передавать то, что слышалъ въ тѣ годы: рассказы про то, какъ мужчинъ и женщинъ отрывали отъ семьи, продавали, проигрывали въ карты, либо вымѣнивали на пару борзыхъ собакъ, или же переселяли на окраину Россіи, чтобы образовать новое село; рассказы про то, какъ отнимали дѣтей у родителей и продавали жестокимъ или же развратнымъ помѣщикамъ; про то, какъ ежедневно, съ неслыханной жестокостью пороли на конюшнѣ; про дѣвушку, утопившуюся, чтобы спастись отъ насилия; про старика, посѣдѣвшаго на службѣ у барина и потомъ повѣсившагося у него подъ окнами; про крестьянскіе бунты, укрошаляемые николаевскими генералами, запарываніемъ до смерти десятаго или же пятаго и опустошеніемъ деревни. Послѣ военнай экзекуціи, остававшейся въ живыхъ крестьяне отправлялись побираться подъ окнами. Что же касается до той бѣдности, которую во время поѣздокъ я видѣлъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ особенности въ удѣльныхъ, принадлежавшихъ членамъ императорской фамиліи,—то нѣть словъ для описанія всего.

Завѣтной мечтой крѣпостныхъ было—получить вольную. Но мечту эту очень трудно было осуществить, такъ какъ за вольную приходилось уплатить помѣщику большую сумму денегъ.

«Знаешь ли, — сказалъ мнѣ разъ отецъ, — ваша мать являлась ко мнѣ послѣ смерти. Вы, молодые, не вѣрите въ такія вещи, а между тѣмъ это правда. Дремлю я разъ поздно ночью въ креслѣ, у письменного стола. Вдругъ вижу она входить, вся въ бѣломъ, блѣдная, съ горящими глазами.

Когда твоя мать умирала, она взяла съ меня обѣщаніе, что я дамъ вольную ея горничной, Машѣ. Потомъ, то за тѣмъ, то за другимъ дѣломъ цѣлый годъ я не могъ исполнить обѣщанія. Ну вотъ, твоя мать явилась и говорить мнѣ глухимъ голосомъ: «Alexis, ты обѣщалъ мнѣ дать вольную Машѣ; неужели забылъ?» Я былъ пораженъ ужасомъ. Вскакиваю изъ кресель, а она исчезла. Зову людей; но никто изъ нихъ ничего не видѣлъ. На другой день я отслужилъ панихиду на могилѣ и сейчасъ же отпустилъ Машу на волю».

Когда отецъ умѣръ, Маша пришла на похороны, и я говорилъ съ ней. Она была замужемъ и очень счастлива. Брать Александръ шутливо передалъ Машѣ разскѣзъ отца, и мы спросили, что она знаетъ о привидѣніи?

— Все это было уже очень давно, такъ что я могу вамъ сказать правду,—отвѣтила Маша.—Вижу я, что князь совсѣмъ забылъ о своемъ обѣщаніи; тогда я одѣласъ въ бѣлое, какъ ваша мамаша, и напомнила князю его обѣщаніе.—Вы вѣдь не будете сердиться за это?

— Разумѣется, нѣтъ!

Десять или двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ произошли событія, описанныя въ началѣ главы, я разъ ночью бесѣдоваль съ отцомъ въ его кабинетѣ о прошломъ. Крѣпостное право было отмѣнено: отецъ жаловался, хотя не сильно, на новый порядокъ дѣлъ. Онъ принялъ его безъ особеннаго ропота.

— А вѣдь сознайтесь,—сказалъ я,—что вы часто жестоко наказывали слугъ, иногда даже безъ всякаго основанія.

— Съ этимъ народомъ,—отвѣчалъ онъ,—ипаче и нельзѧ было. Развѣ они—люди?

Затѣмъ онъ откинулся на спинку кресла и задумался.

— Но что я дѣлалъ,—началъ онъ опять послѣ долгой паузы,—были пустяки; и говорить не стоитъ. А вотъ хоть этотъ самый Саблевъ: ужъ на что кажется мягкимъ и говорить такимъ сладкимъ голоскомъ: а съ крѣпостными чего онъ не дѣлалъ! Сколько разъ они собирались убить его! Я, по крайней мѣрѣ, хоть никогда не трогалъ своихъ дѣвокъ. А вотъ этотъ старый чортъ Т., такой былъ, что крѣпостные собирались жестоко изувѣчить его... Ну, прощай. Bonne nuit!

IX.

Я хорошо помню крымскую войну. Въ Москвѣ, надо сказать, она производила не особенно глубокое впечатлѣніе. Правда, въ каждомъ домѣ, на вечерахъ щипали корпю; но мало ея доставалось русскимъ войскамъ: большая часть раскрадывалась и продавалась непріятелю. Лена и другія молодыя дѣвицы пѣли патріотическія пѣсни, особенно: «Вотъ въ воинственномъ азартѣ, воевода Пальмерстонъ, поражаетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ» и тому подобныя. Но обычный ходъ общественной жизни не былъ нарушенъ происходившей тогда великой борьбой. Въ деревнѣ же, напротивъ, война вызвала очень подавленное настроеніе. Рекрутскіе наборы слѣдовали одинъ за другимъ. Мы постоянно слышали причитанья крестьянокъ. Народъ смотрѣлъ на войну, какъ на Божью кару, и поэтому отнесся къ ней съ серьезностью, составлявшей рѣзкій контрастъ съ легкомысліемъ, которое я видѣлъ впослѣдствіи въ военное время въ Западной Европѣ. Хотя я былъ еще очень молодъ, но и тогда понималъ чувство торжественной покорности судьбѣ, которое господствовало въ деревняхъ.

Братъ Николай, какъ и другіе, былъ захваченъ военной горячкой и присоединился къ кавказской арміи, не окончивъ кадетскаго корпуса. Больше я никогда уже не видѣлъ его.

Въ 1854 году семья наша увеличилась: пріѣхали еще двѣ сестры мачихи. У нихъ былъ домъ и виноградники въ Севастополь, но теперь онѣ остались безъ крова и стали жить съ нами. Когда союзники высадились въ Крыму, жителямъ Севастополя объявили, что имъ бояться нечего, и что каждому остается лишь жить спокойно. Но послѣ пораженія при Альмѣ, всѣмъ велѣли выбираться какъ можно скорѣе, такъ какъ городъ будетъ занятъ черезъ нѣсколько дней. Лошадей не хватало; на приданчу, дороги были запружены войсками, передвигавшимися на югъ. Нанять повозку оказалось почти невозможнымъ. Сестры мачихи должны были оставить по дорогѣ почти все свое имущество и вытерпѣли немало, покуда добрались до Москвы.

Я скоро подружился съ младшей изъ сестеръ, тридцатилѣтней дѣвицей, которая курила папиросы одну за другой, и картинно рассказывала мнѣ о всѣхъ ужасахъ дороги.

Со слезами на глазахъ говорила она про прекрасные военные корабли, которые пришлось потопить у входа въ Севастопольскую бухту, и не разъ повторяла, что не понимаетъ, какъ это будуть защищать Севастополь съ суши, такъ какъ городъ не имѣть собственно никакихъ укрѣплений.

Миѣ шелъ тринадцатый годъ, когда умеръ Николай I. Поздно вечеромъ 18 февраля городовые разносили по домамъ бюллетени, въ которыхъ возвѣщалось о болѣзни царя, и населеніе приглашалось въ церкви, молиться за выздоровленіе Николая. Между тѣмъ, царь уже умеръ, и власти знали про это, такъ какъ Петербургъ и Москва были соединены телеграфомъ. Но такъ какъ до послѣдняго момента ни слова не было произнесено о болѣзни царя, то начальство сочло необходимымъ постепенно подготовить народъ. Мы всѣ ходили въ церковь и молились очень усердно.

На другой день, въ субботу, повторилось то же самое. Даже въ воскресенье утромъ вышли бюллетени о состояніи здоровья царя. Лишь въ полдень, отъ слугъ, возвратившихся съ рынка, мы узнали про смерть Николая I. Когда извѣстіе распространилось, ужасъ охватилъ, какъ нашъ, такъ и сосѣдніе дома. Передавалось, что народъ на базарѣ держитъ себя очень подозрительно и не только не выражаетъ сожалѣнія, но, напротивъ, высказываетъ опасный мнѣнія. Взрослые разговаривали не иначе, какъ шепотомъ, а ма-чиха твердила постоянно по-французски: «Ахъ, не говорите при людяхъ!» Слуги, въ свою очередь, шептались про «волю», которую дадутъ скоро. Помѣщики ждали ежеминутно бунта крѣпостныхъ,—новую пугачовщину.

Въ это время на улицахъ Петербурга интеллигентные люди обнимались, сообщая другъ другу пріятную новость. Всѣ предчувствовали, что наступаетъ конецъ, какъ войнѣ, такъ и ужаснымъ условіямъ, созданнымъ «желѣзнымъ тираномъ». Говорили о томъ, что Николай отправился, и въ подтвержденіе указывалось на быстрое разложеніе тѣла. Истина, однако, раскрылась постепенно. Смерть произошла, повидимому, отъ слишкомъ большой дозы возбуждающаго лѣкарства, принятаго Николаемъ.

Въ провинці, лѣтомъ 1855 года, съ сосредоточеннымъ интересомъ слѣдили за героической борьбой подъ Севастополемъ за каждый аршинъ разрушенныхъ укрѣплений. Изъ нашего дома дважды въ недѣлю отправлялся нарочный

въ уѣздный городъ за газетами, и когда онъ возвращался, у него хватали газеты и распечатывали прежде даже, чѣмъ онъ успѣвалъ слѣзть съ лошади. Лена читала ихъ всѣмъ вслухъ. Новости немедленно передавались въ людскую, оттуда въ кухню, въ контору, священнику, а потомъ крестьянамъ.

Со слезами прочли мы всѣ про послѣдніе дни Севастополя, про страшную бомбардировку и про оставленіе города нашими войсками. Всюду, въ помѣщичьихъ домахъ, потеря Севастополя оплакивалась какъ смерть близкаго родственника, хотя всѣ понимали, что теперь ужасной войны скоро придѣтъ конецъ.

X.

Въ августѣ 1857 года пришла моя очередь поступить въ пажескій корпусъ, и меня повезли въ Петербургъ. Мнѣ тогда было почти пятнадцать лѣтъ. Уѣхалъ я изъ дома мальчикомъ; по человѣческій характеръ устанавливается довольно опредѣленно, раньше чѣмъ обыкновенно предполагаютъ, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что, несмотря на отроческій возрастъ, я въ значительной степени и тогда бытъ уже тѣмъ, чѣмъ сталъ впослѣдствіи. Мои вкусы и наклонности уже опредѣлились.

Первый толчокъ въ развитіи даль мнѣ, какъ я сказалъ, мій учитель русскаго языка Николай Павлович Смирновъ. Я считаю прекраснымъ тогдашній обычай—къ сожалѣнію, выводящійся уже теперь—имѣть въ домѣ студента, чтобы помогать при приготовленіи уроковъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, даже когда дѣти поступятъ въ гимназію. Помощь такого учителя неоцѣнима, какъ для того, чтобы лучше усваивать преподаваніе въ школѣ, такъ и вообще для того, чтобы расширять кругъ знаній. Кромѣ того, такимъ образомъ вносится въ семью культурный элементъ. Студентъ становится старшимъ братомъ молодежи, зачастую даже лучше старшаго брата, такъ какъ на студентъ лежить извѣстная ответственность за успѣхи его учениковъ. А такъ какъ методы преподаванія мѣняются съ каждымъ поколѣніемъ, то студентъ лучше можетъ помочь дѣтямъ, чѣмъ наиболѣе интеллигентные родители.

Николай Павлович Смирновъ имѣлъ развитой литературный вкусъ. Въ дикую эпоху николаевщины многія совершиенно невинныя произведенія нашихъ лучшихъ пи-

сателей не могли быть напечатаны. Другія вещи были такъ изуродованы цензурой, что теряли всякий смыслъ. Напримѣръ, въ геніальной комедіи Грибоѣдова полковника Сколозуба пришлось назвать «господиномъ Скалозубомъ», отъ чего пострадали и смыслъ, и нѣкоторые стихи. Представить полковника въ смѣшномъ видѣ считалось бы оскорблениемъ арміи. Вторую часть такой безобидной книги, какъ «Мертвя душа», не разрѣшили вовсе, а первую часть запретили выпустить вторымъ изданіемъ, когда первое разошлось.

Многія стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Алексѣя Толстаго, Рылѣева и другихъ поэтовъ не были пропущены цензурой. Я уже не говорю про стихотворенія, заключавшія какую-нибудь политическую мысль или критиковавшія существующій порядокъ; но даже совсѣмъ невинныя стихотворенія нѣкоторыхъ авторовъ не попадали въ печать. Зато всѣ эти стихотворенія ходили въ рукописи. Смирновъ переписывалъ ихъ для себя или для пріятелей, и въ этой работѣ я иногда помогалъ ему. Даже большія произведенія Гоголя и Лермонтова ходили по рукамъ въ рукописяхъ. Какъ настоящій москвичъ, Н. П. Смирновъ питалъ глубочайшее уваженіе къ писателямъ, жившимъ въ Москвѣ (нѣкоторые изъ нихъ даже въ Старой Конюшенной). Съ уваженіемъ показывалъ онъ мнѣ домъ графини Саліасъ (Евгении Турѣ), нашей ближайшей сосѣдки. Что же касается дома Герцена, то Николай Павловичъ мнѣ указывалъ его не только съ уваженіемъ, но даже съ благоговѣніемъ. Домъ, въ которомъ умеръ Гоголь, являлся для насъ обоихъ предметомъ особаго обожанія. Хотя мнѣ всего шёлъ десятый годъ, когда умеръ Гоголь (1852), и я тогда еще не читалъ ни одного его произведенія, но я хорошо помню, какъ опечалила Москву эта смерть. Тургеневъ хорошо выразилъ это общее горе въ замѣткѣ, за которую Николай посадилъ его подъ арестъ, а затѣмъ сослалъ въ деревню.

«Евгений Онѣгинъ» произвелъ на меня лишь слабое впечатлѣніе. И до сихъ поръ я больше восхищаюсь удивительной простотой и красотой формы романа, чѣмъ его содержаніемъ. Зато Гоголь, котораго я читалъ, когда мнѣ было одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ, произвелъ на меня громадное впечатлѣніе. Мои первые литературные опыты я въ подражаніе Гоголю, писалъ въ юмористическомъ жанрѣ.

«Юрій Милославскій», «Капитанская Дочка» и «Королева Марго» надолго заинтересовали меня исторіей. Что касается другихъ французскихъ романовъ, то я сталъ читать ихъ лишь тогда, когда выступили Золя и Додэ. Съ ранняго дѣтства Некрасовъ былъ мой любимый поэтъ. Многія его стихотворенія я зналъ наизусть.

Николай Павловичъ рано пріохотилъ меня писать. При его помощи я написалъ длинную «Исторію гравенника». Мы придумывали вмѣстѣ различные характеры людей, въ руки которыхъ попадалъ гравенникъ. Саша, въ то время, больше проявлялъ поэтическія наклонности. Онъ писалъ романическія исторіи и рано сталъ сочинять очень звучные стихи, которые давались ему чрезвычайно легко. Онъ на-вѣрное сталъ бы виднымъ поэтомъ, если бы всецѣло не увлекся впослѣдствіи естественными науками и философіей. Слегка покатая крыша подъ нашимъ окномъ въ то время была любимымъ мѣстомъ, гдѣ онъ искалъ поэтическаго вдохновенія; а я, конечно, не могъ удержаться, чтобы не дразнить его: «Вотъ у трубы поэтъ сидѣть и стихи строчить». Поддразниваніе кончалось иногда жестокой потасовкой, которая приводила Лену въ отчаяніе. Но Саша былъ незлопамятенъ. Миръ вскорѣ бывалъ возстановленъ, и мы страстью любили другъ друга. У мальчиковъ любовь и потасовка часто идутъ рука объ руку.

Я даже тогда пробовалъ стать журналистомъ. На двѣнадцатомъ году я началъ издавать ежедневную газету. Бумага у насъ была въ обрѣзъ, и, въ силу этого, моя газета была лишь въ тридцать вторую долю листа. А такъ какъ крымская война еще не начиналась, и отецъ получалъ только «Московскія Полицейскія Вѣдомости», то у меня не было большаго выбора для подражанія. Такимъ образомъ моя газета состояла изъ коротенькихъ рубрикъ, излагавшихъ новости дня, въ родѣ слѣдующихъ: «Пошли въ лѣсъ, Н. П. Смирновъ настрѣялъ дроздовъ», «Пріѣзжали Сорокины» и т. д.

Вскорѣ, однако, это перестало удовлетворять меня, и въ 1855 году я сталъ издавать ежемѣсячный журналъ, «Временникъ», въ которомъ помѣщались стихи Александра, мои повѣсти и еще разныя разности. Матеріально журналъ былъ совершенно обезпеченнъ, такъ какъ имѣлъ подписчиками: во-первыхъ, самаго редактора-издателя и во-вторыхъ, Н. П. Смирнова, который, даже когда оставилъ нашъ домъ, аккуратно вносилъ свою плату за подписку, въ видѣ опредѣленнаго числа листовъ бумаги. За

Что я чистенько переписывалъ для постояннаго подшипчика второй экземпляръ.

Когда Смирновъ оставилъ нась, его замѣнилъ медицинскій студентъ Н. М. Павловъ, который тоже помогалъ мнѣ въ изданіи. Онъ досталь для журнала поэму одного пріятеля и, что еще болѣе важно, вступительную лекцію московскаго профессора по физической географії! Конечно, лекція еще не появлялась въ печати: нашъ журналъ ни за что не унизился бы до перепечатки.

Едва ли нужно говорить, что Саша живо заинтересовался журналомъ, и слава его вскорѣ распространилась въ стѣнахъ кадетскаго корпуса. Нѣсколько многообѣщающихъ молодыхъ писателей задумали издавать соперническій журналъ. Дѣло принимало серьезный оборотъ. Что касалось стихотвореній и повѣстей, то преимущество было за нами; но у конкурента былъ «критикъ». А «критикъ», затрагивающій, по поводу новыхъ беллетристическихъ произведеній всевозможные вопросы, которые не могутъ быть обсуждаемы иначе, является, какъ извѣстно, душой русскаго журнала. У конкурента былъ критикъ, а у насъ нѣть! Онъ даже написалъ статью для первого нумера и показалъ ее брату. Статья, впрочемъ, была претенциозна и слаба, и Александръ немедленно написалъ анти-критику, въ которой сокрушилъ и осмѣялъ автора. Тогда лагерь соперниковъ впалъ въ уныніе, узнавши, что антикритика появится въ нашемъ ближайшемъ нумерѣ. Соперники отказались отъ мысли издавать журналъ, и лучшіе писатели ихъ лагеря перешли къ намъ. Мы съ триумфомъ возвѣстили, что заручились исключительнымъ сотрудничествомъ столькихъ знаменитыхъ писателей.

Журналъ прекратился въ августѣ 1857 года, просуществовавъ два года. Я ѿхалъ въ Петербургъ, гдѣ меня ждала новая среда и новая жизнь. Съ сожалѣніемъ оставлялъ я домъ, тѣмъ болѣе, что теперь разстояніе между Москвой и Петербургомъ должно было отдѣлять меня отъ брата. Притомъ, я считалъ уже несчастьемъ поступленіе въ военное училище.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПАЖЕСКИЙ КОРПУСЪ.

I.

Завѣтное желаніе моего отца, наконецъ, осуществилось. Открылась вакансія въ пажескомъ корпусѣ, которую я могъ занять, прежде чѣмъ достигъ предѣльнаго возраста, старше которого уже не принимаютъ. Мачиха меня отвезла въ Петербургъ, и я поступилъ въ корпусъ. Въ этомъ привилегированіи учебномъ заведеніи, соединившемъ характеръ военной школы на особенныхъ правахъ, и придворнаго училища, находящагося въ вѣдѣніи императорскаго двора,—воспитывалось всего сто пятьдесятъ мальчиковъ, большую частью, дѣти придворной знати. Послѣ четырехъ или пятилѣтняго пребыванія въ корпусѣ, окончившиѳ курсъ выпускались офицерами въ любой, по выбору, гвардейской или армейской полкъ—безразлично, имѣлась ли вакансія или нѣтъ. Кроме того, первые шестнадцать учениковъ старшаго класса назначались каждый годъ камеръ-пажами къ различнымъ членамъ императорской фамиліи: къ царю, царицѣ, великимъ княгинямъ и великимъ князьямъ, что конечно, считалось большой честью. Къ тому же, молодые люди, которымъ выпадала подобная честь, становились извѣстны при дворѣ и имѣли возможность попасть потомъ въ адъютанты къ императору или къ одному изъ великихъ князей. Такимъ образомъ, они могли сдѣлать блестящую карьеру. Поэтому папеньки и маменьки, имѣвшіе связи при дворѣ, изо всѣхъ силъ старались, чтобы ихъ дѣти попали въ пажескій корпусъ, даже хотя бы въ ущербъ другимъ кандидатамъ, которые тогда никакъ не могли дождаться вакансіи. Теперь, когда я попалъ, наконецъ, въ привилегированное училище, отецъ могъ дать просторъ своимъ честолюбивымъ мечтамъ.

Корпусъ дѣлился на пять классовъ, изъ которыхъ старшій назывался первымъ, а младшій—пятымъ, и я держалъ экзаменъ въ четвертый классъ. Но такъ какъ на повѣрочномъ испытаніи обнаружилось мое недостаточное знакомство съ десятичными дробями, то я, вмѣсто четвертаго.

попалъ въ пятый классъ, тѣмъ болѣе, что въ четвертомъ было уже болѣе сорока воспитанниковъ, тогда какъ для младшаго сдва набрали двадцать.

Такое рѣшеніе крайне огорчило меня. И безъ того я очень неохотно поступалъ въ военное училище, а тутъ еще предстояло пробыть въ немъ пять лѣтъ, вмѣсто четырехъ. Что я стану дѣлать въ пятомъ классѣ, когда уже знаю все, чѣму тамъ учать? Со слезами на глазахъ сказалъ я это инспектору; но енъ отвѣтилъ мнѣ шутливо: «А знаете слова Цезаря—лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ?» На что я съ жаромъ возразилъ, что предпочель бы быть послѣднимъ, лишь бы я могъ окончить военное училище возможно скорѣе.

— Быть-можеть, современемъ вы полюбите корпусъ,— замѣтилъ инспекторъ, полковникъ Павелъ Петровичъ Винклеръ, замѣчательный для того времени человѣкъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ очень хорошо относиться ко мнѣ.

Преподавателю ариѳметики, также пытавшемуся утѣшить меня,—я поклялся, что никогда не раскрою учебника его предмета; «и, несмотря на это, вы мнѣ будете ставить двѣнадцать,» прибавилъ я. Слово я сдержанъ. Ученикъ, какъ видно, и тогда уже былъ съ душкомъ.

А между тѣмъ, теперь я могу только благодарить за то, что меня записали въ младшій классъ. Такъ какъ въ первый годъ мнѣ приходилось лишь повторять уже извѣстное, я привыкъ выучивать уроки въ классѣ по объясненіямъ учителя. Такимъ образомъ я могъ послѣ классовъ читать и писать, сколько душѣ угодно. Притомъ, большую половину первой зимы я провелъ въ госпиталѣ. Какъ всѣ дѣти, родившіяся не въ Петербургѣ, я отдалъ дань столицѣ «хладныхъ финскихъ береговъ»: перенесъ нѣсколько припадковъ мѣстной холеры и, наконецъ, на долго слегъ отъ тифа. Первые годы я даже не готовился къ экзаменамъ, а во время, назначенное для подготовки, обыкновенно читалъ нѣсколькимъ товарищамъ вслухъ Островскаго или Шекспира. А затѣмъ, когда я перешелъ въ старшіе специальные классы, я былъ хорошо подготовленъ къ слушанью различныхъ предметовъ, читавшихся тамъ.

Когда я поступилъ въ пажескій корпусъ, во внутренней его жизни происходило полное измѣненіе. Вся Россія пробудилась тогда отъ глубокаго сна и освобождалась отъ тяжелаго кошмара николаевщины. Это пробужденіе отра-

зилось и на нашемъ корпусѣ. Признаться, я не знаю, чѣмъ стало бы со мною, если бы я поступилъ на годъ или на два раньше. Или моя воля была бы окончательно сломлена, или меня бы исключили,—кто знаетъ съ какими послѣдствіями. Къ счастью для меня, въ 1857 году переходный періодъ былъ уже въ полномъ развитіи.

Директоръ корпуса былъ превосходный старикъ, генералъ Желтухинъ; но онъ только номинально былъ главою корпуса. Дѣйствительнымъ начальникомъ училища былъ «полковникъ»,—французъ на русской службѣ, полковникъ Жирардотъ. Говорили, что онъ принадлежалъ къ ордену іезуитовъ, и я думаю, что такъ оно и было. Его тактика, во всякомъ скучай, была основана на учениіи Лойолы, а методъ воспитанія заимствованъ изъ французскихъ іезуитскихъ коллегій.

Нужно представить себѣ маленькаго, очень худощаваго человѣка, со впалой грудью, съ черными, пронизывающими, блѣгающими глазами, съ коротко подстриженными усами, дѣлавшими его похожимъ на кота; человѣка очень сдержаннаго и твердаго, не одареннаго особыми умственными способностями, но замѣчательно хитраго; деспота по натурѣ, способнаго ненавидѣть, и ненавидѣть сильно мальчика, не поддающагося вседѣло его вліянію, и проявлять эту ненависть не безсмысленными придирками, но безпрестанно, всѣмъ своимъ поведеніемъ, жестомъ, улыбкой, восклицаніемъ. Онъ не ходилъ, а скорѣе скользилъ, а пытливые взглѣды, которые онъ бросалъ кругомъ, не поворачивая головы, еще болѣе довершали сходство съ котомъ. Печать холода и сухости лежала на губахъ его, даже когда онъ пытался быть благодушнымъ. Выраженіе становилось еще болѣе рѣзкимъ, когда ротъ Жирардота искривлялся улыбкой неудовольствія или презрѣнія. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ ничего не было начальническаго. При первомъ взглѣдѣ можно было подумать, что снисходительный отецъ говорить съ дѣтьми, какъ съ взрослыми людьми. А между тѣмъ немедленно чувствовалось, что онъ желалъ всѣхъ и все подчинить своей волѣ. Горѣ тому мальчику, который не чувствовалъ себя счастливымъ или несчастливымъ, въ соотвѣтствіи съ болѣшимъ или меньшимъ расположениемъ, которое оказывалъ ему полковникъ!

Слово «полковникъ» было постоянно у всѣхъ на устахъ. Всѣ остальные офицеры имѣли клички; но никто не дерзалъ

дать кличу Жирардоту. Своего рода таинственность окружала его, какъ будто онъ былъ всевѣдущъ и вездѣсущъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ проводилъ весь день и большую часть вечера въ корпусѣ. Когда мы сидѣли въ классахъ, полковникъ бродилъ всюду, осматривалъ наши ящики, которые отпиралъ собственными ключами. По почамъ же онъ до поздняго часа отмѣчалъ въ книжечкахъ (ихъ у него было цѣлая библіотека), особыми значками, разноцвѣтными чернилами и въ разныхъ графахъ, проступки и отличія каждого изъ настъ.

Игры, шутки и бесѣды прекращались, едва только мы завидимъ, какъ онъ, медленно покачиваясь взадъ и впередъ, подвигается по нашимъ громаднымъ заламъ, обѣ руку съ однимъ изъ своихъ любимцевъ. Одному онъ улыбнется, остро посмотритъ въ глаза другому, скользнетъ безразличнымъ взглядомъ по третьему и слегка искривить губы, проходя мимо четвертаго. И по этимъ взглядамъ всѣ знали, что Жирардотъ любить первого, равнодушенъ ко второму, намѣренно не замѣчаетъ третьяго и ненавидить четвертаго. Ненависть эта была достаточна, чтобы нагнать ужасъ на большинство его жертвъ; тѣмъ болѣе, что никто не зналъ ея причины. Впечатлительныхъ мальчиковъ приводило въ отчаяніе, какъ это нѣмое, неукоснительно проявляемое отвращеніе, такъ и эти подозрительные взгляды. Въ другихъ враждебное отношеніе Жирардота вызывало полное уничтоженіе воли, какъ показалъ это въ автобіографическомъ романѣ, «Болѣзни воли», Федоръ Толстой, тоже воспитанникъ Жирардота.

Внутренняя жизнь корпуса подъ управлениемъ Жирардота была жалка. Во всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ новичковъ преслѣдуютъ. Они проходятъ своего рода искусъ. «Старики» желаютъ узнать, какая цѣна новичку. Не станетъ ли онъ фискаломъ? Есть ли въ немъ выдержка? Затѣмъ «старички» желаютъ показать новичкамъ во всемъ блескъ могущества существующаго товарищества. Такъ дѣло обстоитъ въ школахъ и въ тюрьмахъ. Но подъ управлениемъ Жирардота преслѣдованія принимали болѣе острый характеръ, и производились они не товарищами одноклассниками, а воспитанниками старшаго класса, камер-пажами, т.-е. унтеръ-офицерами, которыхъ Жирардотъ поставилъ въ совершенно исключительное привилегированное положеніе. Система полковника заключалась въ томъ, что онъ предоставлялъ старшимъ воспитанникамъ полную сво-

боду онъ притворялся, что не знаетъ даже о тѣхъ ужасахъ, которые они продолжаютъ; зато, черезъ посредство камерпажей онъ поддерживалъ строгую дисциплину. Во времена Николая, отвѣтить на ударъ камерпажа, если бы фактъ дошелъ до свѣдѣнія начальства, значило бы угодить въ кантонисты. Если же мальчикъ какимъ-нибудь образомъ не подчинялся капризу камерпажа, то это вело къ тому, что двадцать воспитанниковъ старшаго класса, вооружившись тяжелыми дубовыми линейками, жестоко избивали, съ молчаливаго разрѣшенія Жирардота, ослушника, проявившаго духъ непокорства.

Въ силу этого, камерпажи дѣлали все, что хотѣли. Всего лишь за годъ до моего поступленія въ корпусъ, любимая игра ихъ заключалась въ томъ, что они собирали ночью новичковъ въ одну комнату и гоняли ихъ въочныхъ сорочкахъ по кругу, какъ лошадей въ циркѣ. Одни камерпажи стояли въ кругѣ, другіе—внѣ его и гутаперчевыми хлыстами безпощадно стегали мальчиковъ. «Циркъ» обыкновенно заканчивался отвратительной оргіей на восточный ладъ. Нравственныя понятія, господствовавшія въ то время, и разговоры, которые велись въ корпусѣ по поводу «цирка», таковы, что чѣмъ менѣе о нихъ говорить, тѣмъ лучше.

Полковникъ зналъ про все это. Онъ организовалъ замѣчательную сѣть шпіонства, и ничто не могло укрыться отъ него. Но система у Жирардота была — закрывать глаза на всѣ продѣлки старшаго класса.

Въ корпусѣ повѣяло, однако, новой жизнью, и всего за нѣсколько мѣсяцевъ до моего поступленія произошла революція. Въ томъ году третій классъ подобрался особенный. Многіе серьезно учились и читали, такъ что нѣкоторые изъ нихъ стали впослѣдствіи известными людьми. Мое знакомство съ однимъ изъ нихъ—назову его фонъ-Шауфъ—произошло, я помню, когда онъ былъ занятъ чтеніемъ «Критики чистаго разума» Канта. Притомъ, въ третьемъ же классѣ находились и самые большие силы корпуса, какъ, напримѣръ, замѣчательный силач Коштовъ, большой другъ фонъ-Шауфа. Третій классъ не такъ послушно, какъ его предшественники, подчинялся игу камерпажей. Послѣдствиемъ одного происшествія была большая драка между первымъ и третьимъ классомъ. Камерпажи были жестоко побиты. Жирардотъ замолчалъ происшествіе; но авторитетъ первого класса былъ подорванъ. Хлысты остались; но ихъ больше никогда не пускали въ ходъ. Что же касается

цирка и другихъ игрищъ, то они* перешли въ область преданій.

Такимъ* образомъ многое было выиграно; но самый младшій классъ, состоявшій изъ очень молодыхъ мальчиковъ, только что поступившихъ въ корпусъ, долженъ былъ еще подчиняться мелкимъ капризамъ камерпажей. У насъ былъ прекрасный, старый садъ; но пятиклассники мало имъ пользовались. Какъ только спускались въ садъ, они должны были вертѣть карусель, въ которую садились камерпажи, или же имъ приказывали подавать старшимъ шары при игрѣ въ кегли. Дня черезъ два послѣ моего поступленія, видя, какъ обстоять дѣла въ саду, я не пошелъ туда, а остался наверху. Я читалъ, когда вошелъ рыжій, веснушчатый камерпажъ и приказалъ мнѣ немедленно отправиться въ садъ, вертѣть карусель.

— Я не пойду. Не видите развѣ, я читаю,—отвѣтилъ я.

Гнѣвъ искривилъ и безъ того некрасивое лицо камерпажа. Онъ готовъ былъ кинуться на меня. Я сталъ въ оборонительную позицію. Онъ пробовалъ бить меня по лицу фуражкой. Я отражалъ удары, какъ умѣлъ. Тогда онъ швырнуль фуражку на полъ.

— Поднимите!

— Сами поднимете!

Подобный фактъ неподчиненія былъ неслыханной дерзостью въ корпусѣ. Не знаю, почему онъ не избилъ меня на мѣстѣ. Онъ былъ и старше, и сильнѣе меня.

На другой день и на слѣдующій я получалъ подобные же приказы, но не исполнялъ ихъ. Тогда начался рядъ систематическихъ мелкихъ преслѣдований, которыя способны довести мальчика до отчаянія. Къ счастью, я всегда былъ въ веселомъ расположеніи духа и отвѣчалъ шутками, или вовсе не обращалъ вниманія.

Къ тому же вскорѣ все кончилось. Полили дожди, и мы большую часть нашего времени проводили въ четырехъ стѣнахъ. Но тутъ случилась новая исторія. Въ саду первый классъ курилъ довольно свободно; но внутри зданія курительной комнатой была «башня». Она содержалась очень чисто, и каминъ топился весь день.

Камерпажи сильно наказывали всякаго мальчика, если ловили его съ папиросой; но сами постоянно сидѣли у огня, курили и болтали. Любимымъ ихъ временемъ для куренія было послѣ десяти часовъ вечера, когда всѣ остальные уже ложились спать. Засѣданіе въ «башнѣ» продолжалось до

половины двѣнадцатаго; а чтобы охранить себя отъ неожиданного посѣщенія Жирардота, они заставляли нась дежурить. Пятиклассниковъ поднимали поочередно, парами, съ постелей и заставляли ихъ бродить по лѣстницѣ до половины двѣнадцатаго, чтобы поднять тревогу въ случаѣ приближенія полковника.

Мы рѣшили покончить съ этими ночныхми дежурствами. Долго продолжались совѣщанія; обратились за совѣтомъ, какъ поступить, къ старшимъ классамъ. Ихъ рѣшеніе, наконецъ, было получено: «Откажитесь стоять на часахъ; если же камерпажи начнутъ бить вахтъ, что, по всей вѣроятности, будетъ—соберитесь возможно большей толпой и призовите Жирардота. Онъ, конечно, знаетъ все, но тогда вынужденъ будетъ прекратить дежурства». Вопросъ о томъ, не будетъ ли это «фискальствомъ», былъ рѣшенъ отрицательно знатоками въ дѣлахъ чести: вѣдь камерпажи не держались съ нами, какъ съ товарищами.

Чередъ стоять на стражѣ выпалъ въ эту ночь на нѣкоего «старичка», Шаховскаго, и на крайне робкаго новичка, Селянова, говорившаго даже тоненѣкимъ, какъ у дѣвочки, голосомъ. Вначалѣ позвали Шаховскаго; тотъ отказался, и его оставили въ покой. Затѣмъ два камерпажа пришли къ Селянову, который лежалъ въ постели; такъ какъ и онъ отказался, то его принялись жестоко стегать ременными подтяжками. Шаховской, тѣмъ временемъ, разбудилъ нѣсколькихъ товарищѣй, которые спали поближе, и всѣ вмѣстѣ побѣжали къ Жирардоту.

Я тоже лежалъ въ постели, когда два камерпажа подошли ко мнѣ и приказали мнѣ стать на часы. Я отказался. Тогда они схватили двѣ пары подтяжекъ (мы всегда складывали наше платье въ большомъ порядкѣ на табуретѣ, рядомъ съ постелью, подтяжки сверху, а галстухъ накресть) и стали стегать меня ими. Я сидѣлъ въ постели и отмахивался руками; мнѣ уже досталось нѣсколько горячихъ ударовъ, когда раздался окрикъ: «Первый классъ къ полковнику!» Свирѣпые бойцы разомъ присмирѣли и послѣдно складывали въ порядкѣ мои вещи.

— Смотрите, ничего не говорите полковнику!—шептали они.

— Положите галстухъ, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ,—шутилъ я, хотя спина и руки горѣли отъ ударовъ.

О чёмъ Жирардотъ говорилъ съ первымъ классомъ, мы не узнали; но на другой день, когда мы выстроились, чтобы

спуститься въ столовую, полковникъ обратился къ намъ съ рѣчью, въ минорномъ тонѣ. Онъ говорилъ, какъ прискорбно, что камерпажи напали на мальчика, который былъ правъ, когда отказался итти. И на кого напали? На новичка, на такого робкаго мальчика, какъ Селяновъ! Всему корпусу стало противно отъ этой іезуитской рѣчи.

Нечего, кажется, прибавлять, что ночныхъ дежурствамъ положенъ быть конецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нанесенъ быть окончательный ударъ системѣ «приставанія» къ новичкамъ.

Это событие также нанесло ударъ авторитету Жирардота, который принялъ все это близко къ сердцу. Къ нашему классу, а ко мнѣ въ особенности, онъ сталъ относиться очень непріязненно (исторія съ каруселью была ему, конечно, передана) и проявлять это при всякомъ удобномъ случаѣ.

Въ первую зиму я частенько лежалъ въ госпиталѣ, и въ декабрѣ заболѣлъ тифомъ, при чемъ во время болѣзни директоръ и докторъ относились ко мнѣ съ истинно отеческой заботливостью. Затѣмъ, послѣ тифа у меня было рѣдко острыхъ и мучительныхъ гастрическихъ воспаленій. Жирардотъ, во время своихъ ежедневныхъ обходовъ, заставая меня часто въ госпиталѣ, сталъ говорить мнѣ полуушутиво по-французски: «Вотъ валяется въ госпиталѣ мѣлодой человѣкъ, крѣпкій, какъ Новый Мостъ». Разъ или два я отвѣчалъ шутками; но, наконецъ, меня возмутило зложелательство въ этомъ безпрерывномъ повтореніи одного и того же.

— Какъ вы смѣете говорить такъ! — крикнулъ я. — Я попрошу доктора, чтобы онъ запретилъ вамъ ходить въ эту палату. И такъ далѣе, въ томъ же тонѣ.

Жирардотъ отступилъ шага на два. Черные глаза его сверкнули; его тонкія губы еще больше поджалась. Наконецъ, онъ произнесъ: «Я оскорбилъ васъ? Не такъ ли? Хорошо, въ рекреационной залѣ у насъ стоять двѣ пушки. Хотите драться на дуэли?»

— Я не шучу, — продолжалъ я, — и говорю вамъ, что не хочу больше терпѣть вашихъ намековъ.

Полковникъ съ тѣхъ поръ не повторялъ болѣе своей шутки, только окидывалъ меня еще болѣе непріязненнымъ взглядомъ, чѣмъ прежде.

Всѣ говорили о враждѣ, питаемой Жирардотомъ ко мнѣ, но я не обращалъ на это вниманія; по всей вѣроятности,

мой индифферентизмъ еще больше усиливалъ чувство полковника.

Цѣлыхъ полтора года онъ не давалъ мнѣ погоновъ, которые, обыкновенно, даются новичкамъ черезъ мѣсяцъ или два послѣ поступленія, послѣ того, какъ новичокъ получить некоторое понятіе о фронтовой службѣ. Но я чувствовалъ себя очень счастливымъ и безъ этого украшенія. Наконецъ, одинъ офицеръ, лучшій фронтовикъ въ корпусѣ, вызвался обучить меня. Убѣдившись, что я какъ слѣдуетъ выдѣлываю всѣ штуки, онъ рѣшился представить меня Жирардоту; но полковникъ отказалъ разъ и два, такъ что офицеръ принялъ это за личное оскорблѣніе. И когда разъ директоръ спросилъ его, почему у меня нѣтъ погоновъ,—офицеръ отвѣтилъ напрямикъ: «Мальчикъ все знаетъ, только полковникъ не хочетъ». Немедленно послѣ этого, по всей вѣроятности, вслѣдствіе замѣчанія директора, Жирардотъ еще разъ проэкзаменовалъ меня, и я получилъ погоны въ тотъ же день.

Вообще вліяніе полковника было уже сильно на ущербъ. Измѣнялся весь характеръ корпуса. Цѣлья двадцать лѣтъ Жирардотъ преслѣдовалъ въ училищѣ свой идеалъ: чтобы пажики были тщательно причесаны и завиты, какъ бывали придворные Людовика XIV. Учились ли пажи чему-нибудь, или нѣть—это его не занимало. Любимцами его состояли тѣ, у кого въ туалетныхъ шкатулкахъ было больше всевозможныхъ щеточекъ для ногтей и флаконовъ съ духами, чи «собственные» мундиры (они надѣвались во время отпуска по воскресеньямъ) были лучше сшиты, и кто умѣлъ дѣлать наиболѣе изящный *salut oblique*. Жирардотъ часто устраивалъ репетиціи придворныхъ церемоній. Съ этой цѣлью одного изъ пажей закутывали въ красный бумажный постельный чехоль, и онъ изображалъ императрицу во время *baise-main*. Мальчики, когда-то, почти какъ священное обрядъ, прикладыванія къ рукъ мнимой императрицы и удалялись съ изящнымъ поклономъ въ сторону. Но теперь даже тѣ, которые были очень изящны при дворѣ, на репетиціи отбивали поклоны съ такой медвѣжьей граціей, что общій хохотъ не прекращался, а Жирардотъ приходилъ въ бѣшенство. Прежде пажики, которыхъ завивали, чтобы повезти на выходъ во дворецъ, заботились о томъ, чтобы возможно дольше сохранить свои завитки послѣ церемоніи; теперь же, возвратившись изъ дворца, они бѣжали подъ кранъ, чтобы расправить волосы.

Надъ женственной наружностью смыялись. Попасть на выходъ, чтобы стоять тамъ въ видѣ декорациі, считалось уже не милостью, а своего рода барышной. Пажики, которыхъ возили иногда во дворецъ, чтобы играть съ маленькими великими князьями, какъ-то замѣтили, что одинъ изъ послѣднихъ, при игрѣ въ жгуты, скручивалъ потуже свой платокъ, чтобы больше стегать имъ. Одинъ изъ пажей сдѣлалъ тогда то же самое и такъ отхлесталъ князька, что тотъ ударился въ слезы. Жирардотъ былъ въ ужасѣ, хотя воспитатель великаго князя, старый севастопольскій адмиралъ, даже похвалилъ пажика.

Въ корпусѣ, какъ и въ другихъ школахъ, проявилось новое и серьезное стремленіе учиться. Въ прежніе годы пажи были увѣрены, что такъ или иначе они получатъ необходимыя отмѣтки для выпуска въ гвардію. Поэтому первые годы они ничего не дѣлали; учиться чему-нибудь начинали лишь въ послѣдніхъ двухъ классахъ. Теперь же и младшіе классы учились очень хорошо. Моральная атмосфера тоже стала совершенно иная, въ сравненіи съ тѣмъ, что было нѣсколько лѣтъ назадъ. Одна или двѣ попытки воскресить былое закончились скандалами, которые достигли даже до петербургскихъ гостиныхъ. Жирардотъ долженъ былъ подать въ отставку. Ему разрѣшили, однако, остатся на старой холостой квартирѣ въ зданіи коринуса, и мы часто видѣли его потомъ, когда онъ, закутанный въ шинель, проходилъ, погруженный въ размышленія,—по всей вѣроятности печальныя; полковникъ не могъ не осуждать новыхъ вѣяній, которыхъ быстро опредѣлялись въ корпусѣ.

II.

Вся Россія говорила тогда объ образованіи. Послѣ того, какъ заключили миръ въ Парижѣ, и цензурные строгости нѣсколько ослабѣли, стали съ жаромъ обсуждать вопросъ о воспитанії. Любимыми темами для обсужденія въ прессѣ, въ кружкахъ просвѣщенныхъ людей и даже въ великосвѣтскихъ гостиныхъ стало невѣжество народа, препятствія, которыя ставились до сихъ поръ желающимъ учиться, отсутствіе школъ въ деревняхъ, устарѣлые методы преподаванія, и какъ помочь всему этому. Первая женскія гимназіи открылись въ 1857 году. Программа и штатъ преподавателей не оставляли желать лучшаго. Какъ по-

волшебству, выдвинулся цѣлый рядъ учителей и учительницъ, которые не только отдались всецѣло дѣлу, но проявили также выдающіяся педагогическая способности. Ихъ труды заняли бы почетное мѣсто въ западной литературѣ, если бы были извѣстны за-границей.

И на пажескомъ корпусѣ тоже отразилось вліяніе оживленія. За немногими исключеніями, всѣ трѣ младшихъ класса стремились учиться. Чтобы поощрить это желаніе, инспекторъ П. П. Винклеръ (образованный артиллерійскій полковникъ, хороший математикъ и передовой человѣкъ) придумалъ очень удачный планъ. Онъ пригласилъ для младшихъ классовъ, вмѣсто прежнихъ посредственостей, самыхъ лучшихъ преподавателей. Винклеръ былъ того мнѣнія, что лучшіе учителя всего лучше дадутъ начинающимъ учиться мальчикамъ первыя понятія. Такимъ образомъ, для преподаванія начальной алгебры въ четвертомъ классѣ, Винклеръ пригласилъ отличного математика и прирожденнаго педагога, капитана Сухонина. Весь классъ сразу пристрастился къ математикѣ. Между прочимъ скажу, что капитанъ преподавалъ и наслѣднику, Николаю Александровичу, и что наслѣдникъ, поэтому, пріѣзжалъ въ пажескій корпусъ, разъ въ недѣлю, чтобы присутствовать на урокахъ алгебры капитана Сухонина. Императрица Марія Александровна была образованная женщина и думала, что, быть-можетъ, общеніе съ прилежными мальчиками захотитъ и ея сына къ ученію. Наслѣдникъ сидѣлъ на скамьѣ вмѣстѣ съ другими, и, какъ всѣ, отвѣчалъ на вопросы. Но, большую частью, во время урока Николай Александровичъ или рисовалъ (очень педурно), или же рассказывалъ шопотомъ сосѣдямъ смѣшныя исторіи. Онъ былъ добродушный и мягкий юноша; но легкомысленный, какъ въ ученіи, такъ, еще больше, въ дружбѣ.

Для пятаго класса инспекторъ пригласилъ двухъ замѣчательныхъ людей. Разъ онъ сіяющій вошелъ къ намъ въ классъ и объявилъ, что намъ выпало завидное счастье. Большой знатокъ классической и русской литературы, профессоръ Классовскій,—говорилъ намъ Винклеръ,—согласился преподавать вамъ русскую грамматику и пройдеть съ вами изъ класса въ классъ, всѣ пять лѣтъ, до самаго выпуска. То же самое для нѣмецкаго языка сдѣлаетъ другой профессоръ университета, г-нъ Беккеръ, библиотекарь императорской публичной библиотеки. Винклеръ выразилъ увѣренность, что мы будемъ сидѣть тихо

въ классѣ, такъ какъ профессоръ Классовскій чувствуетъ себя ольнымъ въ эту зиму. Случай имѣть такого хорошаго и еподавателя слишкомъ завиденъ, чтобы упустить его.

Винклеръ не ошибся. Мы очень гордились сознаніемъ, что намъ будуть читать профессоръ изъ университета. Правда, въ «камчаткѣ» держались того мнѣнія, что «колбасника» слѣдуетъ сдѣлать шелковымъ; но общественное нѣніе класса высказалось въ пользу профессоровъ.

«Колбасникъ», однако, сразу завоевалъ наше уваженіе. Въ классъ вошелъ высокій человѣкъ, съ громаднымъ лбомъ и добрыми, умными глазами, съ искрой юмора въ нихъ, и совершенно правильнымъ русскимъ языкомъ объявилъ памъ, что намѣренъ раздѣлить классъ на три группы. Въ первую войдутъ нѣмцы, знающіе языкъ, къ которымъ онъ будетъ особенно требователенъ. Второй группѣ онъ станетъ читать грамматику, а впослѣдствіи нѣмецкую литературу по установленной программѣ. Въ третью же группу, прибавилъ профессоръ съ милой улыбкой, войдетъ «камчатка». «Отъ нея я буду требовать только, чтобы каждый, во время урока, переписалъ изъ книги по четыре строки, которыхъ я укажу. Когда перепишетъ свои четыре строчки, «камчатка» вольна дѣлать, что хочетъ,—при одномъ условіи: не мѣшать другимъ. Я же обѣщаю вамъ, что въ пять лѣтъ вы научитесь немного нѣмецкому языку и литературѣ. Ну, кто идетъ въ группу нѣмцевъ? Вы, Штакельбергъ? Вы, Ламсдорфъ? Быть-можетъ, кто нибудь изъ русскихъ тоже желаетъ? А кто въ «камчатку»? Пять или шесть изъ насъ, не знавшихъ ни звука по-нѣмецки, поселились на отдаленномъ полуостровѣ. Они добросовѣстно переписывали свои четыре строчки (въ старшихъ классахъ строчекъ двѣнадцать-двадцать), а Беккеръ такъ хорошо выбиралъ эти строчки и такъ внимательно относился къ ученикамъ, что черезъ пять лѣтъ «камчадалы», дѣйствительно, имѣли нѣкоторое представление о нѣмецкомъ языке и литературѣ.

Я присоединился къ нѣмцамъ. Братъ Саша въ своихъ письмахъ такъ убѣждалъ меня учиться нѣмецкому языку, на которомъ есть не только богатая литература, но существуютъ также переводы всякой книги, имѣющей научное значеніе,—что я самъ уже засѣль за этотъ языкъ. Я переводилъ тогда и выучивалъ трудное, въ смыслѣ языка, поэтическое описание грозы. По совѣту профессора, я выучилъ всѣ спряженія, нарѣчія и предлоги и стала переводить. Это—отличный методъ для изученія языковъ. Беккеръ

посовѣтовалъ мнѣ, кромѣ того, подписатьсь на дешевый еженедѣльный иллюстрированный журналъ *Gartenlaube*. Картинки и коротенькие разсказы пріохочивали къ чтенію.

Къ концу зимы я попросилъ Беккера дать мнѣ «Фауста». Я уже читаль его въ русскомъ переводѣ; прочиталь я также чудную тургеневскую повѣсть «Фаусть», и теперь жаждалъ узнать великое произведеніе въ подлинникѣ.

— Вы ничего не поймете въ немъ,—сказалъ мнѣ Беккеръ съ доброй улыбкой,—слишкомъ философское произведеніе.—Тѣмъ не менѣе, онъ принесъ мнѣ маленькую, квадратную книжечку, съ пожелтѣвшими отъ времени страницами. Философія Фауста и музыка стиха захватили меня всепѣло. Началь я съ прекраснаго, возвышенного посвященія и скоро зналъ цѣлую страницы наизусть. Монологъ Фауста въ лѣсу приводилъ меня въ экстазъ, въ особенности тѣ стихи, въ которыхъ онъ говорить о пониманіи природы:

«Erhabner Geist, du gabst mir, gabst mir alles,
Warum ich bat. Du hast mir nicht umsonst
Dein Angesicht im Feuer zugewendet...»

И теперь еще это мѣсто производить на меня сильное впечатлѣніе. Каждый стихъ постепенно сталъ для меня дорогимъ другомъ. Есть ли болѣе высокое эстетическое наслажденіе, чѣмъ чтеніе стиховъ на не совсѣмъ хорошо знакомомъ языкѣ? Все покрывается тогда своего рода легкой дымкой, которая такъ подобаетъ поэзіи. Тѣ слова, которыя, когда мы знаемъ разговорный языкъ, рѣжутъ наше ухо несоответствиемъ съ передаваемымъ образомъ, сохраняютъ свой тонкій, возвышенный смыслъ. Музыкальность стиха особенно улавливается.

Перва лекція Вл. Игн. Классовскаго явилась для насть откровеніемъ. Было ему подъ пятьдесятъ; роста онъ былъ небольшого, стремителенъ въ движеніяхъ, имѣлъ сверкающіе умомъ и сарказмомъ глаза и высокій лобъ поэта. Явившись на первый урокъ, онъ тихо сказалъ намъ, что не можетъ говорить громко, такъ какъ страдаетъ застарѣлой болѣзнью, а поэтому просить насть сѣсть поближе къ нему. Классовскій поставилъ свой стулъ возлѣ первого ряда столовъ, и мы облѣпили его, какъ рой пчель.

Онъ долженъ былъ преподавать намъ грамматику; но вмѣсто скучнаго предмета, мы услыхали нѣчто совсѣмъ другое. Онъ читаль, конечно, грамматику; но то онъ сопо-

ставляль мѣсто изъ былины со стихомъ изъ Гомера или изъ Магабгараты, прелестъ которыхъ даваль намъ понять въ переводѣ, то вводиль строфу изъ Шиллера, то вставляль саркастическое замѣчаніе по поводу какого-нибудь современаго предразсудка. Затѣмъ слѣдовала опять грамматика а потомъ какія-нибудь широкія, поэтическія или философскія обобщенія.

Конечно, мы не все понимали и упускали глубокое значеніе многаго; но развѣ чарующая сила ученія не заключается именно въ томъ, что оно постоянно раскрываетъ предъ нами неожиданные горизонты? Мы еще не постигаемъ вполнѣ всего; но насъ манитъ итти все дальше и дальше, къ тому, что вначалѣ кажется лишь смутными очертаніями... Одни изъ насъ навалились на плечи товарищѣ, другіе стояли возлѣ Классовскаго. У всѣхъ глаза блестѣли. Мы жадно ловили его слова. Къ концу урока голосъ профессора упалъ; но тѣмъ болѣе внимательно слушали мы, затаивъ дыханіе. Инспекторъ прюоткрылъ было дверь, чтобы посмотретьъ, какъ у насъ идуть дѣла съ новымъ преподавателемъ, но, увидавъ рой застывшихъ слушателей, удалился на цыпочкахъ. Даже Дауровъ, натура вообще мятечная, и тотъ вперился глазами въ Классовскаго, какъ будто хотѣлъ сказать: «Такъ вотъ ты какой!» Неподвижно сидѣлъ даже безнадежный Клейнау, кавказецъ съ нѣмецкой фамиліей. Въ сердцахъ большинства кипѣло что-то хорошее и возвышенное, какъ будто предъ нами раскрывался новый міръ, существованія котораго мы до сихъ поръ не подозрѣвали. На меня Классовскій имѣлъ громадное вліяніе, которое съ годами лишь усиливалось. Предсказаніе Винклера, что, въ концѣ-концовъ, я полюблю школу, оправдалось.

Западная Европа и, по всей вѣроятности, Америка не знаютъ этого типа учителя, хорошо известнаго въ Россіи. У насъ же нѣть сколько-нибудь выдающихся дѣятелей и дѣятельницъ въ области литературы или общественной жизни, которые первымъ толчкомъ къ развитію не обязаны были преподавателю словесности. Во всякой школѣ, всюду, долженъ быть быть такой учитель. Каждый преподаватель имѣть свой предметъ, и между различными предметами нѣть связи. Одинъ только преподаватель литературы, руководствующійся лишь въ общихъ чертахъ программой и которому предоставлена свобода выполнять ее по своему усмотрѣнію, имѣть возможность связать въ одно всѣ гуманитарные науки, обобщить ихъ широкимъ философскимъ

міровозрѣніемъ и пробудить, такимъ образомъ, въ сердцахъ молодыхъ слушателей стремленіе къ возвышенному идеалу. Въ Россіи эта задача естественно выпадаетъ на долю преподавателя русской словесности. Такъ какъ онъ говоритъ о развитіи языка, о раннемъ эпосѣ, о народныхъ пѣсняхъ и музикѣ, а впоедѣствіи о современной беллестристикѣ и поэзіи, о научныхъ, политическихъ и философскихъ теченіяхъ, отразившихся въ ней,—то онъ обязанъ ввести обобщающія понятія о развитіи человѣческаго разума, излагаемыя врозь, въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ.

То же самое слѣдовало бы дѣлать при преподаваніи естественныхъ наукъ. Мало обучать физикѣ и химії, астрономіи и метеорологіи, зоологіи и ботаникѣ. Какъ бы ни было поставлено преподаваніе естественныхъ наукъ въ школѣ, ученикамъ слѣдуетъ сказать о философіи естествознанія, внушить имъ общія идеи о природѣ, по образу, напримѣръ, обобщеній, сдѣланныхъ Гумбольдтомъ въ первой половинѣ «Космоса». Философія и поэзія природы, изложеніе метода точныхъ наукъ и широкое пониманіе жизни природы должны быть внесены въ преподаваніе, и преподаватель географіи могъ бы всего лучше выполнить эту задачу; но тогда нужно, конечно, совсѣмъ другіе преподаватели этого предмета въ среднихъ школахъ и совсѣмъ другіе профессора на каѳедрахъ географіи въ университетахъ.

Другой учитель покорилъ нашъ шумный классъ совсѣмъ инымъ путемъ. То былъ учитель чистописанія, послѣдняя ступица въ педагогической колесницѣ. Если къ «язычникамъ», т.-е. къ преподавателямъ французскаго и нѣмецкаго языка вообще питали мало уваженія, то тѣмъ хуже относились къ учителю чистописанія Эберту, нѣмецкому еврею. Онъ сталъ настоящимъ мученикомъ. Пажи считали особымъ шикомъ грубить Эберту. Вѣроятно, лишь его бѣдностью объяснялось, почему онъ не отказался отъ уроковъ въ корпусѣ. Особенно плохо относились къ учителю старички, безнадежно засѣвшіе въ пятомъ классѣ на второй и третій годъ. Но, такъ или иначе, Эберть заключилъ съ ними договоръ: «По одной шалости въ урокѣ, не болѣше». Къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что мы не всегда честно выполняли договоръ..

Однажды одинъ изъ обитателей далекой «камчатки» намочилъ губку въ чернила, посыпалъ ее мѣломъ и швырнуль въ мученика чистописанія. «Эберть, лови!» крикнулъ онъ,

глупо ухмыляясь. Губка попала Эберту въ плечо. Бѣлесая жижка брызнула ему въ лицо и залила рубаху.

Мы были увѣрены, что на этотъ разъ Эбертъ выйдетъ изъ класса и пожалуется инспектору; но онъ вынулъ бумажный платокъ, утерся и сказалъ: «Господа, одна шалость, больше нельзя!»—«Рубаха испорчена», прибавилъ онъ подавленнымъ голосомъ, и продолжалъ исправлять чью-то тетрадь.

Мы сидѣли, пристыженные и ошеломленные. Почему, вмѣсто того, чтобы пожаловаться, онъ прежде всего вспомнилъ о договорѣ? Расположеніе класса сразу перешло на сторону учителя.

— Свинство ты сдѣлалъ!—стали мы упрекать товарища. Онъ—бѣдный человѣкъ, а ты испортилъ ему рубаху!

Виноватый сейчасъ же всталъ и пошелъ извиняться.

— Учиться надо, господа, учиться!—печально отвѣтилъ Эбертъ. И больше—ничего.

Послѣ этого классъ сразу притихъ. На слѣдующій урокъ, точно по уговору, большинство изъ насъ усердно выводило буквы и носило показывать тетради Эберту. Онъ сіялъ и чувствовалъ себя счастливымъ въ этотъ день.

Этотъ случай произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе и не изгладился изъ памяти. До сихъ поръ я благодаренъ этому замѣчательному человѣку за его урокъ.

Съ учителемъ рисованія, Ганцомъ, у насъ никогда не могли установиться мирныя отношенія. Онъ постоянно «записывалъ» шалившихъ во время его урока, а между тѣмъ, по нашимъ понятіямъ, онъ не имѣлъ права такъ поступать, во-первыхъ, потому, что былъ лишь учитель рисованія, а во-вторыхъ, и самое главное, потому, что не былъ человѣкомъ добросовѣстнымъ. Во время урока онъ на большинство изъ насъ не обращалъ никакого вниманія, такъ какъ исправлялъ рисунки лишь тѣмъ, которые брали у него частные уроки, или заказывали ему рисунки къ экзамену. Мы ничего не имѣли противъ товарищей, заказывавшихъ рисунки. Напротивъ, мы считали вполнѣ естественнымъ, что ученики, не проявлявшіе способностей къ математикѣ или не обладавшіе памятью, чтобы заучивать географію, и получавшіе по этимъ предметамъ плохія отмѣтки, заказывали писарю хороший рисунокъ или топографическую карту, чтобы получить «полныя двѣнадцать» и улучшить такимъ образомъ общій выводъ. Только первымъ двумъ

ученикамъ не слѣдовало этого дѣлать. «Но самому учителю не подобаетъ, — разсуждали мы, — въполнять рисунки на заказъ. А разъ опѣ дѣлаетъ такъ, то пусть же покорно переносить напѣ шумъ и проказы». Но Ганцъ, вмѣсто того, чтобы покориться, жаловался послѣ каждого урока и съ каждымъ урокомъ все больше и больше «записывалъ».

Когда мы перешли въ четвертый классъ и почувствовали себя полноправными гражданами корпуса, мы рѣшили обуздѣть Ганца.

— Сами виноваты, что онъ такъ заважничалъ у васъ, — говорили намъ старшіе товарищи. — Мы его держали въ ежовыхъ рукавицахъ. — Тогда мы тоже рѣшили вышколовить его.

Однажды двое изъ нашего класса, отличные товарищи, подошли къ Ганцу съ папиросами въ рукахъ и попросили огонька. Конечно, эта была лишь шутка: никто не думалъ курить въ классѣ. По напіимъ понятіямъ, Ганцъ попросту долженъ былъ сказать проказникамъ: «Убирайтесь!» но вмѣсто того онъ записалъ ихъ въ журналъ и обоихъ сильно наказали. То была капля, переполнившая чашу. Мы рѣшили устроить Ганцу «балаганъ». Это значило, что весь классъ, вооружившись одолженными у старшихъ пажей линейками, станетъ барабанить ими по столамъ до тѣхъ поръ, покуда учитель уберется вонъ.

Выполненіе заговора представляло, однако, нѣкоторыя затрудненія. Въ нашемъ классѣ было немало маменькиныхъ сыновъ, которые дали бы обѣщаніе присоединиться къ демонстраціи, но въ рѣшительный моментъ струсили бы и пошли на попятный. Тогда учитель могъ пожаловаться на остальныхъ. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, въ подобныхъ предпріятіяхъ единодушіе означаетъ все, такъ какъ наказаніе, какое бы оно ни было, всегда легче, когда падать на цѣлый классъ, а не на пѣногихъ.

Затрудненіе было преодолѣно съ чисто-макіавеліевской ловкостью. Условились, что по данному сигналу всѣ повернутся спиной къ Ганцу, а затѣмъ уже начнуть барабанить линейками, которая будуть лежать для этой цѣли на готовѣ на столахъ второго ряда. Такимъ образомъ маменькиныхъ сыновъ не испугаетъ видъ Ганца. Но сигналъ? Разбойничій посвистъ, какъ въ сказкѣ, крикъ или даже чиханье не годились. Ганцъ сейчасъ бы донесъ на того, кто свистнулъ или чихнулъ. Предстояло придумать беззвучный сигналъ.

Рѣшили, что одинъ изъ насъ, хорошо рисовавшій, понесетъ показать Ганцу рисунокъ. Сигналомъ будетъ, когда онъ вернется и сядетъ на мѣсто.

Все шло прекрасно. Несадовъ понесъ рисунокъ, а Ганцъ исправлялъ его нѣсколько минутъ, которые показались намъ безконечными. Но вотъ Несадовъ вернулся, наконецъ, остановился на мгновенье, взглянулъ на насъ, затѣмъ сѣлъ.. Сразу весь классъ повернулся спиной къ учителю; линейки отчаянно затрещали по столамъ. Нѣкоторые, покрывая трескотню, кричали: «Ганцъ, пошелъ вонъ!» Шумъ получился оглушительный. Всѣ классы знали, что Ганцъ получилъ полностью бенефисъ. Онъ поднялся, пробормоталъ что-то, наконецъ удалился. Вѣжаль офицеръ. Шумъ продолжался. Тогда влетѣлъ субъ-инспекторъ, а за нимъ и инспекторъ. Шумъ сразу прекратился. Началась разноска.

— Старшій подъ арестъ! — скомандовалъ инспекторъ.

Такъ какъ первымъ ученикомъ въ классѣ, а потому и старшимъ, былъ я, то мѣня повели въ карцеръ. Въ силу этого я не видаль всего дальнѣйшаго. Явился директоръ. Ганцу предложили указать зачинщиковъ; но онъ не могъ никого назвать.

— Они всѣ повернулись ко мнѣ спиной и стали шумѣть, — отвѣтилъ онъ. Тогда весь классъ повели внизъ. Хотя тѣлесное наказаніе совершенно уже не практиковалось въ нашемъ корпусѣ, но на этотъ разъ высѣкли двухъ пажей, попросившихъ у Ганца закурить. Мотивировались розги тѣмъ, что бенефисъ устроили въ отмщеніе за наказанье про-казниковъ.

Узналъ я о всемъ этомъ десять дней спустя, когда мы разрѣшили возвратиться въ классъ. Меня стерли съ красной доски, чѣмъ я ничуть не огорчился. Зато долженъ сознаться, что десять дней безъ книгъ въ карцерѣ показались мнѣ нѣсколько длинными. Чтобы скоротать время, я сочинилъ въ дубовыхъ стихахъ оду, въ которой воспѣвались славныя дѣянія четвертаго класса.

Само собою разумѣется, мы стали героями корпуса. Цѣлый мѣсяцъ потомъ мы все рассказывали другимъ классамъ про наши подвиги и получали похвалы ато, что выполнили все такъ единодушно и никого не поймали отдельно. Затѣмъ потянулись воскресенья безъ отпуска, вплоть до самаго Рождества... Весь классъ былъ такъ наказанъ. Впрочемъ, такъ какъ мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, то проводили эти дни очень весело. Маменькины сынки по-

лучали цѣлые корзины съ лакомствами. У кого водились деньжонки, тѣ накупали горы пирожковъ. Существенное до обѣда, а сладкое — послѣ. По вечерамъ товарищи изъ другихъ классовъ доставляли контрабанднымъ путемъ славному четвертому классу массу фруктовъ.

Гандъ не записывалъ больше никого; но съ рисованіемъ мы покончили. Никто не хотѣлъ учиться рисованію у этого продажнаго человѣка.

III.

Братъ Саша въ это время былъ въ Москвѣ, въ кадетскомъ корпусѣ. Мы дѣятельно переписывались. Покуда я оставался дома, отъ переписки пришлось отказаться, такъ какъ отецъ считалъ своимъ правомъ распечатывать всѣ письма, прибывавшія въ нашъ домъ, и скоро положилъ бы конецъ всякой нѣ банальной корреспонденціи. Теперь мы имѣли полную возможность обсуждать въ письмахъ, что угодно. Было лишь одно затрудненіе, какъ достать денегъ на почтовые расходы? Мы, однако, скоро пріучились писать такъ мелко, что умудрялись передавать невѣроятную массу вещей въ одномъ письмѣ. Александръ писалъ удивительно. Онъ ухитрялся умѣщать по четыре печатныхъ страницы на одной сторонѣ листка обыкновенной почтовой бумаги. При всемъ томъ, его микроскопическая буквы читались такъ же легко, какъ четкій нонпарель. Крайне жаль, что пѣкоторая изъ этихъ писемъ, которая я хранилъ, какъ святыню, исчезли. Жандармы забрали ихъ у брата во время обыска.

Въ первыхъ письмахъ мы говорили, главнымъ образомъ, про мелочи корпусной жизни, но вскорѣ переписка приняла болѣе серьёзный характеръ. Братъ не умѣлъ писать о пустякахъ. Даже въ обществѣ онъ оживлялся лишь тогда, когда завязывался серьёзный разговоръ, и жаловался, что испытываетъ «физическую боль въ головѣ», какъ онъ говорилъ, когда находится среди людей, болтающихъ о пустякахъ. Саша сильно опередилъ меня въ развитіи и побуждалъ меня развиваться. Съ этой цѣлью онъ поднималъ одинъ за другимъ вопросы философскіе и научные, присыпалъ мнѣ цѣлые ученыя диссертациіи въ своихъ письмахъ, будилъ меня, совѣтовалъ мнѣ читать и учиться. Какъ счастливъ я, что у меня былъ такой братъ, который, при этомъ, еще любилъ меня страстно. Ему, больше всего и больше всѣхъ, обязанъ я моимъ развитіемъ.

Иногда, напримѣръ, онъ совѣтовалъ мнѣ читать стихи и посыпалъ въ письмахъ длинныя выдержки, а то и цѣлые поэмы Лермонтова, А. К. Толстого и т. д., которыя писалъ на память. «Читай поэзію; отъ нея человѣкъ становится лучше», писалъ онъ. Какъ часто потомъ вспоминаль я это замѣчаніе и убѣждался въ его справедливости! Читайте поэзію; отъ нея человѣкъ становится лучше! Саша самъ былъ поэтъ и могъ писать удивительно звучные стихи. Но реакція противъ искусства, происшедшая въ молодежи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и изображенная Тургеневымъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ», заставила брата смотрѣть съ пренебреженіемъ на свои поэтические опыты. Его всецѣло захватили естественные науки. Долженъ, однако, сказать, что моимъ любимымъ поэтомъ былъ не тотъ, кого болѣе всего цѣнилъ братъ. Любимымъ поэтомъ Александра былъ Веневитиновъ, тогда какъ моимъ былъ Некрасовъ. Правда, стихи Некрасова часто не музыкальны; но они говорили моему сердцу тѣмъ, что заступались за «униженныхъ и обиженныхъ».

«Человѣкъ долженъ имѣть опредѣленную цѣль въ жизни,—писалъ мнѣ братъ,—безъ цѣли, жизнь не въ жизнь». И онъ совѣтовалъ мнѣ намѣтить такую цѣль, ради которой стоило бы жить. Я былъ тогда слишкомъ молодъ, чтобы найти ее; но въ силу призыва, что-то неопределѣленное, смутное, «хорошее» закипало уже во мнѣ, хотя я самъ не могъ бы опредѣлить, что такое будетъ это «хорошее».

Отецъ давалъ намъ очень мало карманныхъ денегъ. У меня ихъ никогда не имѣлось столько, чтобы купить хотя бы одну книгу. Но если Александръ получалъ нѣсколько рублей отъ какой-нибудь тетушкѣ, то никогда не тратилъ ни копейки лично на себя, а покупалъ книгу и посыпалъ ее мнѣ. Саша былъ противъ беспорядочного чтенія, «Приступая къ чтенію книги, у каждого долженъ быть вопросъ, который хотѣлось бы разрѣшать», писалъ онъ мнѣ. Тѣмъ не менѣе, я тогда не вполнѣ оцѣнилъ это замѣчаніе. Теперь я не могу безъ изумленія вспомнить громадное количество книгъ, иногда совершенно специального характера, которыя я тогда прочиталъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а, главнымъ образомъ, по исторіи. Я не тратилъ времени на французскіе романы съ тѣхъ поръ, какъ Александръ рѣшительно опредѣлилъ ихъ такъ: «Они глупы, и тамъ ругаются скверными словами»

Главной темой нашей переписки былъ, конечно, вопросъ о выработкѣ міросозерцанія. Въ дѣтствѣ мы никогда не отличались религіозностью. Насъ брали въ церковь; но въ маленькой деревенской церкви торжественное настроение народа производить гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ сама служба. Изъ всего того, что я слышалъ въ церкви, лишь двѣ вещи произвели на меня впечатлѣніе: чтеніе, въ Страстной четвергъ, «двѣнадцати евангелій», и молитва Ефрема Сириня, которая дѣйствительно прекрасна, какъ по простотѣ, такъ и по глубинѣ чувства. Пушкинъ перевложилъ ее, какъ извѣстно, въ стихи:

«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любонаchalія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей» и пр.

Впослѣдствіи въ Петербургѣ, я бывалъ нѣсколько разъ въ католической церкви; но меня поразила тамъ театральность и отсутствие истиннаго чувства. Впечатлѣніе это было еще сильнѣе, когда я видѣлъ простую вѣру какого-нибудь отътвного польского солдата, или же крестьянки, молившихся въ дальнемъ углу. Заходилъ я также и въ протестантскую церковь; но когда я вышелъ оттуда, то поймалъ себя на томъ, что шепталъ стихи Гёте:

«Bewundrung von Kindern und Affen,
Wenn euch darnach der Gaumen steht;
Doch werdet ihr nie Herz zu Herzen schaffen,
Wenn es euch nicht vom Herzen geht».

Александръ въ то время съ обычномъ пыломъ увлекся лютеранствомъ. Онъ прочелъ книгу Мишлэ о Серветѣ и составилъ себѣ собственную вѣру по образцу этого знаменитаго анти-тринитарія. Съ энтузіазмомъ изучилъ онъ Augsбургскую декларацию, которую перевелъ и прислалъ мнѣ: наши письма тогда переполнены были разсужденіями о благодати и цитатами изъ посланій апостоловъ Павла и Якова. Я слушалъ брата; но богословскія бесѣды не особенно глубоко интересовали меня. Я сталъ читать книги совсѣмъ другого характера, когда оправился отъ тифа.

Лена была тогда уже замужемъ, жила въ Петербургѣ, и по субботамъ вечеромъ я отправлялся къ ней. Мужъ ея имѣлъ порядочную библиотеку, въ которой находились энциклопедии,

педисты и лучшія произведенія современныхъ французскихъ философовъ. Я погрузился въ чтеніе этихъ книгъ. Опѣ были запрещенныя, и я не могъ брать ихъ съ собою въ корпусъ, но зато по субботамъ, до глубокой ночи я читалъ энциклопедистовъ, «Философскій словарь» Вольтера, произведенія стоиковъ, въ особенности Марка Аврелія, и т. д. Безконечность вселенной, величие природы, поэзія и вѣчно бывающая ея жизнь производили на меня все большее и большее впечатлѣніе, а никогда не прекращающаяся жизнь и гармонія природы погружали меня въ тотъ восторженный экстазъ, котораго такъ жаждутъ молодыя натуры. Въ то же время у моихъ любимыхъ поэтовъ я находилъ образцы для выраженія той пробуждавшейся любви и вѣры въ прогрессъ, которой красна юность и которая оставляетъ впечатлѣніе на всю жизнь.

Александръ, между тѣмъ, постепенно дошелъ до кантіанскаго критицизма. Письма его наполнились «относительностью представлений», «представленіями во времени и въ пространствѣ, и во времени только» и т. д. Почеркъ становился все болѣе и болѣе микроскопическимъ, по мѣрѣ того, какъ возрастала важность предмета. Но ни тогда, ни впослѣдствіи, когда мы цѣлыми часами обсуждали кантовскую философію, брату не удалось превратить меня въ поклонника кёнигсбергскаго философа.

Моими любимыми предметами стали точныя науки: математика, физика и астрономія.

Въ 1858 году, еще до появленія безсмертнаго труда Дарвина, профессоръ зоологии Московскаго университета К. Ф. Рулье напечаталъ три лекціи о трансформизмѣ. Мой братъ тотчасъ же ухватился за идею объ измѣнчивости видовъ; но онъ недовольствовался приблизительными доказательствами, а занялся изученіемъ специальныхъ работъ о наследственности и т. п. Въ письмахъ онъ сообщалъ мнѣ главные факты, а также свои выводы и сомнѣнія. Появленіе «Происхожденія видовъ» не разрѣшило его сомнѣній по поводу некоторыхъ специальныхъ пунктовъ. Книга Дарвина только подняла рядъ новыхъ вопросовъ, которые побудили его заниматься еще съ болѣшимъ усердіемъ. Впослѣдствіи мы обсуждали — и наши обсужденія продолжались много лѣтъ — различные вопросы, касающіеся происхожденія уклоненій въ видахъ, возможности передачи этихъ уклоненій по наследству и усиленія ихъ. Короче, нась занимали тѣ трудности въ теоріи естественнаго под-

бора, которые были недавно подняты въ научномъ спорѣ между Спенсеромъ и Вейсманомъ, въ изслѣдованіяхъ Голтона и въ трудахъ современныхъ нео-ламаркіанцевъ. Благодаря своему философскому и критическому уму, Александръ сразу замѣтилъ, какое важное значение для теоріи измѣнчивости видовъ имѣютъ эти вопросы, которые тогда были недосмотрѣны многими учеными.

Долженъ я также упомянуть о временной экскурсіи въ область политической экономії. Въ 1858 и 1859 годахъ всѣ въ Россіи говорили о политической экономії. Лекціи о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ привлекали массу слушателей. Горячо, хотя и не надолго, заинтересовался экономическими вопросами и Александръ, который тогда еще не былъ поглощенъ всецѣло происхожденіемъ видовъ. Онъ прислалъ мнѣ для прочтенія курсъ Жана Батиста Сея; я прочелъ, однако, лишь нѣсколько главъ: тарифы и банковыя операциіи не интересовали меня. Зато Александръ увлекся всѣми этими матеріями такъ сильно, что писалъ даже о нихъ мачихѣ, пытаясь заинтересовать её системой таможенныхъ пошлинъ. Впослѣдствіи, въ Сибири мы перечитывали эти письма. Мы хотели, какъ дѣти, когда дошли до одного посланія, въ которомъ Саша горько жаловался на неспособность мачихи заинтересоваться даже такими жгучими вопросами и неистовствовалъ по поводу одного «мѣднолобаго зеленщика», котораго изловилъ на улицѣ. Со многими восклицательными знаками Саша писалъ: «Повѣришь ли, несмотря на то, что онъ лавочникъ, этотъ болванъ со свинскимъ равнодушіемъ относился къ тарифнымъ вопросамъ!»

Каждое лѣто половина всѣхъ пажей уходила въ лагерь, въ Петергофъ. Два младшихъ класса освобождались, однако, отъ этого. Такимъ образомъ два года я проводилъ каникулы въ Никольскомъ. Оставить корпусъ, побѣхать по машинѣ въ Москву и встрѣтить тамъ Александра, было для меня такимъ счастьемъ, что я считалъ дни. Но разъ въ Москвѣ меня ждало большое разочарованіе. Александръ не выдержалъ экзамена и остался на второй годъ въ томъ же классѣ. Въ сущности, онъ былъ еще слишкомъ молодъ для специальныхъ классовъ; но тѣмъ не менѣе отецъ очень разсердился и не позволилъ намъ видѣться. Меня это крайне опечалило. Мы уже не были дѣтьми, и у насъ много накоцилось, что сказать другъ другу. Я пытался отпроситься къ тѣткѣ Су-

ліма, въ домѣ которой надѣялся встрѣтить брата; но полу-
чилъ рѣшительный отказъ. Послѣ второй женитьбы отца,
намъ запретили ходить къ родственникамъ матери.

Въ ту весну нашъ московскій домъ былъ полонъ гостей.
Каждый вечеръ приемная ярко освѣщалась, игралъ ор-
кестръ, кондитеръ приготавлялъ мороженое и печенья, а
картижная игра въ большой залѣ шла до поздней ночи. Я
бродилъ безцѣльно по ярко-освѣщенныемъ комнатамъ и чув-
ствовалъ себя несчастнымъ.

Разъ почью, послѣ десяти, кто-то изъ слугъ поманилъ
меня знакомъ и шепнулъ, чтобы я вышелъ въ переднюю.
Я вышелъ. «Идите въ людскую,—шепнулъ старый дворец-
кій Фроль,—Александръ Алексѣевичъ тамъ».

Я помчался черезъ дворъ, быстро взбѣжалъ на крыльцо,
въ людскую. Въ полутемной большой комнатѣ, за громад-
нымъ столомъ, я увидѣлъ Александра.

— Саша, мой милый, откуда ты?—Мы кинулись въ объ-
ятія другъ другу. Нѣкоторое время мы ничего не могли ска-
зать отъ волненія.

— Тише! Еще услышать васъ!—зашептала кухарка
Прасковья, утирая глаза угломъ передника.—Бѣдныя си-
ротки! Если бы ваша мамаша жива была!...

Старый Фроль тоже стоялъ, понуривъ голову, и у него
глаза мигали.

— Смотри же, Петя, никому ни слова! слышишь, ни-
кому,—сказалъ онъ. Прасковья, между тѣмъ, поставила
на столъ предъ Александромъ горшокъ съ кашей.

Сверкающій здоровьемъ Саша принялъ уже говорить
о разныхъ разностяхъ, упиваясь въ то же время кашу. Гор-
шокъ пустѣлъ. Я едва могъ добиться отъ Саши, какъ онъ
явился такъ поздно. Жили мы тогда близъ Смоленского буль-
вара, въ Лѣвшинскомъ переулкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ
отъ того дома, въ которомъ умерла мать¹⁾; кадетскій же кор-
пусъ находился на другомъ концѣ Москвы, въ Лефортовѣ,
верстахъ въ семи.

¹⁾ Вместо этого особняка теперь (лѣто 1917 года) выстроено боль-
шой каменный домъ. Домъ же, въ Штатномъ переулкѣ, въ которомъ
умерла наша мать, остался, какъ былъ, до сихъ поръ, со своимъ бал-
кономъ и его четырьмя красивыми колоннами и палисадникомъ изъ
акаций. Сохранилась и спальня, тдѣ умирала наша мать, и происходило
то, что описано мною во второй главѣ.

Саша, вмѣсто себя, уложилъ подъ одѣяло чучело, сдѣланное изъ платья, затѣмъ спустился незамѣтно черезъ окно «башни» и всѣ семь верстъ прошелъ пѣшкомъ.

— А ты не боялся проходить пустырями, возлѣ корпуса?—спросилъ я.

— Кого мнѣ бояться. Развѣ что на меня накинулись собаки; но я ихъ самъ же раздразнилъ. Завтра захвачу съ собою тесакъ.

Кучера и другіе слуги приходили между тѣмъ. Они вздыхали, глядя на насъ, затѣмъ садились у стѣнъ и тихо перешептывались порой, чтобы не помѣшать намъ. А мы, обнявшись, просидѣли до полуночи и бесѣдовали о туманныхъ пятнахъ и о гипотезѣ Лапласа, о строеніи вещества, о борьбѣ папской и императорской власти при Бонифаціи VIII и т. п.

Время отъ времени вѣнчалъ кто-нибудь изъ слугъ и говорилъ:

— Петинъка, пойди покажись въ залъ; а то они поднялись отъ картъ и могутъ хватиться тебя.

Я умолялъ Сашу, чтобы онъ не приходилъ на слѣдующую ночь; но онъ тѣмъ не менѣе явился, выдержавъ предварительно стычку съ собаками, противъ которыхъ захватилъ тесакъ. Еще быстрѣе вчерашняго помчался я на другой день, когда меня позвали въ людскую. На этотъ разъ Саша часть дороги проѣхалъ на извозчикѣ. Прошлой ночью одинъ изъ слугъ принесъ ему деньги, которыя получиль отъ игравшихъ въ карты гостей, и упросилъ принять ихъ. Саша взялъ немного мелочи на извозчика и поэтому прибыль раньше.

Думалъ онъ прѣѣхать и на слѣдующій день; но такъ какъ наши свиданія могли навлечь бѣду на слугъ, то мы рѣшили разстаться до осени. Изъ коротень资料а официального письма, полученного на другой день, я узналъ, что его почные похожденія остались не раскрыты. Если бы про нихъ узнали въ корпусѣ, наказаніе было бы ужасно. Страшно даже подумать объ этомъ! Съченіе розгами предъ всѣмъ корпусомъ, до потери сознанія, покуда несчастнаго унесутъ на простынѣ въ госпиталь, а затѣмъ разжалованье въ кантонисты,—все было возможно въ то время.

Не менѣе жестоко пострадали бы слуги, если бы отецъ узналъ про наши свиданія. Но они умѣли хранить тайны и не выдавали другъ друга. Всѣ они знали про посѣщенія Александра; но никто не обмолвился ни словомъ, предъ кѣмъ-

и на будь изъ нашихъ. Лепь только они да я ве ве сомъ дөмъ знали про свиданія.

IV.

Къ тому же году относится мой первый опытъ изслѣдованія народной жизни. Онъ пододвинулъ меня на шагъ ближе къ нашимъ крестьянамъ и показалъ мнѣ ихъ въ по-вомъ свѣтѣ, а также пригодился впослѣдствіи въ Сибири.

Ежегодно въ іюль, въ день Казанской Божьей Матери, въ храмовой праздникъ нашей церкви, въ Никольскомъ, бывала большая ярмарка. Съѣзжались купцы изъ сосѣднихъ городовъ; нѣсколько тысячъ крестьянъ собирались изъ окрестныхъ деревень, верстъ за сорокъ. Никольское тогда кипѣло народомъ два дня. Въ томъ году Аксаковъ напечаталъ свое замѣчательное изслѣдованіе украинскихъ ярмарокъ. Саша, котораго увлеченіе политической экономіей стояло тогда въ зенитѣ, посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать статистическое описание нашей ярмарки, съ цѣлью определить оборотъ ея. Я послѣдователь совѣту, и къ великому моему изумленію, выполнилъ работу довольно успѣшно. Мои вычисленія оборота, насколько я могу теперь припомнить, заслуживали столько же довѣрія, сколько результаты многихъ статистическихъ изслѣдований.

Ярмарка наша продолжалась немного больше сутокъ. Наканунѣ храмового праздника ярмарочная площадь кипѣла жизнью. Наскоро сооружался длинный рядъ навѣсовъ, подъ которыми продавались ситцы, нитки, ленты и всякия деревенскія обновы. Въ большой каменный сарай привозились столы, стулья и скамьи, и онъ превращался въ трактиръ. Поль его посыпался яркимъ, желтымъ пескомъ. Сооружались три новыхъ кабака, издали привлекавшіе вниманіе крестьянъ вѣникомъ, насаженнымъ на длинный шестъ. Съ изумительной быстротой выростали ряды меньшихъ лавчёнокъ, въ которыхъ продавались посуда, сапоги, пряники и разная мелочь. Въ одномъ концѣ ярмарки вырывали въ землѣ походныя кухни. Въ громадныхъ котлахъ варились цѣлые бараны и цѣлые четверики шпена и гречневой крупы. Тутъ стряпали щи и кашу для всей ярмарки. Наканунѣ Казанской, къ полудню, на всѣхъ четырехъ дорогахъ, ведущихъ къ селу, уже не было проѣзда отъ пригнанного скота и крестьянскихъ телѣгъ и возовъ, нагруженныхъ глиняной посудой, бочками съ дегтемъ, хлѣбомъ.

Всенощная служилась въ нашей церкви съ необычайной торжественностью. Служили ее соборне около десятка священниковъ и діаконовъ изъ всѣхъ сосѣднихъ сель. А дѣячки на клиросѣ, подкрепленные молодыми сидѣльцами, заливались, совсѣмъ, какъ архіерейскіе пѣвчіе въ Калугѣ. Церковь бывала набита биткомъ. Всѣ молились усердно. Торговцы соперничали другъ съ другомъ числомъ и величиной свѣчъ, поставленныхъ предъ иконами, чтобы торговля шла бойчѣ. Въ церкви бывало такъ тѣсно, что пришедшіе позже не могли протолкаться къ алтарю. Постоянно, вслѣдствіе этого, отъ дверей къ алтарю, изъ рукъ въ руки переходили, смотря по состоянію молящагося, толстыхъ и тонкія, бѣлые и желтые свѣчи. Передававшіе шептали: «Заступницѣ нашей, Пресвятой Казанской Божьей Матери», «Николаю Угоднику», «Фролу и Лавру». А то и просто: «Всѣмъ Святымъ», безъ дальнѣйшихъ опредѣленій.

Немедленно послѣ всенощной начиналось подторжье. Я вполнѣ отдался работѣ: опрашивалъ сотни людей о стоимости привезенного ими товара. Къ моему удивленію, работа спорилась. Конечно, и мы тоже задавали вопросы: «Зачѣмъ это вамъ?» «Ужъ не для старого ли князя? Не хочетъ ли онъ увеличить ярмарочный сборъ?» Но мое увѣреніе, что «старый князь» ничего не знаетъ и знать не будетъ (онъ, конечно, счелъ бы величайшимъ позоромъ, что сынъ его занимается подобной переписью), разрѣшало всѣ сомнѣнія. Скоро я научился, какъ ставить вопросы. Послѣ нѣсколькихъ стакановъ чая, распитыхъ съ лавочникомъ въ трактире (въ какой ужасъ пришелъ бы отецъ, если бы узналъ это), все устроилось очень хорошо. Моей работой заинтересовался также никольский староста, Василій Ивановъ, красивый молодой крестьянинъ, съ умнымъ лицомъ и шелковистой русой бородой.

— Коли тебѣ это нужно для твоей науки, то ты такъ и дѣлай, а потомъ, можетъ, и намъ пригодится,—замѣтилъ онъ, и говорилъ потомъ крестьянамъ, что съ моими опросами все—ладно.

Короче сказать, «привозъ» опредѣлился довольно точно. Но продажа, начавшаяся на другой день, представляла нѣкоторыя затрудненія. Торгующіе краснымъ товаромъ сами еще не знали, на сколько они продали. Въ день храмового праздника молодыя крестьянки просто брали лавки приступомъ. Каждая изъ нихъ, продавши немногого самотканнаго полотна, теперь покупала ленту, ситцу, цвѣтной го-

ловцой платокъ для себя, шейный платокъ для мужа и небольшіе гостинцы для стариковъ и ребятишекъ, оставшихся дома. Что касается до тѣхъ, кто торговалъ посудой, пряниками, скотомъ или пенькой, то они (въ особенности же, старухи) сразу опредѣляли сумму.

— Хорошо торговала, бабушка?—задавалъ я вопросъ.

— Грѣхъ жаловаться. Что Бога гнѣвить! Почти, все ужъ дродала.

И изъ маленькихъ итоговъ, которые они мнѣ давали, у меня въ записной книжкѣ въ общемъ складывались суммы въ десятки тысячъ рублей. Только одинъ пунктъ остался не выясненъ. Подъ палящимъ солнцемъ стояли сотни бабъ. Каждая принесла на продажу кусокъ самотканного холста, иногда очень тонкаго. Десятки покупателей, съ цыганскими лицами и ястребиными глазами, шныряли въ толпѣ, покупая холстъ. Эти сдѣлки я могъ опредѣлить лишь приблизительно, при помощи Василія Иванова.

Я тогда не философствовалъ надъ своимъ опытомъ и просто радовался, что онъ удался. Но здравый смыслъ и способность быстрого русского крестьянина, выяснившіеся мнѣ въ эти два дня, произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи, когда мы занимались революціонной пропагандой въ пародѣ, я нерѣдко удивлялся тому, что мои товарищи, получившіе гораздо болѣе демократическое воспитаніе, чѣмъ я, не знали, какъ приступиться къ крестьянамъ или къ фабричнымъ. Они пытались поддѣлаться подъ народный говоръ, вводили много такъ называемыхъ «народныхъ оборотовъ»; но этимъ дѣлали свою рѣчь еще болѣе непонятной.

Ничего подобнаго не требуется, когда говоришь или же пишешь для народа. Великорусскій крестьянинъ отлично понимаетъ интеллигентнаго человѣка, если только послѣдній не начиняетъ свою рѣчь иностранными словами. Крестьянинъ не понимаетъ лишь отвлеченныхъ понятій, если они не пояснены наглядными примѣрами. Вообще, я убѣдился изъ опыта, что нѣть такого вопроса изъ области естественныхъ наукъ или соціологии, котораго нельзя было бы изложить совершенно понятно для крестьянъ и вообще для деревенского населенія всѣхъ странъ. Требуется только, чтобы вы сами совершенно ясно понимали, о чѣмъ вы говорите, и говорили просто, исходя изъ наглядныхъ примѣровъ. Главное отличіе между образованнымъ и необразованнымъ человѣкомъ то, что второй не можетъ слѣдить за цѣпью

умозаключеній. Онъ улавливаетъ первое, быть-можеть и второе; но третье уже утомляетъ его, если онъ еще не видить конечнаго вывода, къ которому вы стремитесь. Впрочемъ, какъ часто то же самое мы видимъ и въ образованныхъ людяхъ!

Вынесъ я еще одно впечатлѣніе изъ этой юношеской работы, хотя оформилъ его лишь впослѣдствіи. По всей вѣроятности, оно удивить не одного читателя. Я имѣю въ виду духъ равенства, крайне опредѣленно выраженный не только въ русскихъ крестьянахъ, но вообще въ деревенскомъ населеніи всѣхъ странъ. Мужикъ можетъ рабски повиноваться помѣщику или полицейскому чиновнику; онъ подчиняется безпрекословно ихъ волѣ, но онъ отнюдь не считаетъ ихъ высшими людьми. Черезъ минуту тотъ же крестьянинъ будетъ съ бариномъ разговаривать какъ равный съ равнымъ, если рѣчь пойдетъ о сѣнѣ или обѣ охотѣ. Во всякомъ случаѣ, никогда я не наблюдалъ въ русскомъ крестьянинѣ того подобострастія, ставшаго второй натурой, съ которымъ маленький чиновникъ говорить о своемъ начальникѣ или лакей о своемъ баринѣ. Крестьянинъ слишкомъ легко подчиняется силѣ, но не поклоняется ей.

Въ то лѣто я возвратился изъ Никольскаго въ Москву не обычнымъ путемъ. Тогда желѣзная дорога между Калугой и Москвой еще не существовала, а былъ нѣкто Козель, державшій родъ почтовыхъ дилижансовъ между обоими городами. Наши, конечно, никогда неѣзжали такимъ образомъ: на то были свои лошади и экипажи. Но отецъ, чтобы избавить мачиху отъ двойного путешествія, полупутливо предложилъ мнѣ поѣхать дилижансомъ, «на Козлѣ». Я съ радостью ухватился за это предложеніе. Мачиха довезла меня до Калуги, а оттуда я отправился съ козловскимъ тарантасомъ. Въ тарантасѣ насъ было всего четыре человѣка: очень толстая, старая купчиха, я да еще купецъ съ мѣщаниномъ на переднемъ сидѣніи. Путешествіе оказалось чудное. Прежде всего я путешествовалъ самъ (мнѣ шелъ всего шестнадцатый годъ), а затѣмъ купчиха запаслась для трехдневнаго путешествія громадной корзиной съ припасами и все время угощала меня всевозможными пирожками, печеньями и фруктами.

Но больше всего у меня запечатлѣлся одинъ вечеръ. Мы остановились на постояломъ дворѣ, въ большомъ селѣ. Старая купчиха заказала для себя самоваръ, а я отправился бродить по улицамъ. Мое вниманіе обратила бѣлая харчевня,

и я зашел туда. За столами, покрытыми белыми скатертями, сидели крестьяне и распивали чай. Заказать и я себе пару.

Все было для меня ново. Село было не господское, а казенныхъ крестьянъ,—сравнительно зажиточныхъ, такъ какъ въ селѣ было развито тканье полотна. За столами шелъ тихій спокойный разговоръ; лишь иногда раздавался смѣхъ. Кто-то спросилъ меня, откуда я, куда єду, и скоро у меня завязался разговоръ съ десяткомъ крестьянъ объ урожаѣ въ нашихъ мѣстахъ, о погодѣ, о сѣнѣ. Затѣмъ мы стали задавать различные вопросы. Крестьяне желали знать все о Петербургѣ, а въ особенности о ходившихъ тогда слухахъ о близости войны. И на меня повѣяло какимъ-то особенно теплымъ чувствомъ простоты, сердечности и сознанія равенства, чувствомъ, которое я всегда испытывалъ впослѣдствіи среди крестьянъ. Ничего особенного не случилось въ этотъ вечеръ, такъ что я даже себя спрашивалъ, стоитъ ли упоминать объ немъ. А между тѣмъ теплая, темная ночь, спустившаяся на деревню, маленькая харчевня, тихія бесѣды крестьянъ, ихъ пытливые разспросы о сотни предметовъ, лежащихъ впѣ круга ихъ обычной жизни,—все это сдѣлало то, что съ тѣхъ поръ бѣдная белая харчевня стала для меня привлекательнѣе богатаго, моднаго ресторана.

V.

Корпусъ нашъ переживалъ бурное время. Когда Жирардотъ вышелъ въ оставку, место его занялъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, капитанъ Б. Онъ вообще былъ добрый человѣкъ; но ему засѣло въ голову, что мы почитаемъ его не такъ, какъ соответствуетъ высокому посту, занимаемому имъ. И вотъ, нашъ капитанъ сталъ вселять въ насъ большое уваженіе и благоговѣніе къ себѣ, и началъ съ того, что сталъ притѣснять старшій классъ изъ-за всякой мелочи. Что казалось намъ еще хуже,—онъ послѣгнулъ на наши «вольности», происхожденіе которыхъ терялось во мракѣ временъ. Права эти были очень маленькия; но мы очень дорожили ими.

Въ результатѣ получилось то, что корпусъ нашъ нѣсколько дней «бунтовалъ». Послѣдовало поголовное наказаніе и даже исключеніе изъ корпуса двухъ камерпажей, нашихъ любимцевъ.

Затѣмъ, тотъ же капитанъ сталъ заходить въ классы, гдѣ мы въ теченіе часа, до начала занятій, приготовляли

уроки. Мы считали, что въ классахъ избавлены отъ надзора фронтового начальства, такъ какъ находимся въ вѣдѣніи инспектора. Насъ сильно задѣло вторженіе въ классъ, и разъ я громко заявилъ капитану, что «тутъ мѣсто инспектора классовъ». За эту дерзость я отсидѣлъ нѣсколько недѣль въ карцерѣ. Меня бы исключили, если бы инспекторъ, его помощникъ и даже нашъ старый директоръ не рѣшили, что я громко высказалъ то, что они сами говорили между собой.

Едва эти волненія кончились, смерть вдовствующей императрицы снова прервала правильное теченіе занятій.

Похороны высочайшихъ особы устраиваются всегда такъ, чтобы произвести особенно сильное впечатлѣніе на народъ. Тѣло императрицы было доставлено изъ Царскаго Села, гдѣ она умерла, въ Петербургъ и съ вокзала его перевезли по главнымъ улицамъ въ Петропавловскую крѣпость. Гробъ провожала вся императорская фамилія, высшіе сановники, десятки тысячъ чиновниковъ и безчисленныя корпораціи. Впереди шли сотни священниковъ и хоры пѣвчихъ. Сто тысячи гвардіи было выстроено вдоль улицъ. Тысячи людей въ парадныхъ формахъ участвовали въ процессіи, сопровождали колесницу или же шли впереди ея. На каждомъ перекресткѣ пѣлась литія. Звонъ церковныхъ колоколовъ, пѣніе громадныхъ хоровъ, смѣшанные звуки соединенныхъ военныхъ оркестровъ,—все это должно было в灌ушить народу, что громадная голна дѣйствительно оплакиваетъ смерть императрицы.

Покуда стоялъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости, пажи, въ числѣ прочихъ, стояли возлѣ него на часахъ днемъ и ночью. Три камерпажа и три фрейлины постоянно дежурили возлѣ гроба, помѣшившагося на высокомъ катафалкѣ, а пажей двадцать стояли на платформѣ, на которой два раза въ день служились панихиды, въ присутствіи императора и всей его семьи. Ради этого, еженедѣльно отвозили въ крѣпость чуть не половину нашего корпуса. Мы смыкались каждые два часа, и днемъ дежурить было нетрудно. Но жутко бывало вставать ночью, одѣваться въ придворное платье и затѣмъ идти въ соборъ темными и мрачными дворами крѣпости, при печальномъ перезвонѣ башенныхъ часовъ. Холодъ тогда пробѣгалъ у меня, когда я вспоминаль о заключенныхъ, замурованныхъ гдѣ-то тутъ, въ этой русской Бастилии. «Кто знаетъ,—думалъ я,—быть-можетъ и мнѣ предстоить когда-нибудь попасть въ число ихъ».

Похороны не обошлись безъ происшествія, которое могло бы имѣть очень серьезныя послѣдствія. Надъ гробомъ, подъ куполомъ собора, сдѣланъ былъ громадный балдахинъ, увѣнчанный большой позолоченой короной. Отъ нея, къ четыремъ громаднымъ пиллястрамъ, поддерживающимъ куполь, ниспадала огромная пурпурная мантія, подбитая горностаемъ. Впечатлѣніе получалось сильное; но мы, пажи, скоро открыли, что золоченая корона сдѣлана изъ картона и дерева, что лишь нижняя часть мантіи—бархатная, верхняя же—изъ краснаго кумача, и что вместо горностая употребили бѣлую бумагу съ нашитыми бѣличными хвостиками. Покрытые крепомъ щиты съ гербами были тоже картонные. Но народу, которому вечеромъ разрѣшили проходить мимо катафалка, чтобы приложиться къ золотой парчѣ, покрывавшей гробъ, не было времени разсмотрѣть бумажный горностай и картонные щиты. Желанный театральный эффектъ получался, и притомъ обходился не дорого.

Во время панихидъ члены императорской фамиліи, какъ водится, стояли съ зажженными свѣчами, которыя тухлились послѣ прочтенія извѣстныхъ молитвъ. Разъ одинъ изъ маленькихъ великихъ князей, увидавши, что «больше» тушать свѣчи, перевернувъ ихъ, сдѣлалъ то же самое и нечаянно поджегъ черный крѣпъ, ниспадавшій позади его, съ щита. Черезъ мгновеніе щитъ и бумажная ткань пылали. Громадный огненный языкъ побѣжалъ вверхъ по тяжелымъ складкамъ, такъ называемой, горностаевой мантіи.

Панихида прекратилась. Глаза всѣхъ были устремлены съ ужасомъ на этотъ огненный языкъ, который взбѣгалъ все выше и выше, къ картонной коронѣ и къ деревянной рамѣ, поддерживавшей все сооруженіе. Стали падать куски горячей ткани, грозя зажечь траурные вуали дамъ.

Александръ II потерялся лишь мгновеніе, но немедленно опредѣлился. «Нужно гробъ нести»—приказалъ онъ. Камер-пажи тотчасъ же покрыли гробъ золотой парчей, и всѣ стали подходить чтобы поднять его. Но въ это время громадный огненный языкъ распался на мелкие голубые огоньки, которые пошли по ворсѣ ткани. Мало-по-малу и они потухли среди пыли и копоти, накопившихся наверху.

Не могу сказать, на что я тогда больше засмотрѣлся: на ползущій ли огненный языкъ, или на величественные и стройныя фигуры трехъ фрейлинъ, стоявшихъ возлѣ гроба. Черные кружевныя вуали висѣли у нихъ вдоль плечъ, а длинные шлейфы траурныхъ платьевъ покрывали ступени

катафалка. Ни одна изъ нихъ не шелохнулась. Онъ стояли, какъ прекрасныя изваянія. Лишь на глазахъ одной изъ нихъ, Гамалеи, слезы блеснули, какъ жемчужины. Она была украинка родомъ и единственная красавица среди всѣхъ фрейлинъ.

Въ корпусѣ все было верхъ дномъ. Занятія прекратились. Тѣ изъ насть, которые возвращались съ дежурства изъ крѣпости, жили временно въ разныхъ залахъ и классныхъ комнатахъ. Такъ какъ дѣлать было нечего, то придумывались различные проказы. Такъ, мы открыли стоявшій въ одной комнатѣ шкафъ, въ которомъ находилась великолѣпная коллекція моделей животныхъ, предназначавшаяся для преподаванія естественной исторіи.

Собственно говоря, таково было ея офиціальное назначение; но памъ никогда не показывали животныхъ. Зато мы рѣшили воспользоваться моделями теперь. Изъ черепа, который мы нашли въ шкафу, мы сдѣлали привидѣніе, чтобы пугать ночью товарищѣй и офицеровъ. Животныхъ же мы размѣстили въ самыхъ уморительныхъ положеніяхъ и группахъ: обезьяны разъѣзжали верхомъ на львахъ, овцы играли съ леопардами, жирафы танцевали со слонами и т. д. Хуже всего было то, что въ корпусѣ приѣхалъ прусскій принцъ, прибывшій на похороны (кажется, тотъ самый, который сталъ впослѣдствіи императоромъ Фридрихомъ). Нашъ директоръ не преминулъ похвастать прекрасными педагогическими коллекціями и подвергъ гостя къ злосчастному шкафу. Едва прусскій принцъ увидалъ нашу зоологическую классификацію, у него вытянулось лицо, и онъ быстро отвернулся. Директоръ оцѣпенѣлъ отъ ужаса; онъ лишился способности произносить членораздѣльные звуки и только тыкалъ рукой, все по направленію морскихъ звѣздъ, помѣщенныхъ въ стеклянныхъ коробкахъ возлѣ шкафа. Свита принца притворялась, будто ничего не замѣчаетъ и лишь украдкой окидывала взглядомъ курьезную коллекцію. А мы употребляли всѣ усилия, чтобы не расходиться.

VI.

Школьная жизнь юноши въ Россіи рѣзко отличается отъ западно-европейской. У насть юноша въ университетѣ или въ военной школѣ, живо интересуется вопросами соціальными, политическими и философскими. Такъ было,

по крайней мѣрѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Правда, изъ всѣхъ учебныхъ заведеній пажескій корпусъ представлялъ наименѣе удобную почву для такого развитія, но въ ту эпоху всеобщаго пробужденія, прогрессивныя идеи проникли и къ намъ и захватили нѣкоторыхъ изъ пась. Это, впрочемъ, не мѣшало намъ принимать дѣятельное участіе въ бенефисахъ и другихъ проказахъ.

Въ четвертомъ классѣ я заинтересовался исторіей. По замѣткамъ, составленнымъ во время уроковъ и при помощи книгъ (Саша, конечно, прислалъ мнѣ «Всеобщую исторію» Лоренца) я написалъ для себя цѣлый курсъ ранней исторіи среднихъ вѣковъ. На слѣдующій годъ меня заинтересовала бѣльба между папской властью и свѣтской при Бонифаціи VIII и Филиппѣ IV; мнѣ страстно хотѣлось получить разрѣшеніе работать въ публичной библіотекѣ, чтобы тамъ изучать великую борьбу. Это было, однако, не согласно съ правилами: воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній туда не допускались. Добрый Беккеръ, старшій библіотекарь въ одномъ изъ отдѣленій библіотеки, впрочемъ уладилъ всѣ препятствія: мнѣ разрешили доступъ въ святылище. Я могъ заплатить теперь мѣсто на одномъ изъ красныхъ бархатныхъ цванчиковъ, предъ однимъ изъ столиковъ, составлявшихъ тогда меблировку читальни. Познакомившись съ учебниками, а затѣмъ съ книгами, имѣвшимися въ нашей библіотекѣ, я перешелъ къ первоисточникамъ. Я не зналъ латыни; по вскорѣ открылъ богатые источники на старомъ пѣменецкомъ и старомъ французскомъ языкахъ. Архаическія формы и выразительность языка французскихъ лѣтописей доставляли мнѣ высокое эстетическое наслажденіе. Предо мной раскрылся совершенно новый общественный строй; я узналъ про невѣдомый, сложный міръ. Съ тѣхъ поръ я научился чѣнить историческіе первоисточники, больше чѣмъ модернизированныя сочиненія. Изъ послѣднихъ, дѣйствительная жизнь описываемаго периода вытѣсняется партіозными тенденціями, а не то и модной формулой. Замѣчу также что ничто не даетъ такого толчка умственному развитію, какъ самостоятельно сдѣланныя изысканія. Гораздо позже эти юношескія работы очень помогли мнѣ.

Къ сожалѣнію, я долженъ былъ прекратить занятія исторіей, когда перешелъ во второй (предпослѣдній) классъ. Пачеамъ гдѣ два года предстояло пройти то, что въ другихъ военныхъ школахъ проходится въ трехъ специальныхъ классахъ. Работать, поэтому, приходилось много. Естественный

науки, математика и школьные военные науки отодвинули историю на задний планъ.

Во второмъ классѣ мы начали серьезно заниматься физикой. Преподаватель Чарухинъ былъ превосходный,— умный, саркастический, ненавидѣвшій зубрячку онъ хотѣлъ, чтобы мы учились думать, а не просто заучивали факты.

Онъ былъ хороший математикъ и налегалъ на алгебраической анализъ въ физикѣ. При этомъ онъ обладалъ удивительнымъ даромъ: онъ умѣлъ выяснить основную мысль каждого физического закона и физическихъ приборовъ, не теряясь въ мелочахъ, какъ это дѣлаетъ большинство составителей учебниковъ физики. Нѣкоторые его вопросы были такъ оригинальны, и объясненія такъ хороши, что они навѣки врѣзались въ моей памяти.

Учебникъ физики Ленца, которымъ мы пользовались, не былъ плохъ (большая часть учебниковъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ была составлена лучшими учеными того времени), но онъ устарѣлъ: въ эти годы шла уже перестройка физическихъ теорій. Въ силу этого, нашъ преподаватель, слѣдовавшій собственной методѣ, началъ составлять краткій конспектъ по своему предмету, и этотъ конспектъ мы отдавали литографировать. Случилось, однако, такъ, что черезъ двѣ-три недѣли, составлять конспектъ пришлось мнѣ. Какъ хороший педагогъ, Чарухинъ предоставилъ это мнѣ всесѣло, и самъ читалъ лишь корректуры. Отдѣлы о теплотѣ, электричествѣ и магнетизмѣ пришлось писать заново, вводя новѣйшія теоріи, и такимъ образомъ я составилъ почти полный учебникъ физики, который былъ отлитографированъ для употребленія въ корпусѣ. Легко понять, какъ помогла мнѣ внослѣдствіи эта работа.

Во второмъ классѣ мы стали также изучать химію. И для нея мы имѣли великого и преподавателя, артиллерійского офицера Петрушевскаго, страстного любителя предмета, сдѣлавшаго нѣсколько важныхъ изслѣдованій. Годы 1858—1861 были временемъ расцвѣта точныхъ наукъ. Гровъ, Клаузіусъ, Джоуль и Сегэнъ доказали, что теплота и электричество суть лишь различныя формы движения. Около этого времени Гельмгольцъ началъ свои изслѣдованія о звукахъ, которые составили эпоху въ наукѣ. Типаль въ своихъ популярныхъ лекціяхъ, такъ сказать, прикоснулся къ самимъ атомамъ и молекуламъ. Герардъ и Авогадро ввели въ химію теорію замѣщений, а Менделѣ-

евъ, Лотарь Мейеръ и Ньюландсъ открыли периодическую законность химическихъ элементовъ Дарвинъ своимъ «Происхождениемъ видовъ» совершилъ полный переворотъ въ биологическихъ наукахъ, а Карль Фогтъ и Молешотъ, слѣдя за Клюдъ Бернаромъ, создали физиологическую психологію.

То было время всеобщаго научнаго возрожденія. Непреодолимый потокъ мчалъ всѣхъ къ естественнымъ наукамъ, и въ Россіи вышло тогда много очень хорошихъ естественно-научныхъ книгъ въ русскихъ переводахъ. Я скоро понялъ, что основательное знакомство съ естественными науками и ихъ методами необходимо для всякаго, для какой бы дѣятельности онъ ни предназначалъ себя. Насъ соединилось пять или шесть человѣкъ, и мы завели родь химической лабораторіи. При помощи самыхъ простыхъ приборовъ, указанныхъ для начинающихъ въ превосходномъ учебнику Штэкгардта, мы засѣли, въ комнатѣ двухъ товарищѣй, братьевъ Замыцкихъ, за химические опыты. Отецъ ихъ, отставной адмиралъ, былъ очень радъ, что дѣти его съ такой пользой употребляютъ время, и не препятствовалъ намъ собираться по воскресеньямъ и праздникамъ въ «лабораторіи», находившейся рядомъ съ его кабинетомъ. Руководствуясь учебникомъ Штэкгардта, мы продѣлали всѣ указаныя тамъ опыты. Долженъ прибавить, что мы чуть не подожгли домъ и не разъ отравляли воздухъ во всѣхъ комнатахъ хлоромъ и тому подобными зловонными веществами. Но старый адмиралъ относился къ этому очень добродушно. Когда мы за обѣдомъ рассказывали старику наши приключения, онъ тоже сообщалъ намъ, какъ разъ съ товарищами чуть не спалилъ домъ, преслѣдуя менѣе полезную пѣнь, чѣмъ мы, именно, приготавляя жженку. А добрѣйшая мать товарищѣй говорила, между припадками удущиваго капля: «Что жъ, ничего не подѣлаешь, если для вашихъ занятій вамъ нужно возиться съ такими снадобьями».

Мы ласкались къ ней за такое милое отношеніе, и послѣ обѣда она обыкновенно садилась за рояль, и до поздней ночи мы пѣли дуэты, тріо и хоры изъ оперъ. А не то мы брали партитуру какой-нибудь оперы—нерѣдко «Руслана», и пѣли ее всю, отъ начала до конца. Мать Замыцкихъ и ихъ сестра пѣли партіи примадоннъ, старшій братъ прекрасно исполнялъ теноровую партію, а я, съ его младшимъ братомъ, съ грѣхомъ пополамъ, выполняли остальныя. Химія и музыка шли такимъ образомъ рука обь руку.

Высшая математика заняла тоже немалую часть моего времени. Многие изъ насъ уже рѣшили, что не пойдутъ въ гвардію, гдѣ фронтовая служба и парады отняли бы все время. Мы намѣревались, послѣ производства, поступить въ артиллерійскую академію или въ инженерную. Для этого мы должны были изучить аналитическую геометрію, дифференціальное и начало интегрального исчисленія, и брали частные уроки. Элементарная астрономія преподавалась намъ тогда подъ именемъ математической географіи, и я увлекся, въ особенности въ послѣдній годъ пребыванія въ корпусѣ, чтеніемъ по астрономіи. Никогда не прекращающаяся жизнь вселенной, которую я понималъ, какъ жизнь и развитіе, стала для меня неистощимымъ источникомъ поэтическихъ наслажденій, и мало-по-малу философіей моей жизни стало сознаніе единства человѣка съ природой, какъ одушевленной, такъ и неодушевленной.

Если бы у насъ преподавались только перечисленные предметы, то и тогда все наше время было бы совершенно заполнено. Но намъ читали еще гуманитарныя науки: исторію, законовѣданіе, то-есть общее знакомство со сводомъ законовъ, затѣмъ основы политической экономіи и сравнительной статистики. Кромѣ того, нужно было одолѣть громаднѣйшіе курсы военныхъ наукъ: тактики, военной исторіи (походы 1812 и 1815 годовъ въ мельчайшихъ подробностяхъ), артиллериі и полевой фортификаціи.

Припоминая теперь прошлое, я прихожу къ заключенію, что наша программа (кромѣ военныхъ предметовъ, вместо которыхъ мы могли бы съ большей пользой изучать точныя науки) была вовсе недурна и, несмотря на свое разнообразіе, вполнѣ приходилась по силамъ юношѣ со средними способностями. Вслѣдствіе хорошаго знакомства съ низшей математикой и физикой, которое мы приобрѣтали въ младшихъ классахъ, большинство изъ насъ справлялось вполнѣ удовлетворительно съ программой. Многие изъ насъ занимались, конечно, спустя рукава, нѣкоторыми предметами, напримѣръ, законовѣданіемъ или новой исторіей, которая читалась у насъ прескверно, престарѣлымъ Шульгинымъ: его держали только ради выслуги полной пенсіи. Но намъ предоставляли известный просторъ въ выборѣ любимыхъ предметовъ. По nimъ насъ экзаменовали очень строго, а по остальнымъ—довольно спокойно. Вообще, я объясняю себѣ сравнительную успѣшность прохожденія этой обширной программы конкретнымъ характеромъ всего

преподаванія. Какъ только мы познакомились теоретически съ элементарной геометріей, мы тотчасъ же примѣняли ее въ полѣ, при помощи вѣхъ, землемѣрной цѣпи, а потомъ съ астролябіей, компасомъ или мензулой. Послѣ такихъ наглядныхъ урековъ, начальная астрономія уже не представляла для насъ затрудненій, тогда какъ съемка плановъ, какъ работа въ полѣ, становилась для насъ источникомъ удовольствій.

Та же система нагляднаго преподаванія примѣнялась и для фортификації. Зимой мы разрѣшали задачи въ родѣ слѣдующихъ: имѣя въ распоряженіи тысячу солдатъ, построить въ двухнедѣльный срокъ возможно болѣе сильное укрѣпленіе, чтобы защитить мостъ для отступающей арміи; и разрѣшивши задачу, мы потомъ горячо отстаивали наши проекты, когда преподаватель критиковалъ ихъ. Лѣтомъ же мы примѣняли наши теоретическія познанія на дѣлѣ, въ полѣ, строя профили укрѣпленій. Такимъ образомъ, благодаря практическимъ упражненіямъ, большинство изъ насъ, въ возрастѣ 17 — 18 лѣтъ, очень недурно усваивало всѣ эти разнообразные предметы.

За всѣмъ тѣмъ, у насъ оставалось еще вдоволь времени для развлечений и для проказъ различного рода. Лучшее время наступало, когда кончались экзамены; до выступленія въ лагери у насъ тогда имѣлся почти мѣсяцъ, совершенно свободный, а затѣмъ, по возвращеніи изъ лагерей, мы были опять свободны цѣлыми три или четыре недѣли. Немногіе изъ насъ, которые оставались въ училищѣ, пользовались тогда полной свободой и отпускомъ въ любое время. Въ корпунсь мы возвращались только юсть и спать. Я работалъ въ это время въ публичной библіотекѣ, ходилъ въ эрмитажъ и изучалъ тамъ картины, одну школу за другой, или же посѣщалъ казенные ткацкія фабрики, литейные, хрустальныя и гранильныя заводы, куда доступъ всегда открыть. Иногда мы отправлялись компанией кататься на лодкахъ по Невѣ и проводили бѣлымъ ночи, — когда вечерняя заря встрѣчается съ утренней, и когда въ полночь можно безъ свѣчи читать книгу, — на рѣкѣ или у рыбаковъ на взморье. Для всего этого времени у насъ было достаточно.

Изъ посѣщенія фабрикъ я вынесъ тогда же любовь къ могучимъ и точнымъ машинамъ. Я понялъ поэзію машинъ, когда видѣлъ, какъ гигантская паровая лада, выступившая изъ лѣсопильного завода, вылавливаетъ бревно изъ Невы,

и плавно подкладываетъ его подъ машину, которая распиливаетъ стволъ на доски; или же смотрѣлъ, какъ раскаленная докрасна желѣзная полоса, пройдя между двумя цилиндрами, превращается въ рельсъ. Въ современныхъ фабрикахъ машина убиваетъ личность работника. Онъ превращается въ пожизненного раба извѣстной машины и никогда уже не бываетъ ничѣмъ инымъ. Но это лишь результатъ неразумной организаціи, и виновна въ этомъ случай—не машина. Чрезмѣрная работа и бесконечная ея монотонность одинаково вредны съ ручнымъ орудіемъ какъ и съ машиной. Если же уничтожить переутомленіе, то вполнѣ понятно удовольствіе, которое можетъ доставить человѣку сознаніе мощности его машины, цѣлесообразный характеръ ея работы, изящность и точность каждого ея движенія. Ненависть, которую питалъ къ машинамъ Вильямъ Моррисъ доказываетъ только, что, несмотря на его могучій талантъ, мощность и красота машинъ были ему недоступны.

Музыка тоже играла важную роль въ моемъ развитіи. Она являлась для меня еще болѣшимъ источникомъ наслажденія и энтузіазма, чѣмъ поэзія. Въ то время русская опера почти еще не существовала; но то былъ періодъ расцвѣта итальянской оперы. Въ Петербургѣ она была чрезвычайно популярна и насчитывала немало крупныхъ талантовъ. Когда заболѣла примадонна Бозіо, тысячи людей, въ особенности молодежи, простаивали до поздней ночи у дверей гостиницы, чтобы узнать о здоровье Дивы. Она не была хороша собой, но казалась такой прекрасной, когда пѣла, что молодыхъ людей, безумно въ нее влюбленныхъ, можно было считать сотнями. Когда Бозіо умерла, ей устроили такія похороны, какихъ Петербургъ до тѣхъ поръ никогда не видѣлъ.

Весь Петербургъ дѣлился тогда на два лагеря: на поклонниковъ итальянской оперы и на совсѣмъ французского театра, гдѣ уже тогда зарождалась гнилая оффенбаховщина, черезъ нѣсколько лѣтъ заразившая всю Европу. Нашъ классъ тоже раздѣлился на два лагеря, и я принадлежалъ къ итальянцамъ. Намъ не позволялось посѣщать кресла или галлереи, а ложи въ итальянской оперѣ разбирались за нѣсколько мѣсяцевъ до начала сезона, по подпискѣ, а въ нѣкоторыхъ домахъ абонементы передавались даже по наслѣдству. Намъ оставалось, такимъ образомъ, пробираться въ оперу по субботамъ, на верхнюю галлерею, гдѣ мы скучивались «въ проходѣ» и парились, какъ въ

банѣ. Чтобы скрыть наши бросающіеся въ глаза мундиры, мы должны были стоять даже тамъ, несмотря на духоту, въ застегнутыхъ черныхъ ватныхъ шинеляхъ, съ мѣховыми воротниками. Удивительно, какъ это никто изъ насъ не схватилъ воспаленія легкихъ, въ особенности, если вспомнить, что мы, разгоряченные овациями нашимъ любимцамъ, простаивали потомъ подолгу на улицѣ, у театрального подъѣзда, чтобы еще разъ поаплодировать имъ. Въ то время опера какимъ-то страннымъ образомъ связана была съ радикальнымъ движениемъ. Революціонные речитативы въ *Вильгельмъ Телль*, или *Пуританахъ* всегда вызывали шумныхъ оваций, немало смущавшія Александра II. А въ шестомъ ярусѣ, въ курильной и на подъѣздѣ собирались лучшая часть петербургской молодежи, объединенная общимъ благоговѣніемъ къ благородному искусству. Все это можетъ показаться теперь ребячествомъ; но тогда немало возвышенныхъ идей и чистыхъ стремленій было заронено въ насъ поклоненіемъ предъ любимыми артистами.

VII.

Лѣтомъ мы выступали въ лагерь, въ Петергофѣ, вмѣстѣ съ другими военными училищами Петербургскаго округа. Въ общемъ, жилось намъ тамъ очень хорошо, и, безъ сомнѣнія, мы значительно поправлялись въ лагерѣ. Спали мы въ просторныхъ палаткахъ, купались въ морѣ и возвращались въ городъ съ запасомъ здоровья.

Въ военныхъ училищахъ главное занятіе въ лагеряхъ, конечно, фронтовая служба. Мы всѣ ее терпѣть не могли; но скука ея порой смягчилась тѣмъ, что мы принимали участіе въ маневрахъ. Разъ, когда мы уже ложились спать, Александръ II поднялъ лагерь, приказавши бить тревогу. Черезъ нѣсколько минутъ весь лагерь ожильт. Нѣсколько тысячъ мальчиковъ собралось вокругъ знаменъ. Въ ночной тишинѣ раздался тяжелый гулъ пушекъ артиллерійскаго училища. Весь военный Петергофъ прискакалъ въ лагерь; но вслѣдствіе какого-то недарузыманія царю не приводили лошади. Поскакали во всѣ концы ординарцы, чтобы достать царю коня; но коня не оказывалось. Такъ какъ Александръ II былъ не особенно хороший наѣзджикъ, то онъ не садился на чужую лошадь. Онъ былъ очень сердитъ, и когда къ нему подскакалъ ординарецъ, рапортую:

«Лошадь вашего величества ведутъ съ Бабыгоны», онъ грозно разразился: «Дуракъ, развѣ у меня одна лошадь?»

Сгущавшаяся темнота, пущечные выстрѣлы, топотъ кавалеріи, все это дѣйствовало на насть, мальчиковъ, сильно возбуждающимъ образомъ, и когда Александръ II пустилъ нашу колонну въ атаку, оставаясь впереди ея, мы едва не смяли его. Сомкнутые въ ряды, съ опущенными штыками, мы, должно-быть, имѣли грозный видъ; и я видѣлъ, какъ императоръ, который все еще стоялъ пѣшій, тремя громадными скачками очистилъ путь для колонны. Я понялъ тогда, что значитъ колонна, идущая сомкнутыми рядами, возбужденная музыкой и наступлениемъ. Предъ нами стоялъ императоръ, напѣ воинский начальникъ, къ которому мы всѣ относились съ благоговѣніемъ. Между тѣмъ я чувствовалъ, что ни одинъ изъ насъ не подвинулся бы на вершокъ и не остановился бы, чтобы дать ему дорогу. Мы составляли идущую колонну, онъ являлся препятствиемъ, и колонна смяла бы его. Въ подобныхъ случаяхъ мальчики съ ружьями въ рукахъ еще страшѣе старыхъ солдатъ.

На слѣдующій годъ, когда мы приняли участіе въ большихъ маневрахъ подъ Петербургомъ, я получилъ иѣкоторое представление о томъ, что такое война. Два дня подъ рядъ мы только то и дѣлали, что двигались взадъ и впередъ на протяженіи какихъ-нибудь двадцати верстъ. Мы не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, что дѣлается кругомъ, ни о томъ, съ какой цѣлью мы двигаемся. Пушки гремѣли то возлѣ насъ, то гдѣ-то вдали. Порой въ лѣсу и на холмахъ начиналась жаркая ружейная перестрѣлка. Ординарцы скакали и привозили приказы, то наступать, то отступать. А мы все шли, шли и шли, не видя смысла въ этомъ передвиженіи. Конница прошла той же дорогой и превратила ее въ широкую рѣку зыбучаго песка, по которому мы еле тащились взадъ и впередъ. Наконецъ всякая дисциплина порвалась въ нашей колоннѣ. Изъ стройнаго цѣлаго она превратилась въ толпу усталыхъ путниковъ. По дорогѣ шли одни знаменные унтер-офицеры; остальные же медленно плелись обочинами въ лѣсу. Приказы и мольбы офицеровъ не приводили ни къ чему.

Вдругъ сзади донесся крикъ: «Государь єдетъ!» Офицеры засуетились, умоляя насть построиться въ ряды; но никто не слушался.

Прискакалъ императоръ и приказалъ еще разъ отступать.

— Налѣво кругомъ! — раздалась команда. — «Господа, государь позади. Пожалуйста, обернитесь!» шептали офицеры. Но баталіонъ почти не обращалъ вниманія ни на команду, ни на мольбы. Къ счастію, Александръ II не былъ фронтовикомъ-фанатикомъ. Сказавъ нѣсколько словъ, чтобы ободрить насъ, и обѣщавъ намъ отдыхъ, онъ ускакалъ.

Я понялъ тогда, какъ много въ военное время зависитъ отъ духа арміи, и какъ мало можно сдѣлать путемъ одной дисциплины, когда отъ солдата требуется больше, чѣмъ среднее усиленіе. Одной дисциплиной нельзя привести усталый отрядъ къ опредѣленному часу на поле битвы. Лишь энтузіазмъ и довѣріе могутъ въ подобныя минуты заставить солдата сдѣлать невозможное. А для успѣха на войнѣ постоянно приходится выполнять «невозможное». Какъ часто, впослѣдствіи, вспоминаль я этотъ наглядный урокъ, въ Сибири, гдѣ во время научныхъ экспедицій намъ тоже приходилось все время выполнять «невозможное».

Фронтовое ученіе и манёвры отнимали, однако, лишь небольшую часть лагерного времени. Мы много занимались практическими съемками и фортификаціей. Послѣ нѣсколько предварительныхъ упражненій, намъ давали бусоль и говорили: «Снимите планъ этого озера или парка съ его дорогами. Измѣряйте углы бусолью, а разстояніе шагами».

Рано утромъ, позавтракавъ наскоро, юноша набивалъ свои просторные военные карманы ломтями чернаго хлѣба и отправлялся на четыре-пять часовъ за нѣсколько верстъ въ паркъ. Онъ набрасывалъ на планъ прекрасныя тѣнистыя дороги, ручья и озера. Работа его сравнивалась впослѣдствіи съ точными картами; и въ видѣ награды, по выбору юноши, давались оптическіе инструменты или готовальни. Мнѣ эта съемка доставляла невыразимое удовольствіе. Независимый характеръ работы, одиночество подъ столѣтними деревьями, лѣсная жизнь, которой я могъ отдаваться безъ помѣхи, оставили глубокій слѣдъ въ моей памяти. Была интересна и сама работа. Когда я впослѣдствіи сталъ изслѣдователемъ Сибири, а нѣкоторые изъ моихъ товарищъ — изслѣдователями Средней Азіи, мы нашли, что корпусныя съемки послужили намъ хорошей подготовительной школой.

Въ послѣдній классъ, три раза въ недѣлю, партии изъ четырехъ пажей отправлялись въ деревни, лежащія на значительномъ разстояніи отъ лагеря. Тамъ мы дѣлали точныя съемки при помощи мензуры и кипрегеля. Порой

навѣжали офицеры генерального штаба, чтобы провѣрить работы и подать кое-какие соѣты. Жизнь же среди крестьянъ, въ деревенскихъ избахъ, отлично вліяла на наше умственное и нравственное развитіе.

Въ то же время мы упражнялись въ возведеніи, въ настоящую величину, частей укрѣпленій. Мы отправлялись съ офицерами въ открытое поле, и здѣсь намъ поручалось взвести разрѣзъ бастіона или сложнаго мостового укрѣпленія. Мы сколачивали гвоздями дранницу и шесты такимъ же образомъ, какъ дѣлаютъ инженеры, когда имъ нужно провѣрить новую желѣзную дорогу. При постройкѣ профилей барбетовъ и бойницъ намъ нужно было вычислять довольно много, чтобы опредѣлить наклонъ и сѣченія различныхъ плоскостей, и послѣ этого стереометрія уже не представляла для насъ затрудненій, а синусы и тангенсы получали вещественный, опредѣленный смыслъ.

Работа такъ нравилась намъ, что разъ, уже въ городѣ, найдя въ саду кучу глины и щебня, мы принялись за постройку настоящаго укрѣпленія въ уменьшенномъ видѣ. Барбеты, прямая и косая бойница были тщательно вычислены. Все было сдѣлано очень изящно. Мы мечтали теперь о томъ, какъ бы достать досокъ, чтобы сдѣлать платформы для орудій и поставить на нихъ модели пушекъ изъ нашей классной. Но—увы!—наши панталоны были въ плачевномъ состояніи!

— Что вы тутъ дѣлаете!—кричалъ на насъ капитанъ.

— Взгляните на себя! Вы похожи на землекоповъ. (Этимъ именно мы и гордились теперь!) Что, если великій князь пріѣдетъ и застанетъ васъ въ такомъ видѣ!

— Мы покажемъ ему наше укрѣпленіе и попросимъ дать намъ инструменты и доски для платформъ.

Но напрасно мы протестовали. На другой день десятокъ работниковъ свезли тачками наше прекрасное укрѣпленіе, какъ будто оно было лишь кучей мусора!

Упоминаю объ этомъ для того, чтобы показать, какъ дѣтямъ и юношамъ хочется примѣнить на практикѣ приобрѣтенные въ школѣ знанія, и какъ ограничены тѣ воспитатели, которые не могутъ воспользоваться этимъ стремлѣніемъ для педагогическихъ цѣлей. Въ нашемъ корпусѣ все было, конечно, направлено къ тому, чтобы пробудить военный духъ; но мы съ такимъ же увлеченіемъ прокладывали бы желѣзную дорогу, строили бы избу или обрабатывали бы поле и огородъ. Стремленіе дѣтей къ живой, настоящей

работъ пропадетъ безплодно, потому что въ школѣ господствуетъ еще духъ схоластики, завѣщанный средневѣковыми монастырями.

VIII.

Годы 1857—1861 были, какъ известно, эпохой умственного пробужденія Россіи. Все то, о чёмъ поколѣніе, представленное въ литературѣ Тургеневымъ, Герценомъ, Бакунинымъ, Огаревымъ, Толстымъ, Достоевскимъ, Григоровичемъ, Островскимъ и Некрасовымъ, говорило шепотомъ, въ дружеской бесѣдѣ—начинало теперь проникать въ печать. Цензура все еще свирѣпствовала; но, чего нельзя было сказать открыто въ политической статьѣ, то проводилось контрабанднымъ путемъ въ видѣ поэзии, юмористического очерка, или въ замаскированной критикѣ западноевропейскихъ событій. Всѣ умѣли читать между строками и понимали, что означаетъ, напримѣръ, «Критика китайской, финансовой системы».

У меня не было знакомыхъ въ Петербургѣ, кромѣ школьнаго, да тѣснаго круга родныхъ. Я стоялъ, такимъ образомъ, далеко въ сторонѣ отъ радикального движенія того времени. Тѣмъ не менѣе (и это была, быть-можетъ, наиболѣе характерная черта движенія), идеи проникали даже въ такое благонамѣренное училище, какъ наше, и отражались даже въ кругѣ нашихъ московскихъ родственниковъ.

Воскресенья и праздники я теперь проводилъ у моей тетки, княгини Мирской, о которой я упоминалъ уже выше. Князь Мирскій думалъ только о необыкновенныхъ завтракахъ и обѣдахъ, а княгиня и княжна проводили время очень весело. Моей двоюродной сестрѣ щель двадцатый годъ. Она была очень хороша и привлекательна. Всѣ двоюродные братья были влюблены въ нее; она тоже полюбила одного изъ нихъ, и хотѣла выйти за него замужъ. Но вѣнчать двоюродныхъ—великій грѣхъ по законамъ православной церкви, и княгиня напрасно добивалась особаго разрешенія отъ высшихъ представителей церковной іерархіи. Теперь княгиня Мирская привезла дочку въ Петербургъ въ надеждѣ, что, быть-можетъ, она выбереть среди безчисленныхъ поклонниковъ болѣе подходящаго жениха, чѣмъ родного, двоюроднаго брата. Долженъ прибавить, что старанія княгини ни къ чemu не привели, хотя въ ея домѣ всегда было много блестящей гвардейской и дипломатической молодежи.

Можно было думать, что меньше всего революционных идей проникнуть въ такой домъ. А между тѣмъ именно тамъ я впервые познакомился съ революционной литературой. Герценъ только что началъ тогда издаваться въ Лондонѣ «Полярную Звѣзду», которая быстро и широко распространялась въ публикѣ и произвела смятѣніе даже въ придворныхъ кружкахъ. Моя двоюродная сестра доставала эти книги, и мы обыкновенно читали ихъ вмѣстѣ. Сердце ея было возмущено препятствіями, которыя мѣшали ея счастью, и тѣмъ охотнѣе ея умъ воспринималъ герценовскую рѣзкую критику самодержавія и подгнившей государственной системы. А я почти съ молитвеннымъ благоговѣніемъ глядѣлъ на напечатанный на обложкѣ «Полярной Звѣзды» медальонъ съ изображеніемъ головъ повѣшенныхъ декабристовъ—Бестужева, Каховскаго, Пестеля, Рыльева и МуравьевАпостола. Красота и сила твореній Герцена, мощность размаха его мыслей, его глубокая любовь къ Россіи охватили меня. Я читалъ и перечитывалъ эти страницы, блещущія умомъ и проникнутыя глубокимъ чувствомъ. Тургеневъ правду сказалъ, что Герценъ писалъ слезами и кровью, и что съ тѣхъ поръ у насъ никто такъ не писалъ.

Въ 1859 году или въ началѣ 1860 года, я сталъ издавать мою первую революционную газету. Въ томъ возрастѣ я могъ быть, конечно, только конституционалистомъ, и я горячо доказывалъ въ моей газетѣ необходимость конституціи для Россіи. Я писалъ о безумныхъ расходахъ двора, о суммахъ, затраченныхъ въ Ніццѣ на ничего не давшую эскадру, сопровождавшую вдовствующую императрицу, которая умерла въ 1860 году. Я упоминалъ о злоупотребленіяхъ чиновниковъ, о которыхъ слышалъ постоянно, и доказывалъ необходимость пра~~в~~ового порядка. Мою газету я переписалъ въ трехъ экземплярахъ и подсыпалъ ихъ въ столы товарищамъ старшихъ классовъ, которые, по моимъ соображеніямъ, должны были интересоваться общественными дѣлами. Я просилъ читателей положить свои замѣчанія за большими часами, въ нашей библіотекѣ.

Съ бывающимъ сердцемъ вошелъ я на другой день въ библіотеку, чтобы посмотретьъ, пѣтъ ли тамъ чего для меня. Дѣйствительно, за часами лежали двѣ записки. Два товарища писали, что вполнѣ сочувствуютъ мнѣ и только совѣтовали не рисковать слишкомъ сильно. Я выпустилъ второй номеръ, еще болѣе рѣзкій. Въ немъ я доказывалъ

необходимость объединиться всемъ во имя свободы... На этот разъ за часами ничего не было; но зато два товарища сами подошли ко мнѣ.

— Мы убѣждены, что газету издаете вы,—сказали они,— и пришли поговорить о ней. Мы съ вами совершенно согласны и хотимъ сказать: «будемъ друзьями». Но газету не слѣдуетъ издавать. Во всемъ корпусѣ всего еще два товарища, которыхъ интересуютъ подобныя вещи. Если же станетъ известно, что существуетъ подобная газета, послѣдствія для всѣхъ настъ будуть ужасны. Составимъ лучше кружокъ и станемъ говорить обо всемъ. Быть-можеть, удастся убѣдить въ чемъ-нибудь и другихъ.

Все это было такъ разумно, что мнѣ оставалось лишь согласиться, и мы скрѣпили союзъ сильнымъ рукопожатіемъ. Съ тѣхъ поръ мы стали большими друзьями, много читали вмѣстѣ и обсуждали различные вопросы.

Освобожденіе крестьянъ приковывало тогда вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей.

Революція 1848 года глухо отразилась среди русскихъ крестьянъ. Съ 1850 года бунты крѣпостныхъ стали принимать очень серьёзные размѣры. Когда началась крымская война и по всей Россіи стали набирать ратниковъ, возмущенія крестьянъ распространились съ невиданной до тѣхъ поръ силой. Несколько помѣщиковъ были убиты крѣпостными. Бунты приняли такой грозный характеръ, что для усмиренія приходилось посыпать цѣлые полки съ пушками, тогда какъ прежде небольшіе отряды солдатъ нагоняли ужасъ на крестьянъ и прекращали возмущенія.

Эти вспышки, съ одной стороны, и глубокое отвращеніе къ крѣпостному праву въ томъ поколѣніи, которое выдвинулось при вступленіи на престолъ Александра II, сдѣлали освобожденіе крестьянъ настущнымъ вопросомъ. Александръ II, ненавидѣвшій самъ крѣпостное право и поддерживаемый, точно побуждаемый въ собственной семье женой, братомъ Константиномъ и великой княгиней Еленой Павловной, сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направлениі. Онъ хотѣлъ, чтобы инициатива реформы исходила отъ самихъ помѣщиковъ. Но ни въ одной губерніи нельзя было убѣдить помѣщиковъ подать подобный адресъ государю. Въ мартѣ 1856 года Александръ II самъ обратился къ московскому дворянству съ рѣчью, въ которой доказывалъ необходимость реформы; но отвѣтомъ было упор-

ное молчаніе. Александръ II разсердился тогда и закончилъ рѣчь памятными словами Герцена: «лучше господа, чтобы освобожденіе пришло сверху, чѣмъ ждать покуда это прійдетъ снизу». Но даже и эти слова не подействовали.)

Починъ былъ сдѣланъ, наконецъ, литовскими губерніями, Гродненской, Виленской и Ковенской, въ которыхъ Наполеонъ уничтожилъ въ 1812 году (на бумагѣ, крѣпостное право. Генераль-губернатору Назимову удалось убѣдить литовское дворянство подать желаемый адресъ, и въ ноябрѣ 1857 года было опубликовано знаменитый рескрипты на имя виленского генераль-губернатора, въ которомъ Александръ II выражалъ намѣреніе освободить крестьянъ. Со слезами на глазахъ читали мы знаменитую статью Герцена: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ». Лондонскіе изгнанники заявляли, что отнынѣ не считаютъ Александра II врагомъ, а будуть поддерживать его въ великому дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Отношеніе крестьянъ было въ высшей степени замѣчательно. Какъ только разнеслась вѣсть, что страстно желанную волю скоро дадутъ, восстанія почти совершенно прекратились. Крестьяне ждали. Когда Александръ II объѣзжалъ среднюю Россію, они окружали его и умоляли дать волю; но къ этимъ повторявшимся просыбамъ Александръ относился недружелюбно. Любопытно, однако, до какой степени сильна традиція Великой революціи: среди крестьянъ шель слухъ, что Наполеонъ III, при заключеніи мира, потребовалъ отъ Александра II дать волю. Я часто слышалъ это. Даже пакапуѣ освобожденія крестьяне сомнѣвались, чтобы волю дали безъ давленія извнѣ. «Если Гарибалка не придетъ, ничего не будетъ», говорилъ какъ-то въ Петербургѣ одинъ крестьянинъ моему товарищу, который толковалъ ему, что скоро «дадутъ волю». И такъ думали многіе¹⁾.

¹⁾ Оказывается теперь, что этотъ слухъ о давленіи Франціи, какъ онѣ ни странно, имѣлъ некоторое основаніе. Мой другъ профессоръ Нисс (Nys), замѣтилъ мнѣ по поводу этихъ строкъ, что по заключеніи Парижскаго мира, въ маѣ 1856 года, Наполеонъ III предложилъ, чтобы въ Парижѣ происходили «разговоры» между представителями державъ объ общемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Докладчикомъ, былъ известный въ то время экономистъ министръ Воловскій (Wolowsky), и онъ несомнѣнно говорилъ о крѣпостномъ правѣ и о томъ, что Россія не будетъ считаться вполнѣ европейской державой, пока крѣпостное право не будетъ уничтожено.

За моментомъ всеобщей радости послѣдовали, однако, годы тревогъ и сомнѣній. Въ губерніяхъ и въ Петербургѣ работали специально избранные комитеты; но Александръ II, повидимому, колебался. Цензура слѣдила особенно строго за тѣмъ, чтобы печать не обсуждала вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ подробностяхъ. Мрачные слухи ходили по Петербургу и достигали до нашего корпуса.

Среди дворянства не было недостатка въ молодыхъ людяхъ, которые искренно работали для полнаго освобожденія крестьянъ. Но партія крѣпостниковъ все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ окружала Александра II и оказывала на него давленіе. Крѣпостники нашептывали, что въ день освобожденія крестьянъ начнется всеобщее избѣженіе помѣщиковъ, и что Россію тогда ждетъ новая пугачевщина, еще страшнѣе 1773 года. Александръ II былъ человѣкъ слабохарактерный и прислушивался къ подобнымъ зловѣщимъ предсказаніямъ. Но громадная машина для выработки «Положенія» была уже пущена въ ходъ. Комитеты засѣдали. Десятки записокъ съ проектами освобожденія крестьянъ посыпались царю, ходили въ рукописи или же печатались въ Лондонѣ. Герценъ, при содѣйствіи Тургенева, уведомлявшаго его о положеніи дѣлъ, обсуждалъ подробности каждого проекта въ «Колоколѣ» и «Полярной Звѣздѣ». То же дѣлалъ Чернышевскій въ «Современнике». Славянофилы, съ своей стороны, особенно Аксаковъ и Бѣляевъ, воспользовались сравнительнымъ облегченіемъ печати, чтобы дать мысли объ освобожденіи крестьянъ широкое распространеніе. Они тоже, съ большимъ значеніемъ технической стороны дѣла, во всѣхъ подробностяхъ обсуждали, какъ совершить освобожденіе. Весь образованный Петербургъ соглашался съ Герценомъ и въ особенности съ Чернышевскимъ. Я помню, какъ стояли за него даже конногвардейские офицеры, которыхъ я видѣлъ по воскресеніямъ, послѣ церковнаго парада, у моего двоюроднаго брата Дмитрія Николаевича Кропоткина, полкового адъютанта и флигель-адъютанта. Настроеніе Петербурга, въ гостиныхъ и на улицѣ, показывало, что итти назадъ теперь уже невозможно. Освобожденіе крестьянъ должно было быть выполнено. Отвоеванъ былъ и другой, очень важный пунктъ, именно освобожденіе съ землей.

Но партія крѣпостниковъ не теряла надежды. Она добивалась отерочки реформы, уменьшенія надѣловъ и такой высокой выкупной платы за землю, которая дѣлала бы

экономическую независимость призракомъ. И въ этомъ крѣпостники вполнѣ успѣли. Александръ II отстранилъ Николая Милотина (брата военнаго министра), являвшагося душой дѣла.

— Мне крайне жаль разстаться съ вами,— сказалъ онъ,— но я долженъ: дворянство называетъ васъ «краснымъ».

Комитеты первого созыва, выработавшіе проектъ освобожденія крестьянъ, были распущены. Новые комитеты пересматривали теперь весь планъ, въ интересахъ крѣпостниковъ. Печати опять зажали ротъ.

Дѣла принимали, такимъ образомъ, мрачный характеръ. Теперь уже возникалъ вопросъ, состоится ли освобожденіе? Я лихорадочно слѣдилъ за борьбой, и по воскресеньямъ, когда товарищи возвращались въ корпусъ, спрашивалъ ихъ, что говорятъ ихъ родители? Осенью 1860 года вѣсти стали все хуже и хуже. «Партія Валуева одержала верхъ». «Они хотятъ пересмотрѣть заново все дѣло». «Родственники княжны Д. (пріятельницы царя) сильно вліяютъ на государя». «Освобожденіе крестьянъ отложено; боятся революціи».

Въ январѣ 1861 года стали, впрочемъ, доходить нѣсколько болѣе утѣшительные слухи. Всѣ надѣялись теперь, что 19 февраля, въ день вступленія Александра на престолъ, будетъ объявленъ какой-то манифестъ объ освобожденіи.

Наступилъ и этотъ день, но онъ не принесъ ничего. Въ этотъ день я былъ во дворцѣ, гдѣ вмѣсто большого, быть лишь малый выходъ. Пажей второго класса посыпали на такие выходы, чтобы пріучать къ придворнымъ порядкамъ, и девятнадцатаго была моя очередь. Я сопровождалъ одну изъ великихъ княгинь при выходѣ изъ церкви, а такъ какъ я мужъ не показывался, то она меня попросила найти его. Его вызвали изъ кабинета императора, и я въ полуспутливомъ тонѣ сказалъ великому князю о томъ, какъ беспокоится его жена. Я не подозрѣвалъ даже, какой важный вопросъ обсуждался въ тотъ моментъ въ кабинетѣ. Кромѣ нѣсколькихъ посвященныхъ, никто во дворцѣ не зналъ, что манифестъ подписанъ 19 Февраля. Его держали въ секретѣ двѣ недѣли только потому, что черезъ недѣлю, 26 февраля, начиналась масленица. Боялись, что въ деревняхъ пьянство въ эти дни вызоветъ бунты. Даже масленичные балаганы перевели въ этомъ году съ Дворцовой площади на Марсову

поле, подальше отъ дворца, изъ опасенія народнаго возстанія. Войскамъ были даны самыя строгія инструкціи, какимъ образомъ усмирять беспорядки.

Черезъ двѣ недѣли, утромъ 5 марта, въ послѣдній дені масленицы, я былъ въ корпусѣ, такъ какъ въ полдень долженъ былъ ити на разводъ въ Михайловскій манежъ. Я лежалъ еще въ постели, когда мой денщикъ Ивановъ вбѣжалъ съ чайнымъ подносомъ въ рукахъ и воскликнулъ: «Князь, воля! Манифестъ вывѣшенъ въ гостиномъ дворѣ» (напротивъ корпуса).

— Ты самъ видѣлъ манифестъ?

— Да. Народъ стоитъ кругомъ. Одинъ читаетъ, а всѣ слушаютъ. Воля!

Черезъ двѣ минуты я уже одѣлся и былъ на улицѣ.

— Кропоткинъ, воля! — крикнулъ входившій въ корпусъ товарищъ.—Вотъ манифестъ. Мой дядя узналъ вчера, что его будутъ читать за ранней обѣдней въ Исаакіевскомъ соборѣ. Народа было немногого, одни мужики. Послѣ обѣдни прочитали и раздали манифестъ. Крестьяне хорошо поняли его значеніе. Когда я выходилъ изъ собора, много мужиковъ стояло на паперти. Двое изъ нихъ, въ дверяхъ, такъ смѣшино мнѣ сказали: «Что, баринъ? Теперь фюить!»— Товарищъ мимикой передалъ, какъ мужики указали ему дорогу. Годы томительнаго ожиданія оказались въ этомъ жестѣ выпроваживанія барина.

Я читалъ и перечитывалъ манифестъ. Онъ былъ составленъ престарѣлымъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ напыщеннымъ языкомъ. Церковно-славянскіе обороты только затемняли смыслъ.

Но то была воля, безъ всякаго сомнѣнія, хотя не немедленная. Крестьяне оставались крѣпостными еще два года, до 19 февраля 1863 года; тѣмъ не менѣе ясно было одно: крѣпостное право — уничтожено, и крестьяне получаютъ надѣль. Имъ придется выкупать его; но пятно рабства смыто. Рабовъ больше нѣтъ. Реакціи не удалось одержать верхъ.

Мы отправились на разводъ. Когда военная церемонія кончилась, Александръ II, который все еще продолжалъ сидѣть на конѣ, громко крикнулъ: «Господа офицеры, ко мнѣ!» Офицеры окружили царя, и онъ громко началъ рѣчь о великомъ событии дня.

— Господа офицеры... Представители дворянства въ армии,—долетали до насъ отрывки рѣчи... — Положенъ ко-

нець вѣковой несправедливости.. Я жду жертвъ отъ дво-
рянства... благородное дворянство сомнется вокругъ пре-
стола...» И такъ далѣе. Когда Александръ кончилъ, ему
отвѣтили восторженными криками *ура!*

Назадъ мы скорѣе добѣжали, чѣмъ дошли до корпуса. Мы спѣшили въ итальянскую оперу, на послѣдній въ сезонъ, сборный дневной спектакль.—Не подлежало сомнѣнію, что будуть какія-нибудь манифестаціи. Поспѣшно сбросили мы военную амуницію, и я, съ нѣсколькими товарищами, помчался въ театръ, на галлерею шестого яруса. Театръ былъ переполненъ.

Во время первого же антракта курильная наполнилась возбужденной молодежью. Знакомые и незнакомые восторженно обмѣнивались впечатлѣніями. Мы тутъ же порѣшили возвратиться въ залъ и запѣть всѣмъ вмѣстѣ «Боже, царя храни!»

Но вотъ донеслись звуки музыки, и мы поспѣшили обратно въ залъ. Оркестръ игралъ уже гимнъ; но звуки его скоро стали утопать въ крикахъ «ура!» всѣхъ зрителей. Я видѣлъ, какъ дирижеръ Бавери махалъ палочкой, но не могъ уловить ни одного звука громаднаго оркестра. Бавери кончилъ, но восторженные крики «ура!» не прекращались. Онъ снова замахалъ палочкой: я видѣлъ движение смычковъ, видѣлъ, какъ надувались щеки музыкантовъ, игравшихъ на мѣдныхъ инструментахъ; но восторженные крики опять заглушали музыку. Бавери въ третій разъ началъ гимнъ. И только тогда, къ самому концу, отдѣльные звуки мѣдныхъ инструментовъ стали порой прорѣзывать гулъ человѣческихъ голосовъ.

Такія же восторженныя сцены повторялись и на улицахъ. Толпы крестьянъ и образованныхъ людей стояли передъ зимнимъ дворцомъ и кричали *ура!* Когда царь показался на улицѣ, за его коляской помчался ликующій народъ. Герценъ былъ правъ, сказавши два года спустя, когда Александръ II топтилъ польскую революцію въ крови, а Муравьевъ-Вѣшатель душилъ ее на эшафотѣ: «Александръ Николаевичъ, зачѣмъ вы не умерли въ этотъ день? Вы остались бы героями въ исторіи!»

Гдѣ же были восстанія, предсказанныя крѣпостниками? Трудно было придумать состояніе болѣе неопределеннное, чѣмъ то, которое вводило Положеніе. Если что-нибудь могло вызвать мятежи, то именно запутанная неопределен-

ность условий, созданная закономъ. А между тѣмъ, кромѣ двухъ мѣстъ, гдѣ были возмущенія, да небольшихъ беспорядковъ, кое-гдѣ созданныхъ, главнымъ образомъ, непониманіемъ, вся Россія оставалась спокойна—болѣе спокойна, чѣмъ когда-либо. Съ обычнымъ здравымъ смысломъ крестьяне поняли, что крѣпостному праву положенъ конецъ, что пришла воля.

Я посѣтилъ Никольское въ августѣ 1861 года, а затѣмъ снова лѣтомъ 1862 года, и былъ пораженъ тѣмъ, какъ разумно и спокойно приняли крестьяне новые условия. Они знали очень хорошо, какъ тяжело будетъ платить выкупъ, который являлся, въ сущности, вознагражденіемъ за даровой трудъ отобранныхъ душъ; но они такъ высоко цѣнили свое личное освобожденіе отъ рабства, что приняли даже такія разорительныя условия. Правда, дѣлалось это не безъ ропота; но крестьяне покорились необходимости. Въ первые мѣсяцы они праздновали по два дня въ недѣлю, увѣряя, что грѣхъ работать по пятницамъ; но когда наступило лѣто, они принялись за работу еще съ болѣшимъ усердиемъ, чѣмъ прежде.

Когда я увидѣлъ нашихъ никольскихъ крестьянъ черезъ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ освобожденія,—я не могъ налюбоваться ими. Брожденная доброта ихъ и мягкость остались, но клеймо рабства исчезло. Крестьяне говорили со своими прежними господами, какъ равные съ равными, какъ будто бы никогда и не существовало иныхъ отношеній между ними. Къ тому же, изъ крестьянъ уже выдѣлились такія личности, которые могли постоять за ихъ права. «Положеніе»—была большая и тяжело написанная книга. Я затратилъ не мало времени, покуда понялъ ее. Но когда разъ никольский староста Василій Ивановъ пришелъ ко мнѣ съ просьбой объяснить ему одно темное мѣсто въ «Положеніи», я убѣдился, что онъ отлично разобрался въ запутанныхъ главахъ и параграфахъ, хотя и читаль-то далеко не бойко.

Хуже всего было дворовымъ. Они не получили надѣла, да и врядъ ли знали бы, что дѣлать съ нимъ, если бы получили. Дворовымъ дали свободу и ничего больше. Въ нашей округѣ почти все они оставили своихъ прежнихъ господъ; у моего отца, напримѣръ, никто не остался. Они разбрелись въ поискахъ за занятіями. Многіе нашли сейчасъ же мѣста у купцовъ, которые гордились тѣмъ, что у нихъ служить кучеръ князя такого-то или поваръ генерала такого-то.

Знавшіе какое-нибудь ремесло находили работу въ городѣ. Такъ, напримѣръ, оркестръ моего отца такъ и остался оркестромъ, хорошо зарабатывалъ въ Калугѣ и поддерживалъ дружелюбныя отношенія съ нашимъ домомъ. Приходилось плохо тѣмъ, которые не зналъ никакого рѣмесла. А между тѣмъ большинство ихъ предпочитало лучше перебиваться кое-какъ, чѣмъ оставаться у прежнихъ господъ.

Что касается помѣщиковъ, то крупные землевладѣльцы все пустили въ ходъ въ Петербургѣ, чтобы возобновить крѣпостное право подъ какимъ-нибудь новымъ названіемъ (отчасти, они и успѣли въ этомъ при Александрѣ III); но большая часть остальныхъ помѣщиковъ покорилась реформѣ, какъ неминуемому бѣдствію. Молодое поколѣніе дало Россіи тѣхъ замѣчательныхъ мировыхъ посредниковъ, а впослѣдствіи мировыхъ судей, которые содѣйствовали такъ много мируному проведенію эманципаціи. Люди же старого поколѣнія только мечтали заложить выкупный свидѣтельства (земля была оцѣнена гораздо выше ея стоимости) и соображали, какъ ирокутить эти деньги въ ресторанахъ или же пустить на зеленое поле. И дѣйствительно, большинство изъ нихъ прокутили или проиграли выкупный деньги, какъ только получили ихъ.

Для многихъ помѣщиковъ освобожденіе крестьянъ оказалось въ сущности выгодной сдѣлкой. Такъ, напримѣръ, та земля, которую отецъ мой, предвидя освобожденіе, продавалъ участками по одиннадцати рублей за десятину, крестьянамъ ставилась въ 40 рублей, то-есть въ $3\frac{1}{2}$ раза больше. Такъ было вездѣ въ нашей округѣ. Въ тамбовскомъ же, степномъ имѣніи отца, мѣръ сняль всю землю на двѣнадцать лѣтъ, и отецъ получалъ вдвое больше, чѣмъ прежде, когда землю обрабатывали ему крѣпостные.

Лѣтъ десять послѣ этого памятного дня я попалъ въ тамбовское имѣніе, которое досталось мнѣ по наслѣдству отъ отца. Я прожилъ тамъ нѣсколько недѣль. Вечеромъ послѣ моего отѣзда, нашъ молодой священникъ, умный, независимаго образа мыслей (такіе иногда встречаются въ южныхъ губерніяхъ) вышелъ погулять. Закатъ солнца былъ великколѣпный. Изъ степи тянулся напоенный ароматомъ вѣтерокъ. За деревней, на пригоркѣ, онъ нашелъ не-очень стараго крестьянина, Антона Савельева, который читалъ псалтирь. Крестьянинъ съ трудомъ разбиралъ по складамъ церковную печать и часто читалъ книгу, начиная съ послѣдней страницы. Ему нравился больше всего процессъ чтенія

вія; затѣмъ какое-нибудь слово поражало его, и ему было пріятно повтореніе этого слова; теперь онъ читалъ 106 псаломъ, гдѣ часто повторяется «радуюсь я».

— Что вы читаете, Антонъ Савельевичъ? — спросилъ священникъ.

— А вотъ, батюшка, разскажу вамъ. — Четырнадцать лѣтъ тому назадъ прѣхалъ сюда старый князь. Была зима. Я только что вернулся домой и совсѣмъ замерзъ. Кружила мятель. Только сталъ я раздѣваться — слышу, староста стучитъ въ окно и кричитъ: «Ступай къ князю; онъ теся трѣбуетъ!» Тутъ мы всѣ, моя баба и ребятишки перепугались. «Зачѣмъ это ужъ князю?» — переполошилась моя хозяйка. Я перекрестился и пошелъ. Какъ переходилъ плотину, мятель мнѣ глаза совсѣмъ залѣшила. Ну, обошлось все благополучно. Старый князь спалъ послѣ обѣда, а когда выспался, то только спросилъ меня: «А что, Антонъ Савельевъ, умѣешь штукатурить?»

— «Умѣю ваше сиятельство».

— «Ну, такъ приходи завтра, поправишь штукатурку въ этой комнатѣ».

«Пошелъ я домой совсѣмъ веселый. Только прихожу на плотину — вижу, хозяйка моя стоитъ. Все время, въ мятель,остояла она съ дитей на рукахъ — меня дожидалась.

— «Что такое, Савельичъ?» — спрашивавшій.

— «Ничего, — говорю я, — все благополучно, штукатурку звалъ поправить». Такъ вотъ, батюшка, какъ оно было при старомъ князѣ. А теперь, вотъ, прѣхалъ молодой князь; пошелъ я на него посмотрѣть. Сидѣть онъ въ саду, въ холодкѣ, около дома, чай пьетъ. Вы, батюшка, сидите съ нимъ, и волостной старшина съ медалью тутъ же.

— «Хочешь чаю, Савельичъ?» — спрашивавшій князь. Подсаживайся. Дай ему стулъ, Петръ Григорьевъ! И Петръ Григорьевъ, — ужъ какимъ сатаной былъ онъ для насъ, когда служилъ управляющимъ у стараго князя, — несетъ стулъ! Сѣли мы за столъ, калякаемъ, а онъ всѣмъ чай наливаетъ. — Ну, батюшка, сегодня такая благодать, вечеръ хорошій, со степи воздухъ несетъ такой легкій, — такъ вотъ я сижу и читаю: «Радуюсь я! Радуюсь я!»

Вотъ что означала воля для крестьянъ!

IX.

Въ юнѣ 1861 года я былъ произведенъ въ фельдфебели пажескаго корпуса. Долженъ сознаться, что некоторымъ

изъ нашихъ офицеровъ это не нравилось. Они говорили, что съ такимъ фельдфебелемъ не будетъ никакой дисциплины. Но они ничего не могли подѣлать. Обыкновенно фельдфебелемъ назначался первый ученикъ старшаго класса, а я былъ первымъ уже нѣсколько лѣтъ. Такое назначеніе считалось крайне завиднымъ, не только потому, что фельдфебель занималъ особое положеніе въ корпусѣ и пользовался преимуществами офицера, но также потому, что онъ въ то же время былъ камерпажемъ императора. Такимъ образомъ, онъ становился лично извѣстенъ государю, что считалось, конечно, важнымъ шагомъ въ дальнѣйшей карьерѣ.

Для меня, важнѣе всего было то, что производство избавляло меня отъ тяжелой повинности дежурствъ въ самомъ корпусѣ, которая выпадала на долю камерпажей, и что отнынѣ я буду имѣть для моихъ занятій отдѣльную комнату, куда могу удаляться отъ школьнаго гама. Правда, была и оборотная сторона медали. Я всегда находилъ скучнымъ, ходить мѣрнымъ шагомъ по комнатамъ, и предпочиталъ лучше мчаться бѣгомъ, что было строго воспрещено. Теперь уже нельзя будетъ промчаться черезъ всѣ залы, а придется чинно шагать, съ дежурной книгой подъ мышкой! По этому важному поводу было даже совѣщеніе моихъ пріятелей; но они рѣшили, что времена отъ времени я все-таки смогу себѣ пробѣгаться; а что касается до моихъ отношеній съ другими воспитанниками, то отъ меня самого зависить установить ихъ на товарищескую ногу. Что я и сдѣлалъ.

Камерпажи часто бывали во дворцѣ, на большихъ и малыхъ выходахъ, на балахъ, прѣмахъ, парадныхъ обѣдахъ и т. д. Во время Рождества, Новаго года и Пасхи насы требовали во дворецъ почти каждый день, а иногда и по два раза въ день. Кромѣ того, какъ фельдфебель, я каждое воскресенье долженъ былъ докладывать царю на разводѣ, что «по ротѣ пажескаго корпуса все обстоитъ благополучно», даже если третья воспитанниковъ была больна.—«Докладывать ли сегодня, что не все обстоитъ благополучно?» спросилъ я разъ полковника, когда чуть не полкорпуса переболѣло какою-то болѣзниью. «Боже, сохрани! — ужаснулся онъ.— Такъ докладывать можно только, если въ корпусѣ случится бунтъ».

Въ придворной жизни, безъ сомнѣнія, много живописнаго. Элегантная утонченность манеръ (хотя, быть-можеть, и поверхностная), строгий этикетъ, блестящая об-

становка, несомнѣнно, производить впечатлѣніе. Большой выходъ—красивое зрѣлище. Даже простой пріемъ у императрицы иѣсколькихъ дамъ рѣзко отличается отъ обыкновенного визита. Пріемъ происходитъ въ великолѣпной залѣ, гости вводятся камергерами въ расшищихъ золотомъ мундирахъ, за императрицей слѣдуютъ великолѣпно одѣтые пажи и фрейлины,—и все выполняется съ особой торжественностью. Быть дѣйствующимъ лицомъ въ придворной жизни, для мальчика моихъ лѣтъ, конечно, было больше, чѣмъ любопытно. Къ тому же нужно сказать, что на Александра II я тогда смотрѣлъ какъ на героя своего рода: онъ не придавалъ значенія придворнымъ церемоніямъ, начинаятъ тогда работать въ шесть часовъ утра и упорно боролся съ реакціонной партіей, чтобы провести рядъ реформъ, въ ряду которыхъ освобожденіе крестьянъ составляло лишь первый шагъ.

Но по мѣрѣ того, какъ я присматривался къ казовой сторонѣ придворной жизни и время отъ времени видѣлъ мелькомъ, что творится за кулисами,—я убѣдился въ ничтожности этихъ церемоній, которыми лишь слабо прикрывается то, что желаютъ скрыть отъ толпы. Больше того, я убѣдился, что эти мелочи до такой степени поглощаютъ вниманіе двора, что препятствуютъ ему видѣть явленія первой важности, и что изъ-за театральности часто забываетъ дѣйствительность. Мало-по-малу стала тускнѣть также и тотъ ореолъ, которымъ я окружилъ Александра. И если бы я когда-нибудь лелѣялъ иллюзію насчетъ дѣятельности въ придворныхъ сферахъ, она исчезла бы къ концу первого же года.

Въ большиіе праздники, а также въ царскіе дни, во дворѣ бывалъ большой выходъ. Тысячи офицеровъ, отъ генераловъ до капитановъ, а также высшіе гражданскіе чиновники выстраивались въ громадныхъ залахъ дворца, чтобы отвѣсить низкій поклонъ, когда императоръ съ семьею торжественно прослѣдуютъ въ церковь. Всѣ члены императорской фамиліи собирались для этого въ гостиной и весело болтали, нокуда не наступалъ моментъ надѣть маску торжественности. Затѣмъ процессія выстраивалась. Императоръ подавалъ руку императрицѣ и шелъ впереди. За нимъ слѣдовалъ его камерпажъ, а за нимъ дежурный генераль-адъютантъ и министръ двора. За императрицей, или точнѣе за безконечнымъ шлейфомъ ея платья, шли два камерпажа, поднимавшіе этотъ шлейфъ на поворотахъ и

потомъ расправлявшіе его во всей красѣ. Далѣе шли наследникъ, которому тогда было лѣтъ восемнадцать, великие князья и княгини, согласно порядку престолонаслѣдія. За каждой изъ великихъ княгинь слѣдовала ея камерпажъ. Далѣе тянулась длинная вереница старыхъ и молодыхъ статсъ-дамъ и фрейлинъ въ такъ-называемыхъ, русскихъ костюмахъ, то-есть въ бальномъ платьѣ, которое, почему-то предполагалось, похоже на сарафанъ.

Когда процессія проходила, я могъ наблюдать, какъ каждый изъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, прежде чѣмъ отвѣстить свой поклонъ, старался украдкой уловить взглядъ царя. И если тотъ отвѣчалъ кому-нибудь на поклонъ улыбкой, однимъ или двумя словами, или даже чуть замѣтнымъ кивкомъ, то преисполненный гордости счастливецъ оглядывалъ сосѣдей, ожидая отъ нихъ поздравленій.

Изъ церкви процессія возвращалась въ томъ же порядкѣ. Затѣмъ каждый спѣшилъ по своимъ собственнымъ дѣламъ. Кромѣ немногихъ фанатиковъ придворного этикета да молодыхъ дамъ, большинство присутствовавшихъ считали выходы скучной барщиной.

Два или три раза въ зиму во дворцѣ давались большие балы, на которые приглашались тысячи гостей. Послѣ того, какъ императоръ открывалъ танцы полонезомъ, каждому предоставлялось веселиться, какъ угодно. Въ безконечныхъ, блестящѣ освѣщенныхъ залахъ было сколько угодно мѣста молодымъ дѣвушкамъ укрыться отъ бдительнаго глаза маменекъ и тетушекъ. Молодежь веселилась во время танцевъ, а за ужиномъ всегда какъ-то выходило такъ, что молодыя пары усаживались вдали отъ стариковъ.

Моя служба на балахъ была не изъ легкихъ. Александръ II не танцевалъ и не сидѣлъ, а все время ходилъ между гостей. Камерпажу приходилось итти на нѣкоторомъ разстояніи отъ царя такъ, чтобы не торчать слишкомъ близко и, вмѣсть съ тѣмъ, быть подъ рукой, чтобы явиться немедленно на зовъ. Это сочетаніе присутствія съ отсутствіемъ давалось не легко. Не требовалъ его и императоръ; онъ предпочелъ бы, чтобы его оставили одного; но таковъ уже былъ обычай, которому царю приходилось подчиняться. Хуже всего было, когда Александръ II входилъ въ толпу дамъ, стоявшихъ вокругъ танцующихъ великихъ князей, и медленно двигался тамъ. Не особенно легко было проби-

ратъся среди этого живаго цвѣтника, который разступался, чтобы дать дорогу царю, но сейчасъ же замыкался за нимъ. Сотни дамъ и дѣвицъ не танцевали, а стояли тутъ въ надеждѣ, что, быть-можеть, кто-нибудь изъ великихъ князей замѣтить ихъ и пригласить на польку или на туръ вальса.

О вліяніи двора на петербургское общество можно судить по слѣдующему. Если родители замѣчали, что какой-нибудь великий князь обратилъ внимание на ихъ дочь, они прилагали всѣ старанія, чтобы дѣвушка влюбилась въ высокую особу, хотя отлично знали, что дѣло не можетъ кончиться бракомъ. Я не могъ бы даже представить себѣ тѣхъ разговоровъ, которые услыхалъ разъ въ «почтенной» семье, послѣ того, какъ наслѣдникъ два или три раза потанцовала съ молодой семнадцатилѣтней дѣвушкой. По этому поводу родители ея строили различные, блестящіе, по ихъ мнѣнію, планы.

Каждый разъ, когда мы бывали во дворцѣ, мы обѣдали и завтракали тамъ. Придворные лакеи тогда рассказывали намъ,—желали мы ихъ слушать или нѣть—скандальную придворную хронику. Они знали рѣшительно все, что происходило въ дворцахъ. То была ихъ среда. Въ интересахъ истины долженъ сказать, что въ тотъ годъ, о которомъ я говорю, скандальная хроника была бѣднѣе событиями, чѣмъ въ семидесятыхъ годахъ. Братья Александра II тогда только что женились, а сыновья его были еще слишкомъ молоды. Но обѣ отношеніяхъ императора къ княжнѣ N., которую Тургеневъ такъ хорошо обрисовалъ въ «Дымѣ» подъ именемъ Ирины,—во дворцѣ говорили еще болѣе открыто, чѣмъ въ петербургскихъ салонахъ. Разъ, когда мы вошли въ комнату, гдѣ переодѣвались всегда,—намъ сообщили, что «княжна N. сегодня получила отставку, на этотъ разъ, полную». Полчаса спустя я увидѣлъ княжну N. Она явилась въ церковь съ распухшими отъ слезъ глазами. Все время службы она глотала слезы. Остальные дамы держались поодаль отъ несчастной, какъ бы для того, чтобы ее лучше видѣли. Прислуга уже вся знала про событие и обсуждала его на свой собственный ладъ. Было нѣчто отвратительное въ толкахъ этихъ людей, которые за день до того пресмыкались предъ этой самой дамой.

Система шпіонства, практикующаяся во дворцѣ; а въ особенности вокругъ самого императора, покажется совершенно невѣроятной непосвященнымъ; но слѣдующій случай дастъ о ней нѣкоторое представление. Въ семидеся-

тыхъ годахъ одинъ изъ великихъ князей получилъ хороший урокъ отъ одного петербуржца. Послѣдній запретилъ великому князю пріѣзжать въ его домъ. Разъ, возвратившись неожиданно и найдя великаго князя въ гостиной, онъ бросился на него съ палкой. Молодой человѣкъ бѣгомъ спустился съ лѣстницы и, было, уже совсѣмъ успѣлъ вскочить въ карету, когда преслѣдующій настигъ его и ударилъ палкой. Околоточный, который стоялъ у подъѣзда, побѣжалъ съ докладомъ къ оберъ-полицмейстеру Трепову, а этотъ въ свою очередь вскочилъ въ дрожки и помчался къ государю, чтобы раньше всѣхъ отрапортовать о «прискорбномъ случаѣ». Александръ II вызвалъ великаго князя и переговорилъ съ нимъ. Дня два спустя одинъ старый чиновникъ, служившій въ третьемъ отдѣленіи, передавалъ въ домъ моего товарища, гдѣ онъ былъ свой человѣкъ, весь разговоръ между царемъ и великимъ княземъ.

— Государь былъ очень сердитъ,—сообщилъ имъ чиновникъ,—и сказалъ въ концѣ великому князю: «и какъ это вы своихъ дѣлъ не умѣете устраивать!» Чиновника спросили, конечно, какъ онъ можетъ знать о бесѣдѣ съ глаза на глазъ, и его отвѣтъ былъ очень характеренъ: «Слова и миѣнія его величества должны быть извѣстны нашему отдѣленію. Развѣ иначе можно было бы вести такое важное учрежденіе, какъ государственная полиція? Могу вѣсЬ увѣритъ, что ни за кѣмъ такъ внимательно не слѣдятъ въ Петербургѣ, какъ за его величествомъ».

Въ этихъ словахъ не было хвастовства. Каждый министръ, каждый генераль-губернаторъ, прежде чѣмъ войти съ докладомъ въ кабинетъ къ царю, справлялся тогда предварительно у камердинера царя, въ какомъ расположениіи духа сегодня его величество. Сообразно съ отвѣтомъ министръ или докладывалъ императору о какомъ-нибудь щекотливомъ дѣлѣ, или же держалъ его въ портфелѣ до болѣе благопріятнаго момента. Когда въ Петербургѣ пріѣзжалъ генераль-губернаторъ Восточной Сибири, онъ всегда посыпалъ своего личнаго адъютанта къ камердинеру съ хорошимъ подаркомъ. «Бывають дни,—говорилъ генераль-губернаторъ,— когда государь пришелъ бы въ бѣшенство и отдалъ бы подъ судъ всѣхъ, и меня въ томъ числѣ, если бы я доложилъ ему о нѣкоторыхъ дѣлахъ; но бывають также дни, когда все сходитъ гладко. Золотой человѣкъ этотъ камердинеръ». Знать изо дня въ день о настроеніи духа императора считалось необходимымъ для тѣхъ, которые

желали удержаться на высокомъ посту. Это искусство вдо-
слѣдствіи въ совершенствѣ постигли графъ Шуваловъ и
Треповъ, а также графъ Н. П. Игнатьевъ. Впрочемъ, на-
сколько я зналъ его, Игнатьевъ сумѣлъ бы обойтись и
безъ камердинера.

Въ началѣ моей службы я относился восторженно къ
Александру II, какъ къ царю-Освободителю. Воображеніе
часто уноситъ мальчика далеко за предѣлы дѣйствитель-
ности, и мое чувство тогда было таково, что если бы въ мо-
емъ присутствіи кто-нибудь совершилъ покушеніе на царя,
я бы грудью закрылъ Александра II.

Разъ, въ началѣ января 1862 года, я увидалъ, что Але-
ксандръ II вышелъ изъ процессіи и одинъ направился въ
залы, гдѣ были выстроены для парада отряды отъ всѣхъ
чолковъ петербургскаго гарнизона. Этотъ парадъ обыкно-
венно происходилъ на площади, по въ тотъ день, по случаю
сильного мороза, онъ долженъ быть состояться въ залахъ.
Александру II предстояло такимъ образомъ пройти пѣши-
комъ предъ войсками, вмѣсто того, чтобы проскакатъ предъ
ними галопомъ. Я зналъ, что мои придворныя обязанно-
сти кончаются, какъ только императоръ выступаетъ, какъ
командующій войсками, и что я долженъ ити за нимъ толь-
ко до тѣхъ поръ, но не дальше. Оглянувшись, однако, я
увидалъ, что онъ остался совершенно одинъ. Флигель-
адъютантъ и генераль-адъютантъ куда-то исчезли.

Не знаю, спѣшилъ ли Александръ II въ тотъ день, или
имѣлъ какія-нибудь другія причины желать, чтобы парадъ
скорѣе кончился; но онъ буквально промчался предъ ря-
дами. Онъ дѣлалъ такие быстрые и большие шаги (онъ былъ
очень высокъ ростомъ), что я долженъ былъ ити самыи
скорымъ шагомъ, а порой даже бѣгомъ. Онъ спѣшилъ такъ,
какъ будто бы уѣгалъ отъ опасности. Его возбужденіе
передалось и мнѣ, и ежеминутно я готовъ былъ броситься
впередъ, жалъя лишь о томъ, что при мнѣ не моя собствен-
ная шпага съ толедскимъ клинкомъ, который пробивалъ
пятаки, а обыкновенное форменное оружіе. Александръ II
замедлилъ шагъ лишь тогда, когда прошелъ предъ послѣд-
нимъ полкомъ. Выходя въ другой залъ, онъ оглянулся и
встрѣтился съ моимъ взглядомъ, блестѣвшимъ отъ возбу-
женія и быстрой ходьбы. Младшій флигель-адъютантъ мчалъ-
ся бѣгомъ двѣ залы позади насъ. Я приготовился выслу-
шать строгій выговоръ, но вмѣсто этого Александръ II,
быть-можетъ, обнаруживая мысли, которыя занимали его

тогда, сказалъ мнъ: «Ты здѣсь, молодецъ?» И, медленно удаляясь, онъ внерилъ въ пространство тотъ неподвижный, загадочный взглядъ, который все чаще и чаще я сталъ замѣчать въ немъ.

Таковъ былъ тогда мой образъ мыслей. Но рядъ мелкихъ случаевъ, а также реакціонный характеръ, который все болѣе и болѣе принимала политика Александра II, стали поселять сомнѣнія въ моемъ сердцѣ. Ежегодно 6-го января, какъ извѣстно, происходитъ полухристіанскій, полуязыческій обрядъ освященія воды на Іорданѣ. Онъ также соплодается при дворѣ. На Невѣ, противъ дворца, сооружается павильонъ. Императорская фамилія, предшествуемая духовенствомъ, идетъ изъ дворца поперекъ великолѣпной набережной къ павильону, гдѣ послѣ молебствія крестъ погружается въ воду. Тысячи народа на набережной и на льду слѣдятъ издали за церемоніей. Всѣ, конечно, стоять безъ шапокъ во время молебствія. Въ тотъ годъ былъ очень сильный морозъ, и одинъ старый генералъ надѣлъ изъ предосторожности парикъ; но когда старики, передъ выходомъ на улицу, поспѣшили накидываться въ передней шинель, то не замѣтилъ, какъ парикъ его былъ сбитъ на сторону и былъ посаженъ проборомъ поперекъ. Константинъ Николаевичъ увидѣлъ это и во все время службы пересмѣивался съ молодыми великими князьями. Всѣ они смотрѣли на генерала, который глупо ухмылялся, не понимая, чѣмъ онъ могъ вызвать такое веселье. Константинъ, наконецъ, шепнулъ брату, который тоже взглянулъ на генерала и разсмѣялся.

Нѣсколько минутъ спустя, когда процессія, на обратномъ пути, опять была на набережной, старый крестьянинъ протолпался сквозь двойную пѣнь солдатъ, стоявшихъ вдоль пути, и упалъ на колѣни предъ царемъ, держа вверхъ прошеніе.

— Батюшка - царь, заступись! — крикнулъ онъ со слезами, и въ этомъ воскликаніи сказалось все вѣковое угнетеніе крестьянъ. Но Александръ II, смѣявшійся за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ по поводу съѣхавшаго набокъ парика, прошелъ теперь мимо, не обративъ даже вниманія на музыканта. Я шелъ за Александромъ и замѣтилъ въ немъ только легкое содроганіе испуга, когда мужикъ внезапно появился и упалъ передъ нимъ. Затѣмъ онъ прошелъ, не удостоивъ даже взглядомъ человѣка, валявшагося въ его ногахъ. Я оглянулся. Флигель-адютанта не было. Кон-

стантинъ, который шелъ за нами, также не обратилъ вниманія на просителя, какъ и его братъ. Не было никого, кто бы могъ принять бумагу. Тогда я взялъ ее, хотя зналъ, что мнѣ сдѣлаютъ за это выговоръ; принимать прошенія было не моимъ дѣломъ; но я вспомнилъ, сколько долженъ былъ перенести мужикъ, покуда добрался до Петербурга, а затѣмъ, пока пробрался сквозь ряды полиціи и солдатъ. Какъ и всѣ крестьяне, подающіе прощеніе царю, мужикъ рисковалъ попасть въ острогъ, кто знаетъ, на какой срокъ.

Въ день освобожденія крестьянъ Александра II боготворили въ Петербургѣ; но замѣчательно то, что помимо этого момента энтузіазма, его не любили въ столицѣ. Братъ его, Николай Николаевичъ, невѣдомо почему, былъ очень популярнъ среди мелкихъ лавочниковъ и извозчиковъ. Но ни Александръ II, ни Константинъ, вождь партіи реформъ, ни Михаилъ не пользовались особою любовью ни одного класса изъ населенія столицы. Александръ II унаслѣдовалъ отъ отца много чертъ деспота, и онъ проповѣдывали иногда, несмотря на обычное добродушіе его манеръ. Онъ легко поддавался гнѣву и часто обходился крайне пренебрежительно съ придворными. Ни въ вопросахъ политики, ни въ личныхъ симпатіяхъ онъ не былъ человѣкомъ, на котораго можно было положиться, и вдобавокъ отличался мстительностью. Сомнѣваюсь, чтобы онъ искренно былъ привязанъ къ кому-нибудь. Окружали его и были близки ему, порой, люди совершенно презрѣнныя, какъ напримѣръ, графъ Адлербергъ, за котораго Александръ II постоянно платилъ долги: другое же прославлялись колоссальнымъ воровствомъ. Уже съ 1862 года можно было опасаться, что Александръ II вновь вступить на путь реакціи. Правда, было известно, что онъ хочетъ преобразовать судь и армию, что ужасное тѣлесное наказаніе отменяется, и что Россіи дадутъ мѣстное самоуправленіе, а можетъ-быть, какой-нибудь видъ конституціи; но малѣйшіе беспорядки подавлялись по его приказанию съ безпощадной строгостью. Каждое такое возмущеніе онъ принималъ за личное оскорблѣніе. Въ силу этого постоянно можно было ждать отъ Александра II самыхъ реакціонныхъ мѣръ. Студенческие беспорядки въ октябрѣ 1861 года, въ университетахъ Петербургскомъ, Московскому и Казанскому, подавлялись съ возраставшей строгостью. Петербургскій университетъ закрыли, закрыли

также вольные курсы, начатые многими профессорами въ городской думѣ, и лучшіе профессора, какъ Стасюлевичъ и Костомаровъ, должны были выйти въ отставку. Затѣмъ, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, началось сильное движение для основанія воскресныхъ школъ. Онъ открывались частными лицами и учрежденіями; всѣ учителя, конечно, занимались безвозмездно, и въ числѣ учителей были офицеры, студенты и даже нѣсколько пажей. Крестьяне и работники, старые и молодые, устремились въ эти школы, и скоро выработался такой методъ, что въ девять-дѣсять уроковъ мы выучивали крестьянъ читать. Въ этихъ школахъ, въ нѣсколько лѣтъ, безъ всякихъ расходовъ со стороны правительства, большинство крестьянъ научилось бы грамотѣ. Но внезапно всѣ воскресныя школы были закрыты. Въ Польшѣ, гдѣ начались патріотическія манифестаціи, арестовали сотни людей въ церквиахъ, и казаки, съ обычной жестокостью, разгоняли толпу нагайками. Въ концѣ 1861 года въ Варшавѣ на улицѣ даже стрѣляли по народу и нѣсколько человѣкъ было убито, а въ концѣ декабря или первыхъ числахъ января 1862 года начались казни. При усмиреніи же немногихъ крестьянскихъ беспорядковъ вновь ввели «прогнаніе сквозь строй,» — любимое наказаніе Николая I. Такимъ образомъ, уже въ 1862 году можно было опасаться, что Александръ II станетъ тѣмъ деспотомъ, какимъ онъ дѣйствительно проявилъ себя позже, въ семидесятыхъ годахъ.

Изъ всей императорской фамиліи, безъ сомнѣнія, наиболѣе симпатичной была императрица Марія Александровна. Она отличалась искренностью, и когда говорила что-либо пріятное кому, то чувствовала такъ. На меня произвело глубокое впечатлѣніе, какъ она разъ благодарила меня за маленькую любезность (послѣ приема посланника Соединенныхъ Штатовъ). Такъ не благодарить женщина, привыкшая къ придворной лести. Она, безъ сомнѣнія, не была счастлива въ семейной жизни. Не любили ее также въ придворныхъ дамахъ, находившихъ ее слишкомъ строгой: они не могли понять, отчего это Марія Александровна такъ близко принимаетъ къ сердцу «шалости» мужа. Теперь извѣстно, что Марія Александровна принимала далеко не послѣднее участье въ освобожденіи крестьянъ. Но тогда про это мало знали. Вождями партіи реформы при дворѣ считались великий князь Константинъ и великая княгиня Елена Павловна, главная покровительница Николая Милютина въ

высшихъ сферахъ. Больше знали о томъ дѣятельномъ участіи, которое принимала Марія Александровна въ учрежденіи женскихъ гимназій. Съ самаго начала, въ 1859 году, оеѣ были поставлены очень хорошо, съ широкой программой и въ демократическомъ духѣ. Ея дружба съ Ушинскимъ спасла этого замѣчательного педагога отъ участіи многихъ талантливыхъ людей того времени, то-есть отъ ссылки.

Марія Александровна сама получила хорошее образованіе и хотѣла дать такое же своему старшему сыну. Съ этой цѣлью она пригласила єѣ преподаватели лучшихъ специацістовъ въ различныхъ областяхъ знанія, въ томъ числѣ Кавелина, хотя она и знала о дружбѣ его съ Герценомъ. Когда Кавелинъ упомянулъ ей про это, Марія Александровна отвѣтила, что сердита на Герцена только за рѣзкие отзывы о вдовствующей императрицѣ.

Наслѣдникъ былъ необыкновенно красивъ, съть-можетъ, даже слишкомъ женственъ. Онъ ничуть не былъ гордъ и во время выходовъ пріятельски болталъ съ камерпажами. (Помню даже, что во время новогодняго пріема дипломатического корпуса, я пытался объяснить ему, насколько просто-одѣтый посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, Уашбёрнъ, выgodно отличается отъ разряженныхъ, какъ попугай, остальныхъ посланниковъ.). Но тѣ, которые хорошо знали наслѣдника, совершенно вѣрно отзывались о немъ, какъ о глубокомъ эгоистѣ, совершенно не способномъ душевно привязаться къ кому-нибудь. Что касается ученія, то всѣ старанія матери прошли даромъ. Въ августѣ 1861 года наслѣдникъ окончательно провалился на экзаменахъ, проходившихъ въ присутствіи отца. Помню даже, какъ черезъ нѣсколько дней послѣ этого провала, на парадѣ въ Петергофѣ, на которомъ командовалъ наслѣдникъ сдѣлалъ какую-то ошибку, Александръ крикнулъ ему громко, такъ что всѣ слышали: «Даже этому не можешь научиться!» Какъ известно, наслѣдникъ умеръ двадцати-двухъ лѣтъ отъ болѣзни спинного мозга.

Александръ Александровичъ, ставшій наслѣдникомъ въ 1865 году, являлся полной противоположностью брату. Онъ такъ напоминалъ мнѣ лицомъ и сознаніемъ своего величія Павла I, что я часто говорилъ: «Если Александръ когда-нибудь вступить на престолъ, то будетъ другимъ Павломъ I въ Гатчинѣ и приметъ такую же смерть отъ своихъ придворныхъ, какъ прадѣль его». Онъ упорно не хотѣлъ ничему учиться. Говорили, что Александръ II на-

рочно не училъ второго сына, а сосредоточилъ все вниманіе на наслѣдникѣ, такъ какъ пережилъ самъ немало непріятныхъ минутъ вслѣдствіе того, что Константина былъ образованіе его. Сомнѣваюсь, однако, чтобы это было такъ. Александръ Александровичъ съ дѣтства терпѣть не могъ ученія. Писалъ онъ (мой братъ видѣлъ оригиналъ его телеграммъ къ невѣстѣ въ Копенгагенъ) до невѣроятности безграмотно. По-французски писалъ онъ такъ: «Ecri a oncle a propos parade... les nouvelles sont mauvaisesent», а по-русски: «Сидимъ за субботинскимъ столомъ и ѿдимъ батве-нию», и такъ далѣе въ такомъ родѣ.

Говорить, къ концу жизни его характеръ исправился; но въ 1870 году, и гораздо позднѣе, онъ являлся настоящимъ потомкомъ Павла I. Я зналъ въ Петербургѣ офицера, шведа по происхожденію (родомъ изъ Финляндіи), котораго командировали въ Соединенные Штаты заказать ружья для русской арміи. Во время аудіенціи цесаревичъ далъ полный просторъ своему характеру и сталъ грубо говорить съ офицеромъ. Тотъ, вѣроятно, отвѣтилъ съ достоинствомъ. Тогда великий князь пришелъ въ настоящее бѣшенство и обругалъ офицера скверными словами. Офицеръ принадлежалъ къ тому типу вполнѣ вѣрноподданныхъ людей, держащихся, однако, съ достоинствомъ, какой часто встречается среди шведскихъ дворянъ въ Россіи. Онъ немедленно ушелъ и послалъ цесаревичу письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы Александръ Александровичъ извинился. Офицеръ прибавлялъ, что если черезъ двадцать четыре часа извиненія не будетъ, то застрѣлится. Это было родъ японской дуэли. Александръ Александровичъ не извинился, и офицеръ сдержкаль слово. Я видѣлъ его у моего близкаго друга, въ то послѣ-обѣда, когда онъ ежеминутно ждалъ, что прибудетъ извиненіе. На другой день его не было въ живыхъ. Александръ II очень разсердился на сына и приказалъ ему идти за гробомъ офицера вплоть до могилы; но даже и этотъ страшный урокъ не излечилъ молодого человѣка отъ романовской надменности и запальчивости.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

С И Б И Р Ь.

I.

Въ серединѣ мая 1862 года, за нѣсколько недѣль до нашего производства, нашъ полковникъ предложилъ мнѣ составить окончательный списокъ тѣхъ полковъ, въ которые каждый изъ насъ желалъ поступить. Намъ предоставлялось право выйти въ любой гвардейскій полкъ, съ первымъ чиномъ, или же въ армейскій—съ чиномъ поручика. Я взялъ списокъ воспитанниковъ нашего класса и сталъ обходить товарищѣ. Каждый зналъ очень хорошо тотъ полкъ, въ который поступить. Большинство щеголяло уже въ саду въ офицерской фуражкѣ своего полка.

«Кирасирскій его величества», «Преображенскій», «въ Конную гвардію», отмѣчалъ я въ спискѣ.

— Ну, а ты, Кропоткинъ, куда? въ казаки, въ артиллерію?—задавали мнѣ вопросы со всѣхъ сторонъ. Меня взяла грусть-раздумье; я попросилъ товарища докончить списокъ и ушелъ въ свою комнату, чтобы еще разъ обдумать окончательное рѣшеніе.

Я уже давно рѣшилъ, что не поступлю въ гвардію и не отдамъ свою жизнь придворнымъ баламъ и парадамъ. Я мечталъ поступить въ университетъ, чтобы учиться и жить студенческой жизнью. Это значило бы, конечно, порвать окончательно съ отцомъ, который мечталъ совсѣмъ объ иномъ, и перебиваться уроками. Тысячи студентовъ живутъ такъ, и такая жизнь меня нисколько не страшила. Но какъ сдѣлать первые шаги въ новой жизни? Черезъ нѣсколько недѣль я оставилъ корпусъ, и долженъ буду обзавестись своимъ платьемъ, своей квартирой. Мнѣ неоткуда было взять даже тѣ небольшія деньги, которыхъ нужны для начала... Такимъ образомъ на поступленіе въ университетъ не было надежды, и я давно думалъ объ артиллерійской академіи. Это избавило бы меня на два года отъ фронтовой лямки; а въ академіи, кромѣ военныхъ наукъ, я могъ бы изучать математику и физику. Но въ Петербургѣ тянулся уже вѣтеръ реакціи. Въ прошлую зиму съ офицерами академіи обращались уже какъ съ школьніками. Въ двухъ ака-

деміахъ тогда были беспорядки, и въ одной изъ нихъ, инженерной, всѣ офицеры въ томъ числѣ одинъ мой большой пріятель, вышли изъ академіи.

И все болѣе и болѣе я останавливался на мысли о Сибири. Амурскій край тогда только что былъ присоединенъ къ Россіи. Я читалъ обѣ этомъ Миссисипи дальніаго востока, о горахъ, прорѣзываемыхъ рѣкой, о субтropической растильности по Усuri; я восхищался рисунками, приложенными къ Усурійскому путешествію Маака и мысленно переносился дальше, къ тропическому поясу, такъ чудно описанному Гумбольдтомъ и къ великимъ обобщеніямъ Риттера, которыми я такъ увлекался. Кромѣ того, я думалъ, что Сибирь—безконечное поле для примѣненія тѣхъ реформъ, которыя выработаны, или задуманы. Тамъ, вѣроятно, работниковъ мало, и я легко найду широкое поприще для настоящей дѣятельности. Хуже всего было то, что пришлось бы разстаться съ Сашей; но онъ вынужденъ былъ оставить университетъ послѣ беспорядковъ 1861 года, и я разсчитывалъ, что такъ или иначе, черезъ годъ или черезъ два, мы будемъ вмѣстѣ.

Мужъ моей сестры—она жила въ Ярославлѣ, и мы тогда еще не переписывались—въ это время усерднѣйшимъ образомъ списывался съ моимъ отцомъ, стараясь вынудить его назначить мнѣ подходящее содержаніе для службы въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Но мое рѣшеніе было уже опредѣлено: университетъ, или Сибирь, Амуръ, путешествіе въ невѣдомыя страны!

Оставалось только выбрать полкъ въ Амурской области. Усурійскій край привлекалъ меня больше всего; но, увы! тамъ былъ лишь пѣшій казачій батальонъ. Я былъ все-таки еще мальчикъ, и «пѣшій казакъ» казался мнѣ уже слишкомъ жалкимъ; такъ что, въ концѣ-концовъ, я остановился на Амурскомъ конномъ казачьемъ войскѣ. Такъ и отмѣтилъ я въ спискѣ, къ великому огорченію всѣхъ товарищей. «Это такъ далеко!» говорили они. А пріятель мой Дауровъ схватилъ «Памятную книжку для офицеровъ» и къ ужасу всѣхъ присутствующихъ началъ вычитывать: «Мундиръ—чернаго сукна, съ простымъ краснымъ воротникомъ, безъ петличекъ. Папаха изъ собачьяго или иного какого мѣха, смотря по мѣсту расположенія. Шаровары—сѣраго сукна».

— Ты только подумай, что за мундиръ!—воскликнулъ онъ. Папаха еще куда ни шло: можешь носить волчью, или

медвѣжью. Но шаровары! Ты только подумай: сѣрые, какъ у Фурштатовъ!—Послѣ этого огорченіе моихъ пріятелей еще болѣе усилилось.

Я отшутивался, какъ могъ, и понесъ списокъ къ полковнику.

— Кропоткинъ всегда со своими шутками!—воскликнулъ онъ.—Вѣдь сказалъ я вамъ, что списокъ нужно отправить сегодня же великому князю.

Но когда я ему объяснилъ, что совѣтъ не шучу, на лицѣ доброго полковника изобразилось изумленіе и полное огорченіе.

На другой день, однако, я едва не перемѣнилъ рѣшенія, когда увидалъ, какъ принялъ его Классовскій. Онъ желалъ, чтобы я поступилъ въ университетъ и съ этой цѣлью дагалъ мнѣ даже уроки латинскаго языка, пока мы стояли въ лагерѣ. Я же не рѣшался сказать ему, что мѣшаѣтъ мнѣ сдѣлаться студентомъ. Я зналъ, что если скажу, то Классовскій предложитъ подѣлиться своими крохами. Я просто сказалъ ему, что поступаю въ военную службу, въ Амурское войско.

Какъ только я написалъ отцу, что выхожу «на Амуръ», синь немедленно телеграфировалъ, что воспрещаетъ мнѣ уѣзжать въ Сибирь. Объ этомъ доложили великому князю, начальнику военно-учебныхъ заведеній. Меня потребовали къ его помощнику, и на его вопросы я принялъ єму расписывать растительность Амура и прелести нутешествія.. Я имѣлъ сильныя основанія предполагать, что если занкнусь о желаніи поступить въ университетъ, кто-нибудь изъ царской фамиліи предложитъ мнѣ стипендію,—чего я ни въ какомъ случаѣ не желалъ.

Трудно сказать, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не случилось одно очень важное событие—большой пожаръ въ Петербургѣ; оно косвенно разрѣшило мои затрудненія.

Двадцать-шестого мая, въ Духовъ день, начался страшный пожаръ Апраксина двора. Середину двора, почти полъ-версты въ квадратѣ, занималъ тогда Толкучій Рынокъ, зесь застроенный деревянными лавочонками. Здѣсь продавались всевозможныя подержанныя вещи. Въ лавочонкахъ, въ проходахъ между ними и даже на крышахъ нагромождалась подержанная мебель, перины, ношеное платье, книги, посуда. Словомъ, всякий хламъ свозился сюда изъ всѣхъ концовъ города. Позади этого громаднаго склада горючаго материала находилось Министерство Внутреннихъ

Дѣль, въ архивѣ котораго хранились всѣ документы, касавшіеся освобожденія крестьянъ; а впереди Толкучаго, окаймленнаго рядомъ каменныхъ лавокъ—стоялъ, на другой сторонѣ Садовой, Государственный Банкъ. Узкій переулокъ, частью обстроенный каменными лавками, отдѣлялъ Апраксінъ дворъ отъ крыла зданія пажескаго корпуса. Нижній этажъ этого крыла занятъ былъ лавками съ бакалейнымъ и москательнымъ товарами, а въ верхнемъ этажѣ—помѣщались квартиры офицеровъ. Почти насупротивъ Министерства Внутреннихъ Дѣль, на другомъ берегу Фонтанки, находились громадные дровяные склады. И вотъ Апраксінъ дворъ и дровяные склады занялись почти одновременно, въ четыре часа пополудни.

Будь въ это время сильный вѣтеръ, огонь уничтожилъ бы полъ-Петербургъ, въ томъ числѣ и Государственный банкъ, нѣсколько министерствъ, Гостиный дворъ, пажескій корпусъ и публичную библіотеку.

Въ тотъ день я былъ въ корпусѣ и обѣдалъ у одного изъ офицеровъ. Мы помчались на пожаръ, какъ только увидали изъ оконъ первые черные клубы дыма. Зрѣлище было ужасное. Огонь трещалъ и шипѣлъ. Какъ чудовищная змѣя, онъ метался изъ стороны въ сторону и охватывалъ кольцами лавочонки. Затѣмъ онъ поднимался внезапно громадныемъ столбомъ, высывалъ въ сторону свои языки и лизалъ ими новые и новые балаганы и груды товаровъ. Образовалась вихри огня и дыма; а когда вихрь закружилъ тучу горящіхъ перьевъ изъ периннаго ряда,—оставаться на Толкучемъ уже было невозможно. Приходилось бросить все на произволъ огня.

Власти совершенно потеряли голову. Во всемъ Петербургѣ не было тогда ни одной паровой пожарной трубы. Какіе-то рабочіе вызвались привезти такую трубу изъ колшинскихъ литейныхъ заводовъ, то-есть верстъ за тридцать отъ Петербурга по желѣзнѣй дорогѣ. Когда машину привезли на Николаевскій вокзалъ, народъ же приволокъ ее на пожаръ. Изъ четырехъ кишечкъ одна оказалась, однако, поврежденной неизвѣстной рукой; остальные же три кишечки направили на зданіе Министерства Внутреннихъ Дѣль.

На пожаръ пріѣхали великие князья и скоро уѣхали. Поздно вечеромъ, когда Государственный банкъ находился уже въ опасности, явился Александръ II и велѣлъ отстаивать пажескій корпусъ, какъ центральный пунктъ позиціи. Это и безъ него всѣ знали. Было очевидно, что если

загорится пажеский корпусъ, погибнуть Публичная библиотека и половина Невского проспекта.

Толпа, народъ, дѣлали все, чтобы остановить огонь. Былъ моментъ, когда государственный банкъ находился въ сильной опасности. Вынесенные изъ лавокъ товары свалили кучами на Садовой, у стѣнъ лѣваго крыла банка. Отъ падающихъ головешекъ загорались постоянно товары, сваленные на улицѣ; но народъ, задыхаясь въ невыносимой жарѣ, не даваль разгорѣться вещамъ, лежавшимъ на улицѣ. Въ толпѣ ругали начальство за то, что тутъ не было ни одной пожарной трубы. Всюду слышалось: «Что они тамъ, черти, дѣлаютъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, когда вотъ-вотъ загорятся банкъ и воспитательный домъ? Всѣ съ ума сошли, что ли! — Гдѣ оберъ-полиціймейстеръ? Почему онъ не посыаетъ пожарную команду къ банку?» Оберъ-полиціймейстера, генерала Анненкова, я зналъ лично, такъ какъ встрѣчался съ нимъ въ домѣ помощника инспектора, куда Анненковъ приходилъ со своимъ братомъ, известнымъ критикомъ. Тогда я вызвался найти его, и дѣйствительно нашелъ. Онъ бродилъ безцѣльно по Чернышеву переулку. Когда я доложилъ ему о положеніи вещей, то онъ, какъ это ни невѣроятно, поручилъ мнѣ, мальчику, перевести одну пожарную команду отъ зданія Министерства къ банку. Я воскликнулъ, конечно, что пожарные меня не послушаются, и просилъ письменного приказа; но у Анненкова не было при себѣ, или онъувѣрялъ, что не имѣеть, ни клочка бумаги. Тогда я попросилъ одного изъ нашихъ офицеровъ, Л. Л. Госсе, пойти со мной и передать приказъ. Мы, наконецъ, убѣдили одного брандтмейстера, ругавшаго весь свѣтъ и свое начальство отборными словами, перейти со своей командой на Садовую.

Горѣло не Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а архивы. Много молодежи, главнымъ образомъ, кадеты и пажи, при содѣйствіи канцелярскихъ, выносили изъ горящаго зданія пачки бумагъ и складывали на извозчиковъ. Иногда пачка падала на землю, вѣтеръ тогда подхватывалъ отдѣльные листы и гналъ ихъ по площади. Сквозь черныя тучи дыма видны были зловѣщіе огни пылавшихъ дровянныхъ складовъ на другомъ берегу Фонтанки.

Узкій Чернышевъ переулокъ, отдѣлявшій пажеский корпусъ отъ Апраксина двора, былъ въ отчаянномъ состояніи. Въ каменныхъ лавкахъ, напротивъ корпуса, находились большие запасы сѣры, деревяннаго масла, скрипидара и

тому подобныхъ горючихъ веществъ. Разноцвѣтные огненные языки, выбрасываемые взрывами изъ лавокъ, лизали крышу низкаго крыла пажескаго корпуса, выходившаго на другую сторону переулка. Оконныя рамы и стропила уже дымились. Пажи и кадеты, очистивъ зданіе, поливали его крышу изъ небольшой пожарной трубы кадетскаго корпуса, для которой вода, съ большими промежутками, подвозилась въ бочкахъ наливавшихся отъ руки, шайкамъ. Пожарные, стоявшіе на раскаленной крышѣ, все время кричали надрывавшими душу голосами: «Воды! воды!» Я не могъ выносить эти крики и помчался на Садовую, гдѣ силой завернуль на нашъ дворъ одну изъ полицейскихъ пожарныхъ бочекъ. Но когда я попытался сдѣлать это вторично, пожарный наотрѣзъ отказался.— «Меня отдадутъ подъ судь, если я сверну», сказалъ онъ. Со всѣхъ сторонъ товарищи торопили меня: «Пойди и найди кого-нибудь оберъ-полиціймейстера или великаго князя. Скажи имъ, что безъ воды мы больше не можемъ отстаивать пажескій корпусъ».

— Не доложить ли директору? — предложилъ кто-то.

— Чортъ побери ихъ всѣхъ! Ихъ теперь съ фонаремъ не разыщешь! Пойди и сдѣтай все самъ.

Я пошелъ опять разыскивать Анненкова. Миѣ, наконецъ, сказалъ кто-то, что онъ, должно-быть, во дворѣ Государственного банка. Тамъ, дѣйствительно, стояло нѣсколько офицеровъ около одного генерала, въ которомъ я узналъ петербургскаго генералъ-губернатора, князя Суворова. Ворота, однако, были заперты. Банковый чиновникъ, стоявшій возлѣ нихъ, наотрѣзъ отказался впустить меня. Я настаивалъ, грозилъ, и, наконецъ, меня впустили. Тогда я подошелъ прямо къ князю Суворову, который писалъ записку на спинѣ одного изъ своихъ адъютантовъ.

Когда я доложилъ ему о положеніи вещей, то Суворовъ прежде всего спросилъ: «Кто васъ послалъ?»

— Никто, — отвѣчалъ я, — товарищи.

— Такъ вы говорите, что пажескій корпусъ скоро загорится?

— Да. Мы больше не можемъ отстаивать.

— Идемте со мной.

Суворовъ быстрыми шагами вышелъ на улицу, подобралъ картонку отъ шляпы, покрылъ ею голову и побѣжалъ, что было силъ, въ Чернышевъ переулокъ. Съ одной его стороны пылали лавки, съ другой — тлѣли рамы и стропила корпуса.

Мостовая же была покрыта пустыми бочками, деревянными ящиками, соломой и тому подобнымъ. Суворовъ принялъся действовать решительно.

— У васъ во дворѣ рота солдатъ. Возьмите отрядъ и немедленно очистите переулокъ. Сейчасъ проведутъ сюда одну изъ кишечъ паровой пожарной машины. Управляйте ею. Я вамъ лично поручаю ее.

Не легко было двинуть солдатъ изъ нашего сада. Они вычистили изъ бочекъ и ящиковъ все содержаніе, набили карманы кофейными зернами, а въ кепи запрятали, каждый, по большому куску сахара, и теперь, въ эту теплую, весеннюю ночь они прохлаждались подъ деревьями, пощелкивая огни. Никто не хотѣлъ двинуться съ мѣста, покуда, паконецъ, не вмѣшался офицеръ. Переулокъ очистили и кишку пустили въ ходъ. Товарищи были въ восторгѣ. Каждыя двадцать минутъ мы смыли солдатъ, направлявшихъ кишку. Кто-нибудь изъ насъ стоялъ рядомъ съ ними, несмотря на адскую жару.

Около трехъ или четырехъ часовъ утра, стало очевидно, что съ огнемъ удалось справиться. Пажескій корпусъ находился теперь въ опасности. Утоливъ жажду нѣсколькими стаканами чая въ бѣлой харчевнѣ, у Александринского театра, полумертвые отъ усталости, мы завалились спать на первыя свободныя койки въ госпиталь корпуса. На другой день я поднялся рано и въ нѣкогда бѣломъ, суконномъ, а теперь черномъ отъ копоти кѣпи пошелъ взглянуть на пожарище. Возвратившись въ корпусъ, я встрѣтилъ великаго князя Михаила, котораго, согласно требованію службы, я провожалъ, когда онъ обходилъ зданіе. Пажи поднимали головы съ подушекъ. У всѣхъ лица почернѣли отъ дыма, глаза и вѣки распухли; у многихъ были опалены волосы. Нарядныхъ пажей съ трудомъ можно было узнать, но они гордились сознаніемъ, что проявили себя не бѣлоручками и работали не хуже другихъ.

Это посѣщеніе великаго князя разрѣшило мои затрудненія. Выходя, онъ спросилъ меня,—съ чего это я вздумалъѣхать на Амуръ? имѣю ли я тамъ родныхъ? знаетъ ли меня генералъ-губернаторъ? Я отвѣтилъ, что ни родственниковъ, ни знакомыхъ въ Сибири у меня нѣтъ.

— Какъ же ты єрешь тогда? Они тебя пошлютъ въ какую-нибудь глухую станицу. Что ты тамъ будешь дѣлать? Я лучше напишу генералъ-губернатору и попрошу оставить тебя гдѣ-нибудь при штабѣ.

Я былъ увѣренъ теперь, что, послѣ такого предложенія отецъ мой не будетъ болѣе противъ моей поѣздки. Такъ оно и было. Теперь я могъ свободноѣхать въ Сибирь.

Пожаръ Апраксина двора сталъ поворотнымъ пунктомъ, не только въ политикѣ Александра II, но и въ исторіи Россіи того періода. Не подлежало сомнѣнію, что пожаръ не былъ дѣломъ случайности. Въ Троицу и въ Духовъ день въ Апраксиномъ дворѣ, кромѣ нѣсколькихъ сторожей, никого не было. Кромѣ того, Апраксинъ дворъ и дровяные склады на другой сторонѣ Фонтанки занялись почти одновременно; а за пожаромъ въ Петербургѣ послѣдовало нѣсколько такихъ же пожаровъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Несомнѣнно, кто-то поджигалъ; но кто именно?—На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта до сихъ поръ.

Катковъ, руководимый личной ненавистью къ Герцену, а въ особенности къ Бакунину, съ которыми разъ долженъ былъ драться на дуэли, на другой же день послѣ пожара обвинилъ въ поджогѣ поляковъ и русскихъ революціонеровъ. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ этому обвиненію повѣрили.

Польша готовилась тогда къ революціи, которая разразилась въ январѣ слѣдующаго года. Тайное революціонное правительство заключило союзъ съ лондонскими изгнаниками. Жондъ имѣлъ членовъ даже въ самомъ сердцѣ петербургской администраціи. Немного времени спустя послѣ пожара, русскій офицеръ стрѣлялъ въ варшавскаго намѣстника, графа Людерса; а когда, вмѣсто Людерса, назначили намѣстникомъ Константина Николаевича (говорили тогда, что изъ Польши сдѣлаютъ отдѣльное королевство для великаго князя), то и на него сдѣлано было, 26 июня, покушеніе. Въ августѣ кто-то стрѣлялъ также въ маркиза Велепольскаго, вождя партіи сліянія съ Россіей. Англія и Наполеонъ III поддерживали въ полякахъ надежду на вооруженное вмѣшательство въ пользу ихъ независимости. Въ такихъ условіяхъ, съ обыкновенной, военной точки зрењія, уничтоженіе Государственного банка, нѣсколькихъ министерствъ и распространеніе паники въ столицѣ могли казаться хорошимъ боевымъ планомъ. Но въ подтвержденіе этого предположенія не было приведено ни малѣйшаго факта.

Съ другой стороны, крайняя партія въ Россіи влѣчила, что на инициативу Александра II въ реформаціонномъ движении нельзя больше возлагать никакихъ надеждъ. Не подлежало сомнѣнію, что течениемъ его все больше и больше относить къ лагерю реакціонеровъ. Для передовыхъ людей было очевидно, что вслѣдствіе высокаго выкупа, назначенаго за землю, освобожденіе означаетъ для крестьянъ полное разореніе. Въ силу этого въ Петербургѣ появились въ маѣ прокламаціи, призывавшія народныя массы къ поголовному восстанию; образованымъ же классомъ предлагалось настаивать на необходимости земскаго собора. При такомъ настроеніи какому-нибудь революціонеру могла, конечно, прійти въ голову мысль разрушить правительственную машину пожаромъ.

Наконецъ, неопределенный характеръ освобожденія вызвалъ сильное броженіе среди крестьянъ, составляющихъ большую часть населенія во всѣхъ городахъ; а броженія среди крестьянъ всегда сопровождались въ Россіи подметными письмами и поджогами.

Возможно, такимъ образомъ, что мысль поджечь Апраксинъ рынокъ могла возникнуть въ головѣ единичныхъ представителей революціонного лагеря; но ни тщательное слѣдствіе, ни массовые аресты, начавшіеся въ Россіи и въ Польшѣ немедленно послѣ пожара, не дали ни малѣйшихъ на это указаній. Если бы что-нибудь въ этомъ родѣ было найдено, реакціонная партія навѣрное послѣшила бы имъ воспользоваться. Съ тѣхъ поръ появилось также въ печати много воспоминаній, опубликовано много писемъ, относящихся къ тому времени; но опять-таки въ нихъ неѣть ни малѣйшаго намѣка въ подтвержденіе такого предположенія.

Напротивъ того, когда вспыхнули пожары во многихъ приволжскихъ городахъ, а въ особенности въ Симбирскѣ, и когда туда былъ посланъ для слѣдствія сенаторъ Ждановъ,—онъ закончилъ разслѣдованіе съ твердымъ убѣждѣніемъ, что Симбирскій пожаръ былъ дѣломъ реакціонной партіи. Въ ней существовала увѣренность, что возможно еще убѣдить Александра II отложить окончательное освобожденіе крестьянъ, которое должно было состояться 19 февраля 1863 года. Реакціонеры знали слабость характера Александра II и немедленно послѣ пожаровъ сильно стали агитировать въ пользу отсрочки освобожденія и пересмотра практическаго примѣненія закона. Въ хорошо освѣдомленныхъ кругахъ говорили, что Ждановъ

возвращался въ Петербургъ съ положительными доказательствами виновности симбирскихъ реакціонеровъ; но онъ внезапно умеръ въ дорогѣ, а портфель его исчезъ и никогда не былъ найденъ.

Какъ бы то ни было, пожаръ Апраксина двора имѣлъ весьма печальные послѣдствія. Послѣ него Александръ II открыто выступилъ на путь реакціи. Что еще хуже, общественное мнѣніе той части общества въ Петербургѣ и въ Москвѣ, которая имѣла сильное вліяніе на правительство, сразу сбросило либеральный мундиръ и возстало не только противъ крайней партіи, но даже противъ умѣренныхъ. Нѣсколько дней спустя послѣ пожара, я пошелъ павѣстить моего двоюроднаго брата, флигель-адъютанта. Въ конногвардейскихъ казармахъ, гдѣ онъ жилъ, я часто встрѣчалъ офицеровъ, сочувствовавшихъ Чернышевскому. Двоюродный братъ мой до тѣхъ поръ самъ былъ усерднымъ читателемъ *Современника*; теперь же онъ принесъ мнѣ нѣсколько книжекъ журнала и положилъ ихъ предо мной на столъ говоря: «Отнынѣ, послѣ этого, не хочу имѣть ничего общаго съ зажигательными писаніями, довольно!» Слова эти отражали мнѣніе «всего Петербурга». Толковать о реформахъ стало неприлично. Атмосфера была насыщена духомъ реакціи. *«Современникъ»* и *«Русское Слово»* были пристановлены. Всѣ виды воскресныхъ школъ запретили. Начались массовые аресты. Петербургъ былъ поставленъ на военное положеніе.

Черезъ двѣ недѣли, 13 іюня, наступилъ, наконецъ, день, котораго кадеты и пажи дожидались съ такимъ нетерпѣніемъ. Александръ II произвелъ намъ родъ короткаго экзамена въ военныхъ построеніяхъ. Мы командовали ротами, а я гарцевалъ на конѣ впереди своднаго батальона изъ выпускныхъ, въ должностіи «младшаго штабъ-офицера». Затѣмъ насъ всѣхъ произвели въ офицеры.

Когда парадъ кончился, Александръ II громко скомандовалъ: «Произведенные офицеры ко мнѣ!» Мы окружили его. Онъ оставался на конѣ.

Тутъ я увидаль Александра II въ совершенно новомъ для меня свѣтѣ. Во весь ростъ возсталъ предо мною теперь человѣкъ, который черезъ годъ проявилъ себя кровожаднымъ и мстительнымъ подавителемъ польской революціи. Онъ весь обрисовался въ рѣчи, обращенной къ намъ.

Началъ онъ въ спокойномъ тонѣ: «Поздравляю васъ Вы т перь офицеры». Онъ говорилъ о военныхъ обязанностяхъ и о вѣрности государю, какъ это всегда говорится въ подобныхъ случаяхъ. Но затѣмъ лицо его внезапно искалилось гнѣвомъ, и онъ принялъ выкрикивать злобнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово: «Но если—чего, Боже, сохрани—кто-нибудь изъ васъ измѣнить—царю, престолу и отечеству, я поступлю съ нимъ, по всей стро-го-сти закона,—безъ ма-лѣйшаго по-пу-щенія!...»

Его голосъ оборвался. Лицо его искалилось злобой и тѣмъ выраженіемъ слѣпой ярости, которое я видалъ въ дѣствѣ у помѣщиковъ, когда они грозились «спустить пикуру» крѣпостнымъ. Александръ II сильно пришпорилъ коня и поскакалъ отъ насть. На другой день, 14 июня, по его приказу въ Модлинѣ разстрѣляли трехъ офицеровъ, а рядового Шура заѣкли шпирутенами до смерти.

«Реакція, полнымъ ходомъ», говорилъ я себѣ, возвращаясь съ парада.

Александра II я увидалъ еще разъ, прежде чѣмъ оставилъ Петербургъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ производства, всѣ офицеры представлялись ему во дворцѣ. Мой, болѣе чѣмъ скромный мундиръ, съ знаменитыми сѣрыми шароварами, привлекалъ всеобщее вниманіе. Ежеминутно я долженъ былъ удовлетворять любопытство офицеровъ, всѣхъ чиновъ, спрашивавшихъ меня, что это за форма такая? Амурское казачье войско было тогда самое молодое въ арміи, и я стоялъ почти въ концѣ пѣсколькихъ сотень представлявшихъся офицеровъ. Александръ II отыскалъ меня я спросилъ:

— Такъ ты ѿдешь въ Сибирь? Что жъ, твой отецъ согласился?

Я отвѣтилъ, что да.

— Тебя не етращить ѿхать такъ далеко?

Я съ жаромъ отвѣтилъ: «Нѣть, я хочу работать, а въ Сибири такъ много дѣла, чтобы проводить намѣченныя реформы».

Александръ II взглянулъ на меня пристально. Онъ задумался на минуту и сказалъ наконецъ: «Что жъ, поѣзжай. Полезнѣмъ вездѣ можно быть». И лицо его приняло выраженіе такой усталости, такой полной апатіи, что я тутъ же подумалъ: «Онъ конченный человѣкъ. Онъ теперь сдастся совсѣмъ».

Петербургъ принялъ мрачный характеръ. По улицамъ ходили отряды пѣхоты. Казачьи патрули разъѣзжали кругомъ дворца. Петропавловская крѣпость наполнялась политическими заключенными. Куда я ни приходилъ, всюду я видѣлъ одно и то же—торжество реакціи. Я оставлялъ Петербургъ безъ сожалѣнія.

Каждый день я павѣдался въ казачье управление, съ просьбой выправить скорѣе мои бумаги. И, какъ только онъ были готовы, я поспѣшилъ въ Москву, къ брату Сашѣ.

II.

Пять лѣтъ, проведенный мною въ Сибири, были для меня настоящей школой изученія жизни и человѣческаго характера. Я приходилъ въ соприкосновеніе съ различнаго рода людьми, съ самыми лучшими и съ самыми худшими, съ тѣми, которые стоять на верху общественной лѣстницы и съ тѣми, кто прозябаетъ и копошится на послѣднихъ ея ступеняхъ: съ бродягами и, такъ называемыми, неисправимыми преступниками. Я видалъ крестьянъ въ ихъ ежедневной жизни и убѣждался, какъ мало можетъ дать имъ правительство, даже если оно одушевлено лучшими намѣреніями. Наконецъ, мои продолжительныя путешествія, во время которыхъ я сдѣлалъ болѣе сѣмидесяти тысячъ верстъ на перекладныхъ, па пароходахъ, въ лодкахъ,—главнымъ образомъ, верхомъ — удивительно закалили мое здоровье. Путешествія научили меня также тому, какъ мало, въ дѣйствительности, нужно человѣку, когда онъ выходитъ изъ зачарованного круга условной цивилизациіи. Съ нѣсколькими фунтами хлѣба и маленьkimъ запасомъ чая въ переметныхъ сумахъ, съ котелкомъ и топоромъ у сѣдла, съ кошмой подъ сѣдломъ, чтобы покрыть ею постель изъ свѣже-и арѣзанного молодого листяка,—человѣкъ чувствуетъ себя удивительно независимымъ, даже среди неизвѣстныхъ горъ, густо поросшихъ лѣсомъ, или же покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Я могъ бы написать цѣлую книгу обѣ этой порѣ моей жизни, но мнѣ приходится коснуться ея лишь слегка.

Сибирь—не мерзлая страна, вѣчно покрытая снѣгомъ и заселенная лишь ссылыми, какъ представляютъ ее себѣ иностранцы, и какъ еще очень недавно представляли ее себѣ у насъ. Растительность южной Сибири по богатству напоминаетъ флору южной Канады. Сходны также ихъ

фізической положенія. На 500,000 инородцевъ въ Сибири $4\frac{1}{2}$ —милліона русскихъ¹), а южная часть западной Сибири имѣеть такой же совершенно русскій характеръ, какъ и губерніи къ съверу отъ Москвы

Въ 1862 году высшая сибирская администрація была гораздо болѣе просвѣщенная и въ общемъ гораздо лучше, чѣмъ администрація любой губерніи въ Европейской Россіи. Постъ генераль-губернатора восточной Сибири въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ замѣчательный человѣкъ, графъ Н. Н. Муравьевъ, присоединившій Амурскій край. Онъ былъ очень уменъ, очень дѣятеленъ, обаятеленъ, какъ личность, и желалъ работать на пользу края. Какъ всѣ люди дѣйствія правительственной школы, онъ въ глубинѣ души былъ деспотъ; но Муравьевъ придерживался крайнихъ мнѣній, и демократическая республика не вполнѣ бы удовлетворила его. Ему удалось отдѣлаться почти отъ всѣхъ старыхъ чиновниковъ, смотрѣвшихъ на Сибирь, какъ на край, гдѣ можно грабить безнаказанно, и онъ окружилъ себя, большую частью, молодыми, честными офицерами, изъ которыхъ многіе имѣли такія же благія намѣренія, какъ и самъ онъ. Въ его кабинетѣ молодые люди, вмѣстѣ съ сосланнымъ Бакунинымъ (онъ бѣжалъ изъ восточной Сибири въ августѣ 1861 года), обсуждали возможность созданія Сибирскихъ Соединенныхъ Штатовъ, вступающихъ въ федеративный союзъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

Когда я приѣхалъ въ Иркутскъ, реакціонная волна, поднимавшаяся въ Петербургѣ, еще не достигла столицы восточной Сибири. Меня очень хорошо принялъ молодой генераль-губернаторъ Корсаковъ, только что замѣнившій Муравьева, и заявилъ, что онъ очень радъ видѣть возлѣ себя людей либерального образа мыслей. Что же касается молодого, тридцати-пяти лѣтнаго генерала Кукеля, начальника штаба восточной Сибири (онъ сейчасъ же взялъ меня къ себѣ адютантомъ), то онъ повелъ меня въ одну комнату въ свое мѣсто жительства, гдѣ я нашелъ лучшіе русскіе журналы и полную коллекцію лондонскихъ революціонныхъ изданій Герцена. Скоро мы стали близкими друзьями.

Въ то время Б. К. Кукель временно занималъ постъ губернатора Забайкальской области, и черезъ нѣсколько еедѣль мы переправились черезъ Байкалъ и поѣхали на

востокъ, въ Читу. Здѣсь мнѣ пришлось отдатья всепѣло, не теряя времени, великимъ реформамъ, которыя тогда обсуждались. Изъ петербургскихъ министерствъ присланы были мѣстнымъ властямъ предложения выработать планы полнаго преобразованія администраціи, полиціи, судовъ, тюремъ, системы ссылки, городского самоуправленія. Все это должно было быть преобразовано на широкихъ либеральныхъ основахъ, намѣченныхъ въ царскихъ манифестахъ.

Кукелю помогали: умный, практическій человѣкъ, полковникъ К. Н. Педашенко, старшій членъ казачьяго управления, адъютантъ военнаго округа А. Л. Шанявскій (впослѣдствіи, основатель Московскаго Народнаго университета), и два-три честныхъ гражданскихъ чиновника, — въ томъ числѣ Ядринцевъ. Всѣ они работали усердно, весь день и часть ночи. Я сталъ секретаремъ двухъ комитетовъ: для реформы тюремъ и всей системы ссылки, и для выработки проекта городского самоуправленія. Я взялся за работу со всѣмъ энтузіазмомъ девятнадцатилѣтняго юноши, и много читалъ объ историческомъ развитіи этихъ учрежденій въ Россіи и о современномъ положеніи ихъ въ западной Европѣ. Министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи издавали тогда въ своихъ журналахъ отличныя работы, относящіяся къ обоимъ вопросамъ, и я изучалъ ихъ. Но въ Забайкальской области мы не довольствовались однѣми теоріями. Я сперва обсуждалъ съ практическими людьми, хорошо знакомыми съ мѣстными условіями и съ нуждами края, общія черты проекта, а затѣмъ мы вырабатывали его во всѣхъ подробностяхъ, пунктъ за пунктомъ. Съ этой цѣлью мнѣ приходилось встречаться съ цѣлымъ рядомъ лицъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ. Затѣмъ полученные результаты мы вновь обсуждали съ Кукелемъ и Педашенко. Послѣ этого я составлялъ проектъ, который снова, тщательно, пунктъ за пунктомъ, разбирался въ комитетѣ. Одинъ изъ этихъ комитетовъ, для выработки проекта самоуправленія—состоялъ изъ читинцевъ, выбранныхъ всѣмъ населеніемъ города: въ немъ засѣдалъ даже одинъ поселенецъ. Короче сказать, наша работа была очень серьезна. И даже въ настоящее время, глядя на нее въ нерспективѣ чѣсколькоихъ десятилѣтій, я искренно могу сказать, что если бы самоуправлѣніе дано было по тому скромному плану, который мы тогда выработали,—сибирские города имѣли бы теперь совсѣмъ другой видъ. Но изъ нашей работы, какъ видно будетъ, ничего не вышло.

Не было недостатка и въ другихъ случайныхъ работахъ. То приходилось найти деньги для поддержанія дѣтскаго пріюта; то нужно было сдѣлать описание экономического положенія области, на основаніи мѣстной земледѣльческой выставки; то предстояло начать какія-нибудь важныя изслѣдованія или произвести какое-нибудь слѣдствіе.

— Мы живемъ въ великую эпоху; работайте, милый другъ; помните, что вы секретарь всѣхъ существующихъ и будущихъ комитетовъ, — говорилъ мнѣ иногда Кукель. И я работалъ съ двойной энергией.

Слѣдующій примѣръ покажетъ, каковы были результаты. Въ Забайкальской области, въ одной изъ волостей служилъ засѣдатель М., творившій невѣроятныя вещи. Онъ грабилъ крестьянъ, сѣкъ немилосердно — даже женщинъ, что было уже противъ закона. Если ему въ руки попадало уголовное дѣло, онъ гноилъ въ острогъ тѣхъ, которые не могли дать ему взятку. Кукель давно бы прогналъ засѣдателя; но на это не соглашались въ Иркутскѣ, такъ какъ М. имѣть сильныхъ покровителей въ Петербургѣ. Послѣ долгихъ колебаній рѣшили, что я поѣду и произведу слѣдствіе на мѣстѣ, чтобы собрать факты противъ засѣдателя. Выполнить это было не легко, такъ какъ напуганные крестьяне отлично помнили, что до Бога wysoko, а до царя далеко, и не рѣшались давать свидѣтельскія показанія. Даже женщина, которую высѣкъ засѣдатель, вначалѣ опасалась свидѣтельствовать. Лишь послѣ того, какъ я прожилъ двѣ недѣли съ крестьянами и за-служилъ ихъ довѣріе, выплыли мало-по-малу дѣянія М. Я собралъ подавляющіе факты, и засѣдателю велѣли подать въ отставку. Каково же было наше удивленіе, когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы узнали, что тотъ же М. назначенъ исправникомъ въ Камчатку! Тамъ онъ могъ безпрепятственно грабить инородцевъ, что и дѣлалъ, конечно, такъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвратился въ Петербургъ богатымъ человѣкомъ. Теперь онъ порой сотрудничаетъ въ консервативныхъ газетахъ и, разумѣется, парадируетъ, какъ «настоящій русскій человѣкъ».

Какъ я сказалъ, волна реакціи еще не дошла до Сибири. Съ политическими ссылыми обращались со всевозможной мягкостью, какъ при Муравьевѣ. Когда въ 1861 году сослали въ каторжныя работы М. Л. Михайлова, за составленіе прокламаціи, тобольскій губернаторъ далъ въ честь его обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ мѣстныя вла-

сти. Въ Забайкальской области Михайлова не держали въ каторжной работѣ. Ему официально разрѣшили оставаться въ тюремномъ госпиталѣ села Кадаи, близъ Нерчинскаго завода; но здоровье Михайлова было очень слабо—онъ вскорѣ умеръ отъ чахотки — и Кукаль разрѣшилъ ему жить у брата, горнаго инженера, арендовавшаго у казны золотой пріискъ. Объ этомъ знали всѣ въ Сибири. Но вотъ мы получили извѣстіе изъ Иркутска, что, въ силу полученного доноса, въ Читу ѿдѣть жандармскій генераль, для слѣдствія по дѣлу М. Л. Михайлова. Привезъ намъ это извѣстіе адъютантъ генераль-губернатора, князь Дадешка-лапи. Мы сейчасъ же собрались на совѣтъ, и меня откомандировали немедленно предупредить Михайлова и сказать ему, чтобы онъ сейчасъ же перебирался въ Кадаю, покуда жандармскаго генерала задержать въ Читѣ. Такъ какъ генераль выигрывалъ за зеленымъ полемъ въ домѣ Кукаля значительныя суммы денегъ, то онъ скоро рѣшилъ не мѣнять этого пріятнаго занятія на долгое путешествіе въ горный округъ; тѣмъ болѣе, что и холода тогда стояли жестокіе. Въ концѣ-концовъ, жандармскій генераль возвратился въ Иркутскъ, очень довольный своею выгодною командировкою.

Гроза, тѣмъ не менѣе, надвигалась все ближе и ближе. Она все смѣла предъ собою, вскорѣ послѣ того, какъ въ Польшѣ разразилась революція.

III.

Въ январѣ 1863 года Польша возстало противъ русскаго владычества. Образовались отряды повстанцевъ, и началась война, продолжавшаяся полтора года. Лондонскіе эмигранты умоляли польскіе революціонные комитеты отложить восстаніе, такъ какъ предвидѣли, что революція будетъ подавлена, и что она положить конецъ реформами въ Россіи. Но ничего нельзѧ уже было сдѣлать. Свирѣпыя казачьи расправы съ националистическими манифестаціямъ на улицахъ Варшавы, въ 1861 году; жестокія, безпричинныя казни, послѣдовавшія за тѣмъ, привели поляковъ въ отчаяніе. Англія и Франція обѣщали имъ поддержку, Жребій былъ брошенъ.

Никогда раньше польскому дѣлу такъ много не сочувствовали въ Россіи, какъ тогда. Я не говорю о революціонерахъ. Даже многіе умѣренные люди открыто высказы-

вались въ тѣ годы, что Россія выгоднѣе имѣть Польшу хорощимъ сосѣдомъ, чѣмъ враждебно настроенной подчиненной страной. Польша никогда не потеряетъ своего национального характера; она слишкомъ рѣзко вычеканѣна. Она имѣть и будеТЬ имѣть свое собственное искусство, свою литературу и свою промышленность. Держать ее въ рабствѣ Россія можетъ лишь при помощи грубой физической силы; а такое положеніе дѣлъ всегда благопріятствовало, и будетъ благопріятствовать, господству гнѣта въ самой Россіи. Это сознавали многіе, и когда я былъ еще въ корпусѣ, петербургское общество одобрительно привѣтствовало передовую статью, которую Иванъ Аксаковъ имѣть мужество напечатать въ своей газетѣ *День*. Онъ начинай съ предположенія, что русскія войска очистили Польшу, и указывалъ благія послѣдствія для самой Польши и для Россіи. Когда началась революція 1863 года, нѣсколько русскихъ офицеровъ отказались ити противъ поляковъ, а нѣкоторые даже открыто присоединились къ нимъ и умерли или на эшафотѣ, или на полѣ битвы. Деньги на восстание собирались по всей Россіи, а въ Сибири даже открыто. Въ университетахъ студенты снаряжали тѣхъ товарищѣ, которые отправлялись къ повстанцамъ.

Но вотъ среди общаго возбужденія распространилось извѣстіе, что въ ночь на 10 января повстанцы напали на солдатъ, квартировавшихъ по деревнямъ, и перерѣзали сонныхъ, хотя наканунѣ казалось, что отношенія между населеніемъ и войсками дружескія. Происшествіе было нѣсколько преувеличено; но, къ сожалѣнію, въ этомъ извѣстіи была и доля правды. Оно произвело, конечно, самое удручающее впечатлѣніе на общество. Снова между двумя народами, столь сродными по происхожденію, но столь различными по национальному характеру, воскресла старая вражда.

Постепенно дурное впечатлѣніе изгладилось до извѣстной степени. Доблестная борьба, всегда отличавшихся храбростью поляковъ, неослабная энергія, съ которой они сопротивлялись громадной арміи,—скоро вновь пробудили симпатію къ этому героическому народу. Но въ то же время стало извѣстно, что революціонный комитетъ требуетъ восстановленія Польши въ старыхъ границахъ, со включеніемъ Украины, православное населеніе которой ненавидитъ пановъ и не разъ въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ начинало восстаніе противъ нихъ кровавой рѣзней.

Кромъ того, Наполеонъ III и Англія стали угрожать Россії новой войной, и эта пустая угроза принесла полякамъ болѣе вреда, чѣмъ всѣ остальные причины, взятые вмѣстѣ. Наконецъ, радикальная часть русскаго общества съ сожалѣніемъ убѣдилась, что въ Польшѣ берутъ верхъ чисто націоналистическая стремленія. Революціонное правительство менѣе всего думало о надѣленіи крѣпостныхъ землей—и этой ошибкой русское правительство не преминуло воспользоваться, чтобы выступить въ роли защитника хлоповъ противъ польскихъ пановъ.

Когда въ Польшѣ началась революція, всѣ въ Россіи думали, что она примѣтъ демократической, республиканской характеръ, и что Народовый Жандъ освободить на широкихъ демократическихъ началахъ крестьянъ, сражающихся за независимость родины.

Освобожденіе крестьянъ въ Россіи представляло весьма удобный случай для подобного дѣйствія. Личныя обязательства крестьянъ къ помѣщикамъ кончались 19 февраля 1863 года. Затѣмъ слѣдовало выполнить очень долгую процедуру установленія добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крѣпостными относительно величины и мѣстонахожденія надѣла. Размѣръ ежегодныхъ платежей за надѣлы (опѣненные очень высоко) были утверждены правительствомъ по столько-то съ десятины. Но крестьянамъ приходилось еще платить дополнительныя суммы за усадебныя земли, при чемъ правительство опредѣлило лишь высшую норму; помѣщикамъ же предоставлялось или отказаться отъ дополнительныхъ платежей или удовольствоваться частью. Что же касается выкупа надѣловъ, при которомъ правительство платило помѣщикамъ полностью выкупными свидѣтельствами, а крестьяне обязаны были погашать долгъ въ теченіе сорока девяти лѣтъ, взносами по шести процентовъ въ годъ,—то эти платежи не только были чрезмѣрно велики и разорительны для крестьянъ, но не былъ определенъ также срокъ для выкупа. Оно предоставлялся волѣ помѣщика, и во многихъ случаяхъ выкупные сдѣлки не были заключены даже черезъ двадцать лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ.

Такое положеніе вещей предоставляло польскому революціонному правительству широкую возможность улучшить русскій законъ. Оно обязано было выполнить актъ справедливости по отношенію къ крестьянамъ (положеніе ихъ было такъ же плохо, а въ некоторыхъ случаяхъ даже

хуже, чѣмъ въ Россіи); оно могло выработать лучшіе и болѣе опредѣленные законы освобожденія крѣпостныхъ. Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Верхт одержала партія чисто националистическая и шляхетская, и великий вопросъ объ освобожденіи хлоповъ былъ отодвинутъ на задній планъ. Вслѣдствіе этого русскому правительству открылась возможность заручиться расположениемъ польскихъ крестьянъ противъ революціонеровъ.

Оно широко воспользовалось этой ошибкой. Александръ II послалъ Н. Милотина въ Польшу, съ полномочіемъ освободить крестьянъ, по тому плану, который послѣдній думалъ осуществить въ Россіи, не считаясь съ тѣмъ, разорить ли такое освобожденіе помѣщиковъ или нѣть.

— Поѣзжайте въ Польшу и тамъ примѣните противъ помѣщиковъ вашу красную программу — сказалъ Александръ II Милотину. И Милотинъ, вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ и многими другими, дѣйствительно сдѣлалъ все возможное, чтобы отнять землю у помѣщиковъ и дать крестьянамъ большие надѣлы.

Разъ я встрѣтился съ однимъ изъ тѣхъ чиновниковъ, которые дѣйствовали въ Польшѣ, вмѣстѣ съ Милотинымъ и княземъ Черкасскимъ.

— Мы имѣли полную возможность, — говорилъ онъ, — передать всю землю крестьянамъ. Обыкновенно я начиналъ съ того, что ссыпалъ крестьянскій сходъ. — «Скажите сперва, какою землею вы владѣете теперь». Мне указывали ее. «Вся ли это земля, которая когда-либо принадлежала вамъ?» спрашивалъ я. Нѣть, — отвѣчали они, бывало, какъ одинъ человѣкъ. — Въ былые годы вонъ тѣ луга принадлежали намъ; владѣли мы еще тѣмъ лѣсомъ и тѣми полями. Я представлялъ имъ высказать все, а затѣмъ говорилъ: «Ну, кто изъ васъ можетъ показать подъ присягой, что та земля была когда-то ваша?» Конечно, никто не выступалъ, потому что дѣло шло о давно прошедшемъ времени. Наконецъ, выталкивали впередъ какого-нибудь дряхлаго старика. Остальные говорили: «онъ знаетъ все; онъ можетъ присягнуть». Старикъ начиналъ безконечный разсказъ про то, что видаль въ молодости, или про то, что слыхалъ отъ отца; но я круто обрывалъ: «Покажи подъ присягой, что участокъ когда-то принадлежалъ гминѣ, и земля будетъ ваша». И какъ только старикъ присягалъ — а такой присягѣ можно слѣпо вѣрить, — я составлялъ бумаги и объявлялъ сходу: теперь у васъ нѣть никакихъ обязательствъ къ вашимъ

бывшимъ помѣщикамъ; вы простые сосѣди. Платите только, по столько-то въ годъ, въ казну. Усадьбы идуть вмѣстѣ съ землей. Платить за нихъ вамъ ничего не нужно».

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе все это произвело на крестьянъ. Мой двоюродный братъ, Петръ Николаевичъ Кропоткинъ, братъ того флигель-адъютанта, о которомъ я упоминалъ выше, былъ въ Польшѣ, или въ Литвѣ, съ гвардейскимъ уланскимъ полкомъ, въ которомъ служилъ. Революція имѣла такой серьезный характеръ, что противъ поляковъ двинули изъ Петербурга даже гвардію. Теперь известно, что когда Михаила Муравьевъ послыали въ Литву, и онъ пришелъ проститься съ императрицей Марией Александровной, она сказала ему: «Спасите хоть Литву!» Польша считалась уже утерянной.

— Вооруженные банды повстанцевъ держали весь край,— рассказывалъ мой двоюродный братъ. — Мы не могли не только разбить, но и найти ихъ. Банды нападали безпрестанно на наши небольшіе отряды; а такъ какъ повстанцы сражались превосходно, отлично знали мѣстность и находили поддержку въ населеніи, то они оставались побѣдителями въ такихъ случаяхъ. Поэтому мы вынуждены былиходить всегда большими колоннами. И вотъ мы ходили все время, по всему краю, взадъ и впередъ, среди лѣсовъ, а конца восстанію не предвидѣлось. Пока мы пересѣкали какую-нибудь мѣстность, мы не встрѣчали никакого слѣда повстанцевъ. Но какъ только мы возвращались, то узнавали, что банды опять появлялись въ тылу и собирали патріотическую подать. И если какой-нибудь крестьянинъ оказалъ услуги нашимъ войскамъ, мы находили его повѣщеннымъ повстанцами. Такъ дѣло тянулось нѣсколько мѣсяцевъ,— безъ всякой надежды на скорый конецъ, покуда не прибыли Милютинъ и Черкасскій. Какъ только они освободили крестьянъ и дали имъ землю,—все сразу измѣнилось. Крестьяне перешли на нашу сторону и стали помогать намъ ловить повстанцевъ. Революція кончилась».

Въ Сибири я часто бесѣдовалъ съ ссылыми поляками на эту тему, и нѣкоторые изъ нихъ понимали ошибку, которая была сдѣлана. Революція, съ самаго начала, должна явиться актомъ справедливости по отношенію къ «униженнымъ и оскорблѣннымъ», а не обѣщаніемъ поправки зла въ будущемъ; иначе она навѣрное не удастся. Къ несчастью, часто случается, что вожди бываютъ такъ поглощены вопросами политики и военной тактики, что забываютъ

самое главное. Между темъ, революционеры, которымъ не удастся убедить массу, что для нея начинается новая эра, готовятъ вѣрную гибель своему собственному дѣлу.

Бѣдственныя послѣдствія революціи для Польши—извѣстны и принадлежать уже исторіи. Никто еще доподлинно не знаетъ, сколько тысячъ человѣкъ погибло на полѣ битвы, сколько сотенъ повѣшено и сколько десятковъ тысячъ человѣкъ было сослано во внутреннія русскія губерніи и въ Сибирь. Но даже по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, обнародованнымъ недавно, въ одномъ лишь Литовскомъ краѣ, плачъ Муравьевъ,—которому правительство поставило памятникъ,—повѣсили собственной властью 128 поляковъ, и сослалъ въ Сибирь 9423 мужчинъ и женщины. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Сибирь было сослано 18,672 человѣка; изъ нихъ 10,407—въ Восточную Сибирь, и я помню, что генералъ-губернаторъ восточной Сибири упоминалъ мнѣ приблизительно ту же цифру: онъ говорилъ, что въ его край, въ каторжныя работы и на поселеніе прислано одиннадцать тысячъ человѣкъ. Я видѣлъ ихъ, видѣлъ и ихъ страданія на соляномъ промыслѣ Усть-Кутѣ. Въ общемъ, отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ человѣкъ, если не больше, были оторваны отъ Польши и сосланы въ Европейскую Россію, на Ураль, на Кавказъ или же въ Сибирь.

Для Россіи послѣдствія были одинаково бѣдственны. Польская революція положила конецъ всѣмъ реформамъ. Правда, въ 1864 и 1866 годахъ ввели земскую и судебную реформу, чо онѣ были готовы еще въ 1862 году. Кромѣ того, въ послѣдній моментъ Александръ II отдалъ предпочтеніе плану земской реформы, выработанному не Николаемъ Милютинымъ, а реакціонною партіею Валуева, по австро-нѣмецкимъ образцамъ. Затѣмъ, немедленно послѣ обнародованія обѣихъ реформъ, значеніе ихъ сократили, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже уничтожили при помощи многочисленныхъ «временныхъ правилъ».

Хуже всего было то, что само общественное мнѣніе сразу повернуло на путь реакціи. Героемъ дня сталъ Катковъ—парафрировавшій теперь, какъ русскій «патріотъ» и увлека-о-шій за собою значительную часть петербургскаго и мѣ-сковскаго общества. Онъ немедленно помѣщалъ въ разрядъ измѣнниковъ всѣхъ тѣхъ, кто еще дерзалъ говорить о реформахъ.

Волна реакціи скоро добралась и до нашей далекой окраины. Разъ, въ февраль или мартъ 1863 года, въ Читу прискакалъ нарочный изъ Иркутска и привезъ бумагу. Въ ней предписывалось генералу Кукелю немедленно оставить постъ губернатора Забайкальской области, вернуться въ Иркутскъ и тамъ дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій, «не принимая должности начальника штаба».

Почему такъ? Что все это означаетъ? Про это въ бумагѣ не было ни слова. Даже генераль-губернаторъ, личный другъ Кукеля, не рѣшился прибавить ни одного пояснительного слова къ таинственной бумагѣ. Значила ли она, что Кукеля повезутъ съ двумя жандармами въ Петербургъ и тамъ замуруютъ въ каменный гробъ, въ Петропавловскую крѣпость? Все было возможно. Позднѣе мы узнали, что такъ именно и предполагалось. Такъ бы и сдѣлали, если бы не энергичное заступничество графа Николая МуравьевАмурского, который лично умолялъ царя пощадить Кукеля.

Наше прощанье съ Б. К. Кукелемъ и его прелестной семьей было похоже на похороны. Сердце мое надрывалось. Въ Кукель-я не только терялъ дорогого, близкаго друга; но я сознавалъ также, что его отъездъ означаетъ похороны цѣлой эпохи,—богатой «иллюзіями», какъ стали говорить въ послѣдствіи,—эпохи, на которую возлагалось столько надеждъ.

Такъ оно и вышло. Прибылъ новый губернаторъ, добродушный, беззаботный человѣкъ. Видя, что терять время нельзя, я съ удвоенной энергией принялся за работу и закончилъ проектъ реформъ тюремнаго и городского самоуправлениія. Губернаторъ оспаривалъ мои доклады, дѣлалъ возраженія; а впрочемъ подписалъ проекты, и они были отправлены въ Петербургъ. Но тамъ больше уже не желали реформъ. Тамъ наши проекты и покоятся по сю пору, съ сотнями другихъ подобныхъ записокъ, поданныхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Въ столицахъ выстроили нѣсколько «образцовыхъ» тюремъ, еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ старыя, не образцовые,—чтобы было что показать знатнымъ иностранцамъ во время тюремныхъ конгрессовъ. Но въ 1886 году Кеннанъ нашелъ всю систему ссылки въ такомъ же видѣ, въ какомъ я ее оставилъ въ 1872 году. Лишь теперь, черезъ много лѣтъ, правительство вводить въ Сибири новые суды и пародію на самоуправлениѣ; лишь теперь назначены снова комиссіи для разслѣдованія системы ссылки *).

*) Писано въ 1897 году.

Когда Кеннанъ, возвращаясь изъ своего путешествія по Сибири, пріехалъ в Лондонъ, онъ на другой же день розыскалъ Степняка, Чайковскаго, меня и еще одного русскаго эмигранта, Вечеромъ мы собрались у Кеннана въ небольшой гостиницѣ близъ Чарингъ-Кросса. Видели мы Кеннана въ первый разъ, а предприимчивые англичане, которые до него брались изучить все, касающееся Сибири и ссылки, не давши себѣ даже труда научиться хоть немногого по-русски, приучили насъ къ недовѣрию. Поэтому мы подвергли путешественника строгому перекрестному допросу. К великолюму нашему изумленію, онъ не только отлично говорилъ по-русски, но зналъ все, что заслуживало вниманія, относительно Сибири. Мы четверо знали многихъ ссылочныхъ, находившихся въ Сибири, и осаждали Кеннана вопросами: «Гдѣ такой-то? Женатъ ли онъ? Счастливъ ли въ семейной жизни? Сохранился ли онъ?» Мы быстро убѣдились, что Кеннанъ былъ знакомъ со всѣми.

Когда этотъ допросъ кончился, я спросилъ: «А не знаете ли вы, г-нъ Кеннанъ, построена пожарная каланча въ Чите?» Степнякъ взглянулъ на меня, какъ будто упрекая за излишнюю пытливость. Но Кеннанъ расхохотался, и я тоже. Смѣясь, мы перекидывались вопросами:

- Какъ? вы знаете объ этомъ?
- И вы тоже?
- Выстроили, наконецъ?
- Да, по двойной сметѣ!

И такъ далее. Наконецъ, вмѣшался Степнякъ и наиболѣе суровымъ тономъ, на какой лишь былъ способенъ при своемъ добродушіи, заявилъ:

- Скажите же намъ, наконецъ, чѣму вы смеетесь?

Тогда Кеннанъ рассказалъ исторію читинской каланчи, которую, вѣроятно, помнятъ читатели его книги. Въ 1859 году читинцы пожелали выстроить каланчу и собрали деньги для этого; но смету пришлось послать въ Петербургъ. Она пошла къ министру внутреннихъ дѣлъ; но когда утвержденная смета вернулась черезъ два года въ Читу, то оказалось, что цѣны на лѣсъ и на труда значительно поднялись въ молодомъ разраставшемся городѣ. Это было въ 1862 году, когда я жилъ въ Чите. Составили новую смету и отправили въ Петербургъ. История повторилась нѣсколько разъ и тянулась целыхъ двадцать-пять лѣтъ, покуда, наконецъ, читинцы потеряли терпѣніе и выставили въ сметѣ по-

чи двойныя цѣны. Тогда, фантастическую смѣту торжественно утвердили въ Петербургъ. Такимъ-то образомъ Чита получила каланчу.

За послѣдніе годы намъ часто приходилось слышать, что Александръ II совершилъ большую ошибку, вызвавъ такъ много ожиданій, которыхъ потомъ не могъ удовлетворить. Такимъ образомъ, говорятъ, онъ уготовилъ свою собственную гибель. Изъ всего того, что я сказалъ,—а исторія маленькой Читы была исторіей всей Россіи,—видно, что Александръ II сдѣлалъ нѣчто худшее. Онъ не только пробудилъ надежды. Уступивъ на время теченію, онъ побудилъ по всей Россіи людей засѣсть за построительную работу; онъ побудилъ ихъ выйти изъ области надеждъ и призраковъ и даль имъ возможность, такъ сказать, осознать, почти осуществить назрѣвшія реформы. Онъ заставилъ ихъ узнать, что можно сдѣлать немедленно, и какъ легко это сдѣлать. Александръ II убѣдилъ этихъ людей пожертвовать частью ихъ идеаловъ, которыхъ нельзя было немедленно осуществить, и требовать только практическаго возможнаго въ данное время. И когда они отлили свои идеалы въ форму готовыхъ законовъ, требовавшихъ лишь подписи императора, чтобы стать дѣйствительностью, онъ отказался подписать. Ни одинъ рѣакціонеръ не высказывалъ и не смѣлъ высказать, что дореформенные суды, отсутствие городского самоуправления и старая система ссылки были хороши и достойны сохраненія. Никто не дерзalъ утверждать этого. И тѣмъ не менѣе, изъ страха сдѣлать что-нибудь, все оставили, какъ оно было. Тридцать-пять лѣтъ всили въ разрядъ «подозрительныхъ» всѣхъ тѣхъ, кто дерзalъ замѣтить, что нужны перемѣны. Изъ одного страха передъ страшнымъ словомъ «реформы», учрежденія, осужденныя всѣми, признанныя всѣми за гнилые пережитки старого, были оставлены въ нетронутомъ видѣ.

IV.

Я видѣлъ, что въ Читѣ мнѣ дѣлать больше нечего, такъ какъ съ реформами тутъ покончено, и весною того же 1863 года охотно принялъ предложеніе поѣхать со сплавомъ на Амуръ.

Всесе необыкновенное лѣвое побережье Амура и берегъ Тихаго океана, вплоть до залива Петра Великаго, были присоединены графомъ Муравьевымъ почти противъ ли петер-

бургскихъ властей — во всякомъ случаѣ, безъ какой-либо значительной помощи съ ихъ стороны. Когда Муравьевъ задумалъ смѣлый падѣтъ овладѣть великой рѣкой, которой южное положеніе и плодоносные берега въ теченіе двухъ столѣтій манили сибиряковъ; когда онъ рѣшилъ, прежде чѣмъ Японія откроется для Европы, занять для Россіи прочное положеніе на берегу Тихаго Океана и вступить, такимъ образомъ, въ сношенія съ Соединенными Штатами,—противъ генераль-губернатора ополчились почти всѣ въ Петербургѣ. У военнаго министра не было лишнихъ солдатъ, у министра финансовъ—свободныхъ денегъ. Въ особенности противилось министерство иностранныхъ дѣлъ, всегда старающееся избѣгать «дипломатическихъ осложненій». Муравьеву, поэтому, оставалось дѣйствовать на собственный страхъ и разсчитывать, при выполненіи грандиознаго предпріятія, лишь па тѣ скучныя средства, которыя могла доставить слабо населенная восточная Сибирь. Кромѣ того, приходилось дѣйствовать, какъ можно скорѣе, чтобы возможному протесту западно-европейскихъ дипломатовъ противопоставить «свершившійся фактъ».

Номинальная лишь оккупациѣ не имѣла бы никакого значенія, и вотъ явилась мысль выстроить по Амуру и по Усурі, на протяженіи 3500 слишкомъ верстъ, цѣль станицъ, и, такимъ образомъ, установить правильное сообщеніе между Сибирью и берегами Великаго океана. Для станицъ нужны были засельщики, которыхъ восточная Сибирь не могла дать. Тогда Муравьевъ прибѣгъ къ необычайнымъ мѣрамъ. Ссыльно-каторжнымъ, отбывшимъ срокъ въ каторжныхъ работахъ и приписаннымъ къ кабинетскимъ промысламъ, возвратили гражданскія права и обратили въ Забайкальское казачье войско. Затѣмъ, часть ихъ поселили по Амуру и по Усурі. Возникли, такимъ образомъ, еще два новыхъ казачьихъ войска.

Затѣмъ Муравьевъ добился полнаго освобожденія тысячи каторжниковъ (большею частью, убийцъ и разбойниковъ), которыхъ рѣшилъ устроить, какъ вольныхъ переселенцевъ, по низовымъ Амура. Отправляя ихъ съ Кары на новыя мѣста, Муравьевъ, передъ тѣмъ, какъ они сѣли на плоты, чтобы плыть внизъ по Шилкѣ и Амуру, произнесъ имъ рѣчь: «Съ Богомъ, дѣтушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сдѣлайте ее русскимъ краемъ, начните новую жизнь», и такъ далѣе. Русскія крестьянки почти всегда добровольно слѣдуютъ въ Сибирь за сосланнымъ.

мужьями. Такимъ образомъ, поселенцы имѣли свои семьи. Но были и холостые, которые замѣтили Муравьеву: «Мужикъ безъ бабы—ничего; жениться намъ нужно». Генераль-губернаторъ сейчасъ же согласился, велѣлъ освободить каторжанокъ, и предложилъ имъ выбрать мужей. Времени терять было нельзя. Полая вода быстро спадала въ Шилкѣ; плотамъ слѣдовало сниматься. Тогда Муравьевъ велѣлъ поселенцамъ стать на берегу парами, благословилъ ихъ и сказалъ: «Вѣнчаю васъ, дѣтушки. Будьте ласковы другъ съ другомъ; мужья, не обижайте женъ и живите счастливо».

Я видѣлъ этихъ новоселовъ лѣтъ шесть спустя послѣ описанной сцены. Деревни были бѣдны; поля пришлось отвоевать у тайги; но въ общемъ мысль Муравьевы осуществилась, а браки, заключенные имъ, были не менѣе счастливы, чѣмъ браки вообще. Добрый, умный епископъ Амурскій, Инокентій, призналъ впослѣдствіи эти браки и дѣтей, рожденныхъ въ нихъ, законными и приказалъ такъ и отмѣтить въ церковныхъ книгахъ.

Менѣе счастливъ былъ Муравьевъ съ другимъ разрядомъ переселенцевъ. Нуждаясь въ людяхъ для заселенія восточной Сибири, онъ принялъ, какъ колонистовъ, двѣ тысячи солдатъ изъ штрафныхъ баталіоновъ. Ихъ распредѣлили, какъ приемныхъ сыновей, въ казачьи семьи, или же устроили артельными холостыми хозяйствами въ деревняхъ восточной Сибири. Но десять или двадцать лѣтъ казарменной жизни, подъ ужасной николаевской дисциплиной, очевидно не могли быть подготовительной школой для землемѣльческаго труда. «Сынки» убѣгали отъ «отцовъ», присоединялись къ бездомному, бродячему городскому населенію, перебивались случайной работой, пропивали весь заработокъ, а затѣмъ, беззаботные, какъ птицы, дожидались, покуда набѣжитъ новая работа.

Пестрыя толпы забайкальскихъ казаковъ, освобожденныхъ каторжниковъ и «сынковъ», поселенныхъ накорто и кое-какъ по берегу Амура, конечно, не могли благоденствовать,—въ особенности, по низовьямъ рѣки и по Усuri, гдѣ каждый квадратный аршинъ приходилось расчищать изъ-подъ дѣственного субъ-тропического лѣса; гдѣ проливные дожди, приносимые муссонами въ іюль, затопляли громадныя пространства; гдѣ миллионы перелетныхъ птицъ часто выклевывали хлѣба. Всѣ эти условія привели населеніе низовьевъ въ отчаяніе, а затѣмъ породили апатію.

Такимъ образомъ, ежегодно приходилось отправлять щѣлые караваны баржъ съ солью, мукой, солониной и тѣмъ далѣе, для продовольствія каць войскъ, такъ и переселенцевъ въ низовьяхъ Амура. Въ Читѣ для этого строили ежегодно около ста пятидесяти баржъ, которыя и сплавлялись весной, въ половодье, по Ингодѣ, Шилкѣ и Амурѣ. Вся флотилія, дѣлилась на отряды въ двадцать, тридцать судовъ, которыми завѣдывали казачьи офицеры и чиновники. Большинство изъ нихъ не очень много понимали въ навигаціонномъ дѣлѣ; но на нихъ можно было хоть положиться, что они не раскрадутъ провизію и не покажутъ ее потомъ затонувшей. Я былъ прикомандированъ помощникомъ къ начальнику всего сплава этого года, майору Малиновскому.

Мой первый опытъ въ новой роли сплавщика былъ совсѣмъ неудаченъ. Мне надлежало послѣдить, на сколько возможно, изъ Срѣтенска, съ нѣсколькими баржами, къ известному пункту на верхнемъ Амурѣ и тамъ сдать ихъ. Съ этой целью приходилось взять команду изъ «сыниковъ», о которыхъ я говорилъ выше. Никто изъ нихъ ничего не понималъ въ рѣчномъ плаваніи. Немногимъ больше понималъ и я. Въ день отправки пришлось собирать мою команду по кабакамъ. Въ пять часовъ утра, когда слѣдовало сняться, нѣкоторые были такъ пьяны, что ихъ приходилось выкупать предварительно въ рѣкѣ, чтобы хоть нѣсколько вытрезвить. Когда мы тронулись, мнѣ пришлось ихъ учить всему. Тѣмъ не менѣе, днемъ дѣло шло недурно. Баржи, сносимыя быстрымъ теченіемъ, плыли по серединѣ рѣки. Хотя моя команда и отличалась неопытностью, но ей не было никакого расчета посадить суда на берегъ: для этого потребовалось бы специальное усиленіе. Но когда стемнѣло и наступила пора причалить наши неуклюжія, тяжело нагруженныя баржи къ берегу на ночь, то оказалось, что одна ушла далеко впередъ отъ той, на которой я былъ; остановилась она лишь тогда, когда крѣпко наткнулась на камень у подножья страшно высокаго, кругого утеса. Здѣсь баржа застыла основательно. Уровень рѣки, поднятый ливнями, быстро падаль. Мои десять «сыниковъ», находившіеся на этой баржѣ, конечно, не могли снять ее. Я поплылъ въ лодкѣ въ ближайшую станицу, чтобы позвать на помощь казаковъ и въ то же время отправилъ гонца къ пріятелю, казачьему офицеру, жившему въ Срѣтенскѣ, старому опытному сплавщику.

Наступило утро. На помощь явилось около сотни казаковъ и казачекъ; но подъ утесомъ было такъ-глубоко, что невозможно было установить сообщеніе съ берегомъ съ цѣлью разгрузить баржу. Когда же мы попробовали сдвинуть ее съ камня, въ днѣ образовалась пробоина, черезъ которую хлынула вода, размывая нашъ грузъ: муку и соль. Къ великому ужасу моему, я видѣлъ множество рыбокъ, попавшихъ черезъ пробоину и теперь плававшихъ въ баржѣ. Я безпомощно стоялъ, не зная, что дѣлать. Есть очень простое средство въ подобныхъ случаяхъ: нужно заткнуть пробоину кулемъ муки, который быстро всосется въ отверстіе. Образовавшаяся кора тѣста не дастъ водѣ проникнуть черезъ муку; но никто изъ насъ этого не зналъ.

Къ счастью для меня, мы черезъ нѣсколько минутъ усмотрѣли вверхъ по рѣкѣ баржу, плывшую къ намъ. Врядъ ли обрадовалась такъ, доведенная до отчаянья Эльза, при видѣ плывущаго къ ней на лебедь Лоэнгринга, какъ возликовали мы, завидѣвъ неуклюжую баржу. Легкій голубой туманъ, висѣвшій въ этотъ ранній часъ надъ красавицей Шилкой, придавалъ еще большую поэзію нашему видѣнію. То былъ мой пріятель, казачій офицеръ, понявший изъ моей записки, что никакими человѣческими силами не сдвинуть баржу: что она погибла. Онъ приплылъ, поэтому, на пустой баржѣ, чтобы спасти грузъ.

Пробоину заткнули; воду вычерпали, грузъ перенесли на новое судно, и на слѣдующее утро я могъ продолжать плаванье. Этотъ маленький опытъ былъ мнѣ очень полезенъ, и вскорѣ я достигъ назначенія безъ дальнѣйшихъ приключеній, о которыхъ стоило бы упомянуть. Мы всегда находили по вечерамъ небольшую полосу крутого, но сравнительно невысокаго берега, чтобы причалить. Скоро затѣмъ, на берегу быстрой и чистой рѣки пылали наши костры. А фономъ бивуака былъ великолѣпный горный пейзажъ. Трудно представить себѣ болѣе пріятное плаванье, чѣмъ днемъ, на баржѣ, сносимой по волнѣ теченія. Нѣть ни шума, ни грохота, какъ на пароходѣ. Порой приходится лишь раза два повернуть громадное кормовое весло, чтобы держать баржу среди рѣки. Любителю природы не сыскать лучшихъ видовъ, чѣмъ по нижнему теченію Шилки и на верхнемъ Амурѣ, гдѣ широкая и быстрая, прозрачная рѣка течетъ между поросшихъ лѣсами горъ, спускающихся къ водѣ высокими, крутыми скалами, тысячи въ двѣ футовъ въ вышину. Но эти самыя скалы дѣлаютъ сообщеніе берегомъ

крайне затруднительнымъ. Проѣхать можно только верхомъ, горной тропой. Это я испыталъ на личномъ опыте, осенью того же года. Въ восточной Сибири зовутъ послѣдніе семь перегоновъ по Шилкѣ (около 180 верстъ) «Семью смертными грѣхами». Эта часть Сибирской желѣзной дороги, если когда-нибудь ее проложатъ здѣсь, обойдется въ страшно большія деньги,—гораздо дороже, чѣмъ участокъ канадской желѣзной дороги, проходящій въ Скалистыхъ горахъ, въ ущельѣ рѣки Фразеръ¹⁾.

Сдавъ мои баржи, я сдѣлалъ около 1500 верстъ внизъ по Амуру въ почтовой лодкѣ. Середина ея покрыта павѣсомъ, какъ кибитка, а на носу стоитъ ящикъ, набитый землей, на которой разводятъ огонь. Гребцовъ у меня было трое. Намъ приходилось торопиться, и мы гребли поочередно весь день, а ночью предоставляли лодкѣ плыть по течению, держа ее по срединѣ рѣки. Я сидѣлъ тогда на кормѣ, часа четыре, чтобы удерживать лодку въ фарватерѣ и не угодить въ протоку, и эти ночные дежурства были полны невыразимой прелести. На небѣ сиялъ полный мѣсяцъ, а черныя горы отражались въ заснувшей прозрачной рѣкѣ.

Гребцы мои были изъ «сыновъ», прогнанныхъ сквозь строй, а теперь бродяжившихъ изъ города въ городъ и не всегда признававшихъ права собственности. А между тѣмъ я имѣлъ на себѣ тяжелую сумку, съ порядочнымъ количествомъ серебра, бумажекъ и мѣди. Въ западной Европѣ такое путешествіе по пустынной рѣкѣ считалось бы опаснымъ, но не въ восточной Сибири. Я сдѣлалъ его пре-благополучно, не имѣя при себѣ даже старого пистолета. Вообще мои «сынки» оказались очень хорошими людьми; только подъѣзжая къ Благовѣщенску, они затосковали.

— Ханшина (китайская водка) ужъ очень дешева тутъ,—скорбѣли они.—Водка крѣпкая; какъ выпьешь, сразу съ ногъ сшибеть съ непривычки!—Я предложилъ имъ оставить слѣдуемыя имъ деньги у одного пріятеля, съ тѣмъ, чтобы онъ выдалъ плату моимъ «сынкамъ», когда усадить ихъ на обратный пароходъ. «Не поможетъ,—мрачно повторяли они,—ужъ кто-нибудь да поднесетъ чашку. Дешева подлая. А какъ выпьешь, такъ и сшибаетъ съ ногъ».

Сынки огорчались не даромъ. Когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, я возвращался обратно черезъ Благовѣщенскъ,

и

¹⁾ Его, конечно обошли. Дорога проведена къ сѣверу отъ долины Шилки, по сравнительно ровной мѣстности (Прим. 1917 года).

то узналъ, что одинъ изъ «моихъ сыновъ», какъ народъ звалъ ихъ въ городѣ, дѣйствительно, попалъ въ бѣду. Пропивъ послѣдніе сапоги, онъ укралъ что-то и попалъ въ тюрьму. Мой пріятель, въ концѣ-концовъ, добился его освобожденія и усадилъ на обратный пароходъ.

Лишь тѣ, кто видѣлъ Амуръ или знаетъ Миссисипи и Янсекіангъ, могутъ себѣ представить, какой громадной рѣкой становится Амуръ послѣ слиянія съ Сунгари, и какія громадныя волны ходятъ по рѣкѣ въ непогоду. Въ юлѣ, во время проливныхъ дождей, обусловленныхъ муссонами, вода въ Сунгари, Усuri и въ Амурѣ страшно поднимается. Полая вода заливаетъ или же смываетъ тысячи острововъ, просшихъ тальникомъ. Рѣка достигаетъ трехъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже семи верстъ ширины и заливается въ озера, который тянутся пѣплю по сторонамъ главнаго русла. Свѣжий восточный вѣтеръ разводить на рѣкѣ и въ протокахъ невѣроятное волнение. Еще хуже, когда съ Китайскаго моря налетить тайфунъ.

Мы испытали это, верстахъ въ четырехстахъ ниже Хабаровки. Начальника сплава, Малиновскаго, я догналъ въ Благовѣщенскѣ. Теперь мы шли съ нимъ по нижнему Амуру въ большой крытой лодкѣ, которую онъ оснастилъ парусами такъ, что она могла ити въ бейдевиндъ, и когда начался штурмъ, намъ удалось добраться до завѣтерья и укрыться въ протокѣ. Здѣсь мыостояли двое сутокъ, покуда ревѣла буря. Ярость ея была такъ велика, что когда я отважился выйти въ тайгу, за нѣсколько сотъ шаговъ, то вынужденъ былъ возвратиться, такъ какъ вѣтеръ валилъ кругомъ меня деревья. Мы начали сильно беспокоиться объ участіи нашихъ баржъ. Было очевидно, что если онѣ отчалили утромъ, то никакъ не могли укрыться отъ вѣтра. Ихъ должно было пригнать къ тому берегу, гдѣ ярость бури и волнъ особенно свирѣпствовала,—гдѣ громадныя волны должны были бить ихъ обѣ крутой берегъ. Въ такомъ случаѣ гибель баржъ была неминуема. Такихъ ударовъ онѣ не могли бы выдержать. Мы почти были увѣрены, что весь сплавъ разбитъ.

Мы тронулись въ путь, какъ только ослабѣла ярость бури. По расчетамъ мы скоро должны были обогнать два отряда баржъ; но прошелъ день и два, а каравановъ не было и слѣда. Гдѣ-то, у одного крутого берега, виднѣлись какія-то бревна; но ни складовъ, ни людей не было видно. Мали-

новскій потерялъ сонъ и аппетитъ и выглядывалъ такъ какъ будто только что перенесъ тяжелую болѣзнь. Съ утра до вечера онъ сидѣлъ неподвижно на палубѣ и шепталъ: «Все пропало, все пропало!» Въ этой части Амура поселеніе рѣдки, и никто не могъ дать намъ никакихъ свѣдѣній. Началась новая буря. Вечеромъ, когда мы добрались, наконецъ, до одной деревни, намъ сказали, что баржи не проходили, но что наканунѣ много обломковъ плыло по рѣкѣ. Не подлежало сомнѣнію, что погибло, самое менѣшее, сорокъ баржъ съ грузомъ въ 120 тысячъ пудовъ. Это означало неизбѣжный голодъ въ низовьяхъ Амура въ слѣдующую весну, если запасы не подоспѣютъ во-время, потому что близилась осень, навигація скоро должна была прекратиться, а телеграфа вдоль рѣки тогда еще не существовало.

Мы устроили совѣтъ и рѣшили, что Малиновскій поплынетъ возможно скорѣе къ устью Амура въ Николаевскъ. Быть-можетъ, до прекращенія навигаціи удастся закупить хлѣбъ въ Японіи. Я же долженъ былъ поспѣшить вверхъ по рѣкѣ, чтобы опредѣлить потери, и затѣмъ торопиться въ Читу, какъ пріайдется: въ лодкѣ, верхомъ, или на пароходѣ, если таковой попадется. Чѣмъ раньше удастся предупредить читинскихъ властей и выслать внизъ провіантъ, тѣмъ лучше. Быть-можетъ, запасы достигнутъ осенью въ ховьевъ Амура, откуда ихъ удастся сплавить въ низовья по первой водѣ. Съ голодомъ легче будетъ бороться, если запасы прибудутъ хотя бы на нѣсколько недѣль, или даже на нѣсколько дней раньше.

Мое обратное путешествіе въ три тысячи верстъ я началъ въ маленькой лодкѣ, мѣня гребцовъ въ каждой деревнѣ, то-есть приблизительно черезъ каждыя тридцать верстъ.

Я очень медленно подвигался впередъ; по пароходѣ съ низовьевъ могъ прійти не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли, а за это время я могъ быть уже на мѣстѣ крушенія и определить, спасена ли какая-нибудь часть груза. Затѣмъ, въ устьѣ Усури, въ Хабаровкѣ, я могъ бы сѣсть на пароходъ. Лодки были жалкія, начались опять бури. Мы держались, конечно, близко къ берегу; но приходилось перерѣзывать нѣсколько довольно широкихъ протокъ Амура. Въ этихъ мѣстахъ гонимые вѣтромъ волны грозили залить нашу утлую посудину. Разъ намъ пришлось пересѣчь устье протоки, почти въ версту шириной. Короткія волны поднимались высокими буграми. Два крестьянина, сидѣвшіе на

веслахъ, блѣдные какъ полотно, съ ужасомъ смотрѣли на гребни расходившихся волнъ; ихъ посинѣвшія губы шептали молитву. Но державшій корму пятнадцатилѣтній мальчикъ не потерялся. Онъ скользилъ между волнъ, когда онъ опускались; когда же онъ грозно поднимались впереди насъ, онъ легкимъ движеніемъ весла направлялъ лодку, носомъ черезъ гребни. Лодку постоянно заливало, и я отливалъ воду старымъ ковшомъ, при чемъ убѣждался, что она набирается скорѣе, чѣмъ я успѣваю вычерпывать. Одно время въ лодку хлестнули два такихъ большихъ вала, что по знаку дрожащаго гребца я отстѣгнулъ тяжелую сумку съ серебряными и мѣдными деньгами, висѣвшую у меня черезъ плечо... Такія переправы бывали у насъ нѣсколько дней подъ рядъ. Я, конечно, не понуждалъ гребцовъ; но они знали, почему я тороплюсь, и сами рѣшили въ извѣстную минуту, что можно попытаться. «Семи смертей не бывать, а одной не миновать», говорили тогда гребцы, крестились и брались за весла. Черезъ нѣсколько дней я добрался, наконецъ, до того мѣста, где произошло главное крушеніе нашего сплава. Буря разбила сорокъ четыре баржи. Разгрузить ихъ во время бури было невозможно, такъ что спасли лишь очень небольшую часть провіанта. Около ста тысячъ пудовъ муки погибла въ Амурѣ. Съ этой грустной вѣстью тронулся я дальше въ путь.

Черезъ нѣсколько дней меня нагналъ пароходъ, медленно ползшій вверхъ по теченію, и мы причалили къ нему. Отъ пассажировъ я узналъ, что капитанъ допился до чертиковъ и прыгнулъ черезъ бортъ; его спасли, однако, и теперь онъ лежалъ въ болѣй горячкѣ въ каютѣ. Меня прошли принять командованіе пароходомъ, и я согласился. Но скоро, къ великому моему изумленію, я убѣдился, что все идетъ такъ прекрасно само собою, что мнѣ дѣлать почти нечего, хотя я и прохаживался торжественно весь день по капитанскому мостику. Если не считать нѣсколько дѣйствительно отвѣтственныхъ минутъ, когда приходилось приставать къ берегу за дровами, да порой два-три ободрительныхъ слова кочегарамъ, чтобы убѣдить ихъ тронуться съ разсвѣтомъ, какъ только выясняются очертанія береговъ, — дѣло шло само собою. Лоцманъ, разбиравшій карту, отлично справился бы за капитана. Все обошлось, какъ нельзя лучше, и въ Хабаровкѣ я сдалъ пароходъ Амурской компаніи и пересѣль на другой пароходъ.

То пароходомъ, то верхомъ я добрался, наконецъ, до Забайкалья. Меня мучила все время мысль о голодѣ, который можетъ начаться весной въ низовьяхъ Амура, а потому, замѣтивъ, что нашъ пароходъ шелъ очень тихо вверхъ по верхнему Амуру, я сошелъ и поѣхалъ, сопутствуемый казакомъ, верхомъ, горной тропой, по берегу Аргуни. Эти триста верстъ—Газимурского хребта—представляютъ одно изъ самыхъ дикихъ мѣсть въ Сибири. Я ѿхалъ весь день, только въ полночь останавливался, гдѣ попадало въ лѣсу, чтобы отдохнуть до разсвѣта. Я могъ выгадать такимъ образомъ всего десять или двѣнадцать часовъ, но и они имѣли значеніе, такъ какъ съ каждымъ днемъ приближалось прекращеніе навигаціи. Ночью на рѣкѣ появлялась уже шуга. Наконецъ, я встрѣтилъ на Карѣ забайкальскаго губернатора и моего пріятеля, полковника Педашенко, который сейчасъ же позаботился о немедленной отправкѣ новаго транспорта. Я же поспѣшилъ съ докладомъ въ Иркутскъ.

Тамъ всѣ удивлялись, какъ это я могъ проѣхать такъ скоро такой длинный путь; но я совсѣмъ выбился изъ силъ и спалъ въ теченіе недѣли такъ много, что теперь стыдно даже сказать.

— Вы хорошо отдохнули? — спросилъ меня генераль-губернаторъ дней черезъ восемь или десять послѣ моего прїзыва. — Можете ли вы выѣхать завтра курьеромъ въ Петербургъ, чтобы лично доложить о гибели баржъ?

Ѣхать курьеромъ въ Петербургъ значило отмахать въ двадцать дней — не больше — въ осеннее бездорожье, 4800 верстъ до Нижняго-Новгорода, откуда я могъ уже Ѣхать до Петербурга по машинѣ; это значило мчаться день и ночь на перекладныхъ, въ кибиткѣ, потому что никакой рессорный экипажъ не выдержалъ бы такой длинной додоги по мерзлымъ выбоинамъ. Но повидать брата было слишкомъ большими соблазномъ, чтобы устоять, и я тронулся въ путь въ слѣдующую же ночь. Въ Барабѣ и на Уралѣ путешествіе превратилось въ настоящую пытку. Бывали дни, когда колеса кибитокъ ломались на каждой станціи. Рѣки только что начинали замерзать. Черезъ Обь и Иртышъ я переправлялся, когда уже густо шелъ ледь, который, казалось, вотъ-вотъ затретъ нашу лодку. Но когда я добрался до Теми, которая стала всего наканунѣ, крестьяне наотрѣзъ отказались переправить меня. Послѣ долгихъ переговоровъ они стали требовать съ меня «расписку».

— Какую вамъ расписку?—спросилъ я.

— А вотъ напишите намъ бумагу: «Я, моль, нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что утонулъ по волѣ Божьей, а не по винѣ крестьянской», и дайте намъ эту расписку.

— Отлично—на другомъ берегу!

Всѣ повеселѣли и рѣшили, что шествіе будетъ открывать молодой парень (его я выбралъ за смѣлый и смыслѣнnyй взглядъ), пробуя прочность льда пешней. Вторымъ пойду я, съ сумкой съ бумагами черезъ плечо, и насы обоихъ будутъ держать на длинныхъ вожжахъ, идущіе въ нѣкоторомъ отдаленіи крестьяне. Одинъ изъ нихъ понесет охапку соломы, чтобы бросить на ледъ, если онъ окажется не крѣпкимъ.

Такъ и сдѣлали, и только въ одномъ мѣстѣ пришлось подстилать солому, для вящей безопасности.

Наконецъ, я добрался до Москвы, гдѣ братъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ, и мы тотчасъ же вмѣстѣ поѣхали въ Петербургъ.

Молодость великое дѣло. Послѣ этого ужаснаго путеше-ствія, продолжавшагося безпрерывно двадцать четыре дня и ночи, я прибылъ рано утромъ въ Петербургъ, сдалъ въ тотъ же день бумаги и не преминулъ навѣстить одну изъ тетокъ, или, точнѣе, кузинъ. Она сіяла. «Сегодня у насъ танцуютъ. Придешь ли ты?» спросила она. «Конечно», былъ мой отвѣтъ. И не только пришелъ; но танцевалъ еще до ранняго утра.

Побывавши въ Петербургѣ у властей, я понялъ, почему именно меня послали съ докладомъ. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить крушенію баржъ. «Вы сами были на мѣстѣ? Видѣли ли вы обломки вашими собственными глазами?»— «Увѣрены ли вы вполнѣ въ томъ, что они не украли простѣ грузъ и не показали вамъ для отвода глазъ обломки не сколькихъ баржъ?» Вотъ на какіе вопросы я долженъ былъ все время отвѣтить.

Высшіе сановники, завѣдывавшие въ Петербургѣ сибирскими дѣлами, были восхитительны въ своемъ полномъ невѣдѣніи края. «Mais, mon cher,—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, Бутковъ (онъ всегда говорилъ со мной, мѣшаю русской съ французскимъ),—возможно ли, чтобы, напримѣръ, на Невѣ погибли сорокъ баржъ, и чтобы никто не поспѣшилъ спасать ихъ?»

— Нева!—воскликнул я,—представьте себѣ три, четыре Невы рядомъ, и вы получите Амуръ въ низовьяхъ.

— Неужели онъ такъ широкъ?—Черезъ двѣ минуты мой штатскій генераль, на отмѣнномъ французскомъ языкѣ болталъ о разныхъ разностяхъ. «Когда вы въ послѣдній разъ видѣли художника Шварца? Не правда ли, его «Иванъ Грозный»—удивительная картина? Знаете ли вы, почему они хотѣли арестовать Кукеля?» И онъ сообщилъ мнѣ о перехваченномъ письмѣ, въ которомъ Кукеля просили оказать содѣйствіе польскому восстанію. «А знаете, что Чернышевскій арестованъ? Онъ теперь сидитъ въ крѣпости».

— За что? Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ я.

— Ничего особеннаго! Но знаете, mon cher, государственные соображенія!... Такой талантливый человѣкъ, удивительно талантливый! Притомъ, такое вліяніе на молодежь. Вы понимаете, конечно, правительство не можетъ терпѣть этого. Рѣшительно не можетъ! Intolérable, mon cher, dans un Etat bien ordonn !

Графъ Н. П. Игнатьевъ не задавалъ много вопросовъ: онъ очень хорошо зналъ Амуръ и зналъ также Петербургъ. Среди шутокъ и остротъ по поводу Сибири, которая сыпалась у него съ удивительной быстротой, Игнатьевъ замѣтилъ: «Какъ это хорошо вышло, что вы были на мѣстѣ и видѣли крушеніе. Они устроили это очень ловко, пославши васъ. Умно сдѣлано. Сперва никто не хотѣлъ вѣрить крушенію баржъ; думали, что новое мошенничество. Но вы хорошо извѣстны здѣсь, какъ пажъ, и недолго проѣхали въ Сибири, такъ что не стали бы выгораживать ихъ плутовства. Вамъ здѣсь довѣряютъ».

Единственный человѣкъ въ Петербургѣ, отнесшійся вполнѣ серьезно къ дѣлу, былъ военный министръ Милотинъ. Онъ задалъ мнѣ рядъ вопросовъ, которые всѣ шли къ дѣлу, и сразу понялъ всю суть. Весь нашъ разговоръ шелъ короткими фразами: безъ излишней торопливости, но и безъ лишнихъ словъ.

— Вы думаете, что на низовья Амура лучше всего доставлять провіантъ моремъ, а на остальная части—черезъ Читу? Очень хорошо. Ну, а если и въ будущемъ году случится буря; не погибнетъ ли опять весь сплавъ?

— Едва ли, если сплавъ будуть сопровождать два бусирныхъ парохода.

— Довольно двухъ?

— Если бы у насъ былъ хѣтъ одинъ пароходъ, потери были бы уже не такъ велики.

— Очень возможно. Сдѣлайте мнѣ докладъ письменно. Изложите все, что сказали, совершенно просто, безъ всякихъ формальностей: военному министру,—больше ничего.

V.

Я недолго оставался въ Петербургѣ и въ ту же зиму возвратился въ Иркутскъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ пріѣхать туда и братъ, принятый офицеромъ въ иркутский казачій полкъ.

Не знающіе Сибири думаютъ, что зимнее путешествіе ужасно тяжело. Но, въ сущности, оно легче, чѣмъ въ какое бы то ни было другое время года. Сани несутся по накатанной дорогѣ. Холодъ сильный; но онъ переносится сравнительно легко. Когда лежишь въ кошевѣ, какъ это принято въ Сибири, закутанный въ двойную мѣховую полость, то не особенно страдаешь отъ мороза даже въ сорокъ или пятьдесятъ градусовъ ниже пуля. Путешествуя, какъ курьеръ, то-есть съ быстрыми перепряжками и съ остановками лишь разъ въ сутки, на одинъ часъ для обѣда,—я черезъ девятнадцать дней послѣ выѣзда изъ Петербурга былъ уже въ Иркутскѣ. Въ сутки я выѣзжалъ среднимъ числомъ триста верстъ, а тысячу верстъ отъ Красноярска до Иркутска сдѣлалъ въ семьдесятъ часовъ. Морозъ стоялъ не особенно сильный, дорога была отличная, и ямщики хорошо получали «на водку». Тройкѣ быстрыхъ лошадокъ, какъ будто доставляло удовольствіе мчать легкую кошевую по горамъ и доламъ, по замерзшимъ рѣкамъ и среди тайги, сверкавшей на солнцѣ въ серебряномъ уборѣ.

Меня вскорѣ назначили чиновникомъ особыхъ порученій при генералѣ-губернаторѣ восточной Сибири по казачьимъ дѣламъ. Жить приходилось въ Иркутскѣ, но дѣла, собственно, было немного. Изъ Петербурга отдали молчаливый приказъ—не предлагать никакихъ перемѣнъ, а предоставить дѣламъ итти по заведенному порядку. Вслѣдствіе этого я гѣмъ охотнѣе принялъ предложеніе заняться географическими изслѣдованіями въ Маньчжуріи.

Взглянувъ на карту Азіи, вы увидите, что русская граница съ Китаемъ, которая, въ общемъ, идетъ по пятидесятыму градусу сѣверной широты, въ Забайкальѣ круто поворачиваетъ на сѣверо-востокъ. На протяженіи четырехъ сотъ

верстъ, она идетъ внизъ по Аргуни; а затѣмъ, дойдя до Амура, поворачиваеть внизъ по Амуру на юго-востокъ, вплоть до Благовѣщенска, который лежить подъ тѣмъ же пятидесятымъ градусомъ. Такимъ образомъ, между юго-восточнымъ угломъ Забайкальской области (Ново-Цурухайтуйемъ) и Благовѣщенскомъ на Амурѣ разстояніе по прямой линіи всего семьсотъ верстъ; но по Аргуни и Амуру—болѣе 1500 верстъ; кромѣ того, сообщеніе по Аргуни, которая не судоходна, крайне затруднительно: въ ея низовьяхъ нѣть другой дороги, кромѣ горной тропы.

Въ Забайкальѣ очень много скота, а потому казаки, богатые гуртовщики, жившіе въ юго-восточномъ углу области, желали установить прямое сообщеніе съ средней частью Амура, гдѣ бы былъ бы хорошій сбыть на ихъ скотъ. Торгую съ монголами, они слышали отъ нихъ, что до Амура не трудно добраться, если итти на востокъ черезъ Большой Хингань. Держась этого направлениія, выйдешь на старую китайскую дорогу, пересѣкающую Хингань и ведущую въ маньчжурскій городъ Мергенъ (на притокѣ Сунгари,—рѣкѣ Нонни); а оттуда, до Амура,—великолѣпный колесный трактъ.

Мнѣ предложили принять начальство надъ торговыми караваномъ, который казаки хотѣли спарадить, чтобы найти эту дорогу, на что я и согласился съ величайшимъ удовольствиемъ. Ни одинъ европеецъ никогда еще не посѣщалъ этихъ мѣсть; русскій топографъ Вагановъ, направившійся туда незадолго предъ тѣмъ—былъ убитъ. Лишь два іезуита, при императорѣ Кань-си, проникли съ юга до Мергена и опредѣлили его широту. Весь же громадный край къ сѣверу, шириной верстъ въ 750 и длиной верстъ въ 900, былъ совершенно не извѣстенъ. Я, конечно, ознакомился съ источниками. Но даже у китайскихъ географовъ ничего нѣть обѣ этомъ краѣ. Соединеніе Амура съ Забайкальемъ имѣло, между тѣмъ, громадное значеніе. Теперь, Ново-Цурухайтуй сталъ отправнымъ пунктомъ маньчжурской части Сибирской желѣзной дороги. Такимъ образомъ мы оказались шонерами великаго дѣла.

Представлялось, впрочемъ, одно затрудненіе. По договору, бывшему даваль русскимъ право торговать въ Китайской имперіи и Монголії; Маньчжурія же не была упомянута. Однаково свободно можно было толковать, что она входить и не входить въ договоръ. Китайскія власти толковали договоръ на свой ладъ, русскія — на

вой. Кроме того, говорилось лишь о купцахъ, и офицеру вовсе не разрѣшили бы вѣзда въ Маньчжурию. Мне приходилось, стало быть, пробраться, какъ торговцу. Въ Иркутскѣ я накупилъ и взялъ на комиссию различные товары и одѣлся купцомъ. Генералъ-губернаторъ вручилъ мнѣ паспортъ: «Иркутскому [второй гильдіи] купцу Петру Алексѣеву съ товарищами», и, шутя, просилъ меня, ни въ какомъ случаѣ не выдавать его, назвавши себя, «даже если китайскія власти арестуютъ васъ и повезутъ въ Пекинъ, а оттуда черезъ Гоби, до русской границы, въ клѣтки на спинѣ верблюда» (такъ китайцы всегда возятъ арестантовъ черезъ Монголію). Я принялъ, конечно, всѣ условія. Передъ искушеніемъ посѣтить край, въ которомъ ни одинъ европеецъ никогда еще не бывалъ, путешественнику трудно было устоять.

Скрыть, кто я, было не легко, покуда мы ѿхали по Забайкалью. Казаки, по части пропицательности и пытливости, заткнутъ за поясъ монголовъ. Когда чужой прїѣзжаетъ въ деревню, хозяинъ избы, хотя и встрѣчаетъ гостя съ большимъ радушіемъ, тѣмъ не менѣе подвергаетъ его настоящему допросу.

— Однако, дорога трудная—начинаетъ онъ.—Далеконѣко отъ Читы? («Однако» значить «должно быть»).

— А особенно, если ѿхать, можетъ-быть, не изъ Читы, а изъ самаго Иркутскаго?

— Торгуете? Много торговыхъ людей проїзжаетъ здѣсь. Однако, и до Нерчинскаго доѣдете?—Въ ваши годы тоже женаты бываются. Хозяйка, пожалуй, осталась дома? Дѣтокъ тоже имѣете? Тоже, поди, не все парнишки: и дочки есть?

И такъ—добрый полчаса. Командиръ мѣстной казачьей бригады, капитанъ Буксгевденъ, отлично зналъ своихъ казаковъ, и мы приняли предосторожности. Въ Читѣ и Иркутскѣ мы часто устраивали любительскіе спектакли и ставили пьесы Островскаго. Я въ нихъ игралъ нѣсколько разъ, причемъ съ такимъ увлечениемъ, что написалъ даже разъ брату восторженное письмо, въ которомъ сообщалъ свое решительное намѣреніе бросить службу и пойти въ актеры. Большею частью я игралъ молодыхъ купчиковъ и поэтому изучилъ хорошо ихъ манеру говорить и ухватки, въ томъ числѣ, конечно, чаепитіе съ блюдечка (что постигъ еще въ Никольскомъ). Теперь выпадалъ случай сыграть купца не на сценѣ, а въ жизни.

— Присаживайтесь, Петръ Алексѣевичъ,—говорилъ мнѣ капитанъ Буксгевденъ, когда на столъ почтовой станціи въ станицѣ появлялся пыхтѣвшій самоваръ.

— Покорно благодаримъ-сь, и здѣсь посидимъ!—говорилъ я, садясь вдали на кончикъ стула и принимаясь пить чай совсѣмъ по-московски. Буксгевденъ надрывался отъ смѣха, глядя, какъ я, выпучивъ глаза, дуль на блюдечко и грызъ кусочекъ сахара, съ которымъ выпивалъ три-четыре стакана.

Мы знали, что казаки скоро все провѣдаютъ; но самое важное было выиграть нѣсколько дней, чтобы переправиться черезъ границу, покуда не станетъ извѣстно, кто я. Повидимому, я игралъ мою роль удачно, потому что казаки принимали меня всюду за мелкаго торговца. Въ одной изъ станицъ старуха-хозяйка окликнула меня.

— За тобой ѳдетъ кто-нибудь еще?—спросила она.

— Не слыхалъ, бабушка.

— Какъ же, сказывали, какой-то князь Рапотскій, что ли, долженъ проѣхать. Будеть онъ, иѣть ли?

— Да, точно, бабушка,—отвѣчалъ я.—Ихъ сіятельство, дѣйствительно, хотѣли прїѣхать изъ Иркутска. Ну да гдѣ же имъ въ такую дорогу? Такъ они и остались въ городѣ.

— Что и говорить, гдѣ ужъ ему ѓхать!

Короче сказать, мы безпрепятственно перѣѣхали черезъ границу. Насъ было, кромѣ меня, одиннадцать казаковъ да одинъ тунгузъ, всѣ верхами. Мы гнали на продажу косякъ въ сорокъ лошадей и имѣли двѣ повозки, изъ которыхъ одна, одноколка, принадлежала мнѣ. Въ ней я везъ на продажу сукно, плисъ, позументы и тому подобные товары. Съ конемъ и одноколкой справлялся я совершенно одинъ. Мы выбрали старшиной каравана одного казака, для дипломатическихъ переговоровъ съ китайскими властями. Всѣ казаки говорили по-монгольски, а тунгузъ понималъ по-маньчжурски. Казаки, конечно, знали кто я; одинъ изъ нихъ видѣлъ меня въ Иркутскѣ; но никто не выдалъ меня, такъ какъ всѣ понимали, что отъ молчанія зависитъ успѣхъ предпріятія. На мнѣ былъ такой же синій бумажный халатъ, какъ и на остальныхъ казакахъ, и китайцы до такой степени не замѣчали меня, что я могъ свободно дѣлать съемку при помощи бусоли. Только въ первый день, когда насъ осаждали всякаго рода китайскіе солдаты въ надеждѣ получить еще чашку водки, я долженъ былъ украдкой спрашиватьсь съ бусолью и записывать засѣчки и разстоянія въ

карманъ, не вынимая бумаги. Мы совсѣмъ не имѣли при себѣ оружія. Одинъ только тунгузъ, который собирался жениться, везъ съ собою фитильное — даже не кремнѣвое — ружье, и изъ него онъ убивалъ косуль, шкуры которыхъ привлекали, чтобы уплатить калмыкъ; а мясо мы съѣдали.

Когда китайскіе солдаты уѣхали, что больше водки не получать, они оставили насъ однихъ. И мы пошли на востокъ, пробираясь, какъ умѣли, въ горахъ и долинахъ. Черезъ четыре или пять дней мы, дѣйствительно, вышли на китайскую дорогу, которая должна была насъ привести, черезъ Хингань, въ Мергенъ.

Къ великому удивленію, перевалъ черезъ горный хребетъ, который кажется на картѣ такимъ грознымъ и страшнымъ, въ сущности, оказался очень легокъ. Мы нагнали по дорогѣ, крайне жалкаго на видъ, старого китайскаго чиновника, щавшаго въ одноколкѣ. Онъ медленно плелся впереди нашего каравана. По характеру мѣстности видно было, что мы поднялись на большую высоту. Почва стала болотистой, а дорога грязной. Виднѣлась лишь скучная трава, деревья встрѣчались тонкія, малорослые, часто искривленные и покрытыя лишайми. Справа и слѣва поднимались голъцы. Мы уже думали о тѣхъ трудностяхъ, которыхъ встрѣтились при перевалѣ черезъ хребетъ, когда увидали, что старый китайскій чиновникъ остановился и вылезъ изъ своей таратаики у *обо* (кучи камней и вѣтвей, къ которымъ привязаны конские волосы и тряпочки). Онъ выдернулъ нѣсколько волосъ изъ гривы своего коня и навязывалъ ихъ на вѣтви.

— Что это такое? — спросили мы.

— Обѣ. Отсюда воды текутъ уже въ Амуръ.

— И это весь Хингань?

— Да, весь. До самаго Амура нѣть болѣе горъ. — Дорога идеть въ долинахъ между горъ.

Сильное волненіе охватило весь нашъ караванъ.

— Отсюда рѣки текутъ уже въ Амуръ! Въ Амуръ! — восклицали казаки. Постоянно они слышали отъ стариковъ разсказы про великую рѣку, по берегамъ которой растетъ въ дикомъ видѣ виноградъ и тянутся на сотни верстъ гетеми, могущія дать богатство миллионамъ людей. Когда рѣку присоединили къ Россіи, казаки слышали про далекій путь до нея, про затрудненія первыхъ засельщиковъ и про благосостояніе родственниковъ, поселившихся въ верховьяхъ Амура. И теперь мы нашли къ его берегамъ короткій

путь! Предъ нами былъ крутой спускъ, и дорога внизъ шла зигзагами, до небольшой рѣчки, которая пробивалась по довольно широкой долинѣ, среди застывшаго моря горъ, и текла въ Нонни. До Амура больше не было препятствий!—Хинганъ, въ сущности, не горный хребетъ, а окраинный хребетъ высокаго плоскогорія.

Всякій путешественникъ легко представить себѣ мой восторгъ при видѣ этого неожиданного географического открытия. Что касается казаковъ, то они спѣшились и въ свою очередь привязывали къ вѣтвямъ «обо» по пучку волосъ, выдернутыхъ изъ конскихъ гривъ, Сибиряки, вообще, побаиваются языческихъ боговъ. Они не очень высоко ставятъ ихъ; но такъ какъ считаютъ ихъ способными на всякую пакость, то предпочитаютъ лучше не ссориться съ ними. Отчего не подкупить ихъ небольшимъ знакомъ внимания?

— Глядите, что за странное дерево: дубъ, должно-быть!— восклицали казаки, когда мы спускались съ плоскогорія!

Дубъ въ Сибири не растетъ и встрѣчается лишь на восточномъ склонѣ высокаго плоскогорія.

— Глядите, орѣшникъ!—говорили казаки дальше.—А это, что за дерево?—спрашивали они при видѣ липы или же другихъ деревьевъ, не растущихъ въ Сибири, но составляющихъ часть маньчжурской флоры. Съверяне, много лѣтъ мечтавшие про теплый край, были теперь въ восторгѣ. Лежа на землѣ, покрытой роскошной травой, они жадно вглядывались въ нее и казалось, вотъ-вотъ примутся цѣловать ее. Теперь казаки горѣли нетерпѣниемъ, какъ можно скорѣе добраться до Амура. Когда мы, двѣ пѣдѣли спустя, заночевали въ послѣдний разъ въ тридцати верстахъ отъ рѣки, они стали нетерпѣливы, какъ дѣти, начали сѣдлать коней вскорѣ послѣ полуночи и убѣдили меня тронуться въ путь задолго до разсвѣта. Когда же, наконецъ, съ гребня холма мы увидѣли синія воды Амура, то въ глазахъ безстрastныхъ сибиряковъ, которымъ вообще чуждо поэтическое чувство, загорѣлся восторгъ. Тогда мнѣ ясно стало, что рано или поздно, при поддержкѣ русского правительства, или безъ нея, оба берега Амура, покуда пустынны, но удобные для колониотовъ, заселятся русскими. Такимъ же образомъ канадскіе лоуажеցъ заселили берега Миссисипи.

Между тѣмъ полуслѣпой китайский чиновникъ, съ которымъ мы вмѣстѣ перекалили черезъ Хинганъ, облачился въ свой синій халатъ и въ форменную шапку, съ стекляннымъ шарикомъ на ней, и на другой день утромъ объявилъ намъ,

что не позволить итти дальше. Наш старшина принял чиновника и его писаря въ палаткѣ. Старикъ выставлялъ различные доводы противъ нашего дальнѣйшаго путешествія, повторяя то, что напечтывалъ ему «божко» (писарь). Онъ желалъ, чтобы мы стали лагеремъ и ждали, покуда онъ пошлетъ нашъ паспортъ въ Пекинъ и получитъ оттуда распоряженіе. Мы наотрѣзъ отказались. Тогда старикъ сталъ придираться къ нашему паспорту.

— Что это за паспортъ? — говорилъ онъ, глядя съ презрѣніемъ на нѣсколько строкъ, по-русски и по-монгольски, написанныхъ на обыкновенномъ листѣ писчей бумаги и скрѣпленныхъ простой сургучной печатью. — Вы сами могли написать его и припечатать пятакомъ. Вы взгляните на мой паспортъ. Это стоитъ посмотреть! Онъ развернуль предъ нами листъ, въ два фута длиной, весь исписанный китайскими знаками.

Я спокойно сидѣлъ въ сторонѣ во время совѣщанія и укладывалъ что-то въ сундукѣ, когда мнѣ попался номеръ *Московскихъ Вѣдомостей*, на которыхъ, какъ известно, помѣщается государственный гербъ. «Покажи ему», сказалъ я старшинѣ. Онъ развернуль громадный листъ и показалъ на орла: «Неужто тутъ все про васъ написано?» съ ужасомъ спросилъ старикъ.

— Да, все про насъ, — отвѣтилъ, не моргнувъ даже глазомъ, нашъ старшина.

Старикъ какъ настоящая приказная крыса, былъ совершенно ошеломленъ такой массой письма. Покачивая головой, онъ поглядывалъ одобрительно на каждого изъ насъ. Но божко опять что-то зашепталъ, и чиновникъ, въ концѣ концовъ, заявилъ, что не позволить намъ итти дальше.

— Довольно разговаривать, — сказалъ я старшинѣ, — вели сѣдлать коней. Того же мнѣнія были и казаки; и нашъ караванъ тронулся въ путь. Мы распрощались съ старикомъ, обѣщаю ему донести по начальству, что онъ употребилъ всѣ мѣры, чтобы не дать намъ вступить въ Маньчжурію; и если мы все-таки вступили, то виноваты уже мы сами.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого мы были въ Мергенѣ, гдѣ торговали немногого, и вскорѣ добрались до китайского города Айгунь, на правомъ берегу Амура, немного ниже Благовѣщенска. Такимъ образомъ мы открыли прямой путь и, кромѣ того, еще нѣсколько интересныхъ вещей: характеръ окраинаго хребта въ Большомъ Хинганѣ, легкость перес-

вала, третичные вулканы округа Уйонъ Холдоидзи, долго составлявшіе для географовъ загадку, и такъ далѣе. Теперь другіе путешественники уже подтвердили наше открытие, а изъ Старо-Цурухайтуя, черезъ Хингань, пересѣкшая его недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы спустились съ высокаго плоскогорія, идетъ большая желѣзная дорога къ Великому океану. Не могу сказать, чтобы я проявилъ большиe коммерческие таланты: въ Мергенѣ, напримѣръ, я упорно запрашивалъ (на ломанномъ маньчжурскомъ языкѣ) за часы тридцать - пять рублей, тогда какъ китаецъ давалъ за нихъ сорокъ - пять; но казаки расторговались отлично. Они продали съ большой выгодой всѣхъ своихъ лошадей. А когда были проданы ими и мои два коня, товары и палатка, то оказалось, что экспедиція обошлась правительству всего въ двадцать - два рубля.

VI.

Все это лѣто я путешествовалъ по Амуру. Я спустился до самаго устья рѣки или, точнѣе, до лимана, до Николаевска, и здѣсь встрѣтился съ генераль-губернаторомъ, котораго сопровождалъ на пароходѣ вверхъ по Усuri. А осенью того же года я сдѣлалъ еще болѣе интересное путешествіе по Сунгари, до самаго сердца Маньчжуріи, вплоть до Гирина.

Многія рѣки въ Азіи образуются изъ сліянія двухъ одинаково мощныхъ потоковъ, такъ что географу трудно опредѣлить, какую рѣку слѣдуетъ считать главной и какую — притокомъ. Сліяніе Ингода съ Онономъ образуетъ Шилку, Шилка и Аргунъ составляютъ Амуръ, а Амуръ, слившись съ Сунгари, становится той громадной рѣкой, которая поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и впадаетъ въ Тихій океанъ подъ суровыми широтами Татарскаго пролива.

До 1864 года великую маньчжурскую рѣку знали очень мало. Всѣ скучныя свѣдѣнія о ней восходили ко времени іезуитовъ. Теперь, когда имѣлся въ виду рядъ изслѣдований въ Монголіи и Маньчжуріи, и когда страхъ, внушаемый Россіей Китаемъ, начиналъ разсѣваться, мы, молодежь, настойчиво убѣждали генераль-губернатора въ необходимости изслѣдовать Сунгари. Намъ казалось почти обидой то, что у порога, такъ сказать, Амура лежитъ громадный

край, такъ же мало извѣстный, какъ какая-нибудь африкан-ская пустыня. И вотъ генералъ Корсаковъ рѣшилъ послать пароходъ вверхъ по Сунгари, подъ предлогом отвести дру-жеское письмо къ генераль-тубернатору гиринской провин-ции. Посланіе долженъ былъ вести нашъ ургинскій консулъ Шишмаревъ, и въ составъ экспедиціи вошли: докторъ Конради, астрономъ Усольцевъ, два топографа и я. Мы на-ходились подъ начальствомъ полковника Черняева. Намъ дали маленький пароходъ *Усури*, который тащилъ на буксирѣ баржу съ углемъ, и съ нами ѿхали на баржѣ двадцать пять солдатъ, ружья которыхъ тщательно спрятали подъ углемъ.

Все было устроено очень поспѣшно. На пароходѣ не было никакихъ приспособленій для насъ; но мы всѣ горѣли энту-зіазмомъ и потому охотно помѣстились, какъ попало, въ тѣсныхъ каютахъ: одинъ изъ насъ долженъ былъ спать на столѣ. Когда мы тронулись, то оказалось, что нѣтъ даже вилокъ и ножей для всѣхъ, не говоря уже о другихъ принад-лежностяхъ. Одинъ изъ насъ поэтому за обѣдомъ пользо-вался своимъ перочиннымъ ножомъ; а мой китайский ножъ, съ двумя палочками вмѣсто вилки явился желаннымъ попол-неніемъ нашего хозяйства.

Плаванье вверхъ по Сунгари не особенно легко. Въ своемъ нижнемъ теченіи великая рѣка проходитъ по такой же низмен-ности, какъ Амуръ, и такъ мелка, что хотя нашъ парохо-дикъ сидѣлъ всего три фута, мы не всегда могли найти достаточнно глубокій фарватеръ. Бывали дни, когда мы про-ходили всего 60 верстъ и безпрестанно слышали, какъ скри-пѣлъ песокъ подъ килемъ. То и дѣло приходилось посыпать лодку, чтобы разслѣдовать путь. Но нашъ молодой капитанъ рѣшилъ добраться до Гирина, непремѣнно раньше конца осени, и мы подвигались каждый день. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ рѣка становилась красивѣе и удобнѣе для пла-ванья. Когда же мы оставили позади себя песчаные пустыни при сліяніи Сунгари съ Нонни, подвигаться стало легко и пріятно. Такимъ образомъ мы добрались черезъ нѣсколько недѣль до главнаго города этой провинціи Маньчжуріи. Капитанъ Васильевъ и его товарищъ Андреевъ сняли великолѣпную карту рѣки. Къ сожалѣнію, время не тер-пѣло, и мы лишь изрѣдка приставали у какого-нибудь го-рода или деревни. Поселенія вдоль береговъ рѣки—рѣдки. Въ нижнемъ теченіи мы видѣли лишь низины, зали-валяемыя ежегодно во время половодья; нѣсколько дальше,

на сотни верстъ вдоль береговъ тянутся песчаныя дюны, и только въ верхней части Сунгари, ближе къ Гирину, берега густо населены.

Если бы нашей цѣлью было завязать дружескія спошепія съ Маньчжуріей, а не попросту изслѣдоватъ Сунгари, то поѣздку слѣдовало бы считать совершенно неудавшейся. У маньчжурскихъ властей свѣжо было въ памяти, какъ восемь лѣтъ тому назадъ «посѣщеніе» Muравьевъ окончилось присоединеніемъ Амура и Усури; а потому къ негаданнымъ и незванымъ гостямъ китайцы отнеслись очень подозрительно. Двадцать-пять винтовокъ подъ углемъ, о которыхъ китайскимъ властямъ, конечно, донесено было раньше, чѣмъ мы тронулись въ путь, усиливали подозрительность. А потому, когда нашъ пароходъ бросилъ якорь у многолюднаго Гирина, всѣ купцы въ городѣ оказались вооруженными заряженными саблями изъ старого арсенала. Намъ, однако, не препятствовали ходить по улицамъ; но какъ только мы высадивались, всѣ лавки запирали. Купцамъ запретили что-либо продавать намъ. Власти прислали намъ на пароходъ кое-какую провизію, но какъ подарокъ, отказавшись принять деньги.

Наступала уже поздняя осень. Начались заморозки, и нужно было торопиться въ обратный путь, такъ какъ мы не могли зимовать на Сунгари. Такимъ образомъ, мы видѣли Гиринъ, но говорили лишь съ двумя переводчиками, являвшимися ежедневно на пароходъ. Цѣль путешествія, однако, была достигнута: мы убѣдились, что рѣка судоходна и сняли подробную карту Сунгари отъ устья до Гирина. Руководствуясь ею, мы могли ити теперь полнымъ ходомъ, безъ приключений. Разъ, однако, мы сѣли на мель. Гиринская власти, больше всего боявшіяся, чтобы мы не зазимовали на рѣкѣ, сейчасъ же прислали намъ на помощь двѣsti китайцевъ, и намъ удалось сняться. Когда сотни китайцевъ стояли въ водѣ, безуспѣшно работая стягами, чтобы сдвинуть пароходъ, я соскочилъ въ воду, схватилъ стягъ и запѣлъ «Дубинушку», чтобы подъ ея звуки разомъ толкать пароходъ. Китайцамъ это очень поправилось, и при неописуемыхъ крикахъ ихъ тонкихъ голосовъ, пароходъ, наконецъ, тронулся и сошелъ съ мели. Это маленькое приключение установило между нами и китайцами самыя лучшія отношенія. Я говорю, конечно, о народѣ, который, повидимому, очень не любить дерзкихъ маньчжурскихъ властей.

Мы останавливались у ильсколькихъ китайскихъ деревень, населенныхъ ссыльными изъ Небесной имперіи, и всюду наась принимали очень дружелюбно. Остался у меня въ памяти, въ особенности, одинъ вечеръ. Мы остановились у одной живописной деревеньки, когда сумерки уже сгущались. Нѣкоторые изъ насъ сошли на берегъ и отправились бродить по деревнѣ. Вскорѣ меня окружила толпа, не менѣе чѣмъ въ сотню китайцевъ. Хотя я не зналъ ни слова по-китайски, а они столько же по-русски, но мы оживленно и дружелюбно болтали (если только это слово примѣнимо здѣсь) при помощи знаковъ и отлично понимали другъ друга. Рѣшительно всѣ народы понимаютъ, что значитъ, если дружелюбно потрепать по плечу. Предложить другъ другу табачокъ или отопыкъ, чтобы закурить, тоже очень понятное выраженіе дружескаго чувства. Одна вещь, въ особенности повидимому, интересовала китайцевъ: почему у меня борода, хотя я такой молодой? Имъ позволяетъ отращивать растительность на подбородкѣ, только когда стукнетъ шестьдесятъ лѣтъ. Я объяснилъ своимъ «собесѣдникамъ», знаками, что въ случаѣ крайности, могу питаться бородой, если нечего будетъ есть. Шутка была понята и немедленно передана отъ одного другому. Китайцы заливались отъ смѣха и еще болѣе дружелюбно принялись трепать меня по плечу. Они водили меня къ себѣ, показывали дома, каждый предлагалъ свою трубку, а затѣмъ вся толпа дружески проводила меня до парохода. Долженъ прибавить, что въ этой деревнѣ не было и слѣда «божко» (полицейскаго). Въ другихъ деревняхъ, какъ наши солдаты, такъ и мы всегда завязывали дружелюбныя сношенія съ китайцами; но чуть только показывался «божко», все дѣло портилось. Зато, нужно было видѣть, какія рожи они ему строили за спиной! Повидимому, китайцы ненавидѣли этого представителя предержащей власти.

Про эту экспедицію потомъ забыли. Астрономъ Ф. Усольцевъ и я, мы напечатали отчеты о поѣздкѣ въ «Запискахъ» Восточно-Сибирского Отдѣла Географического Общества; но черезъ ильсколько лѣтъ, во время страшного пожара въ Иркутскѣ, погибли всѣ оставшиеся экземпляры «Записокъ», а также карта Сунгари. И только въ послѣднее время, когда начались работы по маньчжурской желѣзной дорогѣ, русские географы откопали наши отчеты и нашли, что Сунгари была изслѣдована еще тридцать-пять лѣтъ тому назадъ.

VII.

Такъ какъ съ реформами покончили, то я пытался сдѣлать все, что возможно было, при наличныхъ условіяхъ, въ другихъ областяхъ; но я скоро убѣдился въ безполезности всякихъ усилий. Такъ, напримѣръ, какъ чиновникъ особыхъ поручений при генералъ-губернаторѣ по казачьимъ дѣламъ, я сдѣлалъ тщательное изслѣдованіе хозяйственного положенія усурійскихъ казаковъ, терпѣвшихъ недородъ каждый годъ, такъ что правительство должно было кормить ихъ всю зиму, чтобы избавить отъ голодной смерги. Когда я возвратился съ Усури съ моимъ докладомъ, то получилъ поздравленія со всѣхъ сторонъ; я былъ произведенъ, мнѣ дали специальную награду. Всѣ мѣры, указанныя мною, были приняты. По моему совѣту, нѣкоторымъ станицамъ помогли деньгами, другимъ—скотомъ, а трети выселили на лучшія мѣста, на побережье Тихаго океана. Но практическое выполненіе намѣченныхъ мѣръ поручили старому пьяницѣ, который разгами пріучалъ казаковъ къ земледѣлію. И такъ дѣло шло всюду, начиная отъ Зимняго дворца до Усурійского края и Камчатки.

Высшая сибирская администрація имѣла самыя лучшія намѣренія; опять повторяю, состояла она, во всякомъ случаѣ, изъ людей гораздо лучшихъ, гораздо болѣе развитыхъ и болѣе заботившихся о благѣ края, чѣмъ остальная власти въ Россіи. Но все же то была администрація—вѣтви дерева, держащагося своими корнями въ Петербургѣ. И этого вполнѣ было достаточно, чтобы парализовать всѣ благія намѣренія и мѣшать мѣстнымъ самороднымъ проявленіямъ общественной жизни и прогресса. Если мѣстные жители задумывали что-нибудь для блага края, на это смотрѣли подозрительно, съ недовѣріемъ. Попытка немедленно парализовалась, не столько вслѣдствие дурныхъ намѣреній (вообще, я замѣтилъ, что люди лучше, чѣмъ учрежденія), но просто потому, что сибирскія власти принадлежали къ пирамидальной, централизованной администраціи. Уже одинъ тотъ фактъ, что онѣ были вѣтвию правительственного дерева, коренившагося въ далекой столицѣ, заставлялъ сибирскія власти смотрѣть на все, прежде всего, съ чиновничьей точки зрењія. Раньше всего возникалъ у нихъ вопросъ не о томъ, насколько то или другое полезно для края, а о томъ, что скажетъ начальство тамъ, какъ взглянуть на это начинаніе заправляющіе правительственной машиной?

Постепенно я все болѣе сталъ отдаваться научнымъ изслѣдованиемъ. Въ 1865 году я изслѣдовалъ западные Саяны. Здѣсь у меня прибавилось еще нѣсколько новыхъ данныхъ для построенія схемы орографіи Сибири, и я также нашелъ другую важную вулканическую область, на границѣ Китая, къ югу отъ Окинскаго караула. Наконецъ, въ 1866 году я предпринялъ далекое путешествіе, чтобы открыть прямой путь изъ Забайкалья на Витимскіе и Олѣкминскіе золотые пріиски. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1860—1864) члены Сибирской экспедиціи пытались найти этотъ путь и пробовали пробраться черезъ параллельные ряды дикихъ, каменныхъ хребтовъ, отдѣляющихъ золотые промыслы отъ Забайкальской области. Но когда изслѣдователи подходили съ юга къ этимъ страшнымъ горамъ, заполняющимъ страну съверу, на нѣсколько сотъ верстъ въ ширину, всѣ они (кромѣ одного, убитаго инородцами) возвращались назадъ.

Ясно было, что попытку надо сдѣлать съ съвера на югъ,—изъ страшной, неизвѣстной пустыни въ болѣе теплый и населенный край, и я такъ и рѣшилъ сдѣлать, т.-е. плыть внизъ по Ленѣ, до пріисковъ, и оттуда снарядить экспедицію на югъ. Когда я готовился къ экспедиціи, мнѣ попалась, среди другого матеріала, собранного на олѣкминскихъ пріискахъ М. В. Рухловымъ—онъ же и задумалъ эту экспедицію—немалая карта, вырѣзанная тунгусомъ, ножомъ на кускѣ бересты. Эта берестяная карта (она, между прочимъ, является отличнымъ примѣромъ полезнозности геометрической способности, даже для первобытнаго человѣка, и могла бы поэтому заинтересовать А. Р. Уолласа) такъ поразила меня своею очевидною правдоподобностью, что я вполне довѣрился ей и выбралъ путь, обозначенный на ней, отъ Витима къ устью большой рѣки Муи.

Вмѣстѣ съ молодымъ, талантливымъ зоологомъ И. С. Поляковымъ и топографомъ П. Н. Мошинскимъ, мы сначала спустились по Ленѣ и затѣмъ проѣхали горною тропою къ Олѣкминскимъ пріискамъ. Тамъ мы снарядили экспедицію, забрали съ собою провизіи на три мѣсяца и тронулись на югъ. Старый промышленникъ якутъ, который двадцать лѣтъ тому назадъ прошелъ путемъ, указаннымъ тунгусомъ на берестѣ, взялся быть нашимъ проводникомъ черезъ горы, занимавшія почти четыреста верстъ въ ширину—слѣдя долинами рѣкъ и ущельями, отмѣченными на картѣ. Онь действительно выполнилъ этотъ удивительный подвигъ.

хотя въ горахъ не было положительно никакой тропы. Всѣ заросшія лѣсомъ долины, которыя открывались съ вершины каждого перевала, неопытному глазу казались совершенно одинаковыми, а между тѣмъ якуть какимъ-то чутьемъ угадывалъ, въ которую изъ нихъ нужно было спуститься. Такъ мы достигли до устья рѣки Муй, откуда, переваливши ещѣ черезъ одинъ высокій хребетъ (очень похожій на Саянскій хребетъ), путь лежалъ уже по плоскогорю.

На этотъ разъ мы нашли путь съ Олѣкминскихъ пріисковъ въ Забайкалье. Три мѣсяца мы странствовали по почти совершенно безлюдной горной странѣ и по болотистому плоскогорью, пока, наконецъ, добрались до цѣли нашихъ странствованій, до Читы. Найденнымъ нами путемъ теперь гоняютъ скотъ съ юга на пріиски. Что касается до меня, то это путешествіе значительно помогло мнѣ впослѣдствіи найти ключъ къ общему строенію сибирскихъ горъ и плоскогорій. Но я не пишу книгу о путешествіяхъ, а потому долженъ ограничиться этими замѣчаніями о моихъ разѣздахъ по Сибири.

Годы, которые я провелъ въ Сибири, научили меня многому, чemu я врядъ ли могъ бы научиться въ другомъ мѣстѣ. Я быстро понялъ, что для народа рѣшительно невозможно сдѣлать ничего полезнаго при помощи административной машины. Съ этой иллюзіей я распростился навсегда. Затѣмъ я сталъ понимать не только людей и человѣческій характеръ, но также скрытые пружины общественной жизни. Я ясно созналъ созидательную работу невѣдомыхъ массъ, о которой рѣдко упоминается въ книгахъ, и понялъ значеніе этой построительной работы въ ростѣ общества. Я видѣлъ, напримѣръ, какъ духоборы переселялись на Амуръ; видѣлъ, сколько выгодъ давала имъ ихъ полу-коммунистическая жизнь, и какъ удивительно устроились они тамъ, гдѣ другие переселенцы терпѣли неудачу; и это научило меня многому, чemu бы я не могъ научиться изъ книгъ. Я жилъ также среди бродячихъ инородцевъ и видѣлъ, какой сложный общественный строй выработали они, помимо всякаго влиянія цивилизациі. Эти факты помогли мнѣ впослѣдствіи понять то, что я узнавалъ изъ чтенія по антропології. Путемъ прямого наблюденія я понялъ роль, которую неизвѣстныя массы играютъ въ крупныхъ историческихъ событияхъ,—переселеніяхъ, войнахъ, выработкѣ формъ обще-

ственной жизни. И я пришелъ къ такимъ же мыслямъ о во-
ждяхъ и толиѣ, которыя высказываетъ Л. Н. Толстой въ
своемъ великомъ произведениі «Война и Миръ».

Воспитанный въ помѣщичьей семье, я, какъ всѣ молодые люди моего времени, вступить въ жизнь съ искреннимъ убѣ-
жденіемъ въ томъ, что нужно командовать, приказывать,
распекать, наказывать и тому подобное. Но какъ только мнѣ
пришлось выполнять отвѣтственный предпріятія и входить
для этого въ сношенія съ людьми, при чемъ каждая ошибка
имѣла бы очень серьезныя послѣдствія, я понялъ разницу
между дѣйствиемъ на принципахъ дисциплины или же на
началахъ взаимнаго пониманія. Дисциплина хороша на
военныхъ парадахъ; но ничего не стоитъ въ дѣйствитель-
ной жизни,—тамъ, гдѣ результатъ можетъ быть достигнутъ
лишь сильнымъ напряженіемъ воли всѣхъ, направленной
къ общей цѣли. Хотя я тогда еще не формулировалъ мо-
ихъ мыслей словами, заимствованными изъ боевыхъ кличей
политическихъ партій, я все-таки могу сказать теперь, что
въ Сибири я утратилъ всякую вѣру въ государственную
дисциплину: я былъ подготовленъ къ тому, чтобы сдѣлаться
анархистомъ.

Въ возрастѣ отъ девятнадцати до двадцати-пяти лѣтъ
я вырабатывалъ всякие планы реформъ, имѣль дѣло съ
сотнями людей на Амурѣ, подготавляль и выполняль ри-
кованная экспедиція съ ничтожными средствами. И если
эти предпріятія болѣе или менѣе удавались, то объясняю я
это только тѣмъ, что скоро понялъ, что въ серьезнѣхъ дѣлахъ
командованіемъ и дисциплиной немногаго достигнешь.
Люди личнаго почина нужны вездѣ; но разъ толчокъ данъ,
дѣло, въ особенности у насъ въ Россіи, должно выполняться
не на военный ладъ, а скорѣе мірскимъ порядкомъ, путемъ
общаго согласія. Хорошо было бы, если бы всѣ господа,
строящіе планы государственной дисциплины, прежде чѣмъ
расписывать свои утопіи, прошли бы школу дѣйствительной
жизни. Тогда менѣе было бы проектовъ постройки буду-
щаго общества по военному, пирамидалному образцу.

При всемъ томъ, жизнь въ Сибири становилась для меня
все менѣе и менѣе привлекательной, хотя мой братъ и
жилъ теперь со мной въ Иркутскѣ, гдѣ онъ командовалъ
казачьей сотней. Мы были счастливы вмѣстѣ, читали много
и обсуждали всѣ философскіе, научные и соціалистические
вопросы дня; но оба мы жаждали умственной жизни, кото-
рой не было въ Сибири. Великимъ событиемъ для насъ былъ

проездъ черезъ Иркутскъ американского геолога Рафаэля Пумпэлли и известного немецкаго антрополога Адольфа Бастіана. Но они пробыли съ нами несолько дней и умчались туда, на Западъ. Насъ привлекала научная, а въ особенности политическая жизнь западной Европы, которую мы знали по газетамъ. И въ нашихъ разговорахъ мы постоянно поднимали вопросъ о возвращеніи въ Россію. Въ концѣ концовъ, восстание польскихъ ссыльныхъ въ Сибири, въ 1866 году, открыло намъ глаза и показало то фальшивое положеніе, которое мы оба занимали, какъ офицеры русской арміи.

VIII.

Я былъ тогда далеко, въ Витимскихъ горахъ, когда ссыльные поляки, работавшіе на кругобайкальской дорогѣ, сдѣлали отчаянную попытку сбросить оковы и пробраться въ Китай черезъ Монголію. Противъ нихъ послали войска, и одинъ русскій офицеръ былъ убитъ повстанцами. Я узналъ подробности этого восстанія, когда возвратился въ Иркутскъ, гдѣ около пятидесяти поляковъ должны были судиться военнымъ судомъ; а такъ какъ засѣданія военныхъ судовъ въ Россіи бывають открыты, то я присутствовалъ все время и записывалъ рѣчи. Я составилъ подробный отчетъ, который и былъ, къ великому неудовольствію генераль-губернатора, помѣщенъ цѣликомъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* за 1865 годъ. (Другой отчетъ, составленный Вагинамъ, былъ помѣщенъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*).

Послѣ восстанія 1863 года въ сдну восточную Сибирь прислали одиннадцать тысячъ мужчинъ и женщинъ,—главнымъ образомъ, студентовъ, художниковъ, бывшихъ офицеровъ, помѣщиковъ и, въ особенности, искусственныхъ ремесленниковъ — лучшихъ представителей развитого варшавскаго пролетариата. Большую часть ихъ послали въ каторжныя работы, остальныхъ же поселили въ деревняхъ, гдѣ они не находили работы и почти умирали съ голода. Каторжники-поляки работали или въ Читѣ, гдѣ они строили баржи (то были наиболѣе счастливые), или на казенныхъ чугунно-литейныхъ заводахъ, или на соляныхъ варницахъ. Я видѣлъ послѣднихъ въ Усть-Кутѣ, на Ленѣ, Полуголые, они стояли въ балаганѣ вокругъ громаднаго котла и мѣшали кипѣвшій густой разсолъ длинными вес-

лами. Въ балаганѣ жара была адская; но черезъ широкія раскрытыя двери дулъ леденящій сквозникъ, чтобы помогать испаренію разсола. Въ два года работы, при подобныхъ условіяхъ, мученики умирали отъ чахотки.

Впослѣдствіи значительное число ссыльныхъ поляковъ поставили на постройку кругобайкальской дороги. Байкалъ, какъ извѣстно, длинное и узкое альпійское озеро, окруженное живописными горами отъ трехъ до пяти тысячъ футовъ высоты, которое отдѣляетъ Иркутскую губернію отъ Забайкалья и Амурской области. Зимой переправляются по льду, а лѣтомъ—на пароходахъ. Но весной и осенью добраться до Чигы и до Кяхты можно было только кружной горной тропой, по старой кругобайкальской дорогѣ, пересѣкая хребты въ семь-восемь тысячъ футовъ высоты. Я разъ проѣхалъ этой дорогой и, конечно, глубоко наслаждался великолѣпною панорамою горъ, покрытыхъ, въ маѣ, толстымъ слоемъ снѣга. Но въ общемъ, дорога была ужасна. Двѣнадцать верстъ перевала черезъ хребетъ Хамаръ-Дабанъ заняли у меня семнадцать часовъ, отъ трехъ утра до восьми вечера. Лошади наши постоянно проваливались въ рыхлый снѣгъ и погружались, вмѣстѣ съ всадниками, въ ледяные потоки, текущіе подъ снѣжной корой. Въ концѣ-концовъ, рѣшено было проложить постоянную телѣжную дорогу вдоль самаго берега озера, взрывая порохомъ отвѣсныя скалы и перекидывая мосты черезъ безчисленные горные потоки. Эту трудную работу выполняли польскіе ссыльные.

За послѣднія сто лѣтъ въ Сибирь было послано не мало русскихъ политическихъ ссыльныхъ; но, по характерной русской чертѣ, они подчинялись своей участіи и никогда не возставали. Они давали убить себя медленной смертью и не пытались даже освободиться. Поляки же, къ чести ихъ будь сказано, никогда не несли своего жребія съ такою покорностью. На этотъ разъ они устроили настоящее восстаніе. Конечно, шансовъ на успѣхъ у нихъ не было никакихъ, но они, тѣмъ не менѣе, возстали. Впереди ихъ было громадное озеро, а позади ихъ возводились горы пустыни съверной Монголіи. Они рѣшили поэтому обезоружить караулившихъ ихъ солдатъ, выковать страшное оружіе повстанцевъ—косы, и пробиться черезъ горы Монголіи къ морю, въ Китай, гдѣ ихъ могли бы принять англійскіе корабли. И вотъ разъ въ Иркутскъ пришло извѣстіе, что часть поляковъ, работавшихъ на кругобайкальской

дорогъ, возмущались и обезоружили около дюжины солдатъ. Противъ нихъ могли отправить изъ Иркутска отрядъ пѣхоты, всего въ восемьдесятъ человѣкъ. Переправившись черезъ Байкалъ на пароходѣ, солдаты пошли противъ повстанцевъ, находившихся на другомъ берегу озера.

Зима 1866 года въ Иркутскѣ была особенно скучная. Въ столицѣ восточной Сибири нѣть такого рѣзкаго дѣленія на классы, какъ въ остальныхъ русскихъ провинціальныхъ городахъ, Иркутское «общество» состояло изъ офицеровъ, чиновниковъ, женъ и дочерей мѣстныхъ купцовъ и священниковъ. Зимой они всѣ встрѣчались по четвергамъ въ Собраниі. Въ томъ году, однако, не чувствовалось оживленія на вечерахъ. Любители драматического искусства тоже терпѣли неудачи. Даже картижная игра, обыкновенно процвѣтающая въ Сибири, и та шла вяло въ эту зиму. Среди офицеровъ чувствовался недостатокъ въ деньгахъ, и даже приѣздъ нѣсколькихъ горныхъ инженеровъ не ознаменовался грудами бумажекъ, являвшимися прежде такъ кстати для рыцарей зеленаго поля.

Сезонъ рѣшительно былъ скучный: настоящій сезонъ для спиритическихъ опытовъ и говорящихъ столовъ. Одинъ господинъ, баловень иркутского общества, который въ предыдущую зиму забавлялъ всѣхъ рассказами изъ народной жизни, принялъ теперь за стучащіе столы, когда увидалъ, что его анекдоты потеряли прежній интересъ. Онъ былъ ловкій человѣкъ, и черезъ недѣлю весь Иркутскъ помѣшался на такихъ «опытахъ». Новая жизнь открылась для тѣхъ, которые не знали, какъ убить время. Сучащіе столы появились въ каждой гостиной. Ухаживаніе очень удобно уживалось со стукомъ духовъ. Поручикъ П. очень серьезно отнесся и къ столамъ и къ ухаживанью. Быть-можетъ, это послѣднее ему менѣе удавалось, чѣмъ первое. Во всякомъ случаѣ, когда прибыло извѣстіе о польскомъ возстаніи, онъ отпросился присоединиться къ отряду.

«Иду противъ поляковъ, — писалъ онъ въ свое мѣдальонъ; — интересно было бы вернуться легко раненымъ».

Онъ былъ убитъ. Онъ гарцевалъ на конѣ, рядомъ съ полковникомъ, командовавшимъ солдатами, когда началась «битва съ повстанцами», пышное описание которой можно найти въ архивахъ генерального штаба. Солдаты медленно двигались по дорогѣ, когда встрѣтили около пятидесяти поляковъ, изъ которыхъ пять или шесть были вооружены

ружьями, а остальные—косами. Поляки засели въ лѣсу и время отъ времени попаливали. Солдаты отвѣчали на выстрѣлы. П. дважды просилъ у полковника разрѣшенія спѣшиться и броситься въ цѣль, такъ что полковникъ, въ концѣ-концовъ, сердито приказалъ поручику оставаться на своемъ мѣстѣ. Несмотря на приказъ, П. вдругъ исчезъ. Въ лѣсу раздалось нѣсколько выстрѣловъ, затѣмъ послышались дикие крики. Солдаты бросились по направлению къ нимъ и нашли поручика, плавающаго въ крови на травѣ. Поляки выпустили послѣдніе заряды и сдались. Битва кончилась; П. лежалъ мертвый.

Онъ бросился съ револьверомъ въ рукахъ въ чашу, гдѣ наткнулся на нѣсколько косильщиковъ, выпустилъ въ нихъ наудачу всѣ свои заряды и ранилъ одного. Тогда остальные кинулись на П. съ косами.

На другомъ концѣ дороги, на западномъ берегу озера, два русскихъ офицера самымъ позорнымъ образомъ обошлись съ «мирными» поляками, работавшими въ этомъ мѣстѣ, но не присоединившимися къ восстанію. Съ грубыми ругательствами одинъ изъ офицеровъ вбѣжалъ въ балаганъ, гдѣ жили ссыльные, и сталъ стрѣлять по нимъ изъ револьвера, при чёмъ тяжело ранилъ двухъ. Другой привязывалъ мирныхъ къ возамъ и жестоко расправлялся съ ними пайкой—такъ себѣ, для потѣхи.

По логикѣ сибирскихъ властей выходило, что такъ какъ убить русскій офицеръ, то слѣдуетъ казнить нѣсколько поляковъ. Военный судъ приговорилъ къ смертной казни пять человѣкъ: Шарамовича, красиваго, умнаго и энергичнаго тридцатилѣтняго піаниста, командовавшаго восстаніемъ; шестидесятилѣтняго старика Цѣлинскаго, бывшаго прежде русскимъ офицеромъ, и трехъ другихъ, фамиліи которыхъ я не помню.

Генералъ-губернаторъ телеграфировалъ въ Петербургъ и просилъ разрѣшенія смягчить приговоръ; но отвѣта не послѣдовало. Онъ обѣщалъ намъ не приводить въ исполненіе смертнаго приговора; но, проѣждая нѣсколько дней и не получивъ отвѣта изъ Петербурга, приказалъ совершить казнь секретно, рано утромъ. Отвѣтъ изъ Петербурга прибылъ почтой, черезъ мѣсяцъ! Генералу-губернатору предстояло «поступить по собственному благоусмотрѣнію».

Пять человѣкъ были уже разстрѣлены.

Мнѣ часто приходилось слышать, что это восстаніе былъ безразсудно; а между тѣмъ горсть храбрыхъ повстанцево

добилась кое-чего. О бунтѣ стало известно за границей. Казни, жестокость двухъ офицеровъ, которая раскрылась на судѣ, вызвали сильное волненіе въ Австріи. Австрійское правительство заступилось за галичанъ, принимавшихъ участіе въ революціи 1863 года и сосланныхъ тогда въ Сибирь, и некоторые изъ нихъ были возвращены на родину. Вообще, вскорѣ послѣ мятежа 1866 года положеніе всѣхъ ссыльныхъ поляковъ замѣтно улучшилось. И этимъ они обязаны были бунту,—тѣмъ, которые взялись за оружіе, и тѣмъ пяти мужественнымъ людямъ, которые были разстрѣляны въ Иркутскѣ.

Для меня и для брата восстаніе послужило урокомъ. Мы убѣдились въ томъ, что значитъ, такъ или иначе, принадлежать къ арміи. Я находился далеко; но Александръ былъ въ Иркутскѣ, и его сотню двинули противъ поляковъ. Къ счастью, командиръ полка, въ котороиѣ служилъ братъ, хорошо зналъ его и подъ какимъ то предлогомъ приказалъ другому офицеру командовать отрядомъ. Иначе Александръ, конечно, отказался бы выступить въ походъ. Если бы я былъ тогда въ Иркутскѣ, то сдѣлалъ бы то же самое.

Мы рѣшили разстаться съ военной службой и возвратиться въ Россію. Сдѣлать это было не особенно легко, въ особенности брату, который женился въ Сибири; но, въ концѣ-концовъ, все устроилось, и весной 1867 года мы поѣхали въ Петербургъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЕТЕРБУРГЪ. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.

I.

Въ началѣ осени 1867 года я и братъ съ семьей поселились въ Петербургѣ. Я поступилъ въ университетъ и сидѣлъ теперь на скамьѣ, вмѣстѣ съ юношами, почти мальчиками, гораздо моложе меня. Завѣтная мечта, которую я такъ долго лелеялъ, наконецъ, осуществилась. Теперь я могъ учиться. Я поступилъ на математическое отдѣленіе физико-математического факультета, такъ какъ считалъ, что основательное знаніе математики—единственный солидный фундаментъ для всякой дальнѣйшей работы. Братъ поступилъ въ военную юридическую академію, я же—совершенно отказался отъ военной службы, къ великому неудовольствію отца, который не выносилъ даже вида штатскаго платья. Теперь мы съ Александромъ должны были жить исключительно собственнымъ трудомъ.

Занятія въ университетѣ и научныя работы поглотили все мое время въ теченіе пяти слѣдующихъ лѣтъ. У студента-математика, конечно, очень много работы; но такъ какъ я прежде уже занимался высшей математикой, то теперь могъ удѣлить часть моего времени географіи. Кромѣ того, въ Сибири я не утратилъ способности усиленно работать.

Отчетъ о моей послѣдней экспедиціи печатался; но въ это время у меня стали зарождаться географическія обобщенія, вскорѣ всецѣло захватившія меня. Путешествія по Сибири убѣдили меня, что горыя цѣпи, какъ онѣ значились тогда на картахъ, нанесены совершенно фантастически и не даютъ никакого представленія о строеніи страны. Составители картъ не подозрѣвали тогда даже существованія обширныхъ плоскогорій, составляющихъ столь характерную черту Азіи. Вмѣсто нихъ обозначали нѣсколько великихъ горныхъ кряжей. Такъ, напримѣръ, въ чертеж-

пыхъ, несмотря на ука а ія Л. Шварца, сочинили восточную часть Станового хребта, въ видѣ громаднаго чороя, ползущаго по картѣ на востокъ. Этого хребта, въ дѣйствительности, не существуетъ. Истоки рѣкъ, текущихъ съ одной стороны—въ Ледовитый океанъ, а съ другой—въ Великій океанъ, переплетаются на томъ же плоскогорье и зарождаются въ однихъ и тѣхъ же болотахъ. Но въ воображеніи европейскихъ топографовъ самые высокіе хребты должны находиться на главныхъ водораздѣлахъ, и вслѣдствіе этого, тутъ изображали высокія цѣпи горъ, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности. Много такихъ несуществующихъ хребтовъ бороздили карту съверной Азіи по всѣмъ направленіямъ.

Мое вниманіе, теперь, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ было поглощено однимъ вопросомъ—открыть руководящія черты строенія нагорной Азіи и основные законы расположенія ея хребтовъ и плоскогорій. Долгое время меня путали въ моихъ изысканіяхъ прежнія карты, а еще больше—обобщенія Александра Гумбольдта, который, послѣ продолжительного изученія китайскихъ источниковъ, покрылъ Азію сѣтью хребтовъ, идущихъ по меридианамъ и параллельнымъ кругамъ. Но, наконецъ, я убѣдился, что даже смѣлѣя обобщенія Гумбольдта не согласны съ дѣйствительностью.

Я началъ съ начала, чисто индуктивнымъ путемъ.—Собравши всѣ барометрическія наблюденія, сдѣланныя прежними путешественниками, я на основаніи ихъ вычислилъ сотни высотъ. Затѣмъ я нанесъ на большую карту Шварца всѣ геологическія и физическія наблюденія путешественниковъ, отмѣчая факты, а не гипотезы. На основаніи этого материала я попытался выяснить, какое расположение хребтовъ и плоскогорій, наиболѣе согласуется съ установленными фактами. Эта подготовительная работа заняла у меня болѣе двухъ лѣтъ. Затѣмъ послѣдовали мѣсяцы упорной мысли, чтобы разобраться въ хаосѣ отдѣльныхъ наблюденій. Наконецъ, все разомъ, внезапно освѣтилось и стало ясно и понятно. Основные хребты Азіи тянутся не съ сѣвера на югъ и не съ запада на востокъ, а съ юго-запада на съверо-востокъ, точно такъ же, какъ Скалистыя горы и нагорья Съверной Америки тянутся съ юго-запада къ юго-востоку. Одни только второстепенные хребты убѣгаютъ на съверо-западъ. Далѣе, горы Азіи отнюдь не ряды самостоятельныхъ хребтовъ, какъ Альпы, но

окаймляютъ громадное плоскогорье,—бывшій материкъ, который направляется когда-то отъ Гималаевъ къ Берингову проливу. Высокіе окраинные хребты выростали вдоль его береговъ, и съ течеиемъ времени террасы, образованныя позднѣйшими осадками, поднимались изъ моря увеличивая основной материкъ Азіи въ ширину.

Въ человѣческой жизни мало такихъ радостныхъ моментовъ, которые могутъ сравниться съ внезапнымъ зарожденiemъ обобщенія, освѣщающаго умъ послѣ долгихъ и терпѣливыхъ изысканій. То, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ казалось хаотическимъ, противорѣчивымъ и загадочнымъ, сразу принимаетъ опредѣленную, гармоническую форму. Изъ дикаго смѣшенія фактovъ, изъ-за тумана догадокъ, опровергаемыхъ, едва лишь они успѣютъ зародиться, возникаетъ величественная картина, подобно альпійской цѣпи, выступающей во всемъ великолѣпіи изъ-за скрывавшихъ єё облаковъ и сверкающей на солнцѣ во всей простотѣ и многообразіи, во всемъ величіи и красотѣ. А когда обобщеніе подвергается пропрѣкѣ, примѣняя его ко множеству отдѣльныхъ фактovъ, казавшихся до того безнадежно противорѣчивыми,—каждый изъ нихъ сразу занимаетъ свое положеніе, и только усиливается впечатлѣніе, производимое общою картиной. Одни факты оттѣняются нѣкоторыя характерныя черты, другие раскрываютъ неожиданныя подробности, полная глубокаго значенія. Обобщеніе крѣпнетъ и расширяется. А дальше, сквозь туманную дымку, окутывающую горизонтъ, глазъ открываетъ очертанія новыхъ и еще болѣе широкихъ обобщеній.

Кто испыталъ разъ въ жизни восторгъ научнаго творчества, тотъ никогда не забудетъ этого блаженнаго мгновенія. Онъ будетъ жаждать повторенія. Ему досадно будетъ, что подобное счастье выпадаетъ на долю немногимъ, тогда какъ оно всѣмъ могло бы быть доступно, въ той или другой мѣрѣ, если бы знаніе и досугъ были достояніемъ всѣхъ.

Это работу я считаю моимъ главнымъ вкладомъ въ науку. Вначалѣ я намѣревался написать объёмистую книгу, въ которой мои взгляды на орографію Сибири подтверждались бы подробнымъ разборомъ каждого отдѣльного хребта; но когда, въ 1873 году, я увидалъ, что меня скоро арестуютъ, я ограничился тѣмъ, что составилъ карту, содержащую мои взгляды и приложилъ объяснительный очеркъ. И карта, и очеркъ были изданы Географическимъ Обществомъ подъ па-

блюденіемъ брата, когда я уже сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Петерманъ, составлявшій тогда свою карту Азіи и знаяшій мои предварительныя работы, принялъ мою схему для атласа Штиллера и своего карманныго маленькаго атласа, гдѣ орографія такъ превосходно была выражена гравюрою на стали. Впослѣдствіи ее принило большинство картографовъ.

Карта Азіи, какъ она составляется теперь, я думаю, объясняетъ главныя физическія черты громаднаго материка, распределеніе климатовъ, фауны, флоры, а также исторію его. Она показываетъ также, какъ я могъ убѣдиться во время моего путешествія въ Америку, поразительную аналогію въ структурѣ и въ геологическомъ ростѣ обоихъ материковъ Сѣверного полушарія ¹⁾.

II.

Въ то же время, какъ секретарь отдѣленія физической географіи, я много работалъ для Географического общества. Тогда сильно интересовались изслѣдованіями Туркестана и Памира. Сѣверцовъ только что возвратился изъ путешествія, продолжавшагося пѣсколько лѣтъ. Онъ былъ выдающійся зоологъ, талантливый географъ и одинъ изъ самыхъ умныхъ людей, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ; но, какъ многие русскіе, Сѣверцовъ не любилъ писать. Когда онъ дѣлалъ докладъ, его невозможно было убѣдить написать что-нибудь, кромѣ коротень资料 отчета. И вотъ почему все, что появилось въ печати за подписью Сѣверцова, далеко не исчерпываетъ всѣхъ его наблюденій и обобщеній. Къ сожалѣнію, крайняя неохота излагать письменно свои мысли и наблюденія очень распространена въ Россіи. Тѣ замѣчанія, которые при маѣ дѣлалъ Сѣверцовъ объ орографіи Туркестана, географическомъ распределеніи растеній и животныхъ, о роли ублюдовъ (гибридовъ) въ зарожденіи новыхъ видовъ птицъ, а также

1) Увы!—въ атласъ Штиллера опять взяли верхъ карты Сибири и Маньчжуріи, гдѣ орографія взята вовсе не изъ новыхъ съемокъ (ихъ не было), а изъ фантастическихъ изображеній древнихъ китайскихъ картъ, передѣланыхъ наугадъ иркутскими топографами. На это уже было указано въ Франціи.—П. К. (декабрь 1917).

его наблюденія относительно важности взаимной поддержки въ прогрессивномъ развитіи видовъ (эти наблюденія упоминаются въ нѣсколькихъ строкахъ въ отчетѣ засѣданія), — все свидѣтельствуютъ о недюжинномъ таланѣ и объ оригинальности. Но Сѣверцовъ не обладалъ даромъ письменно излагать свои мысли въ соотвѣтственно красивой формѣ, который сдѣлалъ бы его однимъ изъ наиболѣе выдающихся ученыхъ нашего времени.

Миклуха - Маклай, хорошо известный въ Австралии, ставшей потомъ его второй родиной, тоже принадлежалъ къ той же категоріи людей, которые могли бы сказать гораздо больше, чѣмъ высказали въ печати. Онъ былъ маленький, нервный человѣкъ, постоянно страдавшій лихорадкой. Когда я познакомился съ нимъ, онъ только что возвратился съ береговъ Краснаго моря, гдѣ, какъ послѣдователь Гекеля, много работалъ надъ изученiemъ морскихъ безпозвоночныхъ въ ихъ естественной средѣ. Географическому обществу потомъ удалось выхлопотать, чтобы русскій клиперъ отвезъ Миклуху - Маклая на неизвѣстный берегъ Новой Гвинеи, гдѣ путешественникъ хотѣлъ изучать дикарей самой низкой культуры. Съ однимъ лишь матросомъ его оставили, выстроивъ близъ туземной деревни хижину для обоихъ Робинзоновъ, на негостепріимномъ берегу, населеніе котораго слыло страшными людоѣдами. Здѣсь они вдвоемъ прожили полтора года въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ туземцами. Миклуха - Маклай поставилъ себѣ правиломъ, которому неуклонно слѣдовалъ — быть всегда прямымъ съ дикарями и никогда ихъ не обманывать, даже въ мелочахъ, даже для научныхъ цѣлей. Когда онъ впослѣдствіи путешествовалъ по малайскому архипелагу, къ нему на службу поступиль туземецъ, выговорившій, чтобы его никогда не фотографировали, — какъ извѣстно, дики считаютъ, что вмѣстѣ съ фотографіей берѣтся нѣкоторая часть ихъ самихъ. И вотъ однажды, когда дикарь крѣпко спалъ, Маклаю, собиравшему антропологические материалы, страшно захотѣлось сфотографировать своего слугу, такъ какъ онъ могъ служить типичнымъ представителемъ своего племени. Дикарь, конечно, никогда бы не узналъ про фотографію; но Маклай вспомнилъ свой уговоръ и устоялъ передъ искушеніемъ. Эта мелкая черта вполовѣ характеризуетъ его. Зато, когда онъ оставлялъ Новую Гвинею, дики взяли съ него обѣщаніе возвратиться. И онъ выполнилъ его черезъ нѣсколько лѣтъ, хотя былъ

тогда сильно боленъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ напечаталъ, однако, лишь самую незначительную часть своихъ, поистинѣ драгоцѣнныхъ наблюденій.

Федченко, который сдѣлалъ многочисленныя зоологическія наблюденія въ Туркестанѣ, вмѣстѣ со своей женой Ольгой Федченко, тоже естествоиспытательницей, мы называли «Европейцемъ». Онъ съ увлечениемъ трудился надъ разработкой своихъ наблюденій; но, къ несчастью, онъ погибъ въ Швейцаріи, во время восхожденія на Монбланъ. Пылая юношескимъ жаромъ послѣ путешествія по горамъ Туркестана и полный увѣренности въ свои силы, Федченко предпринялъ восхожденіе на Монбланъ безъ подходящихъ проводниковъ и погибъ во время метели. Къ счастью, его жена закончила изданіе его «Путешествія». Если не ошибаюсь, ихъ сынъ также продолжаетъ работы своихъ родителей.

Былъ я также хоршо знакомъ съ Пржевальскимъ, или, точнѣе, Шевальскимъ, какъ слѣдовало бы произносить это польское имя, хотя самъ онъ любилъ выставлять себя «настоящимъ русакомъ». Онъ былъ страстный охотникъ. Энтузіазмъ, который онъ проявилъ при изслѣдованіи Центральной Азіи, былъ почти въ такой же мѣрѣ результатомъ его страсти къ охотѣ на всевозможную рѣдкую и крупную дичь—гурановъ, дикихъ верблюдовъ и лошадей—какъ и желанія посѣтить новыя, неизвѣстныя еще земли. Когда его убѣждали разскажать что-нибудь о всѣхъ путешествіяхъ, онъ скоро прерывалъ свой скромный разсказъ восторженнымъ восклицаніемъ: «А что за дичь тамъ! Какая охота!» И онъ принимался съ энтузіазмомъ разскazyвать какъ проползъ такое-то разстояніе, чтобы подобраться на выстрѣль къ кулану. Въ немъ сошлись географъ-изслѣдователь, зоологъ и охотникъ.

Едва только онъ возвращался въ Петербургъ, какъ уже начиналъ строить планъ новой экспедиціи и бережливо копилъ для нея деньги, пробуя даже увеличить свои сбереженія биржевыми спекуляціями. По крѣпкому здоровью и по способности выносить годами суровую жизнь горнаго охотника, Пржевальскій былъ идеальнымъ путешественникомъ. Такая жизнь была ему по душѣ. Первое свое знаменитое путешествіе онъ сдѣлалъ въ сопровожденіи всегда трехъ товарищѣй, и въ ту пору онъ постоянно былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ инородцами. Но когда впослѣдствіи его экспедиціи стали принимать болѣе и болѣ-

Воепный характеръ, Пржевальскій, къ несчастію, стала больше полагаться на силу своего вооруженного колбоя, чѣмъ на миролюбивыя сношенія съ инородцами. Я слышалъ отъ хорошо освѣдомленныхъ людей, что если бы онъ не умеръ въ началѣ тибетской экспедиціи, такъ прекрасно и такъ мирно законченной его спутниками: Пѣвцовъмъ, Роборовскимъ и Козловымъ,—онъ, вѣроятно, все равно не вернулся бы изъ нея въ живыхъ.

Въ то время въ географическомъ обществѣ было большое оживленіе, и наше отдѣленіе, а слѣдовательно, и секретарь его, были заинтересованы разными вопросами. Большинство изъ нихъ было слишкомъ специального характера, чтобы здѣсь упоминать о нихъ, но не мѣшаетъ напомнить пробужденіе интереса къ плаванію и рыбнымъ промысламъ въ русской части Ледовитаго океана. Сибирскій купецъ и золотопромышленникъ Сидоровъ въ особенности старался пробудить этотъ интересъ. Онъ доказывалъ, что при небольшой правительственной помощи, напримѣръ—устройствомъ мореходныхъ классовъ и нѣсколькими экспедиціями, можно было бы сильно подвинуть изслѣдованіе береговъ Бѣлаго моря, а также поддержать рыбные промыслы и мореплаванье. Но, къ несчастію, эта небольшая поддержка должна была получиться изъ Петербурга. А стоящихъ у власти, въ этомъ придворномъ, чиновничьемъ, литературномъ, артистическомъ и космополитическомъ городѣ, трудно заинтересовать чѣмъ бы то ни было «провинциальнѣмъ». Бѣднаго Сидорова просто поднимали на смѣхъ. Интересъ къ нашему сѣверу былъ пробужденъ въ географическомъ обществѣ изъ-за границы.

Въ 1869—1871 годахъ смѣлые норвежскіе китобои совершенно неожиданно доказали, что плаванье въ Карскомъ морѣ возможно. Къ великому нашему изумленію мы узнали, что въ «ледникъ, постоянно набитый льдомъ», какъ мы съ увѣренностью называли Карское море, вошли небольшія норвежскія шкуны и избороздили его по всѣмъ направлениямъ. Предпримчивые норманны посѣтили даже мѣсто зимовки знаменитаго голландца Баренца, которое, какъ мы полагали, навсегда скрыто отъ людей ледяными полями, насчитывающими не одну сотню лѣтъ. Наши ученые моряки рѣшили, что такие неожиданные успѣхи норвежцевъ объяснялись исключительно-теплымъ лѣтомъ и исключительнымъ состоящіемъ льда. Но для немногихъ изъ насъ

было совершенно очевидно, что смѣлые норвежские кито-
деси, чувствующіе себя среди льдовъ, какъ дома, дерзнули
знобраться, со скроими пебольшими экипажами и на сво-
бѣхъ небольшихъ судахъ черезъ плѣвучіе лѣды, загромождаю-
щіе входъ въ Карскія ворота, тогда какъ командины воен-
ныхъ кораблей, скованные отвѣтственностью морской служ-
бы, никогда не рискнули этого сдѣлать.

Открытия норвежцевъ пробудили интересъ къ аркти-
ческимъ изслѣдованіямъ. Въ сущности, эти промышлен-
ники возбудили тотъ энтузіазмъ къ полярнымъ путеше-
пствіямъ, который привелъ къ открытию Норденшильдомъ
бѣверо-восточного прохода, къ изслѣдораніямъ Пэри въ
сѣверной Гренландіи и къ нансеновской экспедиціи на
Фрамъ. Зашевелилось также и наше географическое об-
щество. Назначенъ былъ комитетъ, чтобы выработать планъ
русской полярной экспедиціи и намѣтить тѣ научныя рабо-
ты, которая такая экспедиція могла бы выполнить. Специа-
листы взялись составить каждый свою часть этого доклада.

Но, какъ это часто случается, къ сроку готово было
только нѣсколько отдѣловъ: по ботаникѣ, зоологіи и ме-
теорологіи. Все остальное пришлось составить секретарю
комитета, то-есть мнѣ. Нѣкоторые вопросы — какъ, напри-
мѣръ, зоология морскихъ животныхъ, приливы, наблюденія
надъ маятникомъ, земной магнетизмъ — были для меня
совершенно новы. Но трудно себѣ представить, какое коли-
чество работы можетъ выполнить въ короткое время здо-
ровый человѣкъ, если напряжетъ всѣ свои силы и прямо
пойдетъ къ корню каждого вопроса. Мой докладъ былъ го-
товъ къ сроку и содержалъ программу предстоявшихъ
ученыхъ работъ. Оль заканчивался предложеніемъ большой
полярной экспедиціи, которая пробудила бы въ Россіи
постоянный интересъ къ арктическимъ вопросамъ и къ
плаванью въ сѣверныхъ моряхъ; но въ то же время мы ре-
комендовали развѣдочную экспедицію, которая направи-
лась бы на норвежской шкунѣ, подъ командой норвеж-
ского капитана, на сѣверъ или же на сѣверо-востокъ отъ
Новой Земли. Эта экспедиція могла бы, указывалъ я,
сдѣлать также попытку добраться до большой неизвѣстной
земли, которая должна находиться не въ далекомъ разсто-
яніи отъ Новой Земли. Возможное существованіе такого
архипелага указалъ въ своемъ превосходномъ, но мало
извѣстномъ докладѣ о течешіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ,
русскій флотскій офицеръ баронъ Шиллингъ. Когда я про-

читаль этот докладъ, а также путешествіе Лотке на Новую Землю и познакомился съ общими условіями этой части Ледовитаго океана, то сразу увидаль, что предложеніе Шиллинга должно быть вѣрно. Къ съверу отъ Новой Земли, дѣйствительно, должна существовать земля, лежащая подъ болѣе высокой широтой, чѣмъ Шпицбергенъ. На это указывало неподвижное состояніе льда на съверо-западъ отъ Новой Земли, камни и грязь находимые на плавающихъ здѣсь ледяныхъ поляхъ и нѣкоторые другіе мелкие признаки. Кромѣ того, если бы такая земля не существовала, то холодное теченіе несущееся на западъ, отъ меридiana Берингова пролива къ Гренландіи (то самое, въ которомъ дрейфовалъ *Фрамъ* — на него указывалъ уже Ломоносовъ), непремѣнно достигало бы Нордъ-Капа, какъ справедливо замѣтилъ Шиллингъ, и покрывало бы берега Лапландіи льдомъ, точно такъ, какъ это мы видимъ на крайнемъ съверѣ Гренландіи. Теплое теченіе, являющееся слабымъ продолженіемъ Гольфстрѣма, не могло бы помѣшать нагроможденію льдовъ у съверныхъ береговъ Европы, если бы такой земли не существовало. Этотъ архипелагъ, какъ известно, былъ открытъ два года спустя австрійской экспедиціей и названъ Землей Франца Іосифа.

Докладъ по поводу полярной экспедиціи имѣлъ для меня совершенно неожиданныя послѣдствія. Мнѣ предложили стать во главѣ развѣдочной экспедиціи, для которой будетъ специально царята норвежская шкуна. Я замѣтилъ, конечно, что никогда не бывалъ въ морѣ; но мнѣ возразили, что если сочетать опытность норвежца Карльсена или Іогансена съ починомъ человѣка науки, то павѣрное можно получить очень цѣнныя результаты. И я принялъ бы предложеніе, если бы Министерство Финансовъ не наложило на предпріятіе своего *veto*, отвѣтивъ, что министръ финансъ не можетъ асигновать необходимыхъ для экспедиціи ридцати или сорока тысячъ рублей. Съ того времени русские не принимали никакого участія въ изслѣдованіи полярныхъ морей. Земля, которую мы провидѣли сквозь полярную мглу, была открыта Пайеромъ и Вейпрахтомъ, а архипелагъ, который долженъ находиться ча съверо-востокъ отъ Новой Земли (я въ этомъ убѣждѣнъ теперь еще больше чѣмъ тогда) — такъ еще не найденъ¹⁾.

1) Только въ 1901 году экспедиція Толля отправилась съ цѣлью открыть его и, какъ известно, смѣлый изслѣдователь погибъ, быть — можетъ, на пути къ землѣ Санникова.

Вмѣсто полярнаго путешествія, географическое общество предложило мнѣ скромную экскурсію въ Финляндію и Швецію для изслѣдованія ледниковыхъ отложенийъ, и это путешествіе направило меня на совершенно новую дорогу.

Лѣтомъ тѣго года Академія наукъ командировала двухъ своихъ членовъ, старого геолога генерала Г. П. Гельмерсена, и неутомимаго изслѣдователя Сибири Фридриха Шмидта—изучить строеніе длиныхъ наносныхъ грядъ, которая въ Финляндіи и Швеціи извѣстны подъ названіемъ дозъ, а въ Англіи называются eskers, kames и т. п. Съ тою же цѣлью географическое общество послало меня въ Финляндію. Мы посѣтили втроемъ великолѣпную гряду Пунгахарью и затѣмъ раздѣлились. Я много работалъ въ то лѣто, объѣздилъ значительную часть Финляндіи и переправился въ Швецію, гдѣ изучалъ Упсальскій озъ и провелъ въ Стокгольмѣ нѣсколько счастливыхъ дней вмѣстѣ съ Норденшильдомъ. Уже тогда, въ 1871 году, онъ сообщилъ мнѣ свое намѣреніе добраться до устьевъ сибирскихъ рѣкъ, а не то и до Берингова пролива, черезъ Ледовитый океанъ. Возвратившись въ Финляндію, я продолжалъ мои изслѣдованія до глубокой осени и собралъ массу въ высшей степени интересныхъ наблюденій относительно оледенѣнія края. Но во время этого путешествія я думалъ также очень много о соціальныхъ вопросахъ, и эти мысли имѣли рѣшающее вліяніе на мое послѣдующее развитіе.

Въ географическомъ обществѣ черезъ мои руки проходили всевозможные цѣнныя материалы относительно географіи Россіи. Мало-по-малу у меня начала складываться мысль написать пространную физическую географію этой громадной части свѣта, удѣляя при этомъ видное мѣсто экономическимъ явленіямъ. Я намѣревался дать полное географическое описание всей Россіи, основывая его на строеніи поверхности,—орографіи, характеръ которой я начинаялъ себѣ уяснять послѣ сдѣланной мною работы о строеніи Сибири. И я хотѣлъ очертить въ этомъ описаніи различныя формы хозяйственной жизни, которая должны господствовать въ различныхъ физическихъ областяхъ. Много вопросъ, насущныхъ для русского народа, можно было бы выяснить такою работою. Возьмите, напримѣръ, громадныя южно-русскія степи, такъ часто страдающія отъ засухи и неурожая. Послѣдніе нельзя считать случайнымъ бѣдствиемъ; они являются такою же естественной чертой даннаго

округа, какъ и его положение на южномъ скатѣ средней возвышенности, или его плодородіе. Вся хозяйственная жизнь южной Россіи должна быть поэтому построена на предусмотрѣніи неизбѣжныхъ повтореній періодическихъ недородовъ. Каждый изъ поясовъ Россійской имперіи слѣдовало бы описать такъ же научно, какъ Азія была описана въ великолѣпномъ трудѣ Ритера.

Но для такой работы нужна была масса времени и полная свобода, и я часто думалъ, какъ споро пошло бы дѣло, если бы меня выбрали современемъ секретаремъ географического общества. И вотъ осенью 1871 года, когда я работалъ въ Финляндіи и медленно подвигался пѣшкомъ къ Финскому заливу вдоль строившейся желѣзной дороги, высмотривая, гдѣ появятся первые неоспоримые слѣды послѣ-ледниково-аго моря,—я получилъ телеграмму отъ географического общества: «Совѣтъ просить васъ принять должность секретаря общества». Въ то же время выходившій въ отставку секретарь баронъ Остенъ - Сакенъ убѣдительно просилъ меня не отказываться.

Мое желаніе, такимъ образомъ, осуществлялось. Но въ эту пору другія мысли и другія стремленія уже овладѣли мною, и, серьезно обдумавъ мое рѣшеніе, я телеграфировалъ въ отвѣтъ: «Душевно благодарю, но должности принять не могу».

III

Часто случается, что люди тянутъ ту или другую политическую, соціальную или семейную лямку, только потому, что имъ некогда разобраться—некогда спросить себя: такъ ли устроилась ихъ жизнь, какъ нужно? Соответствуетъ ли ихъ занятіе ихъ склонностямъ и способностямъ и, дасть ли оно имъ то нравственное удовлетвореніе, которое каждый въ правѣ ожидать въ жизни? Дѣятельные люди всего чаще оказываются въ такомъ положеніи. Каждый день приносить съ собою новую работу, и ея накапливается столько, что человѣкъ поздно ложится, не выполнивъ всего, что собирался сдѣлать за день, а утромъ поспѣшно хватается за дѣло, не доконченное вчера. Жизнь проходить, и нѣтъ времени подумать, никогда обсудить ея складъ. То же самое случилось и со мной.

Но теперь, во время путешествія по Финляндіи, у меня былъ досугъ. Когда я проѣзжалъ въ Финской одноколкѣ

по равнинѣ, не представлявшей интереса для геолога, или когда переходилъ съ молоткомъ на плечахъ отъ одной балластной ямы къ другой, я могъ думать,—и одна мысль все болѣе и болѣе властно захватывала меня, гораздо сильнѣе геологии.

Я видѣлъ, какое громадное количество труда затрачивается финскій крестьянинъ, чтобы расчистить поле и раздробить валуны, и думалъ: «Хорошо, я напишу физическую географію этой части Россіи и укажу лучшіе способы обработки земли. Вотъ здѣсь американская машина для корчеванія лней принесла бы громадную пользу. А тамъ наука могла бы указать новый способъ удобренія...»

«Но что за польза толковать крестьянину обѣ американскихъ машинахъ, когда у него едва хватаетъ хлѣба, чтобы перебиться отъ одной жатвы до другой; когда арендная плата за эту, усыпанную валунами, землю растетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ крестьянинъ улучшаетъ почву! Онъ грызетъ свою, твердую, какъ камень, гжаную лепешку, которую печеть дважды въ годъ, съѣдаетъ съ нею кусокъ невѣроятно соленой трески и запиваетъ снятymъ молокомъ... Какъ смѣю я говорить ему обѣ американскихъ машинахъ, когда на аренду и подати уходитъ весь его заработка! Крестьянину нужно, чтобы я жилъ съ нимъ, чтобы я помогъ ему сдѣлаться собственникомъ или вольнымъ пользователемъ земли. Тогда онъ и книгу прочтетъ съ пользой, но не теперь».

И мысленно я переносился изъ Финляндіи къ нашимъ никольскимъ крестьянамъ, которыхъ видѣлъ недавно. Теперь они свободны и высоко цѣнятъ волю,—но у нихъ нѣть покосовъ. Тѣмъ или гнѣмъ путемъ помѣщики захватили всѣ луга для себя. Когда я былъ мальчикомъ, Савохины посыпали въ ночное шесть лошадей, Толкачевы — семь. Теперь у нихъ только по три лошади. У кого было прежде по три, теперь и двухъ нѣть, а иные бѣдняки остались съ одной. Какое же хозяйство можно вести съ одной жалкой кляченкой! Нѣть покосовъ,—нѣть скота и нѣть навоза! Какъ же тутъ толковать крестьянамъ про травосѣяніе! Они уже разорены, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ разорятъ въ конецъ, выколачивая чрезмѣрныя подати. Какъ обрадовались они, когда я сказалъ, что отецъ разрѣшаетъ имъ обкосить полянки въ Костиномъ лѣсу! «Ваши никольские мужики люты на работу», говорили всѣ наши сосѣди. Но

пашни, которыя мачеха оттягала у нихъ въ силу «закона о минимумѣ помѣщичьей земли» (діавольскій параграфъ, внесенный крѣпостниками, когда имъ позволили пересмотрѣть Уложеніе), теперь поросли чертополохомъ и бурьяномъ. Лютымъ работникамъ не позволяютъ пахать эти земли. И то же самое творится по всей Россіи. Уже въ то время было очевидно, что первый серьѣзный неурожай въ центральной Россіи приведетъ къ страшному голоду. О томъ же предупреждали и правительственные комиссіи (валуевская въ томъ числѣ). И дѣйствительно, голодъ былъ въ 1876, въ 1889, 1891, 1895 и 1898 годахъ.

Наука—великое дѣло. Я зналъ радости, доставляемыя ею и цѣнилъ ихъ, быть-можеть, даже больше, чѣмъ многіе мои собратья. И теперь, когда я всматривался въ холмы и озёра Финляндіи, у меня зарождались новыя, величественныя обобщенія. Я видѣлъ, какъ въ отдаленномъ прошломъ, на зарѣ человѣчества, въ сѣверныхъ архипелагахъ, на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ Финляндіи скоплялись льды. Они покрыли всю сѣверную Европу и медленно расползлись до ея центра. Жизнь тогда исчезала въ этой части сѣверного полушарія, и жалкая, певѣрная, отступала все дальше и дальше на югъ предъ мертвящимъ дыханьемъ громадныхъ ледяныхъ массъ. Несчастный, слабый, темный дикарь съ великимъ трудомъ поддерживалъ непрочное существованіе. Прошли многія тысячелѣтія, прежде чѣмъ началось таяніе льдовъ и наступилъ озёрный периодъ. Безчисленные озёра образовались тогда во впадинахъ; жалкая субполярная растительность начала робко показываться на безбрежныхъ болотахъ, окружавшихъ каждое озеро; и прошли еще тысячетелѣтія, прежде чѣмъ началось крайне медленное высыханіе болотъ и растительность стала надвигаться съ юга. Теперь мы—въ периодъ быстраго высыханія, сопровождаемаго образованіемъ степей, и человѣку нужно найти способъ, какимъ образомъ остановить это угрожающее юго-восточной Европѣ высыханіе, жертвой которого уже пала Центральная Азія.

Въ то время вѣра въ ледяной покровъ, достигавшій до Центральной Европы, считалась непозволительной ересью; но предъ моими глазами возникла величественная картина, и мнѣ хотѣлось передать ее въ мельчайшихъ подробностяхъ, какъ я её представлялъ себѣ. Мнѣ хотѣлось примѣнить эту картину, какъ ключъ къ современному распространенію флоры и фауны, и

открыть новые горизонты для геологии и физической географии.

Но какое право имѣлъ я на всѣ эти высшія радости, когда вокругъ меня—гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусокъ хлѣба? когда все истраченное мною, чтобы жить въ мірѣ высокихъ душевныхъ движений, неизбѣжно должно быть вырвано изо рта съюзныхъ пшеницу для другихъ и не имѣющихъ достаточно чернаго хлѣба для собственныхъ дѣтей? У кого-нибудь кусокъ долженъ быть вырванъ изо рта, потому что совокупная производительность людей еще такъ низка.

Знаніе—могучая сила. Человѣкъ долженъ овладѣть имъ. Но мы и теперь уже знаемъ много. Что если бы это знаніе, только это стало достояніемъ всѣхъ? Развѣ сама наука тогда не подвинулась бы быстро впередъ? Сколько новыхъ изобрѣтеній сдѣлаетъ тогда человѣчество, и насколько увеличить оно тогда производительность общественного труда! Грандіозность этого движения впередъ мы даже теперь можемъ предвидѣть.

Массы хотятъ знать. Онъ хотятъ учиться; онъ могутъ учиться. Вонъ тамъ, на гребнѣ громадной морены, тянущейся между озерами, какъ будто бы великаны насыпали ее послѣдно, чтобы соединить два берега, стоитъ финскій крестьянинъ и погруженъ въ созерцаніе разстилающихся предъ нимъ прекрасныхъ водъ, усыпанныхъ островами. Ни одинъ изъ этихъ крестьянъ, какъ бы забить и бѣденъ онъ ни былъ, не проѣдетъ мимо этого мѣста не остановившись, не залюбовавшись. Или вонъ тамъ на берегу озера стоитъ другой крестьянинъ и поетъ что-то до того прекрасное, что лучшій музыкантъ позавидовалъ бы чувству и выразительности его мелодіи. Оба чувствуютъ, оба созерцаютъ, оба думаютъ. Они готовы расширить свое знаніе, только дайте его имъ, только предоставьте имъ средства завоевать себѣ досугъ.

Вотъ въ какомъ направленіи мнѣ слѣдуетъ работать, и вотъ тѣ люди, для которыхъ я долженъ работать. Всѣ эти звонкія слова насчетъ прогресса, произносимыя въ то время, какъ сами дѣлатели прогресса держатся въ сторонѣ отъ народа, всѣ эти громкія фразы—одни софизмы. Ихъ придумали, чтобы отдѣлаться отъ разъѣдающаго противорѣчія...

И я послалъ мой отказъ географическому обществу.

IV

Петербургъ сильно измѣнился съ 1862 года, когда я оставилъ его.

— О, да! — говорилъ мнѣ какъ-то поэтъ Майковъ, — вы знали Петербургъ Чернышевскаго.

Да, дѣйствительно, я зналъ тотъ Петербургъ, чимъ любимцемъ былъ Чернышевскій. Но какъ же мнѣ назвать городъ, который я нашелъ по возвращеніи? Быть-можетъ, Петербургомъ кафешантановъ и танцклассовъ, если только название «весь Петербургъ» можетъ быть примѣнено къ высшимъ кругамъ общества, которымъ тонъ задавалъ дворъ.

При дворѣ и въ придворныхъ кружкахъ либеральная идея были на плохомъ счету. На всѣхъ выдающихся людей шестидесятыхъ годовъ, даже на такихъ умѣренныхъ, какъ графъ Николай Муравьевъ и Николай Милютинъ, смотрѣли какъ на неблагонадѣжныхъ. Александръ II удержалъ лишь военнаго министра Дмитрія Милутина, да и то только потому, что на осуществленіе начатаго имъ преобразованія армії требовалось еще много лѣтъ. Всѣхъ остальныхъ дѣятелей реформенного периода выбросили за бортъ.

Разъ какъ-то я бесѣдовалъ съ однимъ сановникомъ, занимавшимъ видный постъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ рѣзко критиковалъ дѣятельность другого сановника, и я замѣтилъ, въ защиту ,что послѣдній никогда, однако, не захотѣлъ принять никакого мѣста на службѣ при Николаѣ I.

— А теперь онъ служитъ при Шуваловѣ и Треповѣ! — воскликнулъ мой собесѣдникъ. Замѣчаніе такъ вѣрно передавало истинное положеніе дѣлъ, что мнѣ оставалось только замолчать.

Дѣйствительно, настоящими правителями Россіи были тогда шефъ жандармовъ Шуваловъ и петербургскій оберъ-полиціймейстеръ Треповъ. Александръ II выполнялъ ихъ волю, былъ ихъ орудіемъ. Правили же они страхомъ. Треповъ до того напугалъ Александра II призраками революціи, которая вотъ-вотъ разразится въ Петербургѣ, что если всесильный оберъ-полиціймейстеръ опаздывалъ во дворецъ на нѣсколько минутъ съ ежедневнымъ докладомъ, императоръ спрѣвлялся: «Все ли спокойно въ Петербургѣ?»

Вскорѣ послѣ того, какъ Александръ II далъ «чистую отставку» княжнѣ N., онъ очень подружился съ генераломъ Флѣри, адъютантомъ Наполеона III, бывшимъ душой де-

кабрьского переворота. Ихъ постоянно можно было видѣть вмѣстѣ. Флѣри разъ увѣдомилъ даже парижанъ про великую честь, оказанную ему русскимъ царемъ. Послѣдній, бѣдучи по Н вскому въ своей эгоисткѣ (пролетѣ съ крошечнымъ сидѣніемъ для одного: онѣ тогда были въ модѣ), увидалъ Флѣри шедшаго пѣшкомъ, и позвалъ его въ свой экипажъ. Французскій генераль подробно описалъ въ газетахъ, какъ царь и онъ, крѣпко обнявшись, сидѣли на узкомъ сидѣніи, наполовину на вѣсу. Достаточно назвать этого новаго закадычнаго пріятеля, на чеѣ котораго еще не завяли лавры Компьени, чтобы понять, что означала дружба.

Шуваловъ широко пользовался настроениемъ своего повелителя и вырабатывалъ одну реакціонную мѣру за другой. Если же Александръ II не соглашался подписать ихъ, Шуваловъ принимался говорить о приближающейся революціи, о судьбѣ Людовика XVI и «ради спасенія династіи» умоляль царя ввести новыя репрессіи. При всемъ томъ, угрызенія совѣсти и подавленное состояніе духа часто овладѣвали Александромъ II. Онъ впадалъ тогда въ мрачную меланхолію и уныло говорилъ о блестящемъ началѣ своего царствованія и о реакціонномъ характерѣ, которое оно теперь принимаетъ. Тогда Шуваловъ устралвалъ медвѣжью охоту. Въ новгородскіе лѣса отправлялись охотники, веселые придворные, партіи балетныхъ танцовщицъ. Александръ II, который былъ хороший стрѣлокъ и подпускалъ звѣря на пѣсколько шаговъ, укладывалъ двухъ-трехъ медвѣдей. И среди возбужденія охотничихъ празднествъ Шувалову удавалось получить отъ своего повелителя санкцію какой угодно реакціонной мѣры, сочиненной имъ, или же утвержденія любого грандіознаго грабежа, намѣченного клиентами графа.

Александръ II, конечно, не былъ заурядной личностью; но въ немъ жили два совершенно различныхъ человѣка, съ рѣзко выраженными индивидуальностями, постоянно боровшимися другъ съ другомъ. И эта борьба становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе старился Александръ II. Онъ могъ быть обаятеленъ и немедленно же выказать себя грубымъ звѣремъ. Предъ лицомъ настоящей опасности Александръ II проявлялъ полное самообладаніе и спокойное мужество, а между тѣмъ онъ постоянно жилъ въ страхѣ опасностей, существовавшихъ только въ его воображеніи. Безъ сомнѣнія, онъ не былъ трусь и спокойно пошелъ бы на

медвѣдя лицомъ къ лицу. Однажды медвѣдь, которого онъ не убилъ наповалъ первымъ выстрѣломъ, смялъ охотника, бросившагося впередъ съ рогатиной. Тогда царь бросился на помощь своему подручнику. Онъ подошелъ и убилъ звѣря, выстрѣливъ въ упоръ (я слышалъ этотъ разсказъ отъ самого медвѣжатника). И тѣмъ не менѣе, Александръ II всю жизнь прожилъ подъ страхомъ ужасовъ, созданныхъ его воображениемъ и неспокойной совѣстью. Онъ былъ очень мягокъ съ друзьями; между тѣмъ эта мягкость уживалась въ немъ рядомъ со страшной, равнодушной жестокостью, достойной XVII вѣка, которую онъ проявилъ при подавленіи польского мятежа, и впослѣдствіи, въ 1880 году, когда такія же жестокія мѣры были приняты для усмиренія восстанія русской молодежи,—при чемъ никто не счелъ бы его способнымъ на такую жестокость. Такимъ образомъ Александръ II жилъ двойной жизнью, и въ тотъ періодъ, о которомъ я говорю, онъ подписывалъ самые реакціонные указы, а потомъ приходилъ въ отчаяніе по поводу ихъ. Къ концу жизни эта внутренняя борьба, какъ мы увидимъ дальше, стала еще сильнѣе и приняла почти трагический характеръ.

Въ 1877 году Шувалова назначили посланникомъ въ Англію; но другъ его, генераль Потаповъ, продолжалъ ту же политику, вплоть до Турецкой войны. За это время шелъ съ широчайшихъ размѣрахъ самый безсовѣстный грабежъ казны, и расхищались государственные и башкирскія земли, а также и имѣнія, конфискованныя послѣ восстанія 1863 года въ Литвѣ. Впослѣдствіи, когда Потаповъ сошелъ съ ума, а Треповъ былъ удаленъ въ отставку, ихъ придворные враги захотѣли показать Александру II этихъ героеvъ въ истинномъ свѣтѣ, и нѣкоторые ихъ подвиги выплыли на свѣтъ, когда, по знаменитому логишинскому дѣлу, креатура Потапова—минскій губернаторъ тайный совѣтникъ Токаревъ и ихъ застуپникъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ палачъ крестьянъ генераль Лошкаревъ, были отданы подъ судъ. Тогда обнаружилось, какъ «обrusитель» Токаревъ, при помощи своего пріятеля Потапова, бѣзстыдно ограбилъ логишинскихъ крестьянъ и отнялъ иуть землю. Пользуясь высокимъ покровительствомъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ устроилъ такъ, что крестьяне, искавшихъ суда, арестовывали, пороли поголовно и нѣсколькихъ перестрѣляли. Это одно изъ самыхъ возмутительныхъ дѣлъ даже въ русскихъ лѣтописяхъ,

чреватыхъ грабежами всякаго рода. Лишь послѣ выстрѣла Вѣры Засуличъ, мстившей за наказаніе розгами политическаго заключеннаго, выяснилось воровство потаповской шайки, и министра удалили въ отставку. Треповъ же, думая, что ему приходится умирать, составилъ завѣщаніе, при чёмъ оказалось, что генералъ, безпрерывно твердившій царю что бѣденъ, хотя занимаетъ прибыльный постъ оберъ-полиціймейстера, оставилъ своему сыну значительное состояніе. Нѣкоторые придворные донесли объ этомъ Александру II, который потерялъ довѣріе къ генералу и разстался съ нимъ. Тогда-то выплыли нѣкоторые грабежи, свершонные шайкою Шувалова, Потапова, Трепова и К°. Но предъ сенатомъ логишинское дѣло разбиралось только въ декабрѣ 1881 года,—«при открытыхъ дверяхъ».

Повсемѣстно въ министерствахъ, а въ особенности при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и при всякаго рода подрядахъ, грабежъ шелъ на большую ногу. Такимъ путемъ составлялись колоссальныя состоянія. Флотъ, какъ сказали самъ Александръ II одному изъ своихъ сыновей, находился «въ карманахъ такого-то». Постройка гарантированныхъ правительствомъ желѣзныхъ дорогъ обходилась баснословно дорого. Всѣмъ было извѣстно, что невозможно добиться утвержденія акціонернаго предпріятія, если различнымъ чиновникамъ въ различныхъ Министерствахъ не будетъ обѣщанъ извѣстный процентъ съ дивиденда. Одинъ мой знакомый захотѣлъ основать въ Петербургѣ одно коммерческое предпріятіе и обратился за разрѣшеніемъ куда слѣдовало. Ему прямо сказали въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, что 25% чистой прибыли нужно дать одному чиновнику этого Министерства, 15%—одному служащему въ Министерствѣ финансовъ, 10% другому чиновнику того же Министерства и 5% еще одному. Такого рода сдѣлки свершались открыто, и Александръ II отлично зналъ про нихъ. О томъ свидѣтельствуютъ его собственноручныя замѣтки на поляхъ локладовъ государственного контролёра (они напечатаны были, за нѣсколько лѣтъ, въ Берлинѣ). Но царь видѣлъ въ этихъ ворахъ своихъ защитниковъ отъ революціи и держалъ ихъ, покуда ихъ грабежи не становились слишкомъ уже гласны.

Всѣ молодые князья, кромѣ Александра Александровича, который всегда былъ большой скопидомъ и хорошій отецъ семейства, слѣдовали примѣру главы дома. Оргіи, которыхъ устраивалъ одинъ изъ нихъ, Владимиръ, въ ресто-

ранѣ на Невскомъ, были до того отвратительны и до тога извѣстны, что разъ почю оберъ-полицеймейстеръ долженъ быть вмѣшаться. Хозяину пригрозили Сибирью, если онъ еще разъ сдастъ великому князю «его специальный кабинетъ». — «Мое-то положеніе каково!» жаловался рестораторъ, показывая мнѣ «великокняжескій кабинетъ», стѣны и потолокъ котораго были покрыты толстыми атласными подушками. «Съ одной стороны, какъ отказать члену императорской фамиліи, который можетъ меня скрутить въ бараній рогъ, а съ другой — Треповъ грозитъ Сибирью! Конечно, я послушался генерала. Вы знаете, онъ всесиленъ теперь». Другой великий князь прославился пороками, относящимися къ области психопатологии. Третьяго сослали въ Ташкентъ за кражу брильянтовъ у матери.

Императрица Марія Александровна, оставленная мужемъ и, по всей вѣроятности, приведенная въ ужасъ характеромъ, который принималъ дворъ, все больше и больше становилась святотѣпой и вскорѣ всесвѣтно находилась въ рукахъ придворнаго священника, представителя совершенно новой формациіи русской церкви — іезуитской. Эта новая, гладко причесанная, развратная и іезуитская порода поповства въ то время быстро шла въ гору, и они усиленно и успѣшино работали, чтобы стать государственной силой и забрать въ свои руки школы.

Много разъ было доказано въ Россіи, что сельское духовенство такъ занято требами, что не можетъ удѣлять времени народнымъ школамъ. Даже тогда, когда священникъ получаетъ вознагражденіе за преподаваніе Закона Божіяго въ деревенской школѣ, онъ обыкновенно поручаетъ уроки кому-нибудь другому, такъ какъ у него нѣтъ времени. Тѣмъ не менѣе высшее духовенство, пользуясь ненавистью Александра II къ такъ называемому революціонному духу, начало походить съ цѣлью забрать въ руки школы. Лозунгомъ духовенства стало: «или приходская школа, или никакой». Вся Россія жаждала образованія; но даже включавшаяся въ государственный бюджетъ, до смишного ничтожная сумма въ пять-шесть миллионовъ рублей на начальное образованіе, и та не расходовалась вся министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое каждогодно возвращало въ казначейство почтенный остатокъ. Въ то же время почти такая же сумма отпускалась ежегодно Синоду, какъ пособіе приходскимъ школамъ, которыхъ тогда, такъ же какъ и теперь, существовали только на бумагѣ.

Вся Россія желала реальныхъ школъ; но Министерство открывало только классическая гимназія, такъ какъ полагалось, что громадные курсы древнихъ языковъ не дадутъ ученикамъ времени думать и читать. Въ этихъ гимназіяхъ лишь двѣ-сотыхъ учениковъ, поступавшихъ въ первый классъ, успѣшино добирались до аттестата зрѣлости. Всѣ мальчики, подававшіе надежды или проявлявшіе какую-нибудь независимость характера, тщательно намѣчались, и ихъ удаляли раньше всѣмого класса. При этомъ приняты были также всѣ мѣры чтобы уменьшить число учениковъ. Образованіе признано было роскошью, пригодной лишь для немногихъ. Въ то же время Министерство Народного Просвѣщенія занялось усиленной и ожесточенной борьбой въ съ частными лицами, земствами и городскими управами, пытавшимися открывать учительскія семинаріи, техническія, а то даже и начальные школы. На техническое образованіе—въ странѣ, нуждавшейся въ инженерахъ, ученыхъ агрономахъ и геологахъ—смотрѣли какъ на нечто революціонное. Оно преслѣдовалось, запрещалось. Даже и теперь ежегодно двѣ-три тысячи молодыхъ людей не попадаютъ въ высшія техническія учебныя заведенія по недостатку вакансій. Чувство отчаянія овладѣвало всѣми тѣми, которые хотѣли принести какую-нибудь пользу обществу. А въ это время непосильная подати и выколачивание недоимокъ полицейскими властями разоряли навсегда крестьянъ. Въ столицѣ въ милости были лишь тѣ губернаторы, которые особенно беспощадно выколачивали недоимки.

Таковъ былъ офиціальный Петербургъ. Таково было его вліяніе на всю Россію.

V.

Предъ отъездомъ изъ Сибири мы часто бесѣдовали съ братомъ о той умственной жизни, которую найдемъ въ Петербургѣ, и о предстоящихъ интересныхъ знакомствахъ въ литературныхъ кружкахъ. Дѣйствительно, мы завязалъ такія знакомства среди, какъ радикаловъ, такъ и умѣренныхъ славянофиловъ; но надо сознаться, что мы пѣсколько были разочарованы. Встрѣтили мы массу прекрасныхъ людей (въ Россіи ихъ вѣздѣ много); но они вовсе не соответствовали нашему идеалу политическихъ писателей. Лучшие литераторы — Чернышевскій, Михайловъ, Лавровъ,

были къ ссылкѣ, или, какъ Писаревъ, сидѣли въ Петровавловской крѣпости. Другіе, мрачно смотрѣвшіе на дѣйствительность, измѣнили своимъ убѣжденіямъ и теперь тяготѣли къ своего рода отеческому самодержавію. Большинство же хотя и сохранило еще свои взгляды, но стало до такой степени осторожно въ выраженіи ихъ, что эта осторожность почти равнялась измѣнѣ.

Когда реформаціонное теченіе царило въ Россіи, почти всѣ писатели, принадлежавшіе къ передовымъ кружкамъ, были такъ или иначе въ сношеніяхъ съ Герценомъ, Тургеневымъ и ихъ друзьями или даже съ тайными обществами *Великороссия и Земля и Воля*, имѣвшими тогда кратковременное существованіе. Теперь эти люди заботились лишь о томъ, чтобы склонить поглубже свои прежнія симпатіи и казаться вполнѣ «благонадежными» въ политикѣ.

Два-три журнала, которые терпѣло начальство,—главнымъ образомъ благодаря необыкновенной дипломатической ловкости ихъ из每一天елей—помѣщали богатый бытовой материалъ, наглядно доказывавшій, что нищета и разоренность большинства крестьянъ постоянно растутъ изъ года въ годь. Въ этихъ же журналахъ достаточно прозрачно говорилось и о тѣхъ препятствіяхъ, которыя ставились всякому прогрессивному дѣятелю, въ какой бы области онъ ни пытался приложить свои силы. Фактовъ въ подтвержденіе приводилось столько, что они могли бы всякаго привести въ отчаяніе. Но никто не смѣлъ сказать, какъ помочь дѣлу; никто не дерзаль хоть намекомъ указать на поле возможной дѣятельности или же на выходъ изъ положенія, которое признавалось безнадѣжнымъ. Нѣкоторые писатели все еще надѣялись, что Александръ II опять станетъ преобразователемъ; но у большинства страхъ, что запретить журналъ и сошлють из每一天елей и сотрудниковъ въ болѣе или менѣе отдаленные мѣста, заглушалъ всѣ остальные чувства. Опасеніе и надежда въ одинаковой степени парализовали писателей.

Чѣмъ сильнѣе радикальничали они десять лѣтъ тому назадъ, тѣмъ больше трепетали они теперь. Насъ съ братомъ очень хорошо приняли въ двухъ-трехъ литературныхъ кружкахъ, и мы иногда бывали на ихъ пріятельскихъ собраніяхъ. Но какъ только бесѣда теряла фривольный характеръ, или какъ только братъ, обладавшій большимъ талантомъ поднимать серьёзные вопросы, направлялъ разговоръ на внутреннія дѣла или же на положеніе Франціи, которую

Наполеонъ III велъ къ страшному кризису 1870 года,— кто-нибудь изъ старшихъ уже, навѣрное прерывалъ разговоръ громкимъ вопросомъ: «А кто былъ, господа, на послѣднемъ представлениіи Прекрасной Елены?» или: «А какого вы, сударь, мнѣнія обѣ этомъ балыкѣ?» Разговоръ такъ и обрывался.

Внѣ литературныхъ кружковъ положеніе дѣлъ обстояло еще хуже. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Россіи, а въ особенности въ Петербургѣ, было много передовыхъ людей, которые, какъ казалось тогда, готовы были всѣмъ пожертвовать для своихъ убѣжденій. «Что стало съ ними?» задавалъ я себѣ вопросъ. Я заговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ: «Осторожный, молодой человѣкъ!» отвѣчали они. Ихъ кодексъ житейской философіи заключался теперь въ пословицахъ: «Сила солому ломить», «Лбомъ стѣны не прошибешь» и тому подобныхъ, которыхъ, къ несчастью, такъ много въ русскомъ языкѣ.—«Мы кое-что уже сдѣлали, не требуйте больше отъ насъ», или: «Потерпите, такое положеніе вещей долго не продержится». Такъ говорили намъ А мы, молодежь, готовы были начать борьбу, дѣйствовать, рисковать, если нужно, жертвовать всѣмъ. Мы просили у стариковъ лишь совѣта, кое-какихъ указаний и нѣкоторой интеллектуальной поддержки.

Тургеневъ въ «Дымѣ» вывелъ нѣкоторыхъ экс-реформаторовъ высшаго круга, и картина вышла довольно унылая. Но шестидесятниковъ «на ущербѣ» нужно въ особенности изучать по надрывающимъ душу романамъ и очеркамъ г-жи Хвошинской, писавшей подъ псевдонимомъ «В. Крестовскій» (не слѣдуетъ смѣшивать съ В. Крестовскимъ, авторомъ «Петербургскихъ трущобъ»). Правиломъ прогрессистовъ на ущербѣ стало: «Довольствуйся, что живъ» или, точнѣе, «радуйся, что выжилъ». Вскорѣ они, какъ и та безличная толпа, которая десять лѣтъ тому назадъ составляла силу прогрессивнаго движенія, отказывались даже слушать «про разные сантименты». Они спѣшили воспользоваться богатствами, плывшими въ руки «практическимъ людямъ».

Послѣ освобожденія крестьянъ открылись новые пути къ обогащенію, и по нимъ хлынула жадная къ наживѣ толпа. Желѣзныя дороги строились съ лихорадочной поспѣшностью. Помѣщики спѣшили закладывать имѣнія въ только-что открытыхъ частныхъ банкахъ. Недавно введенныя нотаріусы и адвокаты получали громаднѣйшіе доходы.

Акционерныя компаніи росли какъ грибы послѣ дождя; и учредители богатѣли. Люди, которые прежде скромно жили бы въ деревнѣ на доходь отъ ста душъ, а не то на еще болѣе скромное жалованье судейскаго чиновника, теперь составляли себѣ состоянія, или получали такие доходы, какіе во времена крѣпостного права перепадали лишь крупнымъ магнатамъ.

Самые вкусы «общества» падали все ниже и ниже. Итальянская опера, прежде служившая радикаламъ фуромомъ для демонстрацій, теперь была забыта. Русскую оперу, робко выставлявшую достоинства нашихъ великихъ композиторовъ, посѣщали лишь немногіе энтузіасты. И ту и другую находили теперь «скучной». Сливки петербургскаго общества валили въ одинъ пошленскій театръ, въ которомъ второстепенные звѣзды парижскихъ малыхъ театровъ получали легко заслуженные лавры отъ своихъ поклонниковъ, конногвардейцевъ. Публика валила смотрѣть «Прекрасную Елену», съ Лядовой, въ Александринскомъ театрѣ, а нашихъ великихъ драматурговъ забывали. Оффенбаховщина царила повсюду.

Нужно, впрочемъ, сказать, что политическая атмосфера была такова, что лучшіе люди имѣли нѣкоторое основаніе, или во всякомъ случаѣ, находили вѣскія оправданія, чтобы присмирѣть. Послѣ каракозовскаго выстрѣла 4-го апрѣля 1866 года, Третье отдѣленіе стало всесильнымъ. Заподозрѣнныя въ «радикализмѣ»—все равно, сдѣлали они что-нибудь или нѣтъ—жили подъ постояннымъ страхомъ. Ихъ могли забрать каждую ночь за знакомство съ лицомъ, замѣшаннымъ въ политическое дѣло, за безобидную записку, захваченную во время ночного обыска, а не то и просто за «опасныхъ» убѣжденія. Арестъ же по политическому дѣлу могъ означать все, что хотите: годы заключенія въ Петропавловской крѣпости, ссылку въ Сибирь или даже пытку въ казематахъ.

Каракозовское движеніе мало извѣстно даже въ самой Россіи. Я находился въ то время въ Сибири и знаю о немъ лишь по наслышкѣ. Повидимому, въ немъ слилось тогда два различныхъ теченія. Одно изъ нихъ представляло въ зародыши то движеніе въ народъ, которое впослѣдствіи приняло такие громадные размѣры; второе же имѣло характеръ чисто политической. Нѣсколько молодыхъ людей, изъ которыхъ вышли бы блестящіе профессора, выдающіеся историки и этнографы, рѣшили въ 1864 году стать,

несмотря на всѣ препятствія со стороны правительства, носителями знанія и просвѣщенія среди народа. Они селились, какъ простые работники, въ большихъ промышленныхъ городахъ, устраивали тамъ кооперативныя общества, открывали негласныя школы. Они надѣялись, что при извѣстномъ тактѣ и терпѣніи удастся воспитать людей изъ народа и такимъ образомъ создать центры, изъ которыхъ постепенно среди массы будутъ распространяться лучшія идеи. Для осуществленія плана были пожертвованы большія состоянія. Любви и преданности дѣлу было очень много. Вообще, я склоненъ думать, что въ сравненіи съ послѣдующими движеніями каракозовцы стояли на наиболѣе практической почвѣ. Ихъ организаторы, безъ сомнѣнія, очень близко подошли къ рабочему народу.

Съ другой стороны, Каракозовъ, Ишутинъ и нѣкоторые другіе члены кружка придали движению чисто политической характеръ. Въ періодъ времени 1862—1866 годовъ политика Александра II приняла рѣшительно реакціонный уклонъ. Царь окружилъ себя крайними ретроградами и сдѣлалъ ихъ своими ближайшими союзниками. Реформы, составлявшія славу первыхъ лѣтъ его царствованія, были изуродованы и урѣзаны рядомъ времененныхъ правилъ и министерскихъ циркуляровъ. Въ лагерь крѣпостниковъ ждали вотчина го суда и возвращенія крѣпостного права въ измѣненномъ видѣ. Никто не надѣялся, что главная реформа—освобожденіе крестьянъ—устоитъ отъ ударовъ, направленныхъ противъ нея изъ Зимняго дворца. Все это должно было привести Каракозова и его друзей къ убѣждѣнію, что даже то немногое, что сдѣлано, рискуетъ погибнуть, если Александръ II останется на престолѣ, что Россія грозить возвратъ ко всѣмъ ужасамъ Николаевщины. Въ то же время возлагались большія надежды (Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu) на либерализмъ наследника и Константина Николаевича. Нужно также сказать, что подобныя опасенія и надежды довольно часто выражались и въ гораздо болѣе высокихъ кругахъ, чѣмъ тѣ, где вращался Каракозовъ. Какъ бы то ни было, 4 апреля 1866 года Каракозовъ сдѣлалъ покушеніе на Александра II, когда тотъ выходилъ изъ Лѣтняго сада и садился въ свою коляску. Какъ извѣстно, онъ даль промахъ, и его тутъ же арестовали.

Глава реакціонной партіи въ Москвѣ, Катковъ, въ совершенствѣ постигшій искусство извлекать денежную выгоду изъ каждой политической смуты, немедленно обвинилъ всѣхъ

либераловъ и радикаловъ въ сообществѣ съ Каракозовымъ — что, конечно, было чистѣйшою ложью,—и онъ сталъ намекать въ своей газетѣ, (и вся Москва ему повѣрила), что Каракозовъ явился лишь орудіемъ въ рукахъ Константина Николаевича. Можно себѣ представить, какъ воспользовались этими обвиненіями всесильные Треповъ и Шуваловъ и въ какомъ страхѣ они стали держать Александра. Михаилъ Муравьевъ, заслужившій при усмирѣніи польскаго возстанія прозвище «Вѣшателя», получилъ приказъ произвести тщательное дознаніе и раскрыть всѣми способами предполагавшійся заговоръ, и онъ немедленно арестовалъ массу лицъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ слоямъ общества, сдѣлалъ бѣзчисленное множество обысковъ и похвальялся, что «найдеть средство развязать языкъ арестованнѣмъ». Муравьевъ-Вѣшатель, конечно, не отступился бы предъ допросомъ «съ пристрастіемъ», и общественное мнѣніе въ Петербургѣ почти единодушно говорило, что Каракозова пытали, но не добились признаній.

Государственные тайны хорошо сохраняются въ крѣпостяхъ,—въ особенности въ этой каменной громадѣ напротивъ Зимняго дворца, видѣвшей столько ужасовъ, лишь недавно раскрытыхъ историками. Петропавловская крѣпость хранить до сихъ поръ тайны Муравьева; по слѣдующей эпизодѣбросить, быть-можетъ, на нихъ нѣкоторый свѣтъ.

Въ 1866 году я былъ въ Сибири. Одинъ изъ нашихъ сибирскихъ офицеровъ, который въ концѣ того годаѣхалъ изъ Россіи въ Иркутскъ, встрѣтилъ на одной изъ станцій двухъ жандармовъ. Они сопровождали въ Сибирь одного чиновника, сосланнаго за воровство, и теперь возвращались домой. Нашъ иркутскій офицеръ, очень милый человѣкъ, засталъ жандармовъ за чаемъ, и покуда перепрягали лошадей, подсѣль къ нимъ и завелъ разговоръ. Оказалось, что одинъ изъ жандармовъ зналъ Каракозова.

— Хитрый былъ человѣкъ, — говорилъ жандармъ.—Когда онъ сидѣлъ въ крѣпости, намъ вѣльно было не давать ему спать. Мы по-двоемъ дежурили при немъ, и смѣнялись каждые два часа. Вотъ, сидѣть онъ на табуретѣ, а мы караулимъ. Станеть онъ дремать, а мы вѣтрахнемъ его за плечо и разбудимъ. Что станешь дѣлать? Приказано такъ. Ну, смотрите, какой онъ хитрый. Сидѣть онъ, ногу за ногу перекинулъ и качаетъ ее. Хочетъ показать намъ, утѣ не спить; самъ дремлетъ, а ногой все дрыгаетъ. Но

мы скоро замѣтили его хитрость, тоже передали и тѣмъ, что пришли на смыну. Ну, и стали его трясти каждыи пять минутъ—все равно, качаетъ ли онъ ногой или нѣть.

— А долго это продолжалось?—спросилъ мой пріятель.
— Долго—больше недѣли!

Наивный характеръ этого разсказа уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о правдивости: выдумать его нельзя было, а потому можно принять за достовѣрное, что, по крайней мѣрѣ, лишенiemъ сна Каракозова пытали.

Одинъ изъ моихъ товарищей по корпусу, присутствовавшій на казни Каракозова, вмѣстѣ со своимъ кирасирскимъ полкомъ, рассказывалъ мнѣ: «Когда его вывезли изъ крѣпости, привязанного къ столбу на высокой платформѣ телѣги, прыгавшей по неровной поверхности гласиса, я думалъ въ началѣ, что везутъ вѣшать резиновую куклу. Я думалъ, что Каракозовъ, вѣрно, уже умеръ, и что вмѣсто него везутъ куклу. Представь себѣ, голова, руки висѣли, точно костей не было вовсе, или ихъ переломали. Страшно было смотрѣть. Но потомъ, когда два солдата сняли Каракозова съ телѣги, онъ двигалъ ногами и употреблялъ всѣ усилия, чтобы безъ поддержки подняться на эшафотъ; такъ что это не была кукла, и онъ не былъ въ обморокѣ. Всѣ мы, офицеры, были очень поражены и не могли объяснить себѣ дѣло». Я намекнулъ товарищу, что, быть-можетъ, Каракозова пытали; онъ покраснѣлъ и сказалъ: «Мы всѣ такъ думали!»

Конечно, одного даже лишенія сна, въ продолженіе несколькиихъ недѣль, было бы достаточно, чтобы объяснить то состояніе, въ которомъ находился въ день казни Каракозовъ,—человѣкъ, какъ известно, очень сильный духомъ. Могу только прибавить къ этому, что мнѣ достовѣрно известно, что въ Петропавловской крѣпости—по крайней мѣрѣ, въ одномъ случаѣ, а именно въ 1879 году, Адріану «Сабурову» давали одуряющее пойло. Ограничился ли Муравьевъ при примѣненіи пытки только такими средствами? Помышали ли ему пойти дальше? Или никто не мѣшалъ? Этого я не знаю; но я слышалъ не разъ отъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, что при допросѣ Каракозова была примѣнена пытка.

Муравьевъ обѣщалъ искоренить всѣхъ радикаловъ въ Петербургѣ; а потому всѣ, имѣвшіе радикальное прошлое, трепетали теперь, страшась попасть въ лапы Вѣшателю. Больше всего сторонились они отъ молодежи, чтобы не

запутаться какъ-нибудь въ опасное революционное общество. Такимъ образомъ пропасть открылась не только между «отцами и дѣтьми»—не только между двумя поколѣніями, но даже между людьми перевалившими за тридцать и тѣми, кто еще не достигъ этого возраста. Русская молодежь стояла теперь въ такомъ положеніи, что ей не только приходилось бороться съ отцами, которые защищали крѣпостные порядки, но и старшіе братья отстрилились отъ нея: они не захотѣли примкнуть къ ней въ ея тяготѣніи къ соціализму и боялись, вмѣстѣ съ тѣмъ, поддержать ее въ борьбѣ за расширение политическихъ правъ.

Встрѣчался ли прежде когда-нибудь въ исторіи подобный примѣръ, чтобы горсти молодежи пришлось одной выступить на бой противъ такого могучаго врага — оставляемой и отцами и старшими братьями,—тогда какъ эта молодежь только приняла горячо къ сердцу и попыталась осуществить въ жизни умственное наслѣдіе самихъ этихъ отцовъ и братьевъ? Велась ли когда-нибудь, гдѣ-нибудь борьба при такихъ трагическихъ условіяхъ?

VI.

Единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ въ петербургской жизни было движение среди молодежи обоего пола. Здѣсь слилось нѣсколько различныхъ теченій, и они образовали мощный агитационный потокъ, который вскорѣ принялъ подпольный и революціонный характеръ и на пятнадцать лѣтъ приковалъ къ себѣ вниманіе всей Россіи. Объ этомъ движеніи я скажу ниже. Теперь же остановлюсь на борьбѣ русскихъ женщинъ изъ-за высшаго образования. Центромъ этого движенія былъ тогда Петербургъ.

Каждый день, когда молодая жена моего брата возвращалась съ педагогическихъ курсовъ, на которыхъ слушала лекціи, она сообщала намъ что-нибудь новое объ оживленіи, господствовавшемъ тамъ. Тамъ шли горячіе толки объ открытіи для женщинъ особыхъ университетовъ и медицинскихъ курсовъ; устраивались лекціи и собесѣданія о школахъ и о различныхъ методахъ образования, и тысячи женщинъ принимали въ нихъ горячее участіе, обсуждая разные частные вопросы въ своихъ кружкахъ. Появились общества переводчицъ, изательницъ, переплетчицъ и типографщицъ, въ которыхъ женщины, съѣзжавшіяся въ Петербургъ и готовыя взяться за всякой

трудъ, лишь бы добиться возможности получить высшее образование, могли бы получать занятіе. Словомъ, въ этихъ женскихъ кругахъ пульсъ жизни бился сильно и часто представлялъ рѣзкую противоположность тому, что я видѣлъ въ другихъ сферахъ.

Когда выяснилось, что правительство твердо рѣшило не допускать женщинъ въ существующіе университеты, онѣ употребили всѣ усилия, чтобы добиться открытия своихъ собственныхъ высшихъ курсовъ. Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія имъ сказали, что девушки, окончившія женскую гимназію, не имѣютъ достаточной подготовки для слушанья университетскихъ лекцій. «Отлично,— отвѣтили онѣ,— разрѣшите намъ, въ такомъ случаѣ, устроить подготовительные курсы. Введите какую хотите программу. Мы не просимъ даже денежной помощи отъ государства. Только дайте разрѣшеніе. Все остальное мы сдѣлаемъ сами». Но разрѣшенія, конечно, не дали.

Тогда женщины организовали въ различныхъ частяхъ Петербурга научные курсы въ частныхъ домахъ. Многіе профессора, сочувствовавшіе движению, вызвались читать лекціи и, хотя сами люди не богатые, они предупредили основательницъ, что всякой намекъ о вознагражденіи сочтутъ за личное оскорблѣніе. Затѣмъ, лѣтомъ, подъ руководствомъ профессоровъ университета, устраивались въ окрестностяхъ Петербурга геологическая и ботаническая экскурсіи, и большою частью, на экскурсіи собирались женщины. На акушерскихъ курсахъ слушательницы убѣдили профессоровъ читать каждый предметъ гораздо подробнѣе, чѣмъ требовалось по программѣ, и добились преподаванія предметовъ, вовсе не входившихъ въ программу. Словомъ, женщины пользовались всякою возможностью, всякою брешью въ крѣпости, чтобы взять ее штурмомъ. Онѣ добились доступа въ анатомическій театръ профессора Грубера, и своими превосходными работами заручили на свою сторону старого ученаго, для котораго анатомія была культомъ. И если онѣ узнавали, что какой-нибудь профессоръ согласенъ допустить ихъ въ свою лабораторію по вечерамъ или по воскресеніямъ, то немедленно пользовались этимъ случаемъ учиться.

Наконецъ, несмотря на все нежеленіе министерства, подготовительные курсы, подъ названіемъ педагогическихъ, открылись. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было воспрѣтить будущимъ матерямъ изученіе методовъ воспитанія!

Но такъ какъ методъ преподаванія ботаники или естественныхъ наукъ вообще нельзя обучать абстрактно, то вскорѣ въ программу педагогическихъ курсовъ вошли эти предметы, а потомъ еще и другіе.

Шагъ за шагомъ женщины расширяли свои права. Какъ только становилось известно, что тотъ или другой профессоръ въ Германіи собирается открыть свою аудиторію женщинамъ, какъ въ его двери уже стучались русскія слушательницы. Онѣ изучали право и исторію въ Гейдельбергѣ, математику въ Берлинѣ. Въ Цюрихѣ болѣе ста женщинъ и дѣвушекъ работали въ лабораторіяхъ у керситета и политехнекума. Тамъ онѣ добились чего-то болѣе важнаго, чѣмъ докторскіе дипломы: а именно, уваженія лучшихъ профессоровъ, которые и высказывали его публично. Когда я приехала въ Цюрихъ въ 1872 году и познакомился съ нѣкоторыми студентками, то былъ пораженъ тѣмъ, какъ молодыя дѣвушки въ политехніумѣ разрѣшали, при помощи дифференціального исчисленія, сложныя задачи по теоріи теплоты или упругости такъ легко, будто много лѣтъ учились математикѣ. Среди русскихъ дѣвушекъ, изучавшихъ математику въ Берлинѣ подъ руководствомъ Вейерштраса, была, какъ известно, Софья Ковалевская, ставшая впослѣдствіи профессоромъ Стокгольмскаго университета. Кажется, она была первый профессоръ-женщина въ мужскомъ университѣтѣ, по крайней мѣрѣ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Ковалевская была такъ молода, что въ Швеціи всѣ называли ее не иначе, какъ уменьшительнымъ именемъ.

Александръ II ненавидѣлъ ученыхъ женщинъ. Когда онѣ встрѣчалъ дѣвушку въ очкахъ и въ гарибалльской шапочкѣ, то пугался, думая, что передъ нимъ нигилистка, которая вотъ-вотъ выпалитъ въ него изъ пистолета. А между тѣмъ, носмотря на его нежеланіе, несмотря на оппозицію жандармовъ, изображавшихъ царя каждую учащуюся женщину революціонеркой, несмотря на громы противъ всего движенія и на гнусныя обвиненія, которыя Кацковъ печаталъ въ каждомъ номерѣ своей подлой газеты,—женщины все же добились открытия ряда курсовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ получили докторскіе дипломы за границей, а въ 1872 году онѣ добились разрѣшенія открыть въ Петербургѣ высшіе медицинскіе курсы на частныя средства. Когда же правительство отозвало учащихся женщинъ изъ Цюриха, изъ страха, что онѣ будутъ знакомиться тамъ съ революціонерами и проводить потомъ революціонныя идеи на ро-

динѣ, то оно вынуждено было открыть въ Россіи для нихъ высшіе курсы, то-есть, женскіе университеты, въ которыхъ скоро оказалось болѣе тысячи слушательницъ. Не поразительно ли, въ самомъ дѣлѣ, что несмотря на правительственное гошеніе на медицинскіе курсы, несмотря на временное закрытие ихъ, въ Россіи теперь болѣе 670 женщинъ-врачей!¹⁾

Безъ сомнѣнія, то было великое движеніе, изумительное по своимъ результатамъ и крайне поучительное вообще. Побѣда была одержана благодаря той преданности народному дѣлу, которую проявили женщины. Онѣ проявили ее какъ сестры милосердія во время крымской войны, впослѣдствіи какъ учредительницы школъ, какъ земскія акушерки и фельдшерицы; и наконецъ, еще позже, онѣ стали сестрами милосердія и врачами въ тифозныхъ баракахъ во время русско-турецкой войны и здѣсь заслужили уваженіе не только военныхъ властей, но и самаго Александра II, недружелюбно относившагося къ нимъ сначала. Я знаю двухъ женщинъ, которые служили на войнѣ сестрами милосердія. Онѣ отправились съ чужими паспортами, такъ какъ ихъ усердно разыскивали жандармы. Одну изъ нихъ— наиболѣе важную «преступницу», С. Н. Лаврову, принимавшую важное участіе въ моемъ побѣгѣ, назначили даже старшей сестрой въ военномъ госпиталѣ, где подруга ея едва не умерла отъ тифа. Короче, женщины брались за всякое дѣло, съ какими бы трудностями оно ни было сопряжено, если только могли быть полезны народу. И такъ поступали не единичныя личности, а тысячи. Онѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова, завоевали свои права.

Другой характерной чертой женскаго движенія было то, что въ немъ не образовалось упомянутой выше пропасти между двумя поколѣніями: старшихъ и младшихъ сестеръ. Во всякомъ случаѣ, черезъ оврагъ было немало мостиковъ. Тѣ женщины, которые были первыми инициаторами движенія, никогда не порывали потомъ связи съ младшими сестрами, даже тогда, когда послѣднія ушли гораздо дальше впередъ и стали придерживаться крайнихъ взглядовъ. Онѣ преслѣдовали свои цѣли въ высшихъ сферахъ; они держались въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ агитаций; но онѣ никогда не забывали, что сила дви-

¹⁾ Писано въ 1898 году.

женія—въ массѣ болѣе молодыхъ женщинъ, большая часть которыхъ примкнула впослѣдствіи къ революціоннымъ кружкамъ. Эти вожаки женскаго движенія были олицетвореніемъ корректности; я считалъ ихъ даже слишкомъ корректными; но онѣ не порывали съ молодыми студентками, типичными нигилистками по внѣшности: стрижеными, безъ кринолиновъ, щеголявшими демократическими замашками. Отъ этой молодежи вожаки движенія держались немнога въ сторонѣ; иногда даже отношенія обострялись; но онѣ никогда не отрекались отъ своихъ младшихъ фестеръ,— величайшее дѣло, скажу я, во время тогдашнихъ безумныхъ преслѣдованій.

Вожаки женскаго движенія, казалось, говорили болѣе демократической молодежи: «Мы будемъ носить наши бархатные платья и шиньоны, потому что намъ приходится имѣть дѣло съ глупцами, видящими въ нарядѣ признакъ политической благонадежности; но вы, девушки, вольны въ вашихъ вкусахъ и наклонностяхъ». Когда русское правительство приказало студенткамъ, учившимся въ Цюрихѣ, возвратиться на родину, изящные дамы-вожаки не отвернулись отъ нихъ. Онѣ только сказали правительству: «Вамъ это не нравится? Такъ откройте высшіе женскіе курсы въ Россіи. Иначе наши девушки пойдутъ за границу въ еще большемъ числѣ и, конечно, будутъ вступать тамъ въ сношенія съ эмигрантами». Когда же ихъ попрекали тѣмъ, что онѣ воспитываютъ революціонеровъ и грозили, что закроютъ высшіе женскіе курсы и академію, онѣ отвѣчали: «Да, многие студенты становятся революціонерами; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что надо закрыть всѣ университеты?» Какъ рѣдки политические вожаки, имѣющіе мужество не отвернуться отъ крайняго крыла своей собственной партии!

Секретъ этой благоразумной и успѣшной тактики объясняется тѣмъ, что ни одна изъ женщинъ, стоявшихъ во главѣ движенія, не была просто «феминисткой» желавшей занять, привилегированное положеніе въ обществѣ или въ государствѣ. Совсѣмъ напротивъ. Симпатіи большинства были на сторонѣ народа. Я помню живое участіе, которое принимала Стасова въ воскресныхъ школахъ 1861 года, помню тѣ дружескія отношенія, которыя она и ея друзья завязывали среди девушекъ-фабричныхъ, интересуясь тяжелой жизнью работницъ, ихъ борьбой съ жадными хозяевами. Помню также то горячее участіе,

которое слушательницы педагогических курсов приняли въ сельскихъ школахъ и въ трудахъ тѣхъ немногихъ, которымъ, какъ барону Корфу, на нѣкоторое время разрѣшали заниматься педагогической дѣятельностью среди народа. Помню также общественный духъ, которымъ были проникнуты эти курсы. Права, за которыхъ онъ боролись—какъ вожаки, такъ и масса этихъ женщинъ—были вовсе не право на получение, лично для себя, высшаго образования, а гораздо больше, несравненно больше,—право быть полезными дѣятельницами среди народа. Въ этомъ и была причина ихъ успѣха.

VII.

Въ послѣдніе годы здоровье нашего отца все ухудшалось. Когда мы приѣхали съ братомъ Александромъ по-видать его весной 1871 года, доктора сказали намъ, что онъ доживетъ только до первыхъ морозовъ. Онъ жилъ по прежнему въ Старой Конюшенной; но въ этомъ аристократическомъ кварталѣ произошли за послѣднее время большія перемѣны. Богатые помѣщики, игравши здѣсь когда-то такую видную роль, исчезли. Они прокутили выкупнія свидѣтельства, заложили и перезаложили свои имѣнія въ только-что учрежденныхъ земельныхъ банкахъ которые воспользовались ихъ безпомощностью, а затѣмъ удалились въ свои имѣнія или въ провинціальные города, гдѣ и были забыты всѣми. Ихъ дома въ Старой Конюшенной достались богатымъ купцамъ, желѣзнодорожникамъ и тому подобнымъ «выскочкамъ», тогда какъ почти въ каждой изъ старыхъ дворянскихъ семей новая жизнь боролась за свои права среди развалинъ старой. Единственными знакомыми отца оставались два-три старыхъ отставныхъ генерала, проклиниавшихъ новшества и облегчавшихъ душу предсказаніями неминуемой гибели Россіи да еще, можетъ-быть, кто-нибудь изъ родни, случайно заглядывавшій къ нему, проѣздомъ черезъ Москву. Изо всѣхъ нашихъ многочисленныхъ родственниковъ, которыхъ было когда то въ Москвѣ не менѣе двадцати семействъ, теперь въ столицѣ жило всего двѣ семьи, тоже увлеченные потокомъ новой жизни: матери въ этихъ семьяхъ обсуждали съ dochерьми и сыновьями вопросы о народныхъ школахъ, или толковали о женскихъ курсахъ... Отецъ, конечно, глядѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ. Мачеха и младшая сестра Полина,

нисколько не измѣнившись, по мѣрѣ силы ухаживали за нимъ; но и онъ тоже чувствовали себя неловко въ измѣнившейся средѣ.

Отецъ всегда былъ суровъ и въ высшей степени несправедливъ къ Александру; но Александръ отличался замѣчательной незлобивостью. Когда со своей доброй улыбкой на губахъ и въ кроткихъ голубыхъ глазахъ, онъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ отецъ, и тотчасъ же нашелъ, что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы больному было удобнѣе,—при чемъ все это выходило такъ просто и естественно, точно Александръ все время просидѣлъ въ комнатѣ больного,—отецъ былъ совершенно пораженъ. Онъ глядѣлъ на Александра, повидимому, ничего не понимая. Наше посѣщеніе внесло нѣсколько жизни въ мрачный, печальный домъ. Уходъ за больнымъ сталъ нѣсколько живѣе. Мачеха, Поля, даже прислуга оживились, и отецъ сразу почувствовалъ перемѣну.

Одно, впрочемъ, смущало его. Онъ ожидалъ, что мы явимся, какъ блудные сыновья, съ мольбой о прощаніи и помощи. Но когда онъ обиняками завелъ разговоръ о деньгахъ, мы весело отвѣтили ему: «Не беспокойтесь, папаша, мы отлично устроились». Это еще больше сбило его. Онъ совсѣмъ подготовился къ сценѣ, какъ бывало въ его время: сыновья просятъ прощенія и—денегъ... Быть-можетъ, одну минуту онъ испыталъ даже разочарованье, что ея не было; но за то потомъ онъ сталъ относиться къ намъ съ большими уваженіемъ. Разставаясь, мы всѣ трое были очень растроганы. Отца почти страшило возвращеніе къ мрачному одиночеству среди развалинъ строя, который онъ поддерживалъ всю жизнь. Но Александра ждала служба, а мнѣ необходимо былоѣхать въ Финляндію на геологическую работу.

Осенью, когда меня вызвали по телеграфу изъ Финляндіи, я поспѣшилъ въ Москву, но пріѣхалъ уже къ отпѣванію—въ той самой красной церкви, Іоанна Предтечи, въ которой крестили отца и отпѣвали бабушку. И слѣдя за катафалкомъ, по знакомымъ мнѣ съ дѣтства улицамъ, я думалъ о совершившихся перемѣнахъ. Дома, мимо которыхъ шла процессія, мало измѣнились; но я зналъ, что въ каждомъ изъ нихъ началась новая жизнь.

Вотъ домъ, прежде принадлежавшій матери моего отца, затѣмъ—княгинѣ Друцкой, а потомъ сторожилу Старой Конюшенной генералу Д. Единственная его дочь упорно боролась два года съ добродушными, боготворившими ее,

но упрямыми родителями, изъ-за разрѣшенія посѣщать высшіе курсы. Наконецъ дѣвушка побѣдила; но ее отправляли на курсы въ элегантной каретѣ подъ падзоромъ маменьки, которая мужественно высаживала часы на скамейкахъ аудиторіи, вмѣстѣ съ слушательницами, рядомъ съ любимой дочкой. И несмотря на бдительный надзоръ, черезъ годъ или два дочь присоединилась къ революціонному движенію, была арестована и просидѣла цѣлый годъ въ Петропавловской крѣпости.

Вотъ, напротивъ, домъ графовъ З. Двѣ дочери ихъ, которыхъ опротивѣла безполезная, безцѣльная, праздная жизнь, долго боролись съ родителями изъ-за разрѣшенія присоединиться къ другимъ дѣвушкамъ, посѣдавшимъ курсы и чувствовавшимъ себя тамъ столь счастливыми. Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ. Родители не уступали. Въ результатѣ старшая сестра отравилась; только тогда младшей разрѣшили поступать, какъ ей угодно.

А вотъ, наскосъ отъ дома нашей бабушки, домъ, гдѣ мы прожили когда-то годъ. Онъ принадлежалъ впослѣдствіи роднымъ Наталіи Армфельдъ, трогательный портретъ которой далъ Кеннанъ, видѣвшій ее въ вольной командѣ на Карѣ дѣятельного члена нашего кружка, уцѣльвшій отъ разгрома 1874 года и смѣло продолжавшей нашу работу; и въ этомъ домѣ состоялось первое засѣданіе московского отдѣла нашего кружка, который мы съ Чайковскимъ основали.

А вотъ еще, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, въ которомъ скончался отецъ, небольшой сѣренѣкій домъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти отца я встрѣчалъ Степняка, переодѣтаго мужикомъ. Онъ только что былъ арестованъ въ деревнѣ за соціалистическую пропаганду среди крестьянъ, но успѣлъ бѣжать и пріѣхалъ въ Москву.

Такія-то перемѣны произошли въ барскомъ кварталѣ Старой Конюшенной за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Крѣпость старого дворянства, и та не выдержала напора молодыхъ силъ.

VIII.

Ранней весной слѣдующаго года я въ первый разъ побывалъ за границей. Переѣзжая рубежъ, я испыталъ,

даже сильнейе, чѣмъ я ожидалъ этого, то, что чувствуютъ всѣ русскіе, выѣзжающіе изъ Россіи. Пока поѣздъ мчитъся по мало населеннымъ сѣверо-западнымъ губерніямъ, испытываешь чувство, какъ будто пересѣкаешь пустыню. На сотни verstъ тянутся заросли, къ которымъ едва примѣнно название лѣса. Тамъ и сямъ виднѣется жалкая деревушка, полузанесенная снѣгомъ. Но со вѣзdomъ въ Пруссию все менѣется сразу—и пейзажъ и люди. Изъ оконъ вагона видны чистенькия деревни и фермы, садики, мощёныя дороги, и чѣмъ дальше проникаешь въ Германію, тѣмъ противоположность становится разительней. Послѣ русскихъ городовъ даже скучный Берлинъ кажется оживленнымъ.

А разница въ климатѣ! Два дня тому назадъ, когда я оставлялъ Петербургъ, все было покрыто снѣгомъ; здѣсь же, въ центральной Германіи, я ходилъ по платформѣ желѣзнодорожной станціи безъ пальто. Солнце припекало; почки уже налились, и цвѣты готовы были распуститься. А потомъ пошелъ Рейнъ, а еще дальше Швейцарія, залитая яркими лучами солнца, съ ея маленькими отелями, гдѣ завтракъ вамъ даютъ подъ открытымъ небомъ, въ виду снѣжныхъ горъ. До тѣхъ поръ я никогда такъ ясно не представлялъ себѣ, что значить сѣверное положеніе Россіи и какое вліяніе на ея исторію имѣло то обстоятельство, что центръ ея умственной жизни лежитъ на сѣверѣ, у самыхъ береговъ финского залива. Только теперь я понялъ вполнѣ, почему югъ всегда такъ привлекалъ русскихъ, почему они употребили такія невѣроятныя усилія, чтобы достигнуть Чернаго моря, и почему сибирские засельщики такъ упорно стремятся на югъ, въ глубь Маньчжурии.

Въ то время въ Цюрихѣ училось множество русскихъ студентовъ и студентокъ. Знаменитая Оберштрассъ была настоящій русскій городокъ; русская рѣчь здѣсь преобладала. Студенты, а въ особенности студентки жили такъ, какъ вообще живутъ русскіе учащіеся, то-есть на самыя ничтожныя средства. Чай, хлѣбъ, немного молока, маленький ломтикъ мяса, зажаренный па спиртовой лампочкѣ, подъ оживленные разговоры про послѣднія события въ соціалистическомъ мірѣ, или по поводу прочитанной книги,—этимъ вполнѣ довольствовалась молодежь. Тѣ, которые имѣли больше денегъ, чѣмъ требовалось для подобной жизни, отдавали ихъ на общее дѣло: на библіотеку, на русскій революціонный журналъ, на швейцарскія рабочія

газеты. Относительно нарядовъ публика была до крайности неприхотлива,

Но дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанеть?

и въ старомъ городѣ Цвингли русскія студентки какъ бы ставили населенію вопросъ: можетъ ли быть такой простой нарядъ, который не присталъ бы дѣвушкѣ, когда она молода, умна и полна энергіи?

И вмѣстѣ съ тѣмъ русскія женщины работали упорно и настойчиво; такъ никогда еще не работали съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ университеты. Профессоры не переставали ставить женщинъ въ примѣръ студентамъ.

Уже много лѣтъ мнѣ страстно хотѣлось изучить все касающееся Интернаціонала. Русскія газеты часто упоминали о немъ, но имъ не разрѣшалось писать ни о цѣляхъ, ни о дѣятельности Международного Союза Работниковъ. Я догадывался, что это должно быть великое движение, имѣющее богатое будущее; но я не могъ хорошо уловить его цѣли. Теперь, въ Швейцаріи, я рѣшился найти отвѣтъ на всѣ мои вопросы.

Интернаціоналъ находился тогда на высшей точкѣ своего развитія. Сороковые годы пробудили въ сердцахъ западно-европейскихъ рабочихъ большія надежды. Лишь теперь мы узнаемъ, какую массу литературы распространили тогда среди пролетаріата соціалисты всѣхъ оттѣнковъ: христіанскіе и государственные соціалисты, фурьеристы, сенъ-симонисты овэнисты и такъ далѣе; и только теперь мы начинаемъ понимать, какъ глубоко было это движение. Многое изъ того, что наше поколѣніе считаетъ своимъ открытиемъ, было выражено уже тогда, подчасъ съ большею силою и болѣшимъ пониманіемъ. Республиканцы, подъ словомъ «республика», понимали тогда вовсе не демократическую организацию капитализма, какъ понимается это теперь, а нѣчто совершенно другое. Когда республиканцы говорили объ Европейскихъ Соединенныхъ Штатахъ, они подразумѣвали братство всѣхъ работниковъ и обращеніе орудій истребленія въ орудія производства, предоставленные всѣмъ членамъ общества,—«мечи, перекованые въ орала», «желѣзо, возвращенное работникамъ»,—какъ говорилъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ Пьеръ Дюпонъ. Республиканцы стремились не только къ равенству предъ закономъ и къ

равнымъ политическимъ правамъ, но, главнымъ образомъ, къ экономическому равенству. Даже националисты думали тогда о такой Молодой Германіи, Молодой Италіи и Молодой Венгриі, которая возьмутъ на себя починъ смѣлыхъ аграрныхъ и экономическихъ реформъ.

Разгромъ юпъского восстания въ Парижѣ, пораженіе венгерской арміи Николаемъ I, и молодой Италіи — французами и австрійцами, потомъ мрачная политическая и умственная реакція, начавшаяся вскорѣ послѣ 1848 года во всей Европѣ, совершенно задавили громадное движение того времени, и въ послѣдующія двадцать лѣтъ люди просто забыли литературу соціалистовъ сороковыхъ годовъ, ихъ дѣятельность и самые принципы экономической революціи и всеобщаго братства. Во Франціи, послѣ юпъскихъ дней 1848 года соціалистическую литературу скапало и уничтожало особое общество подъ предсѣдательствомъ Тьера, основанное для борьбы съ соціализмомъ.

Но одна идея уцѣлѣла среди этого разгрома: мысль о братствѣ работниковъ всѣхъ странъ. Нѣсколько французскихъ изгнанниковъ продолжали проповѣдывать еї въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ Англіи она жила среди учениковъ Роберта Оуэна. И въ 1862 году соглашеніе, состоявшееся между немногими англійскими работниками и французскими делегатами во время всемірной выставки, послужило отправною точкою для мощнаго движенія, которое вскорѣ распространилось по всей Европѣ, захвативъ миллионы представителей труда. Славшія двадцать лѣтъ надежды снова пробудились, когда изъ Лондона раздался призывъ къ работникамъ «всѣхъ націй, религій, расъ, цвѣтовъ и половъ» соединиться и заявить, что «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ». Ихъ приглашали внести въ потокъ эволюціи человѣчества новую, мощную силу интернаціональной организаціи, борящейся не во имя слашавой любви и милосердія, а во имя справедливости, которая неизбѣжно должна быть оказана людямъ, сознавшимъ свой идеаль и цѣли жизни.

Въ 1868 и 1869 годахъ въ Парижѣ произошли двѣ стачки, до известной степени поддержаныя небольшими суммами, присланными изъ-за границы, главнымъ образомъ, изъ Англіи. Хотя эти стачки, сами по себѣ, были незначительны, но онѣ, а вслѣдъ за тѣмъ преслѣдованіе Интернаціонала наполеоновскимъ правительствомъ, породили мощное движение, которое противопоставило соперничеству государствъ

единеніе всѣхъ работниковъ. Мысль о международномъ объединеніи всѣхъ отдѣльныхъ ремесль и о борьбѣ противъ капитала при международной поддержкѣ—увлекла всѣхъ, даже самыхъ индиферентныхъ рабочихъ. Какъ степной пожаръ, движение быстро охватило Францію, Италию, Бельгію и Испанію и выдвинуло множество развитыхъ, дѣятельныхъ и преданныхъ рабочихъ. Къ движению присоединилось также нѣсколько выдающихся личностей обоего пола изъ высшихъ классовъ. Въ Европѣ съ каждымъ днемъ крѣпла сила, существование которой до тѣхъ поръ даже не подозрѣвалось. И если бы движение не было задержано франко-пруссской войной, въ Европѣ произошли бы, вѣроятно, великия события, которыхъ ускорили бы прогрессъ и измѣнили характеръ нашей цивилизациі. Но сокрушившая Францію побѣда Германіи создала ненормальныя условія. Она на двадцать-пять лѣтъ затормозила правильное развитіе Франціи и породила періодъ военщины, изъ котораго мы до сихъ поръ еще не выбились.

Въ то время среди работниковъ были въ ходу всякія полумѣры, предлагавшіяся для разрѣшенія великаго соціального вопроса: потребительныя и производительныя общества, поддержаныя государствомъ, народные банки, даровой кредитъ и такъ далѣе. Проекты всѣхъ этихъ полумѣръ вносились, одинъ за другимъ, въ «секціи» или «отдѣлы» Международнаго Союза, а затѣмъ въ мѣстные, окружные, национальные и, наконецъ, интернациональные съѣзды, и горячо обсуждались. Вместо всѣхъ этихъ полумѣръ выростала идея великой Соціальной Революціи. Каждый годъ международный съѣздъ Союза Работниковъ знаменовалъ собою новый шагъ впередъ въ развитіи вопроса, который стоитъ теперь предъ нашимъ поколѣніемъ и грозно требуетъ разрѣшенія. До настоящаго времени никѣмъ еще не была сдѣлана должная оценка всѣхъ тѣхъ умныхъ, научно-вѣрныхъ и глубокихъ мыслей (всѣ онѣ были результатомъ колективнаго мышленія работниковъ), которыхъ были высказаны на этихъ конгрессахъ¹⁾. Достаточно сказать—и въ этомъ не будетъ никакого преувеличенія,—что всѣ проекты преобразованія общества, извѣстные теперь подъ названіемъ «научнаго соціализма»

¹⁾ Я долженъ, однако, отмѣтить книгу, отвѣчающую отчасти этому запросу, которая начала выходить осенью 1905 года. Это — *L'Internationale, Documents, et souvenirs* (1864—1878), моего друга, James Guillaume. Она вышла въ 3-хъ томахъ (Парижъ. 1912—1914).

и «анаархизма», имѣютъ свое начало въ разсужденіяхъ Съѣздовъ и въ различныхъ докладахъ Интернаціонала. Немногіе образованные люди, присоединившіеся къ движению, только облекли въ теоретическую форму желанія и критику дѣйствительности, высказанныя рабочими въ отдѣлахъ Международного Союза и на его Съѣздахъ.

Война 1870—71 годовъ замедлила, но не прекратила развитіе Союза. Во всѣхъ промышленныхъ центрахъ Швейцаріи продолжали существовать многочисленныя и оживленныя секціи (отдѣлы) Интернаціонала, и тысячи работниковъ посѣщали ихъ засѣданія, на которыхъ объявлялась война существующей системѣ частнаго владѣнія землей и фабриками, и провозглашалось, что близокъ конецъ капиталистического строя. Въ различныхъ мѣстахъ Швейцаріи устраивались мѣстные съѣзды, и на каждомъ изъ нихъ обсуждались наиболѣе животрепещущіе и трудные вопросы современного общественного строя, при чёмъ знаніе предмета и широта постановки вопросовъ пугали буржуазію едва ли не больше, чѣмъ всѣ возраставшее число членовъ въ секціяхъ и федераціяхъ Интернаціонала. Соперничество и зависть, всегда существовавшія между привилегированными работниками (чесовщиками, ювелирами) и представителями болѣе грубыхъ производствъ (например, строительными ремеслами, или ткачами) и препятствовавшія до тѣхъ поръ объединенію, исчезали мало-по-малу. Работники все съ большею и большею силой заявляли, что изъ всѣхъ перегородокъ, настроенныхъ въ современномъ обществѣ, самая главная и самая вредная та, которая дѣлить общество на обладателей капитала и на пролетаріевъ, обреченныхъ въ силу своей прирожденной бѣдности, навсегда оставаться производителями богатства для капиталистовъ.

Италія, въ особенности средняя и сѣверная, была тогда покрыта отдѣлами Интернаціонала; и въ нихъ открыто заявлялось, что национальное единство Итальяніи, изъ за котораго такъ долго боролись патріоты—оказалось чистою иллюзіей. Народъ призывали теперь произвести собственную революцію: забрать землю для крестьянъ и фабрики для работниковъ и уничтожить гнѣтъ централизованнаго государства, исторической миссіей котораго всегда было—поддерживать эксплоатацию и порабощеніе человѣка человѣкомъ.

Въ Испаніи отдѣлы Интернаціонала возникли во множествѣ въ Каталоніи, Валенсіи и Андалузіи. Они под-

держивались сильными рабочими союзами въ Барселонѣ, которые уже тогда добились восьмичасового дня въ строительномъ дѣлѣ. Интернаціональ насчитывалъ въ Испаніи не меныне восьмидесяти тысячъ платящихъ членовъ. Въ него вошли всѣ дѣятельные и энергичные элементы общества. Нежеланиемъ вмѣшиваться въ политической интриги 1871—72 годовъ они расположили къ себѣ громадную массу населенія. Отчеты о провинціальныхъ и національныхъ сѣѣздахъ въ Испаніи и ихъ манифесты всегда были образцами строгой логики въ критикѣ существующаго строя и превосходными изложеніями идеаловъ рабочаго класса.

То же самое движение распространялось въ Бельгіи, Голландіи и даже въ Португаліи. Лучшіе элементы бельгійскихъ ткачей и углекоповъ присоединились къ Интернаціоналу. Въ Англіи трэдъ-юніоны, т.-е. рабочіе союзы, извѣстные своею косностью, присоединились къ движению, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, то-есть, еще не признавая себя соціалистами, они выразили готовность поддерживать своихъ братьевъ на материкѣ въ борьбѣ съ капиталомъ, въ особенности во время стачекъ. Въ Германіи соціалисты заключили союзъ съ многочисленными послѣдователями Лассала, и такимъ образомъ заложенъ былъ фундаментъ соціаль-демократической партіи. Австрія и Венгріяшли тѣмъ же путемъ. Во Франціи, послѣ пораженія Коммуны и наступившей вслѣдъ за тѣмъ реакціи, никакая организація Интернаціонала не была возможна, такъ какъ Союзъ былъ запрещенъ и противъ членовъ Союза изданы были драконовскіе законы; но всѣ, тѣмъ не менѣе, были убѣждены, что вскорѣ Франція не только присоединится къ движению, но даже станетъ во главѣ его.

По пріѣздѣ въ Цюрихъ я вступилъ въ одну изъ мѣстныхъ секцій Интернаціонала и спросилъ своихъ русскихъ пріятелей, по какимъ источникамъ можно познакомиться съ великимъ движениемъ, начавшимся въ другихъ странахъ. «Читайте», сказали мнѣ, и одна моя родственница, учившаяся тогда въ Цюрихѣ, принесла мнѣ цѣлую кипу книгъ, брошюръ и газетъ за послѣдніе два года. Я читалъ цѣлые дни и ночи напролѣтъ, и вынесенное мною впечатлѣніе было такъ глубоко, что никогда, ничѣмъ не изгладится. Потокъ новыхъ мыслей, зародившихся во мнѣ, связывается въ моей памяти съ маленькой, чистенькой комнаткой на Оберштрассѣ, изъ окна которой видно было голубое озеро, высокіе шпили стараго города, — свидѣтеля столькихъ

ожесточенныхъ религіозныхъ споровъ, и горы на другомъ берегу, гдѣ швейцарцы боролись за свою независимость.

Соціалистическая литература никогда не была богата книгами. Она писана для рабочихъ, у которыхъ и п'есколько копеекъ уже деньги, да и времени мало на чтеніе, послѣ долгаго рабочаго днѧ. Поэтому она состоить преимущественно изъ брошюръ и газетъ. Къ тому же, желающій ознакомиться съ соціализмомъ, мало найдеть въ книгахъ того, что больше всего ему нужно узнать. Въ книгахъ изложены теоріи и научная аргументація соціализма; но они не даютъ понятія о томъ, какъ работники принимаютъ соціалистические идеалы, и какъ послѣдніе могутъ быть осуществлены на практикѣ. Остается взять кипы газетъ и читать ихъ отъ доски до доски: хронику, передовыя статьи и все остальное; хроника рабочаго движенія даже важнѣе передовыхъ.

Зато совершенно новый міръ соціальныхъ отношеній и совершенно новые методы мышленія и дѣйствія раскрываются во время этого чтенія, которое даетъ именно то, чего ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не узнаешь; а именно, объясняетъ глубину и нравственную силу движенія и показываетъ, насколько люди проникнуты новыми теоріями, насколько работники подготовлены провести идеи соціализма въ жизни и пострадать за нихъ. Всего этого изъ другого чтенія нельзя узнать; а потому всѣ толки теоретиковъ о непримѣнимости соціализма и о необходимости медленнаго развитія имѣютъ мало значенія, потому что о быстротѣ развитія можно судить только на основаніи близкаго знакомства съ людьми, о развитіи которыхъ мы говоримъ. Можно ли узнать сумму, пока не извѣстны ея слагаемыя?

Чѣмъ больше я читалъ, тѣмъ сильнѣе я убѣждался, что предо мною новый для меня міръ, совершенно неизвѣстный ученымъ авторамъ соціологическихъ теорій. Міръ этотъ я могъ изучить только проживши среди рабочаго Интернаціонала и присматриваясь къ его повседневной жизни. Поэтому я рѣшилъ посвятить такому изученію два-три мѣсяца. Мои русскіе знакомые одобрили мой планъ, и послѣ п'есколькихъ дней, проведенныхъ въ Цюрихѣ, я отправился въ Женеву, которая была тогда крупнымъ центромъ Интернаціонала.

Женевскія секціи собирались въ огромномъ масонскомъ храмѣ, Temple Unique. Во время большихъ митинговъ просторный залъ могъ вмѣстить болѣе двухъ тысячъ чело-

вѣкъ. По вечерамъ же, всякаго рода комитеты и секціи засѣдали въ боковыхъ комнатахъ, гдѣ читались также курсы исторіи, физики, механики и такъ далѣе. Очень немногіе интеллигентные люди, приставшіе къ движенію — болѣею частью, французскіе эмигранты коммунары — учили безъ всякой платы. Храмъ служилъ такимъ образомъ и народнымъ университетомъ и вѣчевымъ сборнымъ мѣстомъ.

Однимъ изъ главныхъ руководителей въ масонскомъ храмѣ былъ Николай Утинъ, образованный, ловкій и дѣятельный человѣкъ. Душой же всего являлась симпатичная русская женщина, которую работники величали м-ме Olga. Она дѣятельнѣе всѣхъ работала во всѣхъ комитетахъ. Утинъ и м-ме Olga приняли меня очень радушно, познакомили со всѣми выдающимися работниками различныхъ секцій, организованныхъ по ремесламъ, и приглашали на комитетскія собранія. Я побывалъ и на этихъ собраніяхъ, но гораздо болѣе предпочиталъ имъ среду самихъ рабочихъ.

За стаканомъ кислаго вина я просиживалъ подолгу вечеромъ въ залѣ у какого-нибудь столика среди работниковъ и скоро подружился съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ особенности съ однимъ каменщикомъ, эльзасцемъ, покинувшимъ Францію послѣ Коммуны. У него были дѣти: двое изъ нихъ — въ возрастѣ дѣтей моего брата, недавно умершихъ скоропостижно. Я скоро сдружился съ дѣтьми, а черезъ нихъ и съ родителями. Теперь я могъ наблюдать жизнь движенія изнутри и лучше понимать, какъ смотрѣли на него сами работники. Они всѣ свои надежды основали на Интернаціоналѣ. Молодые и старые спѣшили послѣ работы въ Temple Unique, чтобы подобрать тамъ крупицы знанія или послушать ораторовъ, говорившихъ о великой будущности. Затаивъ дыханіе они слушали про строй, который будетъ основанъ на общности орудій производства, на полномъ братствѣ, безъ различія сословій, расъ и національностей. Всѣ вѣрили, что такъ или иначе вскорѣ наступить великая соціальная революція, которая совершенно измѣнить экономическія условія. Никто не желалъ междуусобной войны; но всѣ говорили, что если правящіе классы своимъ слѣпымъ упрямствомъ сдѣлаютъ ее неизбѣжной, то нужно будетъ воевать, лишь бы только борьба принесла съ собою благо-денствіе и свободу угнетеннымъ.

Нужно было жить среди рабочихъ, чтобы понять, какое вліяніе имѣлъ на нихъ быстрый ростъ Интернаціо-

нала, какъ вѣрили они въ движение, съ какой любовью говорили про него и какія дѣлали для него жертвы. Изо дня въ день, изъ года въ годъ тысячи работниковъ жертвовали своимъ временемъ и деньгами, чтобы поддержатъ свою секцію, основать газету, покрыть расходы по устройству какою-нибудь национального или международнаго съѣзда, чтобы помочь товарищамъ, пострадавшимъ за Союзъ или просто, чтобы присутствовать на собранияхъ и манифестаціяхъ. Глубокое впечатлѣніе произвело также на меня то облагораживающее вліяніе, которое имѣлъ Интернационалъ. Большинство парижскихъ интернационалистовъ не пило спиртныхъ напитковъ, и всѣ оставили куреніе. «Зачѣмъ я стану потакать этой слабости?» говорили они. Все мелкое, низменное исчезало, уступая мѣсто величественному и возвышенному.

Посторонніе наблюдатели совершенно неспособны понять, какія жертвы приносятъ рабочіе, чтобы поддерживать движение. Уже для того, чтобы открыто присоединиться къ какой-нибудь секціи Интернационала, требовалось не мало мужества; это значило возстановить противъ себя хозяина и, по всей вѣроятности, получить расчетъ при первомъ удобномъ случаѣ, а слѣдовательно, долгіе мѣсяцы безработицы. Но даже при наилучшихъ условіяхъ присоединеніе къ рабочему союзу или къ той или другой крайней партіи требуетъ цѣлаго ряда безпрерывныхъ жертвъ. Даже тѣ нѣсколько копеекъ, которыя европейскій работникъ даѣтъ на общее дѣло, чувствительно отзываются на его средствахъ жизни. А между тѣмъ немало копеекъ ему приходится давать каждую недѣлю. Частое посещеніе собраній тоже представляетъ собою нѣкоторую жертву. Для насъ провести вечеръ на митингѣ является даже удовольствіемъ; но работникъ, трудовой день котораго начинается въ пять или шесть часовъ утра, долженъ отнять нѣсколько часовъ у своего сна, чтобы провести вечеръ на собраніи далеко отъ своей квартиры.

Для меня этотъ рядъ непрерывныхъ жертвъ служилъ постояннымъ укоромъ. Я видѣлъ, какъ жадно стремились рабочіе къ образованію, а между тѣмъ число добровольныхъ учителей было такъ ничтожно, что было отъ чего прійти въ отчаяніе. Я видѣлъ, какъ нуждаются трудящіяся массы въ помощи образованныхъ людей, обладающихъ досугомъ, для устройства и развитія ихъ организаций. Но какъ ничтожно было число буржуа, явившихся съ

безкорыстнымъ предложеніемъ своихъ услугъ, безъ желанія извлечь извѣстныя личныя выгоды изъ самой безпомощности народа! Все больше и больше я чувствовалъ, что обязанъ посвятить себя всецѣло массамъ. Степнякъ въ своемъ «Андрѣй Кожуховъ» говоритъ, что каждый революціонеръ переживаетъ въ жизни такой моментъ, когда какія-нибудь обстоятельства, иногда ничтожныя сами по себѣ, заставляютъ его дать себѣ клятву беззаконно отдаться революціонной дѣятельности. Я знаю этотъ моментъ и пережилъ его послѣ одного собранія въ Temple Unique, когда почувствовалъ особенно сильно, какъ трусливы образованные люди, медлящіе отдать массамъ свои знанія, энергию и дѣятельность, въ которыхъ народъ такъ нуждается. «Вотъ люди,—думалъ я,—сознавшіе свое рабство и стремящіеся освободиться отъ него. Но гдѣ помощники имъ? Гдѣ тѣ, которые придутъ служить массамъ, а не для того, чтобы пользоваться ими ради собственнаго честолюбія?»

Мало-по-малу зарождалось во мнѣ также сомнѣніе насчетъ искренности пропаганды, которая велась въ Temple Unique. Разъ вечеромъ хорошо извѣстный женевскій адвокатъ Амберні явился на собраніе и заявилъ, что если онъ до сихъ поръ не присоединился къ Интернаціоналу, то только потому, что ему необходимо было устроить предварительно свои собственные денежныя дѣла. Такъ какъ теперь онъ этого достигъ, то намѣренъ пристать къ рабочему движенію. Меня поразилъ цинизмъ этого заявленія, и я сообщилъ свои мысли моему пріятелю каменщику. Оказалось, что на предыдущихъ выборахъ адвокатъ искалъ поддержки радикальной партіи, но былъ разбитъ. Теперь онъ думалъ выѣхать на рабочей партіи. «Покуда, мы принимаемъ услуги подобныхъ господъ,—прибавилъ мой пріятель,—но послѣ соціальной революціи нашимъ первымъ дѣломъ будетъ вышвырнуть ихъ, за бортъ».

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, послѣшно былъ созванъ митингъ, для протеста, какъ говорили, противъ «Journal de Genève». Эта газета богатыхъ классовъ въ Женевѣ писала, что въ Temple Unique затѣвается что-то недобroe, и что строительные ремесла подготовляютъ такую же общую стачку, какъ и въ 1869 году. Поэтому вожаки Temple Unique созвали сходку. Тысячи работниковъ наполнили залъ, и Утинъ предложилъ имъ принять резолюцію, выраженія которой показались мнѣ очень странными: собраніе приглашалось

«съ негодованіемъ противъ певинной, по-
моему, замѣтки, что работники собираются устроить стачку.
«Почему же эту замѣтку хотять назвать клеветой?—недо-
умѣвалъ я.—Развѣ въ стачкѣ есть иѣчто преступное?» Угинъ,
между тѣмъ, торопился и закончилъ свою рѣчь словами:
«Если вы, граждане, согласны съ моимъ предложеніемъ,
я пошлю его сейчасъ же для напечатанія». Онъ уже готовъ
былъ сойти съ платформы, когда кто-то замѣтилъ, что не
мѣшало бы, однако, сперва обсудить вопросъ; и тогда,
одинъ за другимъ поднялись представители различныхъ
строительныхъ ремесль, заявляя, что въ послѣднее время
заработка плата была такъ низка, что нельзя жить; что
къ веснѣ предвидится много работы, и что этимъ обстоя-
тельствомъ рабоче хотятъ воспользоваться, чтобы поднять
заработокъ. Если же предприниматели не согласятся, то
работники немедленно начнутъ стачку.

Я былъ въ ярости и на другой день стала попрекать
Утина за его предложеніе. «Какъ же это возможно?—го-
ворилъ я.—Какъ вожакъ, вы должны были знать, что стачка
дѣйствительно подготовлялась». По наивности я не понялъ
даже истинныхъ мотивовъ вожаковъ, и самъ Угинъ объяс-
нилъ мнѣ, что «стачка гибельно отозвалась бы на выборахъ
адвоката Амберни».

Я не могъ согласить этихъ махинацій вожаковъ съ тѣми
пламенными рѣчами, которыя они произносили съ платфор-
мы. Я былъ вполне разочарованъ и сказалъ Утину, что хочу
познакомиться съ «бакунистами» или «федералистами»,
то-есть съ другой женевской секціей Интернаціонала.
Слово «апархизмъ» тогда еще мало употреблялось. Угинъ
тотчасъ же далъ мнѣ записку, съ которой я могъ пойти къ
Николаю Жуковскому, принадлежавшему къ «бакунистамъ»;
затѣмъ онъ долго смотрѣлъ на меня и сказалъ со вздохомъ:
«Да, вы больше не вернетесь къ намъ; вы у нихъ останетесь»
Онъ былъ совершенно правъ.

IX.

Я побѣхалъ сперва въ Невшатель и провелъ затѣмъ около
недѣли среди часовщиковъ въ юрскихъ горахъ. Такимъ
образомъ я впервые познакомился съ знаменитой Юрской
Федерацией, которая впослѣдствіи сыграла такую видную
роль въ развитіи соціализма, введя въ него принципъ отри-
цанія правительства, т.-е. анархіи.

Въ 1872 году Юрская Федерація возстала противъ авторитета Генеральнаго Совѣта Интернаціонала. Великій международный Союзъ былъ вполнѣ рабочимъ движениемъ; и сами рабочіе такъ и смотрѣли на него, вовсе не считая свой Союзъ политической партией. Въ восточной Бельгіи, напримѣръ, работники внесли въ уставъ параграфъ, въ силу котораго не занимающійся ручнымъ трудомъ не могъ быть членомъ секціи. Даже нарядчики не допускались. Кромѣ того, рабочіе были вполнѣ федералисты. Каждая нація, каждая отдельная область и даже каждая отдельная секція должны были пользоваться полною самобытностью развитія. Но буржуазные революціонеры старой школы, вступившіе въ Интернаціоналъ и проникнутые понятіями о централизованныхъ, пирамидальныхъ тайныхъ обществахъ прежнихъ временъ, ввели тѣ же понятія въ Международный Союзъ рабочихъ.

Кромѣ федеральныхъ и національныхъ совѣтовъ, былъ назначенъ въ Лондонъ Генеральный Совѣтъ, который становился посредникомъ между различными національностями. Марксъ и Энгельсъ были его руководителями. Скорѣ, однако, выяснилось, что самый фактъ существованія подобнаго центрального Совѣта влечетъ за собою весьма болѣшія неудобства. Генеральный Совѣтъ не удовольствовался ролью центрального бюро для сношеній. Онъ стремился захватить все движение въ свои руки,—то одобряя, то порицая дѣятельность не только различныхъ секцій и Федерацій, но и отдельныхъ членовъ. Когда началось восстаніе Коммуны въ Парижѣ и вождямъ приходилось лишь следовать за движениемъ, не зная, куда оно вхъ приведетъ на слѣдующій день—Генеральный Совѣтъ непремѣнно хотѣлъ руководить ходомъ дѣлъ, сидя въ Лондонѣ. Онъ требовалъ ежедневныхъ рапортовъ, отдавалъ приказы, сдѣрялъ, дѣлалъ внушенія и такимъ образомъ наглядно доказывалъ, какъ невыгодно имѣть правительственное ядро. Невыгода стала еще болѣе очевидна, когда Генеральный Совѣтъ созвалъ позднѣе тайный съездъ въ 1871 году и, поддерживаемый немногими делегатами, рѣшилъ поворотить всѣ силы Интернаціонала на выборную политическую агитацию. Многіе увидали тогда всю нежелательность правительства, какъ бы демократично ни было его происхожденіе. Такъ начинался современный анархизмъ, и Юрская Федерація стала центромъ его развитія.

Въ Юрскихъ горахъ не было того разобщенія между во-
жаками и работниками, которое я замѣтилъ въ Женевѣ,
въ Temple Unique. Конечно, некоторые члены были болѣе
развиты, а главное, болѣе дѣятельны, чѣмъ другое; но
этимъ и ограничивалась вся разница. Джемсъ Гильомъ,
одинъ изъ наиболѣе умныхъ и широко образованныхъ лю-
дей, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ, служилъ корректо-
ромъ и управляющимъ въ маленькой типографіи. Зарабаты-
валъ онъ этимъ такъ мало, что долженъ былъ еще по почамъ
переводить съ нѣмецкаго на французскій языкъ романы.

Когда я приѣхалъ въ Невшатель, Гильомъ выразилъ мнѣ
сожалѣніе, что не можетъ удѣлить нашей бесѣдѣ больше
часа или двухъ. Ихъ типографія въ этотъ день выпускала
первый номеръ мѣстной газеты, и Гильомъ не только редак-
тировалъ и корректировалъ ее, но долженъ былъ еще над-
писывать по три тысячи адресовъ для первыхъ номеровъ
и заклеивать бандероли.

Я вызвался помочь ему писать адреса; но ничего не вы-
ходило. Гильомъ либо хранилъ адреса въ памяти, либо от-
мѣчалъ ихъ одной-двумя буквами на лоскуткахъ бумаги.

— Нечего дѣлать,—сказалъ я.—Въ такомъ случаѣ я
приѣду послѣ обѣда въ типографію и стану заклеивать бандероли, а вы удѣлите мнѣ то время, которое я вамъ сберегу.

Мы поняли другъ друга, обмѣнялись крѣпкими рукоп-
ожатіями, и съ этого времени у насъ завязалась крѣп-
кая дружба. Мы провели нѣсколько часовъ въ типографіи.
Гильомъ надписывалъ адреса, я—заклеивалъ бандероли, а
одинъ изъ наборщиковъ—коммунаръ—болталъ съ нами
обоими, быстро набирая въ то же время какую-то повѣсть.
Бесѣду онъ пересыпалъ фразами изъ набираемаго оригина-
ла, которая прочитывалъ вслухъ. Выходило приблизительно
такъ:

— На улицахъ началась жаркая схватка... «Дорогая
Марія, люблю тебя...» Работники были разъярены, и на Мон-
мартрѣ дрались, какъ львы... «И онъ упалъ предъ ней на
колѣни»... И они отставали свое предмѣстье цѣлыхъ четыре
дня. Мы знали, что Галифѣ разстрѣливается всѣхъ плѣнныхъ
и поэтому дрались съ еще большимъ упорствомъ». И такъ
далѣе. Рука его быстро летала по кассѣ.

Было уже очень поздно, когда Гильомъ снялъ, наконецъ,
рабочую блузу. И тогда мы могли побесѣдовать по душѣ
часа два, пока ему не пришла пора снова приняться за ра-
боту. Онъ редактировалъ «Бюллетеинъ» Юрской федераціи.

Въ Невшатель я познакомился также съ Малономъ. Онъ родился въ деревнѣ и въ молодости былъ пастухомъ. Впослѣдствіи онъ перебрался въ Парижъ, гдѣ и выучился ремеслу: плести корзины. Вмѣстѣ съ переплетчикомъ Варлѣномъ и столяромъ Пэнди онъ сталъ всѣмъ извѣстенъ какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей Интернаціонала въ періодъ преслѣдованія его наполеоновскимъ правительствомъ (въ 1869 году.) Эти трое положительно полонили сердца парижскихъ работниковъ, и когда началось восстание коммуны, Варлэнъ, Пэнди и Малонъ подавляющимъ большинствомъ были избраны членами въ Совѣтъ Коммуны. Малонъ была также мэромъ одного изъ парижскихъ округовъ. Теперь, когда я съ нимъ познакомился въ Швейцаріи, онъ перебивался плетеніемъ корзинъ. За пѣсколько су въ мѣсяцъ онъ снималъ за городомъ, на склонѣ горы, небольшой открытый навѣсъ, откуда, во время работы, могъ любоваться великолѣпнымъ видомъ на Невшательское озеро. Ночью же онъ писалъ письма и статьи для рабочихъ газетъ и составлялъ книгу о Коммунѣ. Такимъ образомъ понемногу онъ сталъ писателемъ.

Я навѣщалъ его каждый день, чтобы послушать разсказы о Коммунѣ этого широколицаго, трудолюбиваго, слегка поэтическаго, спокойнаго и чрезвычайно добродушнаго революціонера. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ восстаніи и теперь заканчивалъ книгу о немъ подъ заглавіемъ: «Третье пораженіе французскаго пролетаріата».

Разъ утромъ, когда я взобрался къ навѣсу, сіяющій Малонъ встрѣтилъ меня восклицаніемъ: «А знаете, Пэнди живъ! Вотъ письмо отъ него. Онъ въ Швейцаріи!» Про Пэнди ничего не было слышно съ 25 или 26 мая, когда его видѣли въ послѣдній разъ въ Тюильри. Думали, что онъ разстрѣлянъ, между тѣмъ какъ онъ все это время скрывался въ Парижѣ. Не переставая гнуть ивнякъ, Малонъ тихимъ голосомъ, въ которомъ лишь порой слышалась дрожь, рассказывалъ мнѣ, сколько человѣкъ версалцы разстрѣляли, принимая ихъ за Пэнди, за Варлэна или за него самого. Онъ передавалъ мнѣ то, что зналъ про смерть переплетчика Варлэна, котораго парижскіе рабочіе боготворили, про стараго Делеклюза, не жѣлавшаго пережить новаго пораженія, и про многихъ другихъ. Всѣ ужасы кровавой масленицы, которой богатые классы отпраздновали свое возвращеніе въ Парижъ, проходили предо мною; а затѣмъ— духъ мщенія, вызванный ими въ толпѣ, предводимой Рау-

демъ Риго, которая и разстрѣляла заложниковъ Коммуны.

Гусы Малона дрѣжали, когда онъ говорилъ про героявъ парижскихъ мальчугановъ, и слезы закапали у него изъ глазъ, когда онъ рассказалъ мнѣ про одного мальчика, котораго версальцы собрались разстрѣлять. Передъ смертью мальчикъ обратился къ офицеру съ просьбой позволить ему снести серебряные часы матери, жившой неподалеку. Тогда офицеръ, изъ жалости, далъ разрѣшеніе — надѣясь, вѣроятно, что мальчикъ не возвратится. Но черезъ четверть часа маленькой герой прибѣжалъ и, ставши у стѣны среди труповъ, крикнулъ имъ: «Я готовъ».

Двѣнадцать пуль престѣкли его молодую жизнь.

Кажется, никогда я не испыталъ такого нравственнаго страданія, какъ при чтеніи ужасной книги. «Le Livre rouge de la Justice rurale». Она была составлена исключительно изъ парижскихъ корреспонденцій, помѣщенныхъ въ «Standard», «Daily Telegraph» и «Times» въ концѣ мая 1871 года, въ которыхъ говорилось объ ужасахъ, совершонныхъ версальцами подъ начальствомъ Галифэ, а также приводились выдержки изъ «Figaro», прошитанныя самою ярою кровожадностью по отношенію къ инсургентамъ. Мною овладѣвало мрачное отчаяніе. И оно сохранилось бы, если бы впослѣдствіи, въ побѣженныхъ, пережившихъ всѣ эти ужасы, я не видѣлъ полное отсутствіе ненависти, вѣру въ окончательное торжество идеала,—спокойный, хотя грустный взглядъ, обращенный къ будущему; стремленіе забыть кошмаръ прошлаго; словомъ, всѣ тѣ черты, которые поражали меня не только въ Малонѣ, но во всѣхъ коммунарахъ, жившихъ въ Женевѣ, а также во всѣхъ тѣхъ, кого я встрѣтилъ впослѣдствіи: Луизѣ Мишель, Лефрансѣ, Элизѣ Реклю и другихъ.

Изъ Невшателя я поѣхалъ въ Сонвильѣ. Здѣсь, въ маленькой долинѣ среди юрскихъ горъ, разбросанъ рядъ городковъ и деревень, французское населеніе которыхъ тогда исключительно было занято различными отраслями часоваго дѣла. Цѣлыя семьи работали сообща въ мастерскихъ. Въ одной изъ нихъ я познакомился съ другимъ вожакомъ, Адѣмаромъ Швицгебелемъ, съ которымъ впослѣдствіи очень сблизился. Я нашелъ его въ мастерской, среди десятка другихъ молодыхъ людей, гравировавшихъ крышки золотыхъ и серебряныхъ часовъ. Меня пригласили присѣсть на скамьѣ или на столѣ, и скоро у насъ завязался оживленный раз-

говорь о соціализмѣ, о томъ, нужно ли или не нужно правительство, о приближавшемся съездѣ.

Въ тотъ вечеръ бушевала жестокая мятель. Снѣгъ слѣпилъ насть, а холодъ «вымораживалъ кровь въ жилахъ», покуда мы плелись до ближайшей деревни, гдѣ должна была собраться сходка. Но, несмотря на мятель, изъ сосѣднихъ городковъ и деревень тамъ собралось около пятидесяти часовщиковъ, главнымъ образомъ все пожилые люди. Нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось пройти до десяти верстъ, и все-таки они не захотѣли пропустить маленькаго не очередного собранія, созванаго на тотъ вечеръ, чтобы познакомиться съ русскимъ товарищемъ.

Самой организаціей часового дѣла, дающей возможность людямъ отлично узнать другъ друга и работать на дому, гдѣ они могутъ свободно бесѣдоватъ, объясняется, почему въ умственномъ развитіи мѣстное населеніе стоитъ выше, чѣмъ работники, проводящіе съ дѣтства всю свою жизнь на фабрикахъ. Юрскіе часовщики дѣйствительно отличаются болѣшою самобытностью и болѣшою независимостью. Но также и отсутствіемъ раздѣленія на вожаковъ и рядовыхъ объяснялось то, что каждый изъ членовъ федераціи стремился къ тому, чтобы самому выработать собственный взглядъ на всякий вопросъ. Здѣсь работники не представляли стада, которымъ вожаки пользовались бы для своихъ политическихъ цѣлей. Вожаки здѣсь просто были болѣе дѣятельные товарищи, скорѣе—люди почина, чѣмъ руководители. Способность юрскихъ работниковъ, въ особенности среднихъ лѣтъ, схватить самую суть идеи, и ихъ умѣніе разбираться въ самыхъ сложныхъ общественныхъ вопросахъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе, и я твердо убѣжденъ, что если Юрская федерація сыграла видную роль въ развитіи соціализма, то не только потому, что стала проводникомъ безгосударственной и федералистической идеи, но еще и потому, что этимъ идеямъ дана была конкретная форма здравымъ смысломъ юрскихъ часовщиковъ. Безъ нея онъ, вѣроятно, еще долго оставались бы въ области чистой отвлеченности.

Теоретическія положенія анархизма, какъ они начинали опредѣляться тогда въ Юрской федераціи,—въ особенности, Бакунинымъ,—критика государственного соціализма, который, какъ указывалось тогда, грозитъ развиться въ экономической деспотизмѣ, еще болѣе страшный, чѣмъ политической, и, наконецъ, революціонный характеръ агитаціи

среди юрцевъ неотразимо дѣйствовали на мой умъ. Но сознаніе полнаго равенства всѣхъ членовъ федераціи, независимость сужденій и способовъ выраженія ихъ, которыя я замѣчалъ среди этихъ рабочихъ, а также ихъ беззавѣтная преданность общему дѣлу, еще сильнѣе того подкупали мои чувства. И когда, проживши недѣлю среди часовщиковъ, я уѣзжалъ изъ горъ, мой взглядъ на соціализмъ уже окончательно установился. Я сталъ анархистомъ.

Послѣ путешествія по Бельгіи, гдѣ я могъ сравнить централистическую политическую агитацию въ Брюсселѣ съ независимой и экономической агитацией, которая шла среди суконщиковъ въ Вервье, мои воззрѣнія еще болѣе окрѣпли. Эти суконщики принадлежали къ числу самыхъ симпатичныхъ группъ людей, которыхъ я встрѣчалъ за границей.

X.

Бакунинъ въ то время жилъ въ Локарно. Я не видалъ его, и теперь крайне сожалѣю о томъ, потому что когда черезъ четыре года я снова очутился въ Швейцаріи, его уже не было въ живыхъ. Онъ помогъ юрскимъ друзьямъ разобраться въ мысляхъ и точно выразить свои стремленія; онъ сумѣлъ вселить въ нихъ могучій, непреодолимый, революціонный энтузіазмъ. Какъ только Бакунинъ усмотрѣлъ въ маленькой газетѣ, издаваемой Гильомомъ въ Юрскихъ горахъ (въ Локлѣ) новую независимую струю въ сөціалистическомъ теченіи, онъ тотчасъ же пріѣхалъ въ Локль. Цѣлые дни и ночи бесѣдовалъ онъ съ новыми своими друзьями обѣ исторической необходимости нового движенія въ сторону анархіи. Въ газетѣ онъ началъ рядъ глубокихъ и блестящихъ статей обѣ историческомъ поступательномъ движеніи человѣчества къ свободѣ. Онъ вселилъ въ своихъ друзей энтузіазмъ и создалъ тотъ центръ пропаганды, изъ которого впослѣдствіи анархизмъ распространился по всей Европѣ.

Послѣ того, какъ Бакунинъ переселился въ Локарно, онъ создалъ подобное же движеніе въ Италии и въ Испаніи (при помощи симпатичнаго, талантливаго эмиссара Фанелли). Работу же, которую онъ началъ въ юрскихъ горахъ, продолжали сами юрцы. Они часто поминали «Мишеля», но говорили о немъ не какъ обѣ отсутствующемъ вождѣ, слово котораго законъ, а какъ о дорогомъ другѣ и товарищѣ.

Норазило меня больше всего то, что нравственное вліяніе Бакунина чувствовалось даже сильнѣе, чѣмъ вліяніе его, какъ умственного авторитета.

Въ разговорахъ объ анархизмѣ или о текущихъ дѣлахъ Федерации я никогда не слыхалъ, чтобы спорный вопросъ разрѣшался ссылкой на авторитетъ Бакунина. Рабочіе никогда не говорили: «Бакунинъ сказалъ то-то», или «Бакунинъ думаетъ такъ-то». Его писанія и изреченія не считались безапелляціонными авторитетомъ, какъ, къ сожалѣнію, это часто наблюдается въ современныхъ политическихъ партіяхъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разумъ является верховнымъ судьею, каждый выставлялъ въ спорахъ свои собственные доводы. Иногда ихъ общий характеръ и содержаніе были, можетъ-быть, внушены Бакунінъ, но иногда и онъ самъ заимствовалъ ихъ отъ своихъ юрскихъ друзей. Во всякомъ случаѣ, аргументы каждого сохраняли свой личный характеръ. Только разъ я слышалъ ссылку на Бакунина, какъ на авторитетъ, и это произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я до сихъ поръ помню во всѣхъ подробностяхъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ это было сказано. Нѣсколько молодыхъ людей болтали, въ присутствії женщинъ, не особенно почтительно о женщинахъ вообще.

— Жаль, что нѣтъ здѣсь Мишеля! — воскликнула одна изъ присутствовавшихъ. — Онъ бы вамъ задалъ! — И всѣ примолкли.

Они всѣ находились подъ обаяніемъ колоссальной личности борца, пожертвовавшаго всѣмъ для революціи, жившаго только для нея и черпавшаго изъ нея же высшія правила жизни.

Я возвратился изъ этой поѣздки съ опредѣленными соціалистическими взглядами, которыхъ и держался съ тѣхъ поръ, посильно стараясь развивать ихъ и облечь въ болѣе опредѣленную и конкретную форму.

Быть, однако, одинъ пунктъ, который я принялъ только послѣ долгихъ думъ и безсонныхъ ночей. Я ясно видѣлъ, что величія перемѣны, долженствующія передать все необходимое для жизни и производства въ руки общества, — все равно будетъ ли то народное государство соціалъ-демократовъ, или же союзъ свободныхъ группъ, какъ хотятъ анархисты — не могутъ свершиться безъ великой революціи, какой еще не знаетъ исторія. Больше того. Уже во время

французской революції, крестьяне и республиканцы должны были напрячь всѣ усилия, чтобы опрокинуть прогнившій аристократический строй. Между тѣмъ въ великой соціальной революції народу придется бороться съ противникомъ гораздо болѣе сильнымъ умствено и физически: съ средними классами, которые имѣютъ притомъ въ своемъ полномъ распоряженіи могущественный механизмъ современного государства.

Но я скоро замѣтилъ, что никакой революціи: ни мирной, ни кровавой, не можетъ совершиться безъ того, чтобы новые идеалы глубоко не проникли въ тотъ самый классъ, который экономическая и политическая привилегіи предстоитъ разрушить. Я видѣлъ освобожденіе крестьянъ и понималъ, что если бы сознаніе несправедливости крѣпостного права не было широко распространено среди самихъ помѣщиковъ (подъ вліяніемъ эволюціи, вызванной революціями 1793 и 1848 годовъ), освобожденіе крестьянъ никогда не совершилось бы такъ быстро, какъ въ 1861 году. И я также видѣлъ, что идея освобожденія работниковъ отъ капиталистического ига начинаетъ распространяться среди самой буржуазіи. Наиболѣе горячіе сторонники современного экономического строя отказываются уже отъ защиты своихъ привилегій на почвѣ *права*, а довольствуются обсужденіемъ *своевременности* преобразованія. Они не отрицаютъ желательности нѣкоторыхъ перемѣнъ, но только спрашиваютъ,—дѣйствительно ли новый экономический строй, предлагаемый соціалистами, будетъ лучше нынѣшняго? Сможетъ ли общество, въ которомъ рабочіе будутъ имѣть преобладающее вліяніе, лучше руководить производствомъ, чѣмъ отдельные капиталисты, побуждаемые личной выгодой, какъ въ настоящее время?

Кромѣ того, я постепенно началъ понимать, что революціи, то-есть періоды ускоренной эволюціи, ускоренного развитія и быстрыхъ перемѣнъ, такъ же сообразны съ природой человѣческаго общества, какъ и медленная постепенная эволюція, наблюдалася теперь въ культурныхъ странахъ. И каждый разъ, когда темпъ развитія ускоряется и начинается эпоха широкихъ преобразованій, можетъ вспыхнуть гражданская война въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, вопросъ не въ томъ, какъ избѣжать революціи—ея не избѣгнуть,—а въ томъ, какъ достичь наибольшихъ результатовъ при наименьшихъ размѣрахъ гражданской войны, то-есть съ наименьшимъ числомъ жертвъ.

и, по возможности, не увеличивая взаимной ненависти. Все это возможно лишь при одномъ условіи: угнетенные должны составить себѣ возможно болѣе ясное представлениe о томъ, что имъ предстоитъ совершить, и проникнуться достаточно сильнымъ энтузіазмомъ. Въ такомъ случаѣ они могутъ быть увѣрены, что къ нимъ присоединятся лучшіе и наиболѣе свѣжіе элементы изъ самихъ правящихъ классовъ.

Парижская Коммуна—страшный примѣръ соціального взрыва безъ достаточно опредѣленныхъ идеаловъ. Когда въ мартѣ 1871 года работники стали хозяевами Парижа, они не только не тронули правъ собственности буржуазіи, но даже охраняли ихъ. Вожди Коммуны грудью покрывали національный банкъ. Несмотря на кризисъ, парализовавшій промышленность и послѣдовавшую отъ того безработицу, Коммуна своими декретами охраняла права владѣльцевъ фабрикъ, торговыхъ учрежденій и жилыхъ помѣщений города Парижа. Между тѣмъ, несмотря на это, когда движение было подавлено, буржуазія не зачла бунтовщикамъ скромности ихъ требованій. Проживши два мѣсяца въ постоянному страхѣ, что коммунары посягнутъ на ихъ права собственности, версалыцы, когда они взяли Парижъ, стали мстить, какъ будто это покушеніе уже было совершено. Около тридцати тысячъ рабочихъ, какъ известно, было перебито—не въ сраженіи, а послѣ того, какъ сраженіе было кончено. Врядъ ли месть могла быть ужаснѣе, если бы Коммуна приняла самыя рѣшительныя мѣры къ соціализаціи собственности.

Если въ развитіи человѣческаго общества,— разсуждалъ я,—существуютъ періоды, когда борьба неизбѣжна и когда гражданская война возникаетъ помимо желанія отдѣльныхъ личностей, то необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы она всилась во имя точныхъ и опредѣленныхъ требованій, а не смутныхъ желаній. Необходимо, чтобы борьба шла не за второстепенные вопросы, незначительность которыхъ не уменьшить взаимнаго озлобленія, но во имя широкихъ идеаловъ, способныхъ воодушевить людей величиемъ открывающагося горизонта.

Въ послѣднемъ случаѣ исходъ борьбы будетъ зависѣть не столько отъ ружей и пушекъ, сколько отъ творческой силы, примѣненной къ переустройству общества на новыхъ началахъ. Исходъ будетъ зависѣть въ особенности отъ созидаательныхъ общественныхъ силъ, передъ которыми на яремя откроется широкій просторъ, и отъ нравственнаго

вліянія преслѣдуемыхъ цѣлей; ибо въ такомъ случаѣ преобразователи найдутъ сочувствующихъ даже въ тѣхъ классахъ, которые были противъ революціи. Борьба, происходя на почвѣ широкихъ идеаловъ, очистить соціальную атмосферу. Въ такомъ случаѣ число жертвъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, будетъ горазде меныше, чѣмъ если бы борьба велась за второстепенные вопросы, открывающіе широкій просторъ всякимъ низмено нымъ стремленіямъ.

Проникнутый такими идеями, я возвратился въ Россію.

XI.

Во время поѣздки я накупилъ много книгъ и собралъ коллекцію соціалистическихъ газетъ. Въ Россіи, конечно, всѣ онѣ были безусловно запрещены цензурой. Нѣкоторые газеты и отчеты международныхъ съѣздовъ ни за какія деньги нельзя было бы пріобрѣсти даже въ Бельгіи. «Неужели такъ и бросить литературу,—думалъ я,—которой въ Петербургѣ такъ были бы рады братъ Александръ и мои друзья? Я рѣшилъ во что бы то ни стало перевезти книги въ Россію.

Возвращался я въ Петербургъ черезъ Вѣну и Варшаву. Тысячи евреевъ живутъ на нашей западной границѣ контрабандой, и я не безъ основанія думалъ, что если найду хоть одного изъ нихъ, мои книги будутъ переправлены благополучно черезъ границу. Но сойти на маленькой станціи близъ границы и тамъ разыскивать контрабандиста было бы не благоразумно. Тогда я свернулъ съ прямой дороги, въ Krakowъ. «Столица старой Польши близка къ границѣ,—думалъ я.—Тамъ, вѣроятно, я раздѣ буду еврея, который меня сведетъ съ необходимыми мнѣ людьми».

Я прибылъ въ знаменитую нѣкогда столицу вечеромъ, а на другой день рано утромъ отправился изъ гостиницы на поиски. Велико, однако, было мое смущеніе, когда на каждомъ углу и всюду на пустынной базарной площади я встрѣчалъ еврея, съ пейсами, въ традиціонномъ долгополомъ кафтанѣ, выглядывавшаго какого-нибудь пана или купца, которые послали бы его съ порученіемъ и дали бы заработать нѣсколько грошей. Мнѣ нуженъ былъ одинъ еврей, а тутъ ихъ оказалась цѣлая куча. Къ кому же обратиться? Я обошелъ весь городъ и, наконецъ,

въ отчаянії, рѣшилъ обратиться къ еврею, стоявшему у дверей моей гостиницы, -- громаднаго, стариннаго палаца, въ залахъ котораго когда-то танцевали толпы изящныхъ дамъ и галантныхъ кавалеровъ. Теперь старинный дворецъ исполнялъ болѣе прозаическое назначеніе, давая убѣжище рѣдкимъ и случайнымъ проѣзжающимъ. Я объяснилъ фактору, что желаю переправить въ Россію довольно тяжелую пачку книгъ и газетъ.

— То пану заразъ будеть сдѣлано. Я приведу комиссіонера отъ «Главной компаніи международного обмѣна тряпокъ и костей (скажемъ такъ). Она ведеть самую широкую контрабанду во всемъ мірѣ. Комиссіонеръ послужить господину».

Черезъ полчаса факторъ дѣйствительно возвратился съ «комиссіонеромъ», изящнымъ молодымъ человѣкомъ, отлично говорившимъ по-русски, польски и немецки.

«Комиссіонеръ» осмотрѣлъ мой узель, взвѣсили его на рукахъ и спросилъ, какого рода это книги?

— Всѣ онъ строжайше запрещены въ Россіи. Потому-то ихъ и нужно переправить контрабандой.

— Собственно говоря, книгами мы не занимаемся,—ответилъ онъ.—Наше дѣло—шелковый товаръ. Если я сталъ бы платить нашимъ людямъ по вѣсу, какъ за шелкъ, то долженъ бы запросить съ васъ совсѣмъ не подходящую цѣну. На придачу, скажу вамъ правду, не люблю я путаться съ книгами. Случись, не дай Богъ, несчастье,—такъ «они» сдѣлаютъ политическій процессъ. «Международная компанія тряпокъ и костей» должна будетъ тогда заплатить громадныя деньги, чтобы выпутаться изъ исторіи.

Должно-быть, видъ у меня былъ очень опечаленный, потому что элегантный «комиссіонеръ» сейчасъ же прибавилъ «Не огорчайтесь. Онъ (то-есть факторъ) устроить это дѣло для васъ другимъ путемъ».

— То чистая правда!—весело замѣтилъ факторъ, когда комиссіонеръ ушелъ.—Найдемъ сто дорогъ, чтобы угодить пану.

Черезъ часъ онъ возвратился съ другимъ молодымъ человѣкомъ, который взялъ узель, сложилъ его возлѣ дверей и сказалъ: «Добре; если панъ выѣдетъ завтра, онъ найдетъ свои книги на такой-то станціи въ Россіи». Онъ объяснилъ мнѣ подробно все.

— А сколько это будетъ стоить?—спросилъ я.

— А сколько панъ хочетъ дать?—отвѣтилъ онъ.

Я высыпалъ на столъ все, что у меня было въ кошелькѣ, и сказалъ: «Вотъ столько-то мнѣ на дорогу. Остальное вамъ. Я поѣду въ третьюмъ классѣ».

— Ай, ай, ай!—закрутили разомъ головами и факторъ, и молодой человѣкъ.—Развѣ то можно, чтобы такой панъ ѿхалъ третьюмъ классомъ? Никогда! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Для нась—десять рублей; потомъ фактору—два рубля, если вы довольны имъ. Мы не грабители какіе-нибудь, а честные люди!» Они наотрѣзъ отказались взять больше денегъ.

Мнѣ часто приходилось слышать съ тѣхъ поръ о честности еврейскихъ контрабандистовъ на сѣверо-западной границѣ. Впослѣдствіи, когда нашъ кружокъ ввозилъ много книгъ изъ-за границы, а затѣмъ еще позже, когда такъ много революціонеровъ переправлялось въ Россію и изъ Россіи,—не было ни одного случая, чтобы контрабандистъ выдалъ кого-нибудь, или чтобы онъ воспользовался исключительностью положенія для вымогательства чрезмѣрной платы.

На другой день я выѣхалъ изъ Кракова. На условленной станціи въ Россіи къ моему вагону подошелъ носильщикъ и сказалъ такъ громко, чтобы его могъ слышать стоявшій на платформѣ жандармъ: «Вотъ чемоданъ, который ваше сіятельство оставили вчера». Онъ вручилъ мнѣ мой цѣнныій пакетъ.

Я такъ былъ ему радъ, что даже не остановился въ Варшавѣ, а прямо отправился въ Петербургъ, чтобы показать мои трофеи брату.

XII.

Въ это время развивалось сильное движение среди русской интеллигентной молодежи. Крѣпостное право было отмѣнено. Но за два съ половиною вѣка существованія оно породило цѣлый міръ привычекъ и обычаевъ, созданныхъ рабствомъ. Тутъ было презрѣніе къ человѣческой личности, деспотизмъ отцовъ, лицемѣрное подчиненіе со стороны женъ, дочерей и сыновей. Въ началѣ XIX вѣка бытовой деспотизмъ царилъ и въ западной Европѣ. Массу примѣровъ дали Теккерей и Дикенсъ, но нигдѣ онъ не расправѣль такимъ пышнымъ цвѣтомъ, какъ въ Россіи. Вся русская жизнь—въ семье, въ отношеніяхъ начальника къ подчиненному, офицера къ солдату, хозяина къ работнику, была проникнута имъ. Создался цѣлый міръ привычекъ, обычаевъ, способовъ

мышленія, предразсудковъ и нравственной трусости, выросшій на почвѣ бездѣлья. Даже лучшіе люди того времени платили широкую дань этимъ нравамъ крѣпостного права.

Противъ нихъ законъ былъ бессиленъ. Лишь сильное общественное движение, которое нанесло бы ударъ самому корню зла, могло преобразовать привычки и обычаи повседневной жизни. И въ Россіи это движение—борьба за индивидуальность—приняло гораздо болѣе мощный характеръ и стало болѣе безпощадно въ своемъ отрицаніи, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тургеневъ, въ своей замѣчательной повѣсти: «Отцы и Дѣти», назвалъ его «нигилизмомъ».

Ез западной Европѣ нигилизмъ попимается совершенно невѣрно; въ печати, напримѣръ, постоянно смѣшиваютъ его съ терроризмомъ и упорно называютъ нигилизмомъ то революціонное движение, которое вспыхнуло въ Россіи къ концу царствованія Александра II и закончилось трагической его смертью. Все это основало на недоразумѣніи. Смѣшивать нигилизмъ съ терроризмомъ—все равно, что смѣшать философское движение, какъ, напримѣръ, стоицизмъ или позитивизмъ, съ политическимъ движениемъ,—напримѣръ, республиканскимъ. Терроризмъ былъ порожденъ особыми условіями политической борьбы въ данный исторический моментъ. Онъ жилъ и умеръ. Онъ можетъ вновь воскреснуть и снова умереть. Нигилизмъ же наложилъ у насъ свою печать на всю жизнь интеллигентнаго класса, и эта печать не скоро изгладится. Нигилизмъ, безъ его грубоватыхъ крайностей,—неизбѣжныхъ, впрочемъ въ каждомъ молодомъ движениі—придалъ нашей интеллигенціи тотъ своеобразный оттѣнокъ, котораго, къ великому нашему сожалѣнію, мы, русскіе, не находимъ въ западноевропейской жизни. Тотъ же нигилизмъ, въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ проявленій, придаетъ многимъ нашимъ писателямъ ихъ искренній характеръ, ихъ манеру «мыслить вслухъ», которые такъ поражаютъ европейскихъ читателей.

Прежде всего, нигилизмъ объявилъ войну такъ называемой условной лжи культурной жизни. Его отличительной чертой была абсолютная искренность. И во имя ея нигилизмъ отказался самъ и требовалъ, чтобы то же сдѣлали другіе,—отъ суевѣрій, предразсудковъ, привычекъ и обычаевъ, существованія которыхъ разумъ не могъ оправдать. Нигилизмъ признавалъ только одинъ авторитетъ—разумъ. Онъ анализировалъ всѣ общественные учрежденія и обы-

чай и возсталъ противъ всякаго рода софизма, какъ бы послѣдній ни былъ замаскированъ.

Онъ порвалъ, конечно, съ суевѣріемъ отцовъ. По философскимъ своимъ понятіямъ нигилистъ былъ позитивистъ, атеистъ, эволюціонистъ въ духѣ Спенсера или материалистъ. Онъ щадилъ, конечно, простую и искреннюю вѣру, являющуюся психологической необходимостью чувства; но зато безпощадно боролся съ лицемѣріемъ въ христіанствѣ.

Вся жизнь цивилизованныхъ людей полна условной лжи. Люди, ненавидящіе другъ друга, встрѣчаясь на улицѣ, изображаютъ на своихъ лицахъ самыя блаженныя улыбки; нигилистъ же улыбался лишь тѣмъ, кого онъ радъ былъ встрѣтить. Всѣ формы виѣшней вѣжливости, которыя являются однимъ лицемѣріемъ, претили ему. Онъ усвоилъ себѣ нѣсколько грубоватыя манеры, какъ протестъ противъ виѣшней полированности отцовъ. Нигилисты видѣли, какъ отцы гордо позировали идеалистами и сантименталистами, что не мѣшало имъ быть настоящими дикарями по отношенію къ женамъ, дѣтямъ и крѣпостнымъ. И онъ возсталъ противъ этого сантиментализма, отлично уживавшагося съ вовсе неидеальнымъ строемъ русской жизни. Искусство тоже подпало подъ это широкое отрицаніе. Нигилисту были противны безконечные толки о красотѣ, обѣ идеалѣ, искусствѣ для искусства, эстетикѣ и тому подобномъ, тогда какъ всякой предметъ искусства покупался на деньги, выколоченные у голодающихъ крестьянъ или у обираемыхъ работниковъ. Онъ зналъ, что такъ называемое «поклоненіе прекрасному» часто было лишь маской, прикрывавшой пошлый развратъ. Нигилистъ тогда еще отлилъ безпощадную критику искусства въ одну формулу: «Пара сапогъ важнѣе всѣхъ вашихъ мадоннъ и всѣхъ утонченныхъ толковъ про Шекспира».

Бракъ безъ любви и брачное сожитіе безъ дружбы—нигилистъ отрицалъ. Дѣвушка, которую родители заставляли быть куклой въ кукольномъ домикѣ и выйти замужъ по расчету, предпочитала лучше оставить свои наряды и уйти изъ дома. Она надѣвала самое простое, черное шерстяное платье, остригала волосы и поступала на высшіе курсы, съ цѣлью добиться личной независимости. Женщина, видѣвшая, что бракъ пересталъ быть бракомъ, что ни любовь ни дружба не связываютъ ее больше съ мужемъ, порывала совсѣмъ и мужественно уходила съ дѣтьми, предпочитая одиночество и зачастую нищету вѣчной лжи и разладу съ собою.

Нигилистъ вносилъ свою любовь къ искренности даже въ мелкія детали повседневной жизни. Онъ отказался отъ условныхъ формъ свѣтской болтовни и выражалъ свое мнѣніе рѣзко и прямо; даже съ пѣкоторой аффектаціей виѣшней грубоватости.

Въ Иркутскѣ мы собирались разъ въ недѣлю въ клубѣ, гдѣ танцевали. Одно время я усердно посѣщалъ эти вечера, но потомъ мало-по-малу отсталъ, отчасти изъ-за работы. Разъ какъ-то одна изъ дамъ спросила моего молодого пріятеля, почему это меня не видно въ клубѣ уже нѣсколько недѣль? «Когда Кропоткину нуженъ мопіонъ, онъ ъздитъ верхомъ», грубовато отвѣтилъ пріятель.

— Почему же ему не заглянуть и не посидѣть съ нами, не танцуя?—вставила одна изъ дамъ.

— А что ему здѣсь дѣлать?—отрѣзалъ по-нигилистичы мой другъ.—Болтать съ вами про моды и тряпки? Вся эта дребедень уже надоѣла ему.

— Но вѣдь онъ бываетъ иногда у Манечки такой-то?—нерѣшительно замѣтила одна изъ барышень.

— Да, но она занимающаяся дѣвушка,—отрубилъ пріятель.—Онъ даетъ ей уроки нѣмецкаго языка.

Долженъ сказать, что эта, безспорно, грубоватая отповѣдь имѣла благіе результаты. Большинство иркутскихъ дѣвушекъ скоро стали осаждать брата, нашего пріятеля и меня просьбами послѣдовательствовать имъ, что читать и чому учиться.

Съ тою же самою откровенностью нигилистъ отрѣзывалъ своимъ знакомымъ, что всѣ ихъ соболѣзвованія о «бѣдномъ братѣ» народѣ—одно лицемѣріе, покуда они живутъ въ богато-убранныхъ палатахъ, на счетъ народа, за котораго такъ болѣютъ душой. Съ тою же откровенностью нигилистъ заявлялъ крупному чиновнику, что тотъ не только не заботится о благѣ подчиненныхъ, а попросту—воръ.

Съ пѣкоторой суровостью нигилистъ далъ бы отпоръ и «дамѣ», болтающей пустяки и похваляющейся «женственностью» своихъ манеръ и уточченностью туалета. Онъ прямо сказалъ бы ей: «Какъ вамъ не стыдно болтать глупости и таскать шиньонъ изъ фальшивыхъ волосъ?» Нигилистъ желалъ прежде всего видѣть въ женщинѣ товарища, человѣка, а не куклу, не «кисейную барышню». Онъ абсолютно отрицалъ тѣ мелкія знаки вѣнчаній вѣжливости, которые оказываются такъ называемому «слабому полу». Нигилистъ не срывался съ мѣста, чтобы предложить его вошедшей дамѣ,

если онъ видѣлъ, что дама не устала и въ комнатѣ есть еще другіе стулья. Онъ держался съ ней, какъ съ товарищемъ. Но если дѣвушка, хотя бы и совершенно ему незнакомая, проявляла желаніе учиться чему-нибудь, онъ помогалъ ей уроками и готовъ былъ хоть каждый день ходить на другой конецъ города. Молодой человѣкъ, который пальцемъ не шевельнулъ бы, чтобы подвинуть барышнѣ чашку чая, охотно передавалъ дѣвушкѣ, приѣхавшей на курсы въ Москву или въ Петербургъ, свой единственный урокъ и свой единственный заработокъ, при чемъ говорилъ: «Нечего благодарить: мужчинѣ легче найти работу, чѣмъ женщинѣ: вовсе не рыцарство, а простое равенство».

И Тургеневъ и Гончаровъ пытались изобразить этотъ новый типъ въ своихъ романахъ. Гончаровъ, въ «Обрывѣ», далъ портретъ съ живого лица, но вовсе не типичнаго представителя класса; поэтому Маркъ Волоховъ только карикатура на нигилизмъ. Тургеневъ былъ слишкомъ тонкій художникъ, и слишкомъ уважалъ новый типъ, чтобы быть способнымъ на карикатуру; но и его Базаровъ не удовлетворялъ насъ. Мы въ то время нашли его слишкомъ грубымъ, напримѣръ, въ отношеніяхъ къ старикамъ-родителямъ, а въ особенности, мы думали, что онъ слишкомъ пренебрегалъ своими обязанностями, какъ гражданинъ. Молодежь не могла быть удовлетворена исключительно отрицательнымъ ко всему отношеніемъ тургеневскаго героя. Нигилизмъ, съ его декларацией правъ личности и отрицаніемъ лицемѣрія, былъ только переходнымъ моментомъ къ появлению «новыхъ людей», не менѣе цѣнившихъ индивидуальную свободу, но жившихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, для великаго дѣла. Въ нигилистахъ Чернышевскаго, выведенныхъ въ несравненно менѣе художественномъ романѣ «Что дѣлать», мы уже видѣли лучшіе портреты самихъ себя.

«Но горекъ хлѣбъ, воздѣланный рабами», писалъ Некрасовъ. Молодое поколѣніе отреклось отъ этого хлѣба и отъ богатствъ, накопленныхъ отцами при помощи подневольнаго труда людей—крѣпостныхъ, или закабаленныхъ на фабрикѣ.

Вся Россія читала съ удивленіемъ во время процесса Каракозовцевъ, что подсудимые, владѣвшіе значительными состояніями, жили по три, по четыре человѣка въ одной комнатѣ, никогда не расходовали больше, чѣмъ по десяти рублей въ мѣсяцъ на каждого, и все состояніе отдавали на

устройство кооперативныхъ обществъ, артелей, въ которыхъ сами работали. Пять лѣтъ спустя тысячи молодыхъ людей, цвѣть Россіи, поступили также. Ихъ лозунгъ былъ: «Въ народъ». Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ почти въ каждой богатой семье происходила упорная борьба между отцами, желавшими поддержать старая преданія, и сыновьями и дочерьми, отстаивавшими свое право располагать собою согласно собственнымъ идеаламъ. Молодые люди бросали военную службу, конторы, прилавки и стремились въ университетскіе города. Дѣвушки, получившія аристократическое воспитаніе, пріѣзжали безъ копейки въ Петербургъ, Москву и Киевъ, чтобы научиться дѣлу, которое могло бы ихъ освободить отъ неволи въ родительскомъ домѣ, а впослѣдствіи, можетъ-быть, и отъ мужнинаго ярма. Многія изъ нихъ добились этой личной свободы послѣ упорной и суровой борьбы. Теперь онѣ жаждали приложить съ пользою пріобрѣтенное знаніе; онѣ думали не о личномъ удовольствіи, а о томъ, чтобы дать народу то знаніе, которое освободило ихъ самихъ.

Во всѣхъ городахъ, во всѣхъ концахъ Петербурга возникали кружки саморазвитія. Здѣсь тщательно изучались труды философовъ, экономистовъ и молодой школы русскихъ историковъ. Чтеніе сопровождалось безконечными спорами. Цѣлью всѣхъ этихъ чтеній и споровъ было—разрѣшить великій вопросъ, стоявшій передъ молодежью: какимъ путемъ можетъ она быть наиболѣе полезна народу? И постепенно она приходила къ выводу, что существуетъ лишь одинъ путь: нужно ити въ народъ и жить его жизнью. Молодые люди отправлялись поэтому въ деревню какъ врачи, фельдшера, народные учителя, волостные писаря. Чтобы еще ближе соприкоснуться съ народомъ, многіе пошли въ чернорабочіе, кузнецы, дровосѣки. Дѣвушки сдавали экзаменъ на народныхъ ^{*}учительницъ, фельдшерицы, акушерокъ и сотнями шли въ деревню, гдѣ беззаботно посвящали себя служенію бѣднѣйшей части народа.

У всѣхъ ихъ не было никакой еще мысли о революціи, о насильственномъ перестроительстве общества по опредѣленному плану. Они просто желали обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его, помочь ему какимъ-нибудь образомъ выбраться изъ тьмы и нищеты, и въ то же время узнать у самого народа, каковъ *его* идеалъ лучшей соціальной жизни.

Когда я возвратился изъ Швейцаріи, то нашелъ это движение въ полномъ разгарѣ.

XIII.

Я поспѣшилъ, конечно, подѣлиться съ друзьями моими книгами и впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства съ Интернаціоналомъ. Собственно говоря, въ университѣтѣ у меня не было друзей; я былъ старше большинства моихъ товарищѣй, а среди молодыхъ людей разница въ нѣсколько лѣтъ всегда является помѣхой тѣсному сближенію. Нужно также прибавить, что съ тѣхъ поръ, какъ былъ введенъ уставъ 1861 года, лучшіе молодые люди, то-есть наиболѣе развитыи и независимы, отсѣвались въ гимназіяхъ и не допускались въ университетѣтъ. Поэтому большинство моихъ товарищѣй были хороши юноши, трудолюбивые, но они не интересовались ничѣмъ, кромѣ экзаменовъ. Я подружился только съ однимъ, Дмитріемъ Клеменцомъ. Онъ былъ родомъ изъ южной Россіи и хотя носилъ нѣмецкую фамилію, врядъ ли говорилъ по-нѣмецки, а въ типичномъ его лицѣ не было ничего тевтонскаго. Онъ былъ развитой, начитанный человѣкъ и много думалъ, очень любилъ науку и глубоко уважалъ ее; но, подобно большинству изъ насъ, скоро пришелъ къ заключенію, что стать ученымъ—значить перейти въ станъ филистеровъ, тогда какъ впереди такое множество другой, не терпящей отлагательства работы. Онъ посѣщалъ университетѣтъ около двухъ лѣтъ, затѣмъ бросилъ его и весь отдался соціальной дѣятельности. Жилъ онъ Богъ вѣсть какъ. Сомнѣваюсь даже, была ли у него постоянная квартира. Иногда онъ приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ: «Есть у васъ бумага?» Забравъ запасъ ея, онъ примашивался гдѣ-нибудь у края стола и прилежно переводилъ часа два. То немногое, что онъ зарабатывалъ подобнымъ образомъ, съ избыткомъ покрывало его скромныя потребности, и, кончивъ работу, Клеменцъ плелся на другой конецъ города, чтобы повидаться съ товарищами или помочь нуждающемуся пріятелю. Онъ готовъ былъ исколесить весь Петербургъ, пѣшкомъ, чтобы выхлопотать пріемъ въ гимназію какого-нибудь мальчика, въ которомъ товарищи принимали участіе. Онъ, несомнѣнно, былъ очень талантливъ. Въ западной Европѣ гораздо менѣе одаренный человѣкъ, чѣмъ онъ, навѣрное, сталъ бы виднымъ политическимъ или соціалистическимъ вождемъ. Но мысль о главенствѣ никогда не приходила ему въ голову. Честолюбіе было ему совершенно чуждо; зато я не знаю такой общественной работы, которую Дмитрій счелъ бы слиш-

комъ мелкой. Впрочемъ, эта черта была свойственна не только ему одному. Ею отличались всѣ тѣ, которые въ то время врашались въ студенческихъ кружкахъ.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ-за границы Дмитрій предложилъ мнѣ поступить въ кружокъ, извѣстный въ то время среди молодежи подъ названіемъ кружка Чайковскаго. Подъ этимъ именемъ онъ сыгралъ важную роль въ соціальномъ развитіи Россіи и подъ тѣмъ же именемъ перейдетъ въ исторію. «Члены нашего кружка, покуда, большею частью конституціоналисты,—сказалъ мнѣ Клеменецъ;—но всѣ они прекрасные люди. Они готовы принять всякую честную идею. У нихъ много друзей повсюду въ Россіи; вы сами увидите впослѣдствіи, что можно сдѣлать». Я былъ уже знакомъ съ Н. В. Чайковскимъ и нѣкоторыми членами его кружка. Чайковскій произвелъ на меня обаятельное впечатлѣніе съ первого же раза. И до настоящаго времени, въ продолженіе многихъ лѣтъ, наша дружба не поколебалась.

Кружокъ возникъ изъ очень небольшой группы мужчинъ и женщинъ,—въ числѣ послѣднихъ была Софья Перовская и три сестры Корниловы—соединившихся для самообразованія и самоусовершенствованія. Въ 1869 году Нечаевъ попытался организовать тайное революціонное общество изъ молодежи, желавшей работать среди народа. Но для достиженія своей цѣли онъ прибѣгъ къ пріему старинныхъ заговорщиковъ и не останавливался даже предъ обманомъ, чтобы заставить членовъ сообщества слѣдовать за собою. Такіе пріемы не могутъ имѣть успѣха въ Россіи, и скоро нечаевская организація рухнула. Всѣхъ членовъ арестовали; нѣсколько лучшихъ людей изъ русской интеллигенціи сослали въ Сибирь, прежде чѣмъ они успѣли сдѣлать что-нибудь. Кружокъ саморазвитія, о которомъ я говорю, возникъ изъ желанія противодѣйствовать нечаевскимъ способамъ дѣятельности. Чайковскій и его друзья разсудили совершенно вѣрно, что нравственно-развитая личность должна быть въ основѣ всякой организаціи, независимо отъ того, какой бы политической характеръ она потомъ ни приняла и какую бы программу дѣятельности она ни усвоила подъ вліяніемъ событий. Вотъ почему кружокъ Чайковскаго, постепенно раздвигая свою программу, такъ широко распространился по Россіи и достигъ такихъ серьезнѣйшихъ результатовъ. Поэтому также, впослѣдствіи, когда свирѣпые преслѣдованія со стороны правительства породили

революціонную борьбу, кружокъ выдвинулъ рядъ выдающихся дѣятелей и дѣятельницъ, павшихъ въ бою съ самодержавіемъ.

Въ то время, то-есть въ 1872 году, кружокъ не имѣлъ въ себѣ ничего революціоннаго. Если бы онъ остался простымъ кружкомъ саморазвитія, то члены его скоро закаменѣли бы, какъ въ скитѣ. Но кружокъ нашелъ подходящую работу. Чайковцы стали распространять хорошия книги. Они покупали цѣльми изданіями сочиненія Лассала, Флеровскаго-Берви («О положеніи рабочаго класса въ Россіи»), Маркса, труды по русской исторіи и распространяли ихъ среди студентовъ въ провинціальныхъ городахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ «тридцати - восьми губерніяхъ Россійской имперіи», употребляя подсчетъ обвинительного акта,— не было сколько-нибудь значительнаго города, гдѣ кружокъ не имѣлъ бы товарищей, занимавшихся распространеніемъ этого рода литературы. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ общаго хода событий и побуждаемый вѣстями, прибывавшими изъ западной Европы о быстромъ ростѣ рабочаго движенія,—кружокъ все больше становился центромъ соціалистической пропаганды среди учащейся молодежи и естественнымъ посредникомъ между членами провинціальныхъ кружковъ. А затѣмъ наступилъ день, когда препрада, отѣлывшая студентовъ отъ работниковъ, рухнула, и завязались прямые спошнія съ петербургскими и, отчасти, провинціальными рабочими. Въ это самое время, весной 1872 года, я присоединился къ кружку.

Мои читатели въ западной Европѣ, вѣроятно, не мало были разочарованы, когда узнали, что принятіе въ тайное общество не сопровождалось никакими клятвами и обрядами, о которыхъ такъ много наговорили имъ романисты. Ничего этого, конечно, не было. Даже одна мысль о ритуалѣ приема насмѣшила бы нась и вызвала бы со стороны Клеменца такую саркастическую насмѣшку, отъ которой любитель церемоній, если бы такой нашелся, устыдился бы. У кружка даже не было устава. Въ члены принимались только хорошо известные люди, испытанные много разъ, такъ что имъ можно было безусловно довѣрять. Прежде чѣмъ принять новаго члена, характеръ его обсуждался со всею откровенностью, присущею нигилистамъ.

Малѣйший признакъ неискренности, или самомнѣнія,—и его не принимали. Чайковцы не гнались за тѣмъ, чтобы набрать побольше членовъ. Тѣмъ менѣе стремились они

къ тому, чтобы непремѣнно руководить всѣми многочисленными кружками, зарождавшимися въ столицахъ и въ провинціи, и взять, такъ сказать, на откупъ все движение среди молодежи. Съ большинствомъ изъ кружковъ мы были въ дружескихъ сношеніяхъ; мы помогали имъ, и они помогали намъ; но мы не покушались на ихъ независимость.

Нашъ кружокъ оставался тѣсной семьей друзей. Никогда впослѣдствіи я не встрѣчалъ такой группы идеально чистыхъ и нравственно выдающихся людей, какъ тѣ человѣкъ двадцать, которыхъ я встрѣтилъ на первомъ засѣданіи кружка Чайковскаго. До сихъ поръ я горжусь тѣмъ, что былъ принятъ въ такую семью.

XIV.

Когда я присоединился къ чайковцамъ, они горячо спорили о томъ, какой характеръ слѣдуетъ придать ихъ дѣятельности. Нѣкоторые стояли за радикальную и соціалистическую пропаганду среди молодежи. Другіе же держались того миѳнія, что у кружка должна быть одна цѣль: подготовить людей, которые могли бы поднять громадную, косную рабочую массу, а потомъ стояли бы за перенесеніе центра агитациіи въ среду крестьянъ и городскихъ работниковъ. Такіе же споры шли во всѣхъ кружкахъ и группахъ, которые тогда сотнями возникали въ Петербургѣ и въ провинціальныхъ городахъ. И всюду сторонники второй программы брали верхъ.

Если бы молодежь того времени была только за абстрактный соціализмъ, она удовлетворилась бы тѣмъ, что выставила бы иѣсколько общихъ принциповъ,—напримѣръ, о желательности въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ коммунистического владѣнія орудіями производства, а затѣмъ занялась бы политической агитаціей. Въ западной Европѣ и въ Америкѣ такъ именно и поступаютъ соціалисты, вышедши изъ среднихъ классовъ. Но русская молодежь того времени подошла къ соціализму совсѣмъ инымъ путемъ. Молодые люди не строили теорій соціализма, а становились соціалистами, живя не лучше, чѣмъ работники, не различая въ кругу товарищей между «моимъ» и «твоимъ», и отказываясь лично пользоваться состояніями, полученными по наслѣдству. Они поступали по отношенію тѣхъ капитализму такъ, какъ, по совѣту Толстого, слѣдуетъ опступить по отношенію къ войнѣ: то-есть, вмѣсто того,

чтобы критиковать войну и въ то же время носить мундиръ каждый долженъ отказаться отъ военной службы и отъ ношеннія оружія. Такимъ же образомъ молодые люди, каждый и каждая за себя, отказывались отъ пользованія доходами родителей. Такая молодежь неизбѣжно должна была пойти въ народъ, и она пошла. Тысячи молодыхъ людей и дѣвушекъ уже оставили дома своихъ родителей и жили въ деревняхъ и въ фабричныхъ городахъ подъ всевозможными видами. Это не было организованное движение, а стихійное,—одно изъ тѣхъ массовыхъ движений, которые наблюдаются въ моменты пробужденія человѣческой совѣсти. Теперь, когда начали возникать небольшие организованные кружки, готовившіеся сдѣлать систематическую попытку распространенія идей свободы и возмущенія,—самая сила вещей толкнула ихъ на путь пропаганды среди крестьянъ и городскихъ рабочихъ.

Различные писатели пробовали объяснить движение въ народъ вліяніемъ извнѣ. Вліяніе эмигрантовъ—любимое объясненіе всѣхъ полицій всего міра. Нѣть никакого сомнѣнія, что молодежь прислушивалась къ мощному голосу Бакунина; вѣрно также и то, что дѣятельность Интернационала производила на насъ чарующее впечатлѣніе. Но причины движения въ народъ лежали гораздо глубже. Оно началось раньше, чѣмъ «заграничные агитаторы» обратились къ русской молодежи, и даже раньше возникновенія Интернационала. Оно обозначилось уже въ каракозовскихъ кружкахъ въ 1866 году. Его видѣлъ, еще раньше, Тургеневъ, въ 1859 году, и отмѣтилъ въ общихъ чертахъ. Въ кружкѣ чайковцевъ я всѣми силами содѣйствовалъ развитію этого, уже намѣтившагося движения; но въ этомъ отношеніи мнѣ приходилось только плыть по течению, которое было гораздо сильнѣе, чѣмъ усиліе отдѣльныхъ личностей.

Конечно, мы часто говорили также о необходимости политической агитации противъ самодержавія. Мы видѣли, что крестьяне совершенно разорены чрезмѣрными податями и продажей скота для покрытия недоимокъ. Мы, мечтатели, тогда уже предвидѣли то полное обнищаніе всего населенія, которое—увы!—теперь стало свершившимся фактомъ, охватило большую часть средней Россіи и признается нынѣ даже правительствомъ¹⁾. Мы знали, какой наглый грабежъ

¹⁾ Писано было въ 1898 году.

идеть повсемѣстно въ Россіи. Мы знали о произволѣ чиновниковъ, о почти невѣроятной грубости многихъ изъ нихъ, и каждый день приносилъ намъ новые факты въ этомъ направленіи. Мы постоянно слышали оочныхъ обыскахъ, объ арестованныхъ друзьяхъ, которыхъ гноили по тюрьмамъ, а потомъ ссылали административнымъ порядкомъ въ глухіе поселки на окраинахъ Россіи. Мы сознавали поэтому необходимость политической борьбы противъ этой страшной власти, убивавшей лучшія умственные силы страны. Но мы не видѣли никакой почвы, легальной или полулегальной, для подобной борьбы.

Чаши старшіе братья не признавали нашихъ соціалистическихъ стремленій, а мы не могли поступиться ими. Впрочемъ, если бы нѣкоторые изъ насъ и отреклись отъ этихъ идеаловъ, то и то бы не помогло. Все молодое поколѣніе огуломъ признавалось «неблагонадежнымъ», и потому, старшее поколѣніе боялось имѣть что-нибудь общее съ нимъ. Каждый молодой человѣкъ, проявлявшій демократическія симпатіи, всякая курсистка были подъ тайнымъ надзоромъ полиції и обличались Катковымъ, какъ крамольники и внутренніе враги государства. Обвиненія въ политической неблагонадежности строились на такихъ признакахъ, какъ синія очки, подстриженные волосы и плэдъ. Если къ студенту часто заходили товарищи, то полиція уже навѣрное производила обыскъ въ его квартирѣ. Обыски студенческихъ квартиръ производились такъ часто, что Клеменцъ, со своимъ обычнымъ добродушнымъ юморомъ, разъ замѣтилъ жандармскому офицеру, рывшемуся у него: «И зачѣмъ это вамъ перебирать всѣ книги каждый разъ, какъ вы у насъ производите обыскъ? Завели бы вы себѣ списокъ ихъ, а потомъ приходили бы каждый мѣсяцъ и провѣряли, всѣ ли на мѣстѣ и не прибавилось ли новыхъ». По малѣйшему подозрѣнію въ политической неблагонадежности студента забирали, держали его по году въ тюрьмѣ, а потомъ ссылали куда-нибудь подальше, на «неопределенный срокъ», какъ выражалось начальство на своемъ бюрократическомъ жаргонѣ. Даже въ то время, когда чайковцы занимались только распространениемъ пропущенныхъ цензурой книгъ, Чайковскаго дважды арестовывали и задержали въ тюрьмѣ по пяти или шести мѣсяцамъ; при чемъ въ послѣдній разъ арестъ произошелъ въ критической для него моментъ. Только что передъ тѣмъ появилась его работа по химіи въ «Бюллетеѣ Академіи Наукъ», а самъ онъ

готовился сдать последние экзамены на кандидата. Въ концѣ концовъ, его выпустили, такъ какъ жандармы не могли найти никакихъ поводовъ для ссылки его. «Но помните,—сказали ему,—если мы арестуемъ васъ еще разъ, вы будете сосланы въ Сибирь». Завѣтной мечтой Александра II дѣйствительно было основать гдѣ-нибудь въ степяхъ отдаленный городъ, зорко охраняемый казаками, и ссылать туда всѣхъ подозрительныхъ молодыхъ людей. Лишь опасность, которую представлялъ бы такой городъ съ населеніемъ въ двадцать—тридцать тысячъ политически «неблагонадежныхъ», помѣшила царю осуществить его поистинѣ азіатскій планъ.

Одинъ изъ нашихъ членовъ, офицеръ Шишко, принадлежалъ къ группѣ молодежи, которая стремилась на земскую службу. Она считала эту службу своего рода миссіей и усиленно готовилась къ ней серьезнымъ изученіемъ хозяйственного положенія Россіи. Многіе молодые люди нѣкоторое время лелеяли такія же надежды, которыхъ разсѣялись, какъ туманъ, при первомъ столкновеніи съ государственной машиной. Правительство дало слабое подобіе самоуправлія нѣкоторымъ губерніямъ и сейчасъ же, путемъ урѣзокъ, приняло мѣры, чтобы реформа потеряла всякое жизненное значеніе и смыслъ. Земству пришлось довольствоваться ролью чиновниковъ при сборѣ дополнительныхъ налоговъ для покрытия мѣстныхъ государственныхъ нуждъ. Каждый разъ, когда земство брало на себя иниціативу въ устройствѣ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій, въ заботахъ о народномъ здравіи, въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ, оно встрѣчало со стороны правительства подозрительность и недовѣріе, а со стороны «Московскихъ Вѣдомостей»—доносы и обвиненія въ сепаратизмѣ, въ стремлениі устроить «государство въ государствѣ», въ «подкапываніи подъ самодержавіе».

Если бы кто-нибудь вздумалъ, напримѣръ, разсказать подлинную исторію борьбы тверского губернского земства изъ-за его учительской семинаріи и повѣдалъ про всѣ мелкія преслѣдованія, придирики и запрещенія,—никто за границей ему бы не повѣрилъ. Читатель отложилъ бы книгу, говоря: «Слишкомъ ужъ глупо, чтобы такъ было на дѣлѣ». А между тѣмъ все такъ именно и происходило. Немало гласныхъ отрѣшалось отъ должности, высылалось изъ губерніи, а то и попросту отправлялось въ ссылку за то, что они осмѣливались подавать царю вѣрноподданный

прощенія о правахъ, принадлежавшихъ и такъ уже земствамъ по закону. «Гласные уѣздныхъ и губернскихъ земствъ должны быть простыми министерскими чиновниками и повиноваться Министерству Внутреннихъ Дѣлъ». Такова была теорія петербургскаго правительства. Что же касается до народа помельче, состоявшаго на земской службѣ—напримѣръ, учителей, врачей, акушерокъ, то ихъ безъ церемоніи, по простому распоряженію всесильнаго третьяго отдѣленія, отрѣшили въ двадцать-четыре часа отъ службы и отправляли въ ссылку. Не дальше, какъ въ 1896 году, одна помѣщица, мужъ которой занималъ видное положеніе въ одномъ изъ земствъ, пригласила на свои имѣнны восемь народныхъ учителей. «Они, бѣдняги, никого не видятъ тамъ, кроме мужиковъ», сказала про себя барыня. На другой день послѣ бала явился къ ней урядникъ и потребовалъ списокъ приглашенныхъ учителей для рапорта по начальству. Помѣщица отказалась.

— Ну, хорошо,—сказалъ урядникъ,—я самъ дознаюсь и отрапортую. Учителя не имѣютъ права собираться вмѣстѣ. Если они собирались, я обязанъ донести.—Высокое общественное положеніе барыни въ данномъ случаѣ спасло учителей; но соберись они у одного изъ товарищей, къ нимъ навѣрное нагрянули бы жандармы, и половина была бы уволена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. А если бы у кого-нибудь изъ нихъ сорвалось рѣзкое слово во время нашествія, то его навѣрное отправили бы подальше. Такія дѣла происходять теперь, черезъ тридцать-три года послѣ введенія земскаго положенія; но въ семидесятыхъ годахъ было еще хуже. Какую же основу для политической борьбы могли представлять подобныя учрежденія?

Когда я получилъ по наслѣдству отъ отца тамбовское помѣстье, я иѣкоторое время серьезно думалъ поселиться тамъ и посвятить всю свою энергию земской службѣ. Нѣкоторые крестьяне и бѣдные священники окружныхъ деревень просили обѣ этомъ. Что касается меня, я удовольствовался бы всяkimъ дѣломъ, какъ бы скромно оно ни было, если бы только оно дало мнѣ возможность поднять умственный уровень и благосостояніе крестьянъ. Разъ, когда вѣкоторые изъ тѣхъ, которые соѣтовали мнѣ остаться, собрались вмѣстѣ, я спросилъ ихъ: «Ну, предположимъ, я попробую открыть школу, заведу образцовую ферму, артельное хозяйство, а вмѣстѣ съ тѣмъ заступлюсь вотъ за такого-то изъ нашихъ крестьянъ, волостного судью,

котораго недавно выпороли въ угоду помѣщику С-ну. Да-
дуть ли мнѣ возможность продолжать?» И всѣ мнѣ отвѣтили
единодушно: «Ни-за-что».

Нѣсколько дней спустя, пришель ко мнѣ очень уважаемый
въ окрестности сѣдой священникъ съ двумя вліятельными
раскольничими наставниками.

— Потолкуйте съ ними хорошенько, — сказалъ онъ
мнѣ. — Если у васъ лежить къ тому сердце, такъ вы идите
съ ними, и съ Евангеліемъ въ рукахъ проповѣдуйте кре-
стьянамъ.... Вы сами знаете, что проповѣдовывать.... Ника-
кая полиція не разыщетъ васъ, если они васъ будуть скры-
вать. Ничего другого не подѣлаешь. Вотъ какой совѣтъ я,
старикъ, могу вамъ подать.

Я откровенно сказалъ имъ, почему не могу стать по-
вымъ Виклифомъ. Но старикъ былъ правъ. Теперь среди
крестьянъ быстро распространяется движение, подобное
религіозному движению лоллардовъ. Пытки, которымъ
подвергались миролюбивые духоборы, и набѣги, совершив-
шиеся въ 1897 году на штундистовъ, у которыхъ отнимали
дѣтей для воспитанія ихъ въ провинціальныхъ монасты-
ряхъ, приладутъ движению еще большую силу, чѣмъ оно
могло проявить двадцать-пять лѣтъ тому назадъ.

Такъ какъ во время нашихъ споровъ постоянно под-
нимался вопросъ о необходимости агитациіи въ пользу кон-
ституціи, то я однажды предложилъ кружку серьёзно
обсудить это дѣло и выработать планъ дѣйствій. Я всегда
держался того мнѣнія, что если кружокъ что-нибудь решить единогласно, каждый долженъ отложить свое личное
чувство и приложить все усилия для общей работы. «Если
вы решите вести агитацию въ пользу конституціи, — говорилъ
я, — то сдѣляемъ такъ. Я отдѣлюсь отъ кружка въ видахъ
конспираціи и буду поддерживать сношенія съ нимъ че-
резъ кого-нибудь одного, напримѣръ, Чайковскаго. Че-
резъ него вы будете сообщать мнѣ о вашей дѣятельности,
а я буду знакомить васъ въ общихъ чертахъ съ моимъ. Я же
поведу мою агитацию въ высшихъ и придворныхъ кругахъ.
Тамъ у меня много знакомыхъ, и тамъ я знаю немало та-
кихъ, которые уже недовольны современнымъ порядкомъ.
Я сведу ихъ вмѣстѣ и, если удастся, объединю въ какую-
нибудь организацію. А впослѣдствіи, навѣрное, выпадетъ
случай двинуть всѣ эти силы, съ цѣлью заставить Александра
II дать Россіи конституцію. Придетъ время, когда всѣ

эти люди, видя, что они скомпрометированы, єъ своихъ собственныхъ же интересахъ вынуждены будуть сдѣлать рѣшительный шагъ. Тѣ изъ насъ, которые были офицерами, могли бы вестись пропаганду въ арміи. Но вся эта дѣятельность должна вестись отдельно отъ вашей, хотя и параллельно съ ней. Я серьезно обѣ этомъ думалъ и знаю, какія у меня есть связи и кому можно довѣрять; думаю также, что нѣкоторые изъ недовольныхъ уже и теперь смотрятъ на меня, какъ на своего рода центръ, вокругъ котораго можно объединиться. Лично я не выбралъ бы такой дѣятельности; но если вы думаете, что такъ нужно, я отдамся ей душой и тѣломъ».

Кружокъ не принялъ этого предложенія. Зная отлично другъ друга, товарищи, вѣроятно, рѣшили, что, вступивъ на этотъ путь, я не буду вѣренъ самому себѣ. Въ видахъ чисто личныхъ, я теперь въ высшей степени радъ, что мое предложеніе тогда не приняли. Я пошелъ бы по пути, къ которому не лежало мое сердце и не нашелъ бы личнаго счастья, которое встрѣтилъ, пойдя по другому направленію.

Но шесть или семь лѣтъ спустя, когда террористы были всецѣло поглощены страшной борьбой съ Александромъ II, я пожалѣлъ о томъ, что кто-нибудь другой не занялся въ высшихъ петербургскихъ кругахъ выполнениемъ плана, который я изложилъ предъ кружкомъ. Если бы почва была подготовлена, то развѣтившееся по всей имперіи движеніе, быть-можеть, сдѣлало бы то, что тысячи жертвъ не погибли бы напрасно. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ подпольной дѣятельностью Исполнительного Комитета обязательно должна была бы вестись параллельная агитациѣ въ Зимнемъ дворцѣ и въ верхнихъ слояхъ общества.

Не разъ обсуждали мы въ нашемъ кружкѣ необходимость политической борьбы, но не приходили ни къ какому результату. Апатія и равнодушіе богатыхъ классовъ были безнадежны, а раздраженіе среди молодежи еще не достигло того напряженія, которое выразилось шесть или семь лѣтъ спустя борьбой террористовъ подъ руководствомъ Исполнительного Комитета. Мало того—такова трагическая иронія исторіи—та самая молодежь, которую Александръ II, въ слѣдомъ страхѣ и ярости отправлялъ сотнями въ ссылку и въ каторжныя работы, охраняла его въ 1871—1878 годахъ. Сами соціалистическія

программы кружковъ мѣшали повторенію новаго покушенія на царя. Лозунгомъ того времени было: «Подготовьте въ Россіи широкое соціалистическое движение среди крестьянъ и рабочихъ. О царь же и его совѣтникахъ не хлопочите. Если движение начнется, если крестьяне присоединятся массами и потребуютъ землю и отмѣну выкупныхъ платежей, правительство, прежде всего, попробуетъ опереться на богатые классы и на помѣщиковъ и созвать Земскій Соборъ. Точно такимъ же образомъ крестьянскія возстанія во Франціи, въ 1789 году, принудили королевскую власть созвать Национальное Собрание. То же самое будетъ и въ Россіи».

Но это было еще не все. Отдельные личности и кружки, видя, что царствование Александра II фатально все больше и больше погружается въ реакціонное болото, и питая, въ то же время, смутныя надежды на «либерализмъ» наследника (всѣхъ молодыхъ наследниковъ престола заподозриваются въ либерализмѣ),—настаивали на необходимости повторить попытку Каракозова. Но организованные кружки упорно были противъ этого и настойчиво отговаривали товарищей. Теперь я могу обнародовать фактъ, который до сихъ поръ былъ не извѣстенъ. Изъ южныхъ губерній приѣхалъ однажды въ Петербургъ молодой человѣкъ съ твердымъ намѣреніемъ убить Александра II. Узнавъ объ этомъ, некоторые чайковцы долго убѣждали юношу не дѣлать этого; но такъ какъ они не могли переубѣдить его, то заявили, что помѣшаютъ ему силой. Зная, какъ слабо охранялся въ ту пору Зимній дворецъ, я могу утвердительно сказать, что чайковцы тогда спасли Александра II. Такъ твердо была тогда молодежь противъ той самой войны, въ которую она бросилась потомъ съ самоотверженіемъ, когда чаша ея страданій переполнилась.

XV.

Тѣ два года, что я проработалъ въ кружкѣ Чайковскаго, навсегда оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Въ эти два года моя жизнь была полна лихорадочной дѣятельности. Я позналъ тотъ мощный размахъ жизни, когда каждую секунду чувствуешь напряженное трепетаніе всѣхъ фибръ внутренняго я, тотъ размахъ, ради котораго одного только и стоить жить. Я находился въ семьеъ людей, такъ тѣсно сплоченныхъ для общей цѣли, и взаимныя отношенія ко-

торыхъ были проникнуты такой глубокой любовью къ человѣчеству и такой тонкой деликатностью, что не могу припомнить ни одного момента, когда жизнь нашего кружка была бы омрачена хотя бы малѣйшимъ недоразумѣніемъ. Этотъ фактъ сцѣнять въ особенности тѣ, которымъ приходилось когда-нибудь вести политическую агитацию.

Прежде чѣмъ совершенно оставить ученую дѣятельность, я считалъ мою обязанностью закончить для Географического общества отчетъ о поѣздкѣ въ Финляндію, а также и другія географическія работы. Мои новые друзья такъ и совѣтовали мнѣ. «Не хорошо было бы поступить иначе», говорили они. Поэтому я засѣль усердно за работу, чтобы поскорѣе закончить мои книги по географіи и геологии.

Нашъ кружокъ собирался часто, и я никогда не пропускалъ сходокъ. Мы собирались тогда въ предмѣстьѣ Петербурга, въ домикѣ, который сняла Софья Перовская, жившая подъ паспортомъ жены мастерового. Перовская, какъ известно, родилась въ аристократической семье. Отецъ ея одно время былъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. Съ согласія матери, обожавшей дочь, Софья Перовская оставила родной домъ и поступила на высшіе курсы, а потомъ, съ тремя сестрами Корниловыми, дочерьми богатаго фабриканта, основала тотъ маленький кружокъ саморазвитія, изъ котораго впослѣдствіи возникъ нашъ. Теперь, въ повязанной платкомъ мѣщанкѣ, въ ситцевомъ платьѣ, въ мужскихъ сапогахъ, таскавшей воду изъ Невы, никто не узналъ бы барышни, которая недавно блестала въ аристократическихъ петербургскихъ салонахъ. Она была общей любимицей. Каждый изъ насъ, входя въ домъ, который она пыталась содржать въ чистотѣ, улыбался ей, особенно дружески; мы улыбались даже тогда, когда она донимала нась за грязь, которую мы натаскивали нашими мужицкими сапогами и полуушубками: мы долго мѣсили грязь предмѣстья, покуда добирались до дома. Перовская пыталась тогда придать своему невинному, очень умному лицу самое ворчливое выраженіе, какое только могла, за что мы и прозвали ее «Захаромъ». По нравственнымъ возврѣніямъ она была ригористка, по отнюдь не «проповѣдница». Когда она была недовольна чѣмъ-нибудь, то бросала на него строгій взглядъ исподлобья, по въ немъ видѣлась открытая, великолушная натура, которой все человѣческое было доступно. Только по одному пункту

она была непреклонна.—«Бабникъ», вышалила она однажды, говоря о комъ-то, и выраженіе, съ которымъ она произнесла это слово, не отрываясь отъ работы, навѣки врѣзилось въ моей памяти.

Перовская была «народницей» до глубины души, и въ то же время революціонеркой и бойцомъ чистѣйшаго заскала. Ей не было надобности украшать рабочихъ и крестьянъ вымыщленными добродѣтелями, чтобы полюбить ихъ и работать для нихъ. Она брала ихъ такими, какъ они есть, и разъ, помню, сказала мнѣ: «Мы затѣяли большое дѣло. Быть-можетъ, двумъ поколѣніямъ придется лечь на немъ; но сдѣлать его надо». Ни одна изъ женщинъ нашего кружка не отступила бы предъ смертью на эшафотъ. Каждая изъ нихъ взглянула бы смерти прямо въ глаза. Но въ то время, въ этой стадіи пропаганды, никто обѣ этомъ еще не думалъ. Извѣстный портретъ Перовской очень похожъ на нее. Онъ хорошо передаетъ ея сознательное мужество, ея открытый, здравый умъ и любящую душу. Никогда еще женщина не выразила такъ всего чувства любящей души, какъ Перовская въ томъ письмѣ къ матери, которое она написала за пѣсколько часовъ до того, какъ взошла на эшафотъ.

Слѣдующій случай покажетъ, каковы были остальные женщины, принадлежавшія къ нашему кружку. Разъ ночью мы съ Купріяновымъ отправились съ важнымъ сообщеніемъ къ Варварѣ Б. Было уже далеко за полночь; но такъ какъ мы увидали свѣтъ въ ея окнѣ, то поднялись по лѣстницѣ. Б. сидѣла въ маленькой комнатѣ за столомъ и переписывала программу нашего кружка. Мы знали ея рѣшительность, и памъ пришла въ голову мысль выкинуть одну изъ тѣхъ глупыхъ шутокъ, которыя люди иногда считаютъ остроумными.

— Б., мы пришли за вами,—началъ я.—Мы хотимъ сдѣлать почти безумную попытку освободить товарищей изъ крѣпости.

Б. не задала ни одного вопроса. Она положила перо, спокойно поднялась и сказала: «Идемъ!» Она произнесла это такъ просто, что я сразу понялъ, какъ глупа была моя шутка, и признался во всемъ. Она опять опустилась на стулъ, и на глазахъ у ней блеснули слезы.—«Такъ это была только шутка? переспросила она съ упрекомъ.—Какъ можно этимъ шутить!» Я вполнѣ понялъ тогда всю жестокость моихъ словъ.

Другимъ общимъ любимцемъ нашего кружка былъ Сергій Кравчинскій, хорошо извѣстный въ Англіи и въ Америкѣ подъ псевдонимомъ Степняка. Мы иногда называли его «Младенцемъ», такъ мало заботился онъ о собственной безопасности. Но эта беззаботность являлась результатомъ безстрашія, которое, въ концѣ-концовъ, бываетъ часто лучшимъ средствомъ спастись отъ преслѣдованій полиціи. Онъ скоро сталъ хорошо извѣстенъ рабочимъ, какъ пропагандистъ, подъ именемъ «Сергѣя», и поэтому полиція усиленно его разыскивала. Несмотря на это, онъ не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. Помнится, разъ на сходкѣ ему задали большую головомойку за то, что товарищи сочли большой неосторожностью. Сергій, по обыкновенію, опоздалъ на сходку и, чтобы попасть во-время, онъ, одѣтый мужикомъ, въ полушубкѣ, помчался бѣгомъ, по серединѣ Литейной.

— Какъ же можно такъ дѣлать?—упрекали его.—Ты могъ возбудить подозрѣніе, и тебя забрали бы, какъ простого вора!

Но я желалъ бы, чтобы всѣ были такъ же осторожны, какъ Сергій, въ тѣхъ случаяхъ, когда могли быть скомпрометированы другіе.

Мы сблизились съ нимъ впервые по поводу книги Стэнли, «Какъ я нашелъ Ливингтона». Разъ наша сходка затянулась до полуночи; когда мы уже собирались расходиться, вошла съ книгой одна изъ Корниловыхъ и спросила, кто изъ насъ возьмется перевести къ восьми часамъ утра шестнадцать страницъ англійского текста. Я взглянулъ на размѣръ страницъ и сказалъ, что если кто-нибудь поможетъ мнѣ, то работу можно сдѣлать за ночь. Вызвался Сергій, и къ четыремъ часамъ утра печатный листъ былъ переведенъ. Мы прочитали другъ другу наши переводы, при чёмъ одинъ слѣдилъ по англійскому тексту. Затѣмъ мы опорожнили горшокъ каши, который оставили для насъ на столѣ, и вмѣстѣ вышли, чтобы возвратиться домой. Съ той ночи мы стали близкими друзьями.

Я всегда любилъ людей, умѣющихъ работать и выполняющихъ свою работу, какъ слѣдуетъ. Поэтому, переводъ Сергѣя и его способность быстро работать уже расположили меня въ его пользу. Когда же я узналъ его ближе, то сильно полюбилъ его за честный, открытый характеръ, за юношескую энергію, за здравый смыслъ, за выдающейся умъ и простоту, за вѣрность, смѣлость и стойкость. Сер-

г й много читалъ и много думалъ и, оказалось, мы держались одинаковыхъ взглядовъ на революціонный характеръ начатой нами борьбы. Онъ былъ лѣтъ на десять моложе меня и, быть-можеть, не вполнѣ еще отдавалъ себѣ отчетъ, какую упорную борьбу вызоветъ предстоящая революція. Впослѣдствіи онъ съ большими юморомъ рассказывалъ эпизодъ изъ своего раннаго хожденія въ народъ. «Разъ,— рассказывалъ онъ,—идемъ мы съ товарищемъ по дорогѣ. Нагоняетъ насъ мужикъ на дровняхъ. Я сталъ толковать ему, что податей платить не слѣдуетъ, что чиновники грабятъ народъ, и что по писанію выходитъ, что надо бунтовать. Мужикъ стегнулъ коня; но и мы прибавили шагу. Онъ погналъ лошадь трусцой; но и мы побѣжали вслѣдъ, и все время я продолжалъ ему втолковывать на счетъ податей и бунта. Наконецъ, мужикъ пустилъ коня вскачь; но лошаденка была дрянная, такъ что мы не отставали отъ саней и пропагандировали крестьянина, покуда совсѣмъ перехватило дыханье».

Нѣкоторое время Сергѣй жилъ въ Казани, и мнѣ приходилось вести съ нимъ переписку. Онъ ненавидѣлъ шифровку писемъ, поэтому я предложилъ ему другой способъ переписки, который часто и прежде примѣнялся для конспиративныхъ цѣлей. Вы пишете самое обыкновенное письмо о разныхъ разницахъ; но въ немъ слѣдуетъ читать только нѣкоторыя слова, напримѣръ, пятое. Такъ, вы пишете: «Прости, что пишу второпяхъ. Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ. Завтра утромъ я долженъ пойхать къ сестрѣ Лизѣ. Моему брату Николаю стало хуже. Теперь уже поздно сдѣлать операцию». Читая каждое пятое слово, получается: — «Приходи завтра къ Николаю, поздно».

Очевидно,—что при такой перепискѣ приходилось писать письма на шести-семи страницахъ, чтобы передать одну страницу сообщеній. Нужно было, кромѣ того, изощрять воображеніе, чтобы выдумать письмо, въ которое можно было втиснуть все необходимое. Сергию, отъ котораго невозможно было добиться зашифрованного письма, очень понравился этотъ способъ переписки. Онъ строчилъ мнѣ посланія, содержавшія цѣлые повѣсти съ потрясающими эпизодами и драматической связкой. Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что эти письма помогли ему развить беллетристический талантъ. Если у кого есть дарованіе, то все содѣйствуетъ его развитію.

Въ январѣ или февралѣ 1874 года я жилъ въ Москвѣ въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, въ которомъ прошло мое дѣтство. Разъ рано утромъ мнѣ сказали, что меня желаетъ видѣть какой-то крестьянинъ. Я вышелъ — и увидаль Сергѣя, который только что бѣжалъ изъ Тверской губерніи. Онъ былъ очень силенъ и ходилъ по деревнямъ какъ пильщикъ, вмѣстѣ съ другимъ, такимъ же силачомъ отставнымъ офицеромъ Рогачевымъ. Работа была очень тяжелая, въ особенности для непривычныхъ рукъ; но и Рогачевъ и Сергѣй полюбили ее. Никто не узналъ бы въ здоровыхъ пильщикахъ двухъ бывшихъ офицеровъ. Они ходили, такимъ образомъ, не возбуждая подозрѣнія, недѣли двѣ, смѣло пропагандируя направо и налево. Иногда Сергѣй, знаяшій Евангеліе почти наизусть, толковалъ его мужикамъ и доказывалъ стихами изъ него, что слѣдуетъ начать бунтъ. Иногда онъ толковалъ отъ великихъ экономистовъ. Крестьяне слушали пропагандистовъ какъ настоящихъ апостоловъ, водили ихъ изъ избы въ избу и отказывались брать деньги за харчи. Въ двѣ недѣли пропагандисты создали настоящее броженіе въ нѣсколькихъ деревняхъ. Молва про нихъ распространялась широко вокругъ. Старые и молодые крестьяне стали шептаться по амбарамъ про «ходоковъ» и начали громче говорить, что скоро землю отберутъ отъ господъ, которыхъ царь возьметъ на жалованье. Молодежь стала посмѣлѣе по отношенію къ полиціи и говорила: «Подождите; скоро придѣтъ нашъ чередъ. Не будете вы, продово племя, верховодить надъ нами!» Но слава пильщиковъ дошла и до станового, и ихъ забрали. Отданъ былъ приказъ доставить ихъ въ станъ, находившійся верстахъ въ двадцати.

Повели ихъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ мужиковъ. По пути пришлось проходить деревней, где былъ храмовой праздникъ.

— Кто такие? Арестанты? Ладно. Валай къ намъ, дяденьки, — говорили пировавшіе мужики.

Арестантовъ и стражу задержали на цѣлый день, водя ихъ изъ избы въ избу и угощая брагой. Стражники не заставляли себя упрашиватъ долго. Они пили и убѣждали арестантовъ тоже пить. «Къ счастью, — разсказывалъ Сергѣй, — брага обходила кругомъ въ такомъ большомъ жбанѣ, что никто не могъ видѣть, сколько я пью, когда я прикладывался къ посудинѣ». Къ вечеру стража перепилась; и такъ какъ она не хотѣла предстать въ такомъ видѣ предъ

становымъ, то рѣшено было заночевать въ деревнѣ. Сергій все время бѣдовалъ съ крестьянами. Они слушали его и жалѣли, что такихъ хорошихъ людей ведутъ въ станъ. Когда всѣ укладывались спать, одинъ изъ молодыхъ конвойныхъ шепнулъ Сергію: «Ворота я притворю только,—не запру на запоръ». Сергій и Рогачевъ поняли намекъ. Когда всѣ заснули, они выбрались на улицу, пошли скорымъ шагомъ и къ пяти часамъ утра были уже верстахъ въ двадцати-пяти отъ деревни, на полустанкѣ, гдѣ съ первымъ поѣздомъ отправились въ Москву. Сергій тутъ и остался. Потомъ, когда насы всѣхъ въ Петербургъ арестовали, московскій кружокъ, въ которомъ вдохновителями были онъ и Войнаральскій, сдѣлался главнымъ центромъ агитациі.

Тамъ и сямъ пропагандисты селились небольшими группами, подъ различными видами, въ городахъ и въ деревняхъ. Устраивались кузницы, другіе садились на землю, и молодежь изъ богатыхъ семей работала въ этихъ мастерскихъ или же въ полѣ, чтобы быть въ постоянномъ соприкосновеніи съ трудящимися массами. Въ Москвѣ нѣсколько бывшихъ щорихскихъ студентокъ основали свою собственную организацію, и сами поступили на ткацкія фабрики, гдѣ работали по четырнадцати-шестнадцати часовъ въ день и вели въ общихъ казармахъ тяжелую, неприглядную жизнь русскихъ фабричныхъ женщинъ. То было великое подвижническое движение, въ которомъ, по меньшей мѣрѣ, принимало активное участіе отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ; при чемъ вдвое или втрое больше этого сочувствовали и всячески помогали боевому авангарду. Нашъ петербургскій кружокъ правильно переписывался (конечно, при помощи шифровъ) съ доброй половиной этой арміи.

Мы скоро нашли недостаточной легальной литературу, въ которой строгая цензура запрещала всякий намѣкъ на соціализмъ, и завели за границей собственную типографію. Приходилось, конечно, составлять особыя брошюры для рабочихъ и крестьянъ, такъ что у «литературного комитета», членомъ которого я состоялъ, работы всегда было много. Сергій написалъ нѣкоторые изъ этихъ брошюръ, между прочимъ «Слово на великий пятокъ», въ духѣ Ламенз; въ другой же, «Мудрица Наумовна», онъ излагалъ соціалистическое ученіе въ формѣ сказки. Обѣ брошюры имѣли большой успѣхъ. Книги и брошюры, отпечатанныя за границей, ввозились въ Россію контрабандой тюками,

складывались въ известныхъ мѣстахъ, а потомъ разсылались мѣстнымъ кружкамъ, которые распространяли уже литературу среди крестьянъ и рабочихъ. Для всего этого требовалась громадная организація, частыя поѣздки за границу, обширная переписка. Въ особенности это нужно было, чтобы охранять нашихъ помощниковъ и книжные склады отъ полиціи. У насъ имѣлись специальные шифры для каждого изъ провинціальныхъ кружковъ, и часто, послѣ шести или семичасового обсужденія мельчайшихъ подробностей, женщины, не довѣрявшія нашей аккуратности въ шифрованной перепискѣ, работали еще ночь напролетъ, испытывая листы кабалистическими знаками и дробными числами.

Наши засѣданія отличались всегда сердечнымъ отношеніемъ членовъ другъ къ другу. Предсѣдатель и всякаго рода формальности крайне не по сердцу русскимъ, и у насъ ничего подобнаго не было. И хотя наши споры бывали порой очень горячи, въ особенности, когда обсуждались «программные вопросы», мы всегда отлично обходились безъ западно-европейскихъ формальностей. Довольно было одной абсолютной искренности, общего желанія разрѣшить дѣло возможно лучше и нескрываемаго отвращенія ко всякому проявленію театральности. Если бы кто-нибудь изъ насъ прибѣгъ къ декламаторскимъ эффектамъ въ рѣчи, мы шутками напомнили бы ему, что цвѣты краснорѣчія неумѣстны. Часто намъ приходилось обѣдать на сходкахъ же, и наша ёда неизмѣнно состояла изъ черного хлѣба, солѣныхъ огурцовъ, кусочка сыра или колбасы и жидкаго чая вволю. Были мы такъ не потому, что было денегъ мало; ихъ у насъ было всегда много; и все же ихъ не хватало на всѣ расходы по печатанью и перевозкѣ книгъ, укрыванію товарищей, разыскиваемыхъ жандармами, и на всякия новыя предпріятія.

Въ Петербургѣ мы скоро завели обширныя знакомства среди рабочихъ. Сердюковъ, юноша, получившій прекрасное образованіе, завелъ многихъ пріятелей среди заводскихъ рабочихъ, большая часть которыхъ работала на казенномъ оружейномъ заводѣ, и устроилъ кружокъ, члесвѣкъ въ тридцать, собиравшися для чтенія и бесѣдъ. Заводскимъ недурно платили въ Петербургѣ, и холостые жили не нуждались. Они скоро освоились съ радикальной и соціалистической литературой того времени, и Бокль, Ласаль, Милль, Дрэперъ, Шпильгагенъ стали для нихъ зна-

комъими именами. По развитію эти заводскіе мало чѣмъ отличались отъ студентовъ. Когда Дмитрій, Сергій и я присоединились къ чайковцамъ, мы втроемъ часто посѣщали ихъ кружокъ и вели тамъ бесѣды на различныя темы. Однако наши надежды, что эти молодые люди станутъ пропагандистами среди остальныхъ работниковъ, положеніе которыхъ гораздо хуже ихняго, не вполнѣ оправдались. Въ свободной странѣ они стали бы обычными ораторами на общественныхъ сходкахъ; но, подобно привилегированнымъ женевскимъ часовщикамъ, они относились къ простымъ фабричнымъ съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ и отнюдь не горѣли желаніемъ стать мучениками соціалистического дѣла. Только послѣ того, какъ большинство изъ нихъ арестовали, и нѣкоторыхъ продержали въ тюрьмѣ года по три за то, что они дерзнули думать, какъ соціалисты; послѣ того лишь, какъ нѣкоторые измѣрили всю безграницность россійского произвола,—они стали горячими пропагандистами, главнымъ образомъ, политической революціи.

Мои симпатіи влекли меня преимущественно къ ткачамъ и къ фабричнымъ рабочимъ вообще. Въ Петербургѣ сходятся тысячи такихъ работниковъ, которые на лѣто возвращаются въ свои деревни пахать землю. Эти полу-крестьяне, полу-фабричные приносятъ въ городъ мірской духъ русской деревни. Революціонная пропаганда среди нихъ шла очень успѣшно. Мы должны были даже удерживать рвение нашихъ новыхъ друзей: иначе они водили бы къ намъ на квартиры сотни товарищѣй, старииковъ и молодежь. Большинство ихъ жило небольшими артелями, въ десять-двѣнадцать человѣкъ, на общей квартирѣ, и харчевались сообща, при чемъ каждый участникъ вносилъ ежемѣсячно свою долю расходовъ. Ні эти-то квартиры мы и отправлялись. Ткачи скоро познакомили насъ съ другими артелями: каменщиковъ, плотниковъ и тому подобными, и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ артелей Сергій, Дмитрій, Шишко и нѣкоторые другіе товарищи были свои люди; цѣлыми ночами толковали они тутъ про соціализмъ. Во многихъ частяхъ Петербурга и предмѣстій у насъ были особья квартиры, снимаемыя товарищами. Туда, особенно въ Чарушину и Кувшинскую на Выборгской сторонѣ, и къ Синегубу за Невской заставой, каждый вечеръ приходило человѣкъ десять работниковъ, чтобы учиться грамотѣ и потомъ побесѣдоватъ. Время отъ времени кто-нибудь изъ насъ

отправлялся также на недѣлю или на двѣ въ тѣ деревни, откуда были родомъ наши пріятели, и тамъ пропагандировалъ почти открыто среди крестьянъ.

Конечно, всѣ тѣ, которые вели пропаганду среди рабочихъ, переодѣвались крестьянами. Пропасть, отдѣляющая въ Россіи «барина» отъ мужика, такъ глубока, они такъ рѣдко приходятъ въ соприкосновеніе, что появленіе въ деревнѣ человѣка, одѣтаго «по-господски», возбуждало бы всеобщее вниманіе. Но даже и въ городѣ полиція немедленно бы насторожилась, если бы замѣтила среди рабочихъ человѣка, не похожаго на нихъ по платью и разговору. «Чего ему якшаться съ простымъ народомъ, если у него нѣть злого умысла?» Очень часто, послѣ обѣда въ аристократическомъ домѣ, а то даже въ Зимнемъ дворцѣ, куда я заходилъ иногда повидать пріятеля, я бралъ извозчика и спѣшилъ на бѣдную студенческую квартиру въ дальнемъ предмѣстїи, гдѣ снималъ изящное платье, надѣвалъ ситцевую рубаху, крестьянскіе сапоги и полушубокъ и отправлялся къ моимъ пріятелямъ-ткачамъ, перешучиваясь по дорогѣ съ мужиками. Я рассказывалъ моимъ слушателямъ про рабочее движение за границей, про Интернаціоналъ, про Коммуну 1871 года. Они слушали съ большімъ вниманіемъ, стараясь не проронить ни слова, а затѣмъ ставили вопросъ: «Что мы можемъ сдѣлать въ Россіи?» Мы отвѣчали: «Слѣдуетъ проповѣдовывать, отбирать лучшихъ людей и организовать ихъ. Другого средства нѣть». Мы читали имъ исторію французской революціи, по передѣлкѣ изъ превосходной «Исторіи Крестьянина» Эркмана Шатріана. Всѣ восторгались «г-мъ Шовелевымъ» ходившимъ по деревнямъ и распространявшимъ запрещенные книги. Всѣ горѣли желаніемъ послѣдовать его примѣру. «Толкуйте съ другими,— говорили мы,— сводите людей между собою, а когда насыстанеть больше, мы увидимъ, чего можно добиться». Рабочіе вполнѣ понимали насть, и намъ приходилось только удерживать ихъ рвение.

Среди нихъ я проводилъ немало хорошихъ часовъ. Въ особенности памятенъ мнѣ первый день 1874 года, послѣдній новый годъ, который я провелъ въ Россіи на свободѣ. Новый годъ я встрѣтилъ въ избранномъ обществѣ. Говорилось тамъ немало высокихъ, благородныхъ словъ о гражданскихъ обязанностяхъ, о благѣ народа и тому подобномъ. Но во всѣхъ этихъ прочувствованныхъ рѣчахъ чуялась одна нота. Каждый изъ гостей, казалось, былъ въ

особенности занять мыслью, какъ бы ему сохранить свое собственное благосостояніе. Никто, однако, не смѣлъ прямо и открыто признаться, что онъ готовъ сдѣлать только то, что не сопряжено ни съ какими опасностями для него. Софизмы, безконечный рядъ софизмовъ на счетъ медленности эволюціи, косности массъ, бесполезности жертвъ выскакивались для того только, чтобы скрыть истинные мотивы,—вперемежку съ увѣреніями насчетъ готовности къ жертвамъ... Мною внезапно овладѣла тоска, и я ушелъ съ этого вечера.

На другое утро я пошелъ на сходку ткачей. Она проходила въ темномъ подвалѣ. Я былъ одѣтъ крестьяниномъ и затерялся въ толпѣ другихъ полушибковъ. Товарищъ, которого работники знали, представилъ меня за присто: «Бородинъ, мой пріятель». — «Расскажи намъ, Бородинъ,—предложилъ онъ,—что ты видѣлъ за границей». И я принялъся рассказывать о рабочемъ движениіи въ западной Европѣ, о борьбѣ пролетаріата, о трудностяхъ, которыя предстоитъ ему преодолѣть, о его надеждахъ.

На сходкѣ, большою частью, были люди средняго возраста. Рассказъ мой чрезвычайно заинтересовалъ ихъ, и они задавали мнѣ рядъ вопросовъ, вполне къ дѣлу: о мельчайшихъ подробностяхъ рабочихъ союзовъ, о цѣляхъ Интернационала и о шансахъ его на успѣхъ. Затѣмъ пошли вопросы, что можно сдѣлать въ Россіи, и о послѣдствіяхъ нашей пропаганды. Я никогда не уменьшалъ опасностей нашей агитации и откровенно сказалъ, что думалъ. «Насъ, вѣроятно, скоро соплютъ въ Сибирь, а васъ, то-есть нѣкоторыхъ изъ васъ, продержать долго въ тюрьмѣ за то, что вы насъ слушали». Мрачная перспектива не охладила и не испугала ихъ. «Что жъ, и въ Сибири не все, почитай, медведи живутъ: есть и люди? Гдѣ люди живутъ, тамъ и мы не пропадемъ». — «Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ». — «Волковъ бояться,—вѣлье не ходить». — «Отъ сумы и отъ тюрьмы не зарекайся».

И когда потомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовали, они почти всѣ держались отли по и не выдали никого.

XVI.

Въ тѣ два года, о которыхъ я говорю, произведено много арестовъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и по всей

России. Не проходило мѣсяца безъ того, чтобы мы не досчитывались кого-либо изъ насъ, или безъ того, чтобы не забрали еще кого-нибудь изъ членовъ провинціальныхъ группъ. Къ концу 1873 года аресты участились. Въ ноябрѣ полиція нагрянула на одну изъ нашихъ главныхъ квартиръ за Нарской Заставой. Мы потеряли Перовскую, Сипегуба и двухъ другихъ товарищѣй. Всѣ сношения съ рабочими въ этой части Петербурга пришлось прекратить. Жандармы стали очень бдительны и сразу замѣчали появленіе студента въ рабочемъ кварталѣ. Мы основали новое поселеніе, еще дальше за городомъ, но и его скоро пришлось оставить. Среди рабочихъ шныряли шпіоны и зорко слѣдили за ними. Въ нашихъ полушибукахъ, съ нашимъ крестьянскимъ видомъ, Дмитрій, Сергій и я гробирались незамѣченными. Мы продолжали посѣщать кварталы, кишѣвшіе жандармами и шпіонами. Но положеніе Дмитрія и Сергія было очень опасно. Полиція усиленно разыскивала ихъ, такъ какъ ихъ имена пріобрѣли широкую извѣстность въ рабочихъ кварталахъ. Если бы Клеменца или Кравчинского случайно нашли на квартирѣ знакомыхъ, куда полиція явилась бы съ обыскомъ, ихъ бы немедленно забрали. Бывали періоды, когда Дмитрію каждый день приходилось разыскивать квартиру, гдѣ онъ сравнительно спокойно могъ бы провести ночь.

— Могу я переночевать у васъ? — спрашивалъ онъ, появляясь у товарища въ десятомъ часу вечера.

— Совсѣмъ невозможно! За моей квартирой въ послѣднее время сильно слѣдятъ. Лучше ступайте къ N.

— Да я только что отъ него. Онъ говорить, что его домъ окружены шпіонами.

— Ну, ступайте къ M. Онъ мой большой пріятель и виѣ подозрѣнія; но до него далеко. Возьмите извозчика. Вотъ деньги.— Но изъ принципа Дмитрій денегъ не бралъ и плелъся пѣшкомъ за почлегомъ въ противоположный конецъ города, а не то оставался у товарища, къ которому ежеминутно могли нагрянуть съ обыскомъ.

Въ январѣ 1874 года полиція захватила нашу главную цитадель на Выборгской, служившую памъ для пропаганды среди ткачей. Нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ пропагандистовъ исчезли за таинственными воротами третьего отдѣленія. Нашъ кружокъ порѣдѣлъ. Собраться на общую сходку становилось все труднѣе. Мы напрягали всѣ усилия,

чтобы образовать новые кружки изъ молодежи, которая могла бы продолжать дѣло, когда насы арестуютъ. Чайковскій былъ тогда на югѣ. Мы убѣдили, или, попросту, заставили Сергея и Дмитрія уѣхать изъ Петербурга. Насъ оставалось тогда въ Петербургѣ не больше пяти-шести человѣкъ, чтобы продолжать дѣло нашего кружка. Я же намѣревался, какъ только сдѣлаю докладъ Географическому обществу о начатой работѣ, отправиться на югъ, чтобы тамъ создать родъ земельной лиги—иѣчто въ родѣ той организаціи, которая достигла такихъ грозныхъ размѣровъ въ Ирландіи въ концѣ семидесятыхъ годовъ.

Два мѣсяца прошло сравнительно спокойно; но вдругъ, въ серединѣ марта мы узнали, что почти весь кружокъ заводскихъ рабочихъ арестованъ и, вмѣстѣ съ ними, бывшій студентъ Низовкинъ, къ несчастью, пользовавшійся ихъ довѣріемъ.

Мы былиувѣрены, что Низовкинъ, выгораживая себя, выдастъ все, что ему извѣстно. Кромѣ Дмитрія и Сергея, онъ зналъ основателя кружка Сердюкова и меня, и мы предвидѣли, что на допросахъ онъ вѣроятно назоветъ наши настоящія имена. Черезъ нѣсколько дней забрали двухъ ткачей, крайне ненадежныхъ парней, замотавшихъ даже деньги своихъ товарищѣй. Они знали меня подъ именемъ Бородина. Эти двое, нѣвѣрное, должны были направить полицію на слѣдъ Бородина, одѣтаго по-крестьянски и говорившаго на сходкахъ ткачей. Такимъ образомъ въ одну недѣлю забрали всѣхъ наличныхъ членовъ нашего кружка, кромѣ Сердюкова и меня.

Намъ не оставалось ничего другого, какъ только бѣжать изъ Петербурга, но именно этого мы не хотѣли. На нашихъ рукахъ была громадная организація какъ внутри Россіи, такъ и за границею для печатанія тамъ нашихъ изданій и ввоза контрабандою. Какъ оставить, не найдя замѣстителей, всю нашу сѣть кружковъ и колоній въ сорока губерніяхъ, которую мы съ такимъ трудомъ создали въ эти годы, и съ которыми мы вели правильную переписку? Какъ, наконецъ, оставить наши рабочіе кружки въ Петербургѣ и наши четыре различныхъ центра для пропаганды среди столичныхъ рабочихъ? Какъ бросить все это, прежде чѣмъ мы найдемъ людей, которые поддержать наши сношенія и переписку? Мы съ Сердюковымъ рѣшили принять въ нашъ кружокъ двухъ новыхъ членовъ и передать имъ всѣ дѣла. Каждый вечеръ мы встрѣчались въ различ-

ныхъ частяхъ города и усердно работали. Именъ и адресовъ мы никогда не записывали. Зашифрованы у насъ были и сложены въ безопасномъ мѣстѣ только адреса по перевозкѣ книгъ. Поэтому намъ нужно было, чтобы новые члены изучили сотни адресовъ и десятокъ шифровъ. Мы до тѣхъ поръ повторяли ихъ нашимъ новымъ товарищамъ, покуда они не зазубрили ихъ. Каждый вечеръ мы давали имъ наглядный урокъ по картѣ Европейской Россіи, останавливаясь въ особенности на западной границѣ, гдѣ жили получавшие переправленныя контрабандой книги, и на поволжскихъ губерніяхъ, гдѣ находилось большинство нашихъ поселеній. Затѣмъ, конечно переодѣвшись, мы водили нашихъ новыхъ товарищѣй знакомить ихъ съ рабочими въ разныхъ частяхъ города.

Самое лучшее, въ такомъ случаѣ, было бы исчезнуть изъ своей квартиры и появиться въ новомъ мѣстѣ подъ чужимъ именемъ и съ чужимъ паспортомъ. Сердюковъ оставилъ свою квартиру; но такъ какъ у него не было паспорта, то онъ скрывался у знакомыхъ. Я долженъ былъ бы сдѣлать то же самое; но странное обстоятельство задержало меня. Я только-что кончилъ записку о ледниковыхъ отложеніяхъ въ Финляндіи и въ Россіи, которую долженъ былъ прочесть на общемъ собраниіи въ Географическомъ обществѣ. Приглашенія были уже разосланы; но вышло такъ, что въ назначенный день должно было состояться соединенное засѣданіе двухъ геологическихъ обществъ Петербурга, и геологи просили Географическое общество отложить на недѣлю мой докладъ. Было известно, что я выскажу нѣсколько мыслей о распространеніи ледникаго покрова до Средней Россіи, а наши геологи, кромѣ моего друга и учителя Фридриха Шмидта, считали это предположеніе слишкомъ смѣльмъ и хотѣли основательно разобрать его. Приходилось, такимъ образомъ, остаться еще на недѣлю.

Между тѣмъ таинственные незнакомцы бродили вокругъ моего дома и заходили ко мнѣ подъ различными фантастическими предлогами. Одинъ изъ нихъ предлагалъ купить лѣсъ въ моемъ тамбовскомъ имѣніи, которое лежало въ безлѣсной степи. Къ моему удивленію, я увидалъ на моей улицѣ, на Малой Морской, одного изъ упомянутыхъ выше арестованныхъ ткачей. Такимъ образомъ я могъ убѣдиться, что за моимъ домомъ слѣдятъ. Между тѣмъ я долженъ былъ держаться такъ, какъ будто не произошло ничего необыкновенного, потому что въ слѣдующую пятницу мнѣ

предстояло читать докладъ въ Географическомъ обществѣ.

Засѣданіе состоялось. Пренія были очень оживленныя, и, во всякомъ случаѣ, хоть одинъ пунктъ удалось отвоевать. Наши геологи признали, что всѣ старыя теоріи о дивуліальномъ періодѣ и разносѣ валуновъ по Россіи плавучими льдинами, рѣшительно ни на чёмъ не основаны, и что весь вопросъ слѣдуетъ изучить заново. Я имѣлъ удовольствіе слышать, какъ нашъ выдающійся геологъ Барботъ-де-Марни сказалъ: «Былъ ли ледяной покровъ или нѣтъ, но мы должны сознаться, господа, что все, что мы до сихъ поръ говорили о дѣйствіи плавающихъ льдинъ, въ дѣйствительности не подтверждается никакими изслѣдованіями». Мнѣ предложили занять мѣсто предсѣдателя отдѣленія физической географіи, тогда какъ я самъ задавалъ себѣ вопросъ: «Не проведу ли я эту самую ночь уже въ третьемъ отдѣленіи?»

Мнѣ слѣдовало бы совсѣмъ не возвращаться въ мою квартиру; но я изнемогаю отъ усталости и вернулся ночевать. Въ эту ночь жандармы не нагрянули. Я пересмотрѣлъ цѣлый ворохъ моихъ бумагъ, уничтожилъ все, что могло кого-нибудь скомпрометировать, уложилъ всѣ вещи и приготовился къ отѣзду. Я зналъ, что за моей квартирой слѣдятъ, но разсчитывалъ, что поліція явится съ визитомъ только поздно ночью, и что поэтому въ сумеркахъ, подъ вечеръ, мнѣ удастся выбраться незамѣтно. Стениѣло, и когда я собрался уходить, одна изъ горничныхъ шепнула мнѣ: «Вы бы лучше вышли по черной лѣстницѣ». Я понялъ ее, быстро спустился внизъ и выбрался изъ дома. У воротъ стоялъ только одинъ извозчикъ. Я вскочилъ на дрожки, и мы поѣхали по направлению къ Невскому проспекту. Вначалѣ за мною не было погони, и я уже думалъ, что все обстоитъ благополучно, но вдругъ, уже на Невскомъ, около думы, я замѣтилъ другого извозчика, который гнался за мной вскачь и вскорѣ сталъ обгонять насъ.

Къ великому изумленію, я увидалъ на дрожкахъ одного изъ двухъ арестованныхъ ткачей, а рядомъ съ нимъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ господина. Ткачъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой, какъ будто хотѣлъ сказать что-то. Я сказалъ моему извозчику остановиться. «Быть-можеть,—думалъ я,— его только что выпустили и у него ко мнѣ важный порученія». Но какъ только остановился, господинъ, сидѣвшій рядомъ съ ткачомъ (то былъ шпіонъ), крикнулъ громко: «Г-нъ

Бородинъ, князь Кропоткинъ, я васъ арестую». Онъ подалъ сигналъ полицейскимъ, которыхъ всегда масса на Невскомъ, прыгнуль ко мнѣ въ дрожки и показалъ бумагу съ печатью петербургской городской полиції. «У меня приказъ пригласить васъ немедленно къ генераль-губернатору для объясненія», сказалъ онъ. Сопротивленіе было бесполезно. Два полицейскихъ уже стояли рядомъ. Я сказалъ моему извозчику повернуть назадъ иѣхать къ генераль-губернатору. Ткачъ остался на своемъ извозчикѣ и поѣхалъ за нами.

Очевидно, полиція десять дней колебалась арестовать меня, такъ какъ не была увѣрена, что Бородинъ и я одно и то же лицо. Мой отвѣтъ на призывъ ткача разрѣшилъ всѣ сомнѣнія.

Случилось такъ, что какъ разъ тогда, когда я уѣзжалъ изъ дому, пріѣхалъ изъ Москвы молодой человѣкъ съ письмомъ ко мнѣ отъ моего пріятеля П. И. Войнаральскаго и къ нашему пріятелю Полякову, отъ Дмитрія. Войнаральскій сообщалъ о томъ, что въ Москвѣ заведена тайная типографія. Вообще въ его письмѣ было много отрадныхъ вѣстей о революціонной дѣятельности въ этомъ городѣ. Я прочиталъ письмо и уничтожилъ его; а такъ какъ во второмъ письмѣ не было ничего, кроме невинной пріятельской болтовни, то я захватилъ его съ собою. Теперь, когда меня арестовали, я счелъ за лучшее уничтожить и это письмо. Я потребовалъ опять у шпиона его бумагу, и въ то время, какъ онъ доставалъ её изъ кармана, незамѣтно бросилъ письмо на мостовую. Но... когда мы подъѣхали къ генераль-губернаторскому дому, ткачъ подалъ злосчастную бумажку сыщику, прибавляя: «Я видѣлъ, какъ они выбросили письмо на мостовую, и поднялъ его».

Наступили теперь утомительные часы ожиданія прокурора. Представитель судебнай власти играетъ, какъ извѣстно, роль подставного лица въ рукахъ жандармовъ. Они выставляютъ его, чтобы придать тѣнь законности обыску и допросу. Прошло немало времени, покуда разыскали прокурора и привезли его, чтобы онъ фигурировалъ, будто бы, въ видѣ представителя законности. Меня опять повезли на мою квартиру, где былъ произведенъ самый тщательный обыскъ, продлившійся до трехъ часовъ утра. Жандармы не нашли, однако, ни клочка бумаги, ко-

торый могъ бы явиться уликой противъ меня или кого-нибудь другого.

Послѣ обыска меня доставили въ третье отдѣленіе, которое правило и править подъ различными именами Россіей со временемъ Николая I, вплоть до настоящаго времени, и составлять истинное государство въ государствѣ. Родоначальникомъ его былъ, при Петре I, Преображенскій Приказъ, въ которомъ противники основателя военной русской имперіи подвергались жестокимъ пыткамъ и бывали замучиваемы до смерти. При императрицахъ «Приказъ» преобразовался въ «Тайную канцелярію». А при Аннѣ Ioannovnѣ застѣпокъ жестокаго Бирона нагонялъ ужасъ на всю Россію. Желѣзный деспотъ Николай I преобразовалъ канцелярію въ «третье отдѣленіе» и присоединилъ къ нему корпусъ жандармовъ, при чмъ шефъ жандармовъ сталъ лицомъ болѣе страшнымъ, чмъ самъ императоръ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Мезенцевъ былъ убитъ, при Лорисѣ-Меликовѣ, третье отдѣленіе было уничтожено по имени; но, какъ фениксъ, оно возродилось, и еще болѣе прошлаго расцвѣло подъ новыми вывѣсками¹⁾. Въ каждой губерніи, въ каждомъ городѣ, даже на каждой желѣзно-дорожной станціи находятся жандармы, доносящіе непосредственно своимъ полковникамъ или генераламъ, которые сносятся съ шефомъ жандармовъ. Послѣдній же видитъ царя каждый день и докладываетъ ему, что считаетъ нужнымъ доложить. Всѣ чиновники въ имперіи находятся подъ надзоромъ жандармовъ. Генералы и полковники этого корпуса слѣдятъ, по обязанности, за общественной и частной жизнью всѣхъ царскихъ подданныхъ, въ томъ числѣ губернаторовъ, министровъ и даже великихъ князей. Самъ императоръ находится подъ ихъ бдительнымъ надзоромъ. И такъ какъ они хорошо освѣдомлены о секретныхъ дѣлишкахъ дворца и знаютъ каждый шагъ императора, то шефъ жандармовъ становится, такъ сказать, наперсникомъ правителей Россіи въ ихъ наиболѣе интимныхъ дѣлахъ.

Въ тотъ періодъ царствованія Александра II, о которомъ я говорю, третье отдѣленіе было всесильно. Жандармскіе полковники производили обыски тысячами, ничуть не заботясь о томъ, есть ли въ Россіи суды и законы или нѣтъ. Они арестовывали, кого хотѣли, держали въ тюрьмѣ, сколько имъ было угодно, и сотни людей отправлялись въ ссылку

въ сѣверную Россію или въ Сибирь по усмотрѣнію какого-нибудь полковника или генерала. Подпись министра внутреннихъ дѣлъ была только пустой формальностью, потому что у него не было контроля надъ жандармами, и онъ даже не зналъ, что они дѣлаютъ.

Было уже четыре часа утра, когда начался допросъ.

— Вы обвиняетесь, — заявили мнѣ торжественно, — въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣющему цѣль ниспровергнуть существующую форму правленія и въ заговорѣ противъ священной особы его императорскаго величества. Признасте ли вы себя виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ?

— До тѣхъ поръ, покуда я не буду предъ гласнымъ судомъ, я не дамъ никакого отвѣта, — сказалъ я.

— Запишите, — продолжалъ прокуроръ секретарю, — не признаетъ себя виновнымъ. Я долженъ вамъ задать еще нѣкоторые вопросы, — началъ онъ послѣ короткой паузы. — Знаете ли вы нѣкоего Николая Чайковскаго?

— Если вы все-таки желаете задавать мнѣ вопросы на вашихъ допросахъ, то такъ и пишите «нѣть» на всѣ тѣ, которые въ мнѣ будете задавать.

— Ну, а если мы спросимъ — знакомы ли вы, напримѣръ, съ г. Поляковымъ, о которомъ вы говорили прокурору нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Если вы зададите мнѣ такой вопросъ, то пишите «нѣть». И если вы спросите меня, знакомъ ли я съ сестрой, братомъ, или мачехой, — пишите тоже «нѣть». Никакого другого отвѣта вы отъ меня не получите. Я знаю, что если я отвѣчу «да» по отношенію къ какому-нибудь лицу, вы тотчасъ же учините ему крупную непріятность, нагрянете съ обыскомъ или сдѣлаете что-нибудь похуже. А потомъ скажете ему, что я его выдалъ.

Мнѣ предложили тогда длинный списокъ вопросовъ, и каждый разъ я спокойно отвѣчалъ: «Запишите — нѣть». Такъ продолжалось около часа. И изъ допроса я могъ убѣдиться, что всѣ арестованные, кромѣ двухъ ткачей, держали себя очень хорошо. Ткачи же знали только, что я раза два встрѣчался съ десяткомъ работниковъ. Жандармы, повидимому, ничего не знали существеннаго о нашемъ кружкѣ...

— Что вы дѣлаете, князь? — сказалъ мнѣ жандармскій офицеръ, который отводилъ меня въ пятомъ часу ночи въ мою камеру. Вашимъ отказомъ отвѣчать на вопросы воспользуются какъ страшнымъ оружиемъ противъ васъ же.

— Развѣ это не мое право?

— Да, но... вы знаете... Надѣюсь, вы найдете комнату удобной. Ее топять съ момента вашего ареста.

Я нашелъ ее очень удобной и немедленно крѣпко заснулъ. Разбудилъ меня черезъ нѣсколько часовъ жандармъ, который принесъ мнѣ чай. За нимъ скоро явилось другое лицо, которое шепнуло мнѣ неожиданно: «Вотъ бумага и карандашъ; пишите вашу записку». Это былъ сочувствовавшій, котораго я зналъ по имени. Черезъ него велась наша переписка съ арестованными въ третьемъ отдѣлѣніи.

Со всѣхъ сторонъ я слышалъ легкій стукъ въ стѣны. То переговаривались условнымъ образомъ арестованные. Но такъ какъ я былъ новичокъ, то не могъ разобраться въ этомъ стукѣ, который, казалось, исходилъ изъ стѣнъ со всѣхъ сторонъ.

Одно смущало меня. Когда производили у меня обыскъ, я слышалъ, какъ прокуроръ шепнулъ жандармскому офицеру о томъ, что они пойдутъ съ обыскомъ къ Полякову, къ которому было адресовано письмо Дмитрія. Поляковъ былъ молодой студентъ, очень талантливый зоологъ и ботаникъ, съ которымъ мы вмѣстѣ совершили Витимскую экспедицію. Родился онъ въ бѣдной казачьей семье на границѣ Монголіи. Преодолѣвъ всевозможная затрудненія, Поляковъ добрался до Петербурга и поступилъ въ университетъ, гдѣ сталъ извѣстенъ какъ зоологъ, подававшій большія надежды. Въ это время онъ сдавалъ кандидатскій экзаменъ. Со времени долгаго путешествія мы были большими друзьями и даже одно время жили въ Петербургѣ вмѣстѣ. Но Поляковъ не интересовался моей политической дѣятельностью.

Я заговорилъ о немъ съ прокуроромъ. «Даю вамъ честное слово,—сказалъ я,—что Поляковъ никогда не принималъ участія ни въ какихъ политическихъ дѣлахъ. Завтра у него послѣдній экзаменъ. Вы разрушите навсегда ученую дѣятельность молодого человѣка, который боролся много лѣтъ и долженъ быть преодолѣть большія препятствія, чтобы добиться настоящаго положенія. Я знаю, до всего этого вамъ дѣла нѣть; но университетъ смотритъ на Полякова, какъ на будущую славу русской науки».

Обыскъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлали у Полякова, но его не арестовали и дали отсрочку на три дня для экзамена. Нѣсколько дней спустя меня вызвали къ прокурору,

который съ сияющимъ видомъ показалъ миѣ конвертъ, надписанный мою рукою, а въ немъ записку, тоже моей рукой, въ которой говорилось: «Пожалуйста, передайте этотъ пакетъ В. Е. и попросите хранить, покуда его потребуютъ установленнымъ образомъ». Лицо, къ которому записка была адресована, въ ней не упоминалось.

— Это письмо найдено у г-на Полякова,—сказалъ прокуроръ.—И теперь, князь, его судьба въ вашихъ рукахъ. Если вы мнѣ скажете, кто такой «В. Е.», мы сейчасъ же освободимъ г-на Полякова; въ противномъ случаѣ мы его будемъ держать, покуда онъ намъ не назоветъ упомянутое лицо.

Взглянувъ на конвертъ, который былъ надписанъ тушевальнымъ карандашомъ, и на записку, написанную обыкновеннымъ, я немедленно вспомнилъ всѣ обстоятельства относительно письма и конверта.

— Я положительно утверждаю,—сказалъ я,—что конвертъ и записка не найдены вмѣстѣ. Это вы вложили письмо въ конвертъ.

Прокуроръ покраснѣлъ. «Неужели выувѣрите меня,—продолжалъ я,—что вы, практическій человѣкъ, не замѣтили, что записка и конвертъ написаны разными карандашами? И теперь вы меня хотите увѣрить, что все это—одно цѣлое. Нѣть, милостивый государь, я заявляю вамъ, что письмо было адресовано не къ Полякову».

Замѣшательство прокурора продолжалось нѣсколько секундъ; затѣмъ онъ оправился и съ прежнимъ апломбомъ сказалъ: «Поляковъ, однако, сознался, что ваша записка была къ нему».

Теперь я зналъ, что прокуроръ лжетъ. Поляковъ могъ бы еще признать все, касающееся его самого; но онъ скорѣе пошелъ бы въ Сибирь, чѣмъ оговорилъ бы другого. Я посмотрѣлъ пристально въ глаза прокурору и отвѣтилъ: «Нѣть, милостивый государь, Поляковъ никогда не говорилъ вамъ ничего подобнаго. Вы сами отлично знаете, что говорите неправду».

Прокуроръ пришелъ въ бѣшенство, или притворился такъ. «Хорошо,—отрѣзалъ онъ,—если вы подождете здѣсь нѣсколько минутъ, я вамъ принесу письменное показаніе г-на Полякова. Онъ въ сосѣдней комнатѣ».

— Съ удовольствиемъ буду ждать, сколько вамъ угодно.

Я усѣлся на диванѣ и сталъ курить безконечное число папироcъ. Показаніе, однако, не явилось, ни въ этотъ день, ни позже и впослѣдствіи каждый разъ, при встрѣчѣ съ

прокуроромъ, я дразнилъ его вопросомъ: «Ну, а гдѣ же показаніе Полякова?»

Само собою разумѣется, никакого показанія не существовало. Я встрѣтился съ Поляковымъ въ Женевѣ, въ 1878 году, откуда мы сдѣлали необыкновенно пріятную экскурсію къ Алечскому леднику. Нечего и прибавлять, что Поляковъ отвѣтилъ именно такъ, какъ я ожидалъ. Онъ сказалъ, что рѣшительно ничего не знаетъ какъ о письмѣ, такъ и о лицѣ, упомянутомъ подъ литерами В. Е. Мы обмѣнивались съ нимъ десятками книгъ; записку нашли въ одной изъ нихъ. Что же касается конверта, то его извлекли изъ кармана стараго пальто. Полякова продержали въ заключеніи нѣсколько недѣль, а затѣмъ выпустили благодаря ходатайству его ученыхъ друзей. Полиція такъ и не дозналась, кто такое было лицо «В. Е.» Оно въ свое время выдало, кому нужно, всѣ мои бумаги.

Меня не повели обратно въ камеру, а черезъ нѣсколько времени возвратился прокуроръ въ сопровожденіи жандармскаго офицера.

— Вашъ допросъ теперь конченъ, — сказалъ онъ мнѣ.
— Васъ переведутъ въ другое мѣсто.

У воротъ стояла карета. Меня пригласили войти въ нее, а рядомъ сѣлъ дюжій жандармскій офицеръ, кавказецъ родомъ. Я заговорилъ съ нимъ, но онъ только сопѣлъ. Карета проѣхала Цѣпной Мостъ, Марсово Поле, затѣмъ покатилась вдоль каналовъ, какъ будто бы избѣгая наиболѣе людныя улицы.

— Мы ёдемъ въ Литовскій замокъ? — спросилъ я офицера, такъ какъ зналъ, что многіе товарищи сидѣть уже тамъ. Офицеръ не отвѣтилъ. Съ того момента, какъ я сѣлъ въ карету, началась та система молчанія по отношенію ко мнѣ, которая примѣнялась потомъ цѣлые два года. Но когда карета покатилась по Дворцовому мосту, я понялъ, что меня везутъ въ Петропавловскую крѣпость.

Я любовался рѣкой-красавицей, зная, что не скоро увижу ее опять. Солнце близилось къ закату. Тяжелыя сѣрыя тучи нарисли на западѣ, надъ Финскимъ заливомъ; прямо надъ головой плыли блѣдныя облака, разрываясь порой и открывая клочки голубого неба. Проѣхавъ мостъ, карета повернула палѣво. Мы вѣхали подъ мрачный сводъ, въ ворота крѣпости.

— Ну, теперь меня продержать здѣсь годика два, — сказалъ я офицеру.

— Нѣть, зачѣмъ же такъ долго!—отвѣтилъ кавказецъ, который, разъ мы добрались до крѣпости, снова пріобрѣль даръ слова.—Дѣло ваше почти кончено, и недѣли черезъ двѣ его передадутъ въ судь.

— Дѣло мое очень простое,—сказалъ я;—но прежде, чѣмъ вы предадите меня суду, вы захотите арестовать всѣхъ соціалистовъ въ Россіи, а ихъ много, очень много, и въ два года вы всѣхъ не переловите». Я тогда не сознавалъ, какъ много пророческаго было въ этомъ предсказанії.

Карета остановилась у подъѣзда комендантской квартиры. Мы вошли въ пріёмную. Къ намъ вышелъ генералъ Корсаковъ, высокій старикъ съ брюзгливымъ выраженіемъ лица. Жандармскій офицеръ шепнулъ ему что-то на ухо, и старикъ отвѣтилъ: «Хорошо», окинувъ его почти презрительнымъ взглядомъ; затѣмъ онъ повернулся ко мнѣ. Видно было, что комендантъ вовсе не былъ доволенъ полученіемъ новаго квартиранта и нѣсколько стыдился своей обязанности; но взглядъ его какъ будто бы говорилъ: «Я солдатъ и исполняю только долгъ». Мы опять сѣли въ карету, но скоро остановились у другихъ воротъ; здѣсь нась продержали нѣкоторое время, покуда солдаты не отперли ихъ изнутри. Всякими длинными, узкими проходами мы подошли, наконецъ, къ третьимъ желѣзнымъ воротамъ; они вели подъ темный сводъ, изъ котораго мы попали въ небольшую комнату, гдѣ тьма и сырость сразу охватили меня.

Нѣсколько унтеръ-офицеровъ крѣпостной стражи забѣгали неслышно въ своихъ войлочныхъ ботикахъ, не говоря ни слова, покуда смотритель расписывался въ книгѣ кавказца въ приемъ арестанта. Мнѣ велѣли раздѣться совершенно и надѣть арестантское платье: зеленый фланелевый халатъ, безкошечные перстянные чулки, плотности невѣроятной, и желтые туфли такой величины, что они едва держались на ногахъ, когда я попробовалъ ступить шагъ. Я всегда ненавидѣлъ халаты и туфли. Толстые чулки внушили мнѣ отвращеніе. Меня заставили даже снять шелковую фуфайку, которая особенно была бы кстати въ сырой крѣпости. Я, конечно, шумно запротестовалъ по этому поводу, и черезъ часъ мнѣ её отдали по распоряженію генерала Корсакова.

Затѣмъ меня повели темнымъ коридоромъ, по которому шагали часовые, и ввели въ одиночную камеру. Захлопнулась тяжелая дубовая дверь, щелкнула ключъ въ замкѣ, и я остался одинъ въ полутемной комнатѣ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

КРЪПОСТЬ. ПОБѢГЪ.

I.

Итакъ, я былъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ за послѣднихъ два вѣка гибли лучшія силы Россіи. Самое ея имя въ Петербургѣ произносится вполноголоса.

Здѣсь Петръ I пыталъ своего сына Алексѣя и убилъ его собственной рукой. Здѣсь, въ казематѣ, куда проникла вода во время наводненія, была заключена княжна Тарakanova. Крысы, спасаясь отъ потопа, взирались на ея платье. Здѣсь ужасный Минихъ пыталъ своихъ политическихъ противниковъ, а Екатерина II заживо похоронила тѣхъ, кто возмущался убийствомъ ея мужа. И со временемъ Петра I, въ продолженіе ста семидесяти лѣть, лѣтописи этой каменной громады, возвышающейся изъ Невы противъ Зим资料 дворца, говорять только объ убийствахъ, пыткахъ, о заживо погребенныхъ, осужденныхъ на медленную смерть или же о доведенныхъ до сумасшествія въ одиночныхъ, мрачныхъ, сырыхъ казематахъ.

Здѣсь перетерпѣли начальныя стадіи своей мученической жизни декабристы, первые развернувшіе у насъ знамя республики и уничтоженія крѣпостного права. Слѣды ихъ до сихъ поръ можно еще найти въ русской Бастиліи. Здѣсь были заключены Рыльевъ, Шевченко, Достоевскій, Бакунинъ, Чернышевскій, Писаревъ и много другихъ изъ нашихъ лучшихъ писателей. Здѣсь пытали и повѣсили Каракозова.

Здѣсь, гдѣ-то въ Алексѣевскомъ равелинѣ, сидѣлъ еще Нечаевъ, выданный Швейцаріей какъ уголовный, но съ которымъ обращались какъ съ опаснымъ политическимъ преступникомъ. Ему уже не суждено было больше увидать свободу. Въ томъ же равелинѣ, гласила молва, сидѣлъ

нѣсколько человѣкъ, заключенныхъ на всю жизнь по приказу Александра II, за то, что они знали дворцовыя тайны, которыхъ другіе не должны были знать. Одного изъ нихъ, старика съ длинной бородой, видѣлъ въ таинственной крѣпости одинъ изъ моихъ знакомыхъ.

Всѣ эти тѣни возставали въ моемъ воображеніи; но мои мысли останавливались въ особенности на Бакунинѣ, который, хотя и просидѣлъ два года на цѣпи, прикованный къ стѣнѣ, въ австрійской крѣпости послѣ 1848 года, и по-томъ, выданный русскому правительству, прожилъ еще шесть лѣтъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ,—вышелъ, однако, изъ тюрьмы, послѣ смерти желѣзного деспота, болѣе энергичнымъ, чѣмъ многие его товарищи, которые все это время пробыли на свободѣ. «Онъ выжилъ все это,—говорилъ я самому себѣ,—такъ и я не поддамся тюрьмѣ».

Первымъ движениемъ моимъ было подойти къ окну. Оно было прорѣзано въ видѣ широкаго, низкаго отверстія въ двухъ-аршинной толстой стѣнѣ, на такой высотѣ, что я едва доставалъ до него рукой. Оно было забрано двумя желѣзными рамами со стеклами и, кроме того, рѣшеткой. За окномъ, саженяхъ въ пяти, я видѣлъ предъ собою вѣнчаную крѣпостную стѣну необыкновенной толщины; на ней видѣлась сѣрая будка часового. Только глядя вверхъ, могъ я различить клочокъ неба.

Я тщательно осмотрѣлъ камеру, въ которой, быть-можеть, мнѣ предстояло провести нѣсколько лѣтъ. По положенію высокой трубы монетнаго двора я догадался, что моя комната находится въ юго-западномъ углу крѣпости, въ бастіонѣ, выходящемъ на Неву. Зданіе, въ которомъ я сидѣлъ, было однако, не бастіонъ, а то, что рѣ фортіфикаціи называютъ *редютъ*, то-есть внутреннее, пятиугольное, двухъэтажное каменное зданіе, поднимающееся нѣсколько надъ стѣнами бастіона, и заключающее два этажа пушекъ. Моя комната была казематомъ, предназначавшимся для большой пушки, а окно—его амбразура. Солнечные лучи никогда не прошлиали туда. Даже лѣтомъ они терялись въ толщинѣ стѣны. Меблировку составляли: желѣзная кровать, дубовый столикъ и такой же табуретъ. Поль былъ покрытъ густо-закрашеннымъ войлокомъ, а стѣны оклеены желтыми обоями. Чтобы заглушить звуки, обои были, однако, наклеены не непосредственно на стѣну, а на полотно, подъ которымъ я открылъ проволочную сѣтку, а за ней слой войлока. Только подъ нимъ мнѣ удалось нащупать камень. У внутрен-

ней стѣны стоялъ умывальникъ. Въ толстой дубовой двери было прорѣзано запирающееся квадратное отверстіе, чтобы подавать черезъ него пищу, и продолговатый глазокъ со стекломъ, закрывавшійся съ наружной стороны маленькою заслонкою. Черезъ этотъ глазокъ часовой, стоявшій въ коридорѣ, могъ видѣть во всякое время, что дѣлаетъ заключенный. Дѣйствительно, онъ часто поднималъ заслонку глазка, при чемъ сапоги его жестоко скрипѣли всякий разъ, какъ онъ по-медвѣжьи подкрадывался къ моей двери. Я пробовалъ заговорить съ нимъ; но тогда глазъ, который я видѣлъ сквозь стеклышико, принималъ выраженіе ужаса, и заслонка немедленно опускалась. И черезъ минуту или двѣ я опять слышалъ скрипъ, но никогда я не могъ добиться ни слова отъ часоваго. Кругомъ царила глубокая тишина. Я придви-
нуль скамейку къ окну и сталъ смотрѣть на клочокъ неба. Тщетно старался я уловить какой-нибудь звукъ съ Невы или изъ города на противоположномъ берегу. Мертвая тишина начинала давить меня. Я попробовалъ пѣть, вначалѣ тихо, потомъ все громче и громче: «Ужели мнѣ, во цвѣтѣ лѣтъ, любви сказать: прости навѣкъ», пѣль я изъ «Руслана и Людмилы».

— Господинъ, не извольте пѣть!—раздался густой басъ изъ-за двери.

- Я хочу пѣть и буду.
- Пѣть не позволяетя,—басиль солдатъ.
- А я все таки-буду.

Тогда явился смотритель, начавшій убѣждать меня, что я не долженъ пѣть, такъ какъ обѣ этомъ онъ вынужденъ будетъ доложить коменданту крѣпости, и такъ далѣе.

— Но у менѣ засорится горло, и легкія отучатся дѣйствовать, если я не буду ни говорить, ни пѣть,—пробовалъ убѣждать я.

— Ужь вы лучше пойте вполноголоса, про себя,—просилъ старый смотритель.

Но въ просьбѣ не было надобности. Черезъ нѣсколько дней у менѣ пропала охота пѣть. Я пробовалъ было продолжать пѣніе изъ принципа; но это ни къ чemu не повело.

— Самое главное,—думалъ я,—сохранить физическую силу. Я не хочу заболѣть. Нужно себѣ представить, что предстоитъ провести нѣсколько лѣтъ на сѣверѣ, во время полярной экспедиціи. Буду дѣлать много движенія, гимнастику,—не надо поддаваться обстановкѣ. Десять шаговъ изъ угла въ уголь уже не худо. Если пройти полтораста

разъ, вотъ уже верста». И я рѣшилъ дѣлать ежедневно по семи верстъ: двѣ версты утромъ, двѣ—предъ обѣдомъ, двѣ—послѣ обѣда и одну передъ сномъ. «Если положить на столъ десять напирошъ и передвигать одну, проходя мимо стола,—думалъ я,—то легко сосчитаю тѣ триста раза, что мнѣ надо пройти вѣздъ и впередъ. Ходить надо скоро, но поворачивать въ углу медленно, чтобы голова не закружилась, и всякий разъ въ другую сторону. Затѣмъ, дважды въ день буду продолжать гимнастику съ моей тяжелой табуреткой». Я поднималъ ее за ножку и держалъ въ вытянутой рукѣ, затѣмъ вертѣлъ ей колесомъ, и скоро научился перебрасывать ее изъ одной руки въ другую черезъ голову, за спиной и между ногами.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ меня привезли, явился смотритель и предложилъ кое-какія книги. Между ними были старые знакомые, какъ «Физіологія обыденной жизни» Льюиса; но второй томъ, который мнѣ особенно хотѣлось прочитать снова,—куда-то затерялся. Я попросилъ, конечно, письменныя принадлежности, но мнѣ наотрѣзъ отказали. Перья и чернила никогда не выдаются въ крѣпости иначе, какъ по специальному разрѣшенію самого царя. Я, конечно, сильно страдалъ отъ вынужденной бездѣятельности и началъ сочинять въ памяти рядъ повѣстей для народнаго чтенія, на сюжеты, заимствованные изъ русской исторіи,—нѣчто въ родѣ «Mysteres du Peuple» Евгенія Сю. Самую идею мнѣ подали «Очерки изъ исторіи рабства», которые я прочелъ въ одной изъ старыхъ книжекъ «Дѣла». Я придумывалъ фабулу, описанія, диалоги, и пробовалъ запомнить все отъ начала до конца. Можно себѣ представить, какъ изнурила бы мозгъ подобная работа, если бы я ее продолжалъ дальше, чѣмъ два или три мѣсяца.

Братъ Александръ, однако, выхлопоталъ для меня разрѣшеніе имѣть письменныя принадлежности. Разъ какъ-то меня опять пригласили сѣсть въ карету, рядомъ со старымъ знакомымъ, безсловеснымъ жандармомъ-кавказцемъ, и повезли въ третье отдѣленіе. Тамъ мнѣ дали свиданіе съ братомъ, въ присутствіи двухъ жандармскихъ офицеровъ.

Когда меня арестовали, Александръ былъ въ Цюрихѣ. Съ ранней юности онъ стремился за границу, гдѣ люди могутъ думать, какъ хотятъ, читать, что хотятъ, и могутъ открыто высказывать свои мысли. Русскую жизнь онъ

ненавидѣлъ. Главной чертой его характера была глубокая искренность и прямодушіе. Онъ не выносилъ обмана въ какой бы то ни было формѣ. Отсутствіе свободы слова въ Россіи, русская готовность подчиниться деспотизму, «эзоповскій языкъ», къ которому прибѣгаютъ русскіе писатели,—все это до крайности было противно его открытой натурѣ. Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ-за границы Александръ уѣхалъ въ Швейцарію и намѣревался поселиться тамъ. Послѣ того, какъ онъ потерялъ одного ребенка, скончавшагося въ нѣсколько часовъ отъ холеры, а другого—отъ чахотки, Петербургъ сталъ ему вдвое болѣе ненавистенъ.

Братъ не принималъ никакого участія въ нашей агитационной работѣ. Онъ не вѣрилъ въ возможность народнаго возстанія, и революцію понималъ только какъ дѣятельность выборныхъ отъ народа, какъ, напримѣръ, Национального Собранія въ 1789 году. Что же касается соціалистической агитации, онъ признавалъ ее только, когда она ведется на открытыхъ митингахъ, съ публичныхъ платформъ, а не тайную, кропотливую, личную пропаганду, которой мы занимались. Въ Англіи Александръ былъ бы сторонникомъ Джона Брайта или Чартистовъ. Если бы онъ жилъ въ Парижѣ во время юньскаго возстанія 1848 года, онъ навѣрное дрался бы съ послѣдней горстью работниковъ за послѣдней баррикадой. Но въ подготовительномъ періодѣ онъ шелъ бы за Луи Бланомъ или Ледрю Роллэномъ.

Въ Швейцаріи братъ поселился въ Цюрихѣ. Его симпатіи лежали на сторонѣ умѣренного крыла Интернаціонала. По принципамъ онъ былъ соціалистъ и согласно этимъ принципамъ вѣрь необыкновенно умѣренную и необыкновенно трудолюбивую жизнь. Онъ работалъ надъ большими ученымъ трудомъ, который составлялъ главную цѣль его жизни и долженъ былъ явиться дополненіемъ къ знаменитой «Système de la Nature» Гольбаха. Александръ скоро сильно подружился съ П. Л. Лавровымъ, съ которымъ имѣлъ много общаго по склонности къ кантовской философіи.

Узнавъ о моемъ арестѣ, Александръ немедленно оставилъ все,—трудъ всей жизни, свободу, которая была ему также необходима, какъ птицѣ—воздухъ, и возвратился въ ненавистный ему Петербургъ, чтобы помочь мнѣ въ моемъ заключеніи.

Мы оба сильно были взволнованы свиданіемъ. Братъ былъ страшно возбужденъ. Самый видъ голубыхъ мундировъ,—этихъ палачей всякой независимой мысли въ Рос-

си,—быть ему ненавистенъ, и онъ выражалъ свои чувства открыто, въ ихъ присутствії. Во мнѣ же пребываніе Александра въ Петербургѣ вселяло самыя мрачныя предчувствія. Я былъ счастливъ, что снова увидаль его честное лицо, его глаза полные любви; меня безконечно обрадовало, когда я узналъ, что свиданія у насъ будутъ каждый мѣсяцъ. А между тѣмъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ былъ за тысячи верстъ отъ этого жандармскаго логовища, куда онъ пришелъ сегодня по своей волѣ, но куда его неминуемо привезутъ когда-нибудь ночью подъ конвоемъ*.

— Зачѣмъ ты здѣсь? Уѣзжай немедленно!—кричало ему мое внутреннее я. И въ то же время я сознавалъ, что братъ не уѣдетъ, покуда меня будутъ держать въ тюрьмѣ.

Онъ, лучше чѣмъ кто-либо другой, понималъ, что бездѣятельность убѣтъ меня, и потому уже сталъ хлопотать о разрѣшеніи для меня продолжать работу. Географическое общество желало, чтобы я закончилъ мою книгу о ледниковомъ періодѣ. Братъ растормошилъ весь ученый Петербургъ, чтобы добиться поддержки. Академія наукъ была заинтересована въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, черезъ два или три мѣсяца послѣ моего ареста ко мнѣ въ камеру вошелъ смотритель и сообщилъ, что царь разрѣшилъ мнѣ окончить докладъ для Географического общества, и поэтому мнѣ будутъ выдавать письменныя принадлежности; «но только до заката солнца», прибавилъ онъ. Солнце зимой въ Петербургѣ закатывается въ три часа. Но дѣлать было нечего. «До заката», такъ выразился Александръ II. давая разрешеніе.

II.

Итакъ, я могъ снова работать.

Трудно было бы выразить, какое облегченіе я почувствовалъ, когда снова могъ писать. Я согласился бы жить на хлѣбѣ и водѣ, въ самомъ сыромъ подвалѣ, только бы мнѣ разрѣшили работать.

Я былъ, однако, единственный заключенный въ крѣпости, которому разрѣшили письменныя принадлежности. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, которые провели въ заключеніи три года и даже больше, до знаменитаго процесса «стадевяносто-трехъ»,—имѣли только грифельныя доски. Конечно, въ страшномъ уединеніи крѣпости они рады были даже доскѣ и исписывали ее словами изучаемаго иностранн-

наго языка, или математическими формулами. Но каково писать, зная, что все будет стерто черезъ нѣсколько часовъ!

— Моя тюремная жизнь приняла теперь болѣе правильный характеръ. Было нѣчто, непосредственно наполнявшее жизнь. Къ девяти часамъ утра я уже кончалъ мои первыя двѣ версты и ждалъ, покуда мнѣ принесутъ карандаши и перья. Работа, которую я приготовилъ для Географического Общества, содержала, кромѣ отчета о моихъ изслѣдованіяхъ въ Финляндіи, еще обсужденіе основъ ледниковой гипотезы. Зная теперь, что у меня много времени впереди, я рѣшилъ вновь написать и расширить этотъ отдѣль. Академія наукъ предоставила въ мое распоряженіе свою великолѣпную библіотеку. Вскорѣ цѣлый уголъ моей камеры заполнился книгами и картами, включая сюда полное изданіе шведской геологической съемки, почти полную коллекцію отчетовъ всѣхъ полярныхъ путешествій и полное изданіе «Quarterly Journal» Лондонского Геологического Общества. Моя книга въ крѣпости разрослась въ два большихъ тома. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ братомъ и моимъ другомъ Поляковымъ (въ Запискахъ Географического Общества); второй же, не совсѣмъ оконченный, остался въ третьемъ отдѣленіи послѣ моего побѣга. Рукопись нашли только въ 1895 году и передали Русскому Географическому Обществу, которое и переслало её мнѣ, въ Лондонъ. Въ пять часовъ вечера, а зимой въ три, какъ только вносили «крошечную лампочку, перья и карандаши у меня отбирались, и я долженъ былъ прекратить работу. Тогда я принимался за чтеніе, главнымъ образомъ, книгъ по исторіи. Рядъ поколѣній политическихъ заключенныхъ оставилъ послѣ себя въ Петропавловской крѣпости цѣлую библіотеку, и мнѣ разрѣшили прибавить къ ней нѣсколько капитальныхъ сочиненій по русской исторіи. Кромѣ того, родственники присыпали мнѣ много книгъ. Такимъ образомъ, я могъ познакомиться почти со всѣми книгами и сборниками документовъ, относящимися къ московскому періоду русской исторіи. Я съ наслажденіемъ читалъ не только лѣтописи, въ особенности превосходную вторую псковскую лѣтопись, богатую живыми подробностями объ общественномъ бытѣ русской демократической, средневѣковой республики (по всей вѣроятности, это лучшая хроника въ Европѣ для изученія средневѣковыхъ городовъ); но я перечиталъ также много самыхъ сухихъ документовъ и даже

«Житія святыхъ», гдѣ случайно вкраплены подробности о жизни массъ, какихъ нельзя найти въ другихъ источникахъ. Прочель я также много романовъ и даже устроилъ себѣ родъ праздника въ сочельникъ. Мои родные прислали мнѣ тогда рождественскіе разсказы Диккенса. И весь праздникъ я то смѣялся, то плакалъ надъ этими чудными произведеніями великаго романиста.

III.

Хуже всего было гробовое молчаніе, царившее кругомъ. Напрасно стучаль я въ стѣны, топаль ногой о полъ и прислушивался, не раздастся ли въ отвѣтъ хоть слабый звукъ; но ничего не было слышно. Прошелъ мѣсяцъ, затѣмъ два, три, потомъ годъ,—отвѣта на мой стукъ не было: нась, въ тридцати-шести казематахъ, было только шесть человѣкъ, и звуки не доходили отъ одного къ другому. Остальные товарищи сидѣли въ Литовскомъ замкѣ. Когда я спрашивалъ унтеръ-офицера, входившаго ко мнѣ, чтобы вести меня на прогулку: «Какова погода?—дождя нѣть?» онъ искося окидалъ меня взглядомъ и скрывался за дверьми, гдѣ караулилъ его другой унтеръ-офицеръ. Единственнымъ живымъ существомъ, отъ которого я могъ порой слышать нѣсколько словъ, былъ смотритель, входившій каждое утро въ мою камеру, чтобы спросить, не нужно ли купить табаку или бумаги. Я пытался завязать съ нимъ разговоръ; но смотритель тоже робко оглядывался на унтеръ-офицера, стоявшаго въ полуоткрытыхъ дверяхъ. Лицо его, будто, говорило: «Вы видите, меня также сторожать». Только одни голуби не боялись меня. Каждое утро и послѣ обѣда они слетались къ моему окну, чтобы получить кормъ, который я имъ бросалъ сквозь решетку.

Никакіе звуки не долетали до меня, кромѣ скрипа шаговъ часового, едва слышнаго шороха заслонки въ глазкѣ, да перезвона курантовъ на колокольнѣ крѣпостного собора. Каждую четверть часа они играютъ «Господи, помилуй», разъ, два, три, четыре раза. Затѣмъ, большой колоколъ отбиваетъ протяжно, съ большими промежутками между каждымъ ударомъ, часы. И тогда начинается жадобный перезвонъ курантовъ, которые при каждой внезапной перемѣнѣ погоды разстраиваютъ, и изъ гимна «Коль славенъ» получается ужасная какофонія, напоминающая звонъ на погребенье. Въ глухую полночь, послѣ «Коль славенъ»

куранты играют еще «Боже, царя храни». Перезвонъ продолжается тогда почти цѣлую четверть часа. И едва только онъ прекращается, какъ новое «Господи, помилуй» возвѣщаетъ не могущему заснуть заключенному, что прошла опять четверть часа его бесполезной жизни, и что немало еще подобныхъ четвертей, получасовъ, и дней, и мѣсяцевъ растительной жизни пройдутъ, покуда освободятъ его тюремщики или же смерть.

Каждое утро меня выводили на прогулку, на полчаса, въ тюремный дворъ,—небольшой пятиугольникъ съ узкимъ тротуаромъ вдоль стѣнъ и съ башней по серединѣ; но я любилъ эту прогулку. Потребность новыхъ впечатлѣній въ тюрьмѣ такъ велика, что на прогулкѣ я всегда не сводилъ глазъ съ золотого шпица крѣпостного собора. Изъ всего окружающаго меня только эта игла мѣнялась, и я любилъ наблюдать эти перемѣны. Она то сверкала, какъ чистое золото, въ ясный день; то принимала, при голубомъ небѣ, сказочный видъ, когда легкая голубая дымка тумана висѣла надъ городомъ; то казалась отлитой изъ сѣрой стали въ пасмурный день..

Во время этихъ прогулокъ я иногда видѣлъ дочь смотрителя, дѣвушку лѣтъ восемнадцати или девятнадцати. Когда она выходила изъ квартиры отца, ей приходилось сдѣлать нѣсколько шаговъ по тюремному дворику, чтобы добраться до воротъ, составляющихъ единственный выходъ. Она всегда спѣшила, потупивъ глаза, какъ будто стыдилась тѣмъ, что была дочерью тюремщика. Напротивъ, младшій братъ ея, кадетъ, котораго я встрѣтилъ раза два во дворѣ, всегда прямъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза, съ такимъ выраженіемъ симпатіи, что это поразило меня, и я упомянула даже комуто объ этомъ послѣ побѣга. Четыре или пять лѣтъ спустя, когда юноша былъ уже офицеромъ, его арестовали и сослали въ восточную Сибирь, въ Тунку. Онъ присоединился къ партии Народной Воли и, кажется, помогалъ перепискѣ между революціонерами на воль и заключенными въ крѣпости.

Петербургская зима мрачна для тѣхъ, которые не могутъ выйти на ярко освѣщенныя улицы. Въ казематѣ она, конечно, еще мрачнѣе. Но сырость донимала еще больше, чѣмъ мракъ. Казематы такъ сыры, что ихъ приходилось очень жарко натапливать для просушки. Я почти задыхался отъ жары. Но когда я добился, чтобы не такъ нажаривали печь, стѣны стали потѣть отъ сырости. Обои приняли такой видъ,

какъ будто ихъ каждый день окачивали ведромъ воды. И въ результатѣ я сильно страдалъ отъ ревматизма.

Несмотря на все это, я не унывалъ, писалъ и чертилъ карты въ полумракѣ, чиня карандаши осколкомъ стекла, которымъ раздобылся во дворѣ. Я неизмѣнно ходилъ каждый день мои семь верстъ изъ угловъ въ уголъ и продѣльвалъ гимнастическихъ упражненія моимъ дубовымъ табуретомъ. Время шло. Но вотъ въ мой казематъ вползло горе, которое почти сломило меня. Брата Александра арестовали.

Въ концѣ декабря 1874 года мнѣ дали въ крѣпости, въ присутствіи жандармскаго офицера, свиданіе съ братомъ и сестрой Еленой. Свиданія, даваемыя черезъ долгіе промежутки, всегда приводятъ заключенныхъ и ихъ родныхъ въ состояніе сильнаго возбужденія. Арестованный видѣтъ дорогія ему лица, слышитъ милые голоса и знаетъ, что все это исчезнетъ черезъ нѣсколько минутъ. Онъ чувствуетъ себя такъ близко и въ то же время такъ далеко отъ нихъ, такъ какъ интимной бесѣды не можетъ быть въ присутствіи посторонняго человѣка, врага и шпиона. Притомъ, братъ и сестра сильно тревожились за мое здоровье, на которое темные, мрачные зимніе дни и сырость уже начинали оказывать вліяніе. Мы разстались съ тяжелымъ сердцемъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого свиданія, вместо ожидаемаго письма отъ брата съ сообщеніемъ о печатаніи моей книги, я получилъ короткую записку отъ Полякова. Онъ увѣдомлялъ меня, что съ этихъ поръ корректуру будешь читать онъ, и поэтому я долженъ споситься съ нимъ обо всемъ, касающемся печатанья. Я тотчасъ же понялъ, что съ братомъ случилось недобroe. Если бы онъ заболѣлъ, Поляковъ такъ и написалъ бы. Для меня наступили теперь тяжелые дни. Александра навѣрно заарестовали, и я — причина этому. Жизнь утратила для меня всякой смыслъ. Прогулки, гимнастика, работа потеряли всякій интересъ. Весь день я безцѣльно шагалъ взадъ и впередъ по камерѣ и не могъ думать ни о чёмъ другомъ, какъ только объ арестѣ брата. Для меня, одинокаго человѣка, заключеніе означало только личное неудобство; но Александръ былъ женатъ, страстью любилъ жену и имѣлъ теперь сына, на котораго не могъ надышаться. Родители сосредоточили на этомъ мальчикѣ всю ту любовь, которую питали къ двумъ дѣтямъ, умершимъ три года тому назадъ.

Хуже всего была неизвестность. Что такое могъ онъ сдѣлать? Почему его арестовали? Къ чему они его присудятъ? Проходили недѣли. Моя тревога усиливалась; новостей не было никакихъ. Наконецъ, окольнымъ путемъ я узналъ, что Александра арестовали за письмо къ П. Л. Лаврову.

Подробности я узналъ гораздо позже. Послѣ свиданія со мной Александръ написалъ своему старому пріятелю Петру Лавровичу, издававшему въ то время въ Лондонѣ «Впередъ». Въ письмѣ онъ выражалъ свое беспокойство по поводу моего здоровья, говорилъ о многочисленныхъ арестахъ и открыто высказывалъ свою ненависть къ русскому деспотизму. Третье отдѣленіе перехватило письмо на почтѣ и послало, какъ разъ въ сочельникъ, произвести обыскъ у брата, чтѣ жандармы и выполнили, даже съ еще большою грубостью, чѣмъ обыкновенно. Послѣ полуночи поддюжины людей ворвались въ его квартиру и перевернули верхъ дномъ рѣшительно все. Они ощупывали стѣны, и даже больного ребенка вынули изъ постели, чтобы обшарить бѣлье и матрасъ. Они ничего не нашли, да и нечего было находить. Мой братъ былъ сильно возмущенъ этимъ обыскомъ. Съ обычной откровенностью онъ заявилъ жандармскому офицеру, производившему осмотръ: «Противъ васъ, капитанъ, я не могу питать неудовольствія; вы получили такое ничтожное образованіе, что едва понимаете, что творите. Но вы, милостивый государь,—обратился онъ къ прокурору,—вы знаете, какую роль играете въ всемъ этомъ. Вы получили университетское образованіе, Вы знаете законъ и знаете, что попираете сами законы. какой онъ ни па есть, и прикрываете вашимъ присутствиемъ беззаконіе вотъ этихъ людей. Вы, милостивый государь, попросту мерзавецъ».

Они возненавидѣли брата и продержали его въ третьемъ отдѣленіи до мая. Ребенокъ Александра, прелестный мальчикъ, котораго болѣзнь сдѣлала еще болѣе нѣжнымъ и умнымъ, умиралъ отъ чахотки. Доктора сказали, что ему остается жить всего нѣсколько дней. Брать, никогда не хлопотавшій у враговъ ни о никакой милости, просилъ разрѣшить ему повидаться въ послѣдній разъ съ ребенкомъ; онъ просилъ отпустить его на полчаса домой, на честное слово, или подъ конвоемъ. Ему не разрѣшили Жандармы не могли отказать себѣ въ этой мести.

Ребенокъ умеръ. Мать его снова чуть не погибла отъ нервнаго удара. Въ это время брату объявили, что его со-

шлють въ Минусинскъ:—повезутъ его туда въ кибиткѣ съ двумя жандармами, а что касается жены, то она можетъ слѣдоватъ потомъ, но не должнаѣхать теперь, вмѣстѣ съ мужемъ.

— Скажите же мнѣ, наконецъ, въ чёмъ мое преступление?—требовалъ братъ. Но никакихъ обвиненій, кромѣ письма, противъ Александра не было. Ссылка казалась всѣмъ такимъ произволомъ, она до такой степени была актомъ личной мести со стороны третьаго отдѣленія, что никто изъ нашихъ родственниковъ не допускалъ, чтобы она могла продолжаться больше, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ. Братъ подалъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ. Тотъ отвѣтилъ, что не можетъ вмѣшиваться въ постановленіе шефа жандармовъ. Подана была другая жалоба Сенату, и тоже безъ послѣдствій.

Года два спустя, по собственной иниціативѣ, наша сестра Елена подала прошеніе царю. Мой двоюродный братъ Дмитрій, харьковскій генераль-губернаторъ и флигель-адъютантъ Александра II, большой фаворитъ при дворѣ, лично вручилъ прощеніе, прибавивъ нѣсколько словъ отъ себя. Онъ былъ глубоко возмущенъ дѣйствіемъ третьаго отдѣленія. Но мстительность составляетъ фамильную черту Романовыхъ, и въ Александрѣ II она была особенно развита. На прошеніе царь отвѣтилъ: «Пусть посидитъ!» Братъ пробылъ въ Сибири двѣнадцать лѣтъ и никогда уже не возвратился въ Россію.

IV.

Безчисленные аресты, произведенные лѣтомъ 1874 года, и тотъ серьезный характеръ, который полиція придала намѣреніямъ нашего кружка, произвели глубокую перемѣну въ воззрѣніяхъ русской молодежи. До тѣхъ поръ главной ея задачей было выбирать изъ рабочихъ, а также иногда изъ крестьянъ, отдѣльныхъ людей, чтобы подготовлять изъ нихъ соціалистическихъ агитаторовъ. Но теперь фабрики были наводнены шпионами, и стало очевидно что, во всякомъ случаѣ, и пропагандистовъ, и рабочихъ скоро заберутъ и навсегда упрячутъ въ Сибирь. Тогда великое движеніе «въ народъ» приняло новый характеръ. Сотни молодыхъ людей, пренебрегая всѣми предосторожностями, которыхъ принимались до тѣхъ поръ, устремились въ провинцію. Странствуя по городамъ и де-

ревнямъ, они подстрекали народъ къ бунту и почти открыто распространяли революционныя брошюры, пѣсни и прокламаціи. Въ нашихъ кружкахъ это время прозвали «безумнымъ лѣтомъ».

Жандармы потеряли голову. Не хватало рукъ, чтобы ловить, и глазъ, чтобы выслѣживать каждого революціонера въ его хожденіи изъ губерніи въ губернію. Тѣмъ не менѣе, около 1500 человѣкъ было арестовано во время этой великой травли, и половину ихъ продержали въ тюрьмахъ нѣсколько лѣтъ.

Результаты массовыхъ арестовъ скоро почувствовались и у насъ, въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости. Онъ началъ заселяться вновь прибывающими узниками.

Разъ, лѣтомъ 1875 года, я ясно разслышалъ въ сосѣдней съ моимъ камеръ легкій стукъ каблуковъ, а нѣсколько минутъ спустя я уловилъ и отрывки разговора. Женскій голосъ слышался изъ каземата, а въ отвѣтъ ему ворчалъ густой басъ, должно-быть, часового. Вскорѣ, вслѣдъ за тѣмъ послышался звонъ шпоръ полковника, поспѣшные его шаги, ругательство по адресу часового и щелканье ключа въ замкѣ. Полковникъ сказалъ что-то.

— Мы вовсе не разговаривали,—раздался въ отвѣтъ женскій голосъ.—Я просила только позвать унтеръ-офицера, а часовой отказывался.—Дверь опять заперли, и я слышала, какъ полковникъ вполголоса честилъ часового.

Итакъ, я былъ уже не одинъ. У меня была сосѣдка, которая сразу нарушила строгую дисциплину, связывавшую до тѣхъ поръ солдатъ. Съ этого дня крѣпостная стѣна, которая были нѣмы пятнадцать мѣсяцевъ, ожила. Со всѣхъ сторонъ я слышала стукъ ногой о полъ: одинъ, два, три, четыре... одиннадцать ударовъ, двадцатьчетыре удара, пятнадцать. Затѣмъ пауза; послѣ нея—три удара и долгій рядъ тридцати-трехъ ударовъ. Въ томъ же порядкѣ удары повторялись безконечное число разъ, покуда сосѣдъ догадывался, что они означаютъ вопросъ: «Кто вы?» Такимъ образомъ «разговоръ» завязывался и велся затѣмъ по сокращенной азбукѣ, придуманной еще декабристомъ Бестужевымъ. Азбука дѣлится на шесть рядовъ, по пяти буквъ въ каждой. Каждая буква отмѣчается своимъ рядомъ и своимъ мѣстомъ въ ряду.

Къ великому моему удовольствію, я открыла, что съ тѣй стороны сидѣлъ мой другъ Сердюковъ, съ которымъ

мы вскорѣ могли перестукиваться обо всемъ,—въ особенности, употребляя нашъ шифръ. Однако бесѣды съ людьми въ тюрьмѣ приносили не только свои радости, но и свои горести. Подо мной сидѣлъ крестьянинъ, знакомый Сердюкова, съ которымъ онъ перестукивался. Противъ моей воли, часто даже во время работы, я слѣдилъ за ихъ переговорами. Я тоже перестукивался съ нимъ. Но если одиночное заключеніе, безъ всякой работы, тяжело для интеллигентныхъ людей, то гораздо болѣе невыносимо оно для крестьянина, привыкшаго къ физическому труду и совершенно не способнаго читать весь день подъ рядъ. Нашъ пріятель — крестьянинъ чувствовалъ себя очень несчастнымъ. Его привезли въ крѣпость послѣ того, какъ онъ просидѣлъ уже два года въ другой тюрьмѣ, и поэтому онъ былъ уже надломленъ. Преступленіе его состояло въ томъ, что онъ слушалъ соціалистовъ. Къ великому моему ужасу, я сталъ замѣтить, что крестьянинъ порой начинаетъ заговариваться. Постепенно егъ умъ все больше затуманивался. И мы оба съ Сердюковымъ замѣчали, какъ шагъ за шагомъ день за днемъ онъ приближался къ безумію, покуда разговоръ его не превратился въ настоящій бредъ. Тогда, изъ нижняго этажа стали доноситься дикие крики и страшный шумъ. Нашъ сосѣдъ помѣшался; но его, тѣмъ не менѣе, еще нѣсколько мѣсяцевъ продержали въ крѣпости, прежде чѣмъ отвезти въ домъ умалишенныхъ, изъ котораго несчастному не суждено уже было выйти. Присутствовать, при такихъ условіяхъ, при медленномъ разрушеніи человѣческаго ума — ужасно. Я увѣренъ, это обстоятельство содѣствовало увеличенію первной раздражительности моего милаго друга Сердюкова. Когда, послѣ четырехъ лѣтъ заключенія, судъ оправдалъ его и его выпустили, — онъ застрѣлился.

Разъ мнѣ нанесли неожиданный визитъ. Въ мою комнату, въ сопровожденіи только адъютанта, вошелъ братъ Александра II, великий князь Николай Николаевичъ, осматривавшій крѣпость. Дверь захлопнулась за нимъ. Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Здравствуй, Кропоткинъ». Онъ зналъ меня лично и говорилъ фамильярнымъ, благороднымъ тономъ, какъ со старымъ знакомымъ.

— Какъ это возможно, Кропоткинъ, чтобы ты, камер-пажъ, бывшій фельдфебель, могъ быть замѣщанъ въ такихъ дѣлахъ, и сидишь теперь въ этомъ ужасномъ казематѣ?

— У каждого свои убеждения,—отвѣтилъ я.

— Убеждения? Такъ твое убѣжденіе, что нужно заво-
дить революцію?

Что мнѣ было отвѣтить? Сказать «да»? Тогда изъ моего отвѣта сдѣлали бы такой выводъ, что я, отказавшійся давать какія быто ни было показанія жандармамъ, «признался во всемъ» брату царя. Николай Николаевичъ говорилъ тономъ начальника военного училища, пытающагося добиться «признанія» отъ кадета. И въ то же время я не могъ отвѣтить «нѣть». То была бы ложь. Я не зналъ, что сказать, и молчалъ.

— Вотъ видишь! Самому тебѣ стыдно теперь...

Это замѣчаніе разозлило меня, и я отвѣтилъ довольно рѣзко: «Я даль свои показанія судебному слѣдователю на допросахъ: мнѣ нечего прибавлять».

— Да ты пойми, Кропоткинъ,—сказалъ тѣгда Николай Николаевичъ самымъ благодушнымъ тономъ,—я говорю съ тобой не какъ судебній слѣдователь, а совсѣмъ какъ частный человѣкъ. Совсѣмъ какъ частный человѣкъ,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

Мысли вихремъ кружились у меня въ головѣ. Сыграть роль маркиза Позы? Передать царю черезъ посредство его брата о разореніи Россіи, объ обнищаніи крестьянъ, о произволѣ властей, о неминуемомъ страшномъ голодѣ? Сказать, что мы хотѣли помочь крестьянамъ выйти изъ ихъ отчаяннаго положенія, придать имъ бодрости? Попытаться такимъ образомъ повліять на Александра II? Мысли эти мелькали одна за другой у меня въ головѣ. Наконецъ, я сказалъ самому себѣ: «Никогда! Это безуміе. Они все это знаютъ. Они—враги народа, и такими рѣчами ихъ не передѣлаешь».

Я отвѣтилъ, что онъ всегда остается официальнымъ лицомъ, и что я не могу смотрѣть на него, какъ на частнаго человѣка.

Николай Николаевичъ сталъ тогда задавать мнѣ всякие безразличные вопросы: «Не въ Сибири ли, отъ декабристовъ ты набрался такихъ взглядовъ?»

— Нѣть. Я знать только одного декабриста и съ тѣмъ никогда не велъ серьёзныхъ разговоровъ.

— Такъ ты набрался ихъ въ Петербургѣ?

— Я всегда былъ такой.

— Какъ! Даже въ корпусѣ?—съ ужасомъ переспросилъ онъ меня.

— Въ корпусѣ я былъ мальчикомъ. То, что смутно въ юности, выясняется потомъ, когда человѣкъ мужаетъ.

Онъ задалъ мнѣ еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ и, какъ онъ говорилъ, я ясно понималъ, къ чѣму онъ ведеть. Онъ пытался добиться отъ меня «признаній», и я живо представилъ себѣ мысленно, какъ онъ говорить своему брату: «Всѣ эти прокуроры и жандармы дураки. Кропоткинъ имъ ничего не отвѣчать; но я поговорилъ съ нимъ десять минутъ, и онъ все мнѣ рассказалъ». Все это пачинало меня бѣсить. И когда Николай Николаевичъ замѣтилъ мнѣ чѣто въ родѣ: «Какъ ты могъ имѣть что-нибудь общее со всѣми этими людьми, съ мужиками и разночинцами», я грубо отрѣзалъ: «Я вамъ сказалъ уже, что дать свои показанія судебному слѣдователю». Онъ рѣзко повернулся на каблучкахъ и вышелъ.

Впослѣдствіи часовые, гвардейскіе солдаты, сложили цѣлую легенду по поводу этого посѣщенія. Товарищъ, приѣхавшій потомъ во время моего побѣга въ пролеткѣ, чтобы освобождать меня, былъ въ военной фуражкѣ. Свѣтлые бакенбарды придавали ему слабое сходство съ Николаемъ Николаевичемъ. И вотъ среди петербургскаго гарнизона пошла тогда легенда, что меня увезъ самъ великий князь. Таки образомъ легенды могутъ складываться даже въ вѣкъ газетъ и біографическихъ словарей.

V.

Прошло два года. Иные изъ моихъ товарищѣй умерли, другие стали душевно болѣйшими; но не было никакихъ вѣстей о томъ, когда наше дѣло поступить въ судь.

Къ концу второго года здоровье мое пошатнулось. Дубовый табуретъ теперь казался мнѣ тяжелымъ, а семь верстъ я находилъ безконечнымъ разстояніемъ. Такъ какъ въ крѣпости нась силѣло теперь около шестидесяти человѣкъ, а зимніе дни коротки, то на прогулку выводили всего разъ въ два-три дня, минутъ на двадцать. Я употреблялъ всѣ старанія, чтобы сохранить энергию, но «сполярная зимовка», безъ лѣтнаго перерыва, брала свое. Изъ Сибири я вывезъ слабые признаки цынги; теперь, въ темномъ и сыромъ казематѣ они проявились болѣе опредѣленно. Этотъ тюремный бичъ сразилъ меня.

Въ мартѣ или апрѣль 1876 года намъ, наконецъ, сообщили, что третье отѣлѣніе закончило предварительное дознаніе.

Дѣло перешло къ судебнымъ властямъ, и потому нась перевели въ домъ предварительного заключенія—въ тюрьму, примыкающую къ зданію суда.

«Предварительная», какъ ее называли,—громадная, показная четырехъ-этажная тюрьма, выстроенная по типу французскихъ и бельгийскихъ образцовыхъ тюремъ. Ряды маленькихъ камеръ всѣ имѣютъ по окну, выходящему во дворъ, и по двери, открывающейся на желѣзный балконъ. Балконы же различныхъ этажей соединены желѣзными лѣстницами.

Для многихъ моихъ товарищей переводъ въ «Предварилку» явился большимъ облегченіемъ. Здѣсь было гораздо больше жизни, чѣмъ въ крѣпости, больше возможности переписываться и переговариваться; легче было добиться свиданія съ родственниками. Перестукиваніе продолжалось безпрерывно цѣлый день. Подобнымъ путемъ я даже изложилъ одному молодому сосѣду всю исторію парижской коммуны, отъ начала до конца. Нужно прибавить, однако, что я выступжалъ мою исторію цѣлую недѣлю. Что касается здоровья, то въ домѣ предварительного заключенія мнѣ стало еще хуже, чѣмъ въ крѣпости. Я не выносилъ спрятаго воздуха крошечной камеры. Какъ только паровое отопленіе начинало дѣйствовать, температура, изъ леденящей, становилась невыносимо жаркой. Камера имѣла только четыре шага по діагонали, и когда я начиналъ ходить, то приходилось безпрестанно поворачиваться; голова начинала кружиться черезъ пѣсколько минутъ, а короткая прогулка въ маленькомъ дворикѣ, окруженному высокими каменными стѣнами, пѣсколько не освѣжала меня. Что касается тюремнаго врача, который не желалъ даже слышать слова «цынга» въ «его тюрьмѣ», то лучше о немъ совсѣмъ не говорить. Кончилось тѣмъ, что я вовсе не могъ переваривать даже легкой пищи.

Мнѣ разрѣшили получать пищу изъ дому, такъ какъ недалеко отъ суда жила одна моя своячница, вышедшая замужъ за адвоката. Но мое пищевареніе стало такъ плохо, что я съѣдалъ въ день только кусокъ хлѣба да одно или два яйца. Силы мои быстро падали, и по общему мнѣнію, мнѣ оставалось жить только пѣсколько мѣсяцевъ. Чтобы подняться до моей камеры, находившейся во второмъ этажѣ, я долженъ былъ раза два отдохнуть на лѣстницахъ. Помню, какъ разъ старый солдатъ ча-

совой жалостливо замѣгиль: «Не дожить тебѣ, сердечному, до осени».

Родственники мои сильно встревожились. Сестра Лена пробовала хлопотать, чтобы меня выпустили на поруки; но прокуроръ Шубинъ отвѣтилъ ей съ сардонической усмѣшкой: «Доставьте свидѣтельство отъ врача, что братъ вашъ умретъ черезъ десять дней; тогда я его освобожу». Прокуроръ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ сестра упала въ кресло и громко разрыдалась въ его присутствії. Мои родные, однако, добились того, чтобы меня осмотрѣлъ хороший докторъ, профессоръ, ассистентъ Сѣченова. Онъ осмотрѣлъ меня самымъ тщательнымъ образомъ и пришелъ къ заключенію, что у меня нѣтъ никакой органической болѣзни, но что страдаю я, главнымъ образомъ, отъ недостаточнаго окисленія крови.

— Все, что вамъ нужно, это—воздухъ,—заключилъ онъ. Онъ колебался нѣсколько минутъ, затѣмъ сказалъ рѣшительно: «Что тамъ толковать! Вы не можете оставаться здѣсь. Васть необходимо перевести».

Дней черезъ десять послѣ этого меня дѣйствительно перевели въ находившійся тогда на окраинѣ Петербурга Николаевскій военный госпиталь, при которомъ имѣется небольшая тюрьма для офицеровъ и солдатъ, заболѣвшихъ во время нахожденія подъ слѣдствіемъ. Въ эту тюрьму перевели уже двухъ моихъ товарищѣй, когда стало очевидно, что они скоро умрутъ отъ чахотки.

Въ госпиталь я началъ быстро поправляться. Мнѣ дали просторную комнату въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ караульной. Въ ней было громадное, забранное рѣшеткой окно, выходившее на югъ, на маленькой бульварѣ, обсаженномъ двумя рядами деревьевъ, а за бульваромъ тянулось большое, открытое пространство, гдѣ ста два плотниковъ строили тогда бараки для тифозныхъ больныхъ. По вечерамъ они обыкновенно пѣли хоромъ и такъ согласно, какъ только поютъ въ большихъ плотничихъ артеляхъ. По бульварчику взадъ и впередъ ходилъ часовой; его будка стояла противъ моего окна.

Окно оставалось открыто весь день, и я упивался солнечными лучами, которыхъ не видалъ такъ давно. Всей грудью вдыхалъ я ароматный майскій воздухъ. Мое здоровье быстро поправлялось,—слишкомъ даже быстро, по моему мнѣнію. Скоро я былъ въ состояніи переваривать

легкую пищу, силы мои окрѣпли, и съ обновленной энергией я принялъся снова за работу. Не видя возможности закончить второй томъ моего труда, я написалъ короткое, но довольно обстоятельное, въ видѣ тезисовъ, изложеніе нѣоконченныхъ еще главъ, которое и было приложено къ первому тому.

Въ крѣпости я слышалъ отъ товарища, сидѣвшаго одно время въ госпитальной тюрьмѣ, что оттуда мнѣ будетъ не трудно бѣжать. Я сообщилъ, конечно, друзьямъ, гдѣ находусь; сообщилъ и свои надежды. Побѣгъ, оказался, однако, гораздо болѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ меня увѣряли. За мной учрежденъ былъ самый бдительный, безприемѣрный до того времени, надзоръ. У моихъ дверей помѣстили часового, и мнѣ никогда не позволяли выходить въ коридоръ. Госпитальные солдаты и караульные офицеры, которые иногда входили ко мнѣ, боялись, повидимому, оставаться со мной болѣе одной или двухъ минутъ.

Мои друзья составили нѣсколько плановъ освобожденія, и въ томъ числѣ были проекты крайне забавные. По одному изъ нихъ, напримѣръ, я долженъ быть подпилить рѣшетку въ окнѣ. Затѣмъ предполагалось, что когда, въ дождливую ночь, часовой задремлетъ въ своей будкѣ, два моихъ пріятеля подползутъ сзади и опрокинутъ ее. Такимъ образомъ солдатъ не будетъ раненъ, но просто пойманъ, какъ мышь въ мышеловкѣ. Въ это время я долженъ быть выпрыгнуть изъ окна... Но неожиданно явилось лучшее разрѣшеніе вопроса.

— Попроситесь на прогулку! — шепнулъ мнѣ разъ одинъ изъ солдатъ. Я такъ и сдѣлалъ. Докторъ поддержалъ меня, и мнѣ разрѣшили ежедневно, въ четыре часа, выходить въ тюремный дворъ на прогулку на одинъ часъ. Я долженъ быть носить все-таки зеленый фланелевый больничный халатъ, но мнѣ выдавали мои сапоги, панталоны и жилетъ.

Никогда я не забуду мою первую прогулку. Когда меня вывели, и я увидалъ передъ собою заросшій травою дворъ, въ добрыхъ триста шаговъ въ глубину и шаговъ двѣsti въ ширину, — я просто замеръ. Ворота были отщерты, и сквозь нихъ я могъ видѣть улицу, громадный госпиталь напротивъ и даже прохожихъ... Я остановился на крылечкѣ тюрьмы и оцѣпенѣлъ на мгновеніе при видѣ этого двора и воротъ. У одной изъ стѣнъ двора стояла тюрьма, — узкое зданіе, шаговъ полтораста въ длину, съ будками для часовыхъ,

на обоихъ концахъ. Оба часовые ходили взадъ и впередъ вдоль зданія и такимъ образомъ вытоптали тропинку въ травѣ. По этой тропинкѣ мнѣ и велѣли гулять, а часовые тѣмъ временемъ продолжали ходить взадъ и впередъ, такъ что одинъ изъ нихъ былъ всегда не дальше, какъ шагахъ въ десяти или пятнадцати отъ меня. На крылечкѣ сѣли три госпитальныхъ солдата.

На противоположномъ концѣ громаднаго двора, обнесеннаго высокимъ заборомъ изъ толстыхъ досокъ, нѣсколько крестьянъ сбрасывали съ возовъ дрова и складывали ихъ въ нольницы вдоль стѣны. Ворота были открыты, чтобы впускать возы.

Эти открытые ворота производили на меня чарующее впечатлѣніе. «Не надо глядѣть на нихъ», говорилъ я самому себѣ и тѣмъ не менѣе все поглядывалъ въ ту сторону. Кѣкъ только меня опять ввели въ комнату, я тотчасъ же написалъ друзьямъ, чтобы сообщить имъ благую вѣсть. «Я почти не въ силахъ шифровать,—писалъ я дрожащей рукой, выводя непонятные значки вмѣсто цифръ.—Огь этой близости свободы я дрожу, какъ въ лихорадкѣ. Они меня вывели сегодня во дворъ. Ворота отперты, и возлѣ нихъ нѣтъ часоваго. Черезъ эти ворота я убѣгу. Часовые не поймаютъ меня». И я набросалъ планъ побѣга. «Къ воротамъ госпиталя подѣлѣжаетъ дама въ открытой пролеткѣ. Она выходитъ, а экипажъ дожидается ея на улицѣ, шагахъ въ пятнадцати отъ моихъ воротъ. Когда меня выведутъ въ четыре часа на прогулку, я нѣкоторое время буду держать шляпу въ рукахъ; этимъ я даю сигналъ тому, который пройдетъ мимо воротъ, что въ тюрьмѣ все благополучно. Вы должны мнѣ отвѣтить сигналомъ: «Улица свободна». Безъ этого я не двинусь. Я не хочу, чтобы меня сложили на улицѣ. Сигналъ можно подать только звукомъ или свѣтомъ. Кучеръ можетъ дать его, направивъ своей лакированной шляпой свѣтового «зайчика» на стѣну главнаго больничнаго зданія; еще лучше, если кто-нибудь будетъ пѣть, покуда улица свободна,—развѣ если вамъ удастся нанять сѣренѣкую дачу, которую я вижу со двора; тогда можно подать сигналъ изъ окна. Часовой побѣжитъ за мнай, какъ собака за зайцемъ, описывая кривую, тогда какъ я побѣгу по прямой линіи. Такимъ образомъ, я удержу свои пять-шесть шаговъ разстоянія. На улицѣ я прыгну въ пролетку, и мы помчимся во весь опоръ. Если часовой вздумаетъ стрѣлять то тутъ ничего не подѣлать».

лаешь. Это—внѣ нашего предвидѣнья. Въ виду неизбѣжной смерти въ тюрьмѣ—стоить рискнуть».

Было сдѣлано нѣсколько другихъ предложеній; но, въ концѣ-концовъ, этотъ проектъ принялъ. Нашъ кружокъ прился за дѣло. Люди, которые никогда не знали меня, принялъ участіе, какъ будто дѣло шло о дорогомъ имъ братѣ. Предстояло, однако, преодолѣть массу трудностей, а время мчалось съ поразительной быстротой. Я усиленно работалъ и писалъ до поздней ночи; но здоровье мое улучшалось тѣмъ не менѣе съ быстротой, которая приводила меня въ ужасъ. Въ первый разъ, когда меня вывели во дворъ, я только могъ ползти по тропинкѣ по-черепашь. Теперь же я окрѣпъ на столько, что могъ бы бѣгать. Правда, я по прежнему продолжалъ ползти медленно, какъ черепаха, иначе мои прогулки прекратились бы; но моя природная живость могла всякую минуту выдать меня. А товарищи мои должны были, въ это время, подобрать человѣкъ двадцать для этого дѣла, найти подходящую лошадь и опытнаго кучера и уладить сотню непредвидѣнныхъ мелочей, неминуемыхъ въ подобномъ заговорѣ. Подготовленія заняли уже около мѣсяца, а между тѣмъ каждый день меня могли перевести обратно въ домъ предварительного заключенія.

Наконецъ, день побѣга былъ назначенъ—29 іюня, день Петра и Павла. Друзья мои внесли струйку сантиментализма и хотѣлъ освободить меня непремѣнно въ этотъ день. Они сообщили мнѣ, что на мой сигналъ: «Въ тюрьмѣ все благополучно», они отвѣтятъ: «Все благополучно и у нась», выпустивъ красный игрушечный шаръ. Тогда подѣдетъ пролетка, и кто-нибудь будетъ пѣть пѣсню, покуда улица свободна.

Я вышелъ двадцать-девятаго іюня, снялъ шляпу и ждалъ воздушнаго шара; но его не было. Прошло полчаса. Я слышалъ, какъ прошумѣли колеса пролетки на улицѣ; я слышалъ, какъ мужской голосъ выводилъ незнакомую мнѣ пѣсню, но шара не было.

Прошелъ часъ, и съ упавшимъ сердцемъ я возвратился въ свою комнату. «Случилось что-нибудь недобroe, что-нибудь неладно у нихъ», думалъ я.

Въ тотъ день случилось невозможное. Около Ростинаго двора, въ Петербургѣ, продаются всегда сотни дѣтскихъ шаровъ. Въ этотъ же день не оказалось ни одного. Товарищи нигдѣ не могли найти шара. Наконецъ, они до-

были одинъ у ребенка, но шаръ былъ старый и не леталъ. Тогда товарищи мои кинулись въ оптический магазинъ, пріобрѣли аппаратъ для добыванія водорода и наполнили имъ шаръ; но онъ, тѣмъ не менѣе, упорно отказывался подняться: водородъ не былъ просушенъ. Время уходило. Тогда одна дама привязала шаръ къ своему зонтику и, держа послѣдній высоко надъ головой, начала ходить взадъ и впередъ по тротуару, подъ заборомъ нашего двора. Но я ничего не видѣлъ: заборъ былъ очень высокій, а дама—очень маленькая.

Какъ оказалось потомъ, случай съ воздушнымъ шаромъ вышелъ очень кстати. Когда моя прогулка кончилась, пролетка проѣхала по тѣмъ улицамъ, по которымъ она должна была проскакать въ случаѣ моего побѣга. И тутъ, въ узкомъ переулкѣ, ее задержали возы съ дровами для госпиталя. Лошади шли въ безпорядкѣ, одинъ по правую сторону улицы, другія по лѣвую, и пролетка могла двигаться только шагомъ; на поворотѣ ее совсѣмъ остановили. Если бы я сидѣлъ въ ней, наскѣ павѣрное бы поймали.

Теперь товарищи установили цѣлый рядъ сигналовъ, чтобы дать знать, свободны ли улицы или нетъ. На протяженіи около двухъ верстъ отъ госпиталя были разставлены часовые. Одинъ долженъ былъ ходить взадъ и впередъ съ платкомъ въ рукахъ и спрятать платокъ, какъ только покажутся возы. Другой—сидѣлъ на тротуарной тумбѣ и ёлъ вишни; но какъ только возы показывались, онъ переставалъ. И такъ шло по всей линіи. Всѣ эти сигналы, передаваясь отъ часоваго къ часовому, доходили, наконецъ, до пролѣтки. Мои друзья сняли также упомянутую выше сѣреньюкую дачу, и у ея открытаго окна помѣстился скрипач со скрипкой въ рукахъ, готовый заиграть, какъ только получить сигналъ: «Улица свободна».

Побѣгъ назначили на слѣдующій день. Дальнѣйшая отсрочка могла быть опасна—въ госпиталѣ уже замѣтили пролѣтку. Власти, должно-быть, пронюхали нѣчто подозрительное, потому что наканунѣ побѣга, вечеромъ, я слышалъ, какъ патрульный офицеръ спросилъ часоваго, стоявшаго у моего окна: «Гдѣ твои боевые патроны?» Солдатъ сталъ ихъ неловко вытаскивать изъ сумки; минуты двѣ онъ возился, доставая ихъ. Патрульный офицеръ ругался: «Развѣ не было приказано всѣмъ вамъ держать четыре боевыхъ патрона въ карманѣ шинели?» Онъ отошелъ только тогда, когда солдатъ это сдѣлалъ.

— Гляди въ оба! — сказалъ офицеръ, отходя.

Новую систему сигналовъ нужно было немедленно же сообщить мнѣ. На другой день, въ два часа, въ тюрьму явилась дама, дорогая мнѣ родственница, и попросила, чтобы мнѣ передали часы¹⁾. Все проходило обыкновенно черезъ руки прокурора; но такъ какъ то были просто часы, безъ футляра, ихъ передали. Въ часахъ же находилась крошечная зашифрованная записочка, въ которой излагался весь планъ. Когда я увидаль ее, меня просто охватилъ ужасъ, — до такой степени поступокъ поражалъ своею смѣлостью. Жандармы уже разыскивали даму по другому дѣлу, и ее задержали бы на мѣстѣ, если бы кто-нибудь вздумалъ открыть крышку часовъ. Но я видѣлъ, какъ моя родственница спокойно вышла изъ тюрьмы и потихоньку пошла по бульвару, крикнувъ мнѣ, стоявшему у окна: «А вы часы-то провѣрьте!»

Я вышелъ на прогулку, по обыкновенію, въ четыре часа и подальѣ свой сигналъ. Сейчасъ же я услышалъ стукъ колесъ экипажа, а черезъ нѣсколько минутъ изъ сѣраго дома до меня донеслись звуки скрипки. Но я былъ въ то время у другого конца зданія. Когда же я вернулся по тропинкѣ къ тому концу, который былъ ближе къ воротамъ, шагахъ въ ста отъ нихъ, часовой стоялъ совсѣмъ у меня за спиной. «Пройду еще разъ!» подумалъ я. Но прежде, чѣмъ я дошелъ до дальн资料 конца тропинки, звуки скрипки внезапно оборвались...

Прошло больше четверти часа въ томительной тревогѣ, прежде чѣмъ я понялъ причину перерыва: въ ворота вѣхало нѣсколько тяжело нагруженныхъ дровами возовъ, и они направились въ другой конецъ двора. Немедленно затѣмъ скрипачъ (и очень хороший, долженъ сказать) заигралъ бѣшеную и подмывающую мазурку Контского, какъ бы желая внушить: «Теперь смѣлѣй! твое время, — пора!» Я медленно подвигался къ тому концу тропинки, который былъ поближе къ воротамъ, дрожа при мысли, что звуки мазурки могутъ оборваться, прежде чѣмъ я дойду до конца.

Когда я достигъ его, то оглянулся. Часовой остановился въ пяти или шести шагахъ за мной и смотрѣлъ въ другую сторону. «Теперь или никогда!» помню я, свѣркнуло у ме-

¹⁾ Теперь я могу сказать, что эта была общественная дѣятельница сестра жены моего брата, Софья Николаевна Лаврова, — скончавшаяся за два мѣсяца до русской революціи!

П. К.

ня въ головѣ. Я сбросилъ зеленый фланелевый халатъ и пустился бѣжать.

Задолго до этого я практиковался, какъ снимать мой безконечный и неуклюжій балахонъ. Онъ былъ такой длинный, что мнѣ приходилось таскать подольше его на лѣвой руцѣ, какъ дамы держать шлейфъ амазонки. Несмотря на всѣ старанія, я не могъ скинуть халатъ въ одинъ приемъ. Я подпоролъ швы подъ мышками; но и это не помогало. Тогда я рѣшилъ научиться снимать его въ два приема: первый—скинуть шлейфъ съ руки, второй—сбросить халатъ на землю. Я терпѣливо упражнялся въ моей комнатѣ до тѣхъ поръ, покуда научился дѣлать это чисто, какъ солдатъ ружейные приемы—«Разъ, два!» и халатъ лежалъ на землѣ.

Но очень-то довѣряя моимъ силамъ, я побѣжалъ спачала медленно, чтобы сберечь ихъ. Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ крестьяне, складывавшіе дрова на другомъ концѣ двора, заголосили: «Бѣжать! держи его! лови его!» и кинулись мнѣ на перерѣзъ къ воротамъ. Тогда я помчался, что было сильнѣ. Я думалъ только о томъ, чтобы бѣжать скорѣе. Прежде меня беспокоила выбоина, которую возы вырыли у самыхъ воротъ, теперь я забылъ ее.—Бѣжать, бѣжать! На сколько хватить силъ.

Друзья мои, слѣдившіе за всѣмъ изъ окна сѣренъка го домика, разсказывали потомъ, что за мной погнались часовой и три солдата, сидѣвшіе на крылечкѣ тюрьмы. Нѣсколько разъ часовой пробовалъ ударить меня сзади штыкомъ, бросая впередъ руку съ ружьемъ. Одинъ разъ друзья даже подумали, что вотъ меня поймали. Часовой не стрѣлялъ, такъ какъ быть слишкомъувѣренъ, что догонитъ меня. Но я удержалъ разстояніе. Добѣжавши до воротъ, солдатъ остановился.

Выскочивъ за ворота, я, къ ужасу мбему, замѣтилъ, что въ пролеткѣ сидѣть какой-то штатскій въ военной фуражкѣ. Онъ сидѣлъ, не оборачиваясь ко мнѣ! «Пропало дѣло!»—мелькнуло у меня. Товарищи сообщали мнѣ въ послѣднемъ письмѣ: «Разъ вы будете на улицѣ, не сдавайтесь; вблизи будутъ друзья, чтобы отбить васъ»; и я вовсе не желалъ вскочить въ пролетку, если тамъ сидѣть врагъ. Однако, когда я стала подбѣгать, я замѣтилъ, что сидѣвшій въ пролеткѣ человѣкъ, съ свѣтлыми бакенбардами, очень похожъ на одного моего дорогого друга. Онъ не принадлежалъ къ нашему кружку; но мы были близкими друзьями, и не разъ я имѣлъ возможность вос-

торгаться его поразительнымъ мужествомъ, смѣлостью и силой, становившейся неимовѣрной въ минуту опасности.

— «Съ какой стати онъ здѣсь?—подумалъ я.—Возможно ли это?

Я едва не выкрикнулъ имени; но во-время спохватился и, вмѣсто этого, захлопалъ на бѣгу въ ладоши, чтобы заставить сидящаго оглянуться. Онъ повернуль голову. Теперь я узналъ, кто онъ¹⁾.

— Сюда, скорѣе, скорѣе!—крикнулъ онъ, отчаянно ругая, на чёмъ свѣтъ стоитъ, и меня, и кучера, и держа въ то же время наготовѣ револьверъ. «Гони! гони! убью тебя», кричалъ онъ кучеру. Великолѣпный призовый рысакъ, специально купленный для этой цѣли, помчался сразу галопомъ. Сзади слышались вопли: «Держи его! лови!» а другъ въ это время помогалъ мнѣ надѣть пальто и цилиндръ.

Но главная опасность была не столько со стороны преслѣдовавшихъ, какъ со стороны солдата, стоявшаго у воротъ госпиталя, почти напротивъ того мѣста, гдѣ дожидалась пролетка. Онъ могъ помѣшать мнѣ вскочить въ экипажъ, или остановить лошадь, для чего ему достаточно было бы забѣжать нѣсколько шаговъ впередь. Поэтому одного изъ товарищѣй командировали, чтобы отвлечь бесѣдой вниманіе солдата. Онъ выполнилъ это съ большимъ успѣхомъ. Солдатъ одно время служилъ въ госпитальной лабораторіи; поэтому пріятель завелъ разговоръ на ученыя темы, именно, о микроскопѣ и о чудесахъ, которыя можно увидѣть посредствомъ его. Рѣчь зашла о нѣкоемъ паразитѣ человѣческаго тѣла.

— Видѣлъ ли ты какой большущій хвостъ у ней?—спросилъ пріятель.

— Откуда у ней хвостъ?—возражалъ солдатъ.

— Да какъ же! Во какой подъ микроскопомъ.

— Не ври сказокъ!—отвѣтилъ солдатъ.—Я-то лучше знаю. Я ее, подлую, первымъ дѣломъ подъ микроскопъ сунулъ.—Научный споръ происходилъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я пробѣгалъ мимо нихъ и вскакивалъ въ пролетку. Оно похоже на сказку, но между тѣмъ такъ было въ дѣйствительности.

Экипажъ круто повернуль въ узкій переулокъ, вдоль той самой стѣны, у которой крестьяне складывали дрова,

¹⁾ Это былъ докторъ Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ, поразившій впослѣдствіи всѣхъ своимъ смѣлымъ хладнокровiemъ на перевязочныхъ пунктахъ, во время Турецкой войны, и скончавшійся отъ чахотки въ катогрѣ, на Карѣ, куда его сослали въ 1880 г., какъ народовольца.

и гдѣ теперь никого не было, такъ какъ всѣ погнались за мной. Поворотъ былъ такой крутой, что пролетка едва не перевернулась. Она выровнялась только тогда, когда я сильно навалился во-внутрь и потянулъ за собою пріятеля. Лошадь теперь бѣжала крупной, красивой рысью по узкому переулку, и мы повернули нальво. Два жандарма, стоявшіе у дверей питейнаго, отдали честь военной фуражкѣ Веймара. «Тише! тише!» говорилъ я ему, такъ какъ онъ былъ все еще страшно возбужденъ. «Все идетъ отлично. Жандармы даже отдаютъ тебѣ честь!» Тутъ кучерь обернулся ко мнѣ, и въ сіяющей отъ удовольствія физіономіи я узналъ другого пріятеля.

Всюду по дорогѣ мы встрѣчали друзей, которые подмигивали намъ, или желали успѣха, когда мы мчались мимо нихъ на нашемъ великолѣпномъ рисакѣ. Мы выѣхали на Невскій проспектъ, повернули въ боковую улицу и остановились у одного подъѣзда, гдѣ и отослали экипажъ. Я взбѣжалъ по лѣстницѣ и упалъ въ объятія моей родственницы, которая дожидалась въ мучительной тоскѣ. Она и смеялась, и плакала, въ то же время умоляя меня перебѣтъся поскорѣе и подстричь бросающуюся въ глаза бороду. Черезъ десять минутъ мы съ моимъ другомъ вышли изъ дома и взяли извозчичью карету.

Тѣмъ временемъ караульный офицеръ въ тюрьмѣ и госпитальные солдаты выбѣжали на улицу, не зная, что собственнико дѣлать. На версту кругомъ не было ни одного извозчика, такъ какъ всѣ были напяты товарищами. Старая баба въ толпѣ оказалась умнѣе всѣхъ.

— Бѣдненькие! — произнесла она, какъ будто говоря сама съ собой. — Они навѣрное выѣдутъ на Невскій, а тамъ ихъ и поймаютъ, если кто-нибудь поскачетъ напрямикъ этимъ переулкомъ.

Баба была совершенно права. Офицеръ побѣжалъ къ вагону конки, который стоялъ тутъ же, и потребовалъ у кондукторовъ лошадей, чтобы послать кого-нибудь верхомъ, перехватить насть. Но кондукторы наотрѣзъ отказались выпрягать лошадей, а офицеръ не настаивалъ.

Что же касается скрипача и дамы, снявшихъ сѣренъкій домикъ, то они тоже выбѣжали, присоединились къ толпѣ, вмѣстѣ съ старухой, и слышали, такимъ образомъ, ея совѣтъ; а когда толпа разсѣялась, они преспокойно ушли себѣ домой.

Былъ прекрасный вечеръ. Мы покатили на острова, куда шикарный Петербургъ отправляется лѣтомъ въ по-

гожіе дни полюбоваться закатомъ. По дорогѣ мы заѣхали на далекой улицѣ къ цырюльнику, который сбрілъ мнѣ бороду. Это, конечно, измѣнило меня, но не очень сильно. Мы катались безцѣльно по островамъ; но не знали, куда намъ дѣваться, такъ какъ намъ велѣли пріѣхать только поздно вечеромъ туда, гдѣ я долженъ былъ переночевать.

— Что намъ дѣлать теперь?—спросилъ я моего друга, который тоже былъ въ нерѣшительности.

— Къ Донону!—приказалъ онъ вдругъ извозчику.—Никому не пріѣдетъ въ голову искать насть въ модномъ ресторанѣ. Они будутъ искать насть вездѣ, но только не тамъ; а мы пообѣдаемъ и выпьемъ также за успѣшный побѣгъ.

Могъ ли я возразить что-нибудь противъ такого благороднаго предложенія? Мы отправились къ Донону прошли залитыя свѣтомъ залы, наполненные обѣдающими, и взяли отдѣльный кабинетъ, гдѣ и провели вечеръ до пазначеннаго намъ часа. Въ домъ же, куда мы заѣзжали прямо изъ тюрьмы, нагрянула часа два спустя жандармерия. Произвели также обыски почти у всѣхъ моихъ друзей. Никому не пришло, однако, въ голову сдѣлать обыскъ у Донона.

Дня два спустя я долженъ былъ поселиться подъ чужимъ паспортомъ въ квартирѣ, снятой для меня. Но дама, которой предстояло сопровождать меня туда въ каретѣ, рѣшила, для предосторожности, сперва пойхать самой. Оказалось, что вокругъ квартиры шпионы кишмя-кишать. Друзья такъ часто справлялись тамъ, все ли обстоитъ благополучно, что полиція заподозрѣла что-то. Кромѣ того, моя карточка была въ сотняхъ экземпляровъ распространена третьимъ отдельениемъ между полицейскими и дворниками. Сыщики, знаяшіе меня въ лицо, искали меня на улицахъ. Тѣ же, которые меня не знали, бродили въ сопровожденіи солдатъ и стражниковъ, видѣвшихъ меня въ тюрьмѣ. Царь былъ забѣшенъ тѣмъ, что побѣгъ могъ совершиться въ его столицѣ, среди бѣла дня, и отдалъ приказъ: «Разыскать во что бы то не стало».

Въ Петербургѣ оставаться было невозможно, и я укрывался на дачахъ, въ окрестностяхъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями я прожилъ подъ столицей въ деревнѣ, куда въ то время годачасто отправлялись петербуржцы устраивать пикники. Наконецъ, товарищи рѣшили, что мнѣ слѣдуетъ уѣхать за границу. Но въ шведской газетѣ я вычиталъ, что во всѣхъ портовыхъ и пограничныхъ городахъ Финляндіи и Прибалтійского края находятся сыщики, знаю-

щіе меня въ лицо; поэтому я рѣшилъ поѣхать по такому направленію, гдѣ меня меньше всего могли ожидать. Снабженный паспортомъ одного изъ пріятелей, я, въ сопровожденіи одного товарища проѣхалъ Финляндію и добрался до отдаленаго порта въ Ботническомъ заливѣ, откуда и переправился въ Швецію.

Когда я сѣлъ уже на пароходъ, передъ самыми отходомъ, товарищъ, сопровождавшій меня до границы, сообщилъ мнѣ петербургскія новости, которая онъ обѣщалъ друзьямъ не говорить мнѣ раньше. Сестру Елену заарестовали; забрали также сестру жены моего брата, ходившую ко мнѣ на свиданіе въ тюрьму, разъ въ мѣсяцъ, послѣ того, какъ Александръ съ женой уѣхали въ Сибирь.

Сестра рѣшительно ничего не знала о приготовленіяхъ къ побѣгу. Лишь послѣ того, какъ я бѣжалъ, одинъ товарищъ пошелъ къ ней, чтобы сообщить радостную вѣсть. Сестра напрасно заявляла жандармамъ, что ничего не знаетъ. Ее оторвали отъ дѣтей и продержали въ тюрьмѣ двѣ недѣли. Что же касается моей своячиницы, то она смутно знала о какомъ-то приготовленіи, но не принимала въ немъ никакого участія. Здравый смыслъ долженъ былъ бы подсказать властямъ, что лицо, открыто посѣщавшее меня въ тюрьмѣ, не можетъ быть запутано въ подобномъ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе, ее продержали въ тюрьмѣ больше двухъ мѣсяцевъ. Ея мужъ, известный адвокатъ, тщетно хлопоталъ обѣ освобожденіи.

— Мы теперь знаемъ,—сказали ему жандармы,—что она совершенно непричастна къ побѣгу; но, видите ли, мы доложили императору, когда взяли ее, что лицо, организовавшее побѣгъ, открыто и арестовано. Теперь нужно время, чтобы подготовить государя къ мысли, что взяли не настоящаго виновника.

Я проѣхалъ Швецію, нигдѣ не останавливаясь, и прибылъ въ Христіанію, гдѣ прождалъ нѣсколько дней парохода въ Англію, въ Гулль. На досугѣ я собиралъ свѣдѣнія о крестьянской партіи въ Норвежскомъ стортингѣ. Отправляясь на пароходъ, я тревожно спрашивалъ себя: «Подъ какимъ флагомъ идетъ онъ? Подъ норвежскимъ, германскимъ или англійскимъ? Но тутъ я увидѣлъ на кормѣ британскій флагъ, подъ которымъ нашло убѣжище столько русскихъ, итальянскихъ, французскихъ и венгерскихъ изгнаниковъ. И я отъ души привѣтствовалъ этотъ флагъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА.

I.

Въ Нѣмецкомъ морѣ ревѣла буря, когда мы подходили къ берегамъ Англіи; но я съ удовольствіемъ привѣтствовалъ непогоду. Меня радовала борьба нашего парохода съ яростными волнами. Цѣлыми часами просиживалъ я на форъ-штевенѣ, обдаваемый пѣной волнъ. Послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ мрачномъ казематѣ, каждый нервъ моего внутренняго я трепеталъ и наслаждался полнымъ блескомъ жизни.

Я не думалъ пробыть за границей болѣе, чѣмъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ: ровно столько, сколько нужно, чтобы дать улечься суматохѣ, поднятой моимъ побѣгомъ, и чтобы возстановить нѣсколько здоровье. Я высадился подъ именемъ Левашева, подъ которымъ уѣхалъ изъ Россіи. Избѣгая Лондона, гдѣ шпіоны русского посольства скоро выслѣдили бы меня, я прежде всего отпраздновалъ въ Эдинбургѣ.

Случилось, однако, такъ, что я уже не возвращался въ Россію. Меня скоро захватила волна анархического движения, которая, какъ разъ къ тому времени, шла на прибыль въ западной Европѣ. Я чувствовалъ, что могу быть болѣе полезенъ здѣсь, чѣмъ въ Россіи, помогая опредѣлиться новому движению. На родинѣ меня слишкомъ хорошо знали, чтобы я могъ вести открытую пропаганду,—въ особенности, среди работниковъ и крестьянъ. Впослѣдствіи, когда русское революціонное движение стало заговоромъ и превратилось въ вооруженную борьбу съ самодержавіемъ, всякая мысль о народномъ движении роковымъ образомъ была оставлена. Мои же симпатіи влекли меня все больше и больше къ тому, чтобы связать мою судьбу съ рабочими

массами. Распространять среди нихъ идеи, способныя направить ихъ усилия ко благу всѣхъ работниковъ вообще; углубить и расширить идеаль и принципы, которые послужатъ основой будущей соціальной революціи; развить эти идеалы и принципы предъ рабочими—не какъ приказъ, исходящій отъ главарей партіи, но какъ послѣдствіе ихъ собственнаго размышенія; и, наконецъ, пробудить ихъ собственный починъ теперь, когда работники призваны на поприще исторіи, чтобы выработать новый и справедливый общественный строй,—все это казалось мнѣ столь же необходимымъ для развитія человѣчества, какъ и все то, что я могъ бы выполнить въ то время въ Россіи. И я присоединился къ горсти людей, работавшихъ въ этомъ направленіи въ западной Европѣ, замѣнивъ тѣхъ, которые были надломлены годами упорной борьбы.

Когда я высадился въ Гуллѣ и поѣхалъ въ Эдинбургъ, я извѣстилъ лишь нѣсколькихъ друзей въ Россіи и въ Юрской федераціи о томъ, что благополучно прибылъ въ Англію. Соціалистъ долженъ всегда жить своимъ собственнымъ трудомъ. Поэтому, поселившись въ маленькой комнаткѣ въ предмѣстьѣ столицы Шотландіи, я тутъ же принялся подыскивать какую-нибудь работу.

Междуду пассажирами на нашемъ пароходѣ былъ профессоръ-норвежецъ, съ которымъ я бесѣдовалъ, стараясь припомнить то немногое, что зналъ когда-то по-шведски. Профессоръ говорилъ по-немецки.

— Но такъ какъ вы говорите немного по-норвежски,—сказалъ онъ,—и пытаетесь научиться языку, то будемъ бесѣдовать по-норвежски.

— Вы хотите сказать «по-шведски», — нерѣшительно замѣтилъ я.—Вѣдь я говорю по-шведски, не правда ли?

— Гм! Я скорѣе думалъ бы, что это норвежскій языкъ Во всякомъ случаѣ, не шведскій,—отвѣтилъ онъ.

Такимъ образомъ, со мной случилось то же самое, что съ Паганелемъ, героемъ Жюля Верна, изучившимъ, по разсѣянности, вмѣсто испанскаго, португальскій языкъ.

Какъ бы то ни было, мы много бесѣдовали съ профессоромъ... скажемъ, по-норвежски. Онъ далъ мнѣ, между прочимъ, газету, выходящую въ Христіанії. Въ ней былъ помѣщенъ отчетъ о норвежской экспедиціи, только что возвратившейся послѣ изслѣдованія глубинъ сѣверной части Атлантическаго океана.

Поселившись въ Эдинбургѣ, я сейчасъ же написалъ замѣтку обѣ этой экспедиціи, по-англійски, для «Nature», которую мы съ братомъ аккуратно читали въ Петербургѣ съ самаго первого ея появленія. Помощникъ редактора поблагодарилъ меня за замѣтку, и прибавилъ съ деликатностью, которую я потомъ часто встрѣчалъ здѣсь, что мой англійскій языкъ «совсѣмъ хорошъ», но только въ немъ должно быть «больше характерныхъ особенностей, свойственныхыхъ этому языку». Нужно сказать, что выучился я англійскому языку въ Россіи. Вмѣстѣ съ братомъ мы перевели «Философію Геологіи» Пэджа и «Основы Біологии» Герберта Спенсера. Но такъ какъ учился я только по книгамъ, то произносилъ очень плохо, и квартирная моя хозяйка, шотландка, съ великимъ трудомъ понимала меня. Съ ея дочерью мы часто объяснялись письменно, на клочкахъ бумаги. Что касается «характерныхъ особенностей англійского языка», то, должно быть, я дѣлалъ самая забавныя ошибки. Помню, напримѣръ, уморительную исторію по поводу чашки чая. Вслѣдствіе моего несовершенного знанія языка, хозяйка приняла меня, вѣроятно, тогда за опивалу изъ дѣтской сказки. Долженъ прибавить въ мою защиту, что ни въ книгахъ по геологіи, которыя я читаль по-англійски, ни въ *Біологии* Спенсера я не встрѣтиль ни малѣйшаго намека по такому важному предмету, какъ чаепитіе.

Я выписалъ «Ізвѣстія Русскаго Географическаго Общества» и скоро началъ посыпать въ «Times» случайныя замѣтки о русскихъ географическихъ экспедиціяхъ. Пржевальскій былъ тогда въ Средней Азіи, и за его путешествіемъ слѣдили въ Англіи съ болѣшимъ интересомъ.

Тѣмъ не менѣе деньги, которыя я привезъ съ собою, быстро таяли, а такъ какъ всѣ мои письма въ Россію перехватывались, то я не могъ указать родственникамъ моего адреса. Поэтому я отправился черезъ нѣсколько недѣль въ Лондонъ, соображая, что здѣсь найду болѣе правильную работу. П. Л. Лавровъ все еще издавалъ здѣсь «Впередъ»; но такъ какъ я разсчитывалъ скоро возвратиться въ Россію, а за редакціей русской газеты навѣрно слѣдили шпиона, то я не пошелъ туда.

Я отправился, само собою разумѣется, въ «Nature», гдѣ меня очень хорошо принялъ помощникъ редактора, Кельти. Оказалось, что издатель желалъ расширить отдель замѣтокъ и находилъ, что я составляю ихъ именно

какъ нужно. Миѣ, поэтому, отвели въ редакціи столь, на которомъ сложили груду научныхъ журналовъ на всякихъ языкахъ.

— Приходите по понедѣльникамъ, г-нъ Левашевъ,—сказали мнѣ,—пересматривайте эти журналы, и если вы встрѣтите что-нибудь, заслуживающее вниманія, напишите замѣтку, или же отмѣтьте статью. Мы ее тогда пошлемъ специалисту.

Кельти не зналъ, конечно, что я переписывалъ каждую замѣтку по три и по четыре раза прежде, чѣмъ рѣшался показать ему мой англійскій языкъ. Но мнѣ разрешили брать научные журналы домой, и скоро я могъ жить на маленький гонораръ изъ «Nature» и «Times'a». Послѣдній платилъ случайнымъ сотрудникамъ еженедѣльно, по четвергамъ, и я находилъ этотъ обычай великодушнымъ. Конечно, бывали недѣли, когда я не могъ дать никакихъ интересныхъ свѣдѣній про Пржевальского и когда мои замѣтки о другихъ частяхъ Россіи не попадали въ печать, какъ лишенный интереса. Въ эти недѣли я довольствовался чаемъ и хлѣбомъ.

Разъ какъ-то Кельти досталъ съ полки нѣсколько русскихъ книгъ и попросилъ меня написать рецензію о нихъ для «Nature». Я взглянулъ на книги и, къ не малому моему затрудненію, увидалъ мои собственные работы о ледниковомъ періодѣ и обѣ орографіи Азіи. Брать не преминулъ послать ихъ въ свой любимый журналъ. Я былъ въ большомъ недоумѣніи и, сложивъ книги въ саквояжъ, понесъ ихъ домой, чтобы обдумать дѣло на досугѣ. «Ну, что я стану съ ними дѣлать?—спрашивалъ я себя. Хвалить ихъ я не могу; а ругать автора—тоже не согласенъ, такъ какъ раздѣляю его взгляды». Наконецъ, я рѣшилъ отнести книги назадъ на другой день и объяснить Кельти, что хотя я и назвался ему Левашевымъ, но на дѣлѣ я—авторъ этихъ книгъ, а потому не могу писать о нихъ рецензіи.

Кельти читалъ уже въ газетахъ о побѣдѣ Кропоткина и съ большимъ удовольствиемъ узналъ теперь о томъ, что онъ въ безопасности на англійской почвѣ. Что касается моихъ сомнѣній, Кельти резонно замѣтилъ, что мнѣ не зачѣмъ ни хвалить, ни разносить автора; я могу просто изложить содержаніе его трудовъ. Съ того дня у насъ завязалась дружба, продолжающаяся до сихъ поръ.

Въ ноябрѣ или декабрѣ 1876 года я прочѣль въ «почтовомъ ящикѣ» «Впередъ», что К. приглашается зайти въ редакцію для полученія письма изъ Россіи. Думая, что это относится ко мнѣ, я заглянулъ въ редакцію. Скоро я подружилъся, какъ съ П. Л. Лавровымъ, такъ и съ молодежью, набиравшею журналъ.

Я думалъ, что никто меня не узнаетъ, когда я въ первый разъ постучалъся въ двѣри редакціи,—бритый, въ цилиндрѣ и спросилъ у дамы, открывшей мнѣ, на моемъ наилучшемъ англійскомъ языку: «Дома ли мистеръ Лавровъ?» Я не назвалъ себя. Оказалось, однако, что дама, никогда не видавшая меня, но знавшая брата въ Цюрихѣ, тотчасъ узнала меня и побѣжала наверхъ сказать, кто пришелъ.

— Я васъ сейчасъ же узнала,—говорила она мнѣ потомъ,— по глазамъ: они напомнили мнѣ вашего брата.

Въ тотъ разъ я не долго пробылъ въ Англіи. Я находился въ живой перепискѣ съ моимъ другомъ Джемсомъ Гильромъ изъ Юрской Федерации. И какъ только я нашелъ постоянную географическую работу, которую могъ дѣлать и въ Швейцаріи, то сейчасъ же перебрался туда. Письма, полученные, наконецъ, изъ Россіи, говорили мнѣ, что я могу спокойно оставаться за границей, такъ какъ никакого особенного дѣла на родинѣ не предвидится. Волна энтузіазма прокатилась въ то время надъ Россіей въ пользу славянъ, возставшихъ противъ вѣкового турецкаго гнета. Мои лучшіе друзья—Сергѣй Степнякъ, Дмитрій Клеменцъ и многие другие, отправились на Балканскій полуостровъ, чтобы присоединиться къ инсургентамъ. Друзья писали мнѣ: «Мы читаемъ корреспонденціи «Daily News» о турецкихъ звѣрствахъ въ Болгаріи, мы плачемъ при чтеніи и—идемъ записываться въ отряды инсургентовъ, какъ добровольцы, или какъ сестры милосердія».

Я уѣхалъ въ Швейцарію, присоединился къ Юрской Федерации Международного Союза Рабочихъ и, слѣдуя совѣту швейцарскихъ друзей, поселился въ Шо-де-Фонѣ.

II.

Юрская Федерација сыграла важную роль въ современномъ развитіи соціализма.

Всегда случается такъ, что послѣ того, какъ политическая партія поставитъ требованія и заявить, что удо-

влетворится только совершеніемъ выполненіемъ ихъ,— она вскорѣ раздѣляется на двѣ партіи. Одна остается тѣмъ, чѣмъ была: другая же, хотя заявляетъ, что не поступилась ни буквой, принимаетъ искотораго рода компромисы и, по тепенно, отъ компромиса къ компромису, отступается отъ первоначальной программы и становится партіей умѣренныхъ реформъ.

Подобный расколъ произошелъ и въ Международномъ Союзѣ работниковъ. Открытымъ намѣреніемъ Союза, при возникновеніи, было—уничтоженіе частной собственности и передача самимъ производителямъ всѣхъ орудій, необходимыхъ для производства богатствъ. Работниковъ всѣхъ націй призывали образовать свои собственные организаціи для прямой борьбы противъ капитализма. Имъ предлагалось выработать средства, какъ соціализировать производство богатствъ и ихъ потребленіе. И когда работники будутъ достаточно подготовлены, они должны завладѣть орудіями производства и организовать потребленіе, безъ всякаго отношенія къ современному политическому строю, который долженъ быть совершенно передѣланъ. Союзъ, такимъ образомъ, имѣлъ задачей подготовить громадный переворотъ сперва въ умахъ, а затѣмъ въ самой жизни. Союзу предстояло произвести революцію, которая открыла бы для человѣчества новую эру прогресса, основанную на всеобщей солидарности. Таковъ былъ идеалъ, пробудившій отъ сна миллионы европейскихъ работниковъ и привлекшій въ Союзъ лучшія умственныя силы того времени.

Вскорѣ, однако, стали намѣщаться двѣ фракціи. Когда война 1870 года кончилась полнымъ пораженіемъ Франціи, и парижская Коммуна была разгромлена, а противъ Международного Союза проведены были драконовскіе законы, лишавшіе французовъ возможности участвовать въ движениі; когда, съ другой стороны, въ «объединенной Германіи», составлявшей цѣль радикаловъ съ 1848 года, введенъ былъ парламентскій строй — немцы сдѣлали попытку измѣнить цѣли и методы всего соціалистического движения. Лозунгомъ соціаль-демократіи, какъ называлась новая партія, стало—завоевать власть въ существующемъ государствѣ. Первые успѣхи этой партіи на выборахъ въ рейхстагъ возбудили большія надежды. Число депутатовъ соціаль-демократовъ было сперва два, потомъ семь, потомъ девять; поэтому даже разсудительные люди вычисляли, что къ концу XIX столѣтія соціаль-демократы будутъ

имѣть большинство въ германскомъ парламентѣ и путемъ законодательныхъ мѣръ смогутъ установить народное соціалистическое государство. Соціалистический идеалъ этой партіи мало-по-малу утратилъ свой характеръ. Вместо общественного строя, который долженъ быть выработаться самими рабочими организаціями, былъ выставленъ идеалъ государственного завѣдыванія промышленностью, то есть государственный соціализмъ, или, вѣрнѣе, государственный капитализмъ. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время въ Швейцаріи усиля соціаль-демократовъ, въ политическомъ отношеніи, направлены къ централизаціи и къ борьбѣ съ федерализмомъ, а въ отношеніи экономическомъ—къ эксплоатациіи желѣзныхъ дорогъ государствомъ, и къ государственной монополіи въ банковомъ дѣлѣ, и въ продажѣ спиртныхъ напитковъ. Государственное же завѣдываніе землею и главными крупными отраслями промышленности, а равно и организація имъ потребленія будетъ, говорятъ намъ, слѣдующій шагъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Мало-по-малу жизнь и дѣятельность германской соціаль-демократической партіи совершенно подчинились соображеніямъ о выборахъ въ парламентѣ. На рабочіе союзы они глядѣли уже съ презрѣніемъ, а къ стачкамъ относились неодобрительно, потому что тѣ и другія отвлекаютъ вниманіе работниковъ отъ выборной борьбы. Соціаль-демократические вожди въ то же время относились къ каждому народному движению и къ каждой революціонной агитації, въ какой бы то ни было странѣ въ Европѣ, еще болѣе враждебно, чѣмъ капиталистическая печать.

Въ латинскихъ странахъ, однако, новое теченіе нашло весьма мало послѣдователей. Секціи и федераціи Интернаціонала оставались вѣрны принципамъ, которые были установлены при возникновеніи Союза. Федералисты въ силу своей исторіи, и враждебные къ мысли о централизованномъ государствѣ, обладая притомъ революціонными традиціями,—рабочіе латинскихъ странъ не могли послѣдовать за эволюціей, происходившей у нѣмцевъ.

Распаденіе соціалистического движения на двѣ вѣтви опредѣлилось тотчасъ же послѣ франко-германской войны. Какъ я уже упомянулъ, Интернаціоналъ создалъ себѣ центральное правленіе въ лицѣ Генерального совѣта, пребывавшаго въ Лондонѣ. И такъ какъ душой совѣта были два нѣмца, Энгельсъ и Марксъ, то онъ вскорѣ сталъ глав-

яю крѣпостью новаго соціалъ-демократическаго движенія. Вдохновителями же и умственными вождями латинскихъ федерацій стали Бакунинъ и его друзья.

Разладъ между марксистами и бакунистами отнюдь не былъ дѣломъ личнаго самолюбія. Онъ представлялъ собою неизбѣжное столкновеніе между принципами федерализма и централизаціи, между свободной коммуной и отеческимъ управлениемъ государства, между свободнымъ творческимъ дѣйствиемъ народныхъ массъ и законодательнымъ улучшеніемъ существующихъ условій, созданныхъ капиталистическимъ строемъ. То было, наконецъ, столкновеніе между латинскимъ духомъ и германскимъ *Geist*, который, разбивъ Францію на полѣ битвы, желалъ теперь главенства въ области науки, политики, философіи, а также и соціализма,—противопоставляя свое якобы «научное» пониманіе соціализма «утопическому» соціализму другихъ.

На гаагскомъ конгрессѣ Интернаціонала, состоявшемся въ 1872 году, Лондонскій Генеральный совѣтъ, путемъ фиктивнаго большинства, исключилъ изъ Международнаго Союза Рабочихъ Бакунина, его друга Гильома и всю Юрскую федерацію. Но такъ какъ было несомнѣнно, что испанская, итальянская и бельгійская федераціи примутъ сторону юрцевъ, то конгрессъ попытался распустить Интернаціональ. Онъ постановилъ, что новый Генеральный совѣтъ, состоящій изъ нѣсколькихъ соціалъ-демократовъ, будетъ засѣдать въ Нью-Йоркѣ, гдѣ не существовало рабочихъ организацій, которыя могли бы контролировать совѣтъ. Съ тѣхъ поръ такъ о немъ и не слыхали, тогда какъ испанская, итальянская, бельгійская и юрская федераціи продолжали существовать еще лѣтъ пять или шесть, и ежегодно собирались на обычные конгрессы.

Въ то время, какъ я приѣхалъ въ Швейцарію, Юрская федерація была центромъ и наиболѣе известнымъ выразителемъ Интернаціонала. Бакунинъ только что умеръ (1-го іюля 1876 года), но федерація удерживала то же положеніе, которое заняла подъ его вліяніемъ.

Положеніе дѣль во Франціи, Испаніи и Италии было таково, что только благодаря тому, что революціонный духъ, развившійся между работниками раньше Франко-prusской войны, поддерживался Интернаціоналомъ, правительства не рѣшались раздавить все рабочее движение и начать царство бѣлага террора. Извѣстно, что всту-

пленіе на французскій престоль трафа Шамбора, одного изъ Бурбоновъ, едва не стало совершившимся фактомъ. Макъ-Магонъ оставался президентомъ республики только для того, чтобы подготовить реставрацію монархії. Самый день торжественного вѣзда Генриха V въ Парижъ былъ уже назначенъ; даже хомуты, украшенные королевской короною и вензелемъ, были уже готовы. Извѣстно также, что реставрація монархії не удалась потому, что Гамбетта и Клемансо, опортюнистъ и радикаль, организовали въ значительной части Франціи рядъ вооруженныхъ комитетовъ, готовыхъ восстать, какъ только начнется государственный переворотъ. Но главную силу этихъ комитетовъ составляли рабочіе, изъ которыхъ многие принадлежали прежде къ Интернаціоналу и сохранили прежній духъ. И я могу сказать, на основаніи того, что знаю лично, что если бы радикальные вожди буржуазіи поколебались въ рѣшительный моментъ, рабочіе, наоборотъ, въ этихъ комитетахъ, особенно на югѣ, воспользовались бы первой возможностью, чтобы поднять восстание, которое, начавшись для защиты республики, пошло бы дальше въ соціалистическомъ направлениі.

То же самое можно сказать и объ Испанії. Какъ только духовенство и аристократія, окружавшія короля, толкали его на путь реакціи, республиканцы сейчасъ же грозили восстаніемъ, въ которомъ, какъ они знали, дѣйствительно боевымъ элементомъ выступятъ работники. Въ одной Каталоніи тогда было болѣе ста тысячъ рабочихъ, организованныхъ въ сильные союзы: болѣе восьмидесяти тысячъ испанцевъ принадлежали къ Интернаціоналу, правильно собирались на конгрессы и точно платили свои членскіе взносы съ чисто испанскимъ сознаніемъ долга. Я говорю объ этихъ организаціяхъ на основаніи личного знакомства, на мѣстѣ. Я знаю, что онѣ готовились провозгласить федеративную испанскую республику и отказаться отъ колоній, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, которые способны были итти дальше,—сдѣлали бы попытки въ смыслѣ коллективизма. Одинъ только постоянный страхъ, возстанія удержалъ испанскую монархію отъ разгрома всѣхъ рабочихъ и крестьянскихъ организацій и отъ грубой клерикальной реакціи.

Подобныя же условія господствовали и въ Италии. Въ сѣверной ея части рабочіе союзы еще не достигли тогда такого развитія, какъ теперь, но различныя части страны

были усъяны секціями Интернаціонала и республиканскими группами. Монархія жила подъ вѣчнымъ страхомъ сверженія, если республиканцы сре нихъ классовъ обращаются къ революціоннымъ элементамъ среди рабочихъ.

Однимъ словомъ, вспоминая теперь прошлое, отдаленное четвертью вѣка, я съ увѣренностью могу сказать, что если Европа не погрузилась послѣ 1871 года въ мракъ самой тяжелой реакціи, то обусловливается это, главнымъ образомъ, тѣмъ революціоннымъ духомъ, который пробудился на западѣ до Франко-пруссской войны и поддерживался, послѣ разгрома Франції, анархическими элементами Интернаціонала, бланкистами, мадзиніантами и испанскими «кантоналистами» (федеративными республиканцами).

Конечно, марксисты, поглощенные всецѣло своею мѣстною избирательною борьбою, мало знали обо всемъ этомъ. Страшась навлечь на свои головы бисмарковскіе громы и боясь, больше всего, чтобы въ Германіи не проявился революціонный духъ и не повель бы къ репрессіямъ, которыхъ они, не будучи достаточно сильными, не могли встрѣтить лицомъ къ лицу, соціаль-демократы, изъ тактическихъ соображеній, не только отнеслись отрицательно ко всѣмъ западнымъ революціонерамъ, но мало-по-малу прониклись ненавистью къ революціонному духу вообще. Они злобно обличали его, гдѣ бы онъ ни проявился,—даже тогда, когда усмотрѣли первыя его проявленія въ Россіи.

При Макѣ-Магонѣ немыслимо было издавать революціонныя газеты во Франціи. Даже пѣніе «Марсельезы» считалось преступлениемъ. Помню, какъ меня поразилъ тотъ ужасъ, который охватилъ моихъ попутчиковъ третьего класса, когда нѣсколько новобранцевъ затянули на платформѣ революціонную пѣсню: то было въ маѣ 1878 года!—«Развѣ опять позвѣлено пѣть «Марсельезу», спрашивали они тревожно другъ у друга.... Такимъ образомъ, соціалистическихъ газетъ во Франціи не было. Испанскія газеты издавались очень хорошо, и нѣкоторые манифести испанскихъ конгрессовъ прекрасно излагали принципы анархического соціализма. Но кто же за предѣлами Испаніи знаетъ что-нибудь объ ея идеалахъ? Что же касается до итальянскихъ газетъ, то онѣ всѣ были недолговѣчны: появлялись, исчезали и снова возникали подъ другими позваниями; и, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ были превосходны, никто ихъ не зналъ за предѣлами Италии.

Поэтому Юрская Федерація, съ ея газетами на французскомъ языке, стала очагомъ, гдѣ поддерживался и фор, мулировался въ латинскихъ странахъ тотъ духъ, который повторяю это снова, спасъ Европу отъ мрачнаго периода реакціи. Юрская Федерація явилась также почвой, на которой теоретическія положенія анархизма были разработаны Бакунинымъ и его послѣдователями на языкѣ, понятномъ на материкѣ Европы.

III.

Въ то время къ Юрской Федераціи принадлежало нѣсколько замѣчательныхъ людей различныхъ національностей, большею частью личные друзья Бакунина. Редакторъ нашей главной газеты «Bulletin de la Fédération Jurassienne» былъ Джемсъ Гильомъ, учитель по профессіи, принадлежавшій къ одной изъ старинныхъ фамилій Невшателя. Средняго роста и худощавый, напоминавшій нѣсколько Робеспьера жесткою внѣшностью и рѣшительностью ума, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладалъ золотымъ сердцемъ, которое раскрывалось только въ интимной дружбѣ. Онъ былъ прирожденный руководитель людей по изумительной способности работать и по своей упорной дѣятельности. Восемь лѣтъ боролся онъ со всякими препятствіями, чтобы поддержать существованіе газеты, принимая въ то же время самое дѣятельное участіе во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ Федераціи, покуда ему не пришлось оставить Швейцарію, гдѣ онъ не могъ болѣе найти никакой работы. Тогда онъ поселился во Франціи, и здѣсь его имя со временемъ будетъ упомянуто съ почтеніемъ въ исторіи освобожденія народной школы отъ поповъ.

Адэмаръ Швицгебель, тоже швейцарецъ родомъ, былъ типичный представитель тѣхъ веселыхъ, жизнерадостныхъ проницательныхъ часовщиковъ изъ французской Юры, которыхъ можно встрѣтить въ предгорьяхъ бернскаго кантона. Гравировщикъ часовыхъ крышекъ по ремеслу, онъ никогда не пытался оставить ручного труда, и, вѣчно веселый и дѣятельный, поддерживалъ свою большую семью, даже во время кризисовъ, когда въ работѣ бывалъ застой и заработка становились очень скучны. Швицгебель обладалъ поразительной способностью схватить сразу трудный политический или экономический вопросъ и, хорошенько обдумавъ его, изложить ясно, просто, съ точки зрѣнія

рабочаго, не отнимая у него при этомъ ни глубины, ни значенія. Его знали вездѣ «въ горахъ», и при встрѣчахъ на конгрессахъ съ рабочими другихъ странъ онъ всегда былъ общимъ любимцемъ.

Прямую противоположность Швицгебелю составлялъ другой швейцарецъ, тоже часовщикъ, Шпикигеръ. Онъ былъ философъ, медлителенъ въ движеніяхъ и въ мысли, англичанинъ по наружности. Во всякомъ вопросѣ Шпикигеръ стремился добраться до самаго корня и поражалъ нась вѣрностью своихъ выводовъ, къ которымъ доходилъ всестороннимъ размышленіемъ, въ то время какъ онъ просиживалъ дни за своимъ гильошѣрнымъ станкомъ.

Вокругъ этихъ трехъ людей группировалось нѣсколько серьезныхъ, развитыхъ работниковъ—иные среднихъ лѣтъ, другіе старики, всѣ страстно любившіе свободу и съ восторгомъ принявшіе участіе въ такомъ великомъ движеніи, и еще около сотни цылкихъ, бойкихъ молодыхъ людей, тоже большою частью изъ часовщиковъ. Всѣ они отличались независимостью образа мыслей, ласковостью и горячею преданностью дѣлу, ради которого готовы были на всякія жертвы.

Нѣсколько бывшихъ коммунаровъ, жившихъ въ изгнаніі, пристали къ федераціі. Въ числѣ ихъ былъ великий географъ Элизэ Реклю, типичный пуританинъ со своихъ манерахъ и въ жизни, а съ интеллектуальной точки зрѣнія—французскій философъ-энциклопедистъ XVIII вѣка; вдохновитель другихъ, который никогда не управлялъ и никогда не будетъ управлять никѣмъ; анархистъ, котораго анархизмъ является выводомъ изъ широкаго и основательнаго изученія формъ жизни человѣчества во всѣхъ климатахъ и на всѣхъ ступеняхъ цивилизациі; чьи книги считаются въ числѣ лучшихъ произведеній XIX вѣка, и чей стиль поражаетъ красотой и волнуетъ умъ и совѣсть. Когда онъ входитъ въ редакцію анархической газеты, то первый его вопросъ—хотя бы редакторъ былъ мальчикъ по сравненію съ нимъ: «Скажите, что мнѣ дѣлать?» И, получивъ отвѣтъ, онъ садится, какъ простой газетный чернорабочій, чтобы заполнить столько-то строкъ для слѣдующаго номера. Во время Коммуны Реклю просто взялъ ружье и сталъ въ ряды. А когда онъ приглашалъ сотрудника для какого-нибудь тома своей всемирно известной географіи и тотъ робко спрашивалъ: «Что мнѣ нужно дѣлать?» Реклю отвѣчалъ: «Вотъ книги, вотъ столъ. Дѣлайте, какъ хотите».

Товарищемъ его былъ пожилой Лефрансэ, бывшій учитель, трижды находившійся въ изгнаніи: послѣ юньскихъ дней 1848 года, послѣ наполеоновскаго государственного переворота и послѣ 1871 года. Онъ былъ членомъ Коммуны, то-есть изъ числа тѣхъ, о которыхъ говорили, что они послѣ Коммуны унесли въ своихъ карманахъ миллионы франковъ. О достовѣрности этихъ утвержденій буржуазной прессы можно судить по тому, что Лефрансэ работалъ, какъ багажный, на желѣзнодорожной станціи въ Лозаннѣ и разъ едва не былъ убитъ при разгрузкѣ, требовавшей болѣе молодыхъ плечъ, чѣмъ его. Книга Лефрансэ о парижской Коммунѣ—единственная, въ которой дѣйствительное историческое значеніе движенія представлено въ настоящемъ свѣтѣ.

— Я коммуналистъ, а не анархистъ, если вамъ угодно,— говорилъ онъ.— Я не могу работать съ такими безумцами, какъ вы!— А между тѣмъ, онъ не работалъ ни съ кѣмъ, какъ только съ нами, «потому что вы, безумцы,— говорилъ онъ,— именно тѣ люди, которыхъ я могу любить. Съ вами можно работать, оставаясь самимъ собою».

Съ нами жилъ еще другой членъ парижской Коммуны— Пэнди, плотникъ изъ сѣверной Франціи, приемное дитя Парижа. Онъ пріобрѣлъ большую известность въ Парижѣ своей энергией и яснымъ умомъ во время одной большой стачки, поддержанной Интернаціоналомъ вскорѣ послѣ основанія Союза рабочихъ. Въ 1871 году его выбрали членомъ Коммуны, которая назначила его комендантомъ тюильрійского дворца. Когда версальскія войска вступили уже въ Парижъ, истребляя плѣнныхъ сотнями,—въ разныхъ концахъ города разстрѣляли, по крайней мѣрѣ, троихъ, которыхъ приняли за Пэнди. Послѣ битвы его укрыла, однако, храбрая девушка-швея, своимъ хладнокровiemъ спасшая его, когда солдаты пришли обыскивать домъ. Впослѣдствіи она стала его женой. Только годъ спустя имъ удалось незамѣтно выбраться изъ Парижа и добраться до Швейцаріи. Здѣсь онъ изучилъ ремесло пробирщика. Цѣлые дни проводилъ онъ теперь у раскаленного горна, вечера же всецѣло отдавалъ пропагандѣ, въ которой удивительно сочеталъ страсть революціонера съ здравымъ смысломъ и организаторской способностью, характеризующими парижскихъ рабочихъ.

Поль Бруссѣ былъ тогда молодой докторъ, необыкновенно живаго ума, шумный, Ѳдкій и живой, готовый развить

любую идею съ геометрической последовательностью до крайнихъ ея предѣловъ. Его критика государства и государственныхъ учреждений отличалась особой юдкостью и силой. Бруссъ находилъ время издавать двѣ газеты, одну французскую, другую—нѣмецкую (не зная нѣмецкаго), писать десятки длинныхъ писемъ и быть душою рабочихъ вечеринокъ. Онъ постоянно былъ занятъ организацией новыхъ группъ, со всею тонкостью ума настоящаго южанина.

Изъ итальянцевъ, работавшихъ съ нами въ Швейцаріи, въ особенности замѣчательны два близкихъ друга Бакунина: Кафіеро и Малатеста, имена которыхъ всегда упоминаются вмѣстѣ и будуть поминаться въ Италии не однимъ поколѣніемъ. Кафіеро—возвышенный и чистый идеалистъ, отдавшій все свое состояніе общему дѣлу и никогда не задававшійся вопросомъ, чѣмъ онъ будетъ жить потомъ; мыслитель, вѣчно погруженный въ философскія соображенія; человѣкъ самый незлобивый, а между тѣмъ онъ взялся за ружье и пошелъ въ горы Беневенто, когда онъ и друзья его рѣшили, что надо сдѣлать попытку соціалистического возстанія, хотя бы только съ цѣлью доказать народу, что крестьянскій бунтъ долженъ быть серьезнѣе простаго возмущенія противъ сборщиковъ податей. Малатеста,—бывшій студентъ медицины, отказавшійся отъ ученой профессіи и отъ состоянія ради революціи: чистый идеалистъ, полный жара и ума. За всю свою жизнь (ему теперь больше пятидесяти) онъ никогда не думалъ о томъ, будетъ ли у него кусокъ хлѣба на обѣдь, и мѣсто, гдѣ переночевать сегодня. Не имѣя своего угла, онъ готовъ продавать мороженое на улицахъ Лондона, чтобы заработать на хлѣбъ, а по ночамъ будетъ писать блестящія статьи для итальянскихъ газетъ. Во Франціи его посадили въ тюрьму, освободили и изгнали; въ Италии онъ былъ вторично осужденъ и сосланъ на островъ, откуда бѣжалъ, и снова подъ другимъ именемъ явился въ Италию. Малатесту всегда можно найти тамъ, гдѣ борьба кипитъ особенно жарко: все равно—на родинѣ или въ ея. И эту жизнь онъ ведетъ вотъ уже тридцать лѣтъ. И когда мы встрѣчаемъ Малатесту, послѣ освобожденія изъ тюрьмы или послѣ побѣга съ острова, мы находимъ его такимъ же бодрымъ, какимъ видѣли его въ послѣдній разъ. Вѣчно онъ готовъ начать съзнова борьбу; постоянно онъ поражаетъ тою же любовью къ человѣчеству и тѣмъ же отсутствиемъ ненависти къ своимъ противникамъ и тюремщикамъ; всегда

у него готова сердечная улыбка для друзей и ласка для ребенка.

Среди насъ было очень мало русскихъ, потому что большинство соотечественниковъ шло за соціаль-демократами. Съ нами находился, однако, старый другъ Герцена, Н. И. Жуковскій, оставившій Россію въ 1863 году: блестящій, изящный человѣкъ, очень умный и большой любимецъ рабочихъ. Больше, чѣмъ кто бы то ни было изъ нась, онъ имѣлъ, что французы называютъ *l'oreille du peuple*. Рабочіе всегда слушали его охотно, такъ какъ онъ умѣлъ зажечь сердца народа, показывая ему то важное участіе, которое онъ долженъ принять въ переустройствѣ общества. Онъ умѣлъ поднять настроеніе, открывая работникамъ блестящія историческія перспективы; умѣлъ сразу освѣтить самый запутанный экономической вопросъ и наэлектризовать слушателей своею искренностью и убѣжденностью. Временно работалъ также съ нами бывшій офицеръ генерального штаба Н. В. Соколовъ, поклонникъ Поля Луи Курье за его смѣлость и Прудона за его философскіе взгляды. Соколовъ обратилъ многихъ въ Россіи въ соціализмъ своими статьями въ «Русскомъ Словѣ» и книгой «Отщепенцы».

Упоминаю только тѣхъ, которые получили широкую извѣстность какъ писатели, какъ делегаты на конгрессахъ, или какъ организаторы. А между тѣмъ я спрашиваю себя, не лучше ли писать о тѣхъ, которые никогда не печатались, но тѣмъ не менѣе принимали такое же важное участіе въ жизни федераціи, какъ любой изъ писателей? не лучше ли помянуть рядовыхъ бойцовъ, всегда готовыхъ примкнуть ко всякому предпріятію, никогда не задаваясь вопросомъ, будетъ ли дѣло крупно или мелко, славно или скромно? будетъ ли оно имѣть великія послѣдствія или только принесетъ безконечныя тревоги имъ и ихъ семействамъ?

Я долженъ былъ бы также упомянуть о нѣмцахъ Вернерѣ и Ринке, которые пѣшкомъ пропутешествовали на конгрессъ изъ Швейцаріи въ Бельгію; объ испанцѣ Альбарасинѣ, студентѣ, котораго стачка въ Алькоѣ вынесла главою Алькойской коммуны, и про многихъ другихъ; но боюсь, что мои бѣглые наброски не смогутъ внушить читателямъ всего того чувствауваженія и любви, съ которымъ относились къ этой маленькой семье всѣ, знавшіе членовъ ея лично.

IV.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ швейцарскихъ городовъ Шо-де-фонъ, быть-можетъ, наименѣе привлекательный. Онъ лежитъ на высокомъ плоскогоріи, совершенно лишенному растительности, и открыть для пронизывающаго вѣтра, дующаго здѣсь зимой. Снегъ здѣсь выпадаетъ такой же глубокій, какъ въ Москвѣ, а таетъ и падаетъ онъ снова такъ же часто, какъ въ Петербургѣ. Но намъ было важно распространить наши идеи въ этомъ центрѣ и предать больше жизни мѣстной пропагандѣ. Здѣсь жили Пэнди, Шпихигеръ, Альбарамасинъ и бланкисты Ферре и Жало. Время от времени я могъ навѣщать отсюда Гильома въ Невшателѣ и Швицгебеля въ долинѣ Сантъ-Имье.

Для меня началась жизнь, полная любимой дѣятельности. Мы устраивали многочисленныя сходки, для которыхъ сами разносали афиши по кофэ и мастерскимъ. Разъ въ недѣлю собиралась наша секція, и здѣсь поднимались самыя оживленныя разсужденія. Отправлялись мы также проповѣдывать анархизмъ на собранія, созываемыя политическими партіями. Я разъѣзжалъ очень много, навѣщая другія секціи и помогалъ имъ.

Въ ту зиму мы заручились симпатіями многихъ, хотя сильной помѣхой правильной работе являлся кризисъ въ часовомъ дѣлѣ. Половина работниковъ сидѣла безъ работы, или была занята только нѣсколько часовъ въ недѣлю. Поэтому муниципалитетамъ пришлось открыть дешовыя столовыя. Кооперативная мастерская, основанная въ Шо-де-фонѣ анархистами, въ которой заработки распредѣлялись поровну между участниками, съ большимъ трудомъ доставала себѣ работы, несмотря на свою почтѣную репутацію. Шпихигеру,—одному изъ лучшихъ гильошёровъ,—пришлось даже нѣкоторое время зарабатывать средства къ жизни расческой шерсти для одного обойщика.

Мы всѣ въ томъ году, приняли участіе въ демонстраціи съ краснымъ знаменемъ въ Бернѣ. Волна реакцій дошла и до Швейцаріи и, наперекоръ конституції, бернская полиція воспретила носить рабочее знамя на улицахъ. Необходимо было показать поэтому, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работники не допустятъ попранія своихъ правъ и станутъ сопротивляться. Въ день годов-

щины парижской Коммуны мы всѣ отправились въ Бернъ, чтобы, несмотря на запрещеніе, пройти по улицамъ съ красными знаменами. Конечно, произошло столкновеніе съ полиціей, въ которомъ два товарища получили сабельные удары, а два полицейскихъ были ранены довольно тяжело. Но одно красное знамя донесли-таки благополучно до залы, гдѣ состоялся восторженный митингъ. Нечего прибавлять, что такъ называемые вожаки были въ рядахъ и дрались вмѣстѣ со всѣми. Къ отвѣтственности было привлечено около тридцати швейцарскихъ гражданъ, которые всѣ сами заявляли слѣдователю, что приняли участіе въ демонстраціи, и требовали, чтобы ихъ судили. Ранившіе полицейскихъ немедленно выступили впередъ и заявили, что это сдѣлали они. Судъ пробудилъ не малую симпатію къ нашему дѣлу. Многіе поняли, что всѣ вольности нужно упорно защищать, чтобы ихъ не отняли. Приговоръ поэтому былъ сравнительно мягкий и не превосходилъ трехмѣсячнаго заключенія.

Однако бернское правительство воспретило, вслѣдъ за этимъ, красное знамя во всемъ кантона. Тогда Юрская Федерація рѣшила выступить съ нимъ, несмотря на всѣ запрещенія, въ Сэнтъ-Имьѣ, гдѣ долженъ быть состояться нашъ годичный конгрессъ, и защищать его, въ случаѣ надобности, съ оружиемъ въ рукахъ. На этотъ разъ мы были вооружены и приготовились защищать наше знамя до послѣдней крайности. На одной изъ площадей, по которымъ мы должны были пройти, расположился полицейскій отрядъ, чтобы остановить нашу процессію, а въ соѣднѣемъ полѣ взводъ милиціи упражнялся въ учебной стрѣльбѣ. Мы хорошо слышали выстрѣлы стрѣлковъ, когда проходили по улицамъ города. Но когда наша процессія появилась, подъ звуки военной музыки, на площади, и ясно было, что полицейское вмѣшательство вызоветъ серьезное кровопролитіе, мэръ предоставилъ намъ спокойно итти. Мы, такимъ образомъ, безпрепятственно дошли до залы, гдѣ и состоялся нашъ митингъ. Никто изъ нась особенно не желалъ столкновенія; но подъемъ, созданный этимъ шествіемъ въ боевомъ порядкѣ, при звукахъ военной музыки, былъ таковъ, что трудно сказать,—какое чувство преобладало среди нась, когда мы добрались до залы: облегченіе ли, что боевой схватки не произошло, или же сожалѣніе о томъ, что все обошлось такъ тихо. Человѣкъ—крайне сложное существо.

Главная наша дѣятельность состояла, впрочемъ, въ формулировкѣ соціалистического анархизма, въ теоріи и въ практическихъ его приложеніяхъ. И въ этомъ направлении Юрская Федерація выполнила работу, которая не умретъ.

Мы замѣчали, что среди культурныхъ націй зарождается новая форма общества на смѣну старой: общество равныхъ между собою. Члены его не будутъ болѣе вынуждены продавать свой трудъ и свою мысль тѣмъ, которые теперь нанимаютъ ихъ по своему личному усмотрѣнію. Они смогутъ прилагать свои знанія и способности къ производству на пользу всѣхъ; и для этого они будутъ складываться въ организмы, такъ устроенные, чтобы сочетать наличныя силы для производства наивозможнѣйшей суммы благо-
востоянія для всѣхъ, при чемъ, въ то же время, личному почину будетъ предоставленъ полнѣйшій просторъ. Это общество будетъ состоять изъ множества союзовъ, объединенныхъ между собою для всѣхъ цѣлей, требующихъ объединенія:—изъ промышленныхъ Федерацій для всякаго рода производства: земледѣльческаго, промышленнаго, умственнаго, художественнаго; и изъ потребительныхъ общинъ которыхъ займутся всѣмъ, касающимся, съ одной стороны, устройства жилищъ и санитарныхъ улучшеній, а съ другой—снабженіемъ всего касающагося пищи, одежды и прочаго.

Возникнуть также федераціи общинъ между собою и потребительныхъ общинъ съ производительными союзами. И наконецъ, возникнуть еще болѣе широкіе союзы, покрывающіе всю страну, или нѣсколько странъ, члены которыхъ будутъ соединяться для удовлетворенія экономическихъ, умственныхъ, художественныхъ и нравственныхъ потребностей, не ограничивающихся одною только страною. Всѣ эти союзы и общины будутъ соединяться по свободному соглашенію между собою. Такъ уже работаютъ теперь сообща желѣзнодорожныя компаніи, или же почтовыя учрежденія различныхъ странъ, не имѣя центральнаго желѣзнодорожнаго или почтоваго департамента, хотя первыя руководятся исключительно эгоистическими цѣлями, а вторыя принадлежать различнымъ и часто враждебнымъ государствамъ. Такъ же дѣйствуютъ метеорологическая учрежденія, горные клубы, англійскія спасательныя станціи, кружки велосипедистовъ, преподавателей, литераторовъ и такъ далѣе, соединяющіеся для всякаго рода

общей работы, а то, попросту, и для удовольствія. Развитію новыхъ формъ производства и всевозможныхъ организацій будетъ предоставлена полная свобода; личный починъ будетъ поощряться, а стремленіе къ однородности и централизаціи будетъ задерживаться. Кромѣ того, это общество отнюдь не будетъ закристаллизовано въ какую-нибудь неподвижную форму: оно будетъ, напротивъ, безпрерывно измѣнять свой видъ, потому что оно будетъ живой, развивающейся организмъ. Ни въ какомъ правительствѣ не будетъ тогда представляться надобности, такъ какъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые правительство теперь считаетъ подлежащими своей власти, его замѣнить вполнѣ свободное соглашеніе и союзный договоръ; случаи же столкновеній неизбѣжно уменьшатся, а тѣ, которыхъ будутъ возникать, могутъ разрѣшаться третейскимъ судомъ.

Никто изъ настѣ не уменьшалъ важности и величія той перемѣны, которая намъ рисовалась впереди. Мы понимали, что ходячіе взгляды о необходимости частной собственности на землю, фабрики, коши, жилища и такъ далѣе, для развитія прогресса промышленности, и о системѣ заработной платы, какъ средствѣ заставить людей работать, еще не скоро уступятъ мѣсто болѣе высокимъ понятіямъ обѣ общественной собственности и производствѣ. Мы знали, что предстоитъ утомительный періодъ пропаганды, затѣмъ долгая борьба и рядъ индивидуальныхъ и колективныхъ возмущеній противъ нынѣшней формы владѣнія собственностью; что нужны личныя жертвы, отдельные попытки переустройства и мѣстныя революціи,— прежде чѣмъ измѣнятся установившіеся теперь взгляды на собственность. Тѣмъ болѣе понимали мы, что культурные народы не захотятъ и не смогутъ отказаться разомъ отъ господствующихъ теперь идей о необходимости власти, на которыхъ мы все воспитались. Понадобятся многолѣтняя пропаганда и длинный рядъ отдельныхъ возмущеній противъ властей, а также полный пересмотръ всѣхъ тѣхъ ученій, которая извлекаются теперь изъ исторіи, прежде чѣмъ люди поймутъ, какъ они ошибались, когда приписывали своему правительству и законамъ то, что въ дѣйствительности является результатомъ ихъ собственныхъ привычекъ и общественныхъ инстинктовъ. Мы знали все это. Но мы знали также, что проповѣдя преобразованіе въ обоихъ этихъ направленіяхъ, мы будемъ ити съ прогрессомъ, а не противъ него.

Когда я ближе познакомился съ западно-европейскими рабочими и съ симпатизирующими имъ людьми изъ интеллигенціи, я скоро убѣдился, что они цѣнятъ личную свободу гораздо выше, чѣмъ личное благосостояніе. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ рабочіе готовы были продать свою личную свободу всякаго рода правителямъ и даже какому-нибудь Цезарю, въ обмѣнъ за обѣщаніе материальныхъ благъ. Но теперь этого нѣтъ. Я убѣдился, что слѣпая вѣра въ выборныхъ правителей, даже если они взяты изъ лучшихъ вожаковъ рабочаго движенія, вымираетъ у работниковъ латинскихъ расъ. «Мы, прежде всего, должны узнать, что намъ нужно, а тогда мы это лучше всего сдѣлаемъ сами», говорили они; и эта мысль была сильно распространена среди работниковъ,—гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было бы предположить. Въ уставѣ Интернаціонала начилось: «Освобожденіе работниковъ должно быть выполнено ими самими», и эта мысль пустила глубокіе корни въ умахъ. Печальный опытъ парижской Коммуны вполнѣ подтверждалъ ее.

Когда началось восстаніе Коммуны, многіе изъ среднихъ классовъ готовы были сами начать попытки въ соціалистическомъ направленіи, или, по крайней мѣрѣ, не противиться имъ. — «Когда мы съ братомъ выходили изъ нашихъ маленькихъ комнатъ на улицу, — сказалъ мнѣ однажды Элизэ Реклю, — люди изъ зажиточныхъ классовъ спрашивали насъ со всѣхъ сторонъ: «Говорите, что дѣлать? Мы готовы попытаться на новомъ пути». Но мы (и тутъ онъ ударилъ себя по лбу) тогда не знали, что имъ сказать».

Ни одно правительство не имѣло въ своемъ составѣ столько представителей крайнихъ партій, какъ Совѣтъ Коммуны, избранный 25 марта 1871 года. Въ немъ были представлены, въ соотвѣтствующей пропорціи, всѣ оттѣнки революціонныхъ мнѣній: бланкисты, якобинцы, интернаціоналисты. А между тѣмъ, такъ какъ сами рабочіе не имѣли определенныхъ взглядовъ на соціальныя реформы, то они и не могли внушить ихъ своимъ представителямъ; и потому правительство Коммуны ничего не сдѣлало въ этомъ направленіи. Его парализовалъ уже самый фактъ оторванности отъ массъ и пребыванія въ Городской Думѣ... И думая объ этомъ, мы понимали, что ради самого успѣха соціализма обязательно проповѣждывать идеи беззначалія, самодѣятельности и свободной личной ініціативы,—однимъ

словомъ, идеи анархизма, рядомъ съ идеями о соціалізації собственности и производства.

Мы, конечно, предвидѣли, что при полной свободѣ мысли и дѣйствія для каждой личности, мы неизбѣжно встрѣтимся съ нѣкоторымъ крайнимъ преувеличніемъ нашихъ принциповъ. Я видѣлъ уже нѣчто подобное въ русскомъ нигилизмѣ. Но мы рѣшили—и опытъ доказалъ, что мы не ошиблись,—что сама общественная жизнь, при наличности открытой и прямой критики мнѣній и дѣйствій, устранитъ по-немногу крайнія преувеличенія. Мы дѣйствовали въ сущности, согласно старому правилу, гласящему, что свобода—наиболѣе вѣрное средство противъ временныхъ неудобствъ, проистекающихъ изъ свободы. Дѣйствительно, въ человѣчествѣ есть ядро общественныхъ привычекъ, доставшееся ему по наслѣдству отъ прежнихъ временъ, и недостаточно еще опѣненное. Не по принужденію держатся эти привычки въ обществѣ, такъ какъ онѣ выше и древнѣе всяаго принужденія. Но на нихъ основанъ весь прогрессъ человѣчества, и до тѣхъ поръ, покуда человѣчество не начнетъ вырождаться физически и умственно, эти привычки не могутъ быть уничтожены ни критикой людей, отрицающихъ ходячую нравственность, ни временнымъ возмущеніемъ противъ нихъ. Въ этихъ возврѣніяхъ я убѣжался все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ росло мое знакомство съ людьми и съ жизнью.

Мы понимали въ то же время, что необходимыя перемѣны въ этомъ направленіи не могутъ быть вызваны однимъ какимъ-нибудь человѣкомъ, хотя бы и самымъ геніальнымъ. Онѣ являются результатомъ не научнаго открытия и не откровенія, а послѣдствиемъ созидательной работы самихъ народныхъ массъ. Народными массами—не отдѣльными геніями—выработаны были средневѣковое обычное право, деревенская община, гильдія, артель, средневѣковой городъ и основы международнаго права.

Многіе изъ нашихъ предшественниковъ пытались нарисовать идеальную республику, основывая ее то на принципѣ власти, то въ рѣдкихъ случаяхъ, на принципѣ свободы. Робертъ Оуэнъ и Фурье дали миру свой идеаль свободнаго, органически развивающагося общества, въ противоположность идеальной общественной пирамидѣ, внушенной Римскою имперіею и католической церковью. Прудонъ продолжалъ работу Фурье и Оуэна, а Бакунинъ при-

м'ниль свое ясное и широкое пониманіе философии исторії къ критикѣ современныхъ учрежденій, «создавая въ то же время, какъ разрушалъ». Но все это было только подготовительной работой.

Международный Рабочій Союзъ прим'ниль новый методъ разрѣшенія задачъ практической соціологии путемъ обращенія къ самимъ рабочимъ. Образованные люди, присоединившіеся къ Союзу, брались только объяснять рабочимъ, что происходит въ различныхъ странахъ, разбирать добытые результаты и впослѣдствіи помогать работникамъ точно выразить свои заключенія. Мы не брались выводить изъ нашихъ теоретическихъ взглядовъ, каково должно быть идеальное общество; мы только приглашали рабочихъ изслѣдовать причины настоящаго зла и выработать на своихъ сходкахъ и конгрессахъ практическія основы лучшаго общественного строя. Велось же обсужденіе такъ: вопросы, поднятые на международномъ съездѣ, рекомендовались всѣмъ рабочимъ союзамъ, какъ предметъ для изученія въ теченіе слѣдующаго года. Они обсуждались тогда во всей Европѣ, на небольшихъ сходкахъ отдѣловъ (секцій), соответственно съ мѣстными нуждами каждой отрасли промышленности. Затѣмъ, работы отдѣловъ представлялись съѣзду каждой федераціи, и наконецъ, въ болѣе обработанной формѣ, вносились на ближайшій международный съездъ всего Союза. Такимъ образомъ, снизу вырабатывались теоретическія и практическія основы того общества, къ которому мы стремились. И Юрская Федерація приняла широкое участіе въ выработкѣ идеаловъ коллективистовъ и анархистовъ.

Что касается меня самого, то, находясь въ столь благопріятныхъ условіяхъ, я мало-по-малу пришелъ къ заключенію, что анархизмъ—нѣчто большее, чѣмъ простой способъ дѣйствія, или чѣмъ идеалъ свободного общества. Онъ представляетъ собою, кромѣ того, философію, какъ природы, такъ и общества, которая должна быть развита совершенно другимъ путемъ, чѣмъ метафизическимъ или діалектическимъ методомъ, прим'нявшимся въ былое время къ наукамъ, разсуждающимъ о человѣкѣ. Я видѣлъ, что анархизмъ долженъ быть построенъ тѣми же методами, какие прим'няются въ естественныхъ наукахъ; но не на скользкой почвѣ простыхъ аналогій, какъ это дѣлаетъ Герберть Спенсеръ, а на солидномъ фундаментѣ индукціи, прим'ненной

къ человѣческимъ учрежденіямъ. И я сдѣлалъ все, что могъ, въ этомъ направленіи.

V.

Осенью 1877 года въ Бельгіі состоялось два конгресса: одинъ—Интернаціонала въ Вервье, другой—международный соціалистический конгрессъ въ Гентѣ. Послѣдній былъ въ особенности важенъ, такъ какъ стало извѣстно, что германскіе соціаль-демократы сдѣлаютъ попытку захватить все рабочее движение въ Европѣ въ одну организацію, главою которой будетъ центральный комитетъ, составляющій продолженіе старого Генеральнаго совѣта Интернаціонала, но только подъ новымъ названіемъ. Поэтому необходимо было отстоять автономію рабочихъ организацій въ латинскихъ странахъ, и мы сдѣлали все возможное, чтобы послать достаточное число делегатовъ на конгрессъ. Я поѣхалъ подъ именемъ Левашева; два нѣмца—наборщикъ Вернеръ и механикъ Ринке—прошли пѣшкомъ почти весь путь отъ Базеля до Бельгіі. И хотя нась было всего только девять анархистовъ въ Гентѣ, намъ удалось помѣшать осуществленію централизаціоннаго проекта.

Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка; состоялся рядъ международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ, и на каждомъ изъ нихъ поднималась одна и та же борьба: соціаль-демократы пытались завербовать все рабочее движение Европы подъ свое знамя и подчинить своему контролю; анархисты же возставали противъ этого и старались помѣшать этому. Сколько силь истрачено понапрасну! сколько высказано горькихъ словъ, какъ дробятся силы! И все это потому, что стремящіеся къ «завоеванію власти въ существующемъ государствѣ» не понимаютъ, что дѣятельность въ этомъ направленіи не можетъ вмѣстить въ себя *все* соціалистическое движение! Съ самаго начала соціализмъ сталъ развиваться въ трехъ направленіяхъ, выразителями которыхъ явились Сэнъ Симонъ, Фурье и Робертъ Оуэнъ. Сэнъ Симонизмъ породилъ соціаль-демократію; Фурьеризмъ далъ начало анархизму; а ученіе Оуэна развилось въ Англіи и въ Америкѣ въ трэдъ-юніонизмъ, кооперацію и такъ называемый муниципальный соціализмъ, при чёмъ это движение осталось враждебнымъ государственному соціализму соціаль-демократовъ, имѣя при этомъ точки соприкосновенія съ анархизмомъ. Но вслѣдствіе нежеланія понять,

что все три движения стремятся къ общей цѣли тремя различными путями, при чемъ два послѣднихъ движений впослѣдствіи свой цѣнныій вкладъ въ прогрессъ,—явилось то, что двадцать-пять лѣтъ было затрачено на осуществленіе неосуществимой утопіи, которую представило бы собою единое рабочее движение по соціалъ-демократическому образу.

Гентскій конгрессъ кончился для меня неожиданно.

Черезъ три или четыре дня послѣ начала его бельгійская полиція узнала, кто такой Левашевъ, и получила приказъ арестовать меня за нарушеніе полицейскихъ постановленій, которое я совершилъ, назвавшись въ гостиницѣ вымышленнымъ именемъ. Мои бельгійскіе друзья предупредили меня. Они утверждали, что клерикальное министерство, находившееся у власти, способно выдать меня Россіи, и настаивали на томъ, чтобы я немедленно оставилъ конгрессъ. Друзья не позволили мнѣ даже возвратиться съ одного большого митинга въ гостиницу. Гильомъ загородилъ мнѣ дорогу, заявивши, что онъ силой воспротивится тому, чтобы я шелъ въ гостиницу. Пришлось мнѣ направиться въ другую сторону съ нѣсколькими гентскими товарищами, и какъ только я присоединился къ нимъ, со всѣхъ сторонъ темной площади, на которой находились группы рабочихъ, раздались свистки и перекликанья вполголоса. Все это имѣло очень таинственный видъ. Наконецъ, послѣ долгаго перешептыванья и тихаго пересвистыванья, группа товарищѣй повела меня подъ конвоемъ къ работнику соціалъ-демократу, гдѣ мнѣ предстояло переночевать, и гдѣ меня, анархиста, приняли самымъ трогательнымъ образомъ, какъ брата. На слѣдующее утро я опять уѣхалъ въ Англію и, вновь высаживаясь на берегахъ Темзы, я, помнится, вызвалъ добродушную улыбку у англійского таможеннаго чиновника. Онъ непремѣнно желалъ осмотрѣть мой баражъ, а я могъ показать ему только крошечный ручной сакъ-вояжъ.

Въ этотъ разъ я опять недолго оставался въ Лондонѣ. По богатымъ матеріаламъ Британскаго музея я принялъся за изученіе Французской Революціи,—именно, какъ начинаются революціи. Но это меня не удовлетворяло; мнѣ нужна была болѣе живая дѣятельность, и я скоро отправился въ Парижъ. Послѣ безпощаднаго усмиренія восстанія Коммуны, здѣсь начинало пробуждаться рабочее движение, и мнѣ удалось принять въ немъ участіе. Вмѣстѣ съ итальянцемъ Костой, нѣсколькими французскими рабочими

анархистами и Жюль Гедомъ, съ его товарищами, которые въ то время еще не были узко - партійными соціаль-демократами и отрицали парламентскую дѣятельность, мы основывали первыя соціалистические группы.

Начали мы съ очень небольшого. Человѣкъ по пяти, по шести мы встрѣчались въ кафѣ; а когда намъ удавалось собрать сотню рабочихъ на митингъ, мы уже ликовали. Никто не могъ предвидѣть тогда, что черезъ два года движеніе такъ разрастется. Но во Франціи дѣла развиваются особымъ путемъ. Когда реакція беретъ верхъ, всѣ видимые слѣды движенія исчезаютъ; лишь немногіе энтузіасты пробуютъ плыть противъ теченія. Но вотъ, какимъ-то таинственнымъ путемъ, черезъ посредство невидимаго влиятыванія идей, реакція подточена. Зарождается новое теченіе, и потомъ вдругъ оказывается, что идея, которую всѣ считали уже мертвой, была жива все время, росла и распространялась. И какъ только открытая агитациія становится возможной, выдвигаются сразу тысячи сторонниковъ, существованія которыхъ никто не подозрѣвалъ. «Въ Парижъ,—говорилъ старикъ Бланки,—всегда есть пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, которые не принимаютъ никакого участія въ сходкахъ и демонстраціяхъ; но, какъ только они почувствуютъ, что народъ можетъ выйти на улицу и тамъ заявить свое мнѣніе, они тотчасъ же являются и, если нужно, идутъ на штурмъ». Такъ оно было и тогда. Насъ было не больше двадцати человѣкъ, чтобы вести движеніе, и мы имѣли не болѣе двухсотъ открытыхъ сторонниковъ. На первыхъ поминкахъ Коммуны, въ мартѣ 1878 года, насъ было не больше двухсотъ человѣкъ. Но два года спустя пришла амністія для коммунаровъ, и все рабочее населеніе Парижа высышало на улицы, чтобы привѣтствовать возвращающихся. Оно толпилось на ихъ митингахъ и восторженно принимало изгнанниковъ. Соціалистическое движение сразу выросло и увлекло за собою радикаловъ.

Въ апрѣль 1878 года пора оживленія еще не пришла, и въ одну прекрасную ночь арестовали Косту и еще одного товарища-анархиста, француза Педуссо. Полицейскій судь приговорилъ ихъ къ полутора годамъ тюрьмы, какъ членовъ Интернаціонала. Я избѣжалъ ареста только вслѣдствіе ошибки. Полиція искала Левашева и пришла арестовать одного русскаго студента съ очень похожей фамиліей. Я же прописался подъ моимъ настоящимъ именемъ и про-

жилъ въ Парижѣ еще около мѣсяца. Затѣмъ русскіе това-
рищи вызвали меня въ Швейцарію.

VI.

Во время этого пребыванія въ Парижѣ я познакомился съ И. С. Тургеневымъ. Онъ выразилъ желаніе нашему общему пріятелю, П. Л. Лаврову, повидаться со мной и, какъ настоящій русскій, отпраздновать мой побѣгъ небольшимъ дружескимъ обѣдомъ. Я переступилъ порогъ великаго романиста почти съ благоговѣніемъ. Своими «Записками Охотника» онъ оказалъ громадную услугу Россіи, вселивъ отвращеніе къ крѣпостному праву (я тогда не зналъ еще, что Тургеневъ принималъ участіе въ «Колоколѣ»); а послѣдующими своими повѣстями онъ принесъ молодой интеллигентной Россіи не меньшую пользу. Онъ вселилъ высшіе идеалы и показалъ намъ, что такое русская женщина, какая сокровища таятся въ ея сердцѣ и умѣ, и чѣмъ она можетъ быть, какъ вдохновительница мужчины. Онъ наасъ научилъ, какъ лучшіе люди относятся къ женщинамъ, и какъ они любятъ. На меня и на тысячи моихъ современниковъ эта часть ученія Тургенева произвела неизгладимое впечатленіе, гораздо болѣе сильное, чѣмъ лучшія статьи въ защиту женскихъ правъ.

Внѣшность Тургенева хорошо известна. Онъ былъ очень красивъ: высокаго роста, крѣпко сложенный, съ мягкими сѣдыми кудрями. Глаза его свѣтились умомъ и не лишены были юмористического огонька, а манеры отличались той простотой и отсутствіемъ аффектаціи, которая свойственны лучшимъ русскимъ писателямъ. Голова его сразу говорила обѣ очень большомъ развитіи умственныхъ способностей; а когда, послѣ смерти И. С. Тургенева, Поль Беръ и Поль Реклю (хирургъ) взвѣсили его мозгъ, то они нашли, что онъ до такой степени превосходитъ всѣмъ наиболѣе тяжелый изъ извѣстныхъ мозговъ, именно Кювье, что не повѣрили своимъ вѣсамъ и достали новые, чтобы проверить себя.

Въ особенности была замѣчательна бесѣда Тургенева. Онъ говорилъ, какъ и писалъ, образами. Желая развить мысль, онъ прибѣгалъ не къ аргументамъ, хотя былъ мастеръ вести философскій споръ: онъ пояснялъ ее какой-нибудь сценой, переданной въ такой художественной формѣ, какъ будто бы она была взята изъ его повѣсти.

— «Вотъ вы имѣли случай много наблюдать французовъ, пѣмцевъ и другихъ европейцевъ,—какъ-то сказалъ онъ мнѣ.—Вы вѣро замѣтили, что существуетъ неизмѣримая пропасть между многими воззрѣніями иностранцевъ и насъ, русскихъ; есть пункты на которыхъ мы никогда не сможемъ согласиться».

Я отвѣтилъ, что не замѣтилъ такихъ пунктовъ.

— «Нѣтъ, они есть. Ну, вотъ вамъ примѣръ. Разъ какъ-то мы были на первомъ представлѣніи одной новой пьесы. Я сидѣлъ въ ложѣ съ Флоберомъ, Додэ, Золя (не помню точно, назвалъ ли онъ и Додэ и Золя, но одного изъ нихъ онъ упомянулъ навѣро). Всѣ они, конечно, люди передовыхъ взглядовъ. Сюжетъ пьесы былъ вотъ какой. Жена разошлась съ своимъ мужемъ и жила теперь съ другимъ. Въ пьесѣ онъ былъ представленъ отличнымъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ они были совершенно счастливы. Дѣти ея, мальчикъ и дѣвочка, были малютками, когда мать разошлась съ ихъ отцомъ. Теперь они выросли и все время полагали, что сожитель ихъ матери былъ ихъ отецъ. Опѣ обращался съ ними, какъ съ родными дѣтьми: они любили его, и онъ любилъ ихъ. Дѣвушкѣ минуло восемнадцать лѣтъ, а мальчику было около семнадцати. Ну, вотъ, сцена представляется семейное собрание за завтракомъ. Дѣвушка подходитъ къ своему предполагаемому отцу, и тотъ хочетъ поцѣловать ее. Но тутъ мальчикъ, узнавшій какъ-то истину, бросается впередъ и кричитъ:

«Не смѣйтѣ! (N'osez pas!)

Это восклицаніе вызвало бурю въ театрѣ. Раздался взрывъ бѣщеныхъ аплодисментовъ. Флоберъ и другие тоже аплодировали. Я, конечно, былъ возмущенъ.

— «Какъ!—говорилъ я,—эта семья была счастлива... Этотъ человѣкъ лучше обращался съ дѣтьми, чѣмъ: ихъ настоящій отецъ...мать любила его, была счастлива съ нимъ... Да этого дряннаго, испорченного мальчишку слѣдуетъ просто высѣчь.—Но сколько я ни спорилъ съ ними, никто изъ этихъ передовыхъ писателей не понялъ меня».

Я, конечно, былъ совершенно согласенъ съ Тургеневымъ въ его взглядахъ на этотъ вопросъ и замѣтилъ только, что знакомства его были, по преимуществу, въ среднихъ классахъ. Тамъ разница между націями сильно замѣтна. Мои же знакомства были исключительно среди рабочихъ; а всѣ работники и, въ особенности, крестьяне всѣхъ странъ очень похожи другъ на друга.

Говоря это, я былъ, однако, совершенно не правъ. Познакомившись впослѣдствіи поближе съ французскими рабочими, я часто вспоминалъ о справедливомъ замѣчаніи Тургенева. Дѣйствительно, существуетъ глубокая пропасть между взглядами русскихъ на бракъ и тѣмъ понятіями, которыя господствуютъ во Франціи, какъ среди буржуазіи, такъ и среди работниковъ. Во многихъ другихъ отношеніяхъ русскіе взгляды такъ же глубоко разнятся отъ взглядаовъ другихъ народовъ.

Послѣ смерти Тургенева, гдѣ-то было сказано, что онъ собирался написать повѣсть на эту тему. Если онъ началъ еї, то разсказанныя мною сейчасъ сцена непремѣнно должна быть въ его рукописи. Какъ жаль, что Тургеневъ не написалъ этого произведенія! Вполнѣ «Западникъ» по взглядаамъ, онъ могъ бы высказать очень глубокія мысли по предмету, который навѣрное глубоко интересовалъ его всю его жизнь.

Изъ всѣхъ беллетристовъ XIX вѣка Тургеневъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ себѣ равныхъ по художественной отдѣлкѣ и стройности произведеній. Проза его звучна, какъ музыка, какъ глубокая музыка Бетховена; а въ рядѣ его романовъ: «Рудинъ», «Дворянское гнѣздо», «Наканунѣ», «Отцы и Дѣти», «Дымъ» и «Новь», мы имѣемъ быстро развивающуюся картину, «дѣлавшихъ исторію» представителей образованнаго класса, начиная съ 1848 года. Всѣ типы очерчены съ такой философской глубиной и знаніемъ человѣческой природы, и съ такою художественною тонкостью, которыя не имѣютъ ничего равнаго ни въ какой другой литературѣ. Между тѣмъ, большая часть молодежи приняла романъ «Отцы и Дѣти», который Тургеневъ считалъ своимъ наиболѣе глубокимъ произведеніемъ, съ громкимъ протестомъ. Она нашла, что нигилистъ Базаровъ отнюдь не представитель молодого поколѣнія. Многіе видѣли даже въ немъ карикатуру на молодое поколѣніе. Это недоразумѣніе сильно огорчало Тургенева. Хотя примиреніе между нимъ и молодежью состоялось впослѣдствіи въ Петербургѣ, послѣ «Нови», но рана, причиненная этими нападками, никогда не залѣчилаась.

Тургеневъ зналъ отъ Лаврова, что я—восторженный поклонникъ его произведеній, и разъ, когда мы возвращались въ каретѣ послѣ посѣщенія мастерской Антокольского, онъ спросилъ меня, какого я мнѣнія о Базаровѣ. Я откровенно отвѣтилъ: «Базаровъ—великолѣп-

ный типъ нигилизма; но чувствуется, что вы не любите его такъ, какъ любили другихъ героевъ».

— Напротивъ, я любилъ его, сильно любилъ,—съ неожиданнымъ жаромъ воскликнулъ Тургеневъ.—Вотъ пріѣдемъ домой, я покажу вамъ дневникъ, гдѣ записалъ, какъ я плакаль, когда закончилъ повѣсть смертью Базарова.

Тургеневъ, безъ всякаго сомнѣнія, любилъ умственный обликъ Базарова. Онъ до такой степени отождествилъ себя съ нигилистической философіей своего героя, что даже вель дневникъ отъ его имени, въ которомъ описывалъ событія съ базаровской точки зрѣнія. Но я думаю, что Тургеневъ больше восхищался Базаровымъ, чѣмъ любилъ его. Въ блестящей лекціи о Гамлете и Донъ-Кихотѣ онъ раздѣлилъ всѣхъ «двигающихъ исторію» людей на два класса, представленныхъ тѣмъ или другимъ изъ этихъ двухъ типовъ.—«Анализъ прежде всего и эгоизмъ, а потому безвѣріе. Онъ весь живеть для самого себя, онъ эгоистъ; но вѣрить въ себя даже эгоистъ не можетъ», такъ характеризовалъ Тургеневъ Гамлета. Поэтому онъ—скептикъ, и потому никогда ничего не сдѣлаетъ, тогда какъ Донъ-Кихотъ, сражающійся съ вѣтряными мельницами и принимающій бритвенный тазикъ за Мамбриновъ шлемъ (кто изъ насъ не дѣлалъ подобныхъ ошибокъ?)—ведеть за собою массы. Массы всегда слѣдуютъ за тѣмъ, кто, не обращая вниманія ни на насмѣшки большинства, ни на преслѣдованія, твердо идетъ впередъ, не спуская глазъ съ цѣли, которая видна, быть-можетъ, ему одному. Донъ-Кихоты ищутъ, падаютъ, снова поднимаются и, въ концѣ концовъ, достигаютъ. И это вполнѣ справедливо. Однако, «хотя отрицаніе Гамлета сомнѣвается въ добрѣ, но во злѣ оно не сомнѣвается и вступаетъ съ нимъ въ ожесточенный бой»....

«Скептицизмъ Гамлета не есть также индиферентизмъ», «но въ отрицаніи, какъ въ огнѣ, есть истребляющая сила, и эта сила истребляетъ его волю».

Въ этихъ мысляхъ, мнѣ кажется, Тургеневъ далъ ключъ къ пониманію его отношенія къ своимъ героямъ. Онъ и нѣкоторые изъ его лучшихъ друзей были болѣе или менѣе Гамлетами. Тургеневъ любилъ Гамлета и восторгался Донъ-Кихотомъ. Вотъ почему онъ уважалъ также Базарова. Онъ отлично изобразилъ его умственное превосходство, онъ превосходно понялъ трагизмъ одиночества Базарова; но онъ не могъ окружить его тою нѣжностью, тою

поэтической любовью, которую, какъ больному другу, онъ удѣлялъ своимъ героямъ, когда они приближались къ гамлетовскому типу. Такая любовь была бы здѣсь неумѣстна. А мы чувствовали ея отсутствие!

— Знали ли вы Мышкина? — спросилъ онъ меня разъ въ 1878 году. Когда судили наши кружки, сильная личность Мышкина, какъ извѣстно, рѣзко выступила впередъ.

— Я хотѣлъ бы знать все, касающееся его,—продолжалъ Тургеневъ.—Вотъ человѣкъ, ни малѣйшаго слѣда гамлетовщины.—И, говоря это, Тургеневъ, очевидно, обдумывалъ новый типъ, выставленный русскимъ движениемъ и не существовавшій еще въ періодѣ, изображенномъ въ «Нѣви». Типъ этотъ появился года два спустя.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ И. С. Тургенева, не то осенью, не то въ полѣ 1881 года. Онъ былъ уже очень боленъ и мучился мыслью, что его долгъ—написать Александру III, который недавно вступилъ на престоль и колебался еще, какой политикѣ послѣдовать, указать ему на необходимость дать Россіи конституцію. Съ нескрываемой горестью Тургеневъ говорилъ мнѣ: «Чувствую, что обязанъ это сдѣлать; но я вижу также, что не въ силахъ буду это сдѣлать». Въ дѣйствительности онъ терпѣлъ уже страшныя муки, причиняемыя ракомъ спинного мозга. Ему трудно было даже сидѣть и говорить нѣсколько минутъ. Такъ онъ и не написалъ тогда, а нѣсколько недѣль позже это уже было бы бесполезно: Александръ III манифестомъ объявилъ о своемъ намѣреніи остаться самодержавнымъ правителемъ Россіи.

VII.

Междудѣла въ Россіи приняли совершенно новый оборотъ. Турецкая война 1877 года закончилась всеобщимъ неудовольствіемъ. До начала войны всюду въ Россіи судьба славянъ вызывала большія симпатіи. Многіе вѣрили также, что послѣ войны за освобожденіе на Балканскомъ полуостровѣ послѣдуютъ реформы въ самой Россіи. Но освобожденіе славянъ осуществилось лишь отчасти. Громадныя жертвы русского народа были парализованы ошибками высшихъ военныхъ властей. Десятки тысячъ солдатъ пали въ битвахъ, закончившихся только полу-побѣдой; а уступки, вырванныя у Турціи, были уничтожены берлинскимъ конгрессомъ. Всѣ также хорошо знали, что казно-

крадство во время войны практиковалось почти въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ и во время Крымской кампаниі.

Среди этого всеобщаго недовольства, въ концѣ 1877 года, начался судъ надъ ста-девяносто-тремя лицами, арестованными, начиная съ 1873 года. Подсудимые, которыхъ защищали лучшіе адвокаты, сразу завоевали симпатію широкой публики. Они произвели очень хорошее впечатлѣніе на петербургское общество. А когда стало известно, что большинство изъ нихъ провело въ тюрьмѣ, въ ожиданіи суда, по три и по четыре года, и что около двадцати человѣкъ сошли съ ума или покончили самоубійствомъ, симпатіи въ пользу подсудимыхъ еще больше увеличились, даже въ самихъ судьяхъ. Судъ постановилъ очень суровые приговоры для немногихъ и сравнительно мягкие для всѣхъ остальныхъ, на томъ основаніи, что предварительное заключеніе продолжалось такъ долго и само по себѣ было уже такимъ суровымъ наказаніемъ, что прибавлять еще новое не справедливо. Всѣ ждали, что царь еще болѣе смягчить приговоръ. Вышло, однако, ко всеобщему изумленію, что Александръ II, пересмотрѣвъ рѣшеніе суда, увеличилъ наказанія. Оправданныхъ сослали въ отдаленные русскія и сибирскія губерніи; а тѣхъ, кому судъ назначилъ непродолжительное тюремное заключеніе, послали на пять и на десять лѣтъ каторги. Все это было дѣломъ начальника третьяго отдѣленія, шефа жандармовъ, генерала Мезенцева.

Въ то же время петербургскій оберъ-полиціймейстеръ генералъ Треповъ, замѣтивъ во время посѣщенія дома предварительного заключенія, что политическій заключенный Боголюбовъ не снялъ шапку предъ нимъ, всесильнымъ сатрапомъ, кинулся на него съ поднятыми кулаками; а когда Боголюбовъ оказалъ сопротивление, Треповъ приказалъ наказать его розгами. Остальные заключенные, немедленно узнавъ объ этомъ, громко протестовали въ своихъ камерахъ и поэтому были жестоко избиты надзирателями и вызваною для этого полиціею.

Русскіе политическіе безропотно переносили суровую ссылку и каторгу; но они твердо рѣшили, ни въ какомъ случаѣ не позволять надъ собой тѣлеснаго насилия. Молодая дѣвушка Вѣра Засуличъ, не знавшая даже Боголюбова, взяла револьверъ, отправилась къ оберъ-полиціймейстеру и выстрѣлила въ него. Треповъ былъ только ра-

ненъ. Александръ II пришелъ взглянуть на молодую герoinю, которая, должно быть, произвела на него впечатлѣніе своимъ необычайно симпатичнымъ лицомъ и скромностью. Треповъ имѣлъ столько враговъ въ Петербургѣ, что имъ удалось предать дѣло обыкновенному суду присяжныхъ. Вѣра Засуличъ заявила на судъ, что прибѣгла къ оружію только тогда, когда испробованы были безуспѣшно всѣ средства довести дѣло до свѣдѣнія общества. Обращались даже къ петербургскому корреспонденту газеты «Times», чтобы онъ разоблачилъ фактъ; но и онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ, должно быть, счѣль разсказать невѣроятнымъ. Тогда Засуличъ, не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пошла стрѣлять въ Трепова. Теперь же, когда дѣло дошло до всеобщаго свѣдѣнія, она была даже рада, что Треповъ только легко раненъ. Присяжные оправдали Вѣру Засуличъ, а когда полиція захотѣла вновь арестовать ее при выходѣ изъ суда, молодежь, толпившаяся на улицѣ, вырвала ее изъ рукъ жандармовъ. Она уѣхала за границу и скоро присоединилась къ памъ въ Швейцаріи.

Дѣло это произвело глубокое впечатлѣніе по всей Европѣ. Я былъ въ Парижѣ, когда получилось извѣстіе объ оправданіи приговорѣ. Миѣ пришлось въ этотъ день зайти по дѣламъ въ нѣсколько редакцій. Всюду редакторы дышали энтузіазмомъ и писали энергичныя передовыя статьи, прославлявшія дѣвушку. Даже серьезная «Revue des Deux Mondes», въ годичномъ обзорѣ писала, что больше всего на общественное мнѣніе Европы въ 1878 году произвели впечатлѣніе два лица: князь Горчаковъ во время берлинского конгресса и Вѣра Засуличъ. Портреты ихъ были помѣщены во многихъ альманахахъ и календаряхъ. Что же касается европейскихъ рабочихъ, то самоотверженность Вѣры Засуличъ произвела на нихъ чрезвычайно глубокое впечатлѣніе.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, безъ всякаго заговора, произошли быстро, одно за другимъ, четыре покушенія на коронованныхъ лицъ. Рабочій Гѣдель, а вслѣдъ за нимъ докторъ Нобилингъ, стрѣляли въ германскаго императора; нѣсколько недѣль позже испанскій рабочій Олива Монкаси совершилъ покушеніе на Альфонса XII, а поваръ Пассанантѣ кинулся съ ножемъ на итальянскаго короля. Европейскія правительства не могли допустить, чтобы покушенія на трехъ королей могли случиться безъ суще-

ствованія какого-нибудь международного заговора, и они ухватились за предположеніе, что отвѣтственность лежитъ на Юрской Федераціи Международного Союза Рабочихъ.

Съ тѣхъ порь прошло больше двадцати лѣтъ, и я могу категорически заявить что никакихъ рѣшительно данныхъ, подтверждающихъ подобное предположеніе, не существовало. Между тѣмъ всѣ европейскія правительства напали на Швейцарію, упрекая еї въ томъ, что она даетъ убѣжище революціонерамъ, устраивающимъ подобные заговоры. Редакторъ нашей газеты «Avant-Garde» Поль Бруссъ былъ арестованъ и привлеченъ къ суду. Швейцарскіе судьи, видя, однако, что нѣть ни малѣйшаго основанія для предположенія, что Бруссъ или Юрская Федерація принимали участіе въ недавнихъ покушеніяхъ, присудили редактора только къ непродолжительному тюремному заключенію за его статью и изгнанію на десять лѣтъ изъ Швейцаріи; но зато газету запретили. Федеральное правительство обратилось даже съ предложеніемъ ко всѣмъ швейцарскимъ типографіямъ не печатать больше подобныхъ изданій. Такимъ образомъ Юрская Федерація осталась безъ газеты.

Кромѣ того, швейцарскіе политическіе дѣятели, которые давно уже косились на ростъ анархической агитации въ ихъ странѣ, приняли подъ рукой такія мѣры, чтобы подъ угрозой полнѣйшей невозможности заработать средства къ жизни заставить выдающихся членовъ швейцарцевъ отстать отъ Юрской Федераціи. Бруssa изгнали изъ Швейцаріи. Джемсъ Гильомъ, поддерживавшій, вопреки всѣмъ препятствіямъ, въ теченіе восьми лѣтъ официальный органъ Федераціи и добывавшій средства къ жизни уроками, теперь не могъ найти никакихъ занятій и вынужденъ былъ уѣхать изъ Швейцаріи во Францію. Адемаръ Швицгебель не находилъ больше работы въ часовомъ дѣлѣ и, имѣя большую семью, принужденъ былъ отстать отъ движенія. Шпицгеръ находился въ такомъ же положеніи и эмигрировалъ. Вышло такъ, что мнѣ, иностранцу, пришлось взять на себя редактированіе газеты юрцевъ. Я, конечно, колебался; но такъ какъ другого выхода не было, то въ Февралѣ 1879 года я, съ двумя товарищами—Дюмартрэ и Герцигомъ, основали въ Женевѣ новую двухнедѣльную газету «Le Révolté». Большинство статей приходилось мнѣ писать самому. Издательскій капиталъ нашъ состоялъ всего изъ двадцати-трехъ фран-

ковъ; но мы всѣ усердно принялись собирать деньги и выпустили первый номеръ. Тонъ нашего журнала былъ умѣренный, но сущность его была революціонная, и я, по мѣрѣ силы, старался излагать въ немъ самые сложные экономические и исторические вопросы понятными для развитыхъ рабочихъ языкомъ. Наша прежняя газета, въ лучшія времена, расходилась всего въ шестистахъ экземплярахъ. Теперь же мы отпечатали «Le Révolté» въ двухъ-тысячахъ экземпляровъ, и черезъ нѣсколько дней они всѣ разошлись. Газета имѣла успѣхъ, и до сихъ порь она выходитъ въ Парижѣ подъ названіемъ «Temps Nouveaux»¹⁾.

Соціалистическія газеты часто проявляютъ стремленіе обратиться въ скорбный листъ, наполненный жалобами на существующія условія. Отмѣчается тяжелое положеніе работниковъ въ шахтахъ, на фабрикахъ и въ деревняхъ; яркими красками рисуются нищета и страданія рабочихъ во время стачекъ; подчеркивается ихъ беспомощность въ борбѣ съ предпринимателями. И эта лѣтопись безнадежныхъ усилий, повторяемая въ газетѣ изъ недѣли въ недѣлю, производить на читателя самое удручающее впечатлѣніе. Тогда, въ противовѣсь этому впечатлѣнію, редакторъ долженъ главнымъ образомъ разсчитывать на зажигательныя слова, при помощи которыхъ онъ и пытается вну什ить читателю вѣру и энергию. Я полагаю, напротивъ, что революціонная газета, главнымъ образомъ, должна отмѣчать признаки, которые всюду знаменуютъ наступленіе новой эры, зарожденіе новыхъ формъ общественной жизни и растущее возмущеніе противъ устарѣлыхъ учрежденій. За этими признаками нужно слѣдить; ихъ слѣдуетъ сопоставлять настоящимъ образомъ и группировать ихъ такъ, чтобы показать первошательнымъ умамъ ту невидимую и часто безсознательную поддержку, которую передовыя воззрѣнія находятъ всюду, когда въ обществѣ начинается пробужденіе мысли. Заводить человѣка почувствовать себя заодно съ бьющимся сердцемъ всего человѣчества, съ зачинающимся бунтомъ противъ вѣковой несправедливости и съ попытками выработки новыхъ формъ жизни—въ этомъ состоить главная задача революціонной газеты. Надежда, а вовсе не отчаяніе,

¹⁾ Съ началомъ войны ее иракалось прекратить, такъ какъ большинство товарищей ушло на войну.
(Примѣн. 1917 г.).

какъ нерѣдко думаютъ очень молодые революціонеры, порождаетъ успѣшныя революціи.

Историки часто описываютъ намъ, какъ та или другая философская система совершила извѣстную перемѣну въ мысляхъ, а впослѣдствіи и въ учрежденіяхъ. Но это не исторія. На дѣлѣ величайшіе философы только улавливали признаки приближающихся измѣненій, понимали ихъ внутреннюю связь и, руководимые индукціей и чутьемъ, предсказывали грядущія события. Соціологи, съ своей стороны, набрасывали намъ планы соціальной организаціи, исходя изъ немногихъ принциповъ и развивая ихъ съ логической послѣдовательностью, какъ выводятся геометрическія теоремы изъ немногихъ аксиомъ. Но это не соціология. Правильныя соціальные предсказанія можно дѣлать только, если обращать вниманіе на тысячи признаковъ новой жизни, отдѣляя случайные факты отъ органически-необходимыхъ, и строить свои обобщенія на этомъ, единственно прочномъ основаніи.

Съ этимъ именно методомъ мышленія я и старался ознакомить моихъ читателей. При этомъ я писалъ, по возможности, безъ мудрѣній словъ, чтобы пріучить самыхъ скромныхъ рабочихъ къ собственному сужденію о томъ, куда и какъ идетъ общество, и дать имъ возможность самимъ поправить писателя, если тотъ будетъ дѣлать невѣрныя заключенія. Что же касается до критики существующаго строя, я дѣлалъ ее только для того, чтобы выяснить корень зла, и чтобы показать, какъ глубоко укоренившееся и заботливо взлѣянное поклоненіе передъ устарѣвшими формами, да еще широко распространенная трусость ума и воли являются главными источниками всѣхъ бѣдствій.

Дюмартрэ и Герцигъ вполнѣ поддерживали меня въ этомъ направленіи. Дюмартрэ родился въ одной изъ самыхъ бѣдныхъ крестьянскихъ семей въ Савойѣ. Учился онъ только въ начальной школѣ, да и то недолго. Между тѣмъ онъ былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и смѣтливыхъ людей, которыхъ мнѣ когда-либо пришлось встрѣтить. Его оцѣнки людей и текущихъ событий были такъ замѣчательны по своему здравому смыслу, что порой оказывались пророческими. Дюмартрэ былъ также очень тонкій критикъ текущей соціалистической литературы, и его никогда нельзя было ослѣпить фейерверками красивыхъ словъ и якобы науки Герцигъ былъ молодой приказчикъ родомъ изъ Женевы.

сдержанній, застѣнчивый, краснѣвшій какъ дѣвушка, когда высказывалъ оригиналную мысль. Когда же меня арестовали и отвѣтственность за выходъ газеты легла на Герцига, онъ, благодаря своей волѣ, научился писать очень хорошо. Всѣ женевскіе хозяева бойкотировали его, и онъ впалъ со своей семьей въ крайнюю нужду; но, тѣмъ не менѣе, поддерживалъ газету, покуда явилась возможность перенести ее въ Парижъ. Позднѣе, вмѣстѣ съ итальянцемъ Бертони, онъ началъ издавать въ Женевѣ прекрасную анархическую, рабочую газету *«Le Réveil»*.

На судъ этихъ двухъ друзей я могъ смѣло положиться. Если Герцигъ хмурился и бормоталъ: «Да, хорошо, сойдетъ!» я зналъ, что статья не годится. А когда Дюмартрэ, постоянно жаловавшійся на плохое состояніе своихъ очковъ, когда ему приходилось разбирать не совсѣмъ чѣткую рукопись, а потому пробѣгавшій статьи только въ корректурѣ, прерывалъ чтеніе восклицаніемъ: «Non, ça ne va pas!» (нѣть, не идетъ) я тотчасъ понималъ, что дѣло не ладно, и пытался угадать, что именно вызвало его неодобреніе. Я зналъ, что допытываться отъ него совершенно бесполезно. Дюмартрэ отвѣтилъ бы: «Ну, это не мое дѣло, а ваше! Не подходитъ: вотъ все, что я могу сказать». Но я чувствовалъ, что онъ правъ, и присаживался, чтобы написать мѣсто заново. А не то, взявши верстакъ, набиралъ, вмѣсто неодобренныхъ строчекъ, новые.

Нужно сказать, что выпадали на нашу долю и тяжелыя времена. Едва мы выпустили четыре или пять номеровъ, какъ типографія, гдѣ мы печатали, отказалась намъ. Для рабочихъ и ихъ изданій свобода печати, указанная въ конституціяхъ, имѣеть много ограниченій, помимо тѣхъ, которыя упомянуты въ законѣ. Владѣлецъ типографіи ничего не имѣлъ противъ нашей газеты: она ему нравилась; но въ Швейцаріи вся типографія зависятъ отъ правительства, которое даетъ имъ различные заказы, какъ, напримѣръ, печтаніе статистическихъ отчетовъ, бланокъ и тому подобное. Нашему типографу рѣшительно заявили, что если онъ будетъ продолжать печатать *«Révolté»*, то ему нечего больше разсчитывать на заказы отъ женевскаго правительства — и онъ повиновался. Я объѣхалъ всю французскую Швейцарію и повидалъ владѣльцевъ всѣхъ типографій; но даже отъ сочувственно относившихся къ направлению нашей газеты я получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Мы

не можемъ жить безъ правительственныхъ заказовъ, а ихъ намъ не дадутъ, если мы возьмемся печатать «Le Révolté».

Я возвратился въ Женеву съ сильно упавшимъ духомъ; но Дюмартрэ былъ преисполненъ жара и надеждъ. «Отлично,—говорилъ онъ,—заведемъ свою типографію! Возьмемъ её въ долгъ, съ обязательствомъ выплатить черезъ три мѣсяца. А черезъ три-то мѣсяца мы навѣрное выплатимъ».

— Но гдѣ же взять деньги? у насъ всего нѣсколько сотъ франковъ,—возражалъ я.

— Деньги? Вотъ вздоръ! Деньги придутъ. Закажемъ только немедленно шрифтъ и выпустимъ сейчасъ же нумеръ. Деньги явятся.—И въ этотъ разъ оправдались его слова. Когда нашъ слѣдующій нумеръ вышелъ изъ нашей собственной «Imprimerie Jurassienne», и мы рассказали читателямъ о нашемъ затруднительномъ положеніи; когда мы, кромѣ того, выпустили двѣ брошюры, при чемъ мы всѣ помогали въ наборѣ и печатаніи ихъ,—деньги дѣйствительно явились. Правда, большую частью то были мѣдяки и мелкія серебряные монеты, но долгъ былъ покрытъ. Постоянно въ моей жизни я слышу жалобы передовыхъ партій на недостатокъ средствъ; но чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше убѣждаюсь, что главное наше затрудненіе не въ недостачѣ денегъ, а въ недостаткѣ людей, которые твердо и неукоснительно шли бы къ намѣченной цѣли и вдохновляли другихъ. Вотъ уже двадцать-семь лѣтъ какъ наша газета живетъ изо дня въ день; возванія о помощи появляются чуть ли не въ каждомъ нумерѣ. Но покуда есть люди, которые вкладываютъ въ дѣло всю энергию, какъ дѣлали это Герцигъ и Дюмартрэ въ Женевѣ, а теперь вотъ уже больше двадцати лѣтъ дѣлаетъ Гравъ въ Парижѣ,—деньги являются. Ежегодный приходъ, идущій на покрытие печатанія газеты и брошюры, составляетъ около восьми тысячъ рублей, и составляетъ онъ, главнымъ образомъ, изъ мѣдяковъ и мелкаго серебра, вносимыхъ работниками. Для газеты, какъ и для всякаго другого дѣла, люди дороже денегъ.

Мы устроили нашу типографію въ маленькой комнаткѣ. Нашъ наборщикъ—малороссъ—согласился набирать газету за очень скромную плату въ шестьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ. Если онъ имѣлъ возможность ежедневно объѣдать да изрѣдка пойти въ оперу, то онъ былъ доволенъ.

— Въ башю идете, Иванъ? — спросилъ я разъ, встрѣтивъ его на улицѣ съ узелкомъ, завернутымъ въ бумагу, подъ мышкой.

— Нѣть, перебираюсь на новую квартиру, — отвѣтилъ онъ своимъ пѣвучимъ голосомъ, съ обычной улыбкой.

Къ несчастью, онъ не зналъ по-французски. Я писалъ статьи моимъ лучшимъ почеркомъ и часто сожалѣлъ о томъ, что такъ мало воспользовался уроками чистописанія доброго Эберта, но Иванъ отличался способностью читать по-французски на свой ладъ. Вмѣсто «imm datement» онъ читалъ «immediertut» или «inmuidiat-munt» и, соотвѣтственно съ этимъ, набиралъ фантастичesk я французск я слова своего собственного изобрѣтенія. Но такъ какъ онъ соблюдалъ промежутки и не удлинялъ строкъ, то нужно было только перемѣнить буквъ десять въ строкѣ, и все налаживалось. Мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и подъ его руководствомъ я самъ вскорѣ научился немного набирать. Наборъ всегда кончался во-время, чтобы отнести корректуры къ товарищу швейцарцу, который былъ отвѣтственнымъ редакторомъ, и которому мы педантически давали на просмотръ весь номеръ въ гранкахъ. Затѣмъ кто-нибудь изъ насъ отвозилъ, въ телѣжкѣ, формы въ печатню. Наша «Imprimerie jurassienne» скоро получила широкую извѣстность своими изданіями, въ особенности брошюрами, за которыхъ мы, по настоянію Дюмартр , никогда не назначали большую цѣну, чѣмъ десять сантимовъ — четыре копейки.

Для брошюръ пришлось выработать совершенно особый слогъ. Долженъ сознаться, что я иногда завидовалъ тѣмъ писателямъ, которые могутъ не стѣсняться числомъ страницъ для развитія своихъ мыслей и имѣютъ возможность воспользоваться хорошо извѣстнымъ извиненіемъ Таллейрана: «У меня не хватило времени быть краткимъ». Когда мнѣ приходилось сжать результатъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы, — напримѣръ, о происхожденіи Закона, въ десятисантимную брошюру, мнѣ нужно было еще много работать надъ нею, чтобы быть краткимъ. Но мы писали для рабочихъ, для которыхъ двадцать сантимовъ, подчасъ, слишкомъ большая сумма. Въ результатѣ было то, что наши брошюры въ одинъ и въ два су (двѣ и четыре копейки) расходились десятками тысячъ и переводились на всѣ другіе языки за границей. Впослѣдствіи, когда я былъ

въ тюрьмѣ во Франціи, Элизэ Реклю издалъ отдельной книжкой мои передовыя статьи, подъ заглавиемъ, имъ придуманнымъ, «Рѣчи Мятежника»—«Paroles d'un Révolté».

Мы все время имѣли въ виду, главнымъ образомъ, Францію; но «Révolté» былъ строго воспрещенъ при Макъ Магонѣ. Контрабандисты же перетаскивали столько хорошихъ вещей изъ Швейцаріи во Францію, что не хотѣли путаться съ нашей газетой. Я отправился разъ съ ними, перешель вмѣстѣ французскую границу и нашелъ, что они смѣлый народъ, на которыхъ можно положиться; но взяться за перевозку нашей газеты они не согласились. Все, что мы могли сдѣлать, это разсыпать ее въ закрытыхъ конвертахъ сотни адресатовъ во Франціи. Мы ничего не брали за пересылку, разсчитывая на добровольныя пожертвованія подписанчиковъ для покрытія почтовыхъ расходовъ,— что они и дѣлали. Но мы часто думали, что французская полиція упускала отличный случай вконецъ разорить наше изданіе. Ей слѣдовало только подписатьсь на сотню экземпляровъ, а добровольныхъ пожертвованій не присыпать.

Въ первый годъ мы могли разсчитывать только на самихъ себя; но постепенно Элизэ Реклю все болѣе заинтересовался изданіемъ и впослѣдствіи присоединился къ намъ, а послѣ моего ареста всей душой отдался газетѣ. Въ 1880 году Реклю пригласилъ меня помочь ему въ составленіи тома его монументальной географіи, посвященного Азіатской Россіи. Онъ самъ выучился по-русски, но полагалъ, что такъ какъ я былъ въ Сибири, то могу быть ему полезенъ моими свѣдѣніями. Здоровье моей жены было плохо, и врачи велѣли ей немедленно оставить Женеву съ ея холодными вѣтрами, а потому весной 1880 года мы перѣехали въ Кларанъ, гдѣ въ то время жилъ Реклю. Мы поселились надъ Клараномъ, въ маленькомъ домикѣ, съ видомъ на голубыя воды Лемана и на бѣлоснежную вершину Dent du Midi. Подъ окнами журчала рѣчка, превращавшаяся послѣ дождей въ ревущій потокъ, ворочавшій громадные камни и вырывавшій новыя русла. Противъ насъ, на склонѣ горы, виднѣлся старый замокъ Шатель, владѣльцы котораго, вплоть до революціи burlaparei (то-есть сожигателей бумаги) въ 1799 году, взимали съ сосѣднихъ крѣпостныхъ крестьянъ феодальныя поборы по случаю рожденій, свадебъ и похоронъ. Здѣсь, при содѣйствіи моей жены, съ которой я обсуждалъ всегда всякое

событие и всякую проектируемую статью, и которая была строгим критиком моихъ произведений, я написалъ лучшія мои статьи для «Révolté», — между прочимъ, обращеніе «Къ молодежи» сотни тысячъ котораго разошлись на различныхъ языкахъ Въ сущности, я выработалъ здѣсь основу всего того, что впослѣдствіи написалъ Мы, анархисты, разсѣянные преслѣдованіями по всему свѣту больше всего нуждаемся въ общеніи съ образованными людьми одинакового съ нами образа мыслей. Въ Кларанѣ у меня было такое общеніе съ Элизэ Реклю и Лефрансомъ да кромѣ того, еще постоянныя сношенія съ рабочими, которыхъ я продолжалъ поддерживать. И хотя я работалъ очень много по географии, я могъ вести анархическую пропаганду еще шире, чѣмъ прежде.

VIII.

Въ Россіи борьба за свободу обострялась все болѣе и болѣе. Нѣсколько политическихъ процессовъ: процессъ «Ста-девяносто-трехъ», «Пятидесяти», «Долгушинцевъ» и другіе разбирались въ то время; и изъ всѣхъ ихъ выяснилось одно и то же. Молодежь шла проповѣдывать соціализмъ на фабрики и въ деревни; распространялись брошюры, отпечатанныя за границей; и народъ призывался, нѣсколько неопределенно и не ясно, къ бунту противъ гнетущихъ экономическихъ условій. Словомъ, дѣлалось то, что дѣляется повсемѣстно соціалистическими агитаторами. Слѣдовъ ваговора противъ царя или даже приготовленій къ революціонному образу дѣйствія не было найдено никакихъ. И въ дѣйствительности личего подобнаго не было. Тогда большинство молодежи относилось даже враждебно къ такой дѣятельности. И, припоминая теперь движение 1870 — 78 годовъ я могу сказать, не боясь ошибиться, что большинство молодежи удовлетворилось бы возможностью спокойно жить среди крестьянъ и фабричныхъ работниковъ, учить ихъ и работать съ ними, либо въ земствѣ, — словомъ, возможностью оказывать народу тѣ безчисленныя услуги, которыми образованные, доброжелательные и серьезные люди могутъ полезны крестьянамъ и рабочимъ. Я зналъ людей этого движения и говорю съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Между тѣмъ приговоры судовъ были жестоки, безсмысленно жестоки, такъ какъ движение, порожденное

всѣмъ предыдущимъ состояніемъ Россіи, слишкомъ глубоко вкоренилось, чтобы его можно было раздавить одними суровыми карами. Приговоры на шесть, десять, двѣнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ въ рудникахъ съ пожизненнымъ поселеніемъ потомъ въ Сибири, стали дѣломъ обычнымъ. Былъ даже случай, что одну дѣвушку сослали на девять лѣтъ каторжныхъ работъ за то, что она вручила запрещенную соціалистическую брошюру рабочему. Въ этомъ заключалось все ея преступленіе. Другую, четырнадцатилѣтнюю дѣвушку Гуковскую сослали на поселеніе въ восточную Сибирь за попытку, подобно гѣтевской Клерхенъ, подстрекнуть равнодушную толпу на освобожденіе Ковальского и товарищѣй, приговоренныхъ къ смертной казни. А между тѣмъ ея поступокъ тѣмъ болѣе былъ естественъ въ Россіи, даже съ точки зрења властей, что у насъ нѣтъ смертной казни для уголовныхъ преступленій, и что примѣненіе ея для политическихъ преступленій было тогда нововведеніемъ, или вѣрнѣе возвратомъ къ самымъ тяжелымъ преданіямъ николаевскихъ временъ. Заброшенная въ глухую деревню, Гуковская вскорѣ потомъ утопилась въ Енисѣѣ. Даже оправданныхъ судомъ отправляли административнымъ порядкомъ въ отдаленные сибирскіе и русскіе поселѣнія, гдѣ имъ представлялась перспектива голодной смерти на казенномъ пособіи въ три рубля въ мѣсяцъ. Въ такихъ поселкахъ нѣтъ спроса на ремесла, а политическимъ ссыльнымъ строго воспрещается учить, или заниматься какимъ бы то ни было интеллигентнымъ трудомъ.

Какъ бы для того, чтобы еще больше привести молодежь въ отчаяніе, осужденныхъ на каторгу не отправляли прямо въ Сибирь. Ихъ держали по нѣсколько лѣтъ въ «централахъ», въ сравненіи съ которыми даже сибирскіе рудники казались завидными. Центральная каторжная тюрьмы, действительно, были ужасны. Въ одной изъ нихъ — «очагѣ тифозной заразы», какъ выразился тюремный священникъ въ своей проповѣди, смертность въ одинъ годъ достигла двадцати процентовъ. Въ «централахъ», въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ и въ крѣпости заключенные должны были прибѣгать къ «голоднымъ бунтамъ», чтобы защитить себя отъ жестокихъ тюремщиковъ или чтобы добиться самыхъ ничтожныхъ льготъ: какой-нибудь работы или книгъ, которыхъ спасли бы ихъ отъ помѣшательства, грозящаго вся кому сидящему въ одиночномъ заклю-

ченіи, безъ всякаго занятія. Ужасы подобныхъ голодовокъ, во время которыхъ заключенные и заключенный отказывались по семи и восьми дней принимать пищу, а затѣмъ лежали безъ движенія, въ бреду, повидимому, исколькъ не трогали жандармовъ. Въ Харьковѣ умирающихъ заключенныхъ связали веревками и кормили насильствено, какъ кормятъ гусей.

Свѣдѣнія объ этихъ ужасахъ проникали сквозь тюремные стѣны, долетали изъ далекой Сибири и широко распространялись среди молодежи. Было время, когда не проходило недѣли безъ того, чтобы не узнавалось о какой-нибудь новой подлости такого рода или еще худшей.

Полное отчаяніе овладѣло тогда молодежью.—«Въ другихъ странахъ,—стали говорить,—люди имѣютъ мужество сопротивляться. Англичанинъ или французъ не потерпѣть бы подобныхъ насилий. Какъ это мы можемъ терпѣть ихъ? Надо сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ ночнымъ набѣгамъ жандармовъ. Пусть они знаютъ, по крайней мѣрѣ, что, такъ какъ арестъ означаетъ медленную и мучительную смерть въ ихъ рукахъ, то возьмутъ они нась только съ боя». Въ Одессѣ, Ковальскій и его друзья встрѣтили револьверными выстрѣлами жандармовъ, явившихся ночью арестовать ихъ.

Александръ II отвѣтилъ на это новое движение осаднымъ положеніемъ. Россія была раздѣлена на нѣсколько окружовъ, съ генераль-губернаторами, получившими приказаніе вѣшать немилосердно. Ковальскій, который, къ слову сказать, никого не убилъ своими выстрѣлами, былъ казненъ. Висѣлица стала своего рода лозунгомъ. Въ два года повѣсили двадцать-три человѣка, въ томъ числѣ девятнадцатилѣтняго Розовскаго, захваченного при наклеиваніи прокламаціи на желѣзнодородномъ вокзалѣ. Этотъ фактъ былъ единственнымъ обвиненіемъ противъ него. Хотя мальчикъ по лѣтамъ, Розовскій умеръ какъ герой.

Тогда боевымъ кличесмъ революціонеровъ стало: «Защищайтесь!» Защищайтесь отъ шпіоновъ, втирающихся въ кружки подъ личиной дружбы и выдающихъ потомъ направо и налево, по той простой причинѣ, что имъ перестануть платить, если они не будутъ доносить. Защищайтесь отъ тѣхъ, кто звѣрствуетъ надъ заключенными! Защищайтесь отъ всемогущихъ жандармовъ!.. Три видныхъ правительственныеыхъ чиновника и два или три мелкихъ шпиона по-

гибли въ этомъ новомъ фазисѣ борьбы. Генераль Мезенцевъ, убѣдившій царя удвоить наказанія послѣ приговора по дѣлу ста-девяносто-трехъ, былъ убитъ въ Петербургѣ среди бѣла дня. Одинъ жандармскій полковникъ, виновный еще въ худшемъ, подвергся той же участіи въ Кіевѣ, а въ Харьковѣ былъ убитъ генераль-губернаторъ, мой двоюродный братъ Дмитрій Кропоткинъ, когда онъ возвращался изъ театра. Центральная тюрьма, гдѣ началась первая голодовка и гдѣ прибѣгли къ искусственному кормленію, находилась въ его вѣдѣніи. Въ сущности, онъ былъ не злой человѣкъ; я знаю, что лично онъ скорѣе симпатизировалъ политическимъ; но онъ былъ человѣкъ безхарактерный, притомъ — придворный и поэтому предпочелъ не вмѣшиваться, тогда какъ одно его слово могло бы остановить жестокое обращеніе съ заключенными. Александръ II любилъ его, и положеніе его при дворѣ было такъ прочно, что его вмѣшательство, по всей вѣроятности, было бы одобрено въ Петербургѣ.

— Спасибо! Ты поступилъ согласно моимъ собственнымъ желаніямъ,—сказалъ ему царь въ 1872 году, когда Д. Н. Кропоткинъ явился въ Петербургѣ, чтобы доложить о народныхъ беспорядкахъ въ Харьковѣ, во время которыхъ онъ мягко поступилъ съ бунтовщиками.

Но теперь онъ одобрилъ поведеніе тюремщиковъ, и харьковская молодежь до такой степени была возмущена обращеніемъ съ заключенными, что по немъ стрѣляли и смертельно ранили.

Тѣмъ не менѣе личность императора оставлялась еще въ сторонѣ, и вплоть до 1879 года на его жизнь не было покушений. Слава освободителя окружала его ореоломъ и защищала его неизмѣримо лучше, чѣмъ полчища жандармовъ и сыщиковъ. Если бы Александръ II проявилъ тогда хотя малѣйшее желаніе улучшить положеніе дѣлъ въ Россіи; если бы онъ призвалъ хотя одного или двухъ изъ тѣхъ лицъ, съ которыми работалъ во время периода реформъ, и поручилъ имъ разслѣдовать общее положеніе страны или хотя бы однихъ крестьянъ; если бы онъ проявилъ малѣйшее намѣреніе ограничить власть тайной полиції,—его рѣшеніе привѣтствовали бы съ восторгомъ. Одно слово могло бы снова сдѣлать Александра II «освободителемъ», и снова молодежь воскликнула бы, какъ Герценъ въ 1858 году: «Ты побѣдить, Галліеянинъ! Но точно такъ же, какъ

во время польской революции, пробудился въ немъ деспотъ и, подстрекаемый Катковымъ, онъ не нашелъ другого выхода, какъ висѣлицы, такъ точно и теперь, слѣдя внушеніемъ того же злого гenia—Каткова, онъ ничего не придумалъ, кромъ назначенія особыхъ генераль-губернаторовъ, съ полномочіемъ—вѣшать.

Тогда, и только тогда, горсть революціонеровъ—Исполнительный Комитетъ—поддерживаемый, однако, растущимъ недовольствомъ среди образованныхъ классовъ и даже среди приближенныхъ къ царю, объявила ту войну самодержавію, которая, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ покушеній, закончилась въ 1881 году смертью Александра II.

Два человѣка жили въ Александрѣ II, и теперь борьба между ними, усиливавшаяся съ каждымъ годомъ, приняла трагическій характеръ. Когда онъ встрѣтился съ Соловьевымъ, который выстрѣлилъ въ него и промахнулся, Александръ II сохранилъ присутствіе духа на столько, что побѣжалъ къ ближайшему подъѣзду, не по прямой линіи, а зигзагами, покуда Соловьевъ продолжалъ стрѣлять. Такимъ образомъ онъ остался невредимъ. Одна пуля только слегка разорвала шинель. Въ день своей смерти Александръ II тоже проявилъ несомнѣнное мужество. Предъ действительной опасностью онъ былъ храбръ; но онъ безпрерывно трепеталъ предъ призраками, созданными его собственнымъ воображеніемъ. Единственно, чтобы охранить свою императорскую власть, онъ окружилъ себя людьми самого реакціоннаго направленія, которымъ не было никакого дѣла до него, а просто нужно было удержать свои выгодныя мѣста.

Безъ сомнѣнія, онъ сохранилъ привязанность къ матери своихъ дѣтей, хотя въ то время онъ былъ уже близокъ съ княжной Юрьевской-Долгорукой, на которой женился немедленно послѣ смерти императрицы.

— Не упоминай мнѣ про императрицу: мнѣ это такъ больно,—говорилъ онъ не разъ Лорисъ-Меликову. А между тѣмъ онъ совершенно оставилъ Марью Александровну, которая вѣрою помогала ему раньше, когда онъ былъ освободителемъ. Она умирала въ Зимнемъ дворцѣ въ полномъ забвеніи. Хорошо известный русскій врачъ, теперь уже умершій, говорилъ своимъ друзьямъ, что онъ, посторонній человѣкъ, былъ возмущенъ пренебреженіемъ къ императрицѣ во время ея болѣзни. Придворныя дамы, кромѣ двухъ статсъ-дамъ, глубоко преданныхъ императ-

рицѣ, покинули ее, и весь придворный міръ, зная, что того требуетъ самъ императоръ, заискивалъ предъ Долгорукой. Александръ II, жившій въ другомъ дворцѣ, дѣлалъ ей ежедневно лишь короткій офиціальный визитъ.

Когда Исполнительный Комитетъ свершилъ смѣлую попытку взорвать Зимній дворецъ, Александръ II сдѣлалъ шагъ, до того безпримѣрный. Онъ создалъ родъ диктатуры и облекъ Лорисъ-Меликова чрезвычайными полномочіями. Этому генералу, армянину родомъ, Александръ II уже раньше давалъ диктаторскія полномочія, когда въ Ветлянкѣ, въ низовьяхъ Волги, проявилась чума и Германія пригрозила мобилизовать свою армію и объявить Россію подъ карантиномъ, если эпидемія не будетъ прекращена. Теперь, когда Александръ II увидѣлъ, что онъ не можетъ довѣряться бдительности даже дворцовой полиціи, онъ далъ диктаторскія права Лорисъ-Меликову; а такъ какъ Меликовъ считался либераломъ, то новый шагъ истолковали въ томъ смыслѣ, что скоро созовутъ Земскій Соборъ. Но послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, новыхъ покушеній немедленно не послѣдовало, а потому Александръ II опять успокоился и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ Меликовъ могъ выполнить что бы ни было, онъ, изъ диктатора, превратился въ простого министра внутреннихъ дѣлъ. Внезапные припадки тоски, во время которыхъ Александръ II упрекалъ себя за то, что его царствованіе приняло реакціонный характеръ, теперь стали выражаться сильными пароксизмами слезъ. Въ иные дни онъ принимался плакать такъ, что приводилъ Лорисъ-Меликова въ отчаяніе. Въ такие дни онъ спрашивалъ ministra: «Когда будетъ готовъ твой проектъ конституціи?» Но если, два-три дня позже, Меликовъ докладывалъ, что органическій статутъ готовъ, царь дѣлалъ видъ, что рѣшительно ничего не помнить. «Развѣ я тебѣ говорилъ что-нибудь объ этомъ?» спрашивалъ онъ. — «Къ чему? Предоставимъ это лучше моему преемнику. Это будетъ его даръ Россіи».

Когда слухъ про новый заговоръ достигалъ до Александра II, онъ готовъ былъ предпринять что-нибудь; но когда въ лагерь революціонеровъ все казалось спокойнымъ, онъ слушался пашентыванія реакціонеровъ и оставлялъ все, какъ было прежде. Лорисъ-Меликовъ со дня на день ждалъ, что его попросятъ въ отставку.

Въ февралѣ 1881 года Лорисъ-Меликовъ доложилъ, что Исполнительный Комитетъ задумалъ новый заговоръ,

планъ котораго не удаётся раскрыть, несмотря на самыя тщательныя разслѣдованія. Тогда Александръ II рѣшилъ созвать родъ совѣщательнаго собранія изъ представителей отъ земствъ и городовъ. Постоянно находясь подъ впечатлѣніемъ, что ему предстоитъ судьба Людовика XVI, Александръ II приравнивалъ предполагавшуюся «общую комиссию» тому собранію нотаблей, которое было создано до Национального Собрания 1789 года. Проектъ долженъ быть поступить въ государственный совѣтъ; но тутъ Александръ II сталъ снова колебаться. Только утромъ первого марта 1881 года, послѣ новаго, серьёзнаго предупрежденія со стороны Лориса-Меликова объ опасности, Александръ II назначилъ слѣдующій четвергъ для выслушанія проекта въ засѣданіи совѣта министровъ. Первое марта падало на воскресенье, и Лорисъ-Меликовъ убѣдительно просилъ царя неѣздить на парадъ въ этотъ день, въ виду возможностей покушенія. Тѣмъ не менѣе Александръ II поѣхалъ. Онъ желалъ повидать великую княжну Екатерину Михайловну, дочь его тетки Елены Павловны, которая въ шестидесятыхъ годахъ была однимъ изъ вождей партіи реформъ, и лично сообщить ей пріятную вѣсть; быть-можетъ, какъ актъ покаянія, предъ памятью Маріи Александровны. Говорятъ, царь сказалъ великой княжнѣ: «Je te suis décidѣ à convoquer une Assemblée des Notables» (я рѣшился созвать собраніе именитыхъ людей). Но эта запоздалая и нерѣшительная уступка не была доведена до всеобщаго свѣдѣнія. На обратномъ пути изъ манежа Александръ II былъ убитъ.

Извѣстно, какъ это случилось. Подъ блиндированную карету, чтобы остановить ее, была брошена бомба. Нѣсколько черкесовъ изъ конвоя были ранены. Рысакова,бросившаго бомбу, тутъ же схватили. Несмотря на настоятельный убѣжденія кучера не выходить изъ кареты—онъ утверждалъ, что въ слегка поврежденномъ экипажѣ можно еще доѣхать до дворца—Александръ II все-таки вышелъ. Онъ чувствовалъ, что военное достоинство требуетъ посмотреть на раненыхъ черкесовъ и сказать имъ нѣсколько словъ. Такъ поступалъ онъ во время русско-турецкой войны, когда, напримѣръ, въ день его именинъ сдѣланъ былъ безумный штурмъ Плевны, кончившейся страшной катастрофой. Александръ II подошелъ къ Рысакову и спросилъ его о чёмъ-то; а когда онъ проходилъ затѣмъ совсѣмъ близко отъ другого холодаго человѣка, Грине-

всѣкаго, стоявшаго тутъ же, на набережной, съ бомбою, тотъ бросилъ свою бомбу такъ, между обоими, чтобы убить и себя и царя. Оба были смертельно ранены и умерли черезъ нѣсколько часовъ.

Теперь Александръ II лежалъ на снѣгу, истекая кровью, остѣ влединый всѣми своимъ сторонниками! Всѣ исчезли. Кадеты, возвращавшіеся съ парада, подбѣжали къ умирающему царю, подняли его съ земли, усадили въ сани и прикрыли дрожащее тѣло кадетской шинелью, а обнаженную голову — кадетской фуражкою. Да еще — одинъ изъ террористовъ, съ бомбой, завернутой въ бумагу подъ мышкой, рискуя быть схваченнымъ и повѣшеннымъ, бросился, вмѣстѣ съ кадетами, на помощь раненому... Человѣческая природа полна такихъ противоположностей.

Такъ кончилась трагедія Александра II. Многіе не понимали, какъ могло случиться, чтобы царь, сдѣлавшій такъ много для Россія, палъ отъ руки революціонеровъ. Но мнѣ пришлося видѣть первыя реакціонныя проявленія Александра II и слѣдить за ними, какъ они усиливались впослѣдствії; случилось также, что я могъ заглянуть въ глубь его сложной души, увидать въ немъ прирожденного самодержца, жестокость котораго была только отчасти смягчена образованіемъ, и понять этого человѣка, обладавшаго храбростью солдата, но лишенного мужества государственного дѣятеля,—человѣка сильныхъ страстей, но слабой воли,—и для меня эта трагедія развивалась съ фатальной послѣдовательностью шекспировской драмы. Послѣдній ея актъ былъ ясенъ для меня уже 13-го іюня 1862 года, когда я слышалъ рѣчь, полную угрозъ, произнесенную Александромъ II передъ нами, только что произведенными офицерами, въ тотъ день, когда по его приказу совершились первыя казни въ Польшѣ.

IX.

Дикая паника охватила придворные круги въ Петербургѣ. Александръ III отказался поселиться въ Зимнемъ дворцѣ и удалился въ Гатчину, во дворецъ своего прадѣда Павла I. Я знаю это старинное зданіе, планированное, какъ вобановская крѣпость, окруженнное рвами и защищенное сторожевыми башнями, откуда потаенные лѣстницы ведутъ въ царскій кабинетъ. Я видѣлъ люкъ въ кабинетѣ, черезъ который можно бросить неожиданно врага въ воду,—

на острые камни внизу, а затмъ тайны лестницы, спускающейся въ подземный тюрьмы и въ подземный проходъ, ведущій къ озеру. Всѣ дворцы Павла I построены по такому же плану. Тѣмъ временемъ подземная галлерей, снабженная автоматическими электрическими приборами, чтобы революціонеры не могли подкопаться, рылась вокругъ Аничкова дворца, гдѣ Александръ III жилъ до восшествія на престолъ.

Для охраны царя была основана тайная лига. Офицеровъ различныхъ чиновъ соблазняли тройнымъ жалованіемъ поступать въ эту лigu и исполнять въ ней добровольную роль шпіоновъ, слѣдящихъ за различными классами общества. Бывали, конечно, комические эпизоды. Два офицера, напримѣръ, не зная, что они оба принадлежатъ къ одной и той же лигѣ, вовлекали другъ друга въ вагонѣ въ революціонную бесѣду, затмъ арестовывали другъ друга и, къ обоюдному разочарованію, убѣждались, что потратили напрасно время. Эта лiga существуетъ до сихъ поръ въ болѣе офиціальному видѣ, подъ названіемъ «охраны» и время отъ времени пугаетъ царя всякими сочиненными ужасами, чтобы поддержать свое собственное существованіе.

Еще болѣе тайная организація—священная лiga—основалась въ то же время съ Владимиромъ Александровичемъ, братомъ царя, во главѣ, чтобы бороться съ революціонерами всякими средствами,—между прочимъ, убийствомъ тѣхъ эмигрантовъ, которыхъ считали вождями недавнихъ заговоровъ. Я былъ въ числѣ намѣченныхъ лицъ. Владимиръ рѣзко порицалъ офицеровъ, членовъ лиги, за трусость, и выражалъ сожалѣніе, что среди нихъ нѣтъ никого, который взялся бы убить такихъ эмигрантовъ. Тогда одинъ офицеръ, который былъ камер-пажемъ въ то время, какъ я находился въ корпусѣ, былъ выбранъ лигой, чтобы привести этотъ планъ въ исполненіе.

Въ дѣятельности же эмигранты вовсе не вмѣшивались въ дѣятельность Исполнительного Комитета въ Петербургѣ. Стремленіе руководить заговоромъ изъ Швейцаріи, тогда какъ революціонеры въ Петербургѣ находились подъ безпрерывной угрозой смерти, было бы безсмыслицей. И Степніакъ и я писали не разъ, что никто изъ насъ не взялся бы за сомнительный трудъ выработанія плановъ дѣятельности, не находясь на мѣстѣ. Но, конечно, въ интересѣ петербургской полиціи было утверждать, что

она не въ силахъ охранять царя, такъ какъ всѣ заговоры составляются за границей. Шпионы — я знаю это хорошо — снабжали ее въ изобилии донесениями въ желаемомъ смыслѣ.

Генералу Скобелеву тоже предложили вступить въ эту лигу, но онъ отказался наотрѣзъ. Изъ сообщеній Лорисъ-Меликова, часть которыхъ была обнародована въ Лондонѣ пріятелемъ покойного (смотри «Конституція Лорисъ-Меликова», лондонское изданіе Фонда, 1893 года), видно, что когда Александръ III вступилъ на престолъ и не рѣшался создать земскихъ выборныхъ, Скобелевъ предлагалъ даже Лорису-Меликову и графу Игнатьеву («Лгунъ-нашъ», какъ прозвали его константинопольские дипломаты) арестовать Александра III и заставить его подписать манифестъ о конституціи. Какъ говорятъ, Игнатьевъ донесъ объ этомъ царю и такимъ образомъ добился назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ. Занимая эту постъ, онъ, пользуясь совѣтами бывшаго префекта парижской полиціи Андріѣ, предпринималъ разные подходы, чтобы парализовать дѣятельность революціонеровъ.

Если бы русскіе либералы проявили въ то время хоть сколько-нибудь гражданского мужества и какую-нибудь способность совмѣстной дѣятельности, Земскій Соборъ былъ бы созванъ. Изъ тѣхъ же сообщеній Меликова видно, что Александръ III нѣкоторое время думалъ о созывѣ Земскаго Собора. Онъ рѣшился, наконецъ, это сдѣлать и сообщилъ объ этомъ своему брату. Старый Вильгельмъ I поддерживалъ его въ этомъ намѣреніи. Но либералы ничего не предпринимали, тогда какъ партія Каткова усиленно дѣйствовала въ противоположномъ направленіи. Андріѣ писалъ Александру III, что раздавите нигилистовъ ничего не стоитъ, и указывалъ, какъ это нужно сдѣлать (письмо съ совѣтами напечатано въ упомянутой брошюрѣ). Тогда Александръ III рѣшился, наконецъ, заявить, что останется неограниченнымъ самодержцемъ Россіи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Александра II меня изгнали изъ Швейцаріи, по приказу федерального совѣта. Правду сказать, я не почувствовалъ въ этомъ особой обиды. Донимаемыя монархическими странами за убѣжище, даваемое Швейцаріей политическимъ изгнанникамъ, и опасаясь угрозъ русской офиціальной прессы, просившей огнать изъ Россіи швейцарокъ-бониѣ и гувернантокъ, которыхъ у насъ такъ много, власти маленькой республики высыпала меня, давали нѣкоторое удовлетвореніе русской

полиції. Но мнѣ жаль было Швейцарію, что она рѣшилась на такой шагъ. Имъ подтверждалась, такъ сказать, теорія «заговоровъ, замышляемыхъ на швейцарской почвѣ»; въ немъ было сознаніе слабости, которымъ большія державы не преминули немедленно же воспользоваться. Два года спустя, когда Жюль Ферри предложилъ Германіи и Италіи подѣлить Швейцарію, его главный аргументъ былъ, что швейцарское правительство само признало, что республика является «очагомъ международныхъ заговоровъ». Первая уступка вызвала вскорѣ болѣе дерзкія требованія и, несомнѣнно, сдѣлала положеніе Швейцаріи менѣе независимымъ, чѣмъ оно было раньше.

Декреть объ изгнаніи вручили мнѣ немедленно послѣ моего возвращенія изъ Лондона, гдѣ въ іюль 1881 года я присутствовалъ на анархическомъ конгрессѣ. Послѣ конгресса я прожилъ нѣсколько недѣль въ Лондонѣ, гдѣ написалъ для «Newcastle Chronicle» первую статьи о русскихъ дѣлахъ съ нашей точки зрѣнія. Англійская печать въ то время являлась отголоскомъ мнѣній г-жи Новиковой, то-есть взглядовъ Каткова и русскихъ жандармовъ; и я былъ счастливъ, когда старый радикалъ, мистеръ Джозефъ Коунъ (Joseph Cowen), согласился удѣлить мнѣ мѣсто въ своей газетѣ для выясненія нашихъ взглядовъ.

Я только что приѣхалъ къ женѣ, которая жила тогда въ горахъ, недалеко отъ Элизэ Реклю, когда мнѣ предложили покинуть Швейцарію. Мы отправили нашъ небольшой багажъ на ближайшую желѣзнодорожную станцію, а сами пошли пѣшкомъ въ Эгль, наслаждаясь въ послѣдній разъ видомъ на горы, которыхъ мы такъ любили. Мы перебирались черезъ горы напрямки и много смыкались, когда убѣждались, что «прямой путь» заставлялъ насъ дѣлать большие обходы. Наконецъ, мы спустились въ долину и пошли по пыльной дорогѣ. Комическій элементъ, который всегда является въ такихъ случаяхъ въ жизни, былънесенъ въ этотъ разъ одной англійской дамой. Нарядная лэди, поклонившаяся на подушкахъ кареты, рядомъ съ джентльменомъ, бросила нѣсколько душеспасительныхъ брошюръ двумъ бѣдно-одѣтымъ пѣшеходамъ, которыхъ обогнала. Я поднялъ изъ пыли эти брошюры. Лэди очевидно была одна изъ тѣхъ дамъ, которая думаютъ, что онѣ христіанки и считаютъ своимъ долгомъ раздавать божественные книжечки «развратнымъ иностранцамъ». Разсчитывая, что мы навѣрное застанемъ даму на ициста я написалъ на

одной изъ брошюре известный стихъ о богатомъ, которому труднѣе пройти въ царство небесное, чѣмъ верблюду въ итольное ушко, и прибавилъ соотвѣтственное мѣсто о фарисеяхъ. Когда мы пришли въ Эгль, дама закусывала и зашивала, сидя въ каретѣ. Очевидно, она предпочитала продолжать путешествіе по прелестной долинѣ въ экипажѣ, чѣмъ въ душномъ вагонѣ. Я вѣжливо возвратилъ ей душеспасительныя книжки, замѣтивъ, что прибавилъ къ нимъ кое что полезное для нея самой. Лэди не знала, кинуться ли ей на меня или же принять урокъ съ христіанскимъ смиреніемъ. Оба движенія отражались въ ея глазахъ одно за другимъ.

Жена моя собиралась сдавать въ женевскомъ университѣтѣ послѣдніе экзамены на степень бакалавра естественныхъ наукъ. Поэтому мы поселились въ маленькомъ французскомъ городкѣ Тононѣ, лежащемъ на савойскомъ берегу Женевского озера, гдѣ и прожили мѣсяца два.

Что касается смертного приговора, который мнѣ вынесла священная лига, то предупрежденіе о немъ я получилъ изъ Россіи отъ одного очень высокопоставленнаго лица. Мнѣ стало извѣстно даже имя той дамы, которую послали изъ Петербурга въ Женеву, гдѣ она должна была стать душой заговора. Поэтому я ограничился тѣмъ, что сообщиль фактъ и имена женевскому корреспонденту «Times» съ просьбой огласить ихъ, если что-нибудь случится со мной. Въ этомъ смыслѣ помѣстилъ я также замѣтку въ «Révolté». Послѣ этого я больше не думалъ о приговорѣ. Жена моя, однако, не такъ легко отнеслась къ дѣлу, точолъ такъ же, какъ и добрая крестьянка, madame Сансо, у которой мы нанимали въ Тононѣ квартиру со столомъ. Она узнала о заговорѣ другимъ путемъ (черезъ свою сестру, служившую пяней въ домѣ русского агента, Мальшинскаго) и окружила меня трогательной заботливостью. Домикъ ея находился за городомъ, и каждый разъ, когда я отправлялся вечеромъ въ городъ, чтобы встрѣтить жену на станціи, или за какимъ-нибудь дѣломъ, мадамъ Сансо всегда находила предлогъ послать со мной своего мужа съ фонаремъ.

— Подождите минутку, господинъ Кропоткинъ, — говорила она, — мой мужъ тоже идетъ въ городъ за покупками и, какъ вы знаете, всегда береть фонарь съ собой. — А не то она послала своего брата, чтобы онъ издали, такъ, чтобы тѣ не замѣтилъ, провожалъ бы меня.

X.

Въ октябрѣ или ноябрѣ 1881 года, какъ только жена сдала экзамены, мы перѣѣхали изъ Тонона въ Лондонъ, гдѣ прожили около года. Не особенно много времени прошло съ тѣхъ поръ¹⁾, а между тѣмъ могу сказать, что умственная жизнь Лондона, да и всей Англіи, сильно отличалась тогда отъ того, чѣмъ она стала всего чѣрезъ нѣсколько лѣтъ. Каждому извѣстно, что въ сороковыхъ годахъ Англія стояла почти во главѣ соціалистического движения въ Европѣ. Но въ послѣдовавшіе затѣмъ годы реакція великое движение, широко захватившее рабочіе классы, и во время кото-раго все, что теперь извѣстно подъ именемъ научнаго соціализма и апархизма было уже высказано, замерло, заглохло. Его забыли, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ, а то движеніе, которое французскіе писатели называютъ третьимъ пробужденіемъ пролетаріата, еще не началось въ Великобританії. Труды земледѣльческой комиссіи 1871 года, пропаганда Джозефа Арча среди сельскихъ работниковъ и предшествовавшія усилія христіанскихъ соціалистовъ, конечно, до нѣкоторой степени расчистили путь. Но пробужденіе соціалистическихъ стремленій, произведенное пріѣздомъ въ Англію Генри Джорджа, въ восьмидесятыхъ годахъ, и его книгой «Прогрессъ и Бѣдность», еще не наступило.

Годъ, прожитый нами тогда въ Лондонѣ, былъ настоящимъ годомъ ссылки. Для сторонника крайнихъ соціалистическихъ взглядовъ не было атмосферы, чтобы жить. Того оживленнаго соціалистического движения, которое я засталъ въ полномъ разгарѣ при моемъ возвращеніи въ 1886 году, еще не было и признака. О Бѣрнсѣ, Чампіонѣ, Гарди и другихъ рабочихъ вожакахъ и слуга еще не было. Фабіанцы не существовали, Вилліамъ Морисъ еще не объявилъ себя соціалистомъ; а трэдъ-юніоны, въ которые въ Лондонѣ входили только нѣкоторыя привилегированныя отрасли промышленности, относились враждебно къ соціализму. Единственными дѣятельными и открытыми представителями соціалистического движения были супруги Гайндманъ, вокругъ которыхъ группировались немногіе рабочіе. Осенью 1881 года они устроили небольшой

¹⁾ Писано въ 1898 году.

конгрессъ; по онъ былъ такъ малъ, что мы въ шутку говорили, что весь конгрессъ жить въ квартирѣ у г-жи Гайдманъ. Даже болѣе или менѣе окрашенное соціализмомъ радикальное движение, которое несомнѣнно совершилось тогда въ умахъ, еще не выступало открыто. Тѣ образованные мужчины и женщины, которые вышли въ большомъ числѣ на арену общественной жизни, четыре года спустя и, не становясь соціалистами, приняли участіе въ различныхъ движеніяхъ, имѣвшихъ цѣлью благосостояніе, или воспитаніе массъ,—создавая такимъ образомъ новую атмосферу и новое общество реформаторовъ — такие люди еще не проявляли себя. Они, конечно, существовали, и въ наличности имѣлись всѣ элементы широко-распространенного движенія. Но, не находя центровъ притяженія, которыми впослѣдствіи стали соціалистическая группы, они затеривались въ толпѣ, не знали другъ друга и зачастую не знали самихъ себя.

Я. В. Чайковскій жилъ тогда въ Лондонѣ, и съ нимъ, какъ въ былие годы, мы начали пропаганду среди рабочихъ. Поддерживаемые немногими англійскими рабочими, которые познакомились съ нами на конгрессѣ 1881 года, или которыхъ преслѣдованіе Джона Моста привлекло къ соціалистамъ, мы ходили въ радикальные клубы, говорили о русскихъ дѣлахъ, о движениіи нашей молодежи въ народѣ и о соціализмѣ вообще. Слушателей набиралось до смысла мало: рѣдко, рѣдко больше десятка человѣкъ. Порой поднимался среди слушателей какой-нибудь сѣдобородый чартистъ и съ грустью говорилъ, что все, что мы проповѣдуемъ, высказывалось уже сорокъ лѣть тому назадъ, и тогда восторженно привѣтствовалось толпами работниковъ; но теперь все умерло, и лѣть больше надежды на возрожденіе.

Гайдманъ только что выпустилъ прекрасное изложеніе соціализма Маркса подъ названіемъ «Англія для всѣхъ», и я помню, какъ лѣтомъ 1882 года я убѣжалъ его основать поціалистическую газету. Я говорилъ ему, съ какиминическими средствами мы начали издавать «Révolté», и предсказывалъ ему успѣхъ. Но положеніе дѣлъ было такъ непріглядно, что даже Гайдманъ считалъ попытку безнадежной,—развѣ онъ самъ внезапно разбогатѣеть и сможетъ самъ покрывать издержки. Быть-можеть, онъ былъ правъ; но когда, года два спустя, онъ основалъ «Justice», рабочіе охотно поддержали газету. Въ началѣ 1886 года

выходили уже три социалистические газеты, и социалъ-демократическая Федерація пріобрѣла значительное вліяніе.

Лѣтомъ 1882 года я произнесъ, на ломацномъ англійскомъ языкѣ, рѣчь предъ дѣргамскими углекопами на ихъ годичномъ собраніи. Я также читаль въ Ньюкастлѣ, въ Глазго, и въ Эдинбургѣ лекціи о русскомъ движеніи, и меня принимали съ большимъ энтузіазмомъ. Толпы работниковъ восторженно кричали на улицѣ, послѣ лекціи, *ура* въ честь нигилистовъ. Но все-таки мы съ женой чувствовали себя до такой степени одинокими въ Лондонѣ, а усилия пробудить социалистическое движение въ Англіи казались до такой степени безнадежными, что осенью 1882 года мы рѣшили снова перѣхать во Францію. Я былъ увѣренъ, что тамъ меня скоро арестуютъ; но мы часто говорили другъ другу: «Лучше французская тюрьма, чѣмъ эта могила».

Тѣмъ, кто вѣчно толкуетъ о медленности всякой эволюціи, не мѣшало бы изучить развитіе социализма въ Англіи. Эволюція—медленный процессъ; но ходъ ея никогда не бываетъ одинаковъ. Она имѣть свои періоды заміранія—и періоды внезапнаго хода впередъ.

XI.

Мы опять основались въ Тононѣ и сняли квартиру у нашей прежней хозяйки, мадамъ Сансо. Къ намъ пріѣхалъ изъ Швейцаріи братъ моей жены, находившійся въ послѣднемъ фазисѣ чахотки.

Никогда не видѣль я такой кучи русскихъ шпіоновъ, какъ въ тѣ два мѣсяца, что прожилъ въ Тононѣ. Начать съ того, что какъ только мы поселились, какой-то подозрительный мужчина, выдававшій себя за англичанина, снялъ другую часть дома. Стада, буквально стада русскихъ шпіоновъ осаждали домъ и пытались проникнуть туда подъ различными предлогами, а то попросту бродили взадъ и впередъ подъ окнами, партіями въ два, три и четыре человѣка. Воображаю себѣ, какія удивительныя донесенія сочинялись ими! Шпіонъ долженъ доносить. Если онъ попросту скажеть, что онъ простоялъ недѣлю на улицѣ и ничего подозрительнаго не замѣтилъ, его живо прогонятъ.

То былъ золотой вѣкъ русской тайной полиціи. Игнатьевская политика принесла плоды. Двѣ или три разныя по-

лиції усердствовали въ перегонку и вели самыя смѣлые интриги. Каждая имѣла въ своемъ распоряженіи кучу денегъ. Полковникъ Судейкинъ, напримѣръ, устраивалъ заговоры съ Дегаевымъ, убившимъ его впослѣдствіи, выдавалъ женевскимъ эмигрантамъ игнатьевскихъ агентовъ и предлагалъ террористамъ въ Россіи убить, при его помощи, ministra внутреннихъ дѣлъ Толстого и великаго князя Владимира: Судейкинъ прибавлялъ, что тогда его самого назначать министромъ внутреннихъ дѣлъ съ диктаторскими полномочіями, и царь тогда всецѣло будетъ въ его рукахъ. Этотъ фазисъ развитія тайной полиції достигъ пойнаго своего выраженія въ похищенніи принца Баттенбергскаго изъ Болгаріи.

Французская полиція тоже находилась въ возбужденномъ состояніи. Ее мучилъ вопросъ: «Что онъ тамъ дѣлаетъ въ Тононѣ?» Я продолжалъ редактировать «Révolté», затѣмъ писалъ статьи для «Британской Энциклопедіи» и для «Newcastle Chronicle». Но это казалось имъ слишкомъ прозаичнымъ. Однажды мѣстный жандармъ явился къ моей квартирной хозяйкѣ. Онъ слышалъ съ улицы стукъ какою-то машины и горѣлъ желаніемъ послать доносъ объ открытии у меня тайного печатного станка. Онъ явился, когда меня не было, и потребовалъ у хозяйки, чтобы та ему показала станокъ. Мадамъ Сансо отвѣтила, что никакого станка нѣть и высказалась догадку, что жандармъ, вѣроятно, слышалъ стукъ ея швейной машины. Но тотъ не могъ удовлетвориться такимъ банальными объясненіемъ. Онъ заставилъ хозяйку шить на машинѣ, а самъ прислушивался въ домѣ и подъ окнами, чтобы убѣдиться, походить ли стукъ на тотъ, который онъ слышалъ раньше.

— А что онъ дѣлаетъ весь день? — спросилъ жандармъ у хозяйки.

— Пишетъ.

— Не можетъ же онъ писать весь день!

— Онъ пишитъ дрова въ саду, въ полдень, а послѣ обѣда, между четырьмя и пятью, гуляетъ.

Дѣло было въ ноябрѣ.

— Ага! Вотъ оно. «A la tombée de la nuit! (когда стемнѣеть). И жандармъ отмѣтилъ въ книжкѣ: «Никогда изъ дому не выходитъ раньше, чѣмъ стемнѣеть».

Въ то время я не могъ объяснить себѣ эту необычайную внимательность со стороны русскихъ шпионовъ; но, вѣроят-

по, она находилась въ связи съ следующимъ обстоятельствомъ. Когда Игнатьевъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ, по совѣту бывшаго парижскаго префекта Андріё, напалъ на новый планъ. Онъ послалъ рой своихъ агентовъ въ Швейцарію, гдѣ одинъ изъ нихъ сталъ издаватъ газету, стоявшую за нѣкоторое расширеніе земскаго самоуправлія. Главная же задача изданія заключалась въ борьбѣ съ революціонерами и въ группировкѣ вокругъ него всѣхъ эмигрантовъ, отрицательно относившихся къ террору. То было, конечно, средство посѣять раздоръ. Затѣмъ, когда почти всѣхъ членовъ Исполнительного Комитета арестовали въ Россіи, и только два или три изъ нихъ бѣжали въ Парижъ, Игнатьевъ послалъ агента, чтобы предложить имъ перемиріе. Онъ обѣщалъ, что больше казней по поводу заговоровъ, составленныхъ въ царствованіе Александра II, не будетъ, даже если бѣжавшіе попадутъ въ руки правительства, что Чернышевскаго выпустятъ изъ Вилойска, и что назначать комиссию для пересмотра положенія всѣхъ сосланныхъ административнымъ путемъ въ Сибирь. Съ другой стороны, Игнатьевъ требовалъ, чтобы Исполнительный Комитетъ не дѣлалъ новыхъ покушеній на царя, покуда не состоится коронація. Быть-можеть, упоминались также реформы, которыя Александръ III собирался сдѣлать въ пользу крестьянъ. Договоръ былъ заключенъ въ Парижѣ, и обѣ стороны соблюди его. Террористы прекратили военные дѣйствія. Правительство никого не казнило за прежніе заговоры; но тѣхъ, которыхъ арестовали,—замуровали въ Шлиссельбургѣ, въ этой русской Бастиліи, гдѣ никто не слыхалъ о нихъ за цѣлые пятнадцать лѣтъ, и гдѣ большинство изъ нихъ томится до сихъ поръ¹⁾. Чернышевскаго привезли изъ Сибири и поселили въ Астрахани, отдѣливъ его отъ всего интеллигентнаго русскаго міра. Въ этомъ заточеніи онъ вскорѣ умеръ. Въ Сибирь послали комиссию, которая возвратила нѣкоторыхъ ссыльныхъ и назначила сроки для всѣхъ остальныхъ. Моему брату она надбавила пять лѣтъ.

Когда я былъ въ Лондонѣ въ 1882 году, мнѣ тоже сказали разъ, что человѣкъ, называющій себя агентомъ русскаго правительства и берущійся доказать это, желаетъ вступить со мною въ переговоры.

¹⁾ Какъ известно ихъ освободило только революціонное движение 1905. года.

— Скажите ему,—передаль я,—что если онъ явится ко мнѣ, я его сброшу съ лѣстницы.

Игнатьевъ, считая царя обезпеченнымъ отъ покушеній Исполнительного Комитета, боялся, по всей вѣроятности, что анархисты могутъ предпринять что-нибудь. Поэтому онъ желалъ, надо думать, запрятать меня подальше.

XII.

Анархическое движение во Франціи значительно разрослось въ 1881—1882 годахъ. Вообще принято было думать, что духъ французовъ враждебенъ коммунизму и поэтому въ Интернациональной Рабочей Ассоціаціи проповѣдывался «коллективизмъ». Въ то время подъ кол-лективизмомъ подразумѣвалось—обобществление средствъ производства и свобода для каждой группы производителей определить потребление на основѣ индивидуалистической, или коммунистической. Въ дѣйствительности же французскій духъ враждебенъ только казарменному коммунизму, то-есть фаланстеріямъ старой школы, и «арміямъ труда», о которыхъ говорилось въ сороковыхъ годахъ. Когда же Юрская Федерація, на конгрессѣ 1880 года, смыло высказалась за анархический коммунизмъ, то-есть за вольный коммунизмъ, анархическая воззрѣнія сейчасъ же нашли во Франціи многихъ сторонниковъ. Наша газета стала шире распространяться; мы вступили въ дѣятельную переписку съ многими французскими рабочими, и значительное анархическое движение быстро развилось въ Парижѣ и въ пѣкоторыхъ провинціяхъ, въ особенности же вокругъ Ліона. Пересѣкая Францію на пути изъ Тонна въ Лондонъ, я посыпалъ Ліонъ, Сентъ-Этьенъ и Віеннъ, гдѣ читалъ лекціи. Въ этихъ городахъ я нашелъ значительное число рабочихъ, готовыхъ принять наши воззрѣнія.

Въ концѣ 1882 года въ ліонскомъ округѣ свирѣпствовалъ страшный кризисъ. Производство шелковъ было совсѣмъ парализовано, а нищета среди ткачей была такъ велика, что множество дѣтей толпилось по утрамъ у воротъ казармъ, гдѣ солдаты раздавали имъ остатки своего хлѣба и супа. Тутъ началась, между прочимъ, популярность генерала Буланжэ, разрѣшившаго солдатамъ раздачу остатковъ отъ ихъ харчей. Углеконы во всей области тоже находились въ крайне бѣдственномъ положеніи.

Я зналъ, что тамъ началось значительное броженіе, но за одиннадцать мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Лондонѣ, у меня порвались близкія связи съ французскимъ движениемъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего возвращенія въ Тонопъ я узналъ, уже изъ газетъ, что у углекоповъ изъ Монс-ле-Минъ, приведенныхъ въ отчаяніе притесненіями со стороны владѣльцевъ шахтъ, ревностныхъ католиковъ, начался родъ восстанія. Они устраивали тайные сходки и обсуждали всеобщую стачку; каменные кресты, стоявшіе на всѣхъ дорогахъ вокругъ шахтъ, были опрокинуты или же разрушены тѣми динамитными патронами, которые въ большомъ количествѣ употребляются рудокопами въ подземныхъ работахъ и часто остаются у работниковъ. Въ Лондонѣ агитация тоже приняла болѣе сильный характеръ. Анархисты, которыхъ было довольно много въ городѣ, не пропускали ни одного митинга опортюнистовъ безъ того, чтобы не говорить на немъ, и брали платформу приступомъ, если имъ отказывали въ словѣ. Тогда они постановляли резолюціи въ томъ смыслѣ, что шахты, всѣ орудія производства, а также и жилые дома должны принадлежать народу. И эти резолюціи, къ ужасу буржуазіи, принимались восторженно.

Съ каждымъ днемъ недовольство работниковъ росло противъ городскихъ совѣтниковъ и политическихъ вожаковъ-опортюнистовъ, которые ничего не дѣлали для облегченія растущей нищеты, а также противъ прессы, которая говорила съ легкимъ сердцемъ, какъ о пустой вещи, о такомъ важномъ кризисѣ. Какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, ярость бѣднѣйшей части населенія направилась прежде всего противъ мѣсть увеселенія и распутства, которая тѣмъ болѣе озлобляетъ массы въ минуты страданія и отчаянія, что эти мѣста являются для нихъ олицетвореніемъ эгоизма и разврата богатыхъ. Мѣстомъ, особенно ненавистнымъ работникамъ, было кафе въ подвальномъ этажѣ театра Бэлькуръ, которое оставалось открыто всю ночь. Здѣсь, до утра, журналисты и политические дѣятели пировали и пили въ обществѣ веселыхъ женщинъ. Не было сходки, на которой не слышались бы полускрытыя угрозы по адресу этого кафе, и разъ ночью кто-то взорвалъ тамъ динамитный патронъ. Рабочий-соціалистъ, оказавшійся случайно въ кафе, кинулся, чтобы потушить зажженый фитиль патрона, но былъ убитъ взрывомъ, который также слегка ранилъ нѣкоторыхъ пирующихъ буржуа. На слѣ-

дующій день динамитный патронъ взорвали въ дверяхъ рекрутскаго присутствія, и пошла молва, что анархисты намѣреваются взорвать громадную статую Богородицы на холмѣ Фурвіеръ, близъ Ліона. Нужно жить въ Ліонѣ, или въ его окрестностяхъ, чтобы видѣть, до какой степени населеніе и школы находятся еще въ рукахъ католическихъ поповъ, и чтобы понять ту ненависть, которую питаетъ къ духовенству все мужское населеніе.

Паника охватила ліонскую буржуазію. Арестовали шестьдесятъ анархистовъ, все рабочихъ, за исключеніемъ одного Эмиля Готье, дававшаго въ то время серію лекцій въ ліонскомъ округѣ. Ліонскія газеты стали въ то же время систематически убѣждать правительство, чтобы оно арестовало меня; они выставляли меня вожакомъ агитациіи, нарочно прибывшимъ изъ Англіи, чтобы руководить движениемъ. Опять въ нашемъ маленькомъ городѣ стали прогуливаться своры русскихъ шпіоновъ. Почти ежедневно я получалъ посланія, очевидно написанныя шпіонами международной полиціи, съ указаніемъ какого-нибудь динамитнаго заговора или съ таинственными упоминаніями о партияхъ динамита, отправленныхъ ко мнѣ. Я собралъ цѣлую коллекцію подобныхъ писемъ и отмѣчалъ на каждомъ: «Police Internationale». Французская полиція забрала ее у меня при обыскѣ, но этихъ писемъ она не посмѣла предъявить на судѣ. Ихъ, впрочемъ, мнѣ не возвратили.

Въ декабрѣ сдѣлали обыскъ у меня въ домѣ, совсѣмъ по-российски. Задержали также на станціи и обыскали жену, отправлявшуюся изъ Тонона въ Женеву. Конечно, не нашли ничего компрометирующаго меня или другихъ.

Прошло десять дней, во время которыхъ я могъ бы свободно уѣхать, если бы захотѣлъ. Я получилъ нѣсколько писемъ съ совѣтомъ бѣжать; одно изъ нихъ—отъ невѣдомаго русскаго друга, быть-можеть, члена дипломатическаго корпуса, который, повидимому, зналъ меня когда-то. Онъсовѣтовалъ мнѣ скрыться немедленно, потому что иначе я могу сдѣлаться первой жертвой договора о выдачѣ, который долженъ быть заключенъ между Франціей и Россіей. Я остался на мѣстѣ; а когда въ «Times» появилась телеграмма съ сообщеніемъ о моемъ побѣгѣ изъ Тонона, я написалъ письмо въ редакцію этой газеты, указалъ мой адресъ и заявилъ, что не думаю скрываться, послѣ того, какъ арестовано такъ много моихъ друзей.

Въ ночь на 21 декабря мой шуринъ умеръ у менѣ на рукахъ. Мы знали, что его болѣзнь неизлѣчима; и всегда страшно тяжело видѣть, какъ на вашихъ глазахъ гаснетъ молодая жизнь, послѣ упорной борьбы со смертью. Мы съ женой были въ страшномъ горѣ: мы оба очень любили этого прекраснаго юношу... Часа три спустя, когда стало брезжить утро печального зимняго дня, явились жандармы—арестовать меня. Видя въ какомъ состояніи была жена, я просилъ оставаться съ ней до похоронъ, на честное слово, что явлюсь къ назначенному сроку въ тюрьму. Но мнѣ отказали, и въ ту же ночь меня отвезли въ Ліонъ. Элизэ Реклю, котораго извѣстили телеграммой, явился немедленно и проявилъ въ отношеніи къ моей женѣ всю доброту своего золотого сердца. Прибыли друзья изъ Женевы. Хотя похороны посили чисто гражданскій характеръ, чего раньше никогда не бывало въ нашемъ городкѣ, половина всего населенія шла за гробомъ. Оно желало этимъ показать моей женѣ, что симпатіи бѣдноты и савойскихъ крестьянъ были съ нами, а не съ правительствомъ. Когда начался мой процессъ, крестьяне слѣдили за нимъ изо дня въ день и спускались изъ горныхъ деревень въ городъ, чтобы купить газеты и узнать, какъ обстоятъ мои дѣла на судѣ.

Глубоко тронулъ меня также пріѣздъ въ Ліонъ одного знакомаго англичанина. Онъ былъ присланъ хорошо извѣстнымъ иуважаемымъ въ Англіи радикаломъ Джозефомъ Коуэномъ, въ семьѣ котораго я провелъ въ Лондонѣ не мало счастливыхъ часовъ въ 1882 году. Посланный привезъ значительную сумму денегъ, чтобы взять меня на поруки. Въ то же время онъ передалъ мнѣ желаніе лондонскаго друга, чтобы я не заботился о судьбѣ залога и немедленно уѣзжалъ изъ Франціи. Какимъ-то таинственнымъ путемъ мой знакомый ухитрился даже имѣть свободное свиданіе сомнѣй, то-есть личное, а не въ клѣткѣ за двумя рѣшетками, какъ я видѣлся всегда съ женой. Онъ былъ такъ же сильно взволнованъ моимъ отказомъ принять его предложеніе, какъ и я—трогательнымъ проявленіемъ дружбы со стороны лица, къ которому, какъ и къ его замѣчательно хорошей женѣ, я и прежде уже относился съ большими уваженіемъ.

Французское правительство пожелало произвести сильное впечатлѣніе на массы большимъ процессомъ; но оно не могло преслѣдовать арестованныхъ анархистовъ за

взрывы. Для этого пришлось бы передать разборъ дѣла прі-
сіжнымъ, которые, по всей вѣроятности, оправдали бы
насъ. Поэтому правительство прибѣгло къ маккіавеліев-
скому способу—преслѣдованія за принадлежность къ Интер-
національной Рабочей Ассоціації. Во Франціи суще-
ствуетъ законъ, изданный немедленно послѣ паденія Ком-
муны, по которому принадлежащіе къ этой Ассоціації мо-
гутъ быть преданы обыкновенному полицейскому суду и
могутъ быть приговорены имъ до пяти лѣтъ тюремнаго
заключенія. Полицейскій же судь всегда выносить при-
говоръ, угодный правительству.

Судъ начался въ Ліонѣ въ началѣ января 1883 года и
продолжался почти двѣ недѣли. Обвиненіе было смѣшно,
такъ какъ всѣ знали, что ліонскіе работники никогда не
принадлежали къ Интернаціоналу: оно даже вполнѣ про-
валилось, какъ это видно изъ слѣдующаго эпизода. Един-
ственнымъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія былъ началь-
никъ тайной полиціи въ Ліонѣ,—пожилой человѣкъ, къ
которому судъ относился съ необычайнымъ уваженіемъ.
Его показанія, долженъ я сказать, фактически были со-
вершенно вѣрны. Анархисты—говорилъ онъ—пріобрѣли
себѣ многочисленныхъ сторонниковъ среди населенія. Они
сдѣлали митинги оппортунистовъ невозможными, такъ
какъ говорили на каждомъ изъ нихъ, проповѣдывали ком-
мунизмъ и анархизмъ, и увлекали такимъ образомъ слу-
шателей. Видя, что начальникъ тайной полиціи показы-
ваетъ согласно съ истиной, я рѣшился задать ему вопросъ:

— Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы въ Ліонѣ гово-
рилось объ Интернаціональной Ассоціаціи рабочихъ?

— Никогда!—отвѣтилъ онъ угрюмо.

— Когда я возвратился съ лондонскаго конгресса въ
1881 году и сдѣлалъ все возможное, чтобы возродить Ин-
тернаціоналъ во Франціи, имѣлъ ли я успѣхъ?

— Нѣтъ. Работники нашли Интернаціоналъ не доста-
точно революціоннымъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ я; затѣмъ, обратившись
къ прокурору, прибавилъ: «Вотъ вамъ все зданіе обвине-
нія, разрушенное вашимъ же собственнымъ свидѣтелемъ».
Тѣмъ не менѣе, настъ всѣхъ приговорили за принад-
лежность къ Интернаціоналу. Четырехъ изъ насъ прису-
дили къ высшему наказанію—къ пятилѣтнему заключенію
и къ штрафу въ двѣ тысячи франковъ; остальныхъ—къ
заключенію на сроки отъ четырехъ лѣтъ до одного года.

Въ дѣйствительности обвинители наши и не пытались доказать существование Интернационала. Объ этомъ, по-видимому, совершенно забыли. Намъ попросту предложили говорить объ анархизмѣ, что мы и сдѣлали весьма охотно. А когда кто-то изъ ліонскихъ товарищѣ попытался выяснить пунктъ о взрывахъ, ему грубо замѣтили, что насть преслѣдуютъ не за взрывы, а за участіе въ Интернационалѣ,—къ которому, кстати сказать, кромѣ меня никто не принадлежалъ.

Въ подобныхъ процессахъ всегда бываетъ какой-нибудь элементъ комизма и на этотъ разъ онъ былъ внесенъ однимъ моимъ письмомъ. Построить обвиненіе рѣшительно было не на чёмъ. Десятки обысковъ были произведены въ квартирахъ французскихъ анархистовъ; но нашли только два моихъ письма. Прокуроръ пытался выжать изъ нихъ все, что возможно. Одно изъ нихъ я писалъ французскому работнику, который какъ-то палъ духомъ. Я говорилъ ему о знаменательной эпохѣ, въ которой мы живемъ, о наступающихъ великихъ перемѣнахъ, о зарожденіи и распространеніи новыхъ идей... Письмо было не велико, и представитель обвиненія ничего не сумѣлъ извлечь изъ него. Что касается до второго письма, то оно было на двѣнадцати страницахъ. И тутъ-то прокуроръ отличился. Я написалъ его тоже другу французу, молодому башмачнику. Онъ зарабатывалъ средства къ жизни тачаніемъ башмаковъ у себя на дому. Налѣво отъ него стояла желѣзная печурка, на которой онъ самъ стряпалъ свой супъ, а направо—столикъ, на которомъ онъ писалъ длинныя письма къ товарищамъ, не вставая съ низенькой сапожнической скамьи. Ставъ ровно столько паръ башмаковъ, чтобы хватило на покрытие крайне скромныхъ расходовъ и осталось нѣсколько франковъ, чтобы послать старухѣ-матери въ деревню, мой другъ цѣлыми часами писалъ письма, въ которыхъ съ замѣчательнымъ здравымъ смысломъ и проницательностью развивалъ принципы анархизма. Теперь онъ хорошо известный во Франціи писатель и уважается всѣми за открытый характеръ, прямоту и здравый политический смыслъ. Къ несчастью, въ то время онъ могъ исписать восемь или десять страницъ и нигдѣ не поставить ни одной точки или хотя бы запятой. Разъ я присѣлъ и написалъ ему предлинное письмо, въ которомъ объяснилъ, что на бумагѣ мысли раздѣляются на главные предложения и на придаточные, что первыя слѣдуетъ отдѣлять точкой или точкой съ запятой, а для вто-

рыхъ—не пожалѣть хотя бы запятую. Я объяснять пріятелю, какъ много выиграютъ его писанія, если онъ приметъ эту маленькую предосторожность.

Это письмо прокуроръ прочель на судъ и прибавилъ къ нему патетические комментарии:

— Вы внимали, милостивые государи, этому письму,— началъ онъ, обратившись къ суду.— Вы выслушали его. На первый взглядъ въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. Подсудимый даетъ урокъ грамматики рабочему... Но,—и тутъ голосъ прокурора задрожалъ отъ сильнаго волненія,— дѣлалъ онъ это вовсе не для того, чтобы помочь бѣдному работнику въ приобрѣтеніи знаній, которыхъ онъ, по всей вѣроятности изъ лѣноты, не получилъ въ школѣ. Не для того, чтобы пособить ему честно заработать свой хлѣбъ... Нѣтъ, милостивые государи! Это письмо писано для того, чтобы внушить ему ненависть къ нашимъ великимъ и прекраснымъ учрежденіямъ; для того, чтобы лучше напитать его ядомъ анархизма, съ единственной цѣлью сдѣлать его болѣе страшнымъ врагомъ общества... Да будетъ проклять день, когда Кропоткинъ ступилъ на французскую почву!

Мы не могли удержаться и хотели, какъ дѣти, во время всей этой филиппики. Суды глядѣли на прокурора, какъ бы желая сказать ему: «Довольно!» но тотъ вошелъ въ азартъ, ничего не замѣчая и, увлеченный потокомъ собственного краснорѣчія, гремѣлъ, впадая все больше и больше въ театральный тонъ. Онъ усердствовалъ изо всѣхъ силъ, чтобы получить награду отъ русскаго правительства,—которая и была ему дана.

Вскорѣ послѣ осужденія, предсѣдатель полицейскаго суда получилъ повышеніе и былъ сдѣланъ членомъ окружнаго суда. Что касается до прокурора и до другого члена полицейскаго суда, то—трудно повѣрить этому—русское правительство приспало имъ по аниѣ, и французское правительство разрѣшило принять ордена! Такимъ образомъ, знаменитый франко-русскій союзъ зародился еще въ Ліонѣ, послѣ процесса.

Этотъ процессъ, во время котораго были произнесены воспроизведенныя всѣми газетами блестящія анархическія рѣчи, такими первоклассными ораторами, какъ работникъ Бернаръ и Эмиль Готье, и во время котораго всѣ обвиняемые держались мужественно и въ теченіе двухъ недѣль пропагандировали свое ученіе,—имѣлъ громадное вліяніе

расчистивъ ложныя представлениа объ анархизмѣ во Франціи. Безъ сомнѣнія, оно въ извѣстной степени содѣствовало пробужденію соціализма и въ другихъ странахъ. Что касается осужденія, оно до такой степени мало оправдывалось фактами, что французская пресса, за исключеніемъ газетъ, преданныхъ правительству, открыто осуждала судей. Даже умѣренный «Journal des Economistes» открыто не одобрялъ приговора, «котораго отнюдь нельзя было предвидѣть на основаніи фактъ, установленныхъ во время процесса». Въ состязаніи между нами и судомъ выиграли мы. Общественное мнѣніе высказалось въ нашу пользу. Немедленно же въ парламентѣ было внесено предложеніе объ амнистії, за которое подали голосъ около сотни депутатъ. Предложеніе вносилось потомъ правильнио, каждый годъ, заручаясь все болыпшими и болышимъ числомъ голосовъ, покуда, наконецъ, насть освободили.

XIII.

Судъ кончился; но мы еще мѣсяца два оставались въ ліонской тюрьмѣ. Большинство моихъ товарищъ апеллировало на рѣшеніе полицейскаго суда и ждало отвѣта. Я же, съ четыремя друзьями, отказался принять какое-либо участіе въ апелляціи и продолжалъ работать въ своей pistole. Мой большой пріятель Мартэнъ, суконщикъ изъ Віенна, сидѣлъ въ сосѣдней pistole; и такъ какъ мы были уже осуждены, то намъ разрѣшили гулять вмѣстѣ. Когда же намъ хотѣлось поболтать въ теченіе дня, мы перестукивались—точъ въ точъ, какъ въ Россіи. Декабристская азбука и тутъ пригодилась.

Уже во время моего заключенія въ Ліонѣ я началъ понимать то страшно деморализующее вліяніе, которое тюрьма имѣеть на арестантовъ. И эти наблюденія, впослѣдствіи, во время трехлѣтняго пребыванія въ Клэрвѣ, заставили меня рѣшительно высказаться противъ всей тюремной системы вообще.

Ліонская тюрьма—«современная» тюрьма, построенная въ видѣ звѣзды, по камерной системѣ одиночного заключенія. Пространства между лучами звѣзды заняты маленькими, вымощенными асфальтомъ, двориками. Если позволяетъ погода, заключенныхъ выводятъ сюда на работы. Главное ихъ занятіе состоить въ приготовленіи шел-

ковыхъ оческовъ. Въ извѣстные часы во дворики выводили также множество дѣтей, и я часто наблюдалъ изъ моего окна эти исхудалыя, изможденныя, плохо кормленныя существа, представлявшія скорѣе тѣни дѣтей. Всѣ эти истощенные лица и исхудалыя, дрожащія тѣла носили явные слѣды анеміи, и зло увеличивалось не только въ дортуарахъ, но даже во дворѣ, среди бѣла дня. Что выйдеть изъ этихъ дѣтей, когда они оставятъ подобныя школы съ разрушеннымъ здоровьемъ, съ вытравленной волей, съ надломленной энергіей? Анемія, убивающая энергию и охоту къ труду, ослабляющая волю, разрушающая умственные способности и развращающая воображеніе, подстрекаетъ къ преступленію въ гораздо большей степени, чѣмъ полнокровіе. И именно этотъ врагъ рода человѣческаго воздѣлывается въ тюрьмахъ. А къ тому еще надо прибавить вліяніе тюремнаго образованія, получаемаго въ этой ужасной обстановкѣ! Даже если бы возможно было полное разобщеніе арестантовъ—что не достижимо,—онс не помогло бы. Тюремный воздухъ насыщенъ прославленіемъ той страсти къ азарту, которая составляеть самую сущность воровства, плутовства и другихъ противо-общественныхъ поступковъ того же порядка. Въ этихъ питомникахъ, которые государство содержитъ, а общество терпитъ только потому, что не желаетъ слышать обсужденія и анализа его собственныхъ золъ, воспитываются цѣлые поколѣнія будущихъ преступниковъ. «Попаль ребенкомъ въ тюрьму, умереть тебѣ острожникомъ», вотъ что слышалъ я впослѣдствіи отъ всѣхъ, интересующихся вопросомъ о тюрьмахъ. И когда я видѣлъ этихъ дѣтей и понялъ, что ждеть ихъ въ будущемъ, я не могъ не задать себѣ вопроса: «Кто большій преступникъ?—этотъ ли ребенокъ, или судья, приговаривающей ежегодно сотни дѣтей къ подобной участі?» Я охотно допускаю, что преступленіе суды безсознательно. Но дѣйствительно ли такъ сознательны всѣ преступленія, за которыя людей отправляютъ въ тюрьму?

Въ первыя же недѣли моего заключенія меня поразило еще одно обстоятельство, которое, однако, ускользаетъ отъ вниманія судей и криминалистовъ. Я хочу сказать, что тюрьма, въ большинствѣ случаевъ, не говоря уже объ ошибкахъ правосудія, представляетъ наказаніе, карающее людей совершенно невинныхъ гораздо болѣе суров, чѣмъ самихъ осужденныхъ.

Почти всѣ мои товарищи, типичные представители французского рабочаго населенія, поддерживали или женъ и дѣтей, или сестру, или старуху мать. Оставшись безъ поддержки, всѣ эти женщины сдѣлали все возможное, чтобы достать работу. Нѣкоторыя достали; но ни одна изъ нихъ не могла правильно зарабатывать, хотя бы полтора франка въ день. Девять, а иногда и семь франковъ—вотъ все, что онъ могли добыть въ недѣлю для поддерживанія себя и дѣтей. Это означало, конечно, недоѣданіе и лишенія всякаго рода; разстроенное здоровье женщинъ и дѣтей; затѣмъ—ослабленіе умственныхъ силъ, энергіи и воли... Я понялъ тогда, что приговоры, постановляемые судомъ, въ сущности налагаются на совершенно невинныхъ людей всякаго рода страданія, которыя, въ большинствѣ случаевъ, торще выпадающихъ на долю самихъ осужденныхъ. Принято вообще полагать, что законъ наказываетъ преступника, налагая на него всякая физическая и нравственная мученія. Но человѣкъ—существо, привыкающее мало-по-малу ко всяkimъ условіямъ жизни. Если онъ не можетъ измѣнить ихъ, онъ принимаетъ ихъ, какъ нѣчто неизбѣжное, и мало-по-малу приспособляется къ nimъ, точно такъ же, какъ онъ привыкаетъ къ хронической болѣзни и становится нечувствительнымъ къ ней. Но что приходится во время его заключенія на долю его жены и дѣтей,—людей ни въ чемъ неповинныхъ? Законъ караетъ ихъ еще съ большей жестокостью, чѣмъ самого преступника. И при нашей косности мысли и рутинѣ, никто никогда не подумаетъ даже о той великой несправедливости, которая творится. Я самъ не думалъ объ ней до тѣхъ поръ, покуда дѣйствительность не выдвинула предо мной факты во всей ихъ наготѣ.

Въ серединѣ марта 1883 года двадцать-два человѣка изъ насть, осужденные больше, чѣмъ на годъ, были съ необыкновенной таинственностью перевезены въ центральную тюрьму въ Клервѣ. Когда-то тутъ было аббатство бернардинскихъ монаховъ, превращенное во время Великой Революціи въ пріютъ для иешмущихъ. Впослѣдствіи изъ него сдѣлали исправительную тюрьму: *Maison de dÃ©tention et de correction*, и она получила отъ заключенныхъ, и даже отъ начальства, вполнѣ заслуженную кличку: «*Maison de dÃ©tention et de corruption*» (домъ заключенія и развращенія).

До тѣхъ поръ, покуда мы сидѣли въ Ліонѣ, съ намъ обходились, какъ вообще обращаются во Франціи съ

заключенными до суда, то-есть мы ходили въ своеѣ платьѣ, имѣли право получать пищу изъ ресторана, и за пѣсколько франковъ въ мѣсяцъ могли нанимать нѣсколько большую камеру,—такъ называемую *pistole*. Я воспользовался этимъ правомъ, чтобы усиленно работать надъ статьями для «Encyclopaedia Britannica» и для «Nineteenth Century». Теперь нась интересовало, какъ съ нами будутъ обращаться въ Клэрвѣ. Но во Франціи вообще принято полагать, что для политическихъ заключенныхъ потеря свободы и вынужденная бездѣятельность уже сами по себѣ тяжелое наказаніе, такъ что незачѣмъ отягчать его. Поэтому намъ объявили, что нась оставлять на положеніи предварительного заключенія. Намъ дадутъ отдѣльныя камеры, позволять носить своеѣ платья; освободятъ отъ принудительныхъ работъ и разрѣшать курить.

— Тѣ изъ васъ,—сказалъ смотритель,—которые пожелають заработать что-нибудь ручнымъ трудомъ, могутъ шить корсеты или гравировать небольшія вещицы изъ перламутра. Все это плохо оплачивается, но вы не можете работать въ тюремныхъ мастерскихъ, гдѣ изготавляются желѣзныя кровати, рамы для картинъ и тому подобное, потому что для этого васъ пришлось бы помѣстить вмѣстѣ съ уголовными арестантами.—Какъ и другимъ заключеннымъ, намъ позволили покупать въ тюремной маркитантской-кое-какую добавочную пищу и полбутилки краснаго вина въ день. Все это было хорошаго качества и доставлялось по очень дешевой цѣнѣ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Клэрвѣ, было самое благопріятное. Мы пробыли въ дорогѣ цѣлыѣ день, съ двухъ или трехъ часовъ утра, въ маленькихъ клѣткахъ, на которыхъ обыкновенно раздѣляются арестантскіе вагоны. Когда мы прибыли въ тюрьму, нась помѣстили временно въ зданіе одиночного заключенія. Крошечныя камеры были здѣсь обычнаго типа, —очень чистыя. Несмотря на поздній часъ ночи, намъ дали простую, по превосходящему качества горячую пищу. Предоставили намъ также возможность получить по полбутилки хорошаго *vin du pays*, которое продавалось въ тюремной маркитантской всего по гривеннику (двадцать четыре сантима) за литръ. Смотритель и надзиратели были съ нами зрезвычайно вѣжливы.

На другой день смотритель повелъ меня показывать предназначавшіяся для нась помѣщенія. Когда же я заѣ

мѣтиль, что они хороши, но только маловаты для двадцати двухъ человѣкъ, и что поэтому отъ скученности могутъ произойти болѣзни,—онъ сей часъ же выбралъ намъ другой рядъ комнатъ, въ зданіи, гдѣ когда-то жилъ настоятель монастыря, а теперь помѣщался госпиталь. Наши окна выходили въ маленькой садъ, и изъ нихъ открывался чудесный видъ на окрестность. Въ томъ же самомъ отдѣленіи, въ сосѣдней комнатѣ, старый Бланки провелъ три или четыре года до своего освобожденія. Раньше этого онъ содержался въ зданіи для одиночного заключенія.

Такимъ образомъ, въ нашемъ распоряженіи были три просторныя комнаты и одна поменьше, отведенная мнѣ и Готье, такъ что мы могли продолжать литературную работу. По всей вѣроятности, эта послѣдняя любезность объяснялась ходатайствомъ значительного числа англійскихъ ученыхъ, которые, какъ только меня осудили, подписали петицію о моемъ освобожденіи. Среди подписавшихъ были многіе сотрудники «Encyclopaedia Britannica» въ томъ числѣ Гербертъ Спенсеръ и поэтъ Суинбѣрнъ (Swinburne). Викторъ Гюго, кромѣ подписи, прибавилъ еще не сколько краснорѣчивыхъ словъ. Вообще общественное мнѣніе во Франціи приняло очень неблагопріятно наше осужденіе. Когда моя жена упомянула въ Парижѣ, что мнѣ нужны книги, то академія наукъ предложила свою библіотеку, а Эрнестъ Ренанъ, въ очень миломъ письмѣ, представилъ въ мое распоряженіе всѣ свои книги.

У насъ былъ небольшой садикъ, въ которомъ мы могли играть въ кегли, или въ jeu de boule, при чемъ во времена послѣдняго поднимался такой гамъ, на который только способны французы и южане. Кромѣ того, мы разработали небольшую грядку вдоль стѣны, и на пространствѣ въ восемьдесятъ квадратныхъ метровъ выращивали почти исключительно количества салата, редиски и кое-какихъ цвѣтовъ. Нечего и говорить, что мы сей часъ же устроили курсы, и въ теченіе трехъ лѣтъ пребыванія въ Клерво я читалъ моимъ товарищамъ лекціи по космографіи, геометріи и физикѣ, а также помогалъ имъ при изученіи иностранныхъ языковъ. Почти всѣ они изучили, по крайней мѣрѣ, одинъ языкъ: англійскій, нѣмецкій, итальянскій или испанскій. Нѣкоторые же изучали два. Занимались мы также переплетнымъ дѣломъ, учась ему по одному изъ томиковъ превосходной «Encyclopédie Roret».

Несмотря на это, къ концу первого года мое здоровье снова подалось. Клэрвѣ выстроено на болотистой почвѣ; малярия здѣсь имѣеть эпидемический характеръ; и малярия съ цыгой привязались ко мнѣ. Тогда моя жена, учившаяся въ Парижѣ и работавшая въ лабораторіи Вюрца, подготовляясь къ экзамену на степень доктора естественныхъ наукъ, бросила все и переселилась въ деревушку Клэрвѣ, состоящую всего изъ десятка домиковъ, ютиящихся у громадной стѣны, окружающей тюрьму. Разумѣется, жизнь ея, въ полномъ одиночествѣ, въ деревушкѣ, рядомъ съ тюрьмой, не была красна; но она пробыла здѣсь покуда меня не освободили. Въ теченіе первого года ей разрѣшали свиданія со мной только разъ въ два мѣсяца, и то въ присутствіи надзирателя, спѣвшаго между нами. Но когда она твердо выразила намѣреніе оставаться въ Клэрвѣ, ей разрѣшили видѣть меня ежедневно въ одномъ изъ домиковъ, лежащихъ въ тюремной оградѣ, гдѣ находился караульный постъ. Пищу мнѣ приносили изъ той гостиницы, гдѣ жила жена. Впослѣдствіи намъ позволили даже гулять въ саду смотрителя, подъ строгимъ надзоромъ сторожа. Одинъ изъ товарищей обыкновенно присоединялся къ намъ во время этой прогулки.

Къ моему удивленію, я открылъ, что центральная тюрьма въ Клэрвѣ цѣлый промышленный городокъ, окруженный фруктовыми садами и хлѣбными полями и обнесенный внѣшнею стѣною непомѣрной длины. Фактъ тотъ, что если во французской центральной тюрьмѣ заключенные, быть можетъ, болѣе находятся въ зависимости отъ произвола и капризовъ смотрителя и надзирателей, чѣмъ въ англійской тюрьмѣ, зато обращеніе съ арестантами гораздо гуманнѣе, чѣмъ въ соответствующихъ учрежденіяхъ по ту сторону канала. Средневѣковая система возмездія, которая господствуетъ еще въ англійскихъ тюрьмахъ, давно уже исчезла во французскихъ. Заключенного не заставляютъ спать на голыхъ доскахъ и не даютъ ему матрасъ только черезъ день. Какъ только арестантъ поступаетъ въ тюрьму, ему даютъ удовлетворительную постель, которую и не отнимаютъ больше. Его не принуждаютъ къ унижающей работѣ, какъ топтаніе на колесѣ или расщепливанье просмоленаго ката патта для получения пеньки. Арестантъ, напротивъ, дѣлаетъ полезную работу, и вотъ почему тюрьма въ Клэрвѣ носить характеръ промышленнаго города. Тысяча-шестьсотъ заключенныхъ, содержащихся въ ней, изготавля-

ютъ жѣлѣзныя кровати, рамы для картинъ, зеркала, мѣры, бархатъ, полотно, дамскіе корсеты, мелкія вещицы изъ перламутра, деревянные башмаки и вмѣстѣ съ тѣмъ воздѣлываются нѣсколько пшеницы, овса и овощей.

Кромѣ того, если наказаніе за непослушаніе очень жестоко, зато пѣть съченія, которое практикуется еще въ англійскихъ тюрьмахъ. Такое наказаніе было бы абсолютно невозможно во Франціи. Въ общемъ, можно сказать что Клэрвѣ—лучшая тюрьма въ Европѣ. А между тѣмъ результаты, получаемые здѣсь, такъ же плохи, какъ во всякой другой тюрьмѣ старого типа.—«Всѣ твердятъ теперь, что заключенные исправляются въ нашихъ тюрьмахъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ членовъ тюремной администраціи.—Все это вздоръ. Я ни за что не позволю себѣ поддерживать подобную ложь».

Аптека находилась подъ занимаемыми нами комнатами, и мы порой приходили въ соприкосновеніе съ арестантами, работавшими тамъ. Одинъ изъ нихъ былъ сѣдой старикъ, лѣтъ пятидесяти-пяти, которому вышелъ срокъ, когда мы были въ Клэрвѣ. Трогательно было видѣть, какъ онъ прощался съ тюрьмой. Онъ зналъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или даже недѣль попадетъ обратно и поэтому заранѣе просилъ доктора поберечь ему въ аптекѣ мѣсто. Старикъ былъ не въ первый разъ въ Клэрвѣ и зналъ, что опять—но въ послѣдній разъ. Когда его освободили, у него не было ни души, къ кому онъ могъ бы пойти, чтобы найти пріютъ на старость. «Кто захочетъ дать мнѣ работу?—говорилъ онъ.—И какое ремесло я знаю? Никакого! Когда меня выпустятъ, только мнѣ и хода, что къ прежнимъ товарищамъ. Они, по крайней мѣрѣ, навѣрное примутъ меня какъ стараго друга». Затѣмъ въ ихъ компаніи пропускался лишній стаканъ, слѣдоваль возбуждающій разговоръ о какомъ-нибудь ловкомъ дѣлѣ, обѣ отличной штукѣ, которую можно сдѣлать новымъ воровствомъ, и частью по слабохарактерности, частью, чтобы угодить друзьямъ, старикъ присоединялся къ имъ и снова попадалъ въ тюрьму. Такъ повторялось уже нѣсколько разъ. Прошло, однако, два мѣсяца, послѣ освобожденія старика, а онъ не возвращался въ Клэрвѣ. Тогда арестанты и даже надзиратели начали беспокоиться. «Нѣужели онъ успѣлъ перебраться въ другой судебній округъ, что его еще нѣть обратно?—говорили всѣ.—Лишь бы бѣдняга не впутался въ какое-нибудь скверное дѣло»,

подразумѣвалось подъ этимъ что-нибудь худшее, чѣмъ воровство. Жалко было бы—такой славный, спокойный старикъ». Скоро, однако, выяснилось, что върно было первое предположеніе. Пришла вѣсточка изъ другой тюрьмы, что нашъ старикъ сидить тамъ и хлопочетъ о переводѣ въ Клэрвѣ.

Старые арестанты представляли самое печальное зрѣлище. Для многихъ изъ нихъ тюремный опытъ начался въ дѣтствѣ или съ ранней юности; другіе попали въ тюрьму въ зреіомъ возрастѣ, но...

«Разъ попалъ въ тюрьму, значитъ, тюрьма на всю жизнь». Такова поговорка, сложенная на основаніи опыта. И теперь, переваливъ за шестьдесятъ, старики знали, что имъ предстоитъ окончить жизнь въ заключеніи. Какъ бы для того, чтобы ускорить ихъ смерть, тюремное начальство отправляло ихъ въ мастерскія, гдѣ изготавлялись изъ разнаго шерстяного отброса войлочные чулки. Пыль, стоящая въ мастерскихъ, быстро зарождала въ стариахъ чахотку, которая и уносила ихъ. Тогда четыре арестанта относили старого товарища въ общую могилу. Кладбищенскій сторожъ и его черная собака были единственными существами, провожавшими гробъ. Тюремный священникъ, шедшій впереди, машинально бормоталъ свои молитвы и разсѣянно глядѣлъ на каштаны и ели по сторонамъ дороги; четыре товарища только радовались своей минутной свободѣ. И лишь черная собака, повидимому, чувствовала трогательность процессіи.

Когда во Франціи ввели реформированныя центральные тюрьмы, то предполагалось, что возможно будетъ поддерживать въ нихъ систему абсолютнаго молчанія. Но она до такой степени противна всему человѣчеству, что строгое примѣненіе системы пришлось оставить:

Поверхностному наблюдателю тюрьма кажется совершенно пѣ мой, но въ дѣйствительности въ ней идетъ такая же дѣятельная жизнь, какъ въ маленькомъ городкѣ. Вполноголоса, оброненными мимоходомъ словами, произнесенными шепотомъ или же черезъ посредство нацарапанныхъ строчекъ на клочкахъ бумаги, въ тюрьмѣ немедленно передаются изъ конца въ конецъ всѣ новости. Все, слушающееся между самими заключенными, или на парадномъ дворѣ, гдѣ живеть администрація, или въ деревнѣ Клэрвѣ, или въ широкомъ мірѣ парижской политики, немедленно

передается во всеобщая и одиночные камеры и в мастерской. Французы слишком общительны по природе, чтобы удалось совершенно запретить им говорить. Мы не имели никаких спосовий съ уголовными арестантами, а между тем знали все новости дня. «Садовник Жан снова попал на два года». — «Испектора жена здорово задралась съ женой такого-то». — «Жака, который въ одиночномъ, поймали, когда онъ передавалъ словцо Жану изъ рамочной мастерской». — «Старая скотица N. — больше не министръ юстиции. Министерство пало». И такъ далъе. А когда узнаютъ, что Жанъ обмыналъ у тюремнаго сторожа два фланелевыхъ жилета, купленныхъ за пятнадцать франковъ у тюремной администраціи, па дѣлочки табаку въ пятьдесятъ сантимовъ, то вѣсть въ одно мгновеніе распространяется по всей тюрьмѣ. Со всѣхъ сторонъ къ памъ обращались за табакомъ. Разъ какъ-то сидѣвшій въ тюрьмѣ мелкій ходатай по дѣламъ захотѣлъ передать миѣ записку, чтобы я попросилъ мою жену, жившую въ деревнѣ, навѣстить его жену, тоже поселившуюся тамъ. Множество арестантовъ приняли живѣйшее участіе въ передачѣ этой записки, которая должна была пройти Богъ вѣсть сколько рукъ, покуда достигла своего назначенія. А когда въ парижскихъ газетахъ появлялась замѣтка, которая могла заинтересовать насъ, номеръ газеты попадалъ къ памъ самыемъ неожиданнымъ путемъ: напримѣръ, черезъ высокую стѣну нашего сада, съ завернутымъ въ газету камнемъ.

Одиночное заключеніе не прекращаетъ спосовий. Когда мы прибыли въ Клервѣ, и насъ помѣстили въ одиночкахъ, въ нихъ было страшно холодно, такъ что я едва могъ писать, и когда жена моя, жившая тогда въ Парижѣ, получила мое письмо, она даже не узнала почерка. Директоръ отдалъ приказъ топить камеры па сколько возможно; но несмотря на всѣ старанія, въ нихъ холода стоялъ такой же, какъ и прежде. Оказалось, что всѣ паровые трубы были забиты клочками бумаги, обрывками записокъ, перочинными ножичками и всякаго рода мелочами, которыя прятались тамъ пѣсколькими поколѣніями арестантовъ.

Мартэнъ, тотъ самый мой пріятель, о которомъ я уже упомянулъ, получилъ разрѣшеніе отбыть часть своего срока въ одиночномъ заключеніи. Онъ предпочиталъ быть одинъ, чѣмъ съ десяткомъ людей въ одной камерѣ. Однако, къ великому своему изумленію, Мартэнъ нашелъ, что онъ вовсе не одинъ. Стѣны и замочная скважина говорили

вокругъ него. Черезъ два-три дня во всѣхъ одиночныхъ камерахъ знали уже, кто онъ такой, и онъ завелъ знакомство во всемъ зданіи. Въ камерахъ, повидимому изолированныхъ, кипитъ жизнь, какъ въ ульѣ. Эта жизнь только принимаетъ иногда такой характеръ, который относить ее всецѣло къ области психопатологіи. Даже Крафтъ Эбингъ не имѣлъ представлѣнія о тѣхъ извращеніяхъ чувствъ, которыхъ встречаются въ одиночныхъ камерахъ.

Я не стану повторять здѣсь того, что сказаль уже о правственномъ вліяніи тюремъ на заключенныхъ, въ моей книжѣ: «Въ Русскихъ и Французскихъ тюрьмахъ», изданной по-англійски въ Лондонѣ въ 1886 году, вскорѣ послѣ моего освобожденія изъ Клэрвѣ. Ограничусь лишь слѣдующимъ. Тюремное населеніе состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ. Принимая во вниманіе только такъ называемую категорію собственно «преступниковъ», о которой мы такъ много наслышались въ послѣднее время отъ Ломброзо и его учениковъ, я быль крайне пораженъ однимъ фактъмъ. Тюрьмы, обыкновенно разсматриваемыя, какъ гарантія отъ противо-общественныхъ поступковъ, въ сущности являются разсадниками самихъ этихъ поступковъ. Всякому извѣстно, что отсутствіе образованія, отвращеніе къ правильному труду, физическая неспособность къ напряженному усилию, невѣрно направленная любовь къ приключеніямъ, наклонность къ игрѣ, отсутствіе энергіи, не выработанная воля и беззаботность о благѣ другихъ являются причинами, приводящими этотъ классъ заключенныхъ въ тюрьмы. Во время моего заключенія, меня, однако, сильно поразилъ тотъ фактъ, что именно эти недостатки, и каждый изъ нихъ въ отдельности, непрѣменно усиливаются въ тюрьмѣ. И развиваются они именно потому, что такова сущность тюрьмы; покуда существуютъ тюрьмы, опять будуть развивать ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что продолжительное заключеніе разрушаетъ—пизбѣжно, фатально—энергію въ человѣкѣ; оно убиваетъ къ тому же еще и волю. Заключенный не находить въ тюремной жизни необходимости упражнять свою волю. Наоборотъ, если онъ ее имѣть, онъ съ нею наживетъ себѣ бѣды: воля арестанта должна быть, по мнѣнію начальства, убита; и ее убиваютъ. Еще меньше возможности находить онъ для проявленія естественной симпатіи. Все дѣлается такъ, чтобы помѣшать арестанту споситься, въ стѣнахъ или за стѣнами тюрьмы, съ тѣми, къ которымъ онъ чувствуетъ влеченіе. Затѣмъ,

заключенный, по мѣрѣ того, какъ проходятъ годы, все меныше и меныше становится способнымъ, въ физическомъ и умственномъ отношеніи, къ напряженной работе. И если онъ уже прежде не любилъ правильную работу, то это чувство только усиливается во время его остройной жизни.

Если прежде, чѣмъ человѣкъ попадъ въ тюрьму, его утомлялъ монотонный трудъ, котораго онъ неспособенъ былъ выполнять надлежащимъ образомъ, или если онъ не взлюбилъ чрезмѣрную, плохо оплачиваемую работу, на которую обречены рабочій, — то въ тюрьмѣ это чувство превращается въ полное отвращеніе. Если прежде онъ только сомнѣвался въ полезности ходачихъ правилъ нравственности, то теперь, бросивши критической взглядъ на официальныхъ защитниковъ этихъ правилъ и узнавши, какъ смотрятъ на нихъ товарищи, онъ открыто бросаетъ старый кодексъ морали за бортъ. И если болѣзненное развитіе страстнаго и чувственнаго темперамента толкнуло человѣка на преступное дѣяніе, эта болѣзненная черта характера еще болѣе разовьется за нѣсколько лѣтъ заключенія и достигнетъ во многихъ случаяхъ ужасающихъ размѣровъ. Въ послѣднемъ направлении — наиболѣе опасномъ — сильнѣе всего оказывается влияніе тюремнаго воспитанія.

Въ Сибири я видѣлъ, какими безднами мерзости и какими очагами физического и нравственного развращенія являются наши старые, грязные, переполненные арестантами остроги. Тогда, двадцати-лѣтнему юношѣ, мнѣ казалось, что эти учрежденія могутъ быть значительно улучшены, если камеры не будутъ переполнены, если арестантовъ раздѣлять на категоріи и дадутъ имъ здоровую работу. Теперь приходилось отказаться отъ всѣхъ этихъ иллюзій. Я могъ убѣдиться, что самыя лучшія, «реформированныя» тюрьмы, — все равно, будуть ли они одиночныя или нетъ, — въ отношеніи къ арестантамъ и относительно пользы для общества, также плохи, какъ и старые дореформенные остроги, если не хуже. Они не исправляютъ заключенныхъ. Напротивъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, они имѣютъ самое погубное влияніе. Воръ, плутъ, грабитель, проведшіе нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, выходятъ оттуда еще болѣе готовые приняться за старую профессію. Они теперь лучше подготовлены; они изучили всѣ тайны ремесла и болѣе озлоблены противъ общества. Они находятъ теперь лучшее оправданіе своему возстанію противъ его законовъ и обычаевъ. По необходимости, неизбѣжно, человѣкъ все больше и

больше погружается въ противоподобственные проступки, разъ уже приведшіе его въ судъ. То преступленіе, которое онъ совершилъ послѣ освобожденія, неизбѣжно будетъ болѣе серьѣзного характера, чѣмъ то, за которое онъ попался въ первый разъ. И ему предопределено умереть, или въ тюрьмѣ, или на каторгѣ. Въ вышеупомянутой книгѣ я говорилъ, что тюрьмы—«университеты преступности, содержащіе государствомъ». И теперь, думая черезъ много лѣтъ объ этомъ, я, на основаніи массы новыхъ фактовъ, могу только повторить то же самое.

Лично я не имѣю никакого основанія жаловаться на годы, проведенные мною во французской тюрьмѣ. Для дѣятельного и независимаго человѣка потеря свободы и дѣятельности сама по себѣ уже такое большое лишеніе, что обо всѣхъ остальныхъ тюремныхъ лишеніяхъ не стоять и говорить. Безъ сомнѣнія, мы сильно томились нашею вынужденною бездѣятельностью, когда до насъ доходили слухи про оживленную политическую жизнь, зачинавшуюся во Франціи. Конецъ первого года, въ особенности въ мрачную зиму, всегда тяжелъ для заключеннаго. И когда наступаетъ весна, больше чѣмъ когда-либо чувствуется лишеніе свободы. Когда я видѣлъ изъ нашего окна, какъ луга снова покрываются зеленью, а на холмахъ опять виситъ весенняя дымка; когда въ долинѣ, бывало, промчится поѣздъ, я, конечно, испытывалъ сильное желаніе послѣдовать за нимъ, подышать лѣснымъ воздухомъ или унести въ потокъ человѣческой жизни въ большомъ городѣ. Но тотъ, кто связываетъ свою судьбу съ тою или другою крайнею партией, долженъ быть готовъ провести годы въ тюрьмѣ, и ему не слѣдуетъ на это роптать. Онъ сознаетъ, что даже въ заключеніи онъ не перестаетъ, въ извѣстной степени, содѣйствовать прогрессу человѣчества, который развивается и укрѣпляетъ дорогія ему идеи.

Въ Ліонѣ надзиратели были очень грубый народъ; въ этомъ имѣли возможность убѣдиться мы всѣ: товарищи, моя жена и я самъ. Но послѣ нѣсколькихъ стычекъ все уладилось. На придачу администрація знала хорошо, что за насъ—парижская пресса и вовсе не желала навлечь на свои головы громы Рошфора или жгучую критику Клемансо. Въ Клэрвѣ, оказалось, дѣло обошлось безъ столкновеній. Всю администрацію смѣнили за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего прибытія. Надзиратели убили въ камерѣ одного

изъ арестантовъ и повѣсили потомъ его тѣло, чтобы представить смерть, какъ самоубийство. Но дѣло выплыло на-этотъ разъ благодаря врачу. Главнаго смотрителя и нѣсколькихъ помощниковъ смѣстили, и совершенно иныхъ отношенія установились въ тюрьмѣ. Вообще, я вынесъ изъ Клэрвѣ самыя лучшія воспоминанія о директорѣ и, въ концѣ концовъ, во время моего пребыванія тамъ, не разъ думалъ, что люди часто бываютъ лучше, чѣмъ тѣ учрежденія, къ которымъ они принадлежатъ. Но, не имѣя личныхъ жалобъ, я тѣмъ болѣе свободно и безусловно могу отрицать само учрежденіе, какъ пережитокъ мрачнаго прошлага, ошибочный въ принципѣ и являющійся источникомъ безчисленныхъ золъ для общества.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ, что поразило меня даже сильнѣе, чѣмъ деморализующее вліяніе тюремъ на заключенныхъ. Какимъ гнѣздомъ заразы является каждая тюрьма и даже каждый судъ для сосѣдей, для всѣхъ живущихъ вблизи! Ломброзо нашумѣлъ очень много своимъ «преступнымъ типомъ», открытымъ будто бы имъ среди осторожнаго населенія. Если бы онъ съ такимъ же вниманіемъ наблюдалъ публику, тяготѣющую къ суду: сыщиковъ, шпіоновъ, уличныхъ адвокатовъ, доносчиковъ и обманщицъ всякаго рода,—Ломброзо, навѣрное, пришелъ бы къ заключенію, что географическая сфера распространенія «преступнаго типа» не ограничивается только тюремными стѣнами. Никогда я не видаль такой богатой коллекціи лицъ самого низшаго людскаго типа, какъ въ ліонскомъ судѣ, гдѣ эти существа швыряли десятками. Ничего подобнаго я, конечно, не встрѣчалъ въ стѣнахъ Клэрвѣ. Диккенсъ и Круикшэнкъ обезсмертили вѣкоторые изъ этихъ типовъ, составляющихъ совсѣмъ особый міръ, который вращается вокругъ судовъ и распространяетъ заразу далеко вокругъ. То же самое относится ко всякой центральной тюрьмѣ, въ родѣ Клэрвѣ. Вокругъ тюрьмы, какъ масляное пятно, распространяется цѣлая атмосфера мелкаго воровства и мошенничества, шпіонства и порочности всякаго рода.

Все это я видѣлъ. И если до моего осужденія я зналъ уже, что современная система наказанія дурна, то, оставляя Клэрвѣ, я понялъ также, что система эта не только дурна и несправедлива, но что чистое безуміе со стороны общества поддерживать на свой счетъ—по невѣдѣнію или по притворному незнанію дѣйствительности—эти «уни-

верситеты преступности» и эти гнѣзда развращенія; все это подъ предлогомъ, что остроги необходимы для обузданія преступныхъ инстинктовъ нѣсколькихъ людей!

XIV.

Каждый революціонеръ встрѣчаетъ на своемъ пути извѣстное число шпіоновъ и агентовъ-provокаторовъ. Я тоже сподобился этого добра. Всѣ правительства тратятъ значительныя деньги на содержаніе этихъ гадинъ; но въ сущности, олѣ опасны только для зеленої молодежи. Кто знаѣтъ немнога жизни и людей, быстро научается узнавать этотъ сортъ людей,—что-то такое въ нихъ, что заставляетъ его сразу быть на сторожѣ. Вербуются они изъ поддонахъ общества,—изъ людей, нравственный уровень которыхъ очень низокъ. И если кто присматривается къ нравственному облику тѣхъ, съ которыми встрѣчается, то скоро замѣчаетъ въ манерахъ этихъ «столповъ общества» нѣчто такое, что поражаетъ его и заставляетъ задать себѣ вопросъ: «Что привело этихъ людей ко мнѣ? Что общаго могутъ они имѣть со мной?» Въ большинствѣ случаевъ этотъ простой вопросъ достаточенъ, чтобы насторожиться.

Когда я въ первый разъ прїѣхалъ въ Женеву, агентъ русского правительства, который долженъ былъ слѣдить за эмигрантами, былъ всѣмъ намъ хорошо извѣстенъ. Онъ назывался «графомъ X.»; но такъ какъ у него не было ни лакея, ни кареты, на которой онъ могъ бы помѣстить свой гербъ, то онъ вышиль его на попонкѣ своей собачки. Мы встрѣчали его иногда въ кафѣ, но не заговаривали съ нимъ. Въ сущности онъ былъ «безобидный», такъ какъ попросту покупалъ въ кіоскахъ изданія эмигрантовъ и, по всей вѣроятности, сдабривалъ ихъ своими примѣчаніями въ донесеніяхъ по начальству.

Совсѣмъ другой народъ началъ появляться въ Женевѣ, когда туда стало прїѣзжать новое поколѣніе эмиграцій. И однако, тѣмъ или инымъ путемъ, мы всегда узнавали и новыхъ шпіоновъ.

Когда на нашемъ горизонте появлялся неизвѣстный, ему съ обычной нигилистичеій прямотой задавались вопросы о его прошломъ, и что онъ думаетъ дѣлать. Такимъ образомъ быстро выяснялось, что за человѣкъ предъ нами. Откровенность во взаимныхъ отношеніяхъ—лучшее средство для установленія хорошихъ отношеній между людьми; въ по-

добномъ же случаѣ она неоцѣнима. Люди, которыхъ никто изъ насъ не зналъ, и о которыхъ даже никто ничего не слышалъ въ Россіи,—совершенно неизвѣстные въ нашихъ кружкахъ, прѣѣзжали въ Женеву; и многіе изъ нихъ, черезъ нѣсколько дней, а не то и часовъ, совсѣмъ сближались съ колоніей. Но шпіонамъ, по той или другой причинѣ, никогда не удавалось вкрасться къ намъ въ дружбу. Шпіонъ можетъ назвать общихъ знакомыхъ, онъ можетъ дать самый лучшій отчетъ, подчасъ даже вѣрный, о своемъ прошломъ въ Россіи; онъ можетъ въ совершенствѣ усвоить нигилистичніе манеры и жаргонъ; но онъ никогда не можетъ усвоить нигилистской этики, создавшейся среди русской молодежи. И это одно держало его вдали отъ нашей колоніи. Шпіоны могутъ притворяться во всемъ, но только не въ этихъ правилахъ нравственности.

Когда я работалъ вмѣстѣ съ Реклю, въ Кларанѣ жилъ подобный индивидуумъ, отъ которого мы всѣ держались въ сторонѣ. Мы не знали ничего худого за него; но мы чувствовали, что онъ «не нашъ». И чѣмъ больше онъ пытался проникнуть къ намъ, тѣмъ больше вызывалъ онъ подозрѣній. Я никогда не говорилъ съ нимъ ни слова, и поэтому онъ особенно добивался моего знакомства. Видя, что обычнымъ путемъ ему не втереться ко мнѣ, онъ началъ писать мнѣ письма и назначать таинствѣнныя свиданія, для таинственныхъ цѣлей: въ лѣсу или въ тому подобныхъ мѣстахъ. Шутки ради, я разъ принялъ приглашеніе и пошелъ на назначенное мѣсто, при чѣмъ хороший мой пріятель слѣдоваль издали. Но сей господинъ, который, вѣроятно, имѣть соумышленника, должно-быть, узналъ, что я не одинъ, и не явился. Такимъ образомъ, я избавился отъ удовольсвія когда бы то ни было разговаривать съ нимъ. Къ тому же я тогда работалъ такъ усиленно, что каждая минута моего времени была занята или географіей, или «Révolté»,—для конспирацій у меня не было времени. Однако мы узнали потомъ, что этотъ человѣкъ посыпалъ въ третье отдѣленіе подробные отчеты о мнимыхъ разговорахъ, которые онъ будто бы велъ со мною, о моемъ довѣріи къ нему и о страшныхъ заговорахъ въ Петербургѣ противъ царя, которыми я руковожу. Все это принималось въ Петербургѣ за чистую монету. И не въ одномъ Петербургѣ: въ Италии также вѣрили всякому вздору, присылавшемуся шпіонами. Такъ, когда Кафiero разъ арестовали въ Швейцаріи, ему показали страшные отчеты италь-

и я кихъ шпіоновъ, которые доносили своему правительству, что мы съ Кафіеро, вооруженные бомбами, готовимся перейти границу. Въ дѣйствительности, я тогда еще не былъ въ Италии и вовсе не собирался туда.

Нужно сказать, что шпіоны не всегда составляютъ свои оненія изъ однихъ вымысловъ. Часто они сообщаютъ вѣрные факты; но все зависитъ отъ того, какимъ образомъ разсказать происшествіе. Мы не мало смѣялись по поводу одного отчета, посланного французскому правительству піономъ, слѣдовавшимъ за нами въ 1881 году, на пути изъ Парижа въ Лондонъ. Шпіонъ, какъ это часто бываетъ, велъ двойную игру, и продалъ свой отчетъ Рошфору, который и напечаталъ его въ своей газетѣ. Все, что шпіонъ доносилъ, было вѣрно; но нужно было видѣть, какъ это сообщалось! Соглядатай писалъ, напримѣръ: «Я занялъ сосѣднее отдѣленіе съ тѣмъ, въ которомъ сидѣли Кропоткинъ съ женой». Совершенно вѣрно: онъ сидѣлъ тамъ. Мы его замѣтили сразу, потому что его злобное, непріятное лицо привлекло наше вниманіе. «Они говорили все время по-русски, чтобы остальные пассажиры не могли ихъ понять». Опять-таки совершенно вѣрно: мы говорили по-русски, какъ всегда. «Когда они прибыли въ Калѣ, оба потребовали себѣ по бульону». Святая истина: мы спросили бульонъ. Но здѣсь начинается таинственная сторона путешествія. «Послѣ этого они оба внезапно исчезли. Я напрасно искалъ ихъ на платформѣ и въ другихъ мѣстахъ; когда же они опять появились, онъ былъ переодѣтъ, и съ нимъ находился русскій священникъ, который не оставлялъ его до самаго Лондона, гдѣ я потерялъ его изъ виду». Опять-таки все это было совершенно вѣрно. У моей жены слегка разболѣлся зубъ, и я попросилъ у содержателя буфета позволенія зайти въ его комнату, гдѣ я могъ бы прилечь зубъ. Такимъ образомъ объясняется «исчезновеніе». А такъ какъ намъ предстоялъ перебѣздь черезъ каналъ, я сунулъ мягкую поярковую шляпу въ карманъ и надѣлъ мѣховую шапку: я «переодѣлся». Что же касается таинственнаго священника, то и онъ дѣйствительно существовалъ. Онъ былъ не русскій; но это все равно: одѣтъ онъ былъ, во всякомъ случаѣ, какъ греческій священникъ. Я увидалъ, какъ онъ стоялъ у буфета и просилъ чего-то, чего никто не понималъ.

— Agua! Agua! — повторялъ онъ жалобно.

— Дайте этому господину стаканъ воды,—сказалъ я служителю. Священникъ, пораженный моими изумительными лингвистическими способностями, сталъ благодарить меня за услугу, съ чисто восточнымъ пыломъ. Жена моя сжалась надъ нимъ и попробовала заговорить съ нимъ на различныхъ языкахъ; но онъ не понималъ ни одного, кромѣ ново-греческаго. Оказалось, наконецъ, что онъ знаетъ нѣсколько словъ на одномъ изъ южно-славянскіхъ языковъ, и мы поняли слѣдующее: «Я—грекъ; турецкое посольство, Лондонъ». Мы объяснили ему, больше знаками, что мы тоже ёдемъ въ Лондонъ, и что онъ можетъ присоединиться къ намъ.

Забавнѣе всего то, что я дѣйствительно узналъ для него адресъ турецкаго посольства раньше даже, чѣмъ мы прибыли на Чарингъ-кросскій вокзалъ въ Лондонъ. Поѣздъ остановился на какой-то станціи, и въ набитый уже вагонъ третьаго класса вошли двѣ изящно одѣтые дамы. Обѣ держали въ рукахъ газеты. Одна дама была англичанка, другая—красивая женщина, хорошо говорившая по-французски—выдавала себя за англичанку. Едва мы успѣли обмѣняться съ нею нѣсколькими словами, какъ она выпалила мнѣ въ упоръ, а brule point.

— Что вы думаете о графѣ Игнатьевѣ?—и непосредственно за этимъ: «Скоро ли вы убьете новаго царя?» Ея профессія выяснилась для меня по этимъ двумъ вопросамъ; но, вспомнивъ о моемъ священникѣ, я спросилъ ее: «Не знаете ли вы, можетъ-быть, адресъ турецкаго посольства въ Лондонѣ?»—«На такой-то улицѣ, такой-то нумеръ дома», отвѣтила дама безъ запинки, какъ школьница. «Вы вѣрно знаете также, гдѣ русское посольство?» продолжалъ я. И этотъ адресъ былъ сообщенъ мнѣ съ тою же готовностью. Когда мы приѣхали на Чарингъ-кросскій вокзалъ, дама навязчиво засуетилась около моего багажа. Она вызывалась даже нести въ своихъ затянутыхъ перчатками рукахъ тяжелый чемоданъ; такъ что, наконецъ, къ великому ея изумленію, я оборвалъ ее:—«Довольно; дамы не носятъ багажа мужчинамъ. Уходите!»

Но возвращусь къ моему правдолюбивому французскому шпиону. «Кропоткинъ вышелъ на Чарингъ-кросскомъ вокзалѣ,—рапортовалъ онъ,—но не уѣзжалъ со станціи около получаса послѣ прибытія поѣзда до тѣхъ поръ, покуда уѣхалъ, что, всѣ разѣхались. Я все это время сторожилъ, спрятавшись за колонной. Уѣдившись, что всѣ пассажиры

разошлись съ платформы, онъ съ женой вскочили въ кэбъ. Я, тѣмъ не менѣе, послѣдовалъ за ними и слышалъ адресъ, сообщенный извозчикомъ полисмэну у воротъ: «№ 12, улица такая-то». Я побѣжалъ за каретой. Вблизи не было извозчиковъ, такъ что я долженъ былъ бѣжать до Трафальгарсквэра, гдѣ нашелъ кэбъ. Тогда я погнался за ними. Они остановились у упомянутаго дома».

Всѣ эти факты, адресъ и все прочее опять-таки вѣрны. Но какой таинственный видъ все это имѣеть! Я предупредилъ о моемъ прїѣздѣ пріятеля, русскаго, который, однако, проспалъ, такъ какъ въ то утро стоялъ густой туманъ. Мы проѣздали его съ полчаса, а затѣмъ, оставивъ вещи на вокзалѣ, поѣхали къ нему на квартиру.

«Они сидѣли до двухъ часовъ дня со спущенными шторами,—продолжалъ сыщикъ въ своемъ рапортѣ,—и только тогда изъ дома вышелъ высокій человѣкъ, возвратившійся спустя съ ихъ багажемъ». Даже и это замѣчаніе о спущенныхъ шторахъ вѣрно. По слухамъ тумана пришлось зажечь газъ, и мы спустили шторы, чтобы избавиться отъ сквернаго вида маленькой улицы въ Ислингтонѣ, закутанной въ желтый туманъ.

Когда я работалъ вмѣстѣ съ Элизѣ Реклю въ Кларонѣ, то два раза въ мѣсяцъ уѣзжалъ въ Женеву, чтобы выпускать «*Révolté*». Разъ, когда я пришелъ въ типографію, мнѣ сказали, что какой-то русскій желаетъ меня видѣть. Онъ уже побывалъ у моихъ друзей и объявилъ имъ, что прїѣхалъ предложить мнѣ изданіе новой русской газеты, по типу «*Révolté*»; онъ вызывался дать для этого всѣ необходимыя деньги. Меня уговаривали повидаться съ прїѣжимъ, и я пошелъ на свиданіе съ нимъ въ кафѣ. Онъ назывался мнѣ нѣмецкимъ именемъ—скажемъ, Тонлэмъ—и выдавалъ себя за уроженца балтійскаго края. Онъ хвастался большими состояніемъ, нѣсколькими имѣніями и фабриками, и негодовалъ на правительство за русификацію остзейскихъ губерній. Въ общемъ онъ производилъ нѣсколько неопределенное впечатлѣніе, не хорошее, но и не плохое, такъ что друзья настаивали на томъ, чтобы я принялъ его предложеніе. Но мнѣ онъ не особенно понравился съ первого взгляда.

Изъ кафѣ онъ повелъ меня въ гостиницу, въ свой номеръ. Здѣсь онъ сталъ менѣе сдержанъ, сталъ больше самимъ собою, а потому произвелъ совсѣмъ невыгодное впечатлѣніе. «Вы не сомнѣвайтесь въ моемъ состояніи,—говорилъ онъ

мнѣ. — Я сдѣлалъ замѣчательное открытие, которое дастъ мнѣ кучу денегъ. Я возьму патентъ на него, и всѣ деньги отъ дамъ на русскую революцію». Тутъ, къ великому моему изумленію, онъ показалъ мнѣ жалкій подсвѣчникъ, оригинальность котораго заключалась въ невѣроятномъ безобразіи и въ трехъ кусочкахъ проволоки, чтобы вставлять свѣчу. Бѣднѣйшая хозяйка не польстилась бы на подобный подсвѣчникъ, и если бы, паче чаянія, патентъ и былъ взятъ, ни одинъ фабрикантъ не далъ бы за него больше четвертной. «Богатый человѣкъ — и возлагаетъ надежды на подобный подсвѣчникъ,—подумалъ я,—да онъ, навѣрно, никогда не видалъ лучшихъ». И мое мнѣніе о немъ опредѣлилось. Онъ не могъ быть богачемъ, и деньги, которыя онъ предлагалъ, не его. Поэтому я напрямикъ заявилъ ему: «Хорошо, если вамъ такъ желательно имѣть русскую революціонную газету, и если вы такого лестнаго мнѣнія обо мнѣ, какъ вы говорите, то внесите деньги на мое имя въ какой-нибудь банкъ, въ полное мое распоряженіе. Но предупреждаю васъ, что вы не будете имѣть никакого касательства къ газетѣ».

— О, конечно, конечно! — отвѣчалъ онъ. — Я ограничусь тѣмъ, что порой только буду заглядывать, иногда подамъ совѣтъ и помогу вамъ перевозить газету въ Россію». — «Нѣть, ничего этого не будетъ. Вы совсѣмъ не должны меня видѣть». Друзья мои полагали, что я слишкомъ сурово обошелся съ человѣкомъ; но пѣкоторое время спустя мы получили письмо изъ Петербурга, въ которомъ насъ предупреждали, что у насъ будетъ шпіонъ изъ третьаго отдѣленія, по имени Тонлэмъ. Подсвѣчникъ, такимъ образомъ, оказалъ намъ хорошую услугу.

На подсвѣчникѣ или на чѣмъ-нибудь другомъ, но эта братія всегда выдаетъ себя, такъ или иначе. Въ Лондонѣ, въ туманное утро, въ 1881 году, насъ навѣстили два русскихъ. Одного изъ нихъ я зналъ по имени; другой — молодой человѣкъ, котораго первый рекомендовалъ, какъ своего пріятеля, быть мнѣ совершенно незнакомъ. Онъ вызвался сопровождать своего пріятеля во время кратковременнаго пребыванія въ Лондонѣ. Такъ какъ его рекомендовалъ знакомый, то у меня не было никакихъ подозрѣній относительно него. Но въ тотъ день я былъ очень занятъ и попросилъ другого знакомаго, жившаго поблизости, пайти для нихъ комнату и показать имъ Лондонъ. Моя жена, которая тоже еще не выдала Англію, отправилась вмѣстѣ

съ ними. Вернувшись вечеромъ, она замѣтила мнѣ: «Знаешь, этотъ человѣкъ мнѣ очень не нравится. Остерегайся его». — «Но почему? Въ чёмъ дѣло?» спрашивалъ я. «Ничего, рѣшительно ничего; но только онъ навѣрно «не нашъ». По его обращенію съ прислугой въ кафѣ и по тому, какъ онъ платить деньги, я сразу поняла, что онъ «не нашъ». А если такъ, то зачѣмъ ему было являться къ намъ? Жена была такъ увѣрена въ своихъ подозрѣніяхъ, что, исполняя долгъ гостепріимства, она въ то же время ни на минуту не оставляла молодого человѣка одного въ моей комнатѣ. Мы завели разговоръ, и тутъ гость сталъ все больше и больше проявлять низость своего характера, такъ что даже его знакомый краснѣлъ за него. Когда же я задаль ему болѣе подробные вопросы о его прошломъ, отвѣты получились еще менѣе удовлетворительные. Мы насторожились. Короче, дня черезъ два оба оставили Лондонъ, а черезъ двѣ недѣли я получилъ отъ моего пріятеля отчаянное письмо, въ которомъ онъ извинялся, что представилъ мнѣ молодого человѣка, состоявшаго, какъ оказалось въ Парижѣ, шпionомъ при русскомъ посольствѣ. Я справился со спискомъ тайныхъ агентовъ во Франціи и въ Швейцаріи, который мы, эмигранты, получили недавно отъ Исполнительного Комитета (у него были свои люди всюду въ Петербургѣ). И въ этомъ спискѣ я нашелъ имя молодого человѣка. Была измѣнена только одна буква.

Основать оплачиваемую полиціей газету, съ полицейскимъ агентомъ во главѣ — старая штука: къ ней и прибѣгъ парижскій префектъ полиціи въ 1881 году. Я жилъ съ Элизэ Реклю въ горахъ, когда мы получили письмо отъ одного француза, или, точнѣе, бельгійца, сообщавшаго намъ, что онъ собирается основать анархическую газету въ Парижѣ и просить нашего сотрудничества. Письмо, наполненное лестью, произвело на насъ неблагопріятное впечатлѣніе. Къ тому же Реклю смутно припоминалъ, что слышалъ имя автора письма, въ связи съ какой-то неприглядной исторіей. Мы рѣшили отказаться отъ сотрудничества, и я написалъ пріятелю въ Парижъ, что мы должны сперва узнать, откуда идутъ деньги, на которыхъ газета будетъ основана. Быть-можетъ, деньги даютъ орлеанисты: штука не новая, не разъ практиковавшаяся этой семьей; мы должны знать источники. Мой пріятель въ Парижѣ, съ откровенностью, свойственной рабочимъ, прочиталъ мое письмо на собраніи, на которомъ присутствовалъ и будущій издатель газеты. Тотъ сдѣлалъ видъ

что крайне оскорбленъ, и мнѣ пришлось отвѣтить на нѣсколько писемъ по этому поводу; но я твердо стоялъ на своемъ: «Если лицо, о которомъ идетъ рѣчь, серьёзно относится къ дѣлу, оно пойметъ, что должно объяснить намъ, откуда явились деньги. Если нѣть,—то это не революціонеръ, и никакого дѣла мы съ нимъ имѣть не можемъ».

Къ концѣ-концовъ, этотъ господинъ отвѣтилъ на настойчивые вопросы, что деньги даетъ его тетка, богатая дама, придерживающаяся старыхъ взглядовъ, но уступившая, наконецъ, настойчивому желанію племянника имѣть свою собственную газету. Дама живеть не во Франціи, а въ Лондонѣ. Мы потребовали тогда, чтобы намъ дали ея имя и адресъ а нашъ другъ Малатеста вызвался повидаться съ ней. Онъ отправился съ другимъ пріятелемъ—итальянцемъ, торговавшимъ подержанной мебелью. Дама занимала небольшую квартиру. Покуда Малатеста бесѣдовалъ съ «теткой», и все больше и больше приходилъ къ заключенію, что она играетъ только роль въ комедіи, пріятель его, перекупщикъ, осматривалъ столы и стулья и нашелъ, что вся мебель взята напрокатъ—вѣроятно, не дальше какъ наканунѣ—у его сосѣда, тоже перекупщика. Ярлыки торговца виднѣлись еще на столахъ и стульяхъ. Конечно, это еще ничего не доказывало, но наши подозрѣнія усилились. Я наотрѣзъ отказался имѣть что-нибудь общее съ изданіемъ.

Газета была кровожадная до крайности. Поджоги, убийства и динамитные бомбы проповѣдывались въ каждомъ номерѣ. Я встрѣтилъ издателя этой газеты і. І. сколько мѣсяцевъ спустя, на лондонскомъ конгрессѣ, въ іюль 1881 года. И какъ только я увидалъ его отѣкшее лицо, услыхалъ его разговоръ и присмотрѣлся къ женщинамъ, въ обществѣ которыхъ онъ постоянно обрѣтался, мое мнѣніе о немъ опредѣлилось. На конгрессѣ, на которомъ онъ предлагалъ всякаго рода страшныя резолюціи, всѣ держались отъ него въ сторонѣ. А когда онъ захотѣлъ узнать адресы анархистовъ во всѣхъ странахъ, ему отказали, далеко не въ вѣжливой формѣ. Короче сказать, его разоблачили мѣсяца два спустя, и газета на слѣдующій день послѣ этого прекратилась. Года два спустя, префектъ парижской полиціи Андріё, теперь уже въ отставкѣ, издалъ свои записки. Въ нихъ онъ говорилъ о газетѣ, основанной имъ, и называлъ издателя этой кровожадной газеты того самаго господина Серрѣ, который возбудилъ наши подозрѣнія. Андріё рассказалъ также

и о взрывѣ, которой устроили его агенты въ Парижѣ, подложивъ «начиненные чѣмъ-то» коробки отъ сардинокъ подъ памятникъ Тьера.

Можно себѣ представить, какую кучу денегъ стоило все это Франціи и другимъ націямъ.

Я могъ бы написать нѣсколько главъ на тему о шпионахъ, но ограничусь только однимъ еще разсказомъ о двухъ авантюристахъ въ Клэрвѣ.

Жена моя жила тогда въ единственной маленькой гостинице, въ деревнѣ, выросшѣ подъ сѣнью тюремныхъ стѣнъ. Разъ хозяйка вошла къ ней въ комнату съ посланіемъ отъ двухъ господъ, которые только что прибыли въ гостиницу и желали видѣть мою жену. Хозяйка пустила въ ходъ все свое краснорѣчіе въ ихъ пользу.

— О! я знаю людей,—говорила она, — и могу васъ увѣрить, барыня, что это настоящіе господа, самые что ни на есть отмѣнныe! Одинъ изъ нихъ называетъ себя германскимъ офицеромъ, но онъ павѣрное либо баронъ, либо «милордъ», а другой—его переводчикъ. Они васъ знаютъ очень хорошо. Баронъ отправляется въ Африку—быть-можетъ, навсегда,—и желаетъ васъ видѣть передъ своимъ отъездомъ.

Жена моя взглянула на адресъ письма, на которомъ значилось такъ: «A madame la princesse Kropotkine. Quand à voir?» Ей не нужны были уже другія доказательства, чтобы убѣдиться, кто такие эти «что ни на есть отмѣнныe господа». Что касается содержанія письма, то оно было еще хуже, чѣмъ адресъ. Наперекоръ всѣмъ правиламъ грамматики и здравому смыслу, «баронъ» писалъ о какомъ-то таинственномъ сообщеніи, которое желалъ ей передать. Жена рѣшительно отказалась принять автора письма и его переводчика. Тогда «баронъ» сталъ бомбардировать её письмами, которыхъ она возвращала не вскрытыми. Вскорѣ вся деревня раздѣлилась на двѣ партіи: одна, во главѣ съ хозяйкой, стояла за барона, другая, съ хозяиномъ во главѣ,—противъ него. Въ деревнѣ циркулировала уже романтическая исторія: баронъ зналъ мою жену, раньше чѣмъ она вышла за меня. Онъ танцевалъ съ ней много разъ въ русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Онъ все еще влюбленъ въ нее, а она, жестокая, не позволяетъ ему даже взглянуть на себя передъ отправлениемъ въ опасную экспедицію!

Затѣмъ пошла въ ходъ таинственная исторія про мальчика, котораго мы, рассказывали, скрываемъ. «Гдѣ ихъ мальчикъ?

баронъ желалъ это знать. «У нихъ сынъ, которому теперь шесть лѣтъ. Гдѣ онъ?»—«Она никогда не разсталась бы съ сыномъ, если бы у нихъ былъ ребенокъ», говорила одна партія. «Да, рассказывайте! у нихъ есть мальчикъ, но они его прячутъ», заявляла другая сторона.

Для насъ двухъ этотъ споръ былъ интереснымъ откровеніемъ. Онъ доказалъ намъ, что не только тюремное начальство читаетъ мои письма, но что ихъ содержаніе становится извѣстнымъ и русскому посольству. Когда я былъ въ Ліонѣ, а жена поѣхала въ Швейцарію, чтобы повидаться съ Элизѣ Реклю, она писала мнѣ разъ: «Нашъ «мальчишка» процвѣтаетъ; здоровье его отлично. Вчера ему минуло пять лѣтъ, и мы провели весело вечеръ, празднуя его рожденье». Я зналъ, что жена говорить о *Révolté*, такъ какъ мы часто называли его *«notre gamin»*,—нашими мальчишкой.

Теперь, когда эти господа освѣдомлялись о «нашемъ мальчишкѣ» и точно указывали даже его возрастъ, было очевидно, что письмо побывало въ рукахъ не у одного тюремнаго смотрителя. Это слѣдовало принять къ свѣдѣнію.

Ничто не ускользаетъ отъ вниманія деревенскихъ жителей, и баронъ скоро вызвалъ нѣкоторыя подозрѣнія. Онъ написалъ женѣ новое письмо, еще болѣе краснорѣчивое, чѣмъ прежнія. Теперь онъ просилъ прощенія за то, что, добиваясь свиданія съ ней, выдавалъ себя за ея знакомаго. Онъ признавался, что она его не знаетъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ доброжелатель и долженъ сдѣлать важное сообщеніе. Жизнь моя подвергается большой опасности, о чѣмъ онъ и желаетъ предостеречь. Баронъ и секретарь его пошли въ поле, чтобы вмѣстѣ прочесть письмо и пословѣтствоваться на счетъ его содержанія. Лѣсной сторожъ слѣдовалъ за ними издали. Они не соспались во взглядахъ на письмо, разорвали его и бросили въ полѣ. Тогда сторожъ обождалъ, покуда они скрылись изъ виду, подобралъ лоскутки и прочель письмо. Черезъ часъ вся деревня знала уже, что баронъ никогда не былъ знакомъ съ моей женой; романтическая исторія, которую съ такимъ чувствомъ передавала партія барона, разсѣялась, какъ дымъ.

«Ага! Въ такомъ случаѣ они—не то, за что себя выдаютъ,—заключиль въ свою очередь *brigadier de gendarmerie*.—Значитъ, они нѣмецкіе шпіоны», и арестовалъ ихъ.

Нужно сказать въ защиту бригадье, что не задолго до того въ Клэрвѣ дѣйствительно побывалъ нѣмецкій шпіонъ. Во время войны громадное тюремное зданіе можетъ служить

провіантскимъ депо, или казармами для войска; поэтому германскій генеральный штабъ, конечно, желалъ знать внутреннее расположение зданія и военное его значеніе. И вотъ разъ въ нашу деревню прибылъ веселый странствующій фотографъ; онъ завелъ дружбу со всѣми, снимая всѣхъ даромъ, и ему разрѣшили снять не только тюремный дворъ, но даже камеры. Сдѣлавъ все это, онъ отправился въ другой городъ, тоже на восточной границѣ, и здѣсь его арестовали французскія власти и нашли на немъ компрометирующіе военные документы. Бригадье, въ которомъ свѣжо еще было воспоминаніе о развязномъ фотографѣ, пришелъ къ заключенію, что баронъ и его секретарь тоже нѣмецкіе шпіоны, и доставилъ ихъ въ тюрьму, въ маленький городокъ Барь-сюръ-Объ. Тамъ ихъ освободили на другой же день, и мѣстная газета заявила, что задержанные—«не германскіе шпіоны, а лица, посланныя другой, болѣе дружественной державой».

Теперь общественное мнѣніе всецѣло возстало противъ барона и его секретаря. Ихъ приключенія не кончились. Послѣ освобожденія они зашли въ маленькое деревенское кафѣ и, за бутылкой вина, стали по-нѣмецки отводить душу въ дружескомъ разговорѣ. «Ты дуракъ и трусь,— говорилъ мнимый секретарь мнимому барону.— Будь я на твоемъ мѣстѣ, я угостилъ бы, вотъ изъ этого револьвера, слѣдственного судью. Пусть онъ только попробуетъ проѣлать то же со мной: я ему всажу пулю въ лобъ», и такъ далѣе.

Тѣмъ временемъ странствующій приказчикъ, спокойно сидѣвшій въ углу, немедленно побѣжалъ къ бригадье и передалъ ему подслушанный разговоръ. Бригадье составилъ тутъ же протоколъ и снова арестовалъ секретаря, оказавшагося аптекаремъ изъ Страсбурга. Его доставили въ полицейскій судъ, въ тотъ же Барь-сюръ-Объ, и присудили къ мѣсячному тюремному заключенію «за угрозы судью въ общественномъ мѣстѣ». Послѣ этого у барона были еще другія приключенія, и деревня приняла свой обычный спокойный видъ только послѣ отѣзда обоихъ незнакомцевъ.

Эта шпіонская исторія имѣла комическій финаль. Но сколько трагедій—ужасныхъ трагедій—создаютъ эти негодяи! Сколько драгоцѣнныхъ жизней потеряно, сколько семействъ, счастье которыхъ разрушено—и все для того, чтобы подобные мерзавцы могли жить въ довольствіи. Когда подумаешь о тысячахъ, разѣзжающихъ всюду шпіо-

новъ, находящихся на содержаніи у всѣхъ правительствъ; о западняхъ, разставляемыхъ ими неосторожнымъ людямъ; о человѣческихъ жизнахъ, кончающихся трагически, благодаря имъ; когда вспомнишь о страданіяхъ, разсѣваемыхъ этими негодяями всюду на своемъ пути; о значительныхъ суммахъ, издерживаемыхъ на содержаніе этой гнусной арміи, вербуемой среди отбросовъ общества; о порокахъ, прививаемыхъ ими обществу вообще и въ частности отдѣльнымъ семьямъ; когда подумаешь обо всемъ этомъ—нельзя не содрогнуться предъ тѣмъ непомѣрнымъ зломъ, которое идетъ отъ нихъ. И эта армія состоитъ не только изъ господъ, являющихся шпионами, политическими или военными. Въ Англіи есть газеты, въ особенности въ курортахъ, столбы которыхъ наполнены объявленіями «сыскныхъ агентъ», берущихся собирать весь необходимый материалъ для разводовъ, выслѣдывающихъ мужей, по порученію женъ и женъ по порученію мужей, проникающихъ въ семьи, улавливающихъ глупцовъ и дѣлающихъ все, что угодно, лишь бы имъ платили. Люди скандализируются тѣми мерзостями системы шпионаства, которая недавно раскрылись во Франціи въ высшихъ военныхъ сферахъ; но они не замѣ чаютъ, что и среди нихъ,—быть можетъ, въ ихъ же домѣ—тайныя агентства, официальная и частная, дѣлаютъ то же самое, если еще не хуже.

XV.

Требованія о нашемъ освобожденіи поднимались безпрестанно какъ въ печати, такъ и въ палатѣ депутатовъ. Тѣмъ болѣе, что одновременно съ нами осудили Луизу Мишель... за грабежъ! Луизу Мишель, которая буквально отдаетъ послѣднюю свою шаль или накидку нуждающейся женщинѣ, а во время тюремнаго заключенія никогда не хотѣла имѣть лучшую пищу, чѣмъ другое заключенное, и всегда отдавала другимъ то, что ей присыпали—и вдругъ ее присудили къ девятигодичному заключенію за открытый грабежъ! Это казалось несообразнымъ, даже для оппортунистовъ буржуа. Дѣйствительно, Луиза Мишель стала разъ во главѣ процессіи безработныхъ и, войдя въ булочную, взяла нѣсколько хлѣбовъ и раздѣлила ихъ между голодными: въ этомъ заключался ея грабежъ.

Освобожденіе анархистовъ превратилось, такимъ образомъ, въ боевой крикъ противъ правительства, и осенью

1885 года всѣхъ моихъ товарищей, за исключеніемъ троихъ, освободили декретомъ президента Греви. Тогда еще громче стали требовать, чтобы освободили Луизу Мишель и меня. Однако, противъ этого былъ Александръ III. Разъ премьеръ Фрейсинѣ, отвѣчая на запросъ въ палатѣ, рѣшился даже сказать, что «дипломатическія осложненія препятствуютъ освобожденію Кропоткина». Странныя слова въ устахъ первого ministра независимой страны! Но еще болѣе странныя слова говорились впослѣдствіи, послѣ заключенія этого злосчастнаго союза между республиканскою Франціею и царскою Россіею. Наконецъ, въ серединѣ января 1886 года, освободили Луизу Мишель, меня и трехъ товарищней, остававшихся со мною въ Клерво.

Мое освобожденіе означало также освобожденіе моей жены отъ ея добровольнаго заключенія въ деревушкѣ у тюремныхъ воротъ, которое начинало сказываться на ея здоровьѣ. Мы отправились въ Парижъ, чтобы провести несколько недѣль у нашего друга Эли Реклю, известнаго антрополога, котораго за предѣлами Франціи часто смѣшиваютъ съ его младшимъ братомъ, географомъ Элизѣ. Тѣсная дружба съ раннаго дѣтства связывала обоихъ братьевъ. Когда пришло для нихъ время поступить въ университетъ, они пошли вмѣстѣ въ Страсбургъ пѣшкомъ изъ деревни, лежащей въ долинѣ Жиронды. Какъ настоящихъ странствующихъ студентовъ, ихъ сопровождала собака; и когда они останавливались въ деревняхъ, то чашку супа получали четвероногій товарищъ, тогда какъ ужинъ братьевъ зачастую состоялъ изъ хлѣба и нѣсколькихъ яблоковъ. Изъ Страсбурга молодые братья пошли въ Берлинъ, куда ихъ привлекли лекціи великаго Риттера. Впослѣдствій въ сороковыхъ годахъ, они оба были въ Парижѣ. Эли Реклю сталъ убѣжденымъ фурьеристомъ; оба видѣли въ движеніи 1848 года наступленіе новой эры. Вслѣдствіе этого, послѣ государственного переворота Наполеона III, они вынуждены были оставить Францію и эмигрировали въ Англію.

Послѣ амнистіи, братья Реклю возвратились въ Парижъ, гдѣ Эли издавалъ фурьеристскую кооперативную газету, которая пользовалась широкимъ распространеніемъ среди рабочихъ. Замѣчу кстати, что Наполеонъ III, игравшій, какъ известно, роль Цезаря и, какъ подобаетъ Цезарю, интересовавшійся положеніемъ рабочихъ классовъ, отправлялъ одного изъ своихъ адъютантовъ въ типографію газеты каждый разъ, когда она должна была выйти, чтобы привезти

въ Тюильри первый экземпляръ, прямо изъ-подъ станка. Впослѣдствіи Наполеонъ III готовъ былъ даже покровительствовать Интернаціональной Рабочей Ассоціації, подъ условіемъ, что она выразить, въ одномъ изъ своихъ бюллетеней, въ нѣсколькихъ словахъ, довѣріе къ великимъ соціальнымъ реформамъ Цезаря. Но Интернаціональ наотрѣзъ отказался, и Наполеонъ приказалъ начать противъ него судебное преслѣдованіе.

Когда провозглашена была Коммуна, оба брата всѣмъ сердцемъ присоединились къ ней. Эли принялъ постъ консерватора Национальной библіотеки и луврскаго музея, подъ управлениемъ Вальяна. Въ значительной степени, благодаря его предусмотрительности и неусыпнымъ трудамъ, уцѣлѣли, во время бомбардированія Парижа и послѣдовавшихъ затѣмъ пожаровъ, несмѣтныя сокровища человѣческаго знанія и искусства, собранныя въ этихъ двухъ учрежденіяхъ. Страстный поклонникъ античнаго искусства и глубокій знатокъ его, онъ упаковалъ всѣ наиболѣе цѣнныя статуи и вазы Лувра и спряталъ ихъ въ подвалахъ зданія. Онъ принялъ величайшія предосторожности, чтобы укрыть въ безопаснѣмъ мѣстѣ наиболѣе драгоценныя книги Национальной библіотеки и спасти зданіе отъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ кругомъ. Жена его, мужественная женщина, достойная подруга философа, сопровождаемая на улицѣ двумя своими маленькими мальчиками, устраивала тѣмъ временемъ въ своемъ кварталѣ систему столовыхъ для народа, который во время второй осады доведенъ былъ до крайней степени нужды. Въ послѣднія недѣли своего существованія Коммуна поняла, наконецъ, что главной ея заботой должно бы быть снабженіе пищей народа, лишеннаго возможности зарабатывать себѣ хлѣбъ, и добровольцы вызвались выполнить это. Только по чистой случайности Эли Реклю, занимавшій свой постъ до послѣдняго момента, не былъ разстрѣянъ версалльцами. Его приговорили къ катогрѣ за то, что онъ дерзнулъ принять отъ Коммуны столь необходимый постъ. Но онъ скрылся и перебрался съ семьей въ Англію.

Теперь, возвратившись въ Парижъ, онъ принялъся за трудъ всей жизни—за этнографію. О достоинствахъ этого труда можно судить по немногимъ главамъ, изданнымъ отдельно, подъ названіемъ «Les Primitifs» и «Les Australiens», а также по исторіи происхожденія религій, которую онъ излагаетъ въ лекціяхъ, въ Брюсселѣ, въ основанной его

братомъ Ecole des Hautes Etudes. Во всей этнографической литературѣ не много найдется произведеній, до такой степени проникнутыхъ симпатіей къ дикарямъ и повниманіемъ ихъ. Что касается до исторіи религій (часть ея была напечатана въ журналѣ Société Nouvelle, издававшемся впослѣдствіи подъ названіемъ Humanité Nouvelle) то это, по моему мнѣнію, лучшій трудъ, появившійся въ этомъ вопросу. Безъ сомнѣнія, трудъ Реклю лучше попытка Спенсера въ томъ же родѣ, потому что англійскій філь софъ, несмотря на весь свой мощній умъ, не обладалъ способностью пониманія безыскусственной и простонародной первобытной культуры, которая такъ развита въ Эли Реклю. Ко всему этому Эли присоединяетъ еще глубокое знаніе, мало разработанной вѣтви народной психологии—развитія и преобразованія вѣрованій. Нечего и говорить о замѣчательной добротѣ и скромности Эли Реклю или о его сильномъ умѣ и глубокомъ пониманіи всего, касающагося развитія человѣчества. Все это видно въ его стилѣ, не имѣющемъ себѣ равнаго. По своей скромности, спокойствію движений и философской прозорливости, онъ—типичный древне-греческій философъ. Въ обществѣ, менѣе увлеченномъ методами патентованного образованія и отрывочнаго знанія, и болѣе цѣнящемъ развитіе широкихъ гуманитарныхъ понятій, Эли Реклю быль бы окружены, какъ бывали его предшественники, множествомъ учениковъ.

Въ то время, какъ мы жили въ Парижѣ, тамъ росло оживленное анархическое и соціалистическое движение. Луиза Мишель читала лекціи каждый вечеръ, и ее восторженно принимала публика какъ рабочая, такъ и буржуазная. И безъ того широкая популярность Луизы еще больше увеличилась и распространилась даже среди студентовъ, которые, быть-можетъ, ненавидѣли ея крайніе взгляды, но преклонялись предъ ней, какъ предъ идеальной женщиной. Когда я быль въ Парижѣ, произошла даже драка въ кафѣ, потому что одинъ изъ присутствующихъ отозвался непочтительно о Луизѣ Мишель въ присутствіи студентовъ. Молодые люди ополчились въ ея защиту, пустились въ драку и разгромили всѣ столы и стулья.

Я также прочелъ одну лекцію объ анархизмѣ предъ публикой въ нѣсколько тысячи человѣкъ, и оставилъ не-

медленно Парижъ, прежде чѣмъ правительство успѣло послушаться реакціонной и руссофильской прессы, настаивавшей на моемъ изгнаніи изъ Франціи.

Изъ Парижа мы отправились въ Лондонъ, гдѣ я еще разъ встрѣтилъ моихъ старыхъ друзей—Степняка и Чайковскаго. Соціалистическое движеніе было теперь въ полномъ разгарѣ, и жизнь въ Лондонѣ больше не была для меня скучнымъ томительнымъ прозябаніемъ, какъ четыре года тому назадъ. Мы поселились въ маленькомъ котеджѣ въ Харрѣ, подъ Лондономъ. Меблировка насть мало заботила. Значительную часть я мы смастерили съ Чайковскимъ. Онъ, тѣмъ временемъ, побывалъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ научился немного плотничать. Мы съ женой были также очень рады, что при домѣ оказался клочокъ земли. Хотя то была тяжелая мидль-секская глина, но мы съ большимъ увлечениемъ стали огордничать, и получали великодушные результаты, которые слѣдовало предвидѣть—послѣ знакомства съ сочиненіемъ Тубо и нѣкоторыми парижскими огородниками, а также и послѣ нашихъ собственныхъ опытовъ въ тюремномъ саду, въ Клервѣ. Что касается до моей жены, которая перенесла тифъ вскорѣ послѣ того, какъ мы поселились въ Харрѣ, то работа въ саду въ периодъ выздоровленія лучше помогла ей укрѣпиться въ силахъ, чѣмъ помогло бы пребываніе въ самомъ лучшемъ санаторіумѣ.

Въ концѣ лѣта насть сразилъ страшный ударъ. Мы узнали, что моего брата Александра нѣть болѣе въ живыхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ за границей, до моего заключенія во Франціи, мы никогда не переписывались. Въ глазахъ русского правительства—любить брата, котораго престрѣдуютъ за политическія убѣжденія, уже тяжелый грѣхъ. Поддерживать же съ нимъ сношенія, когда онъ въ изгнаніи,—преступленіе. Подданный царя обязанъ ненавидѣть всѣхъ, возмутившихся противъ верховной воли, а братъ находился въ рукахъ русской полиціи. Я упорно отказывался поэтому писать ему, или кому-нибудь изъ моихъ родственниковъ. Послѣ того, какъ царь отвѣтилъ на прошеніе сестры Елены: «Пусть посидитъ», оставалось очень мало надежды на скорое освобожденіе брата. Впослѣдствіи назначена была комиссія для опредѣленія сроковъ административно-ссыльнымъ въ Сибири, и брату назначили пять лѣть. Съ тѣми двумя годами, что онъ уже пробылъ въ ссылкѣ, это соста-

вляло семь. При Лорисъ-Меликовѣ назначена была другая комиссія, которая прибавила еще пять лѣтъ. Брать, такимъ образомъ, кончаль срокъ въ октябрѣ 1886 года, отбывши двѣнадцать лѣтъ ссылки сперва въ Минусинскѣ, а потомъ въ Томскѣ. Здѣсь, въ низменностяхъ Западной Сибири, онъ не могъ даже пользоваться здоровымъ климатомъ высокихъ степей.

Когда я сидѣлъ въ Клервѣ, братъ написалъ мнѣ, и мы обмѣнялись нѣсколькими письмами. Онъ писалъ, что такъ какъ наша переписка будетъ читаться жандармами въ Сибири и тюремными властями во Франціи, то мы можемъ, наконецъ, переписываться подъ этимъ двойнымъ надзоромъ. Онъ писалъ о семейной жизни, о своихъ троихъ дѣтяхъ, которыхъ описывалъ очень хорошо, и о своей работе. Онъ очень совѣтовалъ мнѣ внимательно слѣдить за развитіемъ науки въ Италіи, гдѣ производятся превосходныя, оригинальныя изслѣдованія, которые остаются, однако, неизвѣстными ученому миру, пока ихъ не используетъ кто-нибудь въ Германіи. Высказывалъ онъ также свое мнѣніе о вѣроятномъ ходѣ политической жизни въ Россіи. Онъ не вѣрилъ въ возможность у насъ, въ ближайшемъ будущемъ, конституціоннаго строя по образцу западно-европейскихъ парламентовъ; но онъ ждалъ (и считалъ вполнѣ достаточнымъ для настоящаго времени) созыва Земскаго Собора. Соборъ не имѣлъ бы законодательной власти, но только подготовлялъ бы проекты законовъ, которымъ Государственный Совѣтъ и царская власть давали бы окончательную форму и утвержденіе.

Больше всего онъ писалъ мнѣ о своихъ научныхъ работахъ. Брать всегда питалъ особенную склонность къ астрономіи, и когда мы были въ Петербургѣ, онъ напечаталъ по-русски отличный сводъ всего того, что извѣстно было о падающихъ звѣздахъ. При помощи своего тонкаго критического ума, онъ скоро различалъ сильныя и слабыя стороны различныхъ гипотезъ и, безъ достаточнаго знанія математики, лишь при помощи живого воображенія, онъ схватывалъ результаты самыхъ запутанныхъ математическихъ изслѣдованій. Живя воображеніемъ среди небесныхъ тѣлъ, онъ часто постигалъ ихъ сложныя движения лучше нѣкоторыхъ математиковъ,—особенно чистыхъ алгебраистовъ, которые иногда теряютъ изъ виду дѣйствительности физического міра и видятъ только свои

формулы и логические выводы изъ нихъ. Нашъ петербургскій астрономъ, Старицъ Савичъ, говорилъ съ большимъ уважениемъ о работѣ брата.—«Такія критическая сводныя работы нужны намъ, наблюдателямъ и изслѣдователямъ», говорилъ онъ.

Въ Сибири братъ принялъся изучать строеніе звѣзднаго міра и взялся за разборъ гипотезъ о мірахъ солнцъ, о звѣздныхъ кучахъ и туманностяхъ, разбросанныхъ въ безконечномъ пространствѣ. Онъ старался угадать ихъ вѣроятныя взаимныя отношенія, ихъ жизнь и законы ихъ развитія и исчезновенія. Пулковскій астрономъ Гильдэнъ очень заинтересовался этой новой работой брата и письменно познакомилъ его съ извѣстнымъ изслѣдователемъ звѣзднаго міра, американскимъ астрономомъ Хольдэномъ, котораго лестное мнѣніе о работахъ брата я недавно имѣлъ удовольствіе слышать лично, въ Вашингтонѣ. Время отъ времени наукѣ нужны именно подобныя обобщенія широкаго размаха, произведенныя добросовѣстнымъ, трудолюбивымъ умомъ, одареннымъ и критическимъ духомъ и воображеніемъ.

Но въ небольшомъ сибирскомъ городѣ, вдали отъ библіотекъ, лишенный возможности слѣдить за прогрессомъ науки, братъ успѣлъ разобрать только тѣ изысканія, которыхъ были сдѣланы до его ссылки.

Съ тѣхъ поръ появилось по тому же вопросу нѣсколько капитальныхъ сочиненій. Александръ зналъ о нихъ; но какъ доставать необходимыя книги, пока овъ оставался въ Сибири? Окончаніе срока ссылки не внушило ему радушныхъ надеждъ. Онъ зналъ, что ему не позволять жить въ университетскихъ городахъ и не пустятъ также за границу: за сибирской ссылкой послѣдуетъ другая, быть-можетъ, еще худшая, въ какой-нибудь захолустный городокъ восточной Россіи.

Отчаяніе овладѣвало имъ.—«Порою на меня нападаетъ фаустовская тоска», писалъ онъ мнѣ. Когда срокъ ссылки подходилъ къ концу, онъ отправилъ жену и детей въ Россію, съ послѣднимъ пароходомъ передъ закрытиемъ навигаціи. И въ одну темную ночь фаустовская тоска положила конецъ его жизни...

Туча мрачнаго горя висѣла надъ нашимъ домикомъ нѣсколько мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ, покуда лучъ свѣта

прорѣзаль ее. Въ слѣдующую весну на свѣтъ явилось маленькое существо, носящее имя брата. И ея безпомощный крикъ затронулъ въ моемъ сердцѣ новую, невѣдомую до тѣхъ порь струну.

XVI.

Въ 1886 году соціалистическое движеніе въ Англіи было въ полномъ ходу. Многочисленныя группы рабочихъ открыто присоединялись къ нему въ главныхъ городахъ. Представители среднихъ классовъ — въ особенности молодежь — всячески ему помогали. Въ томъ году многія отрасли промышленности переживали сильный кризисъ. Каждое утро, а иногда и весь день, я слышалъ, какъ на улицахъ партии безработныхъ распѣвали заунывную пѣснь: «Мы безработные», или какой-нибудь гимнъ, и молили о хлѣбѣ. Много народа проводило ночи на Трафальгаръ-Сквэрѣ, въ дождь и вѣтеръ, прикрывшись газетнымъ листомъ. И разъ, въ февралѣ, толпа, выслушавъ рѣчи Бернса, Гайдмана и Чэмпиона, бросилась на Пикcadилли — одну изъ самыхъ богатыхъ улицъ Лондона, — разбила нѣсколько стеколъ въ громадныхъ магазинахъ и заставляла проѣзжихъ выходить изъ ихъ экипажей. Гораздо большее значеніе, чѣмъ этотъ взрывъ неудовольствія, имѣть, впрочемъ, тотъ духъ, который господствовалъ среди бѣднѣйшей части рабочаго населенія на окраинахъ Лондона. Онъ былъ такъ враждебенъ къ имущимъ, что если бы вожакамъ движенія, привлеченнымъ къ ответственности за этотъ «мятежъ», судъ вынесъ суровые приговоры, то пробудился бы, дотолѣ неизвѣстный въ послѣднихъ рабочихъ движеніяхъ Англіи, духъ ненависти и мести — симптомы его были ясно видимы въ 1886 году, и онъ наложилъ бы тогда свой отпечатокъ на долгое время на всѣ послѣдующія движенія. Но средніе классы поняли опасность. Немедленно въ Вэстъ-Эндѣ (западной, богатой части Лондона) собраны были громадныя суммы для облегченія нищеты въ бѣдной части — Истъ-Эндѣ. Конечно, этихъ денегъ совершенно не хватало, чтобы облегчить широко распространенную нищету; но ихъ было достаточно, чтобы проявить хорошія намѣренія. Что касается до арестованныхъ

агитаторовъ, то на основаніи тѣхъ же соображеній—ихъ приговорили только къ двухъ- и трехмѣсячному тюремному заключенію.

Во всѣхъ слояхъ общества заинтересовались тогда соціализмомъ и различными проектами реформъ и преобразованія общества. Осенью и затѣмъ зимою ко мнѣ постоянно обращались съ предложеніями читать лекціи. Такимъ образомъ я объѣхалъ почти всѣ большие города Англіи и Шотландіи, читая лекціи отчасти о тюрьмахъ, но больше всего объ анархическомъ соціализмѣ. Такъ какъ я обыкновенно принималъ первое сдѣланное мнѣ предложеніе гостепріимства послѣ окончанія лекціи, то мнѣ приходилось иногда ночевать въ богатомъ дворцѣ, а на другой день въ бѣдномъ жилищѣ рабочаго. Каждый вечеръ я видѣлся послѣ лекціи со множествомъ народа, принадлежавшаго къ самымъ различнымъ классамъ. И, въ скромной ли комнатѣ рабочаго или въ гостиной бояча завязывалась одинаково оживленная бесѣда о соціализмѣ и анархизмѣ, продолжавшаяся до глубокой ночи, пробуждая надежды въ котеджахъ и опасенія въ богатыхъ домахъ. Всюду она велась съ одинаковой серьезностью.

У богачей главный вопросъ былъ: «Чего желаютъ соціалисты? Что они намѣреваются дѣлать?» Затѣмъ слѣдовало: «Какія уступки абсолютно необходимо будетъ сдѣлать въ извѣстный моментъ для избѣженія серьезнаго столкновенія?» Во время этихъ разговоровъ мнѣ рѣдко приходилось слышать, чтобы требованія соціалистовъ назывались несправедливыми или вздорными; но я находилъ также повсемѣстно твердуюувѣренность въ томъ, что революція въ Англіи невозможна, ибо странѣ придется гибнуть отъ голода,—и что требованія большинства рабочихъ еще не достигли ни того размѣра ни той точности, которые высказываются въ требованіяхъ соціалистовъ. «Рабочіе,—говорили мнѣ,—удовлетворятся гораздо меньшимъ; второстепенные уступки, обеспечивающія имъ легкое увеличеніе благосостоянія и немного большій досугъ, они примутъ, какъ временный залогъ лучшаго будущаго».—«Англія—страна лѣваго центра; мы всегда живемъ компромиссами», замѣтилъ мнѣ разъ одинъ старый членъ парламента—Джозефъ Коузъ, который изъ долгаго опыта хорошо зналъ свою страну.

Въ жилищахъ рабочихъ ко мнѣ также обращались съ другими вопросами, чѣмъ во Франціи и въ Швейцаріи. Рабочихъ латинской расы глубоко интересуютъ общіе принципы; частные же измѣненія опредѣляются самими этими принципами. Если какой-нибудь городской совѣтъ отпускаетъ во Франціи деньги на поддержаніе стачки или устраиваетъ бесплатныя столовыя для дѣтей въ школахъ, то этимъ фактамъ не придаются важнаго значенія. Ихъ считаютъ вполнѣ естественными. «Это само собою разумѣется: голодный ребенокъ не можетъ учиться,—скажетъ рабочій,—нужно же его накормить». А если какая-нибудь Городская Дума ассигнууетъ деньги на стачку, французской рабочій спокойно замѣтитъ: «Хозяинъ, конечно, былъ неправъ, коли довелъ рабочихъ до этой стачки: ихъ слѣдовало поддержать». Этимъ и ограничиваются всѣ разговоры. Вообще рабочие не придаютъ никакого значенія ничтожнымъ уступкамъ въ пользу коммунизма, дѣлаемымъ въ нынѣшнемъ индивидуалистическомъ обществѣ. Мысль рабочаго забываетъ впередъ. Онъ спрашиваетъ себя: «Если переходить къ соціалистическому строю, то *кто* долженъ будетъ предпринять организацію производства? Община, союзы рабочихъ, Городская Дума или государство? Достаточно ли одного вольного соглашенія для поддержанія общественного строя? Какой нравственный двигатель замѣнить существующее нынѣ въ обществѣ принудительное начало? Можетъ ли выборное демократическое правительство выполнить необходимыя глубокія измѣненія въ соціалистическомъ направлѣніи, и не долженъ ли будетъ свершившійся фактъ—захватъ собственности—предшествовать законодательнымъ реформамъ? Вотъ на какіе вопросы мнѣ приходилось отвѣтить во Франціи.

Въ Англіи, въ борьбѣ, больше всего заботились о томъ, чтобы получить рядъ уступокъ и палліативовъ. Но съ другой стороны, рабочие давно уже рѣшили невозможность соціализаціи производства *государствомъ*, и больше всего ихъ интересовала созидательная дѣятельность рабочаго движенія, а равно и средства, которыя могли бы привести къ осуществленію ихъ желаній.

— Хорошо, Кропоткинъ, предположимъ, что завтра мы овладеемъ доками въ нашемъ городѣ. Какъ, думаете вы, управлять ими?—въ тѣ годы задавали мнѣ, напри-

мѣръ, вопросъ, какъ только мы усаживались въ комнатѣ рабочаго. Или же желѣзно-дорожные рабочіе писали мнѣ: «Нынѣшнее нахожденіе желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ отдѣльныхъ компаний—не что иное, какъ организованный грабежъ. И намъ вовсе не улыбается также государственное завѣдываніе. Но предположимъ, что рабочіе завладѣли желѣзными дорогами. — Какъ организовать тогда пользованіе ими?» Недостатокъ общихъ идей замѣнялся, такимъ образомъ, желаніемъ глубже проникнуть въ живыя подробности и частности, и разрѣшить затрудненія, которыя, навѣрно, возникнутъ въ жизни.

Другою характерною чертою движенія въ Англіи было значительное число лицъ изъ среднихъ классовъ, поддерживавшихъ его всякимъ образомъ. Одни изъ нихъ открыто присоединялись къ движенію, другіе косвенно помогали ему. Во Франціи и въ Швейцаріи обѣ партіи рабочіе и средніе классы, стояли въ боевомъ порядкѣ другъ противъ друга, рѣзко раздѣленные на два лагеря. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ 1876—1885 годахъ. Когда я жилъ въ Швейцаріи, то знакомства мои были исключительно среди работниковъ; врядъ ли я имѣлъ двухъ или трехъ знакомыхъ изъ среднихъ классовъ. Въ Англіи это было бы невозможно. Значительное число мужчинъ и женщинъ изъ буржуазіи, не колеблясь, открыто являлись въ Лондонѣ и въ провинціи нашими помощниками при устройствѣ соціалистическихъ митинговъ, при сборѣ въ паркахъ денегъ въ пользу стачечниковъ, секретарями въ секціяхъ, организаторами манифестаций. Кромѣ того, мы видѣли зачатки движенія «въ народъ», подобного тому, которое совершилось въ Россіи въ началѣ семидесятыхъ годовъ,—хотя не такого глубокаго, не проникнутаго такимъ же самоотреченіемъ,—иногда, при этомъ, не лишенаго характера благотворительности, который совершенно отсутствовалъ у насъ. Въ Англіи тоже многіе искали всякие способы сближенія съ рабочими, посыпая для этого трущобы и устраивая народные университеты, «поселенія» интеллигентовъ въ трущобныхъ кварталахъ, какъ Тойнби-Холль, и т. д.

Нужно сказать, что тогда действительно существовалъ значительный порывъ энтузіазма. Многіе изъ образованныхъ классовъ думали, безъ сомнѣнія, что соціальная революція уже начинается, какъ это говорить герой

комедія Вильяма Морриса, «Tables Turned», у котораго вырывается фраза: «Революція не только приближается, она уже началась». Случилось, однако, то, что всегда бывает съ подобными энтузіастами: когда они увидѣли, что въ Англіи, какъ и всюду, нужна долгая, упорная предварительная работа, чтобы преодолѣть всѣ препятствія, значительная часть ихъ удалилась отъ борьбы. Теперь они довольствуются ролью сочувствующихъ зрителей.

XVII.

Я принялъ живое участіе въ этомъ движеніи, и съ нѣсколькими товарищами мы основали, въ придачу къ существовавшимъ уже тремъ соціалистическимъ газетамъ, анархическое ежемѣсячное изданіе, «Freedom», которое живетъ и до сихъ поръ. Въ то же время я опять принялъся за научную разработку анархизма, которая была прервана моимъ арестомъ. Критическая часть моей работы—критика современаго общества была издана Элизэ Реклю, когда я находился въ Клервѣ, подъ заглавіемъ «Paroles d'un Révolté» («Рѣчи мятежника»). Теперь я принялъся разрабатывать созиадельную часть анархически-коммунистического общества—насколько его можно предвидѣть—и излагалъ свои взгляды въ рядѣ статей, въ нашей парижской газетѣ «La Révolté» («напѣгъ мальчишка»)—«Le Révolté»,—котораго преслѣдовали за противо-военную пропаганду, долженъ былъ перемѣнить заголовокъ и теперь сталъ «дѣвочкой»). Впослѣдствіи эти статьи, въ переработанномъ видѣ, вышли въ Парижѣ отдельной книгой, подъ заглавіемъ «La Conquête du Pain» (въ русскомъ переводе «Хлѣбъ и Воля», 1902).

Эти работы заставили меня изучить болѣе внимательно нѣкоторыя стороны хозяйственной жизни современныхъ народовъ. Большинство соціалистовъ говорило до тѣхъ поръ, что цивилизованное общество производитъ гораздо больше, чѣмъ требуется для обезпеченія благосостоянія всѣмъ, и что неправильно только распределеніе того, что производится. «Когда,—говорили они,—произойдетъ соціальная революція, каждому останется только вернуться въ свою фабрику или мастерскую и взяться за прежнюю работу». Общество само завладѣть прибавочною стои-

мостью, т.-е. прибылью, идущею теперь капиталисту». Я, напротивъ, убѣдился, что при современной системѣ частной собственности, само производство, ведущееся ради прибыли, приняло ложное направлѣніе, и оно совершенно недостаточно даже для удовлетворенія основныхъ жизненныхъ потребностей всего населенія. При такой низкой производительности «благосостояніе для всѣхъ»—невозможно. Частная собственность и производство ради прибыли прямо-таки мѣшаютъ истинному удовлетворенію потребностей населенія,—какъ онѣ ни скромны въ данное время у громадной массы народа.

Ни одинъ продуктъ, замѣчай я, не производится въ большемъ количествѣ, чѣмъ его требуется для удовлетворенія всѣхъ потребностей. «Перепроизводство», о которомъ такъ часто говорятъ, означаетъ только, что массы слишкомъ бѣдны и не въ состояніи покупать даже предметы первой необходимости, произведенные ими и въ которыхъ сильно нуждаются. А между тѣмъ во всѣхъ образованныхъ странахъ производство, какъ промышленное, такъ и земледѣльческое, очень легко *можетъ* и *должно* быть увеличено до такого уровня, чтобы обеспечить довольство для всѣхъ. Эти мысли повели меня къ изученію того, чѣмъ *можетъ* стать современное земледѣліе, а также, какъ переустроить образованіе на новыхъ началахъ, чтобы дать возможность каждому заняться пріятной и производительной физической и умственной работой, и усилить общую производительность. Я развилъ эти мысли, въ рядѣ статей, появившихся въ «Nineteenth Century» и вышедшихъ потомъ отдельной книгой, подъ заглавиемъ «Fields, Factories and Workshops» (въ русскомъ переводѣ А. Коншина, сперва «Земледѣліе и Промышленность», а потомъ «Поля, Фабрики и Мастерскія»).

Вскорѣ послѣ этого я занялся другимъ важнымъ вопросомъ, который уже раньше привлекъ мое вниманіе. Извѣстно, къ какимъ выводамъ пришло большинство послѣдователей Дарвина—даже такихъ умныхъ, какъ Гѣксли,—въ толкованіи его «борьбы за существованіе». Нѣть такого насилия бѣлыхъ народовъ надъ черными, или же сильныхъ по отношенію къ слабымъ, котораго не старались бы оправдать этими словами, «борьба за существованіе».

Уже во время моего пребыванія въ Клервѣ я чувствовалъ, что необходимо вполнѣ пересмотрѣть самое понятіе

«борьба за жизнь» въ мірѣ животныхъ, а тѣмъ болѣе его приложенія къ міру человѣческому. Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи нѣкоторыми соціалистами, положительно не удовлетворяли меня; и я думалъ объ этомъ вопросѣ, когда нашелъ, въ рѣчи русскаго зоолога, профессора Кесслера, произнесенной на съездѣ русскихъ естествоиспытателей, въ 1880 году, новое, превосходное пониманіе борьбы за существованіе.—«Взаимная помощь,— говорилъ онъ,—такой же естественный законъ, какъ и взаимная борьба; но для *прогрессивнаго* развитія вида первая несравненно важнѣе второй».

Эта мысль, которую, къ сожалѣнію, Кесслеръ доказывалъ въ своей рѣчи лишь весьма немногими фактами (умный Сѣверцовъ сейчасъ же принялъ ее и подтвердилъ двумя-тремя примѣрами), явилась для меня ключомъ ко всей задачѣ. Я написалъ объ этомъ, изъ Клервб, длинное письмо Элизѣ Реклю и началъ собирать материалы изъ жизни животныхъ въ подтвержденіе моей мысли.

Теперь, когда Гёксли, желая бороться съ соціализмомъ, выступилъ, въ 1888 году, въ *Nineteenth Century* со своею жестокою статьею «The Struggle for Existence: a Program» («Борьба за существованіе: программа дѣятельности»), я рѣшился, наконецъ, изложить въ удобочитаемой формѣ материалы, собранные мною за послѣднія шесть лѣтъ, и выставить мои возраженія противъ ходячаго пониманія борьбы за жизнь между животными и между людьми. Я сказалъ объ этомъ нѣкоторымъ англійскимъ друзьямъ; но скоро убѣдился, что «борьба за существованіе», истолкованная, какъ боевой кличъ: «Горе слабымъ!» и возведенная на ступень «естественного закона», освященнаго наукой, пустила въ Англіи такие глубокіе корни, что превратилась почти въ канонъ. Только два человѣка ободрили меня выступить противъ этого ложнаго толкованія жизни природы. Издатель *Nineteenth Century*, Джемсъ Нобульзъ (James Knowles), со своей замѣчательной проницательностью, тотчасъ усмотрѣлъ важность вопроса и сталъ убѣждать меня, съ чисто юношеской пылкостью, взяться за эту работу. Другой былъ Бэтсъ (Bates), авторъ хорошо известной у насъ книги «Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ». Онъ, какъ известно, много лѣтъ собиралъ именно такія данныя измѣнчивости видовъ, на которыхъ Дарвинъ построилъ свои великия обобщенія, и

Дарвинъ въ своей автобіографіи, говорить о немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ умныхъ, встрѣченныхъ имъ, людей. Бѣтъ былъ сеакретаремъ Лондонскаго Географического общества, и я зналъ его. Когда я ему сообщилъ о своемъ намѣреніи, онъ очень обрадовался. «Да, непремѣнно сдѣлайте эту работу!—говорилъ онъ. Это настоящій дарвинизмъ. Просто обидно думать, что они сдѣлали изъ идей Дарвина. Пишите вашу книгу, а когда вы ее издастите, я вамъ пришлю письмо, которое вы можете напечатать.

Лучшаго поощренія нельзя было желать, и я съ удвоенной энергией продолжалъ работу, которая печаталась въ «Nineteenth Century» подъ заглавіями: «Взаимная помощь у животныхъ», затѣмъ—«у дикарей, у варваровъ, въ средневѣковомъ городѣ и въ современномъ обществѣ», а потомъ издалъ все это книгою: «Mutual Aid: a Factor of Evolution») («Взаимная Помощь, какъ факторъ Эволюціи», въ изданіи «Знанія»). Къ сожалѣнію, я не послалъ Бѣтсу двухъ первыхъ статей о взаимной помощи у животныхъ, хотя онъ вышли еще при его жизни. Я надѣялся скоро закончить вторую часть, посвященную взаимной помощи у людей, но мнѣ понадобилось для этого нѣсколько лѣтъ; а тѣмъ временемъ Бѣтъ умеръ.

Изысканія, которыя мнѣ пришлось сдѣлать въ этой работѣ, чтобы ознакомиться съ учрежденіями варварскаго періода и вольныхъ средневѣковыхъ городовъ, привели меня къ другимъ интереснымъ изслѣдованіямъ: а именно,—къ изученію роли государства въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ, со времени новѣйшаго его выступленія въ Европѣ въ XVI вѣкѣ. Съ другой стороны, изученіе учрежденій взаимопомощи въ различные фазы цивилизациіи привело меня къ изысканіямъ о развитіи въ человѣчествѣ идей справедливости и нравственности. Я изложилъ эти работы въ двухъ лекціяхъ. Одна изъ нихъ озаглавлена: «Государство и его роль въ исторіи»; другая называется: «Справедливость и Нравственность». Въ этой второй лекціи я набросалъ свое пониманіе этики, т.-е. общественной нравственности вообще, и эти послѣдніе три года¹⁾ я занялся болѣе полною разработкою мыслей, высказанныхъ въ этой лекціи.

¹⁾ 1895—1898.

За послѣднія десять лѣтъ развитіе соціализма въ Англіи приняло новый характеръ. Тѣ, которые обращаютъ главное вниманіе на число соціалистическихъ и анархическихъ собраний и на число слушателей, привлекаемыхъ ими, готовы заключить, что соціалистическая пропаганда идетъ на убыль; а тѣ, которые судятъ объ успѣхахъ идеи по числу голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ, домогающихся представлять соціализмъ въ парламентѣ, приходятъ къ заключенію, что соціалистическая пропаганда вотъ-вотъ исчезнетъ въ Англіи. Но о глубинѣ и ширинѣ распространенія соціалистическихъ воззрѣній нельзя судить по числу лицъ, приходящихъ на собранія, и еще менѣе того—по числу голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ, въ большей или меньшей мѣрѣ выставляющихъ въ своихъ программахъ требованія соціалистовъ. Въ особенности это были бы невѣрно въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, изъ трехъ соціалистическихъ направленій, разработанныхъ Фурье, Сэнъ-Симономъ и Робертомъ Оуэномъ, въ Англіи и Шотландіи господствуетъ послѣднее. Поэтому о силѣ движенія нужно судить не столько по числу митинговъ и по количеству голосовъ, сколько по проникновенію соціалистическихъ идей въ рабочіе союзы, въ кооперативныя общества и въ такъ называемый муниципальный соціализмъ, также въ умы народа вообще во всей странѣ. Въ однихъ умахъ эти воззрѣнія вполнѣ сознательны, въ другихъ они еще очень неопределены; но для всѣхъ они уже начинаютъ служить мѣркой при оцѣнкѣ экономическихъ и политическихъ явлений.

Если рассматривать Англію съ этой точки зрењія, то неизбѣжно признать, что соціалистическія идеи значительно распространились здѣсь, сравнительно съ 1886 годомъ. И я скажу даже, не колеблясь, что ихъ распространеніе громадное, сравнительно съ тѣмъ, что оно было въ 1876—1882 годахъ. Могу прибавить также, что постоянныя усиленія маленькихъ анархическихъ группъ замѣтно содѣйствовали развитію и распространенію въ рабочей средѣ, а чрезъ нее—и среди вожаковъ, идей объ уменьшѣніи роли всякаго правительства, и о соотвѣтственномъ развитіи правъ личности, независимости мѣстныхъ организацій и возможности свободного соглашенія. Вспомнивши, какъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, повсюду царили идеалы всесильного государства, централизаціи и дис-

циплины, я смѣло могу сказать, что мы не потеряли даромъ своего времени.

Вся Европа переживаетъ теперь очень скверный моментъ—развитія военщины.

Военщина, т.-е. въ военную силу,—неизбѣжное послѣдствіе побѣды, одержанной надъ Франціей, въ 1871 году, военною германской имперію, съ ея системой всеобщей воинской повинности. И неизбѣжность развитія въ Европѣ военщины и имперіализма была предсказана тогда же, въ особенности Бакунинымъ. Къ счастью, начинаетъ уже намѣчаться противоположное теченіе.

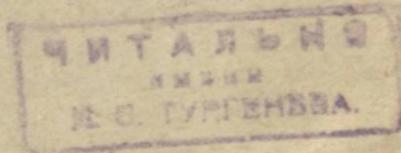
Что же касается коммунистическихъ идей, то съ тѣхъ порь, какъ ихъ стали проповѣдывать, не въ ихъ казарменной или монастырской формѣ, а въ формѣ общеннаго, вольнаго соглашенія, онѣ широко распространились въ Европѣ и въ Америкѣ. Я могъ убѣдиться въ этомъ воочію за послѣднія двадцать-семь лѣтъ, что принимаю дѣятельное участіе въ соціалистическомъ движеніи. Когда я вспоминаю о неопределенныхъ, смутныхъ, робкихъ идеяхъ, выраженныхъ рабочими и ихъ друзьями на первыхъ конгрессахъ Интернаціонала, или обращавшихся въ Парижѣ во время Коммуны, даже среди наиболѣе выдающихся людей, и когда я сравниваю ихъ съ мыслями, распространенными теперь среди громаднаго числа рабочихъ,—я долженъ сказать, что мнѣ эти два пониманія жизни представляются принадлежащими къ двумъ, различнымъ мірамъ.

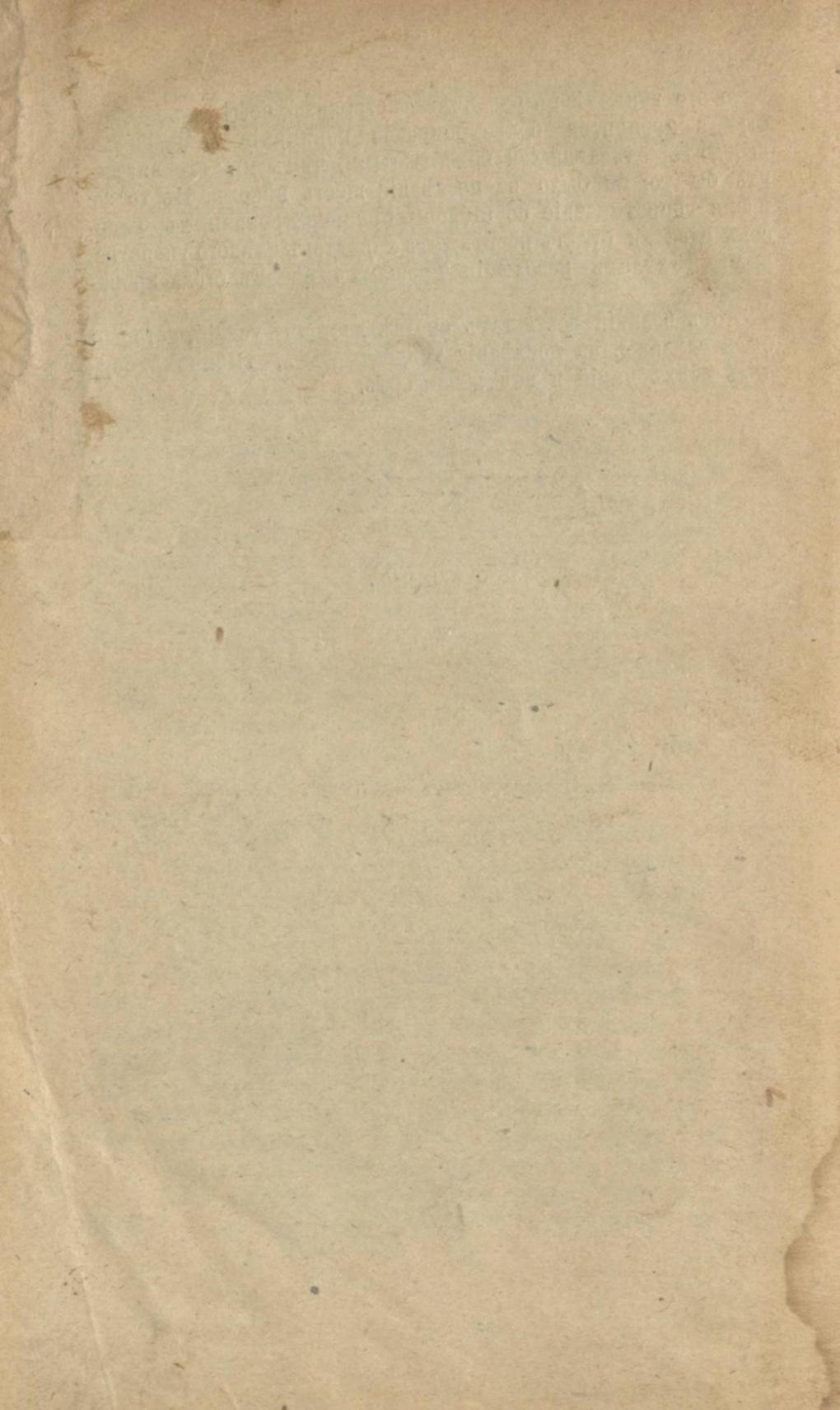
Нѣть периода въ исторіи,—за исключеніемъ, можетъ быть, революціоннаго периода XII вѣка, вызвавшаго къ жизни средневѣковые вѣчевые города, во время котораго идеи общественности пережили бы такое же коренное преобразованіе. И теперь, на пятьдесятъ-шестомъ году жизни, я еще болѣе глубоко убѣжденъ, чѣмъ былъ тридцать лѣтъ тому назадъ, что положеніе Европы таково, что чисто случайное совпаденіе благопріятныхъ обстоятельствъ можетъ вызвать революцію, которая такъ же быстро распространится по всѣмъ странамъ, какъ революція 1848 года, но будетъ имѣть при томъ гораздо болѣе глубокое значеніе: она представить міру не простую борьбу между враждебными политическими партіями, но быстрое и рѣшительное преобразованіе всего общественнаго строя. И я глубоко убѣжденъ, что какой бы характеръ ни при-

няло это движение въ различныхъ странахъ, всюду, въ каждой странѣ проявится болѣе широкое пониманіе соціальныхъ перемѣнъ, сдѣлавшихся неизбѣжными, чѣмъ мы это видѣли гдѣ бы то ни было за послѣдніе шесть вѣковъ. Въ то же время сопротивленіе со стороны привилегированныхъ классовъ едва ли будетъ носить тотъ характеръ слѣпого упорства, который дѣлалъ революціи прошлыхъ вѣковъ столь кровавыми.

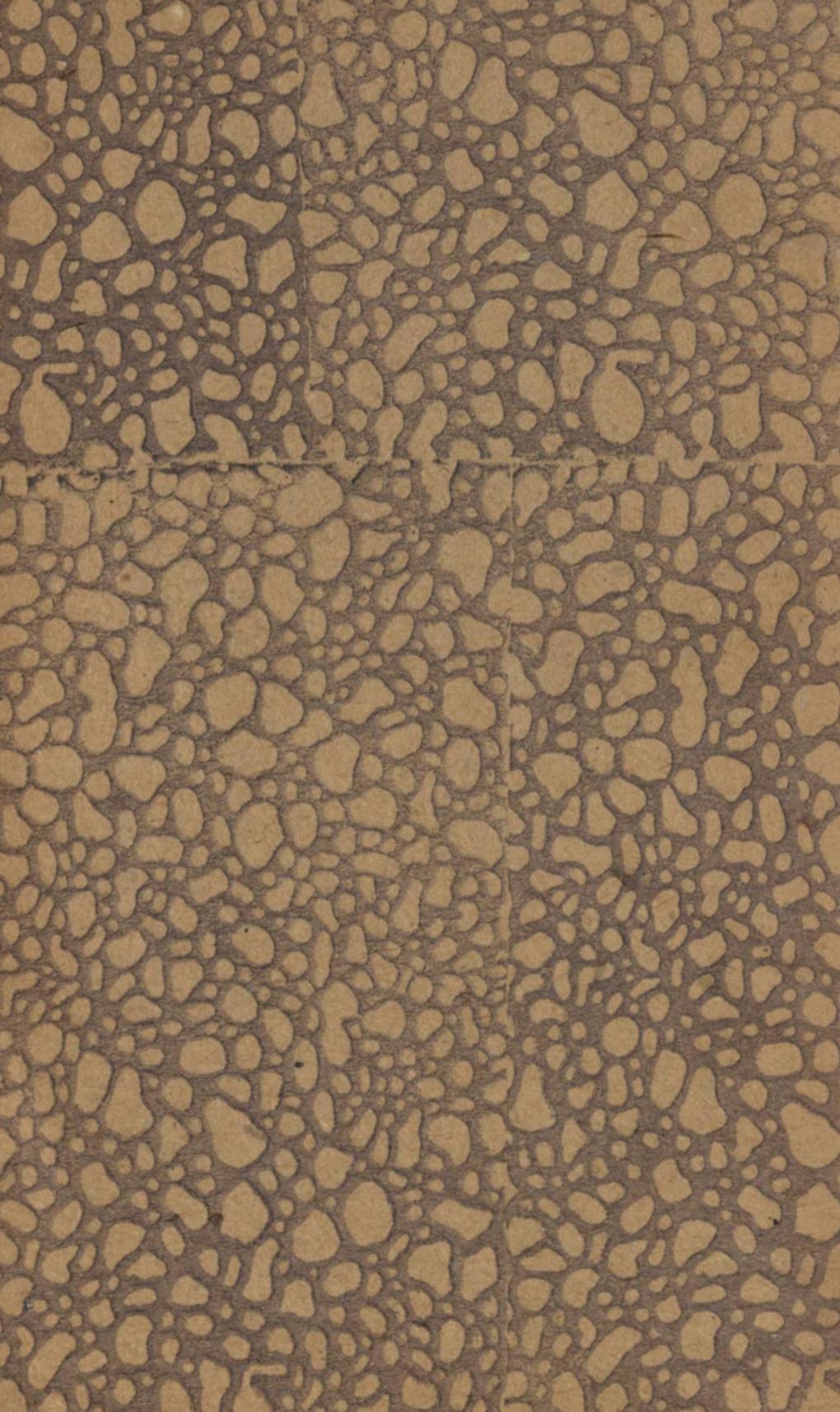
Этотъ великий результатъ вполнѣ достоинъ усилій, которыя были сдѣланы, за послѣднія тридцать лѣтъ, тысячами борцовъ всѣхъ націй и всѣхъ классовъ.

К о н е цъ.

5

BIBLIOTEKA TURGENEVA

0117673